

Ричард МАЙЛЗ

CARTHAGE
MUST BE
DESTROYED

Richard
MILES

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

Ричард
МАЙЛЗ

АСТ
МОСКВА

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(0)32
М12

Серия «Страницы истории»

Richard Miles
Carthage Must be Destroyed

Перевод с английского И.В. Лобанова

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg

Майлз, Ричард

М12 Карфаген должен быть разрушен / Ричард Майлз; пер.
с англ. И.В. Лобанова. — Москва: АСТ, 2014. — 572, [4] с. —
(Страницы истории).

ISBN 978-5-17-084413-5

Карфаген...

Наследник цивилизации финикийских мореплавателей, основавших
множество колоний.

Богатейший город на западном средиземноморском побережье Африки,
обладающий могучим флотом и боеспособной армией.

Торговая держава, господствовавшая в регионе задолго до прихода рим-
лян.

И все же «Карфаген должен быть разрушен!»

Почему не покорен, не завоеван, а именно стерт с лица земли?

По каким причинам существование Карфагена сделалось столь невыно-
симым для его главного конкурента — молодой Римской республики?

На эти и другие вопросы отвечает в своей увлекательной книге историк и
археолог Ричард Майлз.

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(0)32

© Richard Miles, 2010
© Перевод. И.В. Лобанов, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается матери Джули Майлз

Содержание

Хронология.....	9
<i>От автора</i>	15
<i>Пролог. Последние дни Карфагена</i>	17
<i>Предисловие. Разрушен, но не забыт.</i>	21
<i>Глава 1. Финикийцы открывают Запад.</i>	40
<i>Глава 2. Новый город</i>	76
<i>Глава 3. Геракл — Мелькарт</i>	120
<i>Глава 4. Сицилийские войны</i>	137
<i>Глава 5. Карфаген, Александр Великий и Агафокл.</i>	167
<i>Глава 6. Карфаген и Рим</i>	187
<i>Глава 7. Первая Пуническая война</i>	209
<i>Глава 8. Восстание наемников</i>	235
<i>Глава 9. Баркидская Испания</i>	255
<i>Глава 10. Наказ Юпитера</i>	275
<i>Глава 11. По стопам Геракла</i>	298
<i>Глава 12. Дорога никуда</i>	329
<i>Глава 13. Последняя эра героев</i>	358
<i>Глава 14. Гибель Карфагена</i>	376
<i>Глава 15. Пуническая верность.</i>	408
Примечания.....	433
Библиография.....	529

Хронология

Все даты до нашей эры:

969–936 гг. Царствование Хирама I в Тире.

911 г. Начало возрождения Ассирии.

884–859 гг. Царствование Ашшурнасирпала II в Ассирии.

830–810 гг. Основание тирской колонии в Китионе на Кипре.

814 г. Предполагаемая дата основания Карфагена.

800–750 гг. Становление Карфагена. Основание Пифекусы.

800–700 гг. Основание финикийских колоний и торговых факторий в Испании, на Балеарских островах, на Мальте, Сардинии, Сицилии и в Северной Африке.

753 г. Предполагаемая дата основания Рима.

745–727 гг. Царствование Тиглатпаласара III в Ассирии.

704–681 гг. Царствование Синаххериба в Ассирии.

586–573 гг. Осада Тира Навуходоносором, царем Вавилона.

550 г. (приблизительно) Магониды добиваются политического господства в Карфагене.

535 г. Победа карфагенского и этрусского флота над фокейцами в сражении при Алалии.

509 г. Первый договор Карфагена с Римом.

500 г. (приблизительно) Золотые таблички Пирги.

500–400 гг. Предполагаемое время экспедиций Ганнона в Западную Африку и Гимилькона в Северную Атлантику.

- 480 г. Поражение армии магонидского полководца Гамилькара, нанесенное тираном Сиракуз Гелоном в битве при Гимере.
- 479–410 гг. Политические реформы в Карфагене, в том числе учреждение Трибунала ста четырех, Народного собрания и института суфетов.
- 409 г. Разрушение Селинунта и отвоевание Гимеры карфагенскими войсками.
- 405 г. Договор с Дионисием, тираном Сиракуз, о признании карфагенского протектората над западной частью Сицилии.
- 397 г. Разрушение Мотии Дионисием, тираном Сиракуз, и последующее основание карфагенянами Лилибея (Марсалы).
- 396 г. Введение культа Деметры и Коры в Карфагене.
- 390–380 гг. Магониды теряют политическую поддержку в Карфагене.
- 373 г. Договор между Карфагеном и Сиракузами.
- 348 г. Второй договор между Карфагеном и Римом.
- 340 г. Сиракузская армия Тимолеона наносит поражение карфагенянам в битве при Кримисе.
- 338 г. Новый договор между Карфагеном и Сиракузами, по которому господство Карфагена на Сицилии ограничивается землями к западу от реки Галик (Платани).
- 332 г. Осада и взятие Тира Александром Великим.
- 323 г. Смерть Александра Великого.
- 310–307 гг. Вторжение в пуническую Северную Африку Агафокла, тирана Сиракуз.
- 308 г. Неудавшаяся попытка переворота, предпринятая карфагенским полководцем Бомилькаром.
- 306 г. Предполагаемый третий договор между Карфагеном и Римом.

Хронология

- 280–275 гг. Войны Пирра, царя Эпира с римлянами и карфагенянами.
- 279 г. Договор Карфагена и Рима против Пирра.
- 264 г. Начало Первой Пунической войны между Карфагеном и Римом.
- 260 г. Победа римлян в морском сражении при Милах.
- 256–255 гг. Экспедиция Регула в Северную Африку.
- 249 г. Победа карфагенян в морском сражении при Дрепанах.
- 247 г. Назначение Гамилькара Барки командующим в Сицилии. Рождение Ганнибала Барки.
- 241 г. Поражение карфагенян в морском сражении при Эгатах. Карфаген просит мира, Первая Пуническая война завершается победой римлян. Карфаген теряет владения на Сицилии.
- 241–238 гг. Восстание наемников.
- 237 г. Аннексия Римом Сардинии и Корсики.
- 237–229 гг. Гамилькар Барка устанавливает протекторат Баркидов в Южной Испании.
- 231 г. Предполагаемое первое римское посольство к Гамилькару Барке.
- 229 г. Смерть Гамилькара Барки, командование принимает его зять Гасдрубал.
- 228–227 гг. Предполагаемое неудачное возвращение Гасдрубала Барки в Карфаген.
- 227 г. Основание Нового Карфагена Гасдрубалом.
- 226 г. Договор Гасдрубала с римлянами.
- 221 г. Убийство Гасдрубала. Ганнибал Барка провозглашается командующим армиями карфагенян в Испании.
- 220 г. Встреча Ганнибала с римскими послами в Новом Карфагене.

- 219 г. Ганнибал осаждает Сагунт.
- 218 г. Римское посольство в Испанию и затем в Карфаген. Рим объявляет войну Карфагену, и начинается Вторая Пуническая война. Ганнибал отправляется с армией в Италию (июнь). Битвы при Тицине и Требии (ноябрь и декабрь).
- 217 г. Битва у Тразименского озера (июнь).
- 216 г. Битва при Каннах (август). Переход Капуи на сторону Ганнибала.
- 215 г. Договор Ганнибала с Филиппом V Македонским. Гиероним становится царем Сиракуз.
- 214 г. Убийство Гиеронима. Гиппокрит и Эпикид избираются магистратами и объявляют Сиракузы союзником Карфагена.
- 213 г. Осада Сиракуз римлянами под командованием Марцелла.
- 212 г. Переход на сторону Ганнибала Тарента, Локр, Фурий и Метапонта. Римляне осаждают Капую. Марцелл покоряет Сиракузы.
- 211 г. Ганнибал идет к Риму. Капитуляция Капуи. Гибель Сципионов в Испании.
- 209 г. Фабий захватывает Тарент. Взятие Нового Карфагена Сципионом Африканским.
- 208 г. Гибель Марцелла. Сципион Африканский наносит поражение Гасдрубалу Барке (брату Ганнибала) в битве при Бекуле. Гасдрубал уходит с армией в Италию.
- 207 г. Гасдрубал терпит поражение и гибнет в битве при Метавре.
- 206 г. Ганнибал попадает в западню в Бруттии. Сципион наносит поражение карфагенянам в битве при Илипе. Гадесдается римлянам. Нумидийский царь Сифак становится союзником Карфагена.
- 205 г. Филипп V Македонский заключает мир с Римом.

Хронология

- 204 г. Сципион Африканский вторгается в Северную Африку. Разгром карфагенского и нумидийского лагерей под Утикой.
- 203 г. Поражение карфагенян и нумидийцев в битве на Великой равнине. Гибель Сифака, Масинисса становится царем Нумидии. Ганнибал отзывается из Италии.
- 202 г. Битва при Заме (октябрь).
- 201 г. Окончание Второй Пунической войны.
- 196 г. Ганнибал избирается суфетом.
- 195 г. Ганнибал удаляется в изгнание в Восточное Средиземноморье.
- 184 г. Рим игнорирует жалобы карфагенян на вторжения нумидийцев в их земли.
- 183 г. Самоубийство Ганнибала в Вифинии.
- 182 г. Рим вновь отвергает жалобы карфагенян на агрессию нумидийцев.
- 174 г. Римляне в очередной раз попустительствуют вторжениям нумидийцев Масиниссы на карфагенскую территорию, игнорируя жалобы карфагенян.
- 168 г. Римляне наносят сокрушительное поражение македонянам в сражении при Пидне.
- 162 г. Масинисса захватывает эмпорию Малого Сирта. Рим пренебрегает жалобами карфагенян.
- 153 г. Римское посольство в Карфаген.
- 151 г. Карфаген завершает выплату Риму контрибуции по итогам Второй Пунической войны.
- 151–150 гг. В Карфагене к власти приходят популисты.
- 150 г. Римский сенат принимает решение завоевать Карфаген. Начинается Третья Пуническая война.
- 149 г. В Карфагене к власти возвращаются олигархи Ганнона. Начало осады Карфагена.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

146 г. Разрушение Карфагена Сципионом Эмилианом. Разрушение Коринфа римской армией Луция Муммия.

122 г. Безуспешные попытки Гая Гракха основать римскую колонию на месте разрушенного Карфагена.

29 г. Август начинает строительство нового римского Карфагена.

29–19 гг. Вергилий пишет «Энеиду».

От автора

Эта книга никогда бы не состоялась без соучастия незримых помощников, оказывавших практическое содействие и моральную поддержку.

Прежде всего я чрезвычайно признателен за помощь и советы редакторам Саймону Уиндеру и Уэнди Вулф в издательствах «Пенгуин» и «Викинг», а также Питеру Робинсону. Приношу свою благодарность Филиппу Буду, Питеру Гарнси, Ираду Малкину, Робину Осборну и Петеру Ван Доммелену за очень ценные комментарии и замечания по отдельным главам книги. Мне безмерно помогли прояснить многие детали истории Карфагена и древнего Средиземноморья беседы с Ролдом Доктером, Генри Херстом, Декстером Хойосом, Тимом Уитмаршем, Клодией Кунце, Майком Клоувером, Джимом Маккеоном, Мартином Дэвидсоном, Джозефом Максуэллом и ныне покойными Фридрихом Ракобом и Диком Уиттакером. Безусловно полезными были семинары в Лондонском университете, университетах Иллинойс-Шампейн-Урбана, Висконсин-Мэдисон, Кембриджа и Сиднея.

В значительной мере книга была написана во время академического отпуска в 2007–2008 годах в Институте гуманитарных исследований университета Висконсин-Мэдисон. Я премного благодарен директору института Сьюзан Фридман, преподавателям и сотрудникам за создание истинно творческой и благожелательной атмосферы для работы. Я также признателен за дружескую поддержку преподавателям и сотруд-

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

никам факультета классической истории и Тринити-колледжа Кембриджского университета.

И наконец, выражаю свою любовь и особую благодарность Камилле, Мейси, Джесами и Габриелу, которым пришлось так долго переносить мои карфагенские страдания.

*Кембридж
Май, 2009 год*

Пролог

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КАРФАГЕНА

Карфаген выдерживал осаду почти три года, до весны 146 года*, когда римский командующий Сципион Эмилиан все-таки завладел истрадавшимся и обессиленным городом.

Но римлянам было нелегко покорить даже доведенный до полного истощения город. Он располагался на полуострове, образованном песчаниковыми холмами. На северо-востоке и юго-востоке, подобно двум клыкам, в море выдвигались узкие выступы, причем юго-восточный мыс отсекал море и создавал большую лагуну, которая теперь превратилась в Тунисское озеро. Северную часть полуострова защищали крутые песчаниковые скалы, а на южной равнине были возведены крепостные стены, рвы и валы.

Со стороны моря за высоченной стеной укрывались две гавани. Из-за нехватки жизненного пространства карфагенянам пришлось поступиться безопасностью. Если прежде между стеной и ближайшими зданиями ничего не строилось, то за последнее время всю территорию до самой стены заполнили дома. Это позволяло римлянам поджигать их и помогало во время штурма¹. Хотя сами стены были почти неприступными: они сооружались из огромных песчаниковых блоков весом более 13 тонн. Блоки облицовывались белой штукатуркой, не только защищавшей их от непогоды, но и создававшей знаме-

* Даты, относящиеся к истории Древнего мира, если нет иных указаний, — до нашей эры. — *Здесь и далее примеч. пер.*

нитый мраморный блеск, которому поражались мореплаватели, подходя к гаваням города².

От гаваней — торговой и военной — оставалось лишь напоминание о былом величии Карфагена как морской державы. Они занимали территорию около 13 гектаров. Для их сооружения вручную было вынуто 235 000 кубических метров породы. Прямоугольная торговая гавань располагала многочисленными причалами и складами, принимавшими товары со всего Средиземноморья³. В эллингах круглой военной гавани могли одновременно находиться 170 боевых кораблей⁴. Сейчас причалы и эллинги бездействовали. Римляне блокировали гавани, перегородив вход дамбой.

После того как римляне заперли Карфаген и с материковой стороны, прекратилось поступление продуктов и в городе начался голод. Сохранились материальные свидетельства тяжелой участи его обитателей. В какой-то момент в городе пере-

стали убирать отходы и мусор (кошмар для жителей и благо для археологов)⁵. Похоже, убирались только трупы умерших от голода и болезней. При этом никто уже не оплакивал покойников, тела и богатых, и бедных хоронили в общих могилах неподалеку от того места, где они жили⁶.

Защитников города Сципион застал врасплох. Карфагенский командующий Гасдрубал ожидал нападения на торговый порт, но римляне вначале атаковали военную гавань. Отсюда они быстро овладели знаменитой агорой Карфагена, рыночной площадью, где по приказу Сципиона разбили лагерь на ночь. Римские воины, предвкушая победу, занялись грабежом и унесли все золото из храма Аполлона⁷.

Карфаген делился на две взаимосвязанные части. Нижний город представлял собой прямоугольник, заполненный решеткой улиц. По склонам Бирсы улицы располагались радиально⁸. Завладев предместьями на равнине, Сципион подвел свежие войска для штурма цитадели. Солдаты передвигались осторожно, опасаясь засад. Вверх по крутым склонам вели три узкие улицы. На них высились шестиэтажные дома, с крыш которых горожане забрасывали легионеров камнями. Тогда Сципион приказал солдатам брать штурмом каждый дом, подниматься на крыши и ликвидировать метателей камней. Здесь легионеры из досок сооружали мостки и по ним перебирались с одного дома на другой. Свирепые рукопашные схватки теперь завязались не только на улицах, но и на крышах зданий.

Выиграв войну на крышах, Сципион приказал поджечь дома. Дабы облегчить и ускорить продвижение войск на вершину холма, он повелел также очистить улицы от обломков и руин. Сверху на римлян падали не только горящие стропила или брусья, но и тела детей и стариков, укрывавшихся в потайных комнатах зданий. Многие из них, хотя и покалеченные и обожженные, все еще были живы, и душераздирающие крики дополняли гул пожаров и рушившихся домов. Одних раздавила конница, двигавшаяся по улицам на вершину Бирсы, других постигла еще более ужасная смерть: чистильщики улиц

железными вилами сбрасывали их в погребальные ямы вместе с трупами.

Шесть дней и ночей на улицах Карфагена продолжалась бойня, и Сципион постоянно менял свои команды душегубов. На седьмой день к нему пришла делегация карфагенских старейшин с оливковыми ветками из храма Эшмуна и мольбами сохранить жизнь согражданам. Римский полководец внял их просьбам, и в тот же день через узкие ворота в стене отправились в рабство 50 000 мужчин, женщин и детей.

Большинство граждан Карфагена сдались на милость победителя, но Гасдрубал с семьей и девятьюстами римскими перебежчиками, которых Сципион вряд ли простил бы за дезертирство, продолжали упорствовать. Они укрылись в храме Эшмуна и, пользуясь его особым статусом и труднодоступностью, могли продержаться еще какое-то время. Голод, физическое истощение и страх все-таки вынудили их подняться на крышу и там принять добровольную смерть.

Однако Гасдрубал не пожелал разделить участь своих товарищей. Бросив их и семью, он тайком бежал, сдавшись Сципиону. Зрелище полководца, пресмыкающегося у ног злейшего врага, лишь укрепило убежденность уцелевших защитников Карфагена в неизбежности самоубийства. Посылая проклятия Гасдрубалу, они подожгли храм, чтобы погибнуть в огне.

Собственная супруга Гасдрубала, окруженная перепуганными детьми, вынесла ему страшный приговор, осудив на вечный позор: «Мерзавец, предатель, заячья душа, пусть же этот огонь погребет и меня, и детей, а ты, вожь великого Карфагена, украсишь триумф римлянина. Но и тебе не избежать кары того, у чьих ног сидишь». После этого она убила детей, бросив их тела в огонь, и сама кинулась в пламя. Так закончилась 700-летняя история Карфагена⁹.

Предисловие

РАЗРУШЕН, НО НЕ ЗАБЫТ

Щит Ганнибала

В конце I века нашей эры Силий Италик, очень богатый римский сенатор с задатками литератора, написал эпическую поэму под названием «Пуника» — о Второй Пунической войне между Карфагеном и Римом. Лишенный поэтического дара автор сочинил 12 000 строк только благодаря исключительной тщеславности. Самым запоминающимся, пожалуй, является описание оружия и бронзовых доспехов, усиленных сталью и декорированных золотом, которые подарили галисийские кузнецы карфагенскому полководцу Ганнибалу в Испании. Но, как повествует Италик, Ганнибала восхитили не искусно сделанные шлем с плюмажем, нагрудник с тремя выпуклостями, меч и копье. Полководца привели в восторг сюжеты из летописи Карфагена, выгравированные на огромном щите. Исторический коктейль состоял из основания города тирской царицей Дидоной, роковой любви Дидоны и троянского прародителя римлян Энея, сцен, отображающих первую войну между Карфагеном и Римом и раннюю жизнедеятельность самого Ганнибала. Эти исторические эпизоды перемешивались с местной, этнической, предположительно «африканской» буколической: сценами охоты, усмирения диких животных, выпаса домашнего скота. По описанию Италика, Ганнибал,

искренне обрадовавшись подарку, воскликнул: «Ага! Сколько римской крови прольет это оружие!»¹

Облаченный в новые доспехи карфагенский полководец преподаст поучительный исторический урок. Но поучительный для кого? Для карфагенян или римлян? Конечно, эта предыстория самой знаменитой войны Рима — по большей части чистейший вымысел. «Ну и что?» — скажут. Ведь «Пуника» не историческое исследование, а эпическая поэма, пусть и не самая лучшая. Однако к тому времени, когда Силий писал поэму, то есть через 250 лет после разрушения Карфагена, сюжеты, выгравированные на щите Ганнибала, стали историческими «фактами», иллюстрирующими величие Рима. Мало того, «исторические» эпизоды, изображенные на щите Ганнибала, трактовались негативно: карфагеняне представлялись нечестивыми, кровожадными, коварными и лживыми. В одной из сценок Ганнибал разрывает договор с Римом, совершая акт, спровоцировавший Вторую Пуническую войну, — иллюстрация уже утвердившейся исторической ортодоксии, в соответствии с которой не римские амбиции, а вероломство самого Карфагена повинно в его крахе. Римляне же придумали и саркастическое латинское выражение *fides Punica*, «пуническая верность», означающее бесстыдное коварство².

Но не римлянам принадлежит пальма первенства в создании стереотипов о лживости, алчности, ненадежности, жестокости, высокомерии и нечестивости карфагенян³. Как и многие другие свойства римской культуры, этническая неприязнь к карфагенянам заимствована у греков, прежде всего у тех греков, которые поселились и обитали на Сицилии и до возвышения Рима были главными соперниками Карфагена в борьбе за торговое и политическое господство в регионе. Однако именно римляне загубили не только город Карфаген, но и его историю, передав в 146 году содержимое всех библиотек своим союзникам, нумидийским царям⁴, обеспечив себе монополию на толкование событий.

Но исчезновение документальных свидетельств вовсе не означает, что у Карфагена не было собственной истории. Рим присвоил не только территории и ресурсы Карфагена, но и его прошлое. Карфаген сыграл свою особую роль в римском мифотворчестве. Уже во время войн с Карфагеном римляне начали создавать собственную историю, и разрушение Карфагена вошло в канон исторической ортодоксии Рима, подтверждая его величие и исключительность.

Тени прошлого

Прославленные карфагенские герои, мифологические и реальные, превратились в статистов ранней римской истории. Знаменитый роман Дидоны и Энея, закончившийся предательством троянца, бросившего свою возлюбленную, карфагенскую царицу, и уплывшего в Италию, где его потомки основали Рим, безусловно, вымышлен римским поэтом Вергилием многие годы спустя после разрушения Карфагена. Хотя Дидона скорее всего впервые появилась в ранних финикийских и греко-сицилийских легендах, ее образ интересовал и более поздних римских писателей⁵. Даже Ганнибал, самый прославленный карфагенянин, удостоился бессмертия только благодаря тому, что оказался полезным в увековечивании гения великого римского полководца Сципиона Африканского.

Карфаген был слишком важен для Рима, чтобы предать его полному забвению. Многие влиятельные римляне восприняли победу над Ганнибалом во Второй Пунической войне как свой личный триумф. Но и многие считали большой ошибкой уничтожение Карфагена, поскольку он мог и впредь служить фоном для акцентирования внимания на величии Рима⁶.

Карфаген был разрушен, но не забыт. И спустя многие годы руины напоминали о трагических событиях. Парадоксально, но память о них сохранял именно тот народ, который и погубил город⁷. Римские сановники утешали свои горести и невзгоды прогулками (мысленными, конечно) по печальным

руинам когда-то самого величественного города Древнего мира. Участь Гая Мария, римского полководца, изгнанного политическими оппонентами через полвека после разрушения Карфагена и жившего в нищенской лачуге среди развалин, дала повод Веллею Патеркулу написать: «Марий, вззирающий на Карфаген, и Карфаген, вззирающий на Мария, находили успокоение друг в друге»⁸. Естественно, какое-либо сожаление по поводу утраты Карфагена вовсе не означало, что к нему появилось некое почтительное отношение. Оно свидетельствовало лишь о ностальгии по тому времени, когда римляне были настоящими римлянами.

Доказательства успешной переделки истории Карфагена обнаруживаются повсюду — даже в терминологии, которой пользуются современные очеркисты в описании города и его жителей. Мы привычно называем «пуническим» исторический период, начинающийся с VI века до н. э., имея в виду при этом не только Карфаген, но и всю диаспору финикийских колоний в Северной Африке, на Сардинии, в западной части Сицилии, на Мальте и Балеарских островах, а также в Южной и Юго-Восточной Испании. Однако этим определением не пользовались ни сами карфагеняне, ни их левантийские соплеменники в Западном Средиземноморье, карфагенян обозвали так римляне. Латинские названия *Poenus* (пуниец) и *Punicus* (пунический), которые римляне употребляли в отношении карфагенян, вовсе не были нейтральными и безобидными. Как заметил один историк, римские писатели почти всегда вкладывали в них бесчестящий и уничижающий смысл и этому термину придавался негативный оттенок⁹.

Негативные представления о карфагенянах оказались очень устойчивыми, особенно идея, будто агрессивность Карфагена стала причиной его ужасной гибели. Когда поэту и драматургу Бертольту Брехту потребовалось найти историческую метафору для того, чтобы напомнить немцам в пятидесятых годах прошлого века об опасностях ремилитаризации, он обратился к событиям, происходившим две тысячи лет назад: «Великий

Карфаген провел три войны. После первой он все еще сохранял могущество. После второй он все еще был пригоден для жизни. После третьей его уже не существовало»¹⁰.

Многие этнические предубеждения, присущие греческим и римским текстам, с энтузиазмом переняли и адаптировали просвещенные элиты Европы и Америки XVIII и XIX веков, заинтересовавшиеся классической древностью. Соображения, которые они вычитывали в греческой и римской литературе, быстро стали их собственными воззрениями. В республиканской Франции, к примеру, вошло в привычку называть британцев, обитателей «*La perfide Albion*»*, карфагенянами современной Европы¹¹. Идеологическая инфекция вскоре заразила всю Европу и перекинулась через океан¹². Томас Джефферсон, президент Соединенных Штатов в 1801–1809 годах, писал о Британии: «Ее праведность! Праведность нации торгашей! *Punica fides* современного Карфагена»¹³. Нация лавочников не заслуживает доверия¹⁴.

Имитация древних предрассудков великими державами Европы XIX века не имела ничего общего с восхищением античностью. Во время колониальных захватов земель во второй половине XIX века Римская империя служила примером для новых имперских держав, а Карфаген — моделью варварских и неполноценных народов, которые они поработщали. Когда французы начали смаковать тему «коварного Альбиона», они таким образом утверждали собственные имперские амбиции и подрывали притязания Британии на роль нового Рима¹⁵.

Для французов, начиная с тридцатых годов XIX века добивавшихся господства в Магрибе, были особенно привлекательны истории о жестокости, декадентстве и плутовстве карфагенян, изобиловавшие в греческой и римской литературе: они переносили их на арабов, живших теперь в этом регионе. Наиболее ярко эти стереотипы отражены в новелле Гюстава Флобера «Саламбо». Она опубликована в 1862 году. В ней описываются события в древнем Карфагене, насыщенные сек-

* «Коварного Альбиона» (фр.).

суальным садизмом, необычайной жестокостью и отвратительной роскошью¹⁶. Иными словами, Флобер в полной мере учел предвзятые представления, бытовавшие в Западной Европе о декадентском Востоке. В то же время он бросал камень и в огород французской буржуазии, которую Флобер презирал за религиозный консерватизм, материализм и политическое банкротство¹⁷.

Влияние древнеримских авторов на характер современных представлений о Карфагене проявилось и в язвительной критике новеллы «Саламбо». Она, конечно, совершенно не касалась жестокости, сексуальных сцен и разврата, присутствующих почти на каждой странице. Критики возмущались неясностью главной темы. Один критик с негодованием написал: «Вы думаете, что мне интересна война в теснинах и песках Африки?.. Что для меня дуэль между Тунисом и Карфагеном? Расскажите мне о дуэли между Карфагеном и Римом! Я послушаю, мне это занято. Свирепая борьба между Римом и Карфагеном — от нее зависело будущее цивилизации»¹⁸. Причина недовольства очевидна: для образованного человека история Карфагена не представляет никакого интереса без участия в ней Рима.

Карфаген мог снабдить привлекательными прецедентами и угнетателей, и угнетенных. Участь Карфагена, как жертвы культурного вандализма беспощадного завоевателя, могла кому-то напомнить о собственных невзгодах и навести на мысль о генетической общности. Ирландские любители древности, возмущенные англоманскими утверждениями, будто ирландцы являются потомками скифов, древнего народа, обитавшего на побережье Черного моря и прославившегося своей лютостью, в XVIII веке выдвинули иную гипотезу: их прародителями-де были карфагеняне. Вполне уважаемые люди даже пытались приписать финикийцам мегалитические могильники в долине Бойн и отыскать корни ирландского языка в пунической письменности¹⁹. Эти теории, естественно, вызывали насмешки в Англии. Мы позволим себе привести язвительные строки Байрона:

Был мой герой «не парень, а бульон»,
Как говорят ирландцы по-пунически.
(Ученый мир недавно извещен,
Что в Карфагене был язык кельтический,
И Патриком доныне сохранен
Дух Ганнибала. В тунике классической
Душа Дидоны в Эрине живет —
Так волен думать каждый патриот.)^{20*}

Во времена политических волнений в Северной Ирландии, хотя историческая достоверность карфагенской наследственности уже больше никого не интересовала, писатели, особенно Хини Шеймас, охотно использовали Карфаген в качестве сильнорействующей метафоры при обсуждении ситуации на острове²¹.

Кризис в Ираке тоже предоставил политическим комментаторам блестящие возможности для сопоставления несчастий, обрушившихся на эту страну, с участью Карфагена²². Американский социолог и историк Франц Шурман в эссе «Ирак должен быть разрушен» написал:

«Две тысячи лет назад римский государственный муж Катон Старший, не переставая, призывал: “*Delenda est Carthago!*” — “Карфаген должен быть разрушен.” Он нисколько не сомневался в том, что либо Рим, либо Карфаген должны господствовать в Западном Средиземноморье, но никак не оба государства. Победил Рим, и Карфаген был стерт с лица земли.

Ирак стал Карфагеном Вашингтона».²³

Неудобное историческое обстоятельство, указывающее на то, что пунический мир занимал значительную часть Южной Европы, обычно игнорируется: мы привыкли считать себя наследниками Греции и Рима. В этом отношении изображение Ирака в роли нового Карфагена весьма показательно: тем

* Байрон Джордж Гордон, «Дон Жуан». Собрание сочинений в четырех томах. Том I. — М.: Правда, 1981. *Перевод Т. Гнедич.*

самым проводится четкая грань между нами и народами Ирака и Карфагена. Шурман не столько защищает Ирак, сколько оттеняет одержимость Америки идеей стать Римом XXI века. Можно задать себе вопрос: что общего может быть у современного Ирака и Ирландии XVIII века с древним Карфагеном? Ответ: практически ничего, кроме подавления и порабощения других наций новыми «Римами», не важно, кто берет на себя эту роль — георгианская Британия или современная Америка.

Творцы истории Карфагена

При том изобилии сомнительных толкований, искажений, древних и современных, и разрушений, совершенных за более чем две тысячи лет, напрашивается закономерный вопрос: кто и как создавал историю Карфагена? Почему в ней карфагеняне предстают в основном как агрессоры, достойные поношения, или мученики?²⁵ Этот вопрос приобретает особую актуальность ввиду практически полного отсутствия сохранившихся письменных и иных документальных свидетельств самих карфагенян.

До нас дошли отдельные признаки существования в Карфагене письменности и литературы. В выгоревших руинах святилища (первооткрыватель немецкий археолог Фридрих Ракоб идентифицировал его как храм Аполлона, разграбленный римлянами в 146 году) найдены следы архива, в котором, как можно предположить, содержались завещания и контракты: горожане верили в то, что документы будут в целости и сохранности под защитой божества. Папирусные свитки были скреплены глиняными печатями владельцев. В огне пожаров, спаливших Карфаген, глиняные печати спеклись, пролежав века в ожидании археологов, но сами бесценные документы сгорели²⁶.

Нехватка исторических свидетельств обычно компенсируется воображением. Однако нам не следует думать, что полки

библиотек Карфагена ломились от свитков, хранивших свод пунических и ранних ближневосточных познаний и теперь утраченных. Хотя в древние времена и распространялись слухи о загадочных пергаментях, спрятанных перед гибелью Карфагена, и мы находим в более поздней римской литературе отрывочные упоминания пунических хроник, Карфаген вряд ли был таким же научным и интеллектуальным центром, как Афины или Александрия²⁷.

Как бы то ни было, римлян больше интересовала не пуническая литература, а карфагенская техническая мысль. Завладев городом, римский сенат повелел отправить в Рим и перевести на латынь все двадцать восемь томов сельскохозяйственного трактата карфагенянина Магона²⁸. Его труд цитируется в многочисленных римских, греческих, византийских и арабских текстах, но, к сожалению, для нас он не сохранился²⁹. Несмотря на исчезновение трактата, современные исследователи превозносят его как агрономическую библию древнего мира³⁰.

Изучение истории Карфагена иногда напоминает чтение записи разговора, из которой удалены мнения и высказывания одного из собеседников. В нашем случае нам приходится полагаться на сведения греческих и римских писателей и на их основе попытаться понять суть событий. Но и «одностороннее» историческое обсуждение позволяет воссоздать изъятия или упущения. Вследствие идеологии и эголизма неизбежны разногласия даже между историками, солидарными в своем враждебном отношении к предмету исследования. Противоречия и расхождения во мнениях позволяют преодолеть ущерб, который наносят предвзятые суждения и оценки.

Общую тональность отображению истории Карфагена, очевидно, задал сицилийский грек Тимей Тавроменийский. Он жил приблизительно в 345–250 годах и составил летопись своего острова, которая завершается 264 годом, временем начала Первой Пунической войны между Карфагеном и Римом³¹. Поскольку в V и IV веках Карфаген активно утверждался на

Сицилии политическими, экономическими и военными средствами, то и в повествовании Тимея ему отведено значительное место. Фактически об этом периоде истории Карфагена нам известно в основном от Тимея.

Тем не менее к его «свидетельствам» надо относиться с осторожностью. Во-первых, он, в сущности, является «историком-призраком»: его труды в оригинальном виде до нас не дошли. О них мы знаем по творениям более поздних греческих и римских историков, которые с удовольствием пользовались его сочинениями³². Современные исследователи могут почерпнуть исторические сицилийские описания Тимея из произведений его обожателей, особенно Диодора Сицилийского, тоже грека, творившего в I веке нашей эры*. Во-вторых, Тимей большую часть своей сознательной жизни провел в изгнании в Афинах вдали от событий, которые описывал. Но самое главное — хронист, судя по всему, испытывал непреходящее чувство ненависти по отношению к карфагенянам.

Восприятие Карфагена Тимеем предсказуемо негативное и предубежденное. Поверхностные суждения о мотивах и проблемах Карфагена резко контрастируют с подробным и сбалансированным анализом стратегий греко-сицилийских вождей³³. Тимей настойчиво внушает идею, будто Карфаген являлся агентом варварского Востока на Западе и карфагенянам свойственна этническая ненависть к грекам³⁴. Он представляет карфагенян собственниками несметных ресурсов, которые позволяли им формировать огромные экспедиционные силы для уничтожения греческих общин, живших на острове Сицилия³⁵.

Тимей наградил карфагенян неприязненными этническими стереотипами, например, изнеженностью, что, по его мнению, доказывалось привычкой держать руки в одеяниях и носить набедренные повязки под туникой³⁶. Особенно его

* Годы жизни Диодора Сицилийского: ок. 90–21 до нашей эры. Его главный труд «Историческая библиотека» охватывает период с легендарных времен до середины I века до н. э.

ужасала якобы присущая карфагенянам одержимость человеческими жертвоприношениями, в том числе детей. В подтверждение этого страшного обвинения хронист рассказывает о массовом убийстве младенцев для умиловления богов во время осады Карфагена греческим полководцем Агафоклом³⁷. Естественно, Тимей изображает карфагенян исключительно жестокими и безжалостными: «Они не щадили пленных и не проявляли милосердия к собственным жертвам судьбы, подвергая одних распятию, а других — невыносимым надругательствам»³⁸. Даже милосердие карфагенян по отношению к женщинам, укрывавшимся в храмах захваченного сицилийского города Селинунта, Тимей объясняет святотатственной алчностью: они-де боялись, что беглянки подожгут святилища и лишат их возможности поживиться грабежом³⁹. Нечестивость карфагенян — излюбленная тема в сицилийском опусе Тимея. Они постоянно разворовывают храмы и даже гробницы греков, за что боги карают их, насылая чуму, бури и военные поражения.

В таком же ключе Тимей отображает и отношение карфагенян к греческой культуре. Он описывает, как карфагенский полководец Гимилькар, захватив и разграбив Акрагант, отправляет картины и изваяния в Карфаген, а горожане пытаются помешать этому, поджигая святилища⁴⁰.

Безусловно, к свидетельствам Тимея, приводимым в «Исторической библиотеке» Диодора, следует относиться критически, но и малопродуктивно отвергать их как фикцию. Несмотря на предвзятость и фрагментарность изображения карфагенян, преувеличения и клише, описание им этнического конфликта в Сицилии очень полезно уже по той причине, что оно отражает реакцию на гораздо более сложный процесс сосуществования пунического и греческого населения на острове.

К счастью, мы располагаем и показаниями историков, симпатизировавших карфагенянам, — греков Филина из Акраганта (описавшего Первую Пуническую войну), Сосила и Силе-

на (спутников Ганнибала во Второй Пунической войне)⁴¹. Хотя сохранились лишь фрагменты их сочинений, нам повезло, что нашлись добросовестные римские авторы, широко использовавшие оригиналы этих произведений. К их числу относится римский писатель конца II века Целий Антипатр. Его труд тоже не выдержал испытания временем, но им успел воспользоваться Ливий, чья история раннего Рима дошла до нас почти полностью⁴².

Многим мы обязаны Полибию, самому значительному историку интересующего нас периода⁴³. Греческий аристократ, привезенный в Рим заложником в шестидесятых годах II века, сблизился с римским полководцем Сципионом Эмилианом. В последующие два десятилетия он сопровождал Сципиона в средиземноморских экспедициях и был свидетелем осады и разгрома Карфагена в 146 году. Хотя Полибий относился к Карфагену враждебно, он считал своим долгом уважать профессию историка. Он, конечно, не мог не указать на ошибки, совершенные коллегами⁴⁴. Но не только писатели, дружившие с Карфагену, подвергались его осуждению. Ремарки, например, по адресу Тимея в книгах Полибия, как заметил один современный историк, «неизменно ругательные»⁴⁵.

Полибий в то же время охотно признает заслуги тех авторов, которые, по его мнению, соответствуют высоким требованиям, предъявляемым серьезному историческому исследованию. Категорически не соглашаясь с Филином по целому ряду вопросов, он явно одобряет его дидактический стиль и относится к нему настолько уважительно, что взял его труд за основу в описании Первой Пунической войны⁴⁶.

Что касается материальных свидетельств, то руины Карфагена всегда будоражат воображение любого человека, оказывающегося среди них. Слухи о том, что карфагеняне успели надежно упрятать свои сокровища в надежде на возвращение, соблазнили воинов римского полководца I века отправиться на поиски кладов⁴⁷. Для современного археолога Карфаген представляет собой огромный пазл, детали которого умыш-

ленно выброшены или уничтожены. Однако история учит нас: невозможно сокрыть и забыть следы прошлого.

Хотя религиозный центр на Бирсе и был уничтожен, многие близлежащие кварталы и часть сооружений на холме избежали полного разрушения. Римляне и сами ненароком способствовали сохранению материальных напоминаний о пуническом Карфагене, засыпав их тысячами кубометров булыжников, валунов и развалин. Даже зловещий 60-сантиметровый черный слой в стратиграфии западных склонов — археологическая отметина сгорания города в 146 году — наполнен южноитальянской посудой, информирующей нас о том, какая керамика была в моде у карфагенян накануне гибели⁴⁸.

Кроме того, сохранились тысячи памятников, зафиксировавших вотивные жертвоприношения Баал-Хаммону и Тиннит, верховным божествам Карфагена. Хотя тексты и стандартны, в них содержится важная информация о религиозных пунических ритуалах, особенно в отношении принесения в жертву детей. Уцелели и некоторые письма, иллюстрирующие различные стороны городской жизни, в частности сооружение общественных монументов и совершение религиозных обрядов. Эти эпиграфические свидетельства помогают понять особенности не только религиозных культов, но и образа жизни в городе⁴⁹. По надписям на каменных плитах мы можем зрительно представить себе горшечников, сукновалов, столяров, возниц, мясников, каменщиков, ювелиров, лекарей, писцов, толмачей, землемеров, жрецов, вестников, истопников и купцов, населявших этот многолюдный по тем временам город⁵⁰.

Этническая принадлежность Карфагена

Для историка представляет интерес и другая занимательная проблема: к какому этносу отнести карфагенян, особенно в контексте притязаний Греции и Рима на принадлежность к великой «западной» цивилизации? Ведь Карфаген располагался в Западном Средиземноморье, но и спустя полтысяче-

летия после появления здесь первых финикийских поселенцев историческая левантийская наследственность продолжала присутствовать в культурных, религиозных и лингвистических традициях.

Финикийское происхождение прежде всего проявлялось в религиозных верованиях и обрядах. Вплоть до разрушения города родители давали своим детям те же немногочисленные имена, которые употребляли их предки, почитая финикийских богов (головоломка для историков). Самое известное карфагенское имя «Ганнибал», например, означает «милость Баала», а «Бодастарт» переводится как «в руках Астарты» (пунической богини плодородия и плодовитости). Имена могли иметь и еще более конкретный смысл. Одну из известных карфагенских женщин звали Абибаал («мой отец Баал»), а ее матерью была Аришут-Баал («предмет желаний Баала»), храмовая проститутка или жрица в святилище божества⁵¹.

Непреходящее влияние на карфагенян финикийского наследия наглядно подтверждает сохранившийся религиозный памятник — посвяtitельная стела, возведенная Абибаал. На ней изображена жрица (видимо, просительница), совершающая жертвоприношение: голова коровы сгорает в огне на алтаре, исполненном в виде капители на столбе или колонне. На женщине длиннополая мантия, в левой руке она держит жертвенный короб, а правая рука вытянута в традиционном жесте мольбы. Хотя памятник датируется последними десятилетиями существования Карфагена, он отображает традиционный ритуал, совершавшийся на Ближнем Востоке и тысячу лет назад⁵².

Неопределенность этнической идентификации карфагенян использовалась греками и римлянами для того, чтобы изображать их самыми низменными представителями рода человеческого и на Западе, и на Востоке: невежественными варварами, женоподобными, ленивыми, бесчестными и жестокими⁵³. Этот стереотип с энтузиазмом переняли многие западные европейцы XVIII и XIX веков, зараженные колониальными

предрассудками, отвергавшими смешение рас⁵⁴. И все же артефакты, подобные стеле Абибаал, свидетельствуя о преемственности левантийских традиций, были всего лишь мизерной частью более сложной и многогранной этнической культуры. Та малая толика уцелевших образцов пунического искусства и архитектуры демонстрирует эклектику и восприимчивость к новым влияниям и идеям.

Приблизительно в начале II века состоятельный пуниец, живший в Сабрате, городе, находившемся в нескольких сотнях километров восточнее Карфагена на территории Ливии, всегда испытывавшей сильное политическое и культурное влияние Карфагена, выстроил для себя мавзолей⁵⁵. Это сооружение отличалось совершенно необычной трехуровневой конструкцией, состояло из песчаниковых блоков, выложенных в виде усеченного треугольника с вогнутыми фасадами, и имело высоту 23 метра⁵⁶. Основанием служил ступенчатый цоколь, на котором в трех углах стояли колонны с ионическими капителями, а между ними по центру фасадов виднелись декоративные полуколонны. Главный фасад состоял из ложной двери, декорированной двумя львами. Над ней располагался типично египетский архитрав с крылатыми солнечными дисками и стилизованным фризом. На втором уровне размещались скульптурные метопы с рельефами, изображавшими мифологические сюжеты. В одном из них карликовый египетский бог Бес (популярный во всем пуническом мире за свою способность отгонять злых духов) одолевал двух львов, в другом — греческий герой Геракл совершал свой первый подвиг, побеждая чудовищного Немейского льва. Между метопами архитектор поместил трех львов, поддерживающих прямоугольные консоли, на которых стояли трехметровые курсы (статуи обнаженных юношей). Венчал всю эту конструкцию пирамидальный шпиль.

Для грека в мавзолее Сабраты было одновременно и что-то очень знакомое, и что-то очень непривычное. Многие художественные и архитектурные элементы — капители, колонны,

курсы, метопы — были явно заимствованы из греческих традиций. К тому же отделочный гипс на метопах был светло окрашен тоже в греческом стиле. Особенно выделялись светлые тона центральной панели. Обнаженное тело Беса было густо-розовым. Белизна набедренной повязки и зубов контрастировала с красными губами и синей бородой. Краски усиливали и экспрессивность львов: синие гривы, желтые туловища, бирюзовые безжизненные глаза, красные высунутые языки, ослепительно белые зубы.

Использование элементов египетского архитектурного стиля указывает на влияние нового греческого города Александрии на востоке, где уже происходило слияние местного и греческого искусств. И все-таки создавал мавзолей не греческий архитектор (в пуническом мире смешение греческого и египетского стилей в искусстве и архитектуре происходило по крайней мере с VI века). Столь анатомическая детализация фигуры Беса на метопе достигнута только наружным декором, типично пунической техникой. Особое внимание к детализации и симметрии — отличительный признак пунического искусства. Два угольника, образующие заостренную бороду Беса, гармонируют с такими же деталями нижней кромки набедренной повязки божества. Даже локоны на голове выглядят почти натуральными.

Примечательно, что совершенно не соблюдены условности эпох: архаические курсы соседствуют с классическими и эллинистическими образами⁵⁷. Трансформации подверглось и традиционное изображение Геракла: он убивает Немейского льва коротким мечом, а не удушением. Архитектор мавзолея проявил творческую вольность, которую трудно обнаружить даже в условиях либерализации искусств, создавшихся после завоевания Александром Великим Персидской империи и приобщения греков к древнейшим культурам Востока в III и II веках. Без сомнения, художественный вкус грека возмущался бы при виде приземистых колонн, которые предназначались лишь для поддерживания конструкций второго уров-

ня. В греческих сооружениях той эпохи пропорциональность элементов была обязательной вне зависимости от того, где они строились.

Однако использование вышедших из употребления стилей, к тому же в странной комбинации, вовсе не свидетельствует о невежественности или отсутствии художественного вкуса, а скорее доказывает стремление к независимости, проявлявшееся во всем образе жизни пунийцев. Поразителен успех мавзолея как архитектурного памятника. По определению, странная многоуровневая конструкция, напичканная мешаниной художественных стилей, должна была стать примером архитектурного фиаско. Но благодаря удачному сочетанию теней и света, вогнутым пространствам фасадов, элегантным вертикалям колонн и курсов монумент получил всеобщее признание как грациозный и выразительный образец пунического искусства.

Нередко критики обращают внимание больше на эклектику стилей в пуническом искусстве, а не на самобытность их смешения, и это приводит к ложным заключениям о том, что приобщение карфагенян к «инновационным» и «оригинальным» культурам, особенно Греции, выражалось в пассивном поглощении и имитации. Это мнение подтверждалось тем, что многие карфагеняне говорили и писали на греческом языке, изучали греческих философов, носили греческие одеяния, поклонялись греческим богам⁵⁸. В то же время отрицались и подвергались осмеянию любые предположения, допускающие влияние на греческую культуру древних цивилизаций Ближнего Востока⁵⁹.

Так или иначе, мавзолей в Сабрате является не столько памятником поздней пунической культуры, сколько свидетельством принадлежности пунийцев к более грандиозному экономическому и культурному сообществу людей, населявших Юго-Западную Европу и Северную Африку до того, как они подпали в зависимость от Рима. В этом мире не властвовала политическая и военная сила какой-то одной имперской

державы. Он состоял из автономных народов — пунийцев, греков, этрусков и других племен, обитавших на морских побережьях. Их сближала друг с другом торговля, стимулировавшая миграцию людей, идей, технических новшеств по всему древнему Средиземноморью. Динамизм созидания и экономического развития обеспечивался не господством одной имперской державы, а коммерческим и политическим соперничеством двух почти равных народов — пунийцев и греков, практически одновременно двинувшихся на запад в поисках новых земель и торговых плацдармов.

На протяжении многих веков первого тысячелетия до нашей эры Карфаген был доминирующей морской торговой державой, и его поведение во многом определяло историю Средиземноморья, в котором процессы культурного, экономического и политического синкретизма сопровождались раздорами и конфликтами, занявшими столь значительное место в сохранившихся древних текстах. Настоящая книга не претендует на открытия, в ней предпринята попытка осмыслить историческую роль города-государства, более древнего, чем Рим, причины преднамеренного уничтожения могущественной и богатейшей державы Западного Средиземноморья и напомнить о далеком прошлом, уроки которого забывать тоже опасно. Задача не из легких, поскольку реальная история Карфагена погребена под напластованиями не только горных пород, которыми римляне засыпали сожженный город, но и умышленных искажений и превратных толкований.

В книге постоянно присутствует былинный герой Геракл (или Геркулес для римлян). Кому-то может показаться странным, что божество греков, занявшее почетное место и в римском пантеоне богов, вовлечено в историческое повествование о Карфагене. Однако именно Геракл, а не какой-нибудь другой кумир, олицетворял культурную многогранность и взаимосвязанность древнего Средиземноморья. Хотя странствующий богатырь ассоциировался с колониальными начинаниями греков, он воплощал также синкретизм, смешение различных

религий, культур и менталитетов, ставшее результатом контактов и сближения греческих колонистов с другими этносами, прежде всего с пунической диаспорой. Начиная с VI века Геракл все больше отождествлялся с пуническим божеством Мелькартом в сознании не только пунийцев, но и греческих поселенцев в Центральном и Западном Средиземноморье. Не случайно карфагенский полководец Ганнибал, когда ему понадобился притягательный символ для сплачивания племен Запада в противостоянии нараставшему могуществу Рима, обратился к образу Геракла — Мелькарта. Во Второй Пунической войне Геракл служил знаменем победы для карфагенян и римлян, боровшихся за право не только определять экономическое и политическое будущее Средиземноморья, но и владеть его прошлым.

Современные представления о Древнем мире нередко состоят из банальных стереотипов, благоглупостей или фикций. Бытующие «знания» об истории Карфагена и побудили нас пересмотреть многие удобные мнения, распространенные на Западе о культурных и интеллектуальных истоках западной цивилизации. «Античный мир», по обыкновению считающийся прародителем западной цивилизации, в действительности не был исключительно греко-римским достижением, а являлся продуктом взаимодействия и смешения различных культур и народов.

Общепотребительная история Карфагена служит примером того, как избирательно можно преподносить и толковать прошлое.

Глава 1

ФИНИКИЙЦЫ ОТКРЫВАЮТ ЗАПАД

Страна пурпура

Где-то во второй четверти IX века ассирийский царь Ашшур-насирпал II привел свое войско на финикийское побережье, чтобы омыть оружие в водах Средиземного моря и совершить жертвоприношение богам. Угроза произвела нужный эффект: «Я получил дань от владык побережья, а именно от народов Тира, Сидона, Библа, Маххалату, Майцу, Кайцу, Амурру и города Арвада, — серебро, золото, олово, бронзу, бронзовые сосуды, разноцветные льняные одеяния, большую обезьяну, маленькую обезьянку, черное дерево, самшит и кость морских животных. Все они покорились мне»¹.

Это был не первый поход ассирийского царя в Финикию, но он свидетельствовал о повышенном интересе Ассирии к побережью². Ассирия господствовала в регионе, и финикийские города должны были платить ей немалую дань за то, чтобы пользоваться политической автономией³. Нам повезло, что ассирийцы в полной мере понимали значимость образов и слов. При раскопках развалин их древних городов археологи обнаружили множество надписей и барельефов, свидетельствующих о честолюбивых имперских притязаниях. Эти находки позволяют составить представление о грозной военщине — легионах колесниц и всадников с характерными завитыми в

локоны бородами и прическами. Барельефы, отображающие бесконечные битвы, опустошения городов, депортации и массовые убийства, показывают, с какой невыносимой жестокостью формировалась и удерживалась империя, одно время включавшая в себя значительные пространства Ирака, Ирана, Аравии, Турции, Сирии, Ливана, Египта и Кипра⁴.

Финикийцы привыкли к угрозам, постоянно исходившим от более могущественных соседей⁵. Их города располагались на узком побережье между горами на востоке и набегающими волнами Средиземного моря на западе: значительную его часть теперь занимает современное государство Ливан. Обитатели поселений не называли себя финикийцами, это наименование им дали торговые соперники греки, а ассоциировали себя с хананеями, жителями Ханаана, огромной территории, простиравшейся по прибрежным равнинам Леванта и севера Сирии⁶. Несмотря на языковую, культурную и религиозную общность, города редко вступали в какой-либо политический союз, а существовали как суверенные государства и управлялись собственными царями или местными династиями⁷. Финикия в качестве единого государственного-политического образования появилась лишь через тысячу лет, когда римляне сформировали из нее свою провинцию под этим названием. Тем не менее, несмотря на слабость и угрозы главных держав Ближнего Востока, прибрежным городам Леванта удавалось — вопреки обстоятельствам — на протяжении длительного времени сохранять свою политическую независимость.

И политическую автономию, и благосостояние финикийцам гарантировало то, что они были превосходными мореходами. В бронзовый век (примерно 3300–1200 годы) исключительную роль в межгосударственной дипломатии играл товарообмен предметами роскоши, а это означало, что правители должны были стремиться к контролированию дальних торговых путей. Купцы, прибывавшие в иностранные порты, зачастую служили агентами царей, представлявшими их интересы. Принимающая сторона считала своей обязанностью

обеспечивать им коммерческую и правовую защиту и относиться к ним как к послам⁸. Для поддержания дипломатических отношений на нужном уровне владыкам держав Ближнего Востока требовался постоянный и легкодоступный источник добывания предметов роскоши, которыми они могли бы обмениваться. Хотя получить некоторые дорогостоящие товары — например, кедровую древесину, в изобилии имевшуюся в горах Леванта, — и не составляло большого труда, другие материалы надо было завозить из-за моря.

Для Ассирии и ее соперников на суше, владевших значительными пространствами *terra firma*, серьезную проблему представляло то, что они не знали, как обращаться с гигантской массой воды, называвшейся Великим морем⁹. Ассирийцам, привыкшим к земной тверди, Средиземное море казалось стихией, не подвластной даже их могущественному богу Ашшуру, и оно вызывало у них благоговейный страх. Даже египтяне, сроднившиеся с Нилом, боялись морских переходов. Их плоскодонные речные суда не могли выдержать самой спокойной морской волны. Если им требовались редкие товары и материалы, находившиеся за морем, к примеру, в эгейском мире, они должны были призывать на помощь посредников — мореходов финикийских городов, чьи границы, по их убеждению, «пролегали посредине моря»¹⁰.

Еще в третьем тысячелетии до нашей эры мореплаватели финикийского города Библ строили корабли с изогнутыми корпусами, преодолевавшие самые крутые волны, и доставляли на них в Египет кедровую древесину. Библ, Сидон, Тир, Арвад и Бейрут стали монополистами в морских перевозках товаров, предметов роскоши и материалов с зарубежных рынков на Ближний Восток¹¹. Торговые пути соединяли Восточное Средиземноморье, Кипр, Родос, Киклады, материковую Грецию, Крит, побережье Ливии и Египет. Информацию о товарообмене для нас сохранили обломки судов, найденные в местах кораблекрушений. Обнаружены такие предметы, как медные и оловянные слитки, сосуды, содержавшие, очевидно,

вина, масло и мази, стеклянные, золотые и серебряные украшения, ценнейшие образцы фаянса и глазурованной керамики, гончарные инструменты и даже металлолом¹².

Эта уникальная роль торговых экспертов на Ближнем Востоке оберегала прибрежные города Леванта и севера Сирии от превратностей политической борьбы, поскольку в их услугах нуждались все великие державы. Последующие перемены, даже в самые трудные времена, открывали для них больше новых возможностей, нежели создавали проблемы. Когда в конце XII века на Восточное Средиземноморье обрушились бедствия, принесенные кочевниками, безземельными крестьянами и бесприютными наемниками, многие режимы, на протяжении тысячелетия господствовавшие в регионе, рухнули. Некоторые государства, такие как Угарит на севере Сирии и Хеттская империя в Малой Азии, просто-напросто исчезли, а другие — Ассирия и Египет — лишились былого могущества.

Высшая жреческая и военная элита оказалась слишком слабой опорой для монархов. Социальные проблемы усугублялись жесткой централизованной экономической системой, игнорировавшей нужды беднейших слоев населения. Опустошительные набеги затрудняли земледелие и препятствовали торговле медью и оловом, близился конец сообществам, зависевшим от царских милостей. Можно было предположить, что упадок властных структур вызовет и крах финикийских городов-государств. В действительности они вступили в эру процветания, продолжавшуюся почти три столетия, не сталкиваясь с какими-либо особо серьезными помехами извне.

С исчезновением государственного вмешательства в торговлю купцы освободились от ограничений, прежде сковывавших их деятельность. Заморская торговля перестала быть дворцовой монополией, превратившись в коммерческое предпринимательство, приносящее доходы частным бизнесменам¹³. В прибрежных финикийских городах купцы начали создавать «фирмы», в основном семейные. Хотя коммерческая деятельность уже более не контролировалась монархами, они

по-прежнему в ней участвовали. Царские дворы обычно выступали в роли банков или кредитных контор, предоставлявших деньги для торговых операций. Партнерство бизнеса и государства еще больше окрепло, когда патриархи торговых фирм — в Библии они упоминаются как купцы-князья или «князья моря» — вошли в состав могущественного Совета старейшин, дававшего рекомендации царю¹⁴.

Пользуясь тем, что им никто не угрожал, а большинство конкурентов в Северной Сирии были ликвидированы, финикийские города могли свободно расширять свою коммерческую деятельность¹⁵. Торговая элита Финикии занялась и производством предметов роскоши. Необходимые для этого материалы импортировались, выгружались в портах и доставлялись в мастерские. Из слоновой кости, завозившейся из Северной Сирии, Африки и Индии, изготавливались инкрустации для мебели. Самые дорогие изделия украшались искусными вставками из драгоценных камней и цветного стекла (Финикия славилась производством стекла и фаянса). Египетские и ассирийские орнаменты свидетельствуют о том, что предметы роскоши изготавливались в основном на экспорт. Финикийцы превосходно владели и техникой металлообработки. Особенно популярны были финикийские кубки из бронзы и серебра, восхищавшие поразительным многообразием стилей. Историки-искусствоведы традиционно считают их талантливой имитацией. Однако финикийские кубки отличались от других прежде всего необычайно изящным исполнением и тонкой работой¹⁶. В Финикии в большом количестве изготавливались золотые и серебряные украшения, нередко декорированные драгоценными камнями и культовой символикой, изображенной в мельчайших деталях. Излюбленные мотивы — египетские знаки: «глаз Гора», скарабей, ключ жизни анх и другие амулеты, оберегавшие от злых духов и демонов¹⁷.

Конечно же, финикийские города торговали не только товарами, относящимися к категории роскоши. Их мастера изготавливали и домашнюю утварь, сельскохозяйственные при-

способления, оружие, например, дротики и наконечники для копий. Но самую большую известность Финикии принесли вышитые одеяния и пурпурные ткани. О них можно найти лестные высказывания и в Библии, и в «Одиссее» Гомера. Греки нарекут народ побережья Леванта, употребив название пурпурного или малинового цвета: *phoinix*¹⁸. Краситель получали из желез моллюсков, в изобилии водившихся в прибрежных водах. Установки для выработки этого красителя археологи нашли в целом ряде финикийских городов. Моллюсков добывали сетями, потом извлекали из раковин и высушивали. После замачивания в соленой воде, следуя определенным нормам, из них получался краситель нужного пурпурного оттенка. От гниющих моллюсков исходило жуткое зловоние, поэтому производство красителей обычно располагалось на окраине города. Тем не менее его масштабы были грандиозными, о чем свидетельствует холм из раковин высотой более сорока метров под Сидоном¹⁹.

В этот же период относительной свободы некоторые города Финикии заняли в регионе престижное положение. Если не принимать во внимание политических хищников, охотившихся за легкой добычей, то обширные плодородные материковые земли предоставляли больше удобств и преимуществ для жизни. Береговые поселения, хотя и лучше защищенные природными барьерами, все же не могли соперничать экономически со своими соседями, контролировавшими материковые ресурсы, в том числе и источники пресной воды.

Город Мелькарта

В X веке среди финикийских городов начал выделяться Тир, усилившийся благодаря искусной дипломатии и проницательной политике Абибаала, а затем Хирама²⁰. Проблему хронической нехватки пресной воды решили, прорыв глубокие цистерны. Египет неуклонно дряхлел, не лучшие времена переживали Ассирия и Вавилон. Но родилась новая держава — в

виде единого еврейского царства Израиля-Иудеи. Хирам быстро понял, где таятся возможности для того, чтобы затмить другие финикийские города, и направил посольство к израильскому царю Давиду с дарами, в числе которых была, естественно, и кедровая древесина²¹. Альянс с Израилем был желателен еще и потому, что он граничил с Тиром, отрезанным от торговых путей, ведущих на восток.

Когда в 961 году на престоле Давида сменил Соломон, Хирам послал вторую депутацию с поздравлениями и дарами. Жесты внимания подействовали: Тир и Израиль подписали торговое соглашение, предусматривавшее, чтобы Хирам поставлял древесину и предоставил мастеров для постройки двух зданий в Иерусалиме — храма израильского бога Яхве и царского дворца²². Хирам отрядил целые армии своих подданных в Ливанские горы валить кедры и кипарисы и камнетесов в карьеры рубить камень для Иерусалима²³. Соломон же поручил Хиромосу*, литейщику смешанного израильско-тирского происхождения, изготовить золотые, серебряные и бронзовые декорации для храма²⁴.

В обмен и в оплату за серебро израильтяне обязались ежегодно поставлять 400 000 литров зерна и 420 000 литров оливкового масла — большое благодеяние для крохотного города-царства²⁵. Договор подписывался на двадцать лет, и после истечения срока, совпавшего с завершением строительства обоих зданий, стороны заключили новое соглашение. За 120 талантов золота Соломон продал Тиру двадцать поселений Галилеи и Акко, где процветало земледелие²⁶. Теперь Тир занимал собственные материковые земельные угодья, необходимые для усиления своих позиций в Леванте.

Дружба с Израилем принесла и другие блага. Она обеспечивала не только доступ на рынки Израиля, Иудеи и Северной

* В Библии медник из Тира Хирам: «Хирам, медник из Тира, взят Соломоном, чтобы сделать сосуды, столбы, венцы, море, подставы, умывальницы и другие принадлежности для служения в храме». Третья книга Царств, 7:13.

Сирии, но и предоставляла новые возможности для расширения заморской торговли. Тир и Израиль предприняли совместную торговую экспедицию в Судан, Сомали и даже, возможно, в Индийский океан. После того как флотилия вернулась с ценнейшими грузами золота, серебра, слоновой кости и драгоценных камней, цари повторили доходный эксперимент. Сотрудничество Израиля и Тира еще более окрепло, когда в начале IX века царь Тира Итобаал I* обручил свою дочь Иезавель с израильским царем Ахавом²⁷.

Предприимчивый Хирам совершил немало радикальных деяний в Тире. Финикийские религиозные верования и ритуалы были частью сирийско-палестинской традиции, включавшей в себя культы Западной Сирии и государств Израиля, Иудеи и Моава²⁸. Финикийцы как приверженцы политеизма поклонялись многим богам, хотя в пантеоне и существовала определенная иерархия. Возглавляли финикийский пантеон богов Эл и Ашера, тогда как Баал в своих разнообразных ипостасях исполнял обязанности их главного менеджера в повседневности²⁹.

Религиозные ритуалы занимали центральное место в общественной и частной жизни обитателей финикийских городов. Храмы, посвященные богам, были самыми богатыми и самыми могущественными, после царского дворца, учреждениями на Ближнем Востоке. Это были грандиозные и самостоятельные корпорации, в которых трудились не только жрецы, но и представители других профессий. Некоторые святилища нанимали даже парикмахеров, выполнявших просьбы людей, желавших подарить свои волосы любимому божеству, и проституток, отдававших свои доходы храму. Концентрация богатства и влияния обуславливала неизбежное соперничество между святилищами и другой властной струк-

* Также Этбаал и Ефваал. В Библии Ахав «взял себе в жены Иезавель, дочь Ефваала, царя Сидонского» (Третья книга Царств, 16:31). Тогда власть Тира распространялась и на Сидон, поэтому Этбаал (Ефваал) уже не назывался тирским царем.

турой города — царским дворцом. Похоже, именно желанием подчинить себе храмы и было вызвано царское решение заменить традиционного бога Тира новым идолом — Мелькартом (означает «царь города»), который должен править городом вместе с богиней Астартой. Согласно одному древнему источнику, для того чтобы обеспечить успех религиозному перевороту, Хирам разрушил храмы старых тирских богов и построил новые святилища Мелькарту и Астарте. Вторая часть утверждения, возможно, и верна, но маловероятно, чтобы для совершения религиозной революции надо было идти на такие крайние меры, как уничтожение прежнего пантеона финикийских идолов.

Царь вовсе не собирался ликвидировать прежних богов, он произвел изменения лишь в командовании пантеона. Эл по-прежнему оставался главным богом Тира, сохраняли свое старшинство боги гроз и бурь Баал-Шамен, Баал-Малаки и Баал-Цафон. Однако теперь исключительным патроном царского дома считался Мелькарт. Он играл роль «политического» бога: и номинального главы, и вдохновителя царя. Эта идея, возможно, была заимствована у финикийского города Библа, где уже давно аналогичные функции исполняла Баалат-Гебал, «госпожа Библа»³⁰.

Введя культ Мелькарта, царь мог выдавать себя за посредника между земным и небесным мирами, а политические нужды дворца представлять как запросы богов³¹. Он дополнил нововведение ежегодной праздничной церемонией, посвященной Мелькарту³². Каждой весной устраивался фестиваль, называвшийся *egersis*: на огромном плоту устанавливалось изображение божества, поджигалось и отправлялось по течению вниз к морю, а толпы, собравшиеся на берегах, в это время пели гимны. Жители Тира и других древних городов Ближнего Востока верили в воскрешающую силу огня: бог не погибал, а возрождался дымом, и сожжение его изображения символизировало воскрешение. Дабы подчеркнуть важность события и единение народа Тира, всем чужеземцам надлежало уйти из

города на время церемонии. Затем царь и его консорт проигрывали роли Мелькарта и Астарты в ритуальном бракосочетании, подтверждавшем хорошее здоровье и плодovitость царя, а также легитимность его власти. В действительности церемония выходила далеко за пределы языческого ритуала и ролевых игр. Она ясно указывала на то, что царь — ни много ни мало, а живое воплощение великого Мелькарта³³.

Но не один только Хирам по своему усмотрению распоряжался религией. Сидонский царь тоже использовал Эшмуна и Астарту в качестве защитников и покровителей династии и главных действующих лиц в культовых обрядах³⁴. Эшмун, подобно Мелькарту, ассоциировался с плодovitостью, умиранием и возрождением³⁵.

Со временем Мелькарт занял доминирующее положение в религии Тира: его уже называли Баал-Цор (*Baal Sôr*), «владыка Тира», и ему приписывали основание города. Когда греческий историк Геродот посетил храм Мелькарта в Тире в V веке, жрецы рассказали ему, что святилище построено 2300 лет назад, одновременно с закладкой города³⁶.

Согласно греческой легенде, которая, возможно, перелагает более древний финикийский вариант, местность Тира прежде представляла собой две скалы, называвшиеся «Амбросийскими камнями». Они были необитаемые. Но там стояла одинокая олива, объятая снизу пламенем, на ее вершине сидел орел, в ветвях сияла изумительная чаша, а ствол обвил змей. Удивительным образом эта чреватая бедой ситуация не выходила за рамки установившегося статус-кво. Пламя не поднималось выше, орел и змей не набрасывались друг на друга. Мало того, чаша, несмотря на бушевавшие морские волны, не падала на землю. А сами скалы безостановочно дрейфовали по Средиземному морю. Аборигены, жившие на материке, по подсказке своего бога-героя Мелькарта, явившегося к ним в образе человека, построили корабль — «новое средство передвижения по воде... колесницу моря, судно, способное вздыматься над морскими глубинами» — и поплыли к странству-

ющему острову³⁰. Высадившись, они, опять же по подсказке Мелькарта, поймали орла и принесли его в жертву Зевсу, окропив кровью скалы. После этого «Амбросийские камни» навсегда скрепились с морским дном и больше не путешествовали. Затем на них были сооружены цитадель Тира и храм, посвященный Мелькарту³⁸. По описанию Геродота, его украшали два столпа — один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью и, возможно, напоминавшего о пылающей оливе^{39*}.

В этом предании Мелькарт предстает не только как основатель Тира, но и как божество, подарившее его обитателям средство, позволявшее осваивать Средиземноморье. Море обеспечивало и благосостояние, и само выживание тирян. Естественно, что свои достижения они связывали с божеством, ставшим для них и покровителем мореплавания⁴⁰. По мере наращивания политического влияния Тира все большее распространение получало и поклонение Мелькарту. В IX веке, например, властелин Северной Сирии, где у Тира имелись свои коммерческие интересы, соорудил монумент, посвященный божеству, изображенному в рогатом шлеме и с боевым топором⁴¹.

В долговременном плане эффективность политики Хирама выразилась в распространении влияния Тира на другие финикийские города: даже Сидон подпал под его власть⁴². По мнению некоторых историков, именно в этот период сформировалась самостоятельная финикийская общность, возникшая в результате тирско-сидонского доминирования на юге Леванта и употребления определений *Pūt* и *Ponniium*. Коммерческая искусственность и авторитетность тирян способствовали вовлечению финикийских городов побережья Леванта в совместные торговые предприятия⁴³.

В расширении географии и активизации заморской торговли сыграли свою роль и успехи финикийцев в навигации

* Геродот в своей «Истории» называет этот храм святилищем Геракла. (Геродот. История. — М.: Ладомир, 1993.)

и кораблестроении. Они первыми начали использовать Полярную звезду, получившую название *Phoiniké*, в качестве ориентира во время ночных переходов. Финикийцы же придумали усиливать корпуса судов килем и покрывать деревянную обшивку битумной смолой. Финикийское наименование торговых судов (на греческом языке *gauloi*) передалось впоследствии домашним ваннам вследствие схожести выпуклых корпусов. В этих судах прекрасно сочетались большая грузоподъемность и скорость. С одним квадратным парусом и командой проворных гребцов в хорошую погоду они могли пройти до сорока километров в день⁴⁴.

Уже в первые десятилетия IX века, при царствовании Итобаала I, Тир занял ведущее положение в товарообороте огромного региона, охватывавшего значительную часть Малой Азии, Кипр, Армению, Ионические острова, Родос, Сирию, Иудею, Израиль, Аравию и Ближний Восток⁴⁵. Порт не справлялся с возросшим потоком товаров, и тиряне соорудили на южной стороне искусственную гавань, назвав ее Египетской. Это означало, что гигант Египет наконец пробудился от долгой экономической спячки и альянс с ним возрождал крупномасштабную торговлю⁴⁶.

Начиная по крайней мере с X века финикийские купцы обычно создавали свои анклавные поселения среди местных общин эгейского региона и Восточного Средиземноморья, с которыми они торговали. Со временем эти контакты переросли в постоянное деловое партнерство, о чем свидетельствует появление мастерских по изготовлению мазей на островах Крит, Родос и Кос⁴⁷. Некоторые поселения приобретали ярко выраженные финикийские черты, как, например, Коммос на юге Крита, где обнаружены руины типично левантийского трехколонного святилища, относящегося, вероятно, к началу IX века⁴⁸.

Считается, что образцы керамики и металлоизделий ближневосточного стиля, обнаруживаемые в Восточном Средиземноморье и эгейском регионе, являются копиями оригиналов, изготовленных финикийскими кузнецами и горшечниками-

мигрантами и их местными подмастерьями⁴⁹. И все же нет никаких сомнений в том, что к концу IX века у тирян сложился новый тип отношений с заморскими странами, с которыми они торговали.

Кипр поддерживал давние связи с левантийскими городами и был неотъемлемой частью средиземноморского торгового пути со второго тысячелетия до н. э., в основном благодаря богатейшим месторождениям меди, располагавшимся в глубине острова⁵⁰. Первая тирская колония появилась в Китионе на месте заброшенного торгового поселения. Немногочисленные образцы греческой керамики и других чужеземных предметов роскоши, найденные здесь археологами, доказывают, что Китион не был типичным торговым центром. Эту функцию исполняли другие кипрские порты, например Амагус. Китион давал тирянам доступ к месторождениям меди, откуда они доставляли металл после переплавки в свой город, и обеспечивал финикийских поселенцев сельскохозяйственными угодьями. В отличие от прежних заморских коммерческих предприятий, когда левантийские торговцы и ремесленники жили бок о бок и под защитой местных обитателей, с которыми они сотрудничали, Китион и другие тирские колонии считались суверенными тирскими территориями и управлялись администратором, подчинявшимся только царю⁵¹. Понятно, что царь Тира в случае необходимости мог применить и силу для защиты своих интересов на Кипре. Когда обитатели Китиона взбунтовались против тирского диктата, Хирам незамедлительно выслал войско для подавления мятежа⁵².

В то же время у царей Тира имелись и более мягкие средства влияния. Самым важным и действенным из них было насаждение культа Мелькарта в Китионе и его небесной спутницы Астарты, чему служил грандиозный храм, возведенный в конце IX столетия на руинах святилища позднего бронзового века⁵³. Почитание Мелькарта гражданами Китиона подтверждается изображениями божества на монетах города, чеканившихся и через четыреста лет⁵⁴.

Хотя подобные памятники и свидетельствуют о возраставшем могуществе Тира, визит Ашшурнасирпала II с армией, вовсе не эпизодический, сигнализировал и о том, что близится конец независимости финикийских владык и в последующие десятилетия города левантийского побережья будут подвергаться насилию со стороны Ассирии. Ради поддержания политической автономии, а вернее даже ради самосохранения, им придется снова исполнять традиционную роль «кормильцев» потенциально более сильного и грозного соседа.

Кормежка ассирийского зверя

Ассирия обычно строила свои отношения с другими ближневосточными государствами на основе их полного подчинения посредством грубой военной силы и вымогательства дани. Однако ей не были чужды и стратегические торговые интересы⁵⁵. Солдат, ткачей, кожевников, земледельцев и прочих тружеников, без которых не могло существовать государство, надо было обеспечивать сырьем, оборудованием, деньгами⁵⁶. Придворные и высокопоставленные царские чиновники ожидали даров землями и прочими благами за свою службу⁵⁷. Всемогущие цари считали себя и великими благодетелями. Они могли всегда сказать, что пожива, достаемая завоеваниями, повышает благосостояние всех, включая самых бедных подданных⁵⁸.

Постоянно и в больших количествах требовались драгоценные материалы, которые использовались в реализации амбициозных строительных проектов, предназначавшихся для того, чтобы внушать и благоговение, и повиновение. Особенно выделялся своей пышностью «дворец, не имевший себе равных», воздвигнутый ассирийским монархом Синах-херибом в Ниневии в начале VII века. Это было грандиозное сооружение — более 10 000 квадратных метров, декорированное изнутри дорогими породами дерева, серебром, медью и слоновой костью с тончайшим резным орнаментом. Сна-

ружи стены были облицованы цветным глазурованным кирпичом. Каждый сантиметр облицовки графически отражал подвиги царя. Даже мебель была изготовлена из дорогого дерева и инкрустирована слоновой костью и драгоценными металлами⁵⁹.

Для достойной жизнедеятельности ассирийское государство нуждалось в поставках высококачественных материалов и предметов роскоши на регулярной основе и в таких масштабах, которые могут быть гарантированы не завоеваниями, а лишь торговлей. По логике ассирийских царей, удовлетворять их потребности во всем этом должны были приморские финикийские города, да еще и поставлять корабли и команды для флота. Особую ценность для ассирийцев представляли серебро, ставшее общепринятым платежным средством во всем регионе, и железо, необходимое для изготовления оружия⁶⁰. С точки зрения Ассирии финикийские города приносили больше пользы, сохраняя определенную степень политической и экономической автономии, а не в составе империи⁶¹. Коммерческий форпост Китион, возможно, и появился вследствие возросших претензий Ассирии к финикийским городам и ненадежности кипрских партнеров Тира.

Как бы то ни было, совершенно новая геополитическая ситуация сложилась в начале VIII века, когда ассирийский царь Адад-нинари III захватил Северную Сирию⁶². Это событие для тирян имело и позитивные, и негативные последствия. С одной стороны, они избавились от наиболее злостного конкурента. С другой — тиряне лишились поставщика драгоценных металлов, и теперь триумфатор будет требовать от них эти металлы. Для удовлетворения его запросов надо изыскивать новые источники их приобретения. Мало того, возникала необходимость в расширении географии финикийской коммерческой деятельности. Следовательно, не амбиции и жажда славы побудили финикийцев двинуться за запад и открыть эпоху великой колониальной экспансии, а инстинкт самосохранения⁶³.

«Открытие» Запада

До сих пор академические умы спорят по поводу того, когда именно купцы левантийского побережья впервые появились в Центральном и Западном Средиземноморье. Более или менее ясно то, что первые финикийские западные колонии возникли в конце IX — начале VIII века. Однако не имеется достоверных свидетельств о «доколониальных» торговых миссиях. Безусловно, ближневосточные товары продавались в регионе и ранее, но о том, кто их привозил, ничего не известно⁶⁴. Конечно, Центральное Средиземноморье и той эпохи не было захолустьем, и финикийские первопроходцы не создавали какие-либо новые торговые структуры, а вписывались в те, которые уже существовали.

Остров Сардиния тогда был главным связующим звеном в обширной средиземноморской торговой сети, охватывавшей Центральную Италию, Эолийские острова, Иберийский полуостров, Крит, Кипр и существовавшей с XII столетия или даже ранее⁶⁵. Со времени раннего бронзового века здесь обитали нурагийцы, обладавшие развитой материальной культурой. В память о себе они оставили не только изящные бронзовые фигурки воинов, лодок и диких животных. Сохранились целые мегалитические деревни с общинными склепами, колодцами, подземными алтарями и круглыми каменными хижинами, гроздьями располагавшимися вокруг монументальных двух- и трехэтажных башен (нураг) и защищенными по периметру крепостными стенами. Более сложные комплексы, состоявшие из центральных башен, окруженных меньшими по размеру башенками, служили, очевидно, резиденциями вождей или религиозными святилищами⁶⁶. Нурагийцы занимались и земледелием, в частности виноградарством, и торговлей, развозили на своих судах различные товары, в том числе и гончарные изделия.

Первые финикийские мигранты, видимо, появились на острове в конце IX — начале VIII века. Подобно Кипру, Сар-

диния привлекала финикийских торговцев своими богатыми месторождениями меди, свинца, железа и серебра⁶⁷. Несмотря на наличие плодородных прибрежных равнин, пригодных для земледелия, первые левантийские поселенцы на Сардинии им не занимались, и в этом отношении характер их пребывания здесь отличался от колонизации Кипра, происходившей примерно в то же самое время.

В металлообрабатывающем центре Сант-Имбения (теперь Альгеро) на северо-западе острова жили и нурагийцы, и финикийцы. Сант-Имбения активно торговала с этрусками Центральной Италии, и, по всей видимости, нурагийцы и финикийцы участвовали в совместных коммерческих предприятиях⁶⁸. Левантийские мигранты наверняка вступали в деловой контакт и с другими колонистами. В Пифекусе на острове Искья в Неаполитанском заливе обосновались греки, прибывшие с острова Эвбея. Их поселение, как и Сант-Имбения, демографически не было однородным: здесь тоже жили выходцы из Леванта. По оценке археологов, они составляли примерно 20 процентов населения⁶⁹. Историки обнаруживают присутствие эвбейских греков и в Сант-Имбении. Недавно было также высказано предположение, что город Ольбия на северо-восточном побережье Сардинии был преимущественно греческим или смешанным по национальному составу со второй половины VIII века⁷⁰. Безусловно, между двумя поселениями существовали торговые и иные связи⁷¹.

Поселения, подобные Пифекусу и Сант-Имбении, возникли вследствие заинтересованности в сырьевых материалах, в данном случае — в железе. Оно поставлялось в Этрурию и Кампанию в обмен на предметы роскоши, ввозившиеся из эгейского региона и Ближнего Востока⁷². Обнаруженные здесь плавильни подтверждают, что железная руда перерабатывалась на месте. В возрастании финикийского присутствия на западе Средиземноморья обычно усматривают реакцию на агрессивное осваивание региона греками. Однако имеются убедительные свидетельства тесного сотрудничества финикийцев и

греков в ранних колониях⁷³. Новые данные указывают на то, что финикийцы начали торговать в Центральной Италии чуть раньше греков, однако не существует свидетельств, которые бы подтверждали конфликтность отношений между ними в этот период⁷⁴. В Пифекусе эвбейские греки и финикийцы прекрасно уживались, поскольку их коммерческие предпочтения не вступали в противоречие, а дополняли друг друга. К примеру, финикийцы крайне нуждались в серебре Этрурии, которое, несмотря на возрастающее богатство, практически не интересовало тогда греков⁷⁵. Можно предположить, что не соперничали они и на Сардинии. Период начальной колонизации Центрального Средиземноморья скорее всего отличался взаимодействием и сотрудничеством финикийцев, греков и местного населения⁷⁶.

Финикийцы и греки

Эвбейских греков и финикийцев уже связывала длительная история мирного сосуществования в Восточном Средиземноморье. В общем-то благодаря левантийским купцам восстановились связи греков с Ближним Востоком после нескольких столетий изоляции и забвения. Крушение микенской цивилизации, произошедшее в начале XII века и являвшееся частью общего регионального коллапса, ознаменовавшего завершение бронзового века, сопровождалось резким сокращением численности населения Греции — по некоторым оценкам, на 75 процентов. Когда-то благополучные города пришли в упадок, опустели, утратили многое из того, что мы привычно называем атрибутами цивилизованной жизни, — монументальную архитектуру, изобразительное искусство, письменность. Прекратились контакты с внешним миром⁷⁷.

Археология отмечает признаки перемен в образе жизни на заре X века. У поселения Лэфканди на острове Эвбея было найдено женское погребение, в котором среди стандартной керамики археологи обнаружили и необычные для того вре-

мени вещи: позолоченные заколки для волос, булавки, бронзовые артефакты. Пальцы погребенной женщины, украшенные девятью золотыми кольцами, покоились на позолоченной бронзовой чаше изумительно тонкой работы. Никто не сомневается в том, что все эти предметы роскоши сделаны на Ближнем Востоке, но неясно, как они сюда попали. В этот период только эвбейские греки обладали опытом средних и дальних морских торговых экспедиций, однако не существует свидетельств, доказывавших, что они тогда торговали с Ближним Востоком⁷⁸. Более вероятно то, что артефакты привезли в Грецию финикийцы⁷⁹. Известно, что они вели активную торговлю с эгейским миром, начиная по крайней мере с XIV века. Бедная ресурсами Греция, возможно, заинтересовала их по той причине, что Эвбея была и наиболее удобной и успешной торговой площадкой и самой богатой среди греческих поселений⁸⁰. Кроме того, на Ближнем Востоке, очевидно, повысился спрос на эвбейскую керамику, и финикийцы хотели контролировать этот рынок⁸¹.

Возрастал и поток товаров из Ближнего Востока в Грецию, особенно в связи со строительством храмов и других религиозных святилищ, нуждавшихся в ценных подношениях своим божествам, и вывоз греческих гончарных изделий в обратном направлении⁸². К концу IX века в морских перевозках, без сомнения, участвовали уже и эвбейские греки. Археологические данные, относящиеся к IX веку и полученные при раскопках торговой фактории Аль-Мина на побережье Северной Сирии неподалеку от устья реки Оронт, указывают на то, что в этом поселении жили и финикийцы, и греки с острова Эвбея⁸³.

В последнее время историки все больше склоняются к мнению о том, что торговые отношения финикийцев с греками в этот период не ограничивались островом Эвбея. В Коринфе обнаружена керамика с явными признаками «ориентализма», которая, очевидно, вывозилась как в финикийские, так и в греческие поселения Центрального и Западного Средиземноморья⁸⁴.

Но не только предметы роскоши и изделия художественного ремесла финикийцы экспортировали в Грецию. Хотя финикийцы занимались торговлей и вовсе не собирались навязывать свою культуру, влияние Ближнего Востока обнаруживается и в греческой литературе, и в языке, и в религиозных ритуалах⁸⁵. Особенно зримо оно проявилось в алфавите⁸⁶. Финикийский шрифт был настолько прост, что он легко запомнился, и это послужило важным подспорьем для создателя греческого алфавита⁸⁷. Первые образцы греческого письма на глиняных черепках, найденных в Лефканди на острове Эвбея, относятся ко второй четверти VIII века, и большинство историков едины во мнении, что буквенный шрифт заимствован из финикийского алфавита⁸⁸. К числу заимствований можно отнести такие, например, слова: *byblos* (папирус как писчий материал), *deltos* (табличка или дощечка для письма), *byssos* (льняное полотно), *sakkos* (мешок), *gaulos* (судно), *makellon* (рынок), *titanos* (известь), *gypsum* (штукатурка), *harpe* (кривой меч), *tacha* (битва). Они дают наглядное представление о характере адаптации⁸⁹. Неудивительно, что большинство инноваций, перенятых греками у финикийцев, связано с торговлей: процентная ссуда, страхование, совместное финансирование коммерческих операций, банковские депозиты и, возможно, система мер и весов⁹⁰. Финикийцы, таким образом, экспортировали экономические и культурные достижения Ближнего Востока в Грецию, но одновременно они заложили и основы не только для взаимовыгодного партнерства, но и для будущих конфликтов.

Тем не менее из-за возросшей торговой активности греков иногда трудно различить греческие и финикийские достижения. Взять, к примеру, изобретение триремы, основного боевого корабля, использовавшегося в Средиземноморье с VII до IV века: авторство историки приписывают и грекам, и финикийцам. Трирема обладала несомненными преимуществами по сравнению с предшественницей пентеконтерой, имевшей длину 25 метров, один парус и пятьдесят гребцов. Это был

гораздо более мощный корабль, имевший пространство для восьмидесяти гребцов, располагавшихся на трех уровнях по обоим бортам судна. Трирема была снабжена двумя парусами, большим и малым — для бокового ветра, и она могла преодолеть без остановки до 340 километров. Перед битвой паруса и другое тяжелое снаряжение убирались, чтобы обеспечить кораблю лучшую маневренность. На носу имелся таран, сделанный из бронзы: им разрушались борта вражеских судов. Боевые качества корабля значительно повышало наличие фордека для лучников и метателей копий⁹¹.

По сведениям некоторых древнегреческих авторов, трирема была изобретена коринфянами в VIII веке. Однако большинство тех же греческих авторов убеждены в том, что все древние боевые корабли были изобретены их соотечественниками эллинами⁹². Тем не менее не существует ни изобразительных, ни каких-либо иных свидетельств использования греческих трирем ранее последних десятилетий VI века⁹³. Первое достоверное упоминание о строительстве трирем связано с именем египетского фараона Нехо II, соорудившего их для использования в Средиземном и Красном морях, и оно датируется началом VI века. Поскольку не имелось более ранних сведений о строительстве египтянами кораблей такого рода, историки предположили, что Нехо II должен был обратиться к чужеземному опыту. Нам неизвестно, были ли в тот период у египтян постоянные сношения с греками, но мы знаем, что финикийцы поставляли им кедровые деревья для сооружения лодок⁹⁴. Кроме того, по конструкции ранних финикийских трирем с палубой над гребцами можно судить об источнике происхождения идеи верхнего уровня расположения весел⁹⁵.

В целом же академические попытки выяснить, кто первым построил трирему, представляются тщетными. Претензии различных древних народов на первенство могут свидетельствовать лишь о том, что они одновременно использовали практически однотипные суда, и это было результатом взаимопроникновения культур по всему Средиземноморью⁹⁶.

Средиземное море во все века и разъединяло, и объединяло народы. Хотя его обычно и представляют как сплетение отдельных морей — Ионического, Эгейского, Адриатического, Тирренского и других, обладавших собственной идентификацией и историей, — оно служило средством общения для людей, обитавших на его берегах⁹⁷. Строительство кораблей позволяло народам, жившим на расстоянии тысяч километров друг от друга, обмениваться товарами и идеями⁹⁸. Те, кто осваивал мастерство кораблестроения и навигацию, выступали в роли и проводников-апологетов различных культур, и агентов их интеграции. Именно на этой противоречивой основе развивались отношения между финикийцами и греками. Археологические свидетельства о торговле и коммерческом партнерстве дополняются сюжетами о двойственном восприятии греками финикийцев, которые мы находим в ранней греческой литературе.

В «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, отразивших времена самой активной колониальной экспансии греков и финикийцев в Средиземноморье в VIII–VII веках, проводится четкое разграничение между финикийцами как людьми и их искусными изделиями. В «Илиаде» всеобщее восхищение вызывает серебряная чаша из Сидона, предлагаемая греческим героем Ахиллом в качестве приза победителю в беге. В другом эпизоде восхваляются «узорные ризы» Гекубы, царицы Трои, вышитые сидонскими женщинами, настолько роскошные, что они достойны дарения самой Афине⁹⁹. Восхищение мастерством финикийцев резко контрастирует с их характеристикой как людей бесчестных, алчных и коварных¹⁰⁰. В «Одиссее» Эвмей, верный свинопас Одиссея, объясняет, как он стал рабом. В действительности Эвмей был сыном царя до того, как его похитила сидонская няня и отдала финикийским купцам. И самого Одиссея чуть не постигла такая же участь. Он рассказывает, как к нему явился «хитрый, в обманах искусный» финикиец, «плут и барышник, многим немало зла причинивший», и уговорил поехать в гости к нему в Финикию, где

«будто бы много сокровищ в доме его». На самом же деле, как оказалось, финикиец замыслил продать его в рабство¹⁰¹. В этом эпизоде отражена не столько враждебность к финикийцам, сколько неприязнь к торговцам, которую испытывала аристократия, не желавшая иметь с ними ничего общего. Скорее всего антипатия основывалась на уже существовавшем предубеждении, а не была лишь литературной отповедью людям, не принадлежавшим к греческой нации. Кроме того, общепринято считать, что «Одиссея» написана после «Илиады», когда отношение греков к финикийцам ужесточилось вследствие обострения торгового соперничества. С другой стороны, происходившая культурная ассимиляция предполагает: негативное отношение к финикийцам не было всеобщим¹⁰².

Во второй половине VIII века характер внешнеэкономической деятельности финикийцев изменился, особенно в Центральном Средиземноморье. На Сардинии возникли самостоятельные поселения — на юге и западе острова, в Сульцисе, Тарросе и Норе. Эти колонии существенно отличались от Сант-Имбени: они были преимущественно финикийскими, с очень незначительным присутствием нурагийцев. Им были свойственны те же топографические особенности, отличавшие все другие финикийские поселения на островах, полуостровах и мысах: неперенное наличие двух естественных гаваней, позволявших выходить в море при любом направлении ветра. Каждая гавань предоставляла удобные якорные стоянки и доступ в глубь территории к рудникам и сельскохозяйственным угодьям нурагийцев, с которыми налаживался товарообмен¹⁰³. В результате среди нурагийского населения обострилась конкурентная борьба за землю, ресурсы и доминирование в прибыльной торговле с финикийцами. Это вело к уплотнению поселений, социальному расслоению, формированию отдельных социально-политических группировок¹⁰⁴.

Керамика, найденная в Сульцисе, свидетельствует об активных торговых связях ранних финикийских колоний с Пифекусой и Этрурией, возможно, при участии Эвбеи¹⁰⁵. Сарди-

ния предоставляла стратегическую платформу для реализации еще более амбициозных коммерческих проектов, в особенности тирянам. Располагаясь одинаково далеко от европейского и африканского материков и обладая протяженной береговой линией, она служила удобным плацдармом, открывая доступ к далеким западным окраинам Средиземного моря с богатейшими минеральными ресурсами¹⁰⁶. Финикийский торговый форпост в Уэльве на юго-западе Испании принимал товары из Сардинии уже в VIII веке до нашей эры¹⁰⁷.

Серебряная гора Испании

Самый древний образчик финикийской письменности, найденный в Западном Средиземноморье, начертан на обломке камня, названном «Стелой из Норы»: он обнаружен в конце IX — начале VIII века на юго-западе Сардинии. Некоторые историки интерпретируют текст как благодарение бога Пуммая финикийским сановником Милкатоном за спасение во время шторма на пути в страну «Таршиш». Ученые немало дискутировали по поводу местонахождения этой страны. Наиболее убедительным представляется мнение о том, что речь идет о Тартессе, как в древности называлась обширная территория Южной Испании, занимаемая теперь Андалусией¹⁰⁸.

Тартесс заинтересовал финикийцев преимущественно своими богатыми минеральными ресурсами. По свидетельству одного греческого автора, во время лесных пожаров здесь по склонам стекало расплавленное серебро. Хотя в этом рассказе содержится немалая доля преувеличения, в недрах Тартесса действительно таились несметные запасы серебра, железа и многих других металлов¹⁰⁹. Тиряне первыми по достоинству оценили потенциальные возможности месторождений Тартесса. Не исключено, что в их коммерческих предприятиях участвовали и другие финикийцы — из Сидона, Арвада и Библа¹¹⁰. Тиряне же первыми вышли и за пределы Средиземного моря

в Атлантический океан, миновав Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) и основав вначале колонию Ликс на западном побережье современного Марокко, а затем поселение на острове Могадор¹¹¹.

Впервые финикийцы появились в Тартессе в первой половине IX века¹¹². Тиряне быстро наладили деловые связи с местной элитой. Она распоряжалась добычей и переработкой руд, а тиряне доставляли слитки в Левант. В Уэльве, тартесском порту, археологи нашли большие плавильные печи: слитки изготавливались почти в промышленных масштабах¹¹³. Но торговля металлом была лишь частью прибыльного товарообмена. Финикийцы на кораблях везли в Испанию предметы роскоши, ювелирные украшения, изделия из слоновой кости, бронзовые статуэтки, граненое стекло, декоративные вазы, мази и благовония в алебастровых сосудах.

К концу VIII века тиряне основали колонию в Гадесе (современный Кадис) неподалеку от Геркулесовых столбов на юго-западном побережье Испании, ставшую главным торгово-транспортным центром. Позднее будут говорить, что они zaloжили поселение по указанию оракула. Однако точное место основания колонии определилось лишь после трех экспедиций и закрепилось соответствующими ритуальными приношениями богам¹¹⁴. Согласно другим легендам, финикийцы попали в Гадес случайно, сбившись с курса во время шторма¹¹⁵. Место для поселения было выбрано исключительно удачно: подобно Тиру, оно располагалось возле превосходной естественной гавани. Город строился на оконечности длинного узкого мыса: с трех сторон его окружала вода, что обеспечивало надежную защиту с суши и предоставляло возможность свободного выхода в море. В особенности важно было то, что напротив города находилось устье реки Гвадалете, по которой доставлялась руда с материка. Помимо металлов известность Гадесу принесло и уникальное кулинарное изобретение — гарум, острый соус, приготовленный из тухлой макрели и уксуса и пользовавшийся большой популярностью в Древнем мире. Но ко-

нечно, лишь металлы, прежде всего серебро, были способны удовлетворить растущие запросы Ассирии и сохранить для тирян свободу действий.

Обычно маршрут судов, идущих из Тира, пролегал по северу Средиземноморья. Они шли сначала в Кипр, потом вдоль южного побережья Малой Азии, к островам Родос, Мальта, Сицилия и Сардиния. На последнем отрезке пути они двигались от Ибицы вдоль побережья Испании, мимо Геркулесовых столбов, бросая якоря в гавани Гадеса. Возвращались корабли менее сложным маршрутом вдоль побережья Северной Африки, Египта и Леванта¹¹⁶. Потому-то финикийские колонии, основанные в Северной Африке, на Сардинии, Сицилии, Мальте и Балеарских островах в конце IX — начале VIII века, и образовывали будто звенья одной торговой цепи, опоясавшей все Средиземноморье. Эти колонии служили и защитными, опорными форпостами, преграждавшими конкурентам, прежде всего грекам, доступ к прибыльной торговле металлами. Хотя греческий мореплаватель Колей из Самоса и побывал на юге Испании в VII веке, увезя оттуда шестьдесят талантов серебра (эквивалент одной-двух тонн руды), его экспедиция считается случайным эпизодом¹¹⁷.

Вдоль побережья Андалусии было выстроено множество небольших торговых постов на расстоянии десяти километров друг от друга. Как и более крупные поселения, они располагались на мысах и островках, в устьях рек, предоставлявших удобные естественные гавани. По некоторым предположениям, каждое из этих поселений принадлежало отдельным финикийским торговым компаниям. Хотя экономическая деятельность этих колоний сводилась к торговле местными товарами, позднее в них получили развитие и другие занятия: производство, складирование и перевозка таких товаров, как керамика и металлоизделия. Кроме того, многие обитатели, помимо ремесел и торговли, похоже, освоили также земледелие, рыболовство и животноводство¹¹⁸. Однако благосостояние и само выживание этих финикийских поселений зависели от

добычи и переработки металлов, а эти операции осуществлялись на западных рубежах торговых путей.

Гадес отличался от других финикийских поселений на южном испанском побережье не только размерами и численностью населения. Это был единственный город, имевший общественные здания. Он стал средоточием интересов тирян на Иберийском полуострове, основавших вспомогательные колонии в качестве рыболовных, транзитных и торговых факторий и в Северной Африке, и на территории, которую сейчас называют Португалией¹¹⁹.

В отличие от Китиона на Кипре новые колонии в Западном Средиземноморье не управлялись наместниками, присланными из Тира. Из-за отдаленности подобное прямое руководство было невозможно. Вероятнее всего, тирский царь назначал из числа купеческой элиты коммерческих агентов, надзиравших за торговыми операциями и управлявших колониями¹²⁰. Частная инициатива возобладала над дворцовой монополией в сфере внешней торговли, и по мере расширения коммерческой империи на запад возрастало влияние купцов-князей, принижалась значимость царской власти¹²¹. Поскольку царь уже не мог блюсти свои интересы посредством прямого вмешательства, он должен был изыскать иные способы утверждения своего владычества в городе, находившемся за тысячи километров от Тира. В таких обстоятельствах только Мелькарт, кому в Гадесе посвятили величественный храм, мог напоминать о царском могуществе. отождествление бога и царя, ставшее главным элементом культа Мелькарта со времен Хирама, означало, что почитание Мелькарта равноценно признанию верховенства тирского монарха.

Мелькарт был в эпицентре всей жизни торгового города. Его святилище занимало восточную половину островной территории, на которой разместилось поселение. Люди, приезжавшие в Гадес, с благоговением взирали на это огромное сооружение, стоявшее на гигантской, будто отполированной платформе¹²². Как свидетельствует Страбон, храм Мелькарта

славился и источником необычайно сладостной родниковой воды¹²³. Своим великолепием и убранством он не уступал капищу в Тире, что указывало на священное родство колонии с метрополией. Храм Мелькарта в Гадесе утверждал главенствующее положение города в колониальной империи Тира в Западном Средиземноморье¹²⁴. В святилище стояла олива, сделанная из чистого золота, а ее ветви украшали плоды из настоящего изумруда — словно перекочевала она сюда из мифа о сотворении Тира. В святилище находились и квадратные колонны-двойняшки высотой в локоть (45 сантиметров), изготовленные из сплава золота и серебра: на них когда-то были начертаны надписи, смысловое содержание которых утеряно¹²⁵. Считается, что обитатели Гадеса, следуя указаниям, полученным во сне, привезли реликвии божества в свое новое святилище из Тира¹²⁶.

В соответствии с финикийскими традициями совершались и культовые обряды. Женщинам и свиньям запрещалось входить во внутренние пределы храма. Жрецы исполняли свои функции босые, одетые в холщовые туники, с льняными повязками на бритых головах. От них требовалось соблюдать обет безбрачия. Они окуривали кадиллом алтарь в простых и не подпоясанных туниках, а для жертвоприношений облачались в более парадное одеяние, украшенное декоративной широкой лентой. В храмах не было ни статуй, ни каких-либо иных изображений божеств. В то же время на священных алтарях надлежало поддерживать никогда не гаснущий огонь¹²⁷. В Гадесе регулярно совершался и обряд *egersis* — празднование умирания и воскрешения Мелькарта¹²⁸. Позднее различные авторы будут перелагать истории о том, что на все время церемонии чужестранцы изгонялись из города, а возвращаясь, они «видели, как догорает выброшенный на берег человек моря, ростом около пяти рудов*, которого небеса поразили молнией» — явно искаженный вариант легенды о сожжении чучела великого бога, отпавленного на плоту в море¹²⁹.

* Старая британская мера длины — примерно 5,5 ярда.

Святылище Мелькарта в Гадесе было, пожалуй, самым успешным агентом Финикии в Испании, финансово-коммерческим гарантом благосостояния, обеспечивавшегося торговыми операциями, совершавшимися при содействии богов. В этот период финикийцы еще не владели чеканкой монет, и Мелькарт помогал им подтверждать качественную добротность и чистоту слитков металла специальным храмовым клеймом. Гадес делал и значительный вклад в благополучие храма Мелькарта в Тире, ежегодно выделяя для него положенную десятину общественных доходов¹³⁰.

Уроки трудного соседства

В последние десятилетия VIII века тиряне, казалось, первенствовали в финикийском освоении Западного Средиземноморья. Они вполне преуспели в том, чтобы найти средства для удовлетворения пристрастия ассирийского зверя к драгоценным металлам, обеспечив себе относительную политическую независимость, которой уже лишились менее предприимчивые соседи. Они создали обширную торговую сеть, основав колонии на средиземноморских берегах от Кипра до Испании. Но вскоре начались трудности. В тридцатых годах VIII века ассирийский царь Тиглатпаласар III, нарушив политическую традицию своих предшественников, позволявших финикийцам жить самостоятельно, пока они аккуратно платят дань, напал на них и захватил несколько городов, в том числе и Тир. С тирянами ассирийцы, правда, обошлись милостивее. Хотя Тир вначале и вступил в альянс против Ассирии с некоторыми сирийскими и другими финикийскими городами, он быстро капитулировал и выплатил огромную контрибуцию — 150 талантов золота. Особая милость ассирийского царя в немалой степени объяснялась и той ролью, которую играл Тир в обеспечении Ближнего Востока драгоценными металлами и редкими товарами. Однако теперь вся коммерческая деятельность Тира строго контролировалась и регулировалась ассирийцами.

Вольности, которыми столетиями пользовались тириане, постепенно утрачивались. В порту орудовали ассирийские таможенные чиновники, они установили непомерные пошлины на некоторые особо ценные товары, прежде всего древесину, следили за тем, чтобы финикийские купцы не нарушали торговое эмбарго, введенное против Египта, заклятого врага великого царя¹³¹.

Возможно, проявления слабости и побудили восстать сателлитов Тира в Финикии и на Кипре, а ассирийцев — аннексировать остров, из-за чего Тир стал еще больше зависим от коммерческих операций на западе. Бунт самого Тира против ассирийского гнета закончился тем, что тирскому монарху Лули (Элулау) пришлось отправиться из города в изгнание на Кипр. Этот сюжет искусно изображен на ассирийском царском барельефе из Дур-Шаррукина (Хорсабада): тирский царь с семьей и свитой столпились перед тем, как взойти на корабли, а торжествующий ассирийский царь Синаххериб уже готов ворваться в город после пятилетней осады. Об упадке Тира свидетельствовало и то, что несколько финикийских городов, прежде признававших его верховенство, предоставили ассирийцам шестьдесят кораблей для того, чтобы блокировать остров-крепость. Уже не подчинялись Тиру ни Сидон, ни большая часть земель материкового Леванта. Хотя Тир все еще сохранял автономию, полномочия его царя были значительно ограничены. Новое «соглашение», подписанное во второй половине семидесятых годов VII века, регламентировало торговые связи тириан и предусматривало, чтобы все их преуспевающие порты управлялись ассирийскими чиновниками. Мало того, в Тире теперь постоянно пребывал наместник, оберегавший ассирийские интересы. Тирскому царю даже предписывалось выступать с официальными заявлениями только в присутствии ассирийских полномочных представителей¹³².

На протяжении VII века тириане неоднократно пытались освободиться от ассирийского ига. Несмотря на это, ассирийцы не проявляли никакого желания инкорпорировать Тир по

примеру Арвада и Библа в состав одной из трех провинций, на которые была поделена вся остальная Финикия. Ассирии было невыгодно нарушать налаженную тирскую торговую сеть в Западном Средиземноморье, обеспечивавшую великого царя серебром и другими металлами, необходимыми для удержания власти над своими разрозненными владениями¹³³. Инкорпорирование Тира не гарантировало бы владычество над колониями, располагавшимися за тысячи километров от его трона. Более того, система властвования тирян в западных колониях в значительной мере основывалась на культе собственного царя и его особых отношений с Мелькартом. Для Ассирии больше пользы было от тирской монархии, подконтрольной и обладающей номинальной независимостью.

Тем не менее в ассирийском деспотизме, которому подвергался Тир, содержалась и одна положительная сторона: возрастали роль и значение отдельных западных колоний. В то время как метрополия боролась за выживание, окрепшие новые поселения продолжали развиваться и обогащаться темпами, немыслимыми в старых, тесных и узких рамках Ближнего Востока. Коммерческое освоение Центрального и Западного Средиземноморья, сопровождавшееся финикийско-греческим и соперничеством, и сотрудничеством, и интеграцией с туземным населением, создало уникальный прецедент в истории формирования новой государственности. Величайшим наследием Тира станет не Гадес с его кладезями серебра и не хроники дипломатического противоборства с Ассирией, а колония, зародившаяся на побережье Северной Африки, где теперь находится Тунис, и затмившая своей славой финикийского прародителя.

Глава 2

НОВЫЙ ГОРОД

Прибежище Элиссы

Возникновение новых городов, ставших впоследствии великими, всегда окружено мифами, и Карфаген в этом отношении не является исключением. В одной из таких легенд повествуется о том, как Маттан, царь Тира, повелел, чтобы после его смерти, случившейся в 831 году, царство было поделено между сыном Пигмалионом и дочерью Элиссой (Элисхат). Однако народ Тира, обеспокоенный, возможно, тем, что подобное решение проблемы наследования престола приведет к политической нестабильности, запротестовал, и царем короновали только Пигмалиона. Демонстрируя силу характера, новый монарх начал с искоренения потенциальной оппозиции, приказав убить своего дядю Ахербаса (Закарбаала), верховного жреца бога Мелькарта и супруга ЭлиССы. Дабы обезопасить себя, Элисса притворилась, будто не затаила злобы на брата, но втайне замыслила бежать из города с группой таких же недовольных вельмож¹.

Элисса искусно рассеяла подозрения Пигмалиона, попросив разрешения поселиться в его дворце, поскольку пребывание в резиденции покойного мужа навевает на нее мучительные воспоминания. Брат с радостью согласился, рассчитывая на то, что она привезет с собой все золото Ахербаса. Затем

Элисса заманила слуг, присланных Пигмалионом, чтобы помочь ей собрать имущество, на корабль, ожидавший их в море, и выбросила за борт мешки, в которых якобы находилось золото усопшего супруга. После этого она убедила царских посланников бежать вместе с ней, так как брат непременно убьет их, когда узнает об утрате сокровищ. Вскоре на корабле появились и ее сановные соратники, вместе они помолились Мелькарту, и корабль покинул пределы Тира, взяв курс на Кипр. Здесь к изгнанникам присоединился верховный жрец богини Астарты, потребовав, чтобы в порядке вознаграждения за верность эта должность навечно принадлежала его роду. Группу пополнили восемьдесят девиц, служивших при храме Астарты священными проститутками: мужчинам понадобятся жены для наращивания населения нового города.

Экспедиция затем направилась к берегам Африки, где их радушно, с дарами встретили жители Утики, тирской колонии. Поначалу к беженцам благожелательно отнеслись и ливийцы. Их царь Хиарбас позволил чужакам войти на свою территорию, но, проявляя явную скарედность, предложил продать им лишь столько земли, сколько покроет шкура быка. Сметливые пришельцы разрезали шкуру на множество очень тонких полосок и очертили ими пространство гораздо большее, чем собирався уступить тирянам Хиарбас.

Согласно одной греко-римской легенде, новое поселение — Карфаген — начало быстро обустраиваться. Отовсюду люди ехали сюда не только торговать, но и жить. По мере увеличения численности населения и богатства города нарастало и недовольство ливийского царя. Наконец Хиарбас решил жениться на Элиссе, пригрозив войной, если она откажет ему. Старейшины не хотели сообщать царице эту малоприятную новость, но она убедила их сделать это, сказав, что им не следует бояться суровых испытаний, если они во благо нового государства. Старейшины тогда поведали ей об ультиматуме Хиарбаса, прибавив, используя ее же аргументацию: если она побоится тяжелых испытаний замужества, то погубит город. Элиссе

ничего не оставалось, как согласиться с желаниями своего народа. Но сначала она приказала соорудить большой костер для жертвоприношений духам своего первого супруга. Когда костер запылал, царица поднялась наверх и, повернувшись к людям, провозгласила: теперь она, исполняя их желания, готова отправиться к мужу. И Элисса вонзила в себя меч.

Трудно сказать, насколько правдива эта причудливая история верности, коварства и любви и имеет ли она вообще какое-либо отношение к реалиям основания Карфагена. Самое раннее упоминание о ней содержится в греческом источнике, относящемся к III веку до н. э.: в наиболее полном виде она изложена Трогом Помпеем, галло-римским историком, писавшим свои труды в последние десятилетия I века до нашей эры². Кроме того, миф об Элиссе отражает не только стилистические установки эллинистической литературы, но и существовавшие греческие и римские предрассудки о Карфагене и его обитателях. Плутовские уловки Элиссы в преодолении препятствий намеренно противопоставлялись добродетелям римлян, которые они на протяжении почти всей своей истории приписывали себе — и прежде всего *fides*, верность, праведность³. Карфагеняне представлены в легенде как люди вероломные и лживые. Подобно финикийским собратьям, они привыкли повиноваться женщинам и страдать от таких чисто женских прихотей, как истеричность и завистливость. К тому же они еще болезненно одержимы страхом смерти, обладают чрезмерной похотливостью и страстью к обогащению.

Некоторые историки не прочь предположить, что в греческой легенде зарыты воспоминания самих карфагенян о своем древнем прошлом. Высказывалось мнение, будто сами карфагеняне сознательно создали и распространяли миф об Элиссе, лелея и приукрашивая его, подобно тому как американцы пестуют День благодарения⁴. Однако представляется совершенно невероятным, чтобы им полюбилась история, выставляющая их в столь негативном свете. В действительности отдельные элементы мифа об Элиссе сложились в общепринятое

теперь повествование лишь в первой половине III века, и, по мнению многих исследователей, к этому руку приложил Тимей Тавроменийский⁵.

Нередко ссылаются на описание финикийцев во II веке нашей эры, принадлежащее левантийскому автору Филону Библскому, претендовавшему на то, что он изучал древние анналы Тира. В этих анналах упоминается о том, что тирский царь Маттан I передал трон своему одиннадцатилетнему сыну Пигмалиону в 820 году, после чего последовали побег его сестры Элиссы и основание ею Карфагена в 814 году. Однако находка в одной из могил Карфагена золотого медальона с начертаниями имен Пигмалиона и Астарты послужила возникновению теории о том, что ее обитатель Йадамилк был воином, входившим в состав первой тирской экспедиции, а наличие имени Пигмалиона на медальоне означает, что, возможно, сам царь и побудил диссидентов основать Карфаген⁶.

Однако и это зыбкое подтверждение исторической достоверности легенды об Элиссе оказалось несостоятельным, когда обнаружилось, что захоронение Йадамилка датируется не последними десятилетиями IX века, а тремя столетиями позже⁷. Самые ранние археологические слои Карфагена относятся к 760 году, хотя данные новых исследований первоначальных фаз жизнедеятельности города могут сдвинуть эту дату в более далекое прошлое⁸. Кроме того, существуют сомнения в отношении исторических свидетельств Филона. Возникли подозрения, что он почерпнул информацию не из древних финикийских текстов, а заимствовал историю у тех же греческих авторов, от которых римляне узнали об Элиссе⁹.

Тем не менее, несмотря на возможность фабрикаций поздними греческими авторами, некоторые элементы мифа могут быть основаны на информации или толкованиях, полученных при контактах с городом. Еще одна версия основания Карфагена, изложенная греко-сицилийским историком IV века Филистом, указывает имена вождей первого поселения: тиряня Азороса и Кархедона — явно производные слова от пуничес-

ких/финикийских понятий *sor* («скала») и *Qart-Hadasht* (Картадашт — Карфаген)¹⁰.

С историей Элиссы и бычьей шкуры связана еще одна загадка. Бирсу, холм, служивший цитаделью на протяжении всей истории Карфагена, называли так, вероятно, используя аккадское слово *birtu*, означающее «крепость». Однако на греческом языке похожим словом *bursa* называется бычья шкура: поэтому, возможно, основание города у греческих авторов и вызвало соответствующую «бычачью» ассоциацию¹¹.

Центральная роль Тира в формировании идентичности карфагенской элиты не плод воображения греков. В истории города постоянно встречаются упоминания *bn Sr* («сыны Тира») или *h Sry* («тиряне»), что может указывать на тирское происхождение тех или иных индивидуумов либо служить признаком того, что кровные связи с прародиной придавали их обладателю особый статус¹². Тирское происхождение, возможно, имело немаловажное значение в стремительно растущем городе, привлекавшем людей не только из всего финикийского мира, но и ливийцев¹³. Кроме того, традиционные взаимоотношения с Тиром старательно поддерживались культами Мелькарта, Астарты, Эшмуна и других божеств, тоже прочно обосновавшихся в Карфагене¹⁴. Свой сыновний долг перед метрополией карфагеняне неукоснительно исполняли, ежегодно отправляя в Тир флотилию кораблей с представителями элиты, которые везли Мелькарту полагающуюся десятину доходов города¹⁵.

Становление державы

Легенда об Элиссе свидетельствует: и карфагеняне, и греки считали, что город зарождался в совершенно необычных обстоятельствах, определивших его особое место среди финикийских колоний на Западе¹⁶. Действительно, археологические данные подтверждают: новое поселение развивалось исключительно быстрыми темпами. Уже само название *Quart-Ha-*

dasht, «новый город», указывает на то, что Карфаген основывался как колония, а не обыкновенная торговая фактория¹⁷. В стратегическом отношении место для его закладки было выбрано очень удачно: на пересечении двух важнейших торговых путей — с востока на запад из Леванта в Испанию и с севера на юг по Тирренскому морю. Пример Гадеса убеждает нас в том, что некоторые колонии тиряне создавали не только для расширения товарообмена, но и для оказания содействия другим, менее крупным финикийским торговым факториям. Этим отчасти можно объяснить быстрый рост Карфагена.

Торговый путь север — юг был особенно важен для Карфагена. Он связывал город с Сицилией, Сардинией, Италией, материковой Грецией и эгейским регионом. При раскопках ранних культурных слоев Карфагена найдено большое количество образцов греческой керамики — и эвбейской, и коринфской¹⁸. Это доказывает, что уже в VIII веке Карфаген был ключевым звеном в тирренской торговой сети, включавшей в себя Сант-Имбениу, Пифекусу и Этрурию. Похоже, особенно активно карфагеняне торговали с Пифекусой: значительная часть керамики, относящейся к раннему Карфагену, завезена с этого острова. Карфагеняне тоже экспортировали свои товары и керамику в Пифекусу¹⁹.

Имеются археологические данные, относящиеся к VIII и VII векам и подтверждающие ввоз в Карфаген товаров из Центральной Италии²⁰. По всей видимости, керамика греческого стиля изготовлялась и в самом Карфагене. Это предполагает, что в городе обосновалась община эвбейских гончаров или карфагеняне освоили их ремесло²¹. Вероятно, Карфаген с самого начала приобрел характер космополитического города, привлекая поселенцев самых разных национальностей, сохраняя в то же время свою сугубо «тирскую» идентичность. Хотя торговля с Левантом и Испанией продолжала играть важную роль на протяжении всей истории Карфагена, нельзя сказать, что его экономика основывалась лишь на скупке-продаже металлов по иберийско-левантийскому маршруту: коммерчес-

кая активность города в большей мере ориентировалась на динамичный тирренский рынок²².

Судя по данным палеоботанических исследований, диета ранних поселенцев состояла в основном из ячменя, пшеницы различных сортов, овсяной крупы, других злаков, чечевицы, бобов, оливок, фруктов и вин²³. В питании полностью отсутствовало мясо домашней птицы, ранние карфагеняне предпочитали диких гусей и уток. В домашнем хозяйстве они разводили крупный рогатый скот, овец и коз, причем ели мясо любых копытных животных. Как показали исследования костей, животные забивались преимущественно в сравнительно молодом возрасте²⁴. Принадлежат ли эти данные раннему периоду существования Карфагена, археологам еще предстоит выяснить. Миф об Элиссе свидетельствует, что материковая часть поселения была довольно ограниченная в первые два столетия. Анализы амфор, в которых содержались продукты, подтвердили, что раннее поселение завозило пропитание из самых разных мест, включая Испанию, Италию, Сицилию, Грецию, Эгею и Левант²⁵.

Хотя археологам еще предстоит установить местонахождение гаваней и общественных зданий самого раннего периода, имеющиеся данные указывают на то, что прибрежная равнина уже была густо заполнена жилищами, сделанными из высушенных на солнце кирпичей и формировавшими улицы с колодцами, садами и площадями. Все поселение представляло собой строго спланированную композицию, выстроенную параллельно береговой линии. К началу VII века его окружала впечатляющая эскарповая стена шириной три метра²⁶. Город развивался столь быстро, что, по имеющимся свидетельствам, уже в первом столетии его существования происходили сносы и переустройство прежних сооружений. К примеру, карфагеняне переместили старое кладбище на новое место для возведения металлообрабатывающих мастерских²⁷.

В городе было еще три кладбища, и, судя по их размерам, можно предположить, что спустя около столетия после основания в городе проживало до 30 000 человек²⁸. Усопших хоро-

нили в подземных склепах или гробницах — в выложенных плитами могилах, обыкновенно накрытых одной большой плитой и обустроенных в зависимости от материальной состоятельности семьи²⁹. В могилы обычно укладывали различные бытовые предметы — бритвенные лезвия, благовония, флаконы с парфюмерией, косметику, чаши, лампы, а также статуэтки и жертвенники: они предназначались для того, чтобы облегчить вхождение покойника в загробный мир. Умершего человека вначале обмывали и натирали маслами, а затем гримировали лицо. Тело потом выставляли для прощания, на специальном алтаре предлагались напитки и еда, после поминального обеда начиналось шествие похоронной процессии с плакальщиками³⁰. Наконец усопшего предавали земле вместе с предметами, которые, согласно верованиям, ему понадобятся и в загробной жизни: инструментом, оружием и печатями, едой, благовониями и травами, керамическими изделиями. Его также полагалось снабдить амулетами и другими аналогичными вещами для того, чтобы уберечь от злых духов.

Судя по обыденности погребальной утвари, карфагеняне верили в то, что загробная жизнь подобна той, которую они проводят в трудах и заботах на земле. Надмогильные надписи подтверждают эту теорию: в них говорится о душе, которая и ест, и пьет, предостерегая живых, чтобы они не вскрывали могилы и не беспокоили умерших³¹. Карфагеняне искренне думали, что душа человека после смерти разделяется на две части. *Néphesh*, ее материальная субстанция, пребывает в могиле и испытывает те же потребности, что и живой человек. Духовное содержание умершего человека, *rouah*, отправляется в мир мертвых³².

Тела богатых карфагенян зачастую погребались с предметами роскоши, которые позволяют составить представление о характере их потребления и производства в городе. Хотя вначале предметы роскоши завозились из Леванта, Египта и других регионов Ближнего Востока, к середине VII века Карфаген превратился в крупнейшего их производителя, создав промышленную зону за городскими стенами — с печами для обжига глины, красильнями и металлообрабатывающими мастерскими³³. В городе наладилось массовое изготовление терракотовых статуэток, масок, ювелирных украшений, резных изделий из слоновой кости, которые поставлялись во все западные финикийские колонии³⁴.

Однако возрастающая региональная значимость Карфагена основывалась не только на промышленном производстве. Город стал и главным потребителем продуктов питания и сырьевых материалов, которых ему недоставало из-за ограниченности собственной материковой территории. Это, в свою очередь, влияло на соответствующую организацию других финикийских колоний в Центральном Средиземноморье. На Сардинии, например, финикийские колонисты в VII веке основали несколько новых поселений, в том числе и с фортификациями: Отока (возле Тарроса), Бития, Куккурредус, Монте-Сираи и Пани-Лорига. Новые фактории отличались от других колоний отсутствием религиозных и общественных зданий и

малочисленностью населения. Их основное назначение состояло в том, чтобы обеспечивать доступ к плодородным равнинам и месторождениям руд в горах³⁵. Возникновение этих поселений по времени совпало с исчезновением из археологической инвентаризации Карфагена амфоры, изготовлявшейся нуратийцами и использовавшейся для перевозки как руд, так и продовольствия³⁶. Это обстоятельство может указывать на то, что создание поселений было частью финикийской стратегии, нацеленной на обретение контроля над материальными ресурсами и средствами производства на острове для удовлетворения потребностей растущего карфагенского рынка³⁷.

Некоторые ранние гробницы Карфагена отличаются изощренной конструкцией и роскошью погребального убранства. В них находят золотые медальоны, кольцо и серьги, гребни и зеркальца с резными ручками из слоновой кости, амулеты и скарабеи, выполненные из фарфора, покрытые глазурью и украшенные изображениями египетских богов и фараонов, отпугивающих злых духов. Это доказывает, что город привлекал представителей финикийского торгового класса, а они, используя его возможности, обогащались еще больше³⁸. В Карфагене сформировалось ядро финикийской купеческой элиты, которая в дальнейшем определяла и управляла его судьбой на протяжении почти всей истории города.

Позднее греки заявят, что Карфагеном правили «цари» вплоть до VI века. Однако это суждение основано на недопонимании его олигархического режима³⁹. С самого начала городом управляла аристократическая клика, именовавшаяся *b'lm*, группа господ или князей, контролировавших все важнейшие юридические, административные, религиозные и военные структуры государства⁴⁰. На вершине этой иерархии находились члены семьи, чье богатство и могущество позволили им возвыситься над другими представителями элиты в данный исторический период. Греческие авторы называли их «царями», и эти индивидуумы, похоже, на самом деле обладали некой властью над своими согражданами, особенно в сфере

командования армиями. От последних десятилетий VI века и до первого десятилетия IV века в Карфагене главенствовало семейство Магонидов. Однако право называться «царями» не принадлежало какой-то одной семье. Хотя они и обладали монархической властью, «царствование» не было наследственным: властью их наделял консультативный Совет старейшин⁴¹. История Элиссы могла послужить средством легитимизации привилегированного статуса карфагенской элиты, не имевшей такого же блистательного происхождения. В то же время идея первой женщины-царицы, умершей бездетной, оправдывала существование олигархической системы и исключала наследственность прав на автократическое правление.

Гордость карфагенян своим тирским происхождением не имела ничего общего с рабской приверженностью к политическим и экономическим предпочтениям родины-матери. Карфаген очень скоро продемонстрировал, что намерен следовать собственным курсом в политических штормах Средиземноморья, установив прочные торговые отношения с Египтом, когда они были запрещены финикийским городам ассирийским «союзником».

Тофеты и жертвоприношения детей

Такую же независимость Карфаген проявлял и в религиозных делах. Религиозные ритуалы играли первостепенную роль в утверждении самостоятельной идентичности города, и не только в силу того, что они обеспечивали политическое господство элиты. Как и на Ближнем Востоке, самыми богатыми и могущественными институтами в Карфагене были храмы, и управляли ими представители элиты, исполнявшие функции верховных жрецов. В крупнейших святилищах трудилось множество сотрудников. Армии писцов, хористов, музыкантов, осветителей, брадобреев и мясников обеспечивали безукоризненное исполнение священных ритуалов в честь божеств, для которых эти храмы и были воздвигнуты. О высочайшей орга-

низации культовых мероприятий свидетельствует хотя бы то, что существовали специальные тарифные перечни, устанавливавшие расценки на каждое жертвоприношение, причем они подразделялись на различные ценовые категории. Такие документы гарантировали достойное проживание легиону карфагенских жрецов и служащих храмов и предоставляли определенную защиту клиентам, информированным о штрафах, налагавшихся на жрецов, нарушавших ценовые нормы⁴². Элита не только надзирала за этими процветающими организациями и их богатейшими ресурсами, но и использовала храмы для проведения клубных обедов и ритуалов.

Мелькарт, несмотря на первенство в пантеоне Тира и основных западных финикийских колоний, таких как Гадес и Ликс, никогда не главенствовал в Карфагене, хотя и входил в число старших богов, имел свой храм в городе и жрецов, исполнявших и традиционный ритуал *egersis*⁴³. Самыми авторитетными божествами в Карфагене считались Баал-Хаммон и его консорт Тиннит. Однако богиня, хотя и именовалась «лицом Баала» в карфагенских надписях, никоим образом не была младшим партнером супруга. Характерный знак Тиннит — стилизованная женская фигура* — присутствует на многих стелах, найденных в Карфагене, и она нередко предстает как покровительница города — большая честь для богини, прежде служившей младшим идолом в Финикии⁴⁴. В то же время Баал-Хаммон, символом которого обычно был полумесяц, всегда признавался главным богом в Леванте. Слово «Баал» трактуется как титул или префикс в значении «владыка» или «господин», присваивавшийся целому ряду различных богов. Смысловое значение слова «Хаммон» менее известно. Возможно, в нем содержится финикийский лингвистический корень *hmm*, означающий «горячий» или «горящий», и это может указывать на то, что Хаммон считался «властелином очагов и жаровен»⁴⁵.

* Растянутый треугольник с диском наверху и поперечиной, напоминающей руки. Некоторые специалисты ассоциируют этот символ с египетским знаком «анх».

Автономность Карфагена проявлялась не только во введении нового религиозного порядка, но и в методологии его соблюдения. Начиная с третьего тысячелетия в ближневосточных древних текстах упоминается обряд молк (*mlk*), то есть «дар» или «приношение». Так обычно называли жертвоприношение первенцев для того, чтобы умиловить богов и отвести беду. Этот обычай фигурирует и во многих постановлениях Ветхого Завета. В книге «Исход» израильтянам повелевается «отдавать Мне первенца из сынов» своих. Упоминаются также принесение в жертву сыновей двумя иудейскими царями* и отвержение иудеями чужеземной (вроде бы) традиции⁴⁶.

Согласно довольно сомнительным утверждениям одного позднего греческого автора, финикийцы во времена бедствий приносили в жертву царевичей, обезглавливая их в честь своего бога Эла: они следовали примеру божества, пожертвовавшего «единородного» сына Йехуда ради спасения страны⁴⁷. Археология пока подтвердила существование в Леванте лишь одного тофета, как называли исследователи священные места, где предположительно совершались жертвоприношения, и нашла лишь одну стелу с упоминанием ритуала молк⁴⁸. В книге «Бытие» Бог разрешил Аврааму, испытав его на верность, принести в жертву барана вместо сына Исаака. Это дало повод ученым утверждать, что чаще всего на жертвенниках оказывались не дети человека, а детеныши животных. По всей видимости, обычай молк полностью был изжит в Финикии к VII веку.

Тем не менее до нас дошли реальные упоминания древними греками существовавшей в Карфагене практики принесения в жертву детей⁴⁹. Самое полное и драматическое описание церемонии принадлежит перу сицилийского историка Диодора: «В их городе стояла бронзовая статуя Крона (греческий вариант Баал-Хаммона) с вытянутыми руками: его ладони

* Библейская формулировка: провести через огонь. Речь идет о царях Ахазе и Манассии.

были повернуты вверх и слегка наклонены книзу, с тем чтобы ребенок скатывался с них и падал в зев ямы, наполненной огнем»⁵⁰. Ужасает и жуткое изображение Клитархом, философом и биографом III века*, спекающихся детских конечностей и широко открытых ртов, будто смеющихся, когда их охватывает огонь⁵¹. Как свидетельствует греческий писатель I века нашей эры Плутарх в труде «О суеверии», родители старались подменить собственных младенцев детьми, купленными на улице, чьи матери лишались гонорара, если начинали оплакивать или скорбеть об утрате. Во время совершения обряда звучала громкая музыка, заглушавшая вопли жертв⁵².

Все эти обвинения в бесчеловечности можно было бы посчитать наветами зловредных греков, если бы не появились открытия, сделанные двумя настырными французскими колониальными чиновниками Франсуа Икаром и Полем Жьелли в двадцатых годах XX века. Их внимание привлек один тунисский торговец древностями, владевший великолепными образцами пунических стел. Особенно французов заинтересовала стела с изображением человека в одеянии жреца, поднявшего правую руку как бы в молении, а в левой руке держащего запеленатого младенца. Надпись состояла всего из трех букв *MLK*. Обнаружил ли перекупщик сокровенное место, где карфагеняне продолжали вершить мрачные деяния своих финикийских предшественников? Однажды ночью французы проникли в карьер, где откапывались стелы: он находился неподалеку от большой прямоугольной гавани. Уговорив владельца продать участок, они сразу же принялись за работу. Их усилия не пропали даром. Во время раскопок были найдены несколько материальных свидетельств вотивных жертвоприношений. Каждое из них состояло из стелы, содержащей посвящения Баал-Хаммону и Тиннит, и терракотовой урны с окаменевшими костями, а иногда с ювелирными украшениями и амулетами. Когда специалисты исследовали содержимое урн,

* Если имеется в виду древнегреческий историк и биограф Клитарх, то он жил и писал в IV веке до н. э.

то оказалось, что почти в каждой обнаруживались сгоревшие останки детей. Франсуа Икар и Поль Жьелли нашли не что иное, как тофет. Дальнейшие раскопки, проведенные французами, подтвердили, что место его расположения относится к одному из древнейших районов финикийского Карфагена⁵³.

Исследователи выяснили, что тофет в Карфагене действовал по меньшей мере с середины VIII века. Подтвердилось и то, что западные финикийцы продолжали практиковать молк и после того, как от этого обычая давно отказались их левантийские собратья. Отмечены три основных периода в функционировании тофета. Первая фаза датируется приблизительно 730–600 годами, и она характеризуется особенно искусными votivными памятниками: обелисками и L-образными тронами, называвшимися *cipri* (циппусами). Анализы урн этого периода показали, что в них содержались сгоревшие останки и детей, и животных⁵⁴.

Тофет в Карфагене настолько изуродовали поколения археологов, что практически невозможно воссоздать реальную среду, в которой совершались ритуалы. Лучше сохранились другие тофеты в Западном Средиземноморье. Например, тофет в Сульцисе на побережье Сардинии представлял собой большую прямоугольную площадку, огороженную на скальном обнажении массивными блоками трахита. Мощные стены и наличие цистерны для воды наводят на мысль о том, что он использовался местными жителями и как надежное убежище.

Анализ костей и сгоревших останков в карфагенском тофете подтвердил один несомненный факт: в значительной мере это были мертворожденные или только что родившиеся младенцы, умершие естественной смертью. Аналогичные данные получены при исследовании тофета в Тарросе на острове Сардиния: возраст лишь 2 процентов детей измеряется более чем несколькими месяцами⁵⁵. Одно из возможных объяснений этому факту — то, что для жертвоприношения живые дети подменялись мертвыми, а при отсутствии последних жертвами становились птицы или животные.

Скептики, сомневающиеся в том, что карфагеняне и другие западные финикийцы приносили в жертву детей, ссылаются еще на одно обстоятельство: малочисленность детских погребений на кладбищах данного периода — лишь в ста из 2000 обнаруженных пока могил содержатся кости младенцев, крайне странная пропорция, если учесть, что детская смертность в то время составляла от 30 до 40 процентов. Эти данные позволили выдвинуть теорию относительно того, что тофет на самом деле служил местом захоронения тех, кто не достиг возраста полноценного члена общины. Размещение тофетов на городских окраинах предполагает также, что жертв считали маргиналами, оказавшимися на периферии общества. Церемония молк, таким образом, могла означать подношение мертвого ребенка богу или богине, а не жертвование.

Подобные заключения согласуются с материальными свидетельствами о ранних фазах функционирования тофета в Карфагене. Гораздо менее они совпадают с поздними археологическими данными. Обследование урн, относящихся к IV–III векам, показало более высокое содержание в них праха младенцев. Если человеческие останки VII–VI веков принадлежали недоношенным или новорожденным младенцам, то в погребениях более позднего периода обнаруживался прах детей в возрасте от одного до трех лет. В некоторых урнах содержались кости двух-трех детей: обычно возраст одного из них составлял от двух до четырех лет, а другие были недоношенными или недавно рожденными младенцами. Возрастная разница (до двух лет) предполагает, что они были единокровными детьми. Одно из возможных объяснений этого обстоятельства может заключаться в том, что для ублажения Баала или Тиннит уже было недостаточно принести в жертву мертворожденного младенца или животное: требовалось пожертвовать божествам старшего ребенка, если обещанный ребенок родился мертвым. В надписях на стелах карфагенские отцы обычно употребляли притяжательные местоимения *BNT* или *BT*, подтверждая, что приносят в жертву не суррогат, а

собственное дитя. Вот образчик типичного послания божествам из тофета в Карфагене: «Госпоже Тиннит, лику Баала, и Баал-Хаммону Бомилькар, сын Ганнона, внук Милькиатона посвящает своего единокровного сына. Да придет ему ваше благословение!»⁵⁶

Утверждение, будто тофет был своего рода детским акрополем, опровергается тем, что пропорциональное соотношение детских захоронений на кладбищах в пуническом Карфагене примерно такое же, как и по всему Древнему миру. Недостаток данных о зафиксированных детских останках может быть результатом того, что археологи просто-напросто игнорировали крошечные или плохо сохранившиеся кости. Греческие авторы-современники были убеждены в том, что карфагеняне приносили в жертву детей, и археологические данные не позволяют отвергать свидетельства древних греков как клевету на пунический Карфаген.

Можно сделать один вывод: во времена тяжелых испытаний карфагеняне и другие западные финикийцы действительно приносили в жертву своих детей ради благополучия семей и общин. Археология также свидетельствует и о том, что тофеты не считались местом совершения некоего злостного таинства, а были скорее символом престижа и величия. Обладание тофетом указывало на особый статус, на который могли претендовать только самые большие и богатые поселения, а кандидатами на жертвоприношение богам были прежде всего дети элиты⁵⁷. Ритуалы, совершавшиеся в тофетах, имели жизненно важное значение для всей общины, и они поощрялись властями⁵⁸.

В сохранении тофетов в Карфагене и других западных финикийских поселениях проявились одновременно и приверженность левантийскому наследию, и стремление к политическому и культурному отделению от метрополии. То, что тофет как религиозный институт продолжал функционировать на западе многие столетия после его исчезновения в Леванте, отражает не только консерватизм иммигрантских общин. Это

обстоятельство подтверждало жизнеспособность западного финикийского мира, нарождавшегося из тени левантийского прошлого.

Рождение торговой сверхдержавы

В 573 году после тринадцатилетней осады Тиру все-таки пришлось подписать унижительный мир с вавилонским царем Навуходоносором. Историки традиционно связывают с этой датой кончину независимой тирской торговой империи, ввергнувшей в экономический кризис и финикийские колонии на далеком западе⁵⁹. В действительности оба события стали следствием одного и того же бедствия: коллапса ценности серебра. К началу VI столетия Ближний Восток перенасытился этим металлом, что привело к резкому сокращению морского сообщения между Испанией и Левантом.

Тир больше не пользовался иммунитетом как основной дилер на рынке драгоценных металлов, и многие финикийские торговые фактории на южном побережье Испании теперь были обречены на вымирание. Некоторые из них еще держались на плаву благодаря грузовым судам, проходившим через Гадес. Как только корабли перестали курсировать, поселения опустели. Финикийские колонии в Центральном Средиземноморье вышли из экономического кризиса практически невредимыми, поскольку они зависели главным образом от торговли на тирренском направлении север — юг и связей с эгейским миром⁶⁰.

Для Карфагена исчезновение тирских торговых кораблей в регионе открыло новые возможности для расширения собственной торговой сети, особенно в сфере поставок товаров и сырьевых материалов из Восточного Средиземноморья, Египта и Леванта⁶¹. Коллапс торговых путей между Левантом и Испанией, игравших важную роль в раннем становлении Карфагена, теперь послужил катализатором, по выражению одного немецкого историка, «*Der Aufstieg zur Grossmacht*» — «рождения сверхдержавы»⁶².

О характере этой сверхдержавы у специалистов нет единого мнения. Многие историки под впечатлением от деяний империй Древнего и Нового мира склонны рассматривать Карфаген как империалистическую державу, стремившуюся подчинить земли Западного Средиземноморья военными и экономическими средствами⁶³. Враждебная древняя греческая историография и более поздние предубеждения вложили свою лепту в создание образа агрессивных карфагенян, зловредных восточных поработителей Древнего мира, уже познавшего западную цивилизацию. В особенности это касалось Испании: карфагенян нередко обвиняли в гибели древних тартесских царств. Проповедники идеи, будто Тартесс воплощал великую западную цивилизацию — эдакая западная Троя, — доказывали, что древняя Андалусия подверглась зверскому вторжению карфагенян в последние десятилетия VI века⁶⁴. Эти утверждения позднее были подкреплены римлянами, заявлявшими, что карфагеняне предательски захватили Гадес, когда граждане города попросили защитить их от испанцев⁶⁵.

Известны и другие обвинения Карфагена в империалистических устремлениях. Согласно римскому историку III века нашей эры Юстину, опиравшемуся на утерянные сведения Помпея Трога («История Филиппа»), Малх, карфагенский полководец, овладел почти всем островом Сицилия, но потерпел сокрушительное поражение на Сардинии в середине VI века. Карфагенский Совет старейшин, возмущившись унижением, наказал военачальника и его уцелевших воинов, отправив их в изгнание. Однако Малх тоже вознегодовал, помня о своих прошлых победах. В отместку он осадил Карфаген и сумел взять его. Дело кончилось тем, что его все-таки казнили, вменив ему в вину заговор с целью самому стать царем⁶⁶.

По сообщению того же Юстина, позднее в VI веке другой карфагенский полководец по имени Магон послал на Сардинию армию, которой командовали его сыновья Гасдрубал и Гамилькар. Экспедицию ожидала катастрофа, когда от ран умер Гасдрубал. Однако карфагеняне смогли закрепиться на

южной половине острова и вынудили несколько местных племен уйти в горы⁶⁷. Действительно, существуют археологические свидетельства беспорядков на острове в середине VI века. Финикийцам пришлось покинуть свои опорные поселения Монте-Сираи и Куккурредус, причем Куккурредус был сожжен, а главное нурагийское поселение Су-Нуракси — полностью разрушено⁶⁸.

К подобным драматическим историям о деспотизме и захватнических устремлениях Карфагена в VI веке следует относиться скептически, поскольку они написаны в более поздний период и во времена (после Пунических войн), когда негативные стереотипы по отношению к карфагенянам прочно утвердились в сознании греков и римлян. На Сардинии не обнаружено признаков долговременной карфагенской оккупации в данный период. Археологические свидетельства насилия и беспорядков могут отражать конфликты между финикийскими поселенцами и абorigенами или междоусобные столкновения самих нурагийцев⁶⁹.

Если в историях о Малхе и Магоне и есть какая-то доля правды, то они скорее всего являются литературными работками воспоминаний о кратковременной интервенции карфагенян для защиты финикийских интересов на острове. В первой половине VI века Карфаген все еще ввозил из-за моря до 50 процентов продовольствия и Сардиния оставалась важнейшим поставщиком⁷⁰. Карфагенская стратегия на острове в VI веке характеризовалась не агрессивными завоеваниями. Карфагенян больше интересовало совершенствование системы сбора и транспортировки сельскохозяйственной продукции и сырья, для чего они основали два новых города — Карали (Кальяри) и Неаполис (Неаполь)⁷¹.

В Южной Испании тоже не существует убедительных свидетельств карфагенского вторжения. Карфаген не имел никакого отношения к коллапсу тартесских царств, он произошел вследствие междоусобиц и краха левантийской торговли металлами, главного источника обогащения элиты⁷². Если воен-

ные интервенции, упоминавшиеся поздними авторами, и происходили в действительности, то они были временные, поскольку нет археологических подтверждений длительной оккупации Южной Испании. Карфаген частично заполнил экономический вакуум, образовавшийся после краха торговли металлами между Иберией и Левантом, но это вторжение имело ограниченный характер. В Андалусии отмечена определенная колониальная активность карфагенян (например, в Вильярикосе), однако основные усилия они сосредоточили на реорганизации и расширении действующих финикийских поселений, таких как Малага и Эбузус* (на Ибике)⁷³. Только в конце V — начале IV века Карфаген начал устанавливать контроль над заморскими территориями, но и тогда его действия не укладывались в рамки того, что мы называем «империалистической политикой». Мы не можем говорить о территориальных завоеваниях, административном управлении, сборе податей, организации коммерческих монополий или монополизации внешней политики⁷⁴.

Экспансия в Африку

Коммерческая экспансия Карфагена в этот период традиционно объясняется нехваткой сельскохозяйственных угодий⁷⁵. Однако новые археологические свидетельства убеждают в том, что, несмотря на расширение и укрепление заморских торговых плацдармов, карфагеняне постепенно освобождались от чужеземной продовольственной зависимости. Палеоботанические исследования доказали необычайное разнообразие диеты граждан Карфагена. В рацион питания входили ячмень, пшеница и другие злаки, множество овощей, бобовых и чечевицы, фруктов — гранатов, инжира, винограда, оливок, слив и дынь, а также миндаль и фисташки. Карфагеняне употребляли много рыбы и других даров моря, ели баранину, козлятину, свинину, курятину, иногда даже собак⁷⁶. Начиная со второй

* Также Эбес или Эбесс.

половины VI века едой их обеспечивали в основном собственные североафриканские земли⁷⁷.

Нам неизвестно, каким образом достались им эти территории — посредством заключения союзов с местными ливийскими вождями или завоеваниями. Археология подтверждает лишь то, что уже в VI веке карфагеняне владели плодородными землями долины реки Меджерда и полуострова Бон, построив форты и поселения⁷⁸. Красочное описание этого края (теперь часть северо-востока Туниса) оставил нам Диодор Сицилийский:

«Повсюду... виднелись огороды и сады, орошаемые многочисленными источниками и каналами. Между ними белели известью добротные дома, выстроенные вдоль дороги и демонстрировавшие богатство их обитателей. В жилищах имелось все необходимое для наслаждения жизнью и приобретенное за годы длительного мира. Здесь выращивали виноград, оливки и множество разнообразных фруктов. По обеим сторонам дороги на равнине паслись стада крупного рогатого скота и овец, а за главным пастбищем, ближе к болоту, темнели табуны лошадей. Коротко говоря, в этих землях сразу бросается в глаза благосостояние самых знатных землевладельцев Карфагена, употребляющих свое богатство для получения жизненных удовольствий»⁷⁹.

Сорок лет назад археологам посчастливилось обнаружить одно из карфагенских поселений на мысе Бон — Керкуан. Эта находка уникальна. Руины других поселений, если они существуют, недоступны, так как запрятаны под древнеримскими, византийскими, арабскими, а теперь и тунисскими строениями. Керкуан тоже был разрушен римлянами. Но ни римляне, ни другие пришельцы не посчитали нужным его восстанавливать или строить на этом месте новый город. Мы даже не знаем, как карфагеняне называли это маленькое поселение. Наименование Керкуан (присвоенное археологами) не фигурирует в сохранившихся исторических свидетельствах Древ-

него мира. Тем не менее это открытие археологов дало нам редкую возможность представить себе жизнь в поселении пунической Северной Африки⁸⁰.

А жизнь для большинства его обитателей, как можно догадаться, была нелегкой, сводясь главным образом к добычанию средств для существования, в чем и убеждает нас археологическое исследование Керкуана. Хотя воды было предостаточно, она имела солоноватый вкус, а почвенный слой вокруг был слишком мал для продуктивного земледелия. Поселение располагалось у моря, но не имело естественной гавани. Керкуан оказался городом, забытым историей и пролежавшим под дюнами в неизвестности более двух тысяч лет.

Руины датируются в основном началом III века, то есть временем, предшествовавшим его окончательному разрушению. Тем не менее по Керкуану можно составить полное представление о типичном небольшом пуническом городе в Северной Африке⁸¹. В нем, вероятно, проживало не более 1200 человек, и они занимались преимущественно рыболовством и различными ремеслами, главными среди которых были добывание соли, изготовление пурпурных красителей (на месте поселения найдено множество раковин) и соуса гарум.

Несмотря на скромные размеры, город имел свободную сетчатую планировку и состоял из широких улиц, перемежавшихся общественными площадями. Самым заметным общественным зданием был скорее всего храм, и он, наверное, производил соответствующее впечатление. Вход обрамляли пилястры, вестибюль вел в просторный двор, разделенный на две части алтарем и подиумом. Жертвенный алтарь располагался в передней половине, а другая половина двора предназначалась для ритуальных обедов. Хотя археологи в точности не выяснили, каким божествам поклонялись в храме, артефакты, найденные при раскопках (в том числе votivный наконечник стрелы), позволяют предположить, что ими были Мелькарт, его сын Цид и Тиннит, а это, в свою очередь, может указывать на первоначальный статус Керкуана как «колониального»

поселения на чужеземной территории. Две терракотовые мужские головы — бородатого пожилого божества и молодого безбородого бога, оба в закругленных конических тиарах — напоминают иконографию Цида и Мелькарта в храме Антаса на Сардинии⁸².

Частные резиденции на просторных авеню напоминали скорее особняки. Стены воздвигались традиционным пуническим методом: бутовой засыпкой, усиленной через равные интервалы прямоугольными, стоящими вертикально камнями. Комнаты и подсобные помещения располагались вокруг центрального двора. В одних комнатах имелись встроенные шкафы и комоды, в других — стенные печи для приготовления хлеба (наподобие табурн, которыми и сегодня пользуются в Тунисе). Многие дома были двухэтажные: на втором уровне, помимо комнат, находилась еще и терраса.

Но археологов в Керкуане больше всего поразило обилие ванн и их техническое исполнение. В отличие от Карфагена, где сидячие ванны были свободно стоящими, здесь они обычно встраивались в комнаты, имели ступенчатое сиденье, подлокотники и небольшой бассейн, покрытый водонепроницаемой замазкой. Некоторые ваннные комнаты разделялись на две части: одна из них предназначалась для переодевания, а другая — для купания. В греческих домах ваннные комнаты обычно примыкали к кухне, в Керкуане они располагались при входном вестибюле или коридоре, ведущем с улицы в дом. Такое местоположение можно объяснить элементарным практицизмом: оно облегчало устройство дренажа и подачи воды. Однако напрашивается и другой вывод. Пунийцы, похоже, считали омовение тела важнейшим ритуальным действием очищения, необходимым после общественных и уличных контактов перед вступлением в интимную сферу семейной жизни⁸³.

Керкуан оставил нам полезные свидетельства и о том, как уживались карфагеняне с местным ливийским населением⁸⁴. Хотя и религиозные обряды, и архитектура города были типично карфагенские, а письменность была пуническая, сохра-

нялись и ливийские традиции. Это особенно проявлялось в погребальных ритуалах. Склеп Зибака, литейщика, подтвердил, что при его захоронении полностью соблюдены ливийские обычаи: он погребен в позе эмбриона. В склепе также найдены следы красной охры, которая всегда использовалась в ливийских погребальных обрядах.

Судя по археологическим данным, это маленькое поселение поддерживало связи с другими регионами Средиземноморья. В одной гробнице, датирующейся VI веком, найдены ионическая чаша и аттический чернофигурный винный кувшин. На сосуде изображен гомеровский герой Одиссей, сбегающий из пещеры циклопа Полифема. Здесь широко использовались детали греческой архитектуры, в том числе ионические капители. В частных домах также отмечается значительное греческое влияние: устройство перистильных двориков, применение декоративной штукатурки стукко. С другой стороны, в VI веке возрастало и влияние карфагенян в Северной Африке. Они все больше утверждались на побережье, заключая договора с местными вождями, но развивая и коммерческие отношения с другими финикийскими колониями, такими как Ликс⁸⁵.

В V веке экспансия Карфагена в Африке продолжилась. В сферу его господства вошли плодородные земли Сахилия (регион вокруг современных тунисских городов Сус и Сфакс), а также Большой Сирт (северо-восточная часть современной Ливии)⁸⁶. Именно в этот период карфагеняне прославились и как земледельцы. Современные обследования амфор, использовавшихся для транспортировки продовольствия в город, показали, что уже в последние десятилетия VI века большинство продуктов питания производилось на угодьях самого Карфагена⁸⁷. Есть данные о том, что в V–IV веках фермы и сельскохозяйственные центры создавались на ближних карфагенских территориях, в том числе и на полуострове⁸⁸. Получило широкую известность поместье Гаммарт на севере карфагенского полуострова, в котором был налажен отжим оливкового масла⁸⁹.

Сельскохозяйственные успехи Карфагена тесно связаны с именем Магона, чьи рекомендации по земледелию, садоводству, виноградарству и даже животноводству цитировались и греческими, и римскими авторами⁹⁰. Его считали несомненным авторитетом в садоводстве и виноградарстве, он же был инициатором и поборником применения удобрений и регулярной обрезки деревьев. Археологи, работая на раскопках коммерческих портов Карфагена, нашли материальные свидетельства достижений Магона, обнаружив в стоках, осевших примерно в середине IV века, зерна винограда, оливок, слив, персиков и дынь, а также орехи миндаля, фундук и фисташки (при выращивании некоторых из этих растений требуется обладать такими садоводческими навыками, как прививки)⁹¹. Карфагеняне успешно занимались и виноделием⁹². Особой популярностью пользовались сладкие вина, изготовленные из подсушенного на солнце винограда (наподобие пассито, которое и сегодня любят в Италии). По всему Западнему Средиземноморью найдено множество карфагенских грузовых амфор, в которых перевозилось либо вино, либо оливковое масло, которое тоже в больших количествах изготавливалось в Северной Африке. Этот карфагенский регион прославился также инжиром и гранатами, которые римляне позднее стали называть *malum Punicum* — «пуническими яблоками». Карфагенянам принадлежат и некоторые технические сельскохозяйственные изобретения, например, *tribulum plostellum Punicum* — «пуническая тележка», примитивная, но крайне полезная молотилка⁹³.

Осваивание Атлантики

В исторической литературе бытуют занимательные легенды, допускающие вероятность того, что карфагеняне посещали и гораздо более отдаленные регионы Африки. Согласно греческим и римским авторам, за сто лет до первого похода греков в Атлантику, совершенного Пифеем* из Массилии во

* Также Питеас.

второй половине IV века⁹⁴, там почти одновременно побывали две карфагенские экспедиции⁹⁵. Так мало было известно в ту далекую эпоху об Атлантике, что древние люди верили, будто она является огромной рекой, омывающей всю землю⁹⁶.

Первая из этих экспедиций состояла всего лишь из одного судна, капитаном которого был знатный карфагенянин по имени Гимилькон. О ней сообщается в поэтическом произведении о географии, написанном в IV веке нашей эры римским патрицием Фестом Руфом Авиеном для юного родственника. Маловероятно, чтобы Авиен мог прочесть оригинальный пунический текст. Скорее всего он почерпнул информацию из более ранних греческих описаний приключений Гимилькона⁹⁷.

Авиен сообщает, что, миновав Геркулесовы столбы, корабль Гимилькона пошел на север вдоль западного побережья Иберийского полуострова и Галлии (современной Франции). Путешествие заняло долгих четыре месяца из-за безветренной погоды, больших скоплений морских водорослей и гигантских чудовищ, встречавшихся на пути⁹⁸. Наконец скитальцы достигли берегов того приморского края, который теперь называется Бретанью. Там обитали эстримнии — торговые люди, не боявшиеся отправляться в океан на своих утлых суденышках. Они прославились особыми отношениями с жителями таинственных и богатых оловом и свинцом островов Касситериды (ассоциируются и с островами возле Испании или в заливе Морбиан, и с островами Скилли, и даже с Корнуоллом)⁹⁹. Экспедиция затем двинулась еще дальше на север, дошла до Ирландии и Британии, после чего вернулась в Карфаген.

Как и о северном путешествии Гимилькона, сведения о второй атлантической экспедиции карфагенян почерпнуты не из пунических текстов, а из произведения анонимного греческого автора. Повествование имеет название «Перипл» («Плавание») Ганнона, его недавно датировали V веком до н. э., но не исключено, что речь идет о копии надписи в храме Баал-Хаммона в Карфагене¹⁰⁰. Вторая экспедиция была гораздо более масштабным предприятием. Флотилия состояла из 65

кораблей, на борту которых находилось 30 000 человек, мужчин и женщин, продовольствие и различное снаряжение. Армада, которой командовал некий Ганнон, выйдя в Атлантику, вначале следовала вдоль берегов нынешних Марокко и Мавритании, основывая по пути новые поселения. Затем она миновала устье большой реки, предположительно Сенегала, где туземцы не давали путешественникам сойти на берег, забрасывая их камнями (обычно они убегали или прятались)¹⁰¹.

Спустя двенадцать дней после отплытия из Карфагена корабли Ганнона бросили якоря у гор, покрытых благоухающими и многоцветными деревьями, — по всей вероятности, горного массива Фута-Джалон в Гвинее-Бисау¹⁰². Через некоторое время карфагеняне разбили лагерь в устье реки (очевидно, Нигера). Вечером, когда они разожгли костры, их напугали неожиданно раздавшиеся в тишине звуки музыки, бой барабанов и громкие крики, доносившиеся из джунглей¹⁰³. Потом перед ними возникло удивительное зрелище потоков огня, струившихся в океан (лава, извергавшаяся вулканом). Экспедиция потом поднялась на очень высокую гору, называвшуюся «Колесницей богов» (вероятно, гора Камерун), где карфагеняне снова увидели извержение вулкана, выбрасывавшего языки пламени к самым звездам ночного неба. Позднее в лесах, возможно, Габона им встретились множество «покрытых волосами дикарей» (скорее всего это были шимпанзе)¹⁰⁴. Карфагеняне не смогли изловить ни одного самца, поскольку они оказались слишком проворными и свирепыми. Им удалось поймать трех самок, но их пришлось убить, так как они тоже отчаянно сопротивлялись. Позднее один римский источник утверждал, что шкуры несчастных существ экспонировались в храме Тиннит в Карфагене вплоть до дней разрушения города¹⁰⁵. Только теперь Ганнон решил возвращаться домой: заканчивались припасы. Повествование об обратном путешествии отсутствует: «Перипл» внезапно обрывается на этом эпизоде¹⁰⁶.

Хотя и нет твердой уверенности в исторической реальности описанных выше походов, они укладываются в рамки ре-

путации карфагенян как отважных мореплавателей и предприимчивых торговцев. Численность людей, находившихся на борту кораблей, явно преувеличена, но она указывает на то, что основание торговых факторий и производств на западном побережье современного Марокко для соления рыбы, изготовления пурпурных красителей и гарума было важнейшей целью экспедиции¹⁰⁷. Кроме того, в Мавритании имелись месторождения меди, в Гамбии и Гвинее-Бисау — золота, а в провинции Баучи на севере Нигерии — олова¹⁰⁸.

Эти описания дальних коммерческих экспедиций карфагенян в Атлантику дали богатый материал для академических дискуссий. Французские исследователи Жан Габриель Демерльяк и Жан Мерá предположили, что экспедиции были частью стратегии Магонидов, направленной на утверждение господства Карфагена в Атлантике¹⁰⁹. Согласно их теории, для повышения коммерческой эффективности карфагеняне использовали «челночную» систему. На мелких и маневренных судах они доставляли в Гадес с побережья Северной Атлантики олово, свинец, медь, янтарь, лен и кожи, с юга — золото, олово, слоновую кость, кожи, яшму, камедь, каучук, пурпурные одеяния и рыбные изделия, а затем все это перегружалось на большие торговые корабли и увозилось в Карфаген¹¹⁰. Более того, по мнению Демерльяка и Мерá, экспедиция Гимилькона ставила целью наладить транспортировку олова из Галлии и Британии с помощью эстримниев и помешать греческой колонии в Массилии (Марсель) расширять и укреплять коммерческие связи в Галлии¹¹¹.

Их теории оспариваются другими специалистами. Виктор Белло Жимене противопоставил им свои контраргументы. Он обратил внимание на два обстоятельства: недостаточность географических сведений об этих регионах в древнегреческих географических трудах и полное отсутствие археологических свидетельств коммерческой деятельности карфагенян и на северном, и на африканском побережье Атлантики¹¹². И другие исследователи выразили серьезные сомнения в исторической

достоверности описаний карфагенских экспедиций, указывая на то, что они переполнены тропами и клише, свойственными фантазийной греческой литературе¹¹³. Правда, Жеан Десанж отметил: «Нельзя лишить “Перипл” специфической греческой мантии без того, чтобы не превратить повествование в полную бессмыслицу; греческие парадигмы еще не означают, что оно не основано на реальных событиях»¹¹⁴. Кроме того, грамотное описание африканской топографии, флоры и фауны вряд ли можно отнести целиком на счет богатой греческой фантазии.

Вряд ли надо удивляться и отсутствию материальных свидетельств пребывания карфагенян в Западной Африке и на северных берегах Атлантики. Гораздо больше удивления вызывало бы то, если бы следы кратковременной жизнедеятельности сохранились в прибрежных районах, претерпевших значительные топографические изменения за два с половиной тысячелетия. Другое дело — ссылки на сильные ветра и течения, которые должно было преодолевать любое судно, идущее в обратном направлении — к столбам Геркулеса. Довести корабль на веслах до Канарских островов — труд, безусловно, тяжелый и изнурительный, но вовсе не непосильный¹¹⁵. Имеются исторические указания на то, что Канарские острова иногда использовались мореплавателями для укрытия и пополнения запасов¹¹⁶.

Ясно, что Западная Африка не была *terra incognita* и в ту эпоху. Еще в VII веке вокруг континента совершили плавание финикийские мореходы, которым покровительствовал египетский фараон Нехо II¹¹⁷. Геродот дает нам детальное описание бартера, применявшегося карфагенянами в торговле с африканскими племенами:

«Карфагеняне же рассказывают еще вот что. Обитаемая часть Ливии простирается даже по ту сторону Геракловых столпов. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают их в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым.

Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золота за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно неравноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота»^{118*}.

Другой греческий автор, анонимный Псевдо-Скилак, живописал, как купцы прибывали на остров Керна, упоминавшийся в повествовании о плавании Ганнона, откуда они везли товары в каноэ на материк и показывали их туземным «эфиопам»¹¹⁹. Эти люди были необычайно высокие, красивые, бородатые, длинноволосые и украшенные татуировками. Они жили в большом городе, и правил ими самый высокий соплеменник. Они питались мясом и молоком, употребляли и вино. Во время войн их войско состояло из всадников, метателей дротиков и лучников, использовавших наконечники, закаленные на огне. Чаши для питья, браслеты, убранство коней — все было сделано из слоновой кости. Финикийцы/карфагеняне продавали им благовонные масла, египетские камни, аттические изразцы и кувшины, а взамен получали домашних животных, шкуры оленей, львов и леопардов, кожу слонов и слоновую кость¹²⁰.

Нет особых причин для того, чтобы считать, будто экспедиции Ганнона и Гимилькона вымышлены богатой фантазией греческих писателей. Тем не менее маловероятно, чтобы карфагенские купцы могли совершать столь дальние и тяжелые путешествия на запад на регулярной основе. Более правдоподобным представляется такой вариант: главной целью экспедиции Ганнона и содержанием ее первой части

* Геродот. История. — М.: Ладомир, 1993.

было основание новых поселений и торговых факторий на атлантическом побережье, где теперь находится Марокко, а второй ее этап — после острова Керна — заключался в разведке и исследованиях¹²¹. В самом деле, именно эти новые поселения на атлантическом побережье Марокко могли быть поставщиками маринованной и соленой рыбы в пунических амфорах, которая начала появляться в Коринфе около 460 года, откуда ее, очевидно, развозили и в другие регионы Греции¹²².

Основание новых поселений на атлантическом побережье Марокко соответствует общему направлению карфагенской колониальной политики в этот период: ориентация на наращивание собственных продовольственных ресурсов. Аристотель отмечал, что, переселяя излишних и бедных обитателей в колонии, карфагенская элита пыталась предотвратить социальные конфликты¹²³.

Пуническое Средиземноморье

Хотя Карфаген и не властвовал над финикийской диаспорой в Центральном и Западном Средиземноморье, его влияние туда проникало. Точное время наступления эры, которую мы называем «пунической», определить трудно. Можно лишь говорить о том, что своеобразные черты карфагенской культуры начали проявляться в других западных финикийских колониях со второй половины VI века¹²⁴.

Характерными признаками культурной экспансии Карфагена считаются распространение пунического языка, левантийского диалекта, на котором говорили карфагеняне, и переход от кремации к захоронению тел¹²⁵. Более значительную роль в религиозной жизни западных финикийских колоний стали играть тофеты¹²⁶. На рынке предметов роскоши восточногреческую керамику постепенно вытеснили гончарные изделия из Афин (давно полюбившиеся карфагенянам)¹²⁷. Возросло осознание общности и гражданских прав¹²⁸. В Карфаге-

не чужестранцам и освобожденным рабам предоставлялся гражданский статус в соответствии с так называемым сидонским правом (*š šdn*), то есть им даровались некоторые права и привилегии, ассоциировавшиеся с карфагенским гражданством¹²⁹.

Однако «пунизация» финикийской западной диаспоры вовсе не означала насаждение культурного конформизма. Напротив, в некоторых районах происходила еще большая диверсификация вкусов по мере исчезновения влияния Финикии. Иными и более декоративными стали чаши, блюда, вазы, кувшины и парфюмерные флаконы, поколениями служившие ходовым товаром¹³⁰. Такое же художественное многообразие отмечается в дизайне и мотивах стел нового пунического мира¹³¹.

Исторический феномен, который мы называем «пуническим миром», возник в результате не однолинейной трансформации Финикии, а смешения финикийских традиций с туземными и колониальными культурами всего Западного Средиземноморья¹³². Пример подобного смешения дает нам Сардиния, где найдено множество масляных светильников, использовавшихся в качестве приношений в пунических святилищах (согласно местным сардинским обычаям)¹³³. Многие из святилищ были встроены в существовавшие нурагийские храмы, и это тоже может свидетельствовать о происходившем процессе взаимопроникновения местных и пришлых традиций¹³⁴.

И в Испании, и на Сардинии и Сицилии изначально формировались микрокультуры — «сообщества взаимопонимания», в которых совместно проживали финикийские/пунические поселенцы и аборигены. Они возникали на основе коммерческих интересов, и обитатели этих «коммуналок» зачастую не понимали обычаев друг друга. Однако со временем из взаимной настороженности рождалось взаимопонимание, присущее данной общине и исключающее даже индивидуумов того же этноса, но проживающих за пределами данной территории¹³⁵. Под термином «пуническая культура» подразумева-

ется комплекс разрозненных культурных трансформаций и слияний, происходивших по всему Западному и Центральному Средиземноморью. Лишь в V и IV веках, когда гегемония Карфагена утвердилась в целом ряде регионов, включая Сардинию, сформировалось более целостное, но далеко не тотальное культурное единообразие.

Показателен в данном случае пример Антаса, уединенной местности на юго-западе Сардинии, где был воздвигнут храм, посвященный пуническому божеству Циду. Первоначально Цид был левантийским богом, совершившим затем длительное путешествие на запад вместе с финикийскими торговцами. Он играл второстепенную роль в карфагенском пантеоне, но к IV веку пуническое население Сардинии признало его священным покровителем острова¹³⁶. Это было типично пуническое святилище: обнесенная стенами замкнутая территория, на которой находилось прямоугольное, ориентированное на север строение с алтарем на открытом воздухе для всеожжения богу¹³⁷. Хотя храм располагался в отдаленной долине, окруженной крутыми лесистыми склонами холмов, он привлекал множество самых разных людей, в том числе и высокого социального статуса, даже из таких дальних краев, как Карали (Кальяри)¹³⁸. Секрет его притягательной силы заключался в скалистом выступе, на котором он находился: это место принадлежало нурагийскому богу Баби задолго до того, как на остров прибыли финикийцы¹³⁹. Археологи нашли здесь бронзовую статуэтку обнаженного воина: в нем признали бога Баби, поднявшего правую руку в благословении и держащего в левой руке копье. Статуэтка датируется IX–VIII веками. Специалисты обнаружили поразительное сходство между изваянием воина и иконографией Циды, который тоже часто изображался с воздетой правой рукой и с копьем в левой руке¹⁴⁰. Этим сходством можно объяснить и наличие множества железных наконечников для стрел и дротиков среди votивных приношений Циду, поскольку они обычно ассоциируются и с Баби¹⁴¹.

Новые друзья и старые враги

Отношения между пунийцами и греками на Сицилии складывались примерно таким же образом. Финикийцы обосновались на острове в начале VIII века, и первыми их самыми главными колониями были Панорм, Солунт и Мотия. В поселении Мотия, располагавшемся в закрытой бухте на островке, соединенном с материком узким перешейком, первыми строениями были склады и мастерские, обросшие постепенно жилищами и религиозными сооружениями, среди которых наибольшей известностью пользовалось святилище Каппидаццу¹⁴². Однако вскоре финикийцев начали теснить греческие колонисты, нахлынувшие сюда в последние десятилетия VIII века и привлеченные удобным расположением Сицилии на торговых путях Средиземноморья и изобилием плодородных земель¹⁴³.

Согласно Фукидиду, среди аборигенов Сицилии самыми древними были сиканы, прибывшие сюда из Иберии в далеком прошлом. Элимцы, обитавшие на западной стороне острова, предположительно эмигрировали из Трои. Сикулы, переселившиеся из Италии, покорили сиканов и, захватив большую часть острова, выдворили их на западные и южные окраины Сицилии¹⁴⁴. Если финикийцы мирно уживались с элимцами и сикулами, то греческие колонисты зачастую насильно изгоняли аборигенов с насиженных мест¹⁴⁵. Это приводило к тому, что поселения финикийцев и элимцев объединялись в альянсы для борьбы против агрессивных территориальных поползновений греков. Сицилия превратилась в арену борьбы за ресурсы и конфликтов. Тем не менее, несмотря на проявления враждебности, между различными этническими общинами возникли и развивались коммерческие и культурные связи. На острове установилась атмосфера экономической взаимозависимости, прерывавшаяся иногда междоусобными и внутриобщинными столкновениями¹⁴⁶. Ни одна из колониальных или туземных этнических общин не могла возвыситься над другой в продолжение сколько-нибудь длительного времени.

Это значит, что обстановка культурного синкретизма и политико-экономического синергизма, иными словами — колониального компромисса, сохранялась здесь значительно дольше, чем в других колониальных регионах, таких как Италия.

Осознание культурной и политико-экономической взаимозависимости сопровождалось обострением конкурентной борьбы за рынки и сырьевые материалы. Для Карфагена важнее всего было оградить свои коммерческие интересы в тирренском регионе¹⁴⁷. Греки уже контролировали значительную часть Сицилии и Южной Италии (позднее этот район в Италии получил название Магна Греция (Великая Греция)). В VI веке новая волна греческих колонистов основала поселения на северных берегах Средиземноморья — Массилию, Антиполис (Антиб), — Никею (Ницца) на восточном побережье Корсики и на Эолийских островах.

В VI веке Сицилия, можно сказать, процветала. Коллапс торговли металлами на маршруте Испания — Левант не особенно отразился на финикийских колониях юго-запада острова: их благосостояние традиционно в большей мере зависело

от коммерческих связей с греческими соседями и обеспечивалось стратегическим положением на морских путях между Грецией, Италией и Северной Африкой. В Мотии протянули новую дамбу к материку и построили сухой док (*cothon*) для капитального ремонта судов. Финикийцы нарастили храм Каппидацу и расширили тофет. Город тогда имел две промышленные зоны, оборудованные печами и колодцами для изготовления керамики, а также комплекс сооружений для производства пурпурных красителей и кожаных изделий¹⁴⁸.

Греческие и туземные соседи в Мотии тоже не бедствовали. В Селинунте греки реконструировали общественный центр и возвели на новой двухуровневой пирамидальной террасе несколько дивных храмов. В Сегесте элимцы торжественно открыли свой храм, столь величественный, что, по некоторым сведениям, на его сооружение потребовалось более тридцати лет¹⁴⁹.

Однако обогащение рано или поздно начинает провоцировать проблемы. На южном и восточном побережьях, где традиционно хозяйничали греки, им стало тесно, и они начали приглядываться к менее заселенным северо-западным и западным территориям острова (где уже обосновались элимцы и финикийцы). В 580 году греческие колонисты, прибывшие с Книдоса и Родоса, попытались основать поселение напротив Мотии, но их выдворили оттуда совместными усилиями финикийцы и элимцы¹⁵⁰. Неудивительно, что и Мотия, и Селинунт теперь окружили себя крепостными стенами со сторожевыми башнями¹⁵¹. Свидетельства конфликта сохранили такие артефакты, как мемориальный камень, найденный в Селинунте на могиле Аристогитона, сына Аркадиона (он был убит у стен Мотии в VI веке)¹⁵².

Конечно, не только на Сицилии экспансия греков создавала конфликтные ситуации. Возможно, обеспокоенность нарастанием греческой колонизации в Центральном и Западном Средиземноморье и подтолкнула карфагенян к формированию альянса с царями этрусков в Центральной Италии, также за-

интересованными в контролировании тирренских торговых путей. Карфаген уже установил дипломатические отношения с Этрурией, финикийские купцы давно пользовались этрускими портами, теперь этой привилегии удостоились и карфагенские торговцы¹⁵³. Вероятно, и один из портов этрусского царства Цере, современный Санта-Маринелла, получил название Пуникум вследствие того, что его облюбовали пунические купцы¹⁵⁴. Не случайно в могилах знатных карфагенян археологи находят чаши *bucchero nero** и другие образцы этрусской керамики, и на карфагенском же кладбище найдена небольшая дощечка из слоновой кости с надписью, исполненной на этруском языке: «Я пуниец из Карфагена»¹⁵⁵.

В развалинах комплекса из двух храмов-близнецов в Пирги, втором порту Цере, археологи обнаружили еще более удивительные артефакты: три золотые пластины с надписями. На двух пластинах они были начертаны на этруском, а на третьей — на пуническом языке. В этих документах, известных теперь как «таблички Пирги», упоминается дарение правителем Цере особого места для поклонения богине Астарте в храме, посвященном этрусской богине Уни. Возможно, имеется в виду выделение специальной молельни для осевших здесь пунических и/или финикийских торговцев с Кипра¹⁵⁶.

Хотя в основе альянса карфагенян и этрусков лежали торговые интересы, предусматривались и совместные военные действия в случае внешней угрозы¹⁵⁷. Карфагеняне заслужили репутацию людей, готовых беспощадно наказать любого, кто осмелится напасть на их торговые суда¹⁵⁸. Когда в 535 году фокейцы — греки, бежавшие от преследований персов в Малой Азии и основавшие колонию в Алалии на Корсике, — начали устраивать набеги на карфагенские корабли, возмездие было скорое и суровое. Соединенная армада из двухсот карфагенских и этрусских кораблей атаковала греческую флотилию возле южного побережья Корсики — это сражение вошло в историю под названием «битвы в Сардинском море». Тяжелые потери

* Буккеро-nero — черная керамика.

понесли обе стороны, но греков принудили уйти из региона и покинуть свою колонию на Корсике. Пленников с триумфом привезли в Этрурию и забили камнями¹⁵⁹. Фокейцам ясно дали понять, что им не следует показываться в Тирренском море.

Желая обеспечить себе преимущественное положение в Центральном Средиземноморье, карфагеняне подписали договор и с другой нарождающейся державой — латинским городом Римом. Вероятно, это было лишь одно из многих двусторонних соглашений, заключенных с местными правителями региона и предназначенных для утверждения интересов пунического «супермаркета» в Центральном и Западном Средиземноморье¹⁶⁰. Для римлян же альянс с Карфагеном означал признание их возрастающего влияния в Центральной Италии¹⁶¹. Это соглашение для них имело столь важное значение, что его текст выгравировали на бронзовой пластине¹⁶².

Договор с римлянами, подписанный в 509 году, отличался необычайной детализацией и широтой тематики. Римлянам и их союзникам запрещалось плавание за пределы «Прекрасного мыса», района к северу от Карфагена, называемого в наше время мысом Бон. Фактически им блокировался доступ к плодородным землям Большого Сирта. Если какое-либо судно из-за непогоды или вражеских действий минует этот рубеж, то его передвижения должны быть ограничены определенными рамками. Текст гласил:

«Воспрещается всем, кто вынужденно оказался в данном районе, покупать или уносить что-либо, помимо того, что необходимо для ремонта судна или совершения жертвоприношения, и надлежит покинуть данный район в течение пяти дней. Если товары продаются в Ливии или Сардинии, то купцы, приезжающие торговать, должны заключать сделки только в присутствии герольда или городского клерка, и цена любого товара, продаваемого в их присутствии, устанавливается для продавца государством. Римлянин, приезжающий в карфагенские провинции на Сицилии, пользуется такими же правами, как и все остальные».

Взамен карфагеняне обязывались не наносить ущерба прибрежным городам Лация — Лавинию, Ардее, Цирцейям, Террачине — и всем другим городам, подвластным Риму. (Если они вдруг захватят такой город, то должны возвратить его римлянам.) Карфагенянам запрещалось строить какие-либо форты на латинской территории. Если они окажутся с оружием в руках на такой территории, то должны покинуть ее до наступления ночи¹⁶³.

Рим все еще был второстепенным итальянским городом, но для карфагенян первостепенное значение имело его выгодное стратегическое местоположение. Он располагался в двадцати километрах от побережья у реки Тибр, главной транспортной артерии, ведущей в глубь Центральной Италии. И Рим уже стал одним из крупнейших торговых центров северного региона Лация. Он быстро разрастался, одним из первых латинских городов применил на практике городское планирование, возводил общественные здания и добротные жилые дома. Хотя ранняя история Рима покрыта мраком, поздние римские хронисты единодушно считают, что городом первоначально правила эстафета из семи царей. Они также пришли к выводу, основываясь на греческих генеалогических проекциях, что первый из этих царей Ромул вступил на трон в 753 году. Увлечение римлян монархией со временем омрачится своевольным, алчным и звериным поведением венценосцев.

Нараставшее недовольство римлян царями постепенно привело к формированию государственности, основанной на деятельности аристократического совета — сената, действовавшего одновременно и как консультативный орган, и как противовес автократии царя. В последнем десятилетии VI века терпение римлян иссякло, и в 509 году они изгнали из города Тарквиния Луция Гордого. Монархию заменила республика во главе с «консулами», ежегодно избиравшимися кланом аристократов-патрициев¹⁶⁴.

Существование великих стратегических альянсов может создать превратное представление о политическом ландшафте

Глава 2. Новый город

Центрального и Западного Средиземноморья в VI веке. Политическая обстановка нисколько не напоминала архаический вариант «холодной войны». По всему огромному региону греки, пунийцы, финикийцы, этруски торговали и общались друг с другом, невзирая на политические игры с позиции силы. Между предполагаемыми соперниками чаще всего складывались прочные и долговременные отношения, которые и способствовали созданию на удивление сплоченного и взаимосвязанного средиземноморского сообщества. На западных землях нагляднее всего это выразилось в родстве иконографий воинственного греческого супермена и пунического божества.

Глава 3

ГЕРАКЛ — МЕЛЬКАРТ

Герои-странники: наследие Геракла

Когда греческие торговцы впервые появились на берегах Центрального и Западного Средиземноморья, они прибывали сюда не одни. Они брали с собой своих богов и мифологических героев. Гомеровские персонажи Одиссей, Менелай, Диомед изображались как первопроходцы, странствовавшие по землям Западного Средиземноморья в очень далеком прошлом¹. Мифологические герои утверждали легитимность и стародавность прав греков на земли, которые они заселяли, помогали крепить связи с туземными вождями, многие из которых идентифицировали себя с теми или иными героями греческих мифов. К примеру, этруски в Центральной Италии первоначально считали Одиссея и своим пращуром, и вождем, приведшим их в Италию².

Самой значительной фигурой в каноне мифологических героев, помогавших грекам утвердиться на новых территориях, был, конечно, супермен Геракл. Этот могучий шатун, блуждавший по землям Запада и учивший уму-разуму аборигенов, искореняя дикие порядки и сокрушая бандитов и монстров, подал греческим колонистам и пример агрессивного отношения к местным обитателям³. Он же продемонстрировал и один из способов конструктивного развития отношений

между колонистами и аборигенами: легендарный ловелас оставил многочисленное потомство, совокупляясь с высокородными местными дамами⁴. Геракл предстает больше не как основатель колоний, а как первооткрыватель, изыскатель земель для будущих поселенцев⁵.

Однако Геракл был не просто странствующим богатырем, силой наводившим порядок. Греческие колонисты видели в нем и защитника своих урожаев и домашнего скота⁶. Его спасительная помощь заключалась не только в героических деяниях. Иногда она состояла из абсурдно банальных дел. Греческие колонисты в Южной Италии почитали его не столько за победы над великанами, сколько за подмогу в защите стад от мух и зерновых от саранчи. К исходу VI века, когда память о первых вождях переселенцев начала стираться, а желание сравняться с городами прародителей возросло, некоторые общины в Южной Италии и на Сицилии стали называть Геракла своим действительным родоначальником⁷.

В западных греческих поселениях начали появляться символы и реликвии, связанные с героическими деяниями Геракла в материковой Греции. Из Пелопоннеса в храм Аполлона в южном итальянском городе Кумы привезли шкуру страшного Эриманфского вепря, жертвы одного из подвигов Геракла, совершенных в искупление за убийство жены и детей в припадке безумия. Колонисты из греческого города Халкедон не только сменили местожительство, но и перебазировали в свое новое пристанище в Италии место знаменитого сражения Геракла с гигантами⁸. Геракл постепенно трансформировался из талисмана, ассоциировавшегося с силой и героическими странствиями, в символ успеха колониальной экспансии греков на Западе. Смысл этой трансформации предельно ясен: колонисты не чужаки, земли завещаны им не кем-нибудь, а сыном Зевса.

К VI веку западные греческие авторы — в частности, сицилийский поэт Стесихор в эпической поэме «ГерIONEИДА» — уже смело ассоциировали пребывание Геракла на Западе с его де-

сятым и одиннадцатым подвигами: похищениями коров у трехголового великана Гериона и золотых яблок из сада Гесперид⁹. Судя по сохранившимся фрагментам поэмы, Геракл прибыл в Тартесс, где заимствовал у солнца золотую чашу, в которой доплыл через океан до Эрифии, загадочного острова на самом дальнем западном крае мира, где и обитал Герион. Убив пастухов и сторожевую собаку, Геракл одолел и Гериона, забрал его стадо, возвратился в Тартесс, вернул золотую чашу солнцу и погнал коров в Италию, намереваясь дойти до Греции¹⁰.

Геракл со своими коровами прошел всю Испанию и Галлию, преодолев Пиренеи и Альпы. Зная, что предстоит трудная и дальняя дорога, он отказался от своего обычного фанфаронства и всесторонне подготовился к путешествию. Три дня богатырь грузил на коров провиант и снаряжение и лишь потом отправился через горы в Италию и Грецию. Таким образом, к VI веку уже существовала легенда о «Геракловом пути» — маршруте необычайного путешествия, совершенного нашим героем вместе с коровами Гериона. В продолжение столетий она

прославляла Геракла не только как великого путешественника, но и как покорителя земель Запада. И поскольку история о его похождениях на Западе тесно связана с процессом греческой колонизации этого региона, то она постоянно обростала новыми эксцентричными деталями по мере появления очередных поселений и авторов, полюбивших соблазнительную идею наследия Геракла¹¹.

Возможно, по причине того, что Сицилия была родиной для Стесихора, она и включена в маршрут Геракла, хотя в географическом отношении остров неудобен для путешествия из Италии в Грецию. В повествовании рассказывается о том, как бык, отбившийся от стада в Южной Италии и преследуемый нашим героем, переплыл Мессинский пролив, попав на Сицилию¹². Эрикс, сицилийский царь, основавший поселение на горе (и поселение, и гора названы его именем), сын Афродиты, богини любви, изловил быка и загнал его в свои стада. Геракл все-таки отыскал пропажу, но Эрикс согласился вернуть быка только в том случае, если богатырь одолеет царя в единоборстве. Геракл три раза одержал победу над царем, завершив поединок убийством монарха. Вернув себе быка, герой греков обещал передать земли Эрикса его народу, поставив условие: их надо возвратить потомкам Геракла, когда они появятся на Сицилии¹³. Прежде чем покинуть остров, Геракл совершил несколько полезных дел: основал культы и святилища, сотворил озеро и нанес поражение сиканам — все это доказывало его исключительную значимость для греческих поселенцев, претендовавших на обладание землями, на которых уже обитали¹⁴.

Следующий эпизод может проиллюстрировать то, насколько современные геополитические реалии близки к борьбе за сферы влияния в древности, олицетворял которую и Геракл. Греческий историк Геродот излагает такую историю. Дорией, спартанский царевич, в 514 году получил разрешение основать новое поселение на ливийском побережье. Он избрал для обустройства колонии реку Кинип, находившуюся между могу-

щественным греческим городом Кирена на востоке и Карфагеном на западе. Однако его предприятие сорвали объединенными силами карфагеняне и местные ливийцы, выдворив греков на третий год их пребывания¹⁵. Жесткая реакция Карфагена определялась не столько географическим местоположением нового поселения Дориея, сколько его амбициозными замыслами расширить колонию на запад до плодородного региона Большого Сирта (главный объект территориальных притязаний и карфагенян). Действительно, вскоре после изгнания Дориея карфагеняне основали собственный город Лептис-Магна в пятидесяти километрах от развалин покинутого греками поселения, отчасти и для того, чтобы преграждать дальнейшие попытки греков обосноваться в этом регионе¹⁶.

Неудача в Северной Африке не охладила предпринимательский пыл Дориея. Вернувшись в Спарту, он затеял новую экспедицию, на этот раз на остров Сицилия. Согласно Геродоту, историю о договоренности Геракла с народом Эрикса относительно земельных прав его наследников хорошо знали в Греции. Спартанская царская семья, естественно, считала своим прародителем Геракла. Дорией, получив наказ основать «Гераклею на Сицилии» и заверения оракула в Дельфах в успехе, отправился в поход. Он завладел Эриксом и основал новую колонию, но его поселение разрушила объединенная рать пунийцев и элимцев. Дорией и большинство колонистов были убиты¹⁷.

«Наследников» Геракла оказалось немало, и это создавало угрозу для пунического и местного населения острова. Известно, что Пентафл (Пентатл), возглавлявший более раннюю экспедицию греков с островов Книдос и Родос для создания поселения неподалеку от Моти, тоже претендовал на кровное родство с Гераклом¹⁸. Все эти истории свидетельствуют об одном: легенды о Геракле были для греков подспорьем в западной колонизации, предания легализировали колонизацию, а в процессе колонизации рождались новые былины.

Мифология Геракла активно использовалась не только на Сицилии. В Северной Африке карфагеняне могли сами убе-

диться в действенности легенд, служивших идеологическим обоснованием греческой колонизации ливийского побережья восточнее Карфагена¹⁹. Теперь Северная Африка стала местом эпической борьбы Геракла с великаном Антеем, которого недюжинной силой питала мать-земля. Все, кто попадался ему на глаза, должны были вступать с ним в единоборство. Он побеждал и убивал их, а черепами дополнял коллекцию трофеев. Геракл одолел его, лишив источника силы: поднял над землей. К несчастью для карфагенян, место этой эпохальной схватки сдвигалось все дальше на запад, по мере того как все ближе к их территории подступали греческие колонии²⁰. Греческое поселение, ближайшее к карфагенской территории, появилось в середине VI века. Это был город Эвспериды, названный так вследствие соседства с садом Гесперид, где Геракл совершил свой одиннадцатый подвиг — похитил золотые яблоки²¹.

Геракл и Мелькарт на Сицилии

Геракл в то же время не был всего лишь орудием агрессивной колониальной экспансии. На западных землях его образ приобрел многогранные и противоречивые черты, отражавшие не только устремления греческих общин, но и их сложные отношения с другими обитателями поселений и городов. На Сицилии греки, пунийцы и аборигены создавали смешанные этнические семьи, поклонялись богам и богиням друг друга, торговали, объединялись в политические альянсы и вели войны. Гераклу, самому воинственному из греческих героев, пришлось олицетворять все эти новые реальности.

Во второй половине VI века на акрополе греческого города Селинунт, соперничавшего с карфагенской колонией Мотия, был воздвигнут величественный храм. Его украшали два ряда из шести колонн с фасада и семнадцать боковых колонн. Считается, что храм посвящался Гераклу, поскольку на метопах великолепного фронтона изображалось сражение греческого героя с керкопами. Это был превосходный образчик сицилий-

ско-греческого искусства, но в то же время и не раболепное подражание общепринятым в эллинском мире художественным формам. Дэвид Ашері отметил: «Свирепость мимики и негнущаяся тяжеловесность фигур на метопах... указывают на преднамеренное стремление отойти от простого воспроизведения заимствованных идеалистических моделей»²². Именно здесь, на дальнем краю острова, зародилось сицилийское искусство. Геракл на селинунтской метопе «символизировал греческую колонизацию, цивилизующую дикость». Но художник создавал этот замечательный рельеф под влиянием брутального экспрессионизма пунического искусства, представленного, например, на терракотовых масках. В нем отразился главный парадокс греческой Сицилии: культура, воспринимавшаяся как угроза, стала неотъемлемой частью существования²³.

В сложном и многоплановом процессе смешения культур пуническое население Сицилии, в свою очередь, перенимало греческие художественные формы. По всему острову археологи находят терракотовые статуэтки богинь, исполненные в классическом греческом стиле: в *peplos*, вышитых одеяниях, ниспадающих замысловатыми складками, и с *calathus* (корзинками) в руках²⁴. Не подражание, а усвоение греческого искусства позволяло пунийцам острова находить новые и оригинальные способы художественного самовыражения. Такие традиционные образцы финикийского искусства, как, например, антропоидные саркофаги — каменные гробы с выступающими человеческими головами, руками и ногами, обрели греческие одеяния и украшения для волос²⁵.

Самый яркий образец пунического искусства этого периода сохранился в Мотии. В 1979 году археологи обнаружили здесь мраморную статую юноши высотой 1,8 метра, но без рук и без ног ниже колен. Положение левой руки можно было воссоздать по пальцам на бедре. Голову обрамляли локоны, на которых когда-то находились корона или венец, прикрепленные заклепками. Стиль статуи соответствовал строгим греческим скульптурным традициям начала V века. Аналогичная

статуя эфеба, юноши, достигшего возраста, позволявшего готовить его для военной службы, была найдена в Акраганте, греческом городе на Сицилии.

Высказывалось мнение, будто лишь греческий скульптор мог создать изваяние на столь высоком художественном уровне и эфеб в Мотии якобы украден у греков²⁶. Однако это утверждение опровергается самим изваянием. Эфебы в скульптурах данного периода обычно изображались нагими, а на мотийском юноше мы видим длинную тунику из тонкой плиссированной ткани, перетянутую на груди лентой. Предлагались самые разные объяснения этой аномалии. Нагрудная лента и упершаяся в бедро левая рука навели на мысль о том, что молодой человек был греческим возничим колесницы или устройтелем состязаний колесниц. Но мотийская скульптура отличается от других сохранившихся статуй греческих возничих. Несмотря на явно греческий скульптурный стиль, статуя отображает пунический обычай не демонстрировать обнаженное тело. Более того, одяние и убранство головы напоминают ритуальное облачение жрецов пунического божества Мелькарта, с которым на Сицилии отождествляли Геракла²⁷. Не греческий, не пунический, а сицилийский эфеб Мотии стал наглядным свидетельством культурного синкретизма.

Начиная по крайней мере с VII века в Восточном Средиземноморье Геракл все больше ассоциировался с тирским божеством Мелькартом. Когда Геродот посетил храм Мелькарта в Тире, он понял, что храм Геракла на греческом острове Фасос первоначально был святилищем тирского божества. Дабы убедиться в этом, Геродот побывал на Фасосе, где его догадка подтвердилась²⁸. Интересно, что, по Геродоту, фасийцы поклонялись Гераклу в двух ипостасях, связанных с различными видами поклонений. Они приносили ему жертвы как бессмертному олимпийцу и воздавали почести как герою^{29*}. На другом

* Геродот отмечает лишь, что эллины возводят Гераклу в одном городе два храма: «В одном храме ему приносят жертвы как бессмертному олимпийцу, в другом — заупокойные жертвы как герою».

греческом острове Эрифры аборигены рассказали Геродоту о том, что Геракл явился к ним после того, как плот, на котором он приплыл из Тира, сел на мель в проливе — очевидное следствие смутной коллективной памяти о ритуале *egersis*³⁰. Финикийскому миру был присущ и синергизм культов Геракла и Мелькарта. Особенно это проявлялось на Кипре, где, как и на Сицилии, значительную часть населения составляли греки. К VI веку мастера Китиона, финикийского города на Кипре, освоили изготовление статуэток, изображающих мужскую фигуру в львиной шкуре с палицей в руке — явное подражание греческой иконографии Геракла, но исполненное в ближневосточной или египетской манере воссоздания образа божества: в поднятой правой руке оружие, а в левой — жертва³¹.

Какие же сходства в Геракле и Мелькарте видели греки, восточные финикийцы и пунийцы? Политеистические культуры, естественно, стремились к установлению синкретических отношений между собственными и чужеземными божествами³². К примеру, двуязычное посвяtitельное послание, найденное на Мальте и относящееся к III–II векам, два брата-финикийца адресовали «Мелькарту, владыке Тира» (на финикийском языке) и «археgetу Гераклу» (на греческом языке)³³. Греческое понятие «археget» обычно употреблялось в значении «основоположник» или «прародитель». Эти роли с успехом исполняли оба божества: и Геракл, и Мелькарт³⁴. Геракл ассоциировался с колонизацией греками, Мелькарт — тирянами. Мелькарт, покровитель и метрополии, и новых поселений, помогал сохранять связи между ними. Его храмы, воздвигавшиеся в новых колониях, представляли нейтральную и священную территорию для налаживания контактов между финикийскими поселенцами и аборигенами. Хотя Мелькарт и не был главным божеством в Карфагене, он продолжал оставаться важным средством влияния в новом пуническом сообществе Западного Средиземноморья.

Пуническая колонизация и экономическое освоение Сардинии оказывали воздействие и на религиозный ландшафт

острова. Имеются свидетельства преднамеренного желания Карфагена утвердиться на острове посредством создания новых религиозных центров. Это можно проиллюстрировать на примере храма Циды в Антасе, где археологи также нашли посвящения Мелькарту³⁵. Взаимосвязь между Мелькартом и Цидой на Сардинии подтверждается в повествовании греческого писателя II века нашей эры Павсания, отмечавшего: «Первыми мореплавателями, пришедшими на остров, как говорят, были ливийцы. Их вождем был Сард, сын Макерида, а Макеридом называли Геракла египтяне и ливийцы»³⁶. Под именем «Сарда Патера» в римскую эпоху знали Циды Баби, а Макерида почти наверняка можно идентифицировать как Мелькарта, ливийского Геракла³⁷. Эпиграфическое свидетельство указывает на существование двух богов в Карфагене, тесно связанных друг с другом³⁸. В отличие от Циды, ассоциировавшегося прежде всего с Сардинией, Мелькарт нес ответственность за пуническую колонизацию в целом, потому они и представлены в неравном соотношении как на Сардинии, так и в пунической иконографии: мы видим Циду в качестве сына Мелькарта³⁹.

Поклонение Мелькарту на Сардинии сознательно увязывалось с Тиром в пунический период. Эпитет «*L HSR*», в буквальном переводе «на скале», обычно применялся в отношении божества — прямая ассоциация со святилищем⁴⁰. Акцентируя внимание на Мелькарте во время заселения и экономического осваивания Сардинии, карфагеняне утверждали патерналистские отношения с местным населением и общность тирского наследия⁴¹. В письменах, относящихся к III веку до н. э., упоминаются усовершенствования, проведенные в святилище Мелькарта в Тарросе, перечисляются имена сановников из *Qrthdšt* (Карфагена), и божество недвусмысленно ассоциируется с североафриканской метрополией⁴².

У Геракла и Мелькарта поразительно много общего. Для обоих не существовало границ между человеческой и божественной реальностями. Геракл, сын Зевса и земной матери, должен

был завоевывать право стать богом героическими деяниями. Мелькарт, уже будучи богом, одновременно являлся мифическим царем Тира и прародителем всей царской династии⁴³. Можно отметить также возрождающую роль огня: для Мелькарта в процессе обряда *egersis*, для Геракла во время обожествления, когда его тело сгорает в огне, а душа возносится на небеса и занимает свое место в сонме богов. Каждый год после ритуального сжигания его изображения Мелькарт символически возрождался, совершая такой же переход из земного бытия в мир богов⁴⁴. Синкретизм двух божеств наглядно отражен в храме Геракла в греческом городе Акрагант на Сицилии (святилище построено около 500 года): в нем имелись парные лестницы. В недавнем исследовании выдвинуто предположение, что эта необычайная архитектурная деталь вряд ли служила каким-либо практическим целям в V веке и ассоциировалась с ритуалами небесного вознесения божеств, распространенными в финикийско-пуническом регионе, вроде эгерсиса. Храм в Акраганте был лишь одним из святилищ, имевших аналогичные лестницы, на Сицилии и в Южной Италии⁴⁵.

Это может показаться странным, но легенда о Геракле и Эриксе связана не с греческой, а с финикийской оккупацией региона. Миссия Дориея в таком случае отражала борьбу за греческого Геракла против «негреческого Геракла», оккупировавшего Эрикс⁴⁶. Гора, возвышавшаяся над уровнем моря на 750 метров, была для коренного населения элимцев священной задолго до того, как на ней появился храм богини Астарты во второй половине VI века⁴⁷, а Мелькарта стали признавать ее консортом⁴⁸.

Даже путь Геракла, самая колоритная иллюстрация колониальных достижений греков на Западе, мог быть не таким, каким он представляется по первому впечатлению. В изнурительных, а местами и нелепых перипетиях путешествия отобразились и соперничество, и общность интересов пришельцев и коренных жителей, стремившихся застолбить свое место под солнцем в мире, как думалось человеку VI века, безграничных

возможностей. Конечным пунктом путешествия Геракла мог быть город Аргос в Греции, а к наступлению VI века греческие авторы сделали вывод, что Эрифией, легендарным логовом Гериона и отправным пунктом одиссеи Геракла, был Гадес, древнейшее поселение финикийцев на дальнем Западе, где они возвели великий храм Мелькарта⁴⁹. В описании пребывания Геракла на Сицилии, в котором проявились агрессивность и шовинизм колониальной политики греков, содержатся свидетельства более сложного характера отношений между пунийцами и местным населением. Например, эпизод, когда Геракл повергает и убивает туземного царя Эрикса, возможно, проистекает из внедрения пунического культа Астарты во второй половине VI века, заменившего традицию поклонения местному элимскому божеству. В этом контексте история Геракла, очевидно, имеет прямое отношение к Мелькарту, которому, как consortу Астарты, тоже поклонялись в ее храмах⁵⁰. Таким образом, путь Геракла в большей мере отражает не колониальные амбиции греков, а процессы культурной интеграции и религиозного синкретизма в архаическом Центральном и Западном Средиземноморье. Нигде это не проявилось так полно и зримо, как на итальянском отрезке великой одиссеи Геракла⁵¹.

Геракл и ранний Рим

Согласно греческому писателю I века Дионисию Галикарнасскому, использовавшему более ранние и утерянные источники, Геракл после перехода через Альпы шел по Итальянскому полуострову и затем расположился лагерем на левом берегу Тибра, возле поселения Палатин, где в будущем появится Рим. Пока наш герой спал, великан Как, много лет терроризировавший местное население, похитил несколько коров. Чтобы замести следы, он уводил животных в свою пещеру на Палатинском холме задом наперед, таща их за хвосты. Геракл, проснувшись, долго и тщетно искал пропавших коров. В кон-

це концов он обнаружил пропажу, когда гнал стадо мимо пещеры Кака, а украденные коровы заревели, услышав мычание своих сестер. Кака постигла такая же страшная участь, как и всех, кто пытался отобрать коров Гериона у Геракла. Наш герой забил его до смерти палицей и завалил обломками разрушенной пещеры.

Геракл затем помылся в Тибре и возвел алтарь Зевсу, на котором принес в жертву божеству теленка в знак благодарности за успешный исход конфликта с великаном. Когда местные обитатели и аркадцы, жившие по соседству, узнали о гибели Кака, они возрадовались, поскольку великан постоянно их грабил, и украсили себя и Геракла гирляндами цветов. Нашего героя потом пригласили отобедать с царями Эвандром и Фавном⁵². Эвандр, поняв истинную сущность Геракла и следуя давнему пророчеству о его появлении, возвел алтарь в честь героя и принес ему в жертву теленка. Таким образом, первый алтарь Гераклу был сооружен на том самом месте, где потом будет строиться Рим. Совершив ритуалы и принеся в жертву богам часть своего стада, Геракл повелел местным жителям: «Первыми признав в нем бога, они заслужили на века такой же чести, какая была оказана ему, и должны каждый год приносить в жертву теленка, не знавшего ярма, и совершать жертвоприношения в соответствии с греческими обычаями». Далее в этой истории повествуется о том, что Геракл обучил две знатные семьи — Поттицев и Пинариев — жертвенным ритуалам, которые должны совершаться на его алтаре Ара Максима (Великом алтаре) на Бычьем форуме, древнем рынке торговли скотом в Риме⁵³.

В Центральной Италии находилось достаточно много алтарей, посвящавшихся Геркулесу и Геркле, италийской и этрусской ипостасям Геракла. Многие храмы располагались на важных коммуникационных и транспортных артериях, пересекавших Итальянский полуостров и обеспечивавших торговый обмен, вывоз соли и сезонный перегон скота (сама собой напрашивается ассоциация с мифом о Геракле и коровах

Герииона)⁵⁴. Возраставшая популярность культа Геракла отражала влияние эллинской культуры на жителей Центральной Италии, распространявшейся греческими купцами и городами Великой Греции⁵⁵.

Однако история о Геракле у истоков Рима отчасти является адаптацией более ранней латинской легенды. Первоначальным ее героем был Рекаран, пастух греческого происхождения, с которым и соединили нашего странника⁵⁶. Как первично тоже был не великаном из мифа о Геракле, а местным божественным прорицателем. Первые художественные образы Кака найдены не в Риме, а в Этрурии⁵⁷. И в ранней версии этой истории великан был не разбойником, а бесчестным рабом царя Эвандра, уличенным в кражах самим монархом.

Вариант посвящения алтаря Ара Максима, Великого алтаря в Риме Геркулесу вовсе не противоречит истории о нашем герое⁵⁸. Он был воздвигнут в помериуме, в пределах священных границ города. Древний рынок торговли скотом располагался на стыке двух главных транспортных магистралей — реки Тибр и наземной дороги, соединявшей Центральную Италию и Сабинские холмы с Этрурией (что согласуется с маршрутом Геракла). Привнесение греческими купцами культа Геракла в Рим подтверждается многочисленными свидетельствами их пребывания в городе в архаический период.

В середине VI века на Бычьем форуме, как показали раскопки под церковью Сант-Омобон⁵⁹, было построено святилище, которое позднее в том же столетии заменили более внушительным храмом, что отражало возмужавшее благосостояние города и значимость для него культа этого божества. То, что он посвящался Геркулесу, доказывало наличие его статуи, изваянной почти в полный человеческий рост, и скульптуры вооруженной богини. Судя по данным раскопок, храм получал в качестве пожертвований, помимо греческой керамики, зерно, фундук, поросят, коз, овец, крупный рогатый скот, а также черепах, рыбу, гусей и голубей. Среди посвященных подношений были веретена, гири, флаконы с духами,

бронзовые шпильки, статуэтки, резные пластины из янтаря и слоновой кости⁶⁰.

Однако храм Сант-Омобоно не подтверждает, а скорее подвергает сомнению ортодоксальную академическую теорию о том, что культ Геркулеса был всего лишь латинской и римской адаптацией греческого ритуала. Статуя Геркулеса, хотя и соответствует стандартной греческой иконографии этого героя, обнаруживает явные художественные параллели со статуэтками Геракла — Мелькарта, изготовленными в Китионе. Можно с уверенностью предположить, что мужская фигура в храме Сант-Омобоно — это Геракл — Мелькарт, а вооруженная богиня — его божественный консорт, Афродита — Астарта⁶¹. Найденный рядом с храмом клад керамики с Эвбеи, Пифекусы, Киклад и Коринфа, относящейся к VIII веку, указывает на то, что ранний Рим мог быть связан с тирренской торговой сетью. Являлся ли ранний Рим, подобно Пифекусе и Сант-Имбении, смешанной общиной, в которой сосуществовали и экономически взаимодействовали греки, финикийцы и аборигены? Свидетельствует ли храм Сант-Омобоно о таком же культурном и религиозном синкретизме, какой мы наблюдаем в архаической Сицилии?

Можно обнаружить и другие интересные параллели между культом Геркулеса в Риме и религиозной практикой, ассоциируемой с поклонением Мелькарту в Тире, Фасосе и Гадесе. В числе самых удивительных аналогий можно назвать такие, как недопущение мух и собак на священную территорию, запрет лицам женского пола становиться жрецами, исключение из жертвоприношений свинины, отчисление десятой части доходов купцами и другими состоятельными индивидуумами, избрание осеннего равноденствия — времени ежегодного возрождения Мелькарта — для совершения многих культовых ритуалов⁶³. Вокруг Бычьего форума имеется немало достопримечательностей, содержащих намеки на присутствие в архаическом Риме божеств и ритуалов, присущих финикийско-пуническому миру, и Мелькарт был не единственным фини-

кийско-пуническим божеством, оказавшим значительное влияние на религиозный ландшафт Центральной Италии архаического периода. Его консорт Астарта заслуженно ассоциировалась с греческими, этрусскими и итальянскими богинями, в том числе и с Юноной, царицей римского пантеона⁶⁴.

Имеет прямое отношение к Риму и связь между Астартой и Фортуной. Историки давно установили аналогию между парными храмами, предположительно построенными в Риме к VII веку царем Сервием Туллием* для Фортуны и Матер Матуты, богини плодородия, и религиозным комплексом в Пирги, где были найдены «золотые таблички» с обещанием предоставить часть одного из парных храмов для поклонения Астарте. Весьма странная история о сексуальных отношениях Сервия Туллия с Фортуной в ее храме может подразумевать ритуальную священную проституцию.

Можно упомянуть и гробницу Аккы Ларенции, находившуюся там же. Красивую молодую женщину вольного поведения Акку Ларенцию Геркулес получил, победив в игре в кости, и запер в храме вместе с другим своим призом — роскошным застольем. Позже она последовала совету Геркулеса и вышла замуж за очень богатого человека, все состояние которого завещала римскому народу после своей смерти. В благодарность римский царь Анк Марций построил для нее гробницу на Бычьем форуме и учредил в ее честь праздник, отмечавшийся 23 декабря. В другой версии этой истории просто говорится о том, что она была проституткой, отдававшей все свое богатство на устройство праздников для римлян. Отражают ли эти диковинные истории память о временах, когда в Риме практиковалась финикийско-пуническая священная проституция?⁶⁵

«Золотые таблички» Пирги дали повод для еще одного занятного предположения. Высказывалась идея, будто в письменах содержится информация о священном браке Мелькар-

* Сервий Туллий — шестой царь Древнего Рима в 578–534/533 годах до н. э.

та и Астарты, гарантировавшем благосостояние народа и плодородие⁶⁶. Наличие нескольких маленьких комнат в храмовом комплексе может свидетельствовать о том, что ритуальная священная проституция, ассоциировавшаяся с поклонением Астарте и упомянутая в кратком римском тексте, практиковалась в Пирги⁶⁷.

Позже история Древнего Рима будет существенно переписана, с тем чтобы более достойной родословной одарить город, превратившийся в великую средиземноморскую державу. Однако фрагментарные и нередко туманные напоминания о совершенно ином и забытом прошлом сохранятся в новой сюжетно-тематической картине, и они будут воссоздавать тот архаический мир, в котором карфагеняне, прибывшие в 509 году подписывать договор, нашли много общего. Финикийские, пунические или восточные греческие купцы привезли в Рим культ Геракла — это не столь важно⁶⁸. Для нового формировавшегося мира гораздо важнее было то, что финикийцы и греки привнесли в него не только традиционное соперничество, но и опыт взаимодействия и сотрудничества, накопленный в Восточном Средиземноморье⁶⁹.

Очень скоро, однако, сложится иная атмосфера, чреватая межэтнической враждой, питавшейся опасениями по поводу угрозы, которую карфагеняне якобы представляли для выживания западных греков.

Глава 4

СИЦИЛИЙСКИЕ ВОЙНЫ

Карфаген — колониальная держава

Хотя в V веке еще не наблюдалось признаков, которые указывали бы на рождение карфагенской империи, и старые западные финикийские поселения сохраняли политическую автономию, можно найти немало свидетельств того, что политика Карфагена становилась все более самоуверенной и интервенционистской. Особенно это проявлялось в экономической экспансии в Центральном Средиземноморье.

В последние десятилетия V века возрос приток поселенцев на Сардинии и Ибике из Северной Африки, захватывавших земли и активно развивавших сельское хозяйство¹. Они создавали не только усадьбы, но и фортификационные городища для утверждения своего господства на рынках и в сельской местности². Интенсификация колониальной деятельности преследовала несколько целей. Во-первых, Карфаген избавлялся от избыточного населения, людей, не имевших никаких перспектив для повышения своего благосостояния в Северной Африке и потенциально опасных. Во-вторых, карфагеняне расширяли сельскохозяйственную базу на Сардинии — главном экспортере продовольствия в Карфаген. И наконец, они усиливали свое влияние на острове, жизненно важном для них во всех отношениях и прежде всего для торговли и наращивания производства продуктов питания.

Хотя в основном Северная Африка снабжала Карфаген продовольствием начиная с тридцатых годов V века, возросла роль Сардинии в удовлетворении его потребностей в провизанте. Археологами найдено в Карфагене большое количество сардинских амфор в форме «мешков» и «торпед», использовавшихся для перевозки вин, оливкового масла, пшеницы, соленого мяса, рыбы и просто соли: они датируются V–IV веками³. Если верить Псевдо-Аристотелю, то карфагеняне даже распорядились уничтожить на Сардинии фруктовые деревья, запретив высаживать новые, поскольку садоводство не вписывалось в их экономические расчеты превратить остров в главного поставщика зерна⁴.

Укрепляя экономические связи с Сардинией, Карфаген способствовал процветанию пунических городов на острове. Это подтверждается и увеличением числа роскошных общественных и частных зданий, и более дорогими импортными погребальными предметами, с которыми хоронили знать⁵. Особенно заметные перемены произошли в V веке в Тарросе, где вырос новый квартал с храмами и частными резиденциями, появились мощные береговые фортификации⁶. Источником благосостояния было не только сельское хозяйство, но и производство предметов роскоши: изделий из драгоценных камней, амулетов, ювелирных украшений, керамических статуэток, масок, экспортировавшихся по всему пуническому миру⁷. Очевидно, в городе в это время была построена отдельная производственная зона⁸.

Местная элита поддерживала тесные контакты с Карфагеном. Видимо, существовала практика пожалования отдельным ее представителям почетного гражданства города⁹. Тем не менее, несмотря на возросшее влияние Карфагена, на острове не было карфагенской администрации, в каждом городе действовали собственные органы власти.

В меньшей степени пуническая колонизация могла радовать местных обитателей острова. В V–IV веках нурагийцы вытеснялись все дальше в горные центральные и северные

районы Сардинии, по мере того как пришельцы захватывали их земли, создавая свои укрепленные поселения¹⁰. Чужеземцы обустроивались даже на нурагийской территории, вероятно, для того, чтобы вести ближний торговый обмен¹¹. Однако торговля имела преимущественно односторонний характер: финикийские товары превалировали над местными изделиями. Постепенно разрушались древние традиции нурагийской культуры. Коренные жители покидали свои диковинные нураги, украшавшие холмы и равнины. Логично предположить, что они оставались без вождей, управлявших территориями и населением¹².

Аналогичный процесс происходил в религиозной сфере. Хотя храм Циды Баби в Антасе и можно считать символом культурной и религиозной интеграции, он свидетельствует о преднамеренном стремлении вписать пунического бога в нурагийского идола и использовать гибрид для легализации пунического порабощения острова.

Гимера и создание «карфагенской угрозы»

В то же самое время, когда карфагеняне были поглощены экономической экспансией на Сардинии, им неожиданно пришлось вступить в войну на Сицилии. Поводом послужила просьба о помощи, с которой обратился в 483 году Терилл, греческий тиран Гимеры, города на севере острова, к своему другу-гостю Гамилькару, предводителю Магонидов, влиятельного политического клана в Карфагене. Терилл бежал из Гимеры, когда город захватила армия Гелона, тирана Сиракуз, самого могущественного греческого города на Сицилии, стремившегося подчинить себе другие греческие поселения.

Магониды поддерживали тесные связи с Сицилией, и мать Гамилькара была родом из Сиракуз. Положение друга-гостя (подразумевавшее хлебосольство и вручение подарков) в сочетании с обеспокоенностью судьбой западных портов острова (жизненно важных для карфагенской торговли) обязывало

его предпринимать конкретные действия. Все же затеянная им экспедиция имела характер частной инициативы, не санкционированной карфагенским государством. Гамилькар собрал огромную армию, состоявшую не только из карфагенян, но и многочисленных наемников, представлявших чуть ли не все регионы Центрального и Западного Средиземноморья, в том числе ливийцев, испанцев, сицилийцев, сардинцев, корсиканцев¹³. К ним присоединилось войско Анаксилая, греческого тирана Регия в Южной Италии, женившегося на дочери Терилла.

В 480 году Гамилькар высадился в портовом городе Панорм и, желая застигнуть противника врасплох, сразу же направился к Гимере. Однако преимущество, которое давало внезапное нападение, было утеряно: Гелон перехватил секретные письма, содержавшие тактические планы карфагенян. Более того, в спешке Гамилькар не подготовил должным образом свои войска к сражению. Армии сошлись подле Гимеры, и итог битвы для Магонидов был плачевным: их армия потерпела сокрушительное поражение, а Гамилькара убили. Позже греческий писатель Полиэн дал такую версию причин поражения. Гелон приказал командиру своих лучников, обладавшему поразительным внешним сходством с тираном, перевоплотиться в него. Лучники затем, переодевшись в жрецов и скрывая луки в ветвях мирта, вышли вперед во главе с командиром якобы для жертвоприношений. Когда Гамилькар поступил таким же образом, они вынули свои луки и расстреляли карфагенского полководца, когда он готовился угощать богов¹⁴. Согласно же Геродоту, во время сражения Гамилькар оставался в полевом лагере и призывал на помощь богов, сжигая в огромном жертвенном костре туши животных¹⁵. Если он и получил какие-либо позитивные сигналы, то они уже были бесполезны: его люди бежали с поля битвы. Видя, что проигрывает, Гамилькар решил совершить последнее и самое главное жертвоприношение пуническим богам: сам бросился в костер. Он потерял почти всю свою армию: в Карфаген вернулись лишь несколь-

ко перепачканных кровью и грязью человек, сообщивших о катастрофе.

От Диодора мы узнаем о последствиях поражения, понесенного Магонидами у Гимеры. Узнав о страшной беде, карфагеняне стали готовиться к вторжению Гелона, укрепляя городские стены¹⁶. Одновременно они отправили на Сицилию послов, подобранных из самых толковых граждан. Посланники обратились за содействием к супруге тирана Дамарете и после заключения мира отблагодарили ее, вручив корону, сделанную из ста талантов золота. На встрече карфагенской депутации с Гелоном он вел себя как триумфатор, а пунические посланники умоляли его пощадить их город¹⁷.

Победа обогатила Гелона и его союзников. Они получили не только ценные трофеи, но и множество военнопленных для того, чтобы использовать их в реализации амбициозных строительных проектов¹⁸. В Акраганте гигантские колонны, поддерживавшие архитрав храма, посвященного олимпийским богам, как полагают, были скульптурными изображениями пунических рабов¹⁹.

В Карфагене панические настроения улеглись, и никаких политических репрессий не последовало. Позднее, правда, произошли некоторые политические перемены: появились Трибунал ста четырех, институт суффетов и Народное собрание, которые просуществуют вплоть до времен гибели города²⁰. Создание Народного собрания, в котором могли участвовать все граждане вне зависимости от их социально-экономического статуса, можно расценить как одну из мер по демократизации политической системы в Карфагене, но это было далеко не так. Скорее главной целью политических преобразований было формирование более четкой и действенной структуры исполнительной власти. Полномочия Народного собрания были крайне ограниченными. Как с удовлетворением отмечал древний афинский политолог Аристотель, только богатство определяло пригодность человека к тому, чтобы занимать политический или государственный пост²¹.

Города Сардинии переняли многие политические реформы Карфагена²².

Инициатором преобразований была карфагенская элита, и это подтверждается тем, что господствовавшим политическим кланом оставались Магониды, которые и проводили реформы. Хотя институт суффетов не был наследственным и кандидаты подбирались из среды знати, государственные посты монополизировались определенными индивидами. Это означает, что представители определенного клана могли занимать основные государственные должности²³. О доминировании Магонидов свидетельствует хотя бы то, что Гамилькар избежал посрамления, которому обычно подвергали командуемых, потерпевших поражение такого масштаба. Напротив, его имя окружили почестями, ему возводили монументы и от его имени совершали жертвоприношения по всему пуническому миру²⁴. Гамилькара превозносили как мученика, положившего свою жизнь на алтарь дружбы, и это, видимо, импонировало карфагенской общественности. Возможно, его репутацию спасли достаточно умеренные требования, выдвинутые Гелоном. Карфаген должен был заплатить 2000 талантов серебра в порядке компенсации военных затрат Гелона и построить два храма, в которых надлежало хранить копии мирного договора. Гимера теперь стала вотчиной Сиракуз²⁵.

Более полувека карфагеняне не трогали Сицилию. Они даже игнорировали реальные возможности для вторжения — к примеру, приглашение афинян вступить в альянс против их злейшего врага Сиракуз²⁶. В то же время трудно найти какие-либо признаки экономического упадка в Карфагене вследствие понесенного поражения. Именно в V веке существенно изменился физический облик города, возникла четко спланированная сетка улиц, соединившая старые и новые районы. Волнистую городскую территорию веером покрыли улицы, взбирающиеся по южному и восточному склонам Бирсы. Новые кварталы выросли у береговой линии, где также появились монументальные ворота и стена с набережной²⁷. Хотя город и

опоясывали кладбища, на его окраинах также были построены новые жилые и производственные зоны²⁸.

Поражение у Гимеры все-таки имело для Карфагена косвенные последствия. Событие, произошедшее далеко от Греции, предоставило врагам Карфагена на Сицилии возможность изображать его в роли варвара, напавшего и попытавшегося изничтожить западных греков, а не доброхота, пришедшего на помощь своему греческому союзнику. В первые два десятилетия V века сварливые города-государства Греции дважды объединялись для отражения нападений армий Персии, самой могущественной державы той эпохи. Для Греции тогда стало чрезвычайно важно сформулировать идеи относительно того, что значит быть греком. Исключительность и превосходство греческого этноса противопоставлялись остальному миру «варваров», то есть «не греков»²⁹.

Гелон сам успел продемонстрировать нежелание помогать материковым грекам в отражении интервенции персов в 480 году. Когда над Грецией нависла угроза вторжения персов, греческие города отправили посланников, чтобы заручиться поддержкой всего эллинского сообщества. Сиракузы были в числе первых городов, куда приехали послы, но на их призыв вместе дать отпор варварам Гелон ответил встречным предложением, коварно рассчитанным на то, чтобы обнажить надменное отношение материковых греков к своим западным собратьям. Он придет на помощь, если возглавит объединенные греческие силы. Гелон был уверен, что его предложение будет отвергнуто. Далее он начал выражать свое недовольство тем, что в прошлом собратья-греки отказывались помогать ему в борьбе с карфагенянами и местными сицилийцами, отвергли предложение освободить греческие торговые фактории от засилья варваров. Из его слов было ясно, что сицилийские греки не считаются полноценными членами эллинского клуба, и посланцам материковой Греции пришлось возвращаться домой с пустыми руками. Мало того, Гелон отправил в Грецию собственного посланника Кадма с тремя кораблями и огромной

суммой денег, поручив ему дожидаться исхода войны. Если победит великий персидский царь, то Кадм должен передать ему деньги и заверить его в лояльности Гелона. Если одержат победу греки, то он должен сразу же вернуться с деньгами в Сиракузы³⁰.

В свете побед объединенных греческих сил, одержанных над персами под эгидой Афин и Спарты, столь же значимым представляется и триумф Гелона под Гимерой. Тиран Сиракуз заслуживал того, чтобы возглавить коалицию греческих государств, и отказ признать его лидером «западного фронта» против Персии и ее союзников отчасти объясняет неучастие Сиракуз в войне³¹. Карфаген могли притянуть к персам финикийцы: они как вассалы персидского царя были обязаны предоставить ему значительный контингент рекрутов и корабли. Более того, взбунтовавшиеся недавно на Кипре греческие города вновь оказались под игом финикийских царей Китиона, которыми управляли персы³². В то же время Диномениды, правящий клан в Сиракузах, использовали все свое богатство и влияние для того, чтобы убедить греческий мир в правоте притязаний на Гимеру. В главных греческих религиозных центрах Дельфы и Олимпия были воздвигнуты величественные монументы, а самым знаменитым поэтам заказаны пеаны, прославляющие победу. К примеру, Пиндар написал такие строки во славу Ферона, брата и преемника Гелона:

«Я, сын Крона, молю, чтоб умолк и оставался дома боевой клич финикийцев и этрусков, ибо они уже видели, в какую беду высокомерие ввергло их корабли при Кумах (победа Сиракуз над флотом этрусков в 474 году). Им пришлось пострадать, потому что их поверг правитель Сиракуз: он сбросил их юношей в море с быстро бегущих кораблей и избавил эллинов от невыносимого рабства»³³.

В греческом сообществе пропагандистская кампания имела успех. Геродот пришел к выводу, что знаменитое морское сражение при Саламисе в сентябре 480 года, когда объединен-

ный греческий флот одержал победу над превосходящими силами персов, происходило в один день с битвой под Гимерой. А позже афинский ученый Эфор высказал идею, будто оба сражения были результатом сговора между карфагенянами и персами³⁴. Тем не менее не все греческие интеллектуалы, несмотря на пропагандистские усилия Сиракуз, верили в то, что карфагеняне были сателлитами персов³⁵. Аристотель категорически отвергал теорию заговора Карфагена и Персии, утверждая, что, несмотря на совпадение по времени, эти два сражения не были связаны друг с другом³⁶. Действительно, если монархию Персии в Афинах многие презирали, то политическим устройством Карфагена восхищались³⁷. Аристотель включил Карфаген, Спарту и Крит в число государств с превосходной системой правления³⁸. По его мнению, именно благодаря совершенной политической системе в Карфагене никогда не было восстаний и тиранов. Возможно, делая такое заявление, он бросал камень в огород Сиракуз, где Карфаген упорно считали «Персией на Западе»³⁹.

Афинский философ Платон, учитель Аристотеля, конструируя модель совершенного государства, приводил пример Карфагена, где строжайшие законы запрещали пить вино на службе магистратам, присяжным, советникам и лоцманам, а рабам — в любое время. Вообще всем карфагенянам возбранялось принимать спиртные напитки днем, если это не было связано с обрядом или снадобьем, а супругам не разрешались возлияния и ночью, если они задумали зачать ребенка⁴⁰.

Спустя несколько десятилетий после разгромного для карфагенян сражения при Гимере Афины вступят в альянс с ними против Сиракуз. Торговые связи карфагенян с Грецией и эгейским регионом, похоже, в этот период лишь укрепились, о чем свидетельствует значительное количество аттической керамики, завезенной в Карфаген и другие пунические города⁴¹. Афинский поэт V века Гермипп упоминает красочные многоцветные ковры и подушки, вроде бы экспортировавшиеся в Грецию⁴². Пунические торговцы везли греческие товары в Испанию, а

испанского тунца — в Грецию. Исследования транспортных амфор IV века, найденных археологами в Карфагене, показали: двадцать процентов сосудов привезены с Ионических островов, в четыре раза больше, чем из Леванта⁴³. О нормальных коммерческих взаимоотношениях свидетельствует и то, что в материковой Греции и эгейских городах обосновались общины пунических купцов⁴⁴.

В самой Сицилии исход сражения при Гимере вначале никак не повлиял на давний синергический характер культурных и религиозных отношений между различными этническими группами. Мало что изменилось и в политической сфере. Греческие города-государства по-прежнему добивались поддержки Карфагена в разрешении споров с соседями. Тем не менее, согласно оценкам таких влиятельных историков из Сиракуз, как Антиох и Филист, Гимера породила новую идеологию, игнорировавшую сложную систему политических и культурных связей между сиракузянами, пунийцами и местным населением, длительное время определявшую колониальный ландшафт Центрального Средиземноморья⁴⁵. В ее основу легли иные сюжетно-тематические стереотипы, разжигание межэтнической вражды и пропаганда угрозы Карфагена западным грекам.

Возмездие Магонидов

Семидесятилетнее невмешательство карфагян в сицилийские дела закончилось в 410 году, когда они решили прийти на помощь городу Сегесте в разрешении конфликта с соседним греческим городом Селинунтам⁴⁶. Такая резкая смена настроений объяснялась не столько проявлением чувств солидарности с Сегестой, сколько опасениями по поводу возраставшего влияния ее союзника — Сиракуз. После смерти Гелона в 478 году могущество Сиракуз быстро испарилось, и Сицилия вновь стала ареной борьбы между отдельными городами-государствами и военными вождями⁴⁷. Последовали

экономическая депрессия и демографическое оскудение, численность населения многих, прежде всего элимских, городов на западе и в центральной части Сицилии сократилась, а некоторые из них, вообще опустели. Однако к 410 году, после успешного отражения интервенции афинян, Сиракузы снова могли претендовать на титул самой сильной державы на острове, потенциально способной использовать в своих интересах сумятицу на западе Сицилии⁴⁸.

Сегеста и Селинунт располагались на западной окраине острова, неподалеку от пунических городов Мотия, Солунт и Панорм. Они политически не зависели от Карфагена, не служили рынками сбыта для карфагенских товаров и не были для него сколько-нибудь важными экспортерами, но имели огромное стратегическое значение как ключевые координаты на торговых путях между североафриканской метрополией, Италией и Грецией⁴⁹. Обеспокоенность возрождением угрозы Сиракуз, возможно, и дала повод для сооружения новых фортификаций в Панорме⁵⁰. Греческие города Сицилии в то же время оставались важными торговыми партнерами. Диодор, основываясь на сведениях более ранних сицилийско-греческих историков, отмечал, что город Акрагант в конце V века разбогател отчасти на поставках оливок карфагенянам⁵¹. Карфагенская коммерческая гегемония в Центральном Средиземноморье основывалась на контроле всей внешней торговли. Карфаген облагал данью чужеземных купцов, желавших торговать на рынках, обеспечивал им «крышу» в пунических городах на Сардинии и Сицилии. Кроме того, союзники вознаграждались правом пользоваться портами, входившими в сферу влияния Карфагена⁵². По крайней мере первоначально желание Карфагена вмешаться в сицилийские конфликты вызывалось стремлением сохранить и уберечь эту систему.

У Магонидов имелись и другие, более личностные мотивы. Они, можно сказать, превратили Карфаген в самое богатое и могущественное государство в Западном Средиземноморье, а позорное поражение у Гимеры подмочило их репутацию. Пре-

стиж Магонидов, безусловно, поднимется, если они с триумфом возвратятся на Сицилию. Теперь, когда дома проведены важные политические реформы, самое время начать активные действия за рубежом. Неудивительно, что в Совете старейшин главным поборником оказания помощи Сегесте стал Ганнибал, вождь Магонидов и внук Гамилькара, потерпевшего поражение под Гимерой. Когда решение помочь Сегесте было принято, 410 году, командующим экспедиционными силами, естественно, назначили Ганнибала⁵³.

Чтобы гарантировать военное невмешательство Сиракуз, карфагеняне отправили туда послов с поручением предложить Сиракузам арбитраж. Эта тактика оправдала себя, когда Селинунт отказался от посредничества Сиракуз. Тогда Сиракузы решили возобновить альянс с Селинунтом, сохраняя в то же время приверженность мирному договору с Карфагеном, то есть они заняли позицию нейтралитета⁵⁴. После этого карфагеняне послали на помощь Сегесте 5000 ливийцев и 800 наемников из Кампании, обеспечив их лошадьми и приличным жалованьем.

После того как сегестцы разгромили армию Селинунта, обе стороны обратились за помощью к своим союзникам, Карфагену и Сиракузам соответственно. Помощь была обещана, что вновь столкнуло лбами две великие державы. В предвкушении большой войны Ганнибал собрал грозную армию, состоявшую из ливийских рекрутов и иберийских наемников, и подготовил флот к походу на Сицилию⁵⁵. В 409 году армада из 60 боевых кораблей и 1500 транспортов с войсками, осадными и метательными орудиями, другим военным снаряжением вышла в море⁵⁶.

После высадки к войскам Карфагена присоединились его греческие и сегестские союзники. Ганнибал, зная, что в Селинунте ждут подкреплений из Сиракуз, сразу же приступил к штурму города. К стенам подвели гигантские осадные башни, а к воротам — тараны. Заняли свои позиции лучники и пращники. (К сожалению, нам приходится полагаться в основном на недружественные и поздние свидетельства греко-сицилий-

ского историка Тимея о военной кампании карфагенян в Сицилии. Он дает обильную информацию о действиях карфагенских войск, но к ней надо относиться с величайшей осторожностью.)

Селинунты употребили немало средств и усилий на сооружение великолепных храмов, не уделив должного внимания ремонту городских стен. Карфагенские осадные орудия очень скоро пробили в них дыры, и в проломы хлынули первые отряды наступавших войск. Граждане Селинунта, зная, какие могут быть последствия поражения, оказали отчаянное сопротивление, сдерживая натиск противника девять дней. Только в момент возникшей сумятицы они отошли от стен, открыв карфагенянам доступ в город. Но и после этого продолжались рукопашные бои за каждую улицу, а дети, женщины и старики забрасывали интервентов камнями и метательными снарядами из окон. Развязка наступила, когда на рыночной площади селинунты предприняли последнюю попытку остановить неприятеля. Ожесточенная схватка закончилась тем, что их всех перебили. Диодор (основываясь на злопыхательских свидетельствах Тимея) дает колоритное, но явно субъективное описание зверств и надругательств, гипотетически совершенных карфагенскими войсками в городе над уцелевшими жителями, утверждая, что на улицах лежало 16 000 трупов, а многие здания были сожжены дотла⁵⁷.

Затем Ганнибал нацелился на Гимеру, где жители уже понимали, что настал и их черед. Применяв ту же тактику, карфагеняне решили взять город штурмом. Однако граждане Гимеры, помня, что лучшая оборона — нападение, сами вышли из города и первыми пошли в наступление под одобрительные возгласы семей, собравшихся на стенах. Карфагеняне поначалу оторопели от неожиданной наглости, но, располагая существенно превосходящими силами, загнали смельчаков обратно в город. Защитникам Гимеры ничего не оставалось, как попытаться эвакуировать побольше жителей на кораблях Сиракуз. Тем, кто оставался в городе, наказывали продержаться до того

времени, когда за ними придут сиракузяне. Они, конечно, не пришли, и на третий день город сдался. Диодор снова дает нам яркое описание зверств, совершенных карфагенскими войсками по приказу самого Ганнибала. В отличие от Селинунта, где были разрушены только стены, Гимера была стерта с лица земли, а ее знаменитые храмы разграблены. Ганнибал предположительно согнал 3000 пленников и предал их смерти на том месте, где, как ему говорили, погиб Гамилькар, кровью увековечив память о своем деде. Полководец Магонидов не воспользовался смятением сицилийских греков, расплатился с армией и вернулся в Африку⁵⁸.

Несмотря на ограниченный характер сицилийской операции Ганнибала, она создала прецедент для будущих зарубежных интервенций Карфагена. Использование наемников заставило город прибегнуть к чеканке собственных денег для того, чтобы платить им за службу. Прежде Карфаген уклонялся от чеканки монет, появившихся в греческом мире в начале VI века. Пунические города Сицилии, переняв опыт греческих соседей на острове, выпускали собственные деньги уже в последние три десятилетия VI века⁵⁹.

Деньги предназначались главным образом для выплаты жалованья наемникам, желавшим, чтобы они выглядели как высокочеловеческие греческие монеты. Поэтому новые карфагенские монеты имели ярко выраженный западногреческий дизайн и весовые стандарты⁶⁰. Им были присущи два художественных образа — коня и пальмы, все больше ассоциировавшихся с Карфагеном. На них наносилась одна из двух надписей: *Qrthdst* (Карфаген) или *Qrthdst/mhnt* (Карфаген/армия). Вторая надпись, означавшая обычно «Карфагенская военная администрация», подтверждала, что монеты выпущены для специальных целей⁶¹.

Карфаген ничем не обозначил свое реальное и постоянное присутствие на Сицилии. Об этом говорит тот факт, что и войска набирались и готовились в Африке, и все поставки, в том числе и денег, осуществлялись из Карфагена⁶².

Операция, проведенная Ганнибалом, так или иначе дестабилизировала обстановку на острове. Уже через два года, в 407 году, карфагенские войска снова появились на Сицилии, после того как пунические города на юго-западе острова начали подвергаться нападениям сиракузского полководца Гермocrates⁶³. Вопреки утверждениям Диодора, будто карфагеняне хотели захватить весь остров, они не предпринимали односторонних действий⁶⁴. Фрагментарная надпись, обнаруженная в Афинах, свидетельствует о том, что от карфагенян приезжали послы, предлагавшие альянс. Карфагенским герольдам был оказан теплый прием, их даже пригласили на увеселительное мероприятие. В тексте содержалась рекомендация афинского совета предпринять шаги к установлению альянса, если это одобрит представительное гражданское собрание. Совет также рекомендовал отправить дипломатическую миссию на Сицилию для оценки ситуации и встреч с карфагенскими военачальниками. Если такой альянс действительно был санкционирован, то Афины, многие годы конфликтовавшие со Спартой, вряд ли могли оказать какую-либо практическую помощь Карфагену⁶⁵.

Собрав внушительную армию из карфагенян, рекрутов и североафриканских союзников, Ганнибал вновь отправился на Сицилию, на этот раз в компании с более молодым соратником Гамилькаром⁶⁶. Однако экспедиция началась с очень плохого предзнаменования. Флотилию атаковали сиракузяне и потопили несколько кораблей. Когда же армия высадилась на Сицилии и приступила к осаде богатейшего греческого города Акрагант, разразилась эпидемия чумы, унесшая жизни многих людей, в том числе и Ганнибала. Диодор, заимствуя информацию у Тимея, сообщает весьма спорный факт: будто бы Гамилькар, сподвижник Ганнибала, желая угодить рассерженного бога, принес в жертву Баал-Хаммону мальчишку⁶⁸. Потерпев вначале поражение, карфагеняне смогли восстановить свое реноме до такой степени, что вынудили обитателей Акраганта спешно покинуть город⁶⁹.

Диодор/Тимей описывает, как Гамилькар и карфагенская армия занялись разбоем, похищая произведения искусства и другие ценные предметы из брошенных храмов и особняков⁷⁰. Однако мы обладаем редким документом — пунической надписью из тофета в Карфагене; эти письма, хотя и отрывочные, дают представление о карфагенской точке зрения на событие:

«И это *mtnt* в новолуние (месяца) (P) 'It. в год Эшмуна, сына Аднибаала *i* (великого?) и Ганнона, сына Бодастарты, сына Ганнона *rb*. И *rbm* (полководец) Аднибаал, сын Гескона *rb* и Гимилькон, сын Ганнона *rb* пошли в (Г)алесу. И они захватили Акрагант (Акрагас). И они установили мир с гражданами Наксоса»⁷¹.

Несмотря на краткость и фрагментарность, этот текст хорошо иллюстрирует то, насколько односторонним может быть наше понимание некоторых исторических событий.

В 405 году карфагенские полководцы, лишившись из-за чумы половины своей армии, но добившись стратегических преимуществ, предложили Сиракузам мирный договор, с чем измотанный противник с готовностью согласился. Ясно, что условия мира были благоприятны для карфагенян. Сиракузы признали их господство в туземных и пунических регионах на западе и в центре Сицилии. Часть городов острова обязывалась ежегодно выплачивать Карфагену дань⁷².

Дионисий и конец господству одной семьи

Однако мирному договору, заключенному во времена обоедного истощения, была уготована короткая жизнь. В обстановке неурядиц, создавшейся после неудачного противостояния с Карфагеном, тираном Сиракуз вдруг стал молодой человек незнатного происхождения, но одаренный обаянием и незаурядными политическими инстинктами — Дионисий⁷³. Первой проблемой, с которой он столкнулся, было дезертир-

тво ряда городов, входивших в сферу влияния Сиракуз, в стан Карфагена. Воодушевившись вестями о чуме в Карфагене, Дионисий сразу же начал вооружаться, строить боевые корабли и нанимать солдат и моряков⁷⁴. К 397 году он уже был готов воевать. Обрядившись в тогу освободителя греков, Дионисий созвал в Сиракузах народное собрание и убедил его пригрозить карфагенянам войной, если они не освободят сицилийские города, якобы им принадлежащие. Одновременно началась экспроприация собственности у пунических жителей Сиракуз и высылка их из города. По всей греческой Сицилии была организована кампания этнических чисток, сопровождавшаяся насилием и массовыми убийствами⁷⁵. При поддержке греческих поселений, не желавших платить дань Карфагену, Дионисий сформировал большую армию, подошел к Мотии и начал ее осаду⁷⁶.

Карфагеняне были застигнуты врасплох. Они не успели собраться с силами и прийти на помощь Мотии, своему союзнику. Видя приближение сиракузян, защитники Мотии разрушили дамбу, соединявшую островной город с берегом Сицилии. Однако Дионисий построил гигантский мол, по которому подвел к крепостным стенам тараны и огромные осадные орудия. Карфагеняне попытались отвлечь его внимание, устроив налет на гавань Сиракуз. Но положение островного города стало безнадежным, когда в его стенах под ударами таранов все-таки появились проломы. Защитники Мотии сражались за каждую улицу, перекрывая их баррикадами и забрасывая наступавших греков метательными снарядами из окон высоких зданий. Дионисий предусмотрел и такой вариант сражения, соорудив шестиэтажные осадные башни, которые могли сравняться с самыми высокими домами в Мотии, и его солдаты успешно подавляли очаги сопротивления.

Греко-сицилийский историк Диодор, хотя и враждебно относившийся к карфагенянам, достаточно объективно и с некоторым сочувствием обрисовал отчаянное положение защитников Мотии:

«Понимая, какая опасность нависла над ними, и видя рядом своих жен и детей, мотияне сражались с особенной свирепостью, боясь, что их постигнет страшная участь. Одни, чьи родители, находившиеся поблизости, молили уберечь их от произвола победителей, дошли до такого состояния ума, что пренебрегали своими жизнями; другие, слыша плач жен и беспомощных детей, предпочитали умереть, но не видеть, как детей уводят в рабство. Побег из города, конечно, был невозможен, так как его окружало море, где хозяйничал враг. Самым ужасным для финикийцев и особенно тягостным было думать о том, как безжалостно они обошлись с греческими пленниками и им тоже предстоят такие же страдания. Действительно, у них не оставалось иного выбора, кроме как биться отважно, победить или умереть»⁷⁷.

Город превратился в арену зверских расправ и массовых убийств. Диодор сообщает: Дионисий, видя, что его люди не щадят даже женщин и детей, решил положить этому конец, но не из жалости, а из корыстолюбия: он рассчитывал заработать деньги на продаже их в рабство. Когда же на его распоряжения никто не отреагировал, тиран отправил герольдов объявить в городе, что мотияне могут найти спасение в храмах, почитаемых греками. Однако все, кто последовал его совету, впоследствии были проданы в рабство. Греков, сражавшихся на стороне мотиян, распяли⁷⁸. Город подвергся таким разрушениям, что его даже и не пытались восстановить⁷⁹.

На следующий год, согласно Диодору/Тимею, Дионисий отправился опустошать другие регионы карфагенской Сицилии⁸⁰. Однако карфагеняне, оправившись от шока, вызванного дикостью первоначального наступления, смогли собрать достаточно войск для того, чтобы дать отпор Дионисию. Одержав серию побед, включая захват и полное разрушение города Мессана, карфагенский полководец Гимилькон выдворил войска Дионисия из западной части Сицилии и даже дошел до Сиракуз⁸¹. Дионисия спасла, вероятно, эпидемия тифа, разразившаяся в карфагенском лагере и насланная, согласно зло-

пыхательской греческой исторической традиции, богами в качестве наказания за святотатственные деяния, в особенности за разграбление храмов Деметры и Коры⁸². Диодор оставил нам красочное описание симптомов заболевания:

«Недомогание начинается с катара; затем опухает горло, появляются ощущения жжения, боли в сухожилиях, тяжесть в конечностях; наваливается дизентерия, все тело покрывается прыщами. В большинстве случаев именно так протекает болезнь, но некоторые безумствуют, полностью теряют память; они блуждают по лагерю, в помешательстве нападают на всех, кто встречается на пути. В общем, как оказалось, даже врачи бессильны вследствие остроты заболевания и скорой смерти; кончина наступает на пятый или, самое позднее, на шестой день и в таких мучениях, что многие предпочли бы погибнуть на войне»⁸³.

Поначалу карфагеняне хоронили покойников, но смертность так возросла, что тела не погребали, а оставляли гнить там же, где человек умер⁸⁴. Дионисий воспользовался бедствием, поразившим карфагенян, и направил против них и флот, и наземные силы. Гимилькон, оказавшийся в безвыходном положении, был принужден договариваться о перемирии. В соответствии с тайным соглашением, о котором ничего не было известно ни гражданам Сиракуз, ни карфагенской армии, Дионисий разрешил Гимилькону и карфагенской армии под его командованием уйти в обмен на большие деньги⁸⁵. В действительности лишь несколько кораблей вернулись в Карфаген, поскольку на флотилию напали сиракузцы, не знавшие о договоренностях. Из союзников Карфагена лишь сикулы смогли добраться до дома и испанские солдаты сумели объединиться в отряд, достаточно многочисленный для того, чтобы вести переговоры о вступлении в армию Дионисия. Основная часть воинства Гимилькона попала в плен или рабство⁸⁶.

Согласно Дионисию/Тимею, политические последствия поражения для Карфагена были весьма значительными. Пос-

ле того как стало известно о беде, город притих и погрузился в скорбь, прекратились визиты в гости, замерла деловая жизнь, закрылись храмы. Казалось, что все население собралось в гавани, чтобы расспросить о своих родственниках воинов, уцелевших и возвращавшихся домой. По всему берегу можно было слышать стенания и вопли отчаяния. Над политической гегемонией Магонидов нависла серьезная угроза. Это имя вновь ассоциировалось с заморскими поражениями.

Гимилькон, униженный и опозоренный, провел остаток жизни, странствуя в бедных одеяниях по храмам Карфагена, укоряя себя за безволие и умоляя богов покарать его. В итоге он уморил себя голодом⁸⁷. Однако покаяния было недостаточно для того, чтобы Магониды сохранили власть. В недалеком будущем господствующей политической силой в Карфагене станет другой клан во главе с Ганноном Великим⁸⁸.

Неизбежно происходили перемены и в политическом устройстве, которых жаждала прежде всего элита. Еще в первые годы V века появилась новая структура исполнительной власти — Трибунал ста четырех. Он формировался из представителей аристократии, надзирал за поведением чиновников и военачальников и был чем-то вроде верховного суда. Продолжал функционировать Совет старейшин, его полномочия даже расширились, «сенаторы» стали опекать финансы и внешнеполитические проблемы⁸⁹. Карфагенское государство теперь возглавляли двое высших должностных лиц, избираемых ежегодно: суффетов. Особая группа комиссаров контролировала общественные работы, налогообложение, расходование государственных средств⁹⁰. Их называли пентархами, и ими могли назначаться только члены Трибунала ста четырех⁹¹.

Тем временем война с Сиракузами не кончалась: ни одна из сторон не могла добиться явного превосходства⁹². Карфагеняне даже попытались открыть второй фронт противостояния с Дионисием — в Южной Италии⁹³. Обе стороны одерживали победы, сиракузцы — при Кабалах, карфагеняне — при Кронии, но ни одной из них не удавалось закрепить достигну-

тое военное преимущество⁹⁴. Наконец в 373 году противники, понесшие большие потери, подписали новый мирный договор, признающий прежнее разделение территориальных сфер влияния⁹⁵. Однако, реагируя лишь на сиюминутные угрозы и отстаивая только свои интересы, фракция Ганнона, подобно Магонидам, доказала, что она не способна гарантировать Карфагену долговременную безопасность и длительный мир. После каждой неудачи Дионисий располагал достаточным временем для переформирования армии, восстановления сил и подготовки нового наступления.

Непрекращающаяся война стала крайне непопулярной среди граждан Карфагена. Их раздражение усугублялось очередной вспышкой чумы, волнениями в Сардинии и Ливии. Все больше людей подвергали сомнению действенность политического лидерства Ганнона⁹⁶. Даже смерть в 365 году давнего врага Карфагена Дионисия (после продолжительной попойки) и осуждение за измену Сунната, главного политического соперника Ганнона, не утихомирили критиков⁹⁷. Ганнон, не привыкший к хуле, попытался совершить нечто вроде государственного переворота. На банкете по поводу бракосочетания дочери он предпринял безуспешную попытку отравить своих коллег-советников.

Возможно, расценив бездеятельность Совета старейшин как проявление слабости, Ганнон решил спровоцировать восстание 20 000 рабов и вступил в сговор с ливийскими и нумидийскими племенами с той же целью — совершения государственного переворота. Это уже выглядело как реальная государственная измена. Его схватили, били плетью, пытали, а потом распяли на кресте⁹⁸. Изловили и казнили всех членов его клана мужского пола, вне зависимости от того, причастны они были к заговору или нет⁹⁹. Некоторые детали этой истории, взятой из недружественных Карфагену греческих источников, могут быть и надуманными. Однако нет никаких сомнений в том, что к этому времени карфагеняне действительно устали от господства одного семейного клана.

Карфагенская Сицилия

Конец господства Магонидов вовсе не означал сворачивания колонизации Сицилии, ими инициированной. Карфагеняне настолько освоились на острове, что уже просто не могли оттуда уйти. В первой половине IV века характер присутствия карфагенян в западной части Сицилии кардинально изменился — этот факт отметили греческие историки, определив зону карфагенского влияния на западе Сицилии как экзархат, то есть имперская провинция¹⁰⁰. Хотя и нет свидетельств прямого управления старыми пуническими городами из Карфагена, новые поселения на острове уже были тесно связаны с североафриканской метрополией¹⁰¹. Самой деятельной и производительной силой в таких новых городах, как Алеса* и Термы Гимерские, безусловно, была карфагенская община¹⁰².

Особое стратегическое значение для Карфагена имел порт Лилибей¹⁰³. Он располагался на западном побережье Сицилии недалеко от островка, на котором когда-то стояла Мотия, и его строили для уцелевших граждан разрушенного города. Однако археологические исследования материальной культуры этого поселения показали, что иммигранты из Карфагена в значительной мере дополняли его население¹⁰⁴. В отличие от более старых пунических городов Сицилии Лилибей поддерживал регулярные коммерческие связи с Карфагеном. Вследствие своего выгодного местоположения — на мысе Боэо, самой крайней западной оконечности острова — портовый город вскоре стал главным связующим звеном на торговых путях между Северной Африкой, Сицилией, Италией и Грецией¹⁰⁵.

О стратегической важности Лилибея свидетельствовала его повышенная обороноспособность. Он строился с расчетом на обеспечение максимальной безопасности. Его мощные крепостные стены были высотой 5,8 метра, и их возводили из известкового туфа, усиленного камнем и глинобитными кирпичами. Перед стенами зиял глубокий ров шириной 28 метров.

* Также Галеса.

Они перемежались прямоугольными башнями и укрепленными воротами, и в них имелись боковые и задние входы и выходы, с тем чтобы защитники крепости могли незаметно передвигаться и обрушивать на неприятеля метательные снаряды. Под землей были прорыты проходы, галереи и коридоры, позволявшие совершать внезапные вылазки и нападения на врага с тыла¹⁰⁶. В одном таком туннеле на стенах были обнаружены граффити, оставленные скучавшими без дела воинами: зарисовки воителя, корабля, оружия, пунические знаки и буквы и, конечно, эротические сценки¹⁰⁷.

На монетах, выпущенных, как полагают, в Лилибее, город предстает явно в роли военной базы, а не пунического гражданского поселения. Тетрадрахмы имеют надписи военного характера: *qrthds*, *mmhnt* и *s'mmhnt* («люди армии»). Действительно, Лилибеем, похоже, управлял военный комендант, а не суфеты или городской совет¹⁰⁸. Его воздвигали в качестве надежно укрепленного коммерческого анклава, способного функционировать даже во вражеском окружении.

В этот период создавались новые пунические поселения и в глубине острова, в том числе и в местах, где прежде находились греческие городища. В IV веке прежний греческий акрополь Селиунта пунийцы перестроили на свой лад, используя для этого кладку старых сооружений. Они расширили главную улицу, по-другому расположили новые здания. Диодор упоминает, что Ганнибал, захвативший город, разрешил прежним его обитателям вернуться. Однако археологи отметили, что многие новые дома в Селиунте были возведены в соответствии с карфагенскими архитектурными и строительными традициями, такими же, как в Лилибее¹⁰⁹.

Существенные трансформации, очевидно, произошли и в религиозной жизни города. Многие греческие святилища, в том числе и богини Деметры Малафоры, сохранились и использовались, но в них совершались иные ритуалы. Оставался в силе культ Зевса Мейлихия, гибрида из греческого царя богов и догреческого подземного духа смерти и возрождения¹¹⁰.

Однако на месте его святилища археологи нашли странные двухголовые стелы, изображавшие пунические божества Баал-Хаммона и Тиннит: именно их пунические пришельцы считали родителями Зевса Мейлихия¹¹¹. Греческие храмы и святилища дополнились типично пуническими атрибутами поклонения богам: бетилиями (священными камнями) и алтарями на открытом воздухе. В храме, изначально посвященном греческой богине Гекате, был воздвигнут алтарь для принесения в жертву и сожжения мелких животных в соответствии с пуническими религиозными обычаями¹¹². Пунийцы украсили улицы города своими эмблемами: знаками Тиннит и кадуцея¹¹³.

Свидетельства обитания пунийцев обнаружены и в Адраноне, городе-крепости, основанном селинунтцами в VI веке. Он был разрушен одновременно с Селинунтом, в 409 году, но в IV веке были восстановлены стены, построены два храма и ремесленническая зона. Самое величественное из двух святилищ располагалось на акрополе. Композиционно храм строили в соответствии с классической пунической трехчастной планировкой, в центре под открытым небом находилась жертвенная площадка. В нем смешались пунический и греческий архитектурные стили: элегантные дорические колонны украшали портик, а треугольный фронто́н обрамляли египетские карнизы¹¹⁴. В этот период пуническое влияние впервые затронуло и менее крупные поселения. В Монте-Полиццо, прежде заброшенном, также обнаружены следы жизнедеятельности пунийцев, в том числе стела, алтарь и жертвоприношения в возрожденном храме¹¹⁵.

Тем не менее, несмотря на активное освоение Сицилии, новые пунические поселения были лишь слабой тенью греческих городов, на месте которых они возникали. Греческие историки, конечно, преувеличивали, когда писали, что в IV веке в городах Сицилии, поросших всякого рода растительностью, обитали только дикие звери. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что десятилетия насилия и хаоса негативно отразились не только на внешнем виде городов и поселений, но

и на их обитателях¹¹⁶. Археологические свидетельства, полученные при раскопках на Сицилии, показывают, что литературные описания заброшенных городов с полуразвалившимися стенами и поруганными храмами не являются лишь продуктом богатой писательской фантазии¹¹⁷.

Главное предназначение всех этих новых поселений, очевидно, состояло в том, чтобы служить военно-оборонительными форпостами. Монте-Адранон, похоже, был карфагенской крепостью, в которой размещался большой гарнизон войск и проживала очень незначительная часть гражданских лиц¹¹⁸. Археологические исследования в Монте-Полиццо также подтвердили, что пунийцы здесь оборудовали сторожевую башню или военный наблюдательный пост¹¹⁸. Пунические крепости располагались, кроме того, между реками Беличе и Платани¹²⁰. Даже пунический Селинунт со всеми торговыми лавками и жилыми домами занимал лишь малую толику прежнего греческого города, хотя и был более чем военным фортом. Большая часть города лежала в руинах. Примечательно, что при раскопках во многих такого рода поселениях в центре и на западе Сицилии обнаруживается крайне мало иных артефактов, кроме бронзовых монет и амфор-торпед, а это значит, что в них жили в основном люди военные, а не гражданские¹²¹.

По всей видимости, карфагенский «империализм» на Сицилии, как и на Сардинии, мог проявляться лишь в присвоении ресурсов, необходимых такому большому полису, как Карфаген¹²². Однако это предположение не может не вызывать сомнений. Выгоды, которые получал Карфаген от угодий в западной части Сицилии, были незначительными. Последние исследования амфор, завезенных в Карфаген в V–IV веках, показали, что импорт товаров и продуктов из пунической Сицилии был мизерным по сравнению с объемами их завоза из Сардинии¹²³. Аналогичным образом и экспорт товаров из Карфагена в западную часть Сицилии был невелик в этот период¹²⁴. Конечно же, первостепенное значение для карфагенян имели порты на западе Сицилии, через которые осущест-

влялся товарообмен с тирренским и эгейским регионами¹²⁵. Большое количество тонкой керамики из Афин, датируемой концом V и первой половиной IV века и найденной в Карфагене, возможно, свидетельствует о прямых торговых связях между этими городами в данный период¹²⁶. Позднее карфагеняне постепенно переключились на ввоз гончарных изделий из греческой Сицилии и Южной Италии, и это еще больше повысило значимость сицилийских портов¹²⁷. Действительно, без Панорма и Лилибея на карфагенян могли обрушиться экономические невзгоды. Следовательно, эти порты надо было защищать любой ценой. В глубинке западной части Сицилии для Карфагена были важны не сельскохозяйственные угодья в отличие от Сардинии, а укрепленные поселения-бастии, служившие буфером для защиты главного достояния карфагенян на острове — западных портов.

Другим важным фактором экономического и политического присутствия карфагенян на западе Сицилии была внушительная регулярная армия, находившаяся на острове почти постоянно. Поскольку территория, которую она была призвана защищать, не предназначалась для эффективного экономического освоения, армия снабжалась провиантом в основном из Сардинии¹²⁹. Можно предположить, что выгоды от торговли в тирренском и ионическом регионах вполне покрывали затраты, а пунические города в западной части Сицилии, вероятно, облагались налогами¹³⁰.

Коринфская угроза

Острая необходимость в портах на западе Сицилии вынуждала Карфаген принимать все меры для того, чтобы защитить их от потенциальных угроз и нападений, не считаясь с затратами и человеческими жертвами. В сороковых годах IV века такая угроза появилась со стороны греческого города Коринфа, все более активно вмешивавшегося во внутренние дела Сиракуз¹³¹. Предостережения, отправленные Тимолеону,

представителю Коринфа, посланному на Сицилию, не имели успеха¹³². Попытки запугать его войной тоже не подействовали. Тимoleon ввел демократическую форму правления в Сиракузах и сформировал против Карфагена альянс, в который вошли и некоторые греческие города-государства Сицилии¹³³.

В 340 году Тимoleon разгромил карфагенскую армию, состоявшую на этот раз из большого контингента карфагенян, устроив на нее засаду¹³⁴. Выдвинувшись в глубь территории противника, сиракузцы укрылись возле реки Кримис и стали ждать появления карфагенян. Согласно Диодору, в то раннее летнее утро реку покрывал густой туман. О приближении карфагенян можно было узнать только по громоыханию колесниц. Когда туман рассеялся, сиракузцы увидели и реку, и переправлявшиеся через нее карфагенские полки.

Первыми шли колесницы, запряженные четверкой лошадей, и элитный гражданский полк — «Священный отряд», выделявшийся белыми щитами, тяжелыми доспехами из бронзы и железа и прославившийся отвагой и жесткой дисциплиной. Стремясь перехватить эти отборные силы карфагенян до того, как они выйдут на берег, Тималеон бросил против них конницу. Во время сражения разразилась гроза с градом, словно пришедшая на помощь грекам. Первая линия карфагенян была смята, многие из них были раздавлены лошадьми или утонули в реке. «Священный отряд», видимо, не желая обесчестить свой гражданский статус, а возможно, и понимая бесполезность бегства в тяжелых доспехах, стоял насмерть, до последнего бойца. Битва при Кримисе для карфагенян была самой кровопролитной из всех сражений, которые им пришлось выдержать на Сицилии. Они потеряли на поле боя более 10 000 человек, 15 000 воинов греки захватили в плен. Утрата «Священного отряда», гордости гражданской элиты Карфагена, означала, что гражданские формирования будут использоваться в дальнейшем только в крайних случаях¹³⁵.

Позже карфагеняне сумели оправиться от перенесенного несчастья, воюя с сиракузцами наемными силами. В Сицилию были отправлены войска наемников в помощь диктаторам, естественным врагам демократических Сиракуз. Сковав силы сиракузцев, карфагеняне смогли упрочиться на землях западной части острова. Их тактика полностью оправдала себя, когда в 338 году они подписали новый договор с Сиракузами. Большая часть западной половины Сицилии была признана зоной влияния Карфагена, а карфагеняне согласились отказаться от своих новых союзников¹³⁶.

Кровавый статус-кво

К тридцатым годам IV века сложилась ситуация, когда могло показаться, что стратегия колонизации Сицилии, инициированная Магонидами, дает свои плоды. Мало кто не признавал западную половину острова сферой карфагенского влияния. И все же, несмотря на очевидные успехи, вызывало сомнения то, насколько реальным и прочным было властвование карфагенян на западе Сицилии. Особенно много беспокойства им доставляли наемники и флибустьеры, запленившие Сицилию в поисках легкой наживы. Отслужив положенный срок и получив деньги, они оставались не у дел. У многих из них не было реальных возможностей для обогащения на родине, и они предпочитали блуждать по острову и устраивать свою жизнь как придется, нередко в ущерб его коренным обитателям¹³⁷.

Без сомнения, для защиты карфагенской сферы интересов требовались значительные материальные и финансовые вложения. Карфагенским военным властям на Сицилии приходилось прибегать к чеканке большого количества особо ценных монет из золота, серебра и электрума (золота с примесью серебра) для оплаты наемных армий¹³⁸. Выпуски переоцененных бронзовых монет в IV веке Сиракузами и Карфагеном свидетельствуют о том, что продолжающиеся войны тяжелым бременем ложились на их финансовые ресурсы¹³⁹.

Необходимость защиты долговременных экономических интересов и западных портов, содержания армии и поддержки сицилийско-греческих самодержцев гарантировала, что насилие на острове будет продолжаться. Конфликт, позволяя поработать потерпевших поражение, захватывать города и получать военные репарации, способствовал сохранению кровавого статус-кво в отношениях между Карфагеном и Сиракузами на острове. Действительными его жертвами были пунийцы, сицилийские греки и коренные жители, от имени которых и совершался этот нескончаемый кровавый процесс.

Глава 5

КАРФАГЕН, АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ И АГАФОКЛ

Карфаген: Александр и Тимей

За двенадцать лет — в тридцатые и двадцатые годы IV века — македонский царь Александр (Великий) к тому времени, когда ему исполнился тридцать один год, стал правителем империи, охватывавшей огромную территорию от Греции до Пакистана. И его современники, и те, кто жил после них, пытались разобраться в причинах необычайного триумфа. Его достижения не имели аналогов в прошлом, и, как думали многие, никто не сможет повторить их и в будущем. По городам и весям древнего Средиземноморья и Ближнего Востока распространялись истории о том, что Александр не просто произошел от богов, а и сам был подлинным богом.

Стремительному взлету Александра способствовали не только военные победы, но и его незаурядное умение создавать себе популярность. Образ «героя» сотворили ему придворные советники, мемуаристы и летописцы, сопровождавшие полководца во всех военных кампаниях. Его изображали как новоиспеченного Геракла, пронесшегося ураганом по Азии и покорявшего всех, кто попадался на пути. После того как он остановился там, где теперь Пакистан, людей на Западе инте-

ресовал только один вопрос: станут ли они следующей мишенью в непрерывном процессе удовлетворения жажды славы и завоеваний? Ужасающая скорость, с которой Александр построил гигантскую азиатскую империю, означала, что он вполне может обратить свое внимание и на Запад. Для Александра мир оказался тесен.

Посланники со всех земель Западного Средиземноморья потянулись в царский дворец в Вавилоне, совершая длительное и мучительное путешествие, но желая завязать дружественные отношения с Александром и выяснить его дальнейшие намерения. Из Италии к нему ездили бруттии, луканы и этруски. Из северных краев Александру нанесли визит кельты и скифы, иберийцы приезжали с далекого Запада, нубийцы — из глубин Африки. Среди просителей был и карфагенянин — Гамилькар Родан, освоивший греческий язык, когда жил на Родосе. В отличие от других челобитчиков Родана послали не для того, чтобы узнать, желает Александр добра Карфагену или нет. Осада Тира, родительского города для Карфагена, уже дала ответ на этот вопрос.

Александр со своей армией подошел к Тиру в 332 году. Получив отказ на просьбу войти в святилище Мелькарта, Александр осадил, а затем разграбил город, перебив его защитников и поработив остальных жителей¹. Мелькарт, в честь которого ежегодно совершался обряд смерти и возрождения в пламени священного огня, сгинет в дымящихся руинах города, столетиями его воспевавшего. Тирские традиции и религиозные ритуалы затеряются в грохоте помпезных греко-македонских военных церемониалов: парадов, гимнастических состязаний и факельных шествий армии Александра. Торжественное сожжение изображения Мелькарта заменят атлетические соревнования в честь эллинского Геракла. Александр завладел и священной ладьей, на которой карфагеняне доставили свои первые жертвоприношения Мелькарту много веков назад, и начертал на ней греческие посвятельные надписи².

Диодор, идя по стопам Тимея и отклоняясь от повествования о Сицилии, рассказывает о том, как тридцать посланников Карфагена, прибывших с ежегодной десятиной доходов города для Мелькарта, оказались запертыми в осажденном Тире. Когда город пал, Александр сохранил им жизнь, отправив домой с предупреждением: после завоевания Азии он займется и Карфагеном³. Таким образом, Родан при царском дворе в Вавилоне должен был узнать не о намерениях Александра в отношении Карфагена, а о том, когда он собирается напасть на город.

Согласно римскому историку Юстину, Родан, решив, что неразумно предъявлять верительные грамоты посла, добился аудиенции с Александром, убедив его ближайшего помощника Пармениона в том, что он изгнанник и желал бы присоединиться к македонской армии. Вызвав планы царя, он сообщил о них в тайных донесениях Карфагену. Однако в городе, охваченном паранойей, никому не было доверия. Когда Родан вернулся, его отблагодарили тем, что казнили. Сograждане заподозрили, будто он пытался предать город македонскому царю⁴.

Из-за преждевременной смерти Александра, случившейся в Вавилоне в июне 323 года, трудно ответить на вопрос: действительно ли он собирался напасть на Карфаген? Западные греческие, а позднее и римские историки, безусловно, хотели убедить именно в этом свою аудиторию. Такая версия вписывалась в их сценарий, предусматривавший объединить войну Александра с Персидской империей и борьбу Сиракуз против Карфагена. Тимей, длительное время находившийся в изгнании в Афинах, подпал под влияние воинственных настроений, разделявшихся многими афинскими писателями в отношении Персии и подогревавшихся походами Александра на Востоке⁵. Стоит ли удивляться тому, что Диодор вслед за Тимеем с удовлетворением рассказывает о том, как Александр, захватив Тир, освобождает статую бога Аполлона, посланную Тиру карфа-

генянами, укравшими ее в греко-сицилийском городе Гела. Диодор заимствовал у Тимея и синхронизацию событий, чем последний особенно увлекался. Он отмечает, что Александр захватил Тир в тот же час, день и месяц, когда карфагеняне умыкнули статую из Гелы⁶.

Диодор/Тимей, как и другие восточногреческие комментаторы, прекрасно знал о тождественности Мелькарта и Геракла. Он утверждает, что Александр первоначально намеревался «совершить жертвоприношение тирскому Гераклу»⁷. Однако ему и в голову не приходит поразмышлять о единстве образов греческого героя и финикийского божества в представлениях многих обитателей Средиземноморья. Карфагенское военное присутствие на Сицилии стало перманентным, и Диодор вместе с другими сицилийскими историками предпочитает пропагандировать ассоциацию Карфагена с другим величайшим врагом греческого мира — Персией.

От Диодора мы знаем о том, что Тимей реанимировал старую выдумку про то, что в Гимере проходил западный фронт скоординированной агрессии против греков, организованной карфагенянами и персами⁸. Затем, сдвинув вспять дату сражения, чтобы оно совпало по времени с битвой при Фермопилах, когда триста спартанцев героически сдерживали натиск превосходящих персидских сил, Тимей мог изобразить баталию при Гимере как поворотный пункт в великой средиземноморской войне между варварами и Элладой⁹. Это помогает ему и завуалировать нежелание тирана Сиракуз помочь материковым грекам. Он придумывает очередную небылицу: Гелон-де отплыл в Грецию, чтобы помочь грекам в войне с персами, но его остановили вести о великой победе при Саламисе¹⁰.

В описаниях Тимеем войн между Карфагеном и Сиракузами стратегические мотивы интервенции Карфагена в Сицилию, как и персов в Грецию, сводятся к стремлению поработить Элладу. Это прекрасно иллюстрирует, к примеру, и такой эпи-

зод: греки, одержав победу, обнаруживают в карфагенском лагере 20 000 пар наручников¹¹. В другой раз Тимей создает не менее яркую и тоже надуманную сцену братания греческих наемников, сражавшихся на стороне сиракузцев, со своими соотечественниками, нанятыми карфагенянами. Наемники Сиракуз недоуменно спрашивали наемников Карфагена: как они могут служить государству, которое хочет закабалить и довести до состояния варварства греческий город?¹²

Однако археологические свидетельства материальной культуры Сицилии создают несколько иное представление о жизни на острове, отличающееся от описаний беспросветной межэтнической вражды и тотальной войны, оставленных для нас историческими злопыхателями¹³. Кровопролитные конфликты не остановили процессы взаимопроникновения и слияния различных культур, присущих греческим и пуническим общинам. Войны между Карфагеном и Сиракузами, можно сказать, даже способствовали экспорту религиозного и культурного синкретизма, являвшегося длительное время лишь одной из характерных черт колониальной Сицилии. Он затронул и Карфаген, проявляясь в умонастроениях прежде всего офицеров карфагенской элиты, служивших в армии на Сицилии, и членов достаточно многочисленной греко-сицилийской общины, уже обосновавшейся в городе¹⁴.

Наглядный пример такой межэтнической интеграции — возросшая в Карфагене значимость культа греческой богини плодородия Деметры и ее дочери Кору (Персефоны), консорта Гадеса (Аида), владыки подземного царства. Диодор, вторя Тимею, подчеркивает греко-сицилийское происхождение культа, указывая на то, что Гадес похищал и насиловал Кору на острове, хотя греческие города Южной Италии предпочитают верить в то, что это мерзкое событие происходило у них¹⁵. Культ обеих богинь стал официальным в Карфагене в 396 году, и Диодор преподносит этот факт как попытку карфагенян умаслить Деметру и Кору, когда они наслали на них чуму, наказав

за разграбление храма в Сиракузах незадачливым генералом Гамилькаром. В то же время Диодор твердо убежден в эллинистической природе культа. Он сообщает о том, как карфагенские власти отыскивают греков, проживающих в городе, и назначают их служить богиням, а карфагенским аристократам, назначающимся жрецами, даются наставления «совершать ритуалы так, как это делают греки»¹⁶.

Карфаген: этнический «плавильный котел» Средиземноморья

В описании Диодором обстоятельств появления в Карфагене культа Деметры и Кору улавливается пристрастие грека. Сицилийские пунийцы давно почитали этих богинь, и, по всей вероятности, их культ пришел в Карфаген из Сицилии¹⁷. Карфагенянам особенно полюбилась Кора, ее профиль — непременный атрибут карфагенских монет¹⁸. Вообще образы этих двух богинь были самыми популярными в пуническом мире. Они украшали и терракотовые кадила: в лунки их головных уборов укладывались катышки ладана¹⁹. В IV веке за очень непродолжительное время культ Деметры и Кору распространился по всему пуническому региону Западного Средиземноморья. Он укоренился даже в сельском святилище Дженна Мария на Сардинии, смешавшись с местными божествами²⁰. Ясно и то, что вопреки утверждениям Диодора/Тимея мы имеем дело не с репродукцией греческого культа. Перед нами — сплав культурных и религиозных заимствований, сформировавшийся в результате сосуществования на Сицилии различных этносов.

Взять, к примеру, синкретический образ Геракла — Мелькарта, становившийся все более популярным в III веке. Примечательны в данном случае бронзовые удлиненные бритвы с гравировкой (традиционно входившие в пунический комплект погребальных предметов), датирующиеся этим временем и обнаруживаемые археологами при раскопках кладбищ, ок-

ружающих Карфаген. Хотя на лезвиях многих бритв в соответствии с левантийской традицией выгравирован Мелькарт в длинной тунике и с боевым двухсторонним топором на плечах, встречаются и иные изображения божества²¹. На одном из них мы видим Геракла со шкурой льва, палицей и охотничьей собакой у ног — классическая иконография героя, присущая греческим городам Южной Италии²². Однако, как верно заметил французский историк Серж Лансель, это всего лишь «итализированный» пунический Мелькарт, поскольку на обратной стороне лезвия изображен Иолай, племянник и спутник Геракла, с веткой колоказии в одной руке и перепелом — в другой²³. В этом образе воплотилась греческая интерпретация финикийско-пунического ритуала эгерсис. В предании, сохраненном для нас греческим ритором Афинеем, изложившим легенду греческого автора начала IV века Евдокса Книдского, повествуется о том, как «тирскому» умирающему Гераклу его верный друг помогает перенести боль листьями колоказии и возвращает к жизни, дав понюхать жареного перепела²⁴. Другая бритва, найденная в Карфагене и датирующаяся III веком, видимо, имеет прямое отношение к Сардинии: на одной стороне лезвия обнаженный Геракл, накинув львиную шкуру, опирается на палицу, а на другой стороне — Цид в плюмаже пронзает копьем преклоненную фигуру с нагрудником и в короткой тунике²⁵.

Таким образом, Тимей и другие греко-сицилийские историки, на чьи свидетельства опирается Диодор, не столько доказывают существование непреодолимого антагонизма между греками и пунийцами на Западе, сколько демонстрируют неприязнь к нараставшему политическому, культурному и религиозному согласию и на их родном острове, и по всему Центральному Средиземноморью. У Тимея же одержимость этническим конфликтом между греками и варварами стала результатом его длительного отсутствия на родине и непрерывной смены компромиссов и ориентиров в общественно-политическом климате Сицилии.

Агафокл: «Александр Великий» Сицилии

Подобные ксенофобские представления о межэтнических отношениях не соответствовали реальности, но они были присущи менталитету местных сицилийских владык, соперников Карфагена. Гораздо удобнее выступать в роли спасителей западных эллинов от восточного варварства, а не обыкновенных поджигателей войны. После преждевременной смерти Александра его полководцы поделили между собой огромную империю в Азии, Европе и Египте, а некоторые из них даже самонадеянно присвоили себе героический образ великого царя. Питер Грин написал: «Они долго пребывали в тени его славы. Он сделал их теми, кем они стали. И если бы даже они захотели отречься от его идеалов... то непомерные амбиции заставляли их преследовать те же цели»²⁶.

Помимо диадохов — македонских полководцев, поделивших империю Александра, — желали заявить о себе и менее значительные личности — магнаты и младшие военачальники, многие из которых имели весьма косвенное отношение к Александру. Недовольные своим периферийным и неприметным положением, они стремились попасть в элитный клуб эллинских монархов. Среди них был и Агафокл, отважный командир-кавалерист с темным прошлым, служивший и наемником, подвергавшийся изгнанию и пришедший к власти в Сиракузах в двадцатых годах IV века, используя интриги, публичную демагогию и военные авантюры²⁷. Подобно Гелону и Дионисию, Агафокл почти непрерывно воевал с карфагенянами, укрепляя свой режим.

Александр сознательно связывал свои победы на Востоке с вторжениями персов в Грецию (для него кампании в Азии были миссиями возмездия). Аналогичная идея лежала и в основе возобновления застарелого конфликта между Карфагеном и Сиракузами. Теория, будто сицилийские войны являются западным продолжением вековой борьбы греческой цивилизации против темных сил восточного варварства, — в

корне неверная, но заманчивая мотивация. На протяжении всей своей долгой и насыщенной событиями карьеры Агафокл видел себя в роли наследника Александра Великого в западном регионе Средиземноморья²⁸. На монетах Агафокла, как и других греческих вождей, властвовавших после Александра, умышленно воспроизводились мотивы, приглянувшиеся македонскому царю и самопровозглашенному повелителю Азии²⁹. Столетием позже римский драматург Плавт высмеет страсть Агафокла к копированию внешнего облика и манер поведения Александра Великого³⁰.

Однако полководческие таланты Агафокла не ограничивались способностями изображать наследника Александра на западе Средиземноморья. Одним из следствий длительного присутствия карфагенян на Сицилии стало то, что многие сицилийские греки хорошо узнали карфагенскую военную организацию. Пожалуй, больше всего помогало Агафоклу в войнах на Сицилии понимание специфики Карфагена и непростых отношений между городом и его армией на острове. Использование наемников порождало взаимное недоверие, а правящая элита, кроме того, опасалась своеволия людей, посланных командовать войсками в Сицилию. На протяжении IV века, похоже, карфагенские полководцы, в особенности на Сицилии, обладали столь широкими полномочиями и автономией во время кампаний, что могли заключать договора и вступать в альянсы (правда, такие соглашения подлежали ратификации Советом старейшин, который также утверждал и материальное обеспечение войск)³¹. Афинский политик IV века Исократ, имея в виду необычайную свободу действий военачальников, отмечал, что «карфагенянами дома правили олигархи, а на поле боя — цари»³².

Полководцами были карфагеняне, но они назначались не Трибуналом ста четырех, а Народным собранием граждан Карфагена³³. Уже одно это обстоятельство вызывало подозрения элиты. Превращение карфагенской армии на Сицилии в по-

лунезависимый институт власти со своей административной структурой и денежной системой еще больше накаляло политическую обстановку. Порты Сицилии находились за сотни километров от Карфагена, а информация о событиях на острове была спорадическая и не всегда достоверная. В такой ситуации военачальник, конечно, мог позабыть о своей ответственности перед вышестоящими пэрами.

Хотя карфагенские командующие принимали решения во время кампаний, пользуясь значительной автономией, Трибунал ста четырех затем подвергал их вердикты строжайшей ревизии. В политической жизни Карфагена давно практиковалось суровое наказание командиров, не проявивших должного мужества или умения на поле битвы. В Древнем мире карфагеняне не первыми начали прибегать к такому наказанию, как распятие. Однако в отличие от других древних народов, осуждавших на страшную казнь изгоев — рабов-беглецов, преступников и чужеземцев, они иногда пригвождали на кресте и полководцев. Это одновременно служило и мерой устрашения, и одной из самых действенных форм политической расправы.

Недоверие было взаимное. Командующих, когда они возвращались домой, раздражало подозрительное и враждебное отношение сограждан. Диодор/Тимей дал такое объяснение причин последней попытки военного переворота:

«Все дело в суровости наказаний. Ведя войны, карфагеняне назначают из своей среды самых выдающихся людей командовать войсками, принимая как должное то, что они обязаны первыми отважно отражать опасность, нависшую над государством. Когда же командующие добиваются заключения мира, им треплют нервы судами, выдвигают против них из зависти ложные обвинения и подвергают взысканиям. Поэтому некоторые из тех, кого назначили командовать войсками, опасаясь судебных преследований, покидают свои посты, а другие пытаются стать тиранами»³⁴.

Согласно Диодору (как всегда, черпавшему свою информацию из более ранних греко-сицилийских источников), Агафокл искусно использовал напряженность в отношениях между карфагенскими полководцами и политиками. Диодор в данном случае ориентируется на Тимея (в особенности невзлюбившего Агафокла за изгнание отца историка). Тимей изобразил сиракузского полководца как политического оппортуниста, вступившего в сговор с ненавистными карфагенскими интервентами³⁵, хотя в этом решении можно усмотреть и глубокое понимание амбиций и опасений карфагенских командующих на Сицилии, сыгравшее ключевую роль в его вхождении во власть.

Ранее, в двадцатых годах, Агафокл, видя, что ему не удастся захватить политическую власть в Сиракузах, набрал армию из числа недовольных сикулов, решив овладеть городом силой. Но на его пути к городу стояла внушительная карфагенская армия, и Агафокл вступил в дипломатические переговоры с ее командующим Гамилькаром. Узнав о планах Гамилькара прийти к власти в Карфагене, Агафокл тайно договорился с ним о взаимопомощи: карфагенская армия не мешает ему брать город, а взамен он окажет содействие Гамилькару в захвате власти у себя дома. Гамилькар сделал даже больше, чем от него ожидалось первоначально: он отрядил 5000 воинов для того, чтобы помочь Агафоклу в расправе над политическими оппонентами в Сиракузах³⁶. Они согласовали и мирный договор на условиях, более благоприятных для Агафокла, хотя он вряд ли тогда находился в преимущественном положении. Всем городам восточной части Сицилии надлежало признать сюзеренитет Сиракуз, в то время как карфагеняне получали подтверждение прав на территории, которыми уже владели³⁷. Мало того, Гамилькар не обратил никакого внимания на травлю Агафоклом сицилийских союзников Карфагена³⁸.

Греческие и римские историки, описывая это тайное соглашение, предположили, что хитроумный Агафокл надул Гамилькара. Более реалистичным представляется иное объ-

яснение: сохранение обстановки насилия и политической нестабильности на Сицилии было в интересах и карфагенской армии, и Агафокла. Политическая нестабильность, с одной стороны, свидетельствовала о том, что Карфаген не властен над своей армией, а с другой — определяла характер сговора между его армией на острове и его сиракузским оппонентом. Реакция Совета старейшин Карфагена была весьма показательной. Вместо того чтобы отозвать его и обвинить в измене, совет проголосовал за то, чтобы отложить принятие окончательного решения до того времени, когда появятся возможности для более основательного и действенного выступления против него³⁹. Карфагенская армия на Сицилии действительно превращалась в полунезависимую политическую силу, а ее номинальные владыки в Карфагене утрачивали контроль над ней.

Гамилькар умер до суда, и нежелательной конфронтации с ним Совет старейшин избежал. Пытаясь восстановить статус-кво, совет отправил к Агафоклу делегацию, призывая его соблюдать уже существующие межгосударственные договоры. Для укрепления власти совета над войсками в Сицилии была набрана новая армия под командованием другого Гамилькара, сына Гискона.

Кампания нового Гамилькара началась неудачно. Когда флотилия с армией шла к Сицилии, во время шторма затонуло несколько судов с карфагенскими сановниками⁴⁰. Тем не менее после прибытия на остров (в 311 году) Гамилькар показал себя превосходным полководцем. Одержав убедительную победу, карфагеняне заблокировали Агафокла с остатками войск в Сиракузах⁴¹. Военные успехи Гамилькара дополнил дипломатическими договоренностями с греко-сицилийскими городами-государствами, еще больше изолировав Агафокла. Отступая от практики своих предшественников, он предпринял попытку закончить войну нанесением последнего сокрушительного поражения Агафоклу и взятием Сиракуз.

Вторжение в Африку

Оказавшись в отчаянном положении, Агафокл задумал военную операцию, столь дерзкую и непредсказуемую, что привел карфагенян в полное замешательство. Он начнет войну там, где карфагеняне меньше всего готовы к ней: в самом сердце пунического мира, на их африканской земле⁴². И в этом замысле проявилось глубокое понимание Агафоклом специфики Карфагена и его народа. Он знал, что беды войны неведомы для большинства карфагенян. Их армии состоят в основном из наемников, и им не приходилось выдерживать сколько-нибудь серьезные сражения на своей североафриканской родине. Совершив внезапное нападение, Агафокл решит проблему снабжения войск и обеспечит себя богатой поживой для выплаты жалованья войскам за счет страны, которая в отличие от Сицилии избежала опустошительных войн. Он надеялся также на то, что восстанут и поддержат его ливийцы, недовольные тем, как обращаются с ними карфагеняне. Столкнувшись с таким поворотом событий, Гамилькар непременно должен будет покинуть Сицилию⁴³.

Агафокл быстро сформировал армию из сиракузских рекрутов, наемников и даже рабов. Деньги для финансирования экспедиции он раздобыл, убивая еще уцелевших оппонентов-аристократов и конфискуя их собственность, отбирая наследство у сирот, пожертвования храмам и драгоценности у женщин, навязывая принудительные займы⁴⁴. Собрав флотилию из шестидесяти кораблей и очень небольшую армию всего из 13 500 человек, Агафокл каким-то образом смог миновать карфагенские кордоны. Тщательно маскируя маршрут своего передвижения и держа карфагенян в неведении относительно цели похода, Агафокл в 310 году высадился на полуострове Бон в ста десяти километрах от Карфагена, проведя в море шесть дней. Понимая, что с провалом экспедиции оборвется и его собственная жизнь, полководец приказал сжечь корабли, дабы лишить своих людей каких-либо надежд на побег⁴⁵. Он

вверил их судьбы богиням Деметре и Коре — тем самым превращая кампанию в акцию возмездия сицилийских греков за прежние надругательства карфагенян⁴⁶. Выслушав страстную речь полководца, его войско без труда овладело городами Мегалополис и Тунет (Тунис)⁴⁷.

Вдохновившись первыми успехами, Агафокл расположился лагерем неподалеку от Карфагена, где жители уже начали паниковать, решив, что появление Агафокла в Африке означает полное истребление карфагенской армии на Сицилии⁴⁸. Граждане города мужского пола в обязательном порядке призывались в войска, которыми командовали два политических соперника — Бомилькар и Ганнон⁴⁹. Вначале карфагенянам не везло: они потерпели сокрушительное поражение и потеряли самого способного командующего — Ганнона. Бомилькар, поняв, что у него появилась возможность стать единственным владыкой, отступил со своим войском в Карфаген⁵⁰.

Диодор повествует о том, как горожане, осажденные и опечаленные тем, что их главный полководец находится за морем, на Сицилии, отправляют огромную сумму денег и дорогие пожертвования храму Мелькарта в Тире. Они убеждены: все их беды вызваны недовольством богов малостью предыдущего подношения. Дабы умиловить разгневанных идов, перепуганные карфагеняне теперь должны принести в жертву 200 детей благородных кровей. Позднее еще 300 граждан, в особенности провинившихся перед богами, добровольно приносят себя в жертву, прыгнув в костер⁵¹. О степени страха, внушенного богами, возможно, свидетельствует и надпись, относящаяся примерно к этому времени: в ней говорится о строительстве новых храмов, посвященных богиням Тиннит и Астарте и украшенных золотыми статуями, роскошной декорацией и мебелью. В надписи, кроме того, упоминается и сооружение фортификационных стен вокруг святилищ и, вероятно, вокруг холма, на котором они располагались⁵².

Тем временем из Сицилии в Карфаген пришли ужасные вести. При штурме Сиракуз был пленен и убит полководец

Гамилькар, и вся карфагенская армия на острове распалась на враждующие группировки⁵³. Агафокл продемонстрировал голову убитого Гамилькара, которую ему предусмотрительно прислали из Сицилии, полностью деморализованным карфагенянам⁵⁴.

В предвкушении великой победы Агафокл стал еще больше походить на Александра. Его монеты этого периода откровенно копируют чеканку македонского царя: прежде всего это заметно по использованию мотива молнии⁵⁵. Однако его войска взбунтовались, проявляя недовольство претенциозностью, высокомерием и невыплатами жалованья⁵⁶. Карфагеняне воспользовались трудностями Агафокла, предложив вождям бунтовщиков повышенное жалованье и дополнительное вознаграждение, если они приведут к ним греко-сицилийскую армию. Агафокл все еще пользовался авторитетом в войсках, и он разрешил конфликт, лишь театрально пригрозив покончить жизнь самоубийством⁵⁷.

Рассчитывая нанести последний и завершающий удар, но не доверяя ливийцам и нумидийцам, Агафокл решил привлечь на свою сторону Офеллу, правителя греческого города Кирена, истинного соратника Александра (он служил в армии македонского царя), пообещав ему все карфагенские земли в Северной Африке в случае успеха. Однако Агафокл вскоре убил нового союзника, присоединив его большую и хорошо экипированную армию к своим войскам⁵⁸. И все же самая серьезная угроза для Карфагена исходила от тех, кому он доверял свою безопасность и оборону.

Карфагенский полководец Бомилькар, давно мечтавший о власти, решил, что и для него настало время действовать. Сначала он отослал войско, состоявшее из самых выдающихся граждан Карфагена, сражаться с нумидийскими племенами, убрав таким образом из города людей, которые могли воспротивиться путчу. Затем он собрал свою армию, в которой были не только граждане, но и наемники, в районе Карфагена, на-

зывавшемся Новым Городом. О том, что там произошло, мы узнаем от Диодора:

«Разделив свои войска на пять групп, он дал команду начинать атаку, убивая всех, кто оказывал сопротивление на улицах. Поскольку повсюду в городе возникли чрезвычайные беспорядки, карфагеняне вначале подумали, что в город ворвался враг и их предали. Когда стало известно истинное положение дел, молодые люди начали собираться вместе и формировать отряды, чтобы выступить против тирана. Однако Бомилькар, поубивав всех, кто был на улицах, быстро двинулся на рыночную площадь. Увидев там множество безоружных граждан, он убил их. Карфагеняне все же успели занять высокие здания вокруг площади и забрасывали оттуда мятежников камнями и метательными снарядами. Заговорщики, оказавшиеся в тяжелом положении, сгруппировались и пытались пробиться через узкие улицы Нового Города под градом предметов, летевших на них из домов, мимо которых они проходили. Заняв все возвышенности, карфагеняне, собравшие теперь всех граждан, сплотили свои силы против бунтовщиков. Наконец, были отправлены послы старшие граждане, предложена амнистия и согласованы условия капитуляции. От бунтовщиков они не потребовали возмещения убытков, учитывая опасность, нависшую над городом, но Бомилькара подвергли жестоким пыткам и убили, игнорируя клятвенные заверения не делать этого. Именно так карфагеняне в минуту смертельной угрозы спасли от гибели государственность отцов-основателей»⁵⁹.

Диодор, руководствовавшийся источниками, враждебными Карфагену, не мог не поддаться соблазну высветить в конце этого повествования предательство карфагенян, хотя в данном случае жертвой предательства был сам предатель. Однако у нас нет никаких оснований для того, чтобы сомневаться в правдоподобии описания попытки совершения государственного переворота.

Агафокл теперь распоряжался значительной частью карфагенской территории в Северной Африке. Но он получил тревожные вести о возобновлении конфликтов на Сицилии, где несколько вассальных городов, воспользовавшись длительным отсутствием сиракузской армии, решили объявить о своей независимости. Агафоклу пришлось срочно возвращаться для урегулирования кризиса, что он и сделал, оставив вместо себя сына Архагата, лишённого военных и политических талантов отца⁶⁰.

Карфагеняне, воодушевленные провалом путча и отъездом грозного оппонента, сменили военную тактику: они разделили свои силы на три боевые группы в соответствии с районами применения — береговую, континентальную и глубоко континентальную. Архагат, совершая грубейшую ошибку, последовал их примеру. Вскоре два батальона, посланные в глубь материка охотиться на карфагенян, попали в засаду и были уничтожены.

Архагат, брошенный ненадежными ливийскими союзниками, сосредоточил остатки войск в Тунете и отправил отцу запросы об оказании срочной помощи⁶¹. Агафокл прибыл, но ситуация уже была безнадежная. Последующее поражение, нанесенное карфагенянами, дополнилось страшным пожаром, устроенным, как утверждает Диодор — наверняка фантазируя, — карфагенянами, совершавшими жертвоприношения богам сожжением самых милovidных греческих пленников. Тогда погибло множество греко-сицилийских воинов, и сиракузскому полководцу ничего не оставалось, как принимать решение об уходе из Африки. Полномасштабная эвакуация, безусловно, привлекла бы внимание карфагенян и спровоцировала бы кровопролитное нападение. После одной неудачной попытки сбежать из Африки Агафоклу все-таки удалось это сделать, но ему для этого пришлось оставить в Африке и свою армию, и двух сыновей⁶². Эта последняя деталь, вероятно заимствованная у Тимея, ненавидевшего Агафокла и старавшегося представить его в самом неприглядном свете, скорее всего надуманная. Согласно римскому описанию, основанному

на других источниках, Агафокл пытался взять с собой Архагата, однако ночью они разлучились, сына изловили и вернули в лагерь сиракузцев⁶³.

Убив отпрыска своего бывшего полководца, дезертировавшие воины Агафокла договорились с карфагенянами о капитуляции. Карфагеняне предложили им очень милостивые условия: все войска получают денежные дары, а желающие могут вступить в ряды карфагенской армии. Остальные вернуться на Сицилию, и им будет разрешено поселиться в пуническом городе Солунте. Те же, кто испытывает особенно сильную привязанность к своему вождю, будут приводить в порядок земли, которые они ранее изуродовали и опустошили. Самых строптивых воинов Агафокла пришлось распять на кресте.

Распорядившись судьбами бывших воинов Агафокла, карфагеняне подписали с ним мирный договор на удивительно великодушных условиях. Карфаген согласился выплатить ему внушительную сумму денег золотом и зерном, а взамен Агафокл должен был признать права карфагенян на все территории, которым они и прежде владели на Сицилии⁶⁴.

Сомнительная победа

Возникает вопрос: почему карфагеняне не воспользовались явными преимуществами при заключении договора с Агафоклом? Причина очевидна: из-за войн с Агафоклом экономика Карфагена оказалась на грани финансовой катастрофы. Для финансирования затянувшегося конфликта потребовалось существенно увеличить объемы выпуска денег из электрума, при этом содержание золота в новых монетах значительно уменьшилось⁶⁵. О нарастании экономических трудностей свидетельствует и то, что в Карфагене и на Сицилии началось массовое производство тяжелых и больших бронзовых монет, предназначенных, видимо, для замены золотых и серебряных денег⁶⁶.

Стратегия, рассчитанная на захват Сиракуз и свержение режима Агафокла, вышла боком для карфагенян. У Агафокла,

загнанного в угол, действительно не оставалась иного выбора, кроме как перенести войну в Северную Африку, где нумидийские, ливийские и греческие соседи Карфагена, крайне им недовольные, только и ждали момента, чтобы напасть на него. Опасения вызывала и та категория людей в карфагенской армии, которые участвовали в путче Бомилькара. Длительное присутствие карфагенских войск в Северной Африке представляло серьезную угрозу политическому режиму. Все эти факторы, возможно, и убедили карфагенскую элиту в том, что сохранение территориального статус-кво на Сицилии предпочтительнее треволнений, которые ей пришлось недавно пережить. Не исключено также и то, что, расселяя на своих землях или инкорпорируя в свою армию греко-сицилийских солдат, возненавидевших Агафокла, предавшего их, Карфаген готовился к новому раунду военного противостояния с Сиракузами.

Смена названия учреждения, выпускавшего деньги военного назначения на Сицилии, возможно, отражала определенные перемены и в отношениях Карфагена со своей армией на острове. Действия армии во время конфликта с Агафоклом не прибавили веры в ее преданность и боеспособность. Войска на Сицилии, оставшиеся без командующего, пришли в полное расстройство, и они, естественно, не участвовали в обороне североафриканской цитадели. Кроме того, не только Бомилькар, но и другие полководцы могли замышлять антигосударственные заговоры.

Как бы то ни было, название военного монетного двора сменилось. Учреждение стало называться не *thmhnt* (слуги армии), а *mhsbm* (инспекторы)⁶⁷. Направлялись ли *mhsbm* в войска на Сицилию для того, чтобы упрочить власть Карфагена над островной армией?⁶⁸ Ведь, к примеру, наемники склонны проявлять верность только тем, кто им платит. Примечательно, что чеканка военных монет прекратилась к концу первого десятилетия III века, и войскам, видимо, жалованье выдавалось в шекелях из электрума, изготавливавшихся в Кар-

фагене⁶⁹. Ясно, что нападение Агафокла в Северной Африке поставило Карфаген на грань финансового истощения.

Карфаген больше не воевал с Агафоклом. Потерпев унижительное поражение в Северной Африке, Агафокл в 306 году объявил себя царем Сиракуз, обратив свои взоры на север, на Итальянский полуостров, замышляя создать империю, которая сможет составить конкуренцию Карфагену⁷⁰. Однако его имперским замыслам не суждено было сбыться, как и планам сформировать альянс с царем Египта Птоломеем и рядом других эллинских монархов. Самодержца Сиракуз сразила страшная болезнь, по всей вероятности рак челюсти, лишившая его не только возможностей реализовать свои амбиции, но и жизни⁷¹. Страшной была и его смерть: он сгорел заживо на погребальном костре, поскольку из-за болезни не мог ни двигаться, ни говорить⁷².

Одолов самого упорного противника, карфагеняне доказали свою жизнестойкость и целеустремленную предприимчивость. За два десятилетия они пережили военные поражения, путчи, мятежи ливийцев и нумидийцев, вторжение и осаду главного города. Агафокл все-таки не стал вторым Александром Великим. Трудности, которые пришлось преодолевать доминирующей вроде бы державе Западного Средиземноморья в борьбе с нависшей над ней угрозой, лишь подтвердили, что она способна справиться и с более искусным и последовательным противником. Теперь другие эллинские полководцы будут зариться на Северную Африку как вожделенную цель своих военных кампаний.

Греческий биограф Плутарх, возможно, оставил для нас апокрифическое описание военных экспедиций молосского полководца Пирра, в 278–277 годах упорно пытавшегося прогнать пунийцев из Сицилии. Однако он, по-видимому, верно передал настроения своих современников: «Разве кто не соблазнится Ливией или Карфагеном, городом, находящимся в пределах досягаемости, городом, который чуть было не взял Агафокл, тайком прокравшийся из Сиракуз через море с несколькими судами?»⁷³

Глава 6

КАРФАГЕН И РИМ

Экспансия Рима

К концу IV века договор, подписанный Карфагеном в 509 году с маленьким городом в Лации, уже выглядел как образчик дальновидной дипломатии. Хотя Рим столкнулся с целым рядом непростых проблем, пережил политический застой, разгромное поражение и унижительную оккупацию значительной части города во время Галльской войны в 387 году, он добился и грандиозных успехов¹. Римляне завладели Лацием, используя как военные, так и дипломатические средства. Затем последовала изнурительная война с могущественной Самнитской конфедерацией, занимавшей горный регион Центральной и Южной Италии: она закончилась покорением самнитов. Почти одновременно были подчинены Этрурия и Умбрия, а благодаря альянсу с городом Капуя в сферу влияния Рима вошел богатый земледельческий регион Кампании².

Такова была масштабность приобретений, что один римский полководец Маний Курий Дентат восторженно произнес ставшую знаменитой фразу: еще неизвестно, что для Рима было важнее — приращение территории или населения. По некоторым оценкам, в начале III века Рим имел в своем распоряжении 14 000 квадратных километров земель, в два с половиной раза больше, чем полстолетия назад. Римские владения простира-

лись через всю Центральную Италию, а десятилетия побед и завоеваний принесли городу несметные богатства. Зафиксирован такой факт: во время триумфов в 293 году в связи с окончательной победой над самнитами один консул привез 830 килограммов серебра и 1 150 000 килограммов бронзы.

Поразительны не только масштабы экспансии. Пожалуй, самой характерной особенностью римской стратегии завоеваний были не военные триумфы, а то, что они перемежались сокрушительными поражениями. Рим этой эпохи обычно представляется чрезвычайно агрессивным и алчным, однако именно такие качества и требовались для того, чтобы не столько благоденствовать, сколько сохранять жизнеспособность в тогдашней Италии³. Как верно заметил историк Артур Экштейн: «Рим, добиваясь влияния, признания и обеспечения собственной безопасности сначала в Лации, затем в Центральной Италии и потом в Западном Средиземноморье, должен был вести тяжелую и изнурительную борьбу с грозными и воинственными соперниками»⁴.

Рим быстро обрел уникальную способность нейтрализовать потери и поражения. Римляне отвечали на поражения не предложениями мира или перемирия, а формированием новых армий для того, чтобы вернуть утраты. Зачастую именно благодаря необычайному упорству они рано или поздно и добивались побед. Рим создавал серьезную проблему своим противникам тем, что в этом государстве не имелось монопольной политической силы, индивидуальной или коллективной, с которой можно было бы договариваться о долговременном и стабильном мире. Все традиционные сенаторские должности полагалось занимать не более одного года, а продление сроков службы запрещалось. Крайне редко случалось, чтобы римлянин повторно становился консулом. Конкуренция в высших эшелонах власти была настолько жесткой, а сроки пребывания в должности — столь короткие, что ни один римский полководец, терпя поражение, не осмелился бы вступить в мирные переговоры и подвергнуть себя нареканиям и взысканиям.

Однако военные триумфы лишь отчасти определяли успешность территориальной экспансии Рима. Обращает на себя внимание необычайная эффективность, с которой римляне утверждались на приобретенных землях. Этому способствовали многие факторы. Во-первых, они всегда начинали с создания инфраструктуры, связывавшей новые территории с Римом. За очень короткое время появлялась сеть дорог, соединявших город со всеми важнейшими поселениями региона, старыми и новыми. Поощрялась активная миграция людей: колонисты из Рима отправлялись основывать новые поселения, а коренные жители латины переселялись на завоеванные земли⁵. Риму удавалось быстро и эффективно интегрировать коренных обитателей приобретенных земель в свою государственную систему. Принадлежность к государству определялась новым гражданским статусом, а не этническими или географическими критериями. Это позволило Риму обеспечить себя неисчерпаемыми человеческими ресурсами для войн и обходиться без наемников в отличие от большинства государств Средиземноморья⁶.

Завоеванные территории описывались исключительно в римской терминологии, божественные знамения и символы, присущие этим землям, фиксировались и приспособлялись к римским ритуалам. Города Лация не лишались прежних прав, но они обязывались поставлять Риму войска, как только в них появится необходимость. Сохранялась и национальная идентичность латинов, однако их права, обязанности и привилегии определялись римскими законами. Именно таким образом Рим утверждал свое господство и владение землями. Италия не должна стать конгломератом завоеванных территорий, откуда придется все-таки уйти⁷. Это римская земля, и ее надо защищать так же, как если бы она находилась в городской черте.

Аналогичные процессы происходили и в сфере религии. Латинские религиозные ритуалы не возбранялись, но они совершались под строгим надзором римлян и так, чтобы во

всем главенствовали интересы Рима. Можно привести в качестве примера обычай *evocatio* — «заманивания» божества неприятеля в Рим, где ему обещались более высокие почести. Впервые этот прием применил римский полководец в 396 году во время осады этрусского города Вейи, где главным божеством считалась Уни/Юнона. После падения города культ Юноны был перенесен в Рим, и там она стала царицей римского пантеона богов. Эта трансформация вроде бы напоминает религиозный синкретизм в Центральной Италии архаического периода, но она была отклонением от общей тенденции. Чужеземные боги инкорпорировались в религиозную практику обычно на римских условиях.

Карфагеняне в Риме

Теперь, когда Рим превратился во влиятельную региональную державу, и Карфаген должен был позаботиться об укреплении дипломатических отношений между двумя городами-государствами. В 351 году в Рим приехало карфагенское посольство с дорогим подарком по случаю победы над самнитами — массивной золотой короной весом одиннадцать килограммов. Римляне были столь польщены вниманием наиболее могущественного государства в Западном Средиземноморье, что поместили дар в самом главном святилище — храме Юпитера Капитолийского⁸.

В 348 году появился новый двухсторонний договор — более детализированный и расширенный вариант первого соглашения (в сферу карфагенского влияния была включена Испания). У Карфагена имелись веские причины для поддержания дружественных отношений с Римом. По условиям договора римским и карфагенским купцам предоставлялись те же права и привилегии, какими пользовались граждане городов, куда они приезжали, а у нас есть все основания полагать, что пунический торговый люд обитал и в Риме, и в других поселениях Лация⁹. Копии и этого, и предыдущего договора хранились в казна-

чействе эдилов, сенаторских чиновников, надзиравших в том числе и за коммерческими рынками Рима. Данный факт свидетельствует и об активном товарообмене. В нем, вероятно, участвовали такие продукты, как рыбные изделия, соль, сардинские руна, африканский чеснок, миндаль, гранаты¹⁰.

Можно найти и другие свидетельства пребывания карфагенян в Риме. Римский писатель I века нашей эры Варрон упоминает местечко в Риме на Эсквилинском холме, называвшееся *Vicus Africus* — Африканский квартал. Он связывает происхождение этого названия с проживавшими здесь в свое время заложниками, плененными в ходе Пунических войн¹¹. Последние исследования показали, что Африканский квартал появился задолго до военных конфликтов между Римом и Карфагеном¹².

Примечательно в этом отношении и упоминание в исторической литературе странного монумента — *Columna Lactaria*, «колонны молочниц»*, когда-то стоявшей на Овощном рынке в Риме — *Forum Holitorium*. Возможно, в действительности это был священный бетиль, которому поклонялись пунические обитатели города¹³. Варрон описывает этот рынок как «старый *macellum*, где для еды покупали овощи», полагая, что *macellum* — это греческое слово¹⁴. В действительности же *macellum* — семитское обозначение рынка, широко использовавшееся в пуническом мире. Оно ассоциируется с целым рядом городищ в Лации, а это может указывать на существование в них пунических коммерческих анклавов¹⁵. Кроме того, имеются доказательства пребывания пунийцев в Ардее: здесь при раскопках храма Геркулеса найден клад votивных предметов — пуническая керамика и пунические письма¹⁶.

Карфаген торговал и с Бруттием (современная Калабрия) на южной оконечности Италии. Недавние археологические исследования транспортных амфор, найденных в Карфагене, подтвердили, что в IV веке карфагеняне завозили товаров и

* По преданию, к этой колонне приносили младенцев в надежде на то, что их накормят молоком или заберут.

различных материалов из Бруттия даже больше, чем из Сардинии¹⁷. Деловые связи с этим регионом были настолько прочные, что карфагеняне направили своих солдат помогать жителям Гиппония заново основать город после того, как их оттуда изгнал Дионисий, тиран Сиракуз¹⁸. Кампания тоже сотрудничала с Карфагеном: ее наемники сражались в карфагенских армиях на Сицилии¹⁹. Новый договор с Римом отражал возрастающее влияние города в тирренском регионе и повышенную заинтересованность Карфагена в своем присутствии на полуострове.

По условиям нового договора Карфагену позволялось в случае необходимости вторгаться на территорию Италии. Если карфагеняне при этом захватят какие-либо латинские города, то их надлежало передать римлянам, но разрешалось владеть захваченной собственностью и пленниками (когда же пленников отдавали Риму, то они незамедлительно освобождались). Северная Африка (кроме Карфагена) и Сардиния исключались из сферы коммерческих интересов римских купцов, однако торговля с Сицилией, похоже, дозволялась. В военном отношении карфагеняне, вероятно, считали Рим важным региональным союзником в противостоянии с Сиракузами, а римляне видели в Сиракузах потенциальную угрозу. И Дионисий, и Агафокл не скрывали своих намерений подмять под себя Италию. Римляне недавно уже заставили уйти обратно греко-сицилийскую флотилию²⁰.

Пиррова победа

В первые десятилетия III века римляне обратили свое внимание на богатые города *Magna Graecia*, Великой Греции, обширной области Южной Италии, колонизированной греческими поселенцами. После ряда приграничных столкновений с римлянами Тарент, самый могущественный город в регионе, начал подыскивать себе союзников как в самой Италии, так и за ее пределами. В конце концов помочь городу согласился

Пирр, владыка Эпира, крохотного эллинского царства, располагавшегося на побережье Адриатики примерно в том месте, где теперь находится Албания²¹. Жизнь 38-летнего Пирра была насыщена бурными событиями. Он пережил несколько низложений и реставраций на трон, побывал заложником при египетском дворе и даже царем Македонии²². Ему было тесно в маленьком государстве, и он, конечно, не мог отказаться от приглашения тарентийцев явиться к ним и спасти их от посягательств Рима.

На самом деле Пирру подходила роль полезного союзника. Современники, а затем и поклонники считали его одним из самых выдающихся полководцев в Древнем мире. Многие эллинские монархи, желавшие завязать дружбу с таким неутомимым бузотером, охотно предоставили ему солдат, слонов, корабли и деньги. Тем не менее итальянская кампания началась несчастливо: в Адриатике его армаду чуть не погубил шторм. Ему все же удалось собрать корабли, тарентийцы назначили его главнокомандующим с неограниченными полномочиями, и он чувствовал себя полностью готовым к войне с Римом.

Римляне одолели самого серьезного противника в Италии — напористых самнитов, но Пирр с закаленными в боях молосскими войсками представлял для них совершенно иную и неведомую угрозу. Впервые римляне встречались на поле брани с эллинами и проиграли обе битвы при Геракле в 279 году. (Пирру помогла не только тактическая смекалка, но и паника, охватившая римскую конницу при виде наступавших слонов.) Одержав победу, Пирр смог подойти почти до самого Рима²³.

Карфаген, наблюдавший вначале за войной со стороны, решил все-таки вмешаться. Союзные обязательства перед римлянами наверняка дополнялись опасениями по поводу агрессивных намерений Пирра в отношении Сицилии. Еще в 280 году карфагенский командующий Магон привел в римский порт Остию флотилию из 120 кораблей и предложил военную помощь. Римляне, не желая создавать прецедента для будущих интервенций Карфагена, вежливо отказались²⁴. Они уже поч-

ти согласились принять условия мира, продиктованные Пирром, но в последний момент сенат, вдохновленный непоколебимой стойкостью Аппия Клавдия Цека (Слепого), проявил твердость, отверг предложения противника и проголосовал за продолжение войны. Пирр одержал очередную победу над римскими легионами в 279 году при Аускуле, однако она далась ему ценой таких потерь, что царь произнес фразу, ставшую историческим афоризмом: «Еще одна такая победа — и мы погибли!»²⁵ Его войска существенно поределели, и ему ничего не оставалось, как вернуться в Тарент.

В гибельной Пирровой победе содержался определенный позитив для римлян, но она имела нежелательные последствия для их союзников карфагенян. Пирра, потерявшего интерес к продолжению войны против Рима, пригласили сиракузцы сразиться с карфагенянами. Их предложение казалось особенно привлекательным в связи с тем, что супруга Пирра, дочь Агафокла, родила сына, и это обстоятельство давало ему право претендовать на Сиракузы и все земли сиракузцы в самое тяжелое для государства время политической слабости и раздробленности²⁶.

Именно тогда, очевидно, и был подписан третий договор между Карфагеном и Римом. Помимо продления срока действия прежнего договора от 348 года, стороны добавили к нему несколько новых статей. Любые переговоры о мире с Пирром должны вестись совместно, с тем чтобы исключить возможность объединения царя Эпира с одним из союзников против другого. Предусматривалось и ограниченное военное взаимодействие в случае нападения на Карфаген или Рим, причем каждая сторона обязывалась материально обеспечивать, финансировать и оплачивать свои войска (правда, Карфаген должен был еще оказывать и военно-морскую поддержку)²⁷.

Пирр высадился в Сицилии летом 278 года, доставив на остров очень небольшую армию, но его сразу же обеспечили и войсками, и деньгами, и снаряжением сицилийские города, настроенные против Карфагена. После триумфального вступ-

ления в Сиракузы, когда лишь при одном его появлении карфагеняне увели свой флот, блокировавший гавань, Пирр незамедлительно получил в свое распоряжение 30 000 пехотинцев и 2500 конников. Действительно, Пирр вскоре понял, что карфагенская армия на Сицилии не способна оказать ему такое же упорное сопротивление, какое продемонстрировали римские легионы.

Пирр оказался превосходным пиарщиком. Он со знанием дела вырядился в тогу эллина-освободителя, явившегося для того, чтобы навсегда избавить Сицилию от варваров-карфагенян. Перво-наперво эпирский царь в знакомом нам стиле поклонился учредить игры и жертвоприношения в честь Геракла после завоевания Эрикса, оплота пунийцев, — и это обещание он действительно выполнил, взяв город²⁸. Эрикс, конечно, был главным пуническим культовым центром, посвященным богине Астарте и соответственно ее небесному консарту Мелькарту. Однако вряд ли обращение Пирра к Гераклу было случайным. Скорее всего оно было рассчитано на то, чтобы вызывать ассоциации между взятием Эрикса и знаменитой осадой Тира Александром Великим, который тоже после падения города учредил игры и празднество в честь Геракла.

Пирр быстро завладел всеми городами и бастионами в карфагенской зоне влияния. У карфагенян на острове осталась лишь одна твердыня — Лилибей. Желая, чтобы Пирр поскорее убрался с острова, карфагеняне предложили ему заключить мир, пообещав огромную сумму денег и корабли (очевидно, для вывода войск). Предложение, наверняка не понравившееся и римлянам, было отвергнуто. Мало того, Пирр начал готовиться к походу в Ливию, намереваясь повторить успешную экспедицию Агафокла. Однако Лилибей не сдавался, что ободряло карфагенян, а отношения Пирра с сицилийскими союзниками стремительно ухудшались вследствие его нараставших притязаний и высокомерного поведения. Когда греки вновь позвали его в Италию, чтобы защитить их от римлян, Пирр решил покинуть Сицилию, сделав это в 276 году²⁹.

В Италии же его ожидали сплошные разочарования. Хотя сражались с ним в основном римские легионы, карфагеняне, похоже, обеспечивали тыловую поддержку. В одном случае карфагенская флотилия доставила 500 римлян в Регий, где они уничтожили склад лесоматериалов, предназначенных для постройки кораблей для Пирра³⁰. Карфагенские моряки помогли римлянам и тем, что нападали на суда Пирра, когда они шли из Сицилии в Италию³¹. Потерпев сокрушительное поражение от римлян при Беневенте в 275 году, Пирр отплыл из Италии и уже больше сюда не возвращался³². Через три года он погиб при осаде города в Греции, потеряв сознание от удара камнем, брошенным старухой с крыши дома. Его взяли в плен и обезглавили³³.

Неизбежность войны

После гибели Пирра римлянам не составило никакого труда подчинить себе всю Великую Грецию. В 275 году отряд наемников из Кампании, посланный римлянами для защиты города, захватил Регий, убив или изгнав граждан мужского пола и завладев их собственностью и семьями. Лишь через пять лет римляне смогли выдворить бандитов из города, вернуть жилища уцелевшим гражданам, привезти затем наемников в Рим, высечь и обезглавить на Форуме, возможно, в назидание другим³⁴. В 270 году они осадили и взяли штурмом Тарент. Вскоре началось экономическое освоение новых территорий Лация. Римляне расширили дорожную сеть, протянули виа Аппия от Капуи через завоеванные земли Самния и Великой Греции. Завоевание богатых городов повысило благосостояние населения, позволило улучшить инфраструктуру Рима, построить новые храмы и победные монументы.

Однако исчезновение общей угрозы, которую представлял Пирр, неизбежно должно было вызвать и отмирание необходимости в альянсе римлян и карфагенян. Отказ рим-

лян от военно-морской помощи карфагенян, когда она им была крайне нужна (войска Пирра находились всего лишь в нескольких километрах от Рима), свидетельствовал об определенном уровне недоверия между союзниками, существовавшем еще до разгрома царя эпиротов. Поражение, нанесенное римлянами полководцу, чье военное искусство признавалось по всему Средиземноморью, безусловно, произвело впечатление на эллинских правителей Востока. В 273 году Птоломей II Филадельф, владыка Египта, самого могущественного тогда эллинского государства, отправил в Рим посольство для налаживания дипломатических отношений, с чем римляне охотно согласились. Это означало, кроме того, что Рим подыскивал новых союзников в Средиземноморье, возможно, уже замышляя порвать с Карфагеном. Недоверие к союзнику проявилось и в 270 году, когда карфагенская флотилия подошла к Таренту, осажденному римлянами. Они заподозрили, будто карфагеняне прибыли помогать тарентийцам, хотя, по всей видимости, это была реконгносцировочная миссия³⁵.

Некоторые историки, в частности Уильям Харрис, уверены в том, что после поражения Пирра конфликт между Карфагеном и Римом стал неизбежен. Рим завладел всей Великой Грецией, а судьбы греческих городов в Южной Италии давно и тесно переплелись с жизнью их соотечественников на острове Сицилия. В подтверждение своей теории они указывают на такие факторы: захват римлянами Регия (на противоположной от Сицилии стороне Мессинского пролива) в 270 году, основание римлянами двух новых колоний Пестума и Коссы на Тирренском побережье в 273 году и конфискация лесов Бруттия (как источника древесины для постройки кораблей)³⁶.

Все эти события якобы отражали возросшее влияние клики, состоявшей из нескольких сенаторских семейств, происходивших из Кампании и желавших спровоцировать войну с Карфагеном, с тем чтобы прибрать к рукам экспорт товаров

из Кампании, особенно вин и чернофигурной керамики, в пуническую Сицилию и Северную Африку³⁷. Однако не имеется материальных свидетельств ввоза значительных объемов товаров из Кампании ни в пуническую Сицилию, ни в Карфаген в данный период³⁸. В действительности вышеупомянутые инициативы римлян, вероятно, в большей мере были связаны с их обеспокоенностью недостаточной защитой с моря, особенно после захвата Великой Греции, существенно нарастившего протяженность береговой линии³⁹.

Крайне маловероятно, чтобы в Риме или Карфагене существовала влиятельная группировка, стремившаяся развязать войну, хотя новые реалии, безусловно, способствовали обострению напряженности в отношениях между двумя государствами. Сицилийские города давно привыкли извлекать выгоду из сраживания более крупных региональных держав. Теперь, когда Рим стал такой державой, через какое-то время он непременно должен был втянуться в проблемы острова. Если что-то и удерживало Рим от противоборства с карфагенянами на острове, то эти опасения должны были исчезнуть после того, как карфагенская армия спасовала перед Пирром. Хотя в шестидесятых годах III века бряцания оружием и не наблюдалось, центральное место, которое разделенная Сицилия занимала в интересах двух городов-государств, и очевидное смещение военного превосходства в пользу Рима, а не Карфагена, не могли не спровоцировать конфликт.

За политическим прагматизмом и дипломатической стратегией можно было разглядеть скрытую озабоченность римской сенаторской элиты тем, что карфагеняне находятся на другой стороне этнокультурного водораздела. К IV веку в среде римской элиты получили распространение некоторые теории о происхождении их города, проповедовавшиеся греческими авторами. Самым ранним известным примером таких этнографических спекуляций можно считать утверждение писателя V века Гелланика Лесбосского о том, что Рим сов-

местно основали странствующий герой Одиссей, царь Итаки, и троянец Эней, прибывший в Италию после разрушения Трои греками⁴⁰. На первый взгляд эта комбинация кажется очень странной, поскольку вражда между греками и троянцами послужила темой для самых знаменитых греческих эпических поэм и по крайней мере в теории троянцы для греков были варварами.

Но в эллинистической литературе можно встретить и характеристику троянцев как людей, обладающих качествами и добродетелями, присущими грекам⁴¹. К концу IV века римские аристократы, похоже, взяли на вооружение идею троянского наследия именно по той причине, что она позволяла им утверждать и свою этническую исключительность, и причастность к престижной эллинской культурной традиции⁴². В следующем столетии, по мере того как возрастал интерес к Риму западногреческой интеллигенции, особенно на Сицилии, приумножалось и разнообразие вариантов историй о его основании либо греческими, либо троянскими поселенцами⁴³.

Хотя римляне уже располагали собственным мифом об основании города двумя близнецами-найденышами Ромулом и Ремом, в конце IV века истории, связывавшие происхождение города с троянскими и греческими поселенцами, были особенно популярны среди той части римской аристократической элиты, которая интересовалась греческим языком, искусством и политикой⁴⁴. Со временем этот набор легенд был искусно инкорпорирован в предысторию, повествующую о различных наплывах греческих и троянских пришельцев и заканчивающуюся основанием города Ромулом и Ремом, которые рассматриваются как прямые потомки Энея. И эти былины не являлись всего лишь продуктом культурного нарциссизма. Они служили и важным политическим подспорьем. К примеру, Деметрий Полиоркет, царь Македонии, в начале III века, стремясь заручиться поддержкой римлян в борьбе с этрусскими пиратами, уповал на родство предков⁴⁵.

Восшествие Геркулеса Непобедимого

К началу великой итальянской экспансии Рима в IV веке культ Геркулеса уже полностью сформировался. Как мы отмечали ранее, поклонение ему на Бычьем форуме восходит к архаическому периоду, и к этому времени божество окончательно избавилось от прежних синкретических свойств, в том числе и от каких-либо ассоциаций с Мелькартом. В 399 году отправление культа Геркулеса вошло в религиозный календарь Рима, а с 312 года он получил статус государственного кумира и героя. Примерно в это же время был построен и первый официальный храм в честь *Hercules Invictus*, Геркулеса Непобедимого, — явное признание победоносности эллинистического мира. Естественно, наследниками Геркулеса пожелали стать многие знатные семьи римской аристократии, в том числе и Фабии, объявившие героя своим прародителем⁴⁶.

Хотя история, ассоциирующая Геркулеса с Римом, имеет очень древние корни, миф о его визите в Паллантей и убийении великана Кака, очевидно, был отшлифован и приведен в надлежащий вид в последние десятилетия IV или в начале III века, что может указывать на его прямую связь с политическими устремлениями Рима в Италии⁴⁷. Претензия на то, что Геркулес убил Кака именно в Паллантее (место основания Рима), обеспечивала городу привилегированное и престижное положение в сравнении с латинскими соседями. В некоторых вариантах легенд о Геркулесе утверждается, будто на месте будущего Рима он породил и Латина, родоначальника латинов⁴⁸. Вооружившись собственной версией преданий о Геркулесе, римляне могли и претендовать на престижное греческое происхождение, и доказать законность своих прав на владение всей Италией для создания общего Геркулесова государства. По крайней мере былинный герой открывал дорогу римлянам в древние города Великой Греции, многие из которых тоже записали его в отцы-основатели. Здесь, опираясь на престиж-

ное родство с греками, они смело могли реализовывать и свои политические интересы.

Таким образом, увлечение троянской и геркулесовской мифологией в конце IV — начале III века все больше сближало римскую senatorскую элиту с греческим миром, что неизбежно отражалось на отношении римлян к карфагенянам. Безусловно, римляне не ассоциировали себя с греками, но уже считали себя людьми, живущими на греческой стороне этнокультурных баррикад, отделявших цивилизованный эллинистический мир от варваров, к которым, конечно же, относились карфагеняне. Эти теории размежевания человечества не были всего лишь досужими умозаключениями самозванных мыслителей. В них инвестировались опасные предпосылки для формирования агрессивных альянсов, развязывания войн и аннексии чужих территорий. Признание римлян цивилизованными людьми можно считать политическим решением, которое периодически пересматривалось греческими правителями (когда этого требовали обстоятельства). Известна блестящая пропагандистская акция Пирра против римлян: выпущенная по его указанию серебряная тетрадрахма недвусмысленно ассоциировала полководца с Александром Великим. На ней изображались греческие герои Геракл и Ахиллес⁴⁹.

Эти образы означали: Пирр, подобно своим славным предшественникам, поведет итальянских греков на борьбу с варварами, которые им угрожают. Пирр воспользовался тезисом о троянском происхождении римлян как пропагандистским лозунгом для того, чтобы призвать под свои знамена итальянских греков. Он-де следует примеру знаменитого предка, великого греческого героя Ахиллеса, борясь с римлянами, потомками троянцев⁵⁰. Политизация этнических категорий сыграла свою роль и позднее, в 263 году, способствуя эскалации Первой Пунической войны: элимский город Сегеста поубивал давних союзников-карфагенян и перешел на сторону римлян, ссылаясь на общее происхождение от троянского героя Энея⁵¹.

Взросший интерес римлян к своим троянским и геркуле-совским корням вряд ли послужил главной причиной их разрыва с карфагенянами, хотя римская элита, конечно, могла перенять у сицилийских греков стереотипное восприятие Карфагена как агрессивной и захватнической державы. Однако именно этим интеллектуальным фактором можно объяснить обострение отношений между Римом и Карфагеном и окончательный их разрыв, произошедший в первые десятилетия III века. Судя по сохранившимся фрагментам произведений, такой историографической точки зрения придерживался и Тимей. Несмотря на длительное пребывание в афинском изгнании, он понял, что после провальных кампаний Агафокла и Пирра делить Центральное Средиземноморье будут карфагеняне и римляне, а греки останутся на задворках⁵². Вообразив такой печальный (по крайней мере для западных греков) сценарий, Тимей сконструировал и синхронность основания Карфагена и Рима — в 813 году⁵³. Прилежно проведя исследования, включавшие вроде бы беседы со знающими людьми, Тимей пришел к выводу о троянском происхождении и римлян, и латинов⁵⁴.

В том мире, какой виделся Тимею, Рим был и троянским и греческим городом, и противовесом угрозе Карфагена, и потенциальным защитником западного греческого лагеря, и это мнение римляне охотно бы поддержали. Хотя и очень мало сохранилось из того, что Тимей писал о Пирре, мы можем предположить: главной ошибкой западных греков он считал то, что они выступили против Рима, троянско-греческого города, подлинного наследника Геракла (в то время как Пирр себя считал его наследником), а не против общего врага — Карфагена⁵⁵. Не случайно Тимей особое внимание уделяет продвижению греческого героя со стадом Гериона на юг полуострова и Сицилию⁵⁶.

Тимей делает акцент на южном итальянском и сицилийском отрезках путешествия Геракла, возможно, для того, чтобы подчеркнуть общность прав западных греков и римлян на

наследие прославленного героя. Мы знаем, что эта идея вовсе не является продуктом воображения историка. Римлянам она тоже, очевидно, нравилась. В 270 году римляне увидели новую серебряную монету, выпущенную в ознаменование окончательной победы над Тарентом. На ее лицевой стороне были изображены Ромул и Рем, сосущие волчицу. На обратной стороне, однако, красовался Геркулес, представленный в соответствии с греческой иконографией — в львиной шкуре. В городах-государствах Южной Италии существовала давняя и честолюбивая традиция изображать на монетах Геракла, и он воплощал успехи греческой колонизации региона. Теперь она отчасти пришла и в Рим⁵⁷.

Сползание к конфликту

Подстрекателями вражды между Карфагеном и Римом оказались наемники, решившие обосноваться на Сицилии после того, как стали не нужны Агафоклу. Мамертины или «последователи Мамерса» (италийского бога войны)* иммигрировали из Кампании, а после демобилизации поселились в сицилийском городе Мессане, истребив мужчин и захватив их жен и собственность. Однако в середине шестидесятых годов III века они сами начали страдать от притеснений Сиракуз, упрочившихся при новом и популярном вожде Гиероне. В 265 году мамертины обратились за помощью одновременно и в Карфаген, и в Рим.

Их мольбы не остались без ответа. Карфагенское военное командование на острове отправило небольшое войско охранять Мессану⁵⁸. Позднее греческие и римские авторитеты, недружественные Карфагену, неверно расценят эту меру как первый шаг в реализации новых замыслов по захвату Сицилии

* Марс — Мамерс или Мамертис у сабинов и осков, южной ветви умбрского племени в Кампании. В российской исторической литературе мамертины — «сыны Марса», названные так за исключительную храбрость в бою.

и последующему вторжению в Италию⁵⁹. В действительности же карфагенян скорее всего привлекало то, что Мессана могла служить для них базой в регионе, традиционно считавшемся частью сферы влияния Сиракуз. Возможно, перед нами очередной пример сицилийского непостоянства и метания между Карфагеном и Сиракузами. Как бы то ни было, в римском сенате разгорелись горячие дебаты по поводу воззвания Мессаны. Если помощь городу оказать, то это, без сомнения, приведет к дипломатической конфронтации с Сиракузами, на что, как мы позже увидим, возможно, и рассчитывали некоторые сенаторы⁶⁰.

В описании, явно приукрашенном по прошествии времени, греческий историк Полибий представляет две противоположные позиции, столкнувшиеся на дебатах. Римские консулы, жаждавшие воинской славы, настаивали на отправке армии в помощь Мессане. Однако другие сенаторы напомнили о гнусных методах захвата мамертинами Мессаны и возможных обвинениях римлян в лицемерии в свете того, как жестоко они обошлись с кампанцами, когда те попытались захватить Регий. Обсуждение зашло в тупик, консулы обратились к Народному собранию, соблазнив его богатой военной поживой. В итоге было решено отправить в помощь мамертинам армию во главе с консулом Аппием Клавдием Каудексом⁶¹.

Видя, что римляне набирают армию и готовят транспорты, предоставленные новыми союзниками в Великой Греции, карфагеняне разместили в Мессинском проливе эскадру, преградившую путь кораблям из Регия. Не желая вступать в сражение с более многочисленными карфагенскими военно-морскими силами, Аппий Клавдий тайно отрядил в Мессану трибуна Гая Клавдия с поручением уговорить мамертинов выдворить карфагенский гарнизон из города.

После второго визита, получив от мамертинов обнадеживающие заверения, Гай Клавдий повел через пролив флотилию из нескольких судов, однако плохая погода и нападение карфагенян вынудили римлян вернуться обратно в Регий. Демонс-

трируя готовность к примирению, командующий карфагенским гарнизоном в Мессане Ганнон возвратил римлянам захваченные суда и даже пообещал освободить пленников, когда закончится конфронтация. Римляне его предложения отвергли, и Ганнон пригрозил, что теперь он не позволит им даже руки помыть в море. Ему вскоре пришлось пожалеть о своих словах. Гай Клавдий предпринял новую попытку форсировать пролив, и на этот раз она увенчалась успехом. Созвав собрание мамертинов, он добился от них обещания организовать встречу с Ганноном, укрывшимся в цитадели. Когда Ганнон с большой неохотой согласился на странное randevu, его тут же скрутили, взяв в плен, но потом разрешили уйти из города вместе со своим отрядом без оружия. Позднее карфагеняне распяли его на кресте «за бестолковость и малодушие»⁶².

Несмотря на ограниченный характер, оккупация римлянами Мессаны встревожила весь остров. Кровавый тандем Карфагена и Сиракуз, почувыв опасность, объединился в подневольный альянс⁶³. Карфагеняне под командованием еще одного Ганнона, сына Ганнибала, во взаимодействии с сиракузцами осадили Мессану. Желая потянуть время, консул Аппий Клавдий, готовивший главные силы в Регии к переходу на Сицилию, отправил послов, предложив Гиерону и карфагенянам прекращение военных действий. Мирные реверансы были незамедлительно отвергнуты. Диодор ретроспективно полагает, будто Гиерон высмеял ссылки римлян на то, что они всего лишь исполняют свои обязательства перед новыми союзниками — мамертинами⁶⁴. Как бы то ни было, уверенность карфагенян в военно-морском превосходстве пошатнулась, когда Аппий Клавдий переправил армию через Мессинский пролив на разношерстной флотилии, собранной из кораблей, заимствованных у союзников Рима в Южной Италии. Согласно более поздней исторической традиции, Аппий Клавдий сумел обвести вокруг пальца карфагенских флотоводцев, снабжая ложной информацией их агентов, вертевшихся в гавани Регия под видом торговцев⁶⁵. Мало того, один из кораблей,

посланных для того, чтобы блокировать переход римлян через пролив, сел на мель и был захвачен противником с соответствующими негативными последствиями для карфагенян⁶⁶.

Поначалу в сухопутной войне на Сицилии не выигрывала ни одна из сторон и каждая из них заявляла о победе⁶⁷. В 263 году Рим отправил на остров новых консулов с армией в 40 000 человек, и карфагеняне снова не смогли помешать переходу римлян через пролив. В результате целый ряд греческих городов дезертировал к римлянам, и Гиерон, потеряв надежды на победу, запросил мира. Римляне, испытывавшие трудности с обеспечением войск, предложили весьма великодушные условия. Гиерону разрешалось сохранить трон и владеть значительной территорией на востоке Сицилии в обмен на согласие стать другом и союзником Рима. Сиракузы, правда, обязывались вернуть всех пленников и выплатить репарации в размере 100 талантов. Но самым важным для римлян было то, что они теперь получили надежную базу на востоке Сицилии для будущих наступательных операций⁶⁸.

Карфагену был нанесен удар тяжелый, но не смертельный. В любом случае альянс с Сиракузами заключался вынужденно, а город всегда оставался его главным соперником на острове. Историк II века нашей эры, бывший римский консул Кассий Дион так охарактеризовал причины возникновения войны между двумя державами:

«Карфагеняне, давно обладавшие могуществом, и римляне, быстро набиравшие силу, с ревностью следили друг за другом; они втянулись в войну отчасти из-за желания продолжать наращивать приобретения — в соответствии с инстинктивной тягой большинства человечества к активной деятельности во время успеха — и отчасти из-за страха. Обе стороны в равной мере уверовали в то, что надежность имеющихся достояний может также обеспечиваться приобретением других владений. Даже при отсутствии иных причин для двух свободных, сильных и гордых народов, разделенных малым расстоянием, преодолеваемым за короткое время,

было бы крайне трудно, если не невозможно, управлять инородными племенами и не сталкиваться друг с другом. Однако случайные обстоятельства нарушили мир и ввергли их в войну»⁶⁹.

По всей вероятности, ни одна из сторон не горела желанием воевать. Однако отсутствовала и политическая воля остановить сползание к полномасштабному конфликту. Римляне тогда вряд ли нацеливались на Карфаген, и в их интервенции на стороне мамертинов, очевидно, проявлялось стремление к тому, чтобы закрепиться на Сицилии⁷⁰. Римляне замахивались не на Северную Африку, а на Сиракузы, овладев которыми они усиливали свое военное присутствие в Южной Италии⁷¹. К тому времени римляне всецело осознали полезность материальных благ, которые приносят завоевания, и прямую связь между военной славой и элитным социальным статусом. Эти два фактора служили завлекательной мотивацией, а боязнь карфагенян испарилась после того, как они продемонстрировали благодушие и неспособность заблокировать Мессинский пролив.

Агрессивность и территориальная алчность Рима уже проявились в процессе завоевания Италии⁷². По мере территориальной экспансии римляне начинали все острее ощущать угрожающую близость могущественных соседей. Вполне реальными могли быть опасения по поводу возможной интервенции Карфагена в Южной Италии, дополняемые к тому же недавними неприятностями, доставленными сражениями с Пирром⁷³.

Карфагеняне же, вероятно, думали не столько о вторжении в Южную Италию, сколько о защите своих земель на Сицилии. Первоначально их появление на острове было вызвано желанием контролировать доходные тирренские и ионические торговые пути. После полутора веков пребывания на острове у карфагенян выработалось стереотипное представление о том, что пуническая Сицилия — это их земля, а Лилибей, Панорм и Солунт принадлежат им так же, как фермы на мысе Бон или оливковые рощи Сахеля. Когда война все-таки случилась,

Филин, симпатизировавший карфагенянам, обвинил римлян в нарушении договора, подписанного после 348 года и вроде бы недвусмысленно запрещавшего им вторгаться на Сицилию, хотя Полибий, утверждавший, будто изучил все известные соглашения такого рода, отрицал существование подобных договоренностей⁷⁴. Вне зависимости от того, подписывался договор или нет, заявление Филина подтверждает: вмешательство Рима в дела Сицилии карфагеняне могли законно посчитать поводом для войны⁷⁵.

Первоначально ни Рим, ни Карфаген не собирались нападать друг на друга. Однако стратегия римской экспансии в Италии и озабоченность Карфагена защитой своих интересов на Сицилии не предвещали ничего хорошего для сохранения мира⁷⁶. Главных антагонистов в Первой Пунической войне втянули в конфликт не какие-то великие стратегические замыслы, а отсутствие политической воли к тому, чтобы его предотвратить⁷⁷. Те, кто предсказывал, будто конфликт урегулируется мирно и к обоюдному удовлетворению, ошибался. Не случайно Тимей предпочел закончить свое историческое повествование 264 годом — временем начала Первой Пунической войны. Он знал: Центральному Средиземноморью суждено кардинально измениться, и оно уже никогда не будет таким, как прежде⁷⁸.

Глава 7

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Карфаген правит морями

Былое могущество Карфагена померкло, но в одной сфере военного противостояния в Центральном Средиземноморье его превосходство оставалось, как и прежде, бесспорным. Сколько бы и какие бы корабли ни строили эллинские цари, в начале III века никто не сомневался в том, что Карфаген «правит морями». Прошло немало времени, прежде чем это хваленое господство на море подверглось серьезному испытанию. Кроме мелких стычек, сицилийские войны не продемонстрировали ничего существенного в плане морских сражений. Рим все еще был сухопутной державой, не имел собственного флота и не мог соперничать с Карфагеном в морской стихии.

Рим, разгромив Пирра, считал себя почти во всем равным Карфагену. И только в противостоянии на море римляне не могли претендовать на паритет. Полибий в своей «Истории» охарактеризовал морское могущество Карфагена перед Первой Пунической войной как «неоспоримое»¹. На протяжении всего IV века карфагеняне задавали тон в применении технологических инноваций. Они первыми построили квадрирему, более крупное и мощное военное судно, чем трирема, доминировавшая в морских сражениях предыдущие двести лет. По сути, началась гонка вооружений: средиземноморские держа-

вы состязались друг с другом, спуская на воду все более крупные корабли, иногда настолько гигантские, что они оказывались бесполезными в битве².

На смену квадрилире пришла квинквирема (пентера), сконструированная еще при давнем супостате карфагенян Дионисии Сиракузском. Свое название (на латыни *quinque* — пять) судно получило по числу гребцов на веслах в каждой секции: по две пары гребцов на веслах двух верхних ярусов и по одному гребцу на веслах нижнего ряда. Квинквирему изобрели не карфагеняне, но они взяли ее на вооружение, усовершенствовав первоначальную конструкцию. Считается, к примеру, что они поместили все три яруса весел с гребцами в одно закрытое отделение, выступавшее на корпусе. Это означало, что корпус корабля был необычайно широким и требовалось его усилить³.

Эти нововведения имели немаловажное значение в морских сражениях, в которых успех во многом зависел от пробивной силы тарана и умения брать корабль противника на бордаж. Таран, длинное металлическое приспособление с тупым концом, крепился к килю и служил эффективным средством для того, чтобы потопить вражеское судно. Усиленные корпуса карфагенских кораблей обеспечивали дополнительную защиту от удара тараном, но они затрудняли маневрирование⁴. Все чаще флотоводцы прибегали к тактике абсордажа: захватывали крюками корабль неприятеля, подтягивались к нему, и затем штурмовые отряды вступали в бой с противником на его территории. Квинквиремы предоставляли больше возможностей для такой битвы: на их широких палубах было больше пространства для рукопашных схваток.

Морским археологам удалось найти обломки нескольких карфагенских кораблей, относящихся к этому периоду. Наибольший интерес вызвали остатки судна, затонувшего возле Марсалы у западного побережья Сицилии. Это было небольшое военное судно, использовавшееся приблизительно в середине III века. Тщательно обследовав его, археологи обнару-

жили, что каждая деталь помечена буквой. Это могло означать лишь одно: корабль был сборный⁵. Раскопки также дали полезные сведения о питании моряков. Их рацион, похоже, состоял из консервированных продуктов (конины, говядины, оленины, свинины, козлятины, домашней птицы) и орехов (миндаля и грецкого ореха). Вино, очевидно, употреблялось взамен питьевой воды из-за ее нехватки⁶.

Рим, конечно, не был уж таким профаном в морском деле, каким его изображает Полибий, сочувствовавший римлянам, но не обладал опытом ведения морских сражений⁷. Римской армии еще не приходилось сражаться за пределами Апеннинского полуострова. В последнем десятилетии IV века в Риме появились чиновники, отвечавшие за построение и содержание небольшого числа военных судов, но флотилия в сражении с тарентинцами в 282 году потерпела сокрушительное поражение. После этого римляне предпочитали полагаться на союзников, которые предоставляли им корабли для перевозки войск.

Война на Сицилии

Явное неравенство сил на море и подвигало Карфаген на агрессивные действия, несмотря на недавние неудачи. Если наземная война в Сицилии пойдет так, как и все другие сицилийские кампании, то она приведет к кровавому тупику, но Карфаген по крайней мере будет господствовать на морских просторах. Карфаген уцелеет и даже будет процветать, пока его торговые корабли смогут свободно бороздить Средиземноморье. Пока есть золото и серебро, он не будет испытывать и недостатка в авантюристах, желающих служить в армии. С такими браваурными настроениями Карфаген набрал новую армию и переправил ее на остров после дезертирства Сиракуз в 263 году.

В качестве опорной базы был избран Акрагант, поскольку город занимал стратегическое положение на транспортных путях и предоставлял удобный доступ к восточной части Сицилии, оккупированной неприятелем. Римские командующие,

видя, какая опасность может исходить от Акраганта, захваченного карфагенянами, незамедлительно осадили город. Через пять месяцев Карфаген отправил к осажденному городу значительный контингент войск, состоявший из 50 000 пехотинцев, 6000 всадников и 60 слонов. Возглавлял их Ганнон, сын Ганнибала.

Однако надежды защитников Акраганта на помощь быстро улетучились. После небольшой стычки с римлянами Ганнон, не веря в боеспособность плохо подготовленных солдат, разбил неподалеку лагерь на возвышенности и стал выжидать. В томительном ожидании прошли два месяца. Наконец сам Ганнон, устав от неопределенности, решил завязать бой. И снова из-за неверия в солдат он совершил непоправимую ошибку: поставил позади пехоты слонов. Когда римляне начали теснить карфагенян, слоны, запаниковав, давили их. В итоге карфагеняне потеряли не только множество солдат и слонов, но и весь обоз.

У командующего карфагенским гарнизоном в Акраганте не оставалось иного выбора, кроме как попытаться прорваться из города. Он бежал с наемниками, согласно Полибию и Диодору, прибегнув к хитрости: заполнил канавы плетенками с соломой. Смогли уйти большинство карфагенян. Однако несчастные граждане Акраганта оказались предоставленными самим себе. Римляне быстро овладели городом, разграбили его и затем продали в рабство 25 000 жителей⁸. Диодор сообщает, что Ганнона вызвали в Карфаген и подвергли бесчестью за неспособность освободить город. Он лишился должности командующего, гражданских прав, вдобавок его оштрафовали на 6000 золотых монет⁹.

Рим строит флот

Полибий называет позорный побег карфагенян из Акраганта поворотным событием во всем конфликте, поскольку легкий захват города надоумил римский сенат навсегда вы-

дворить их из Сицилии¹⁰. Согласно Полибию, в сенате решили, что это станет возможным только тогда, когда римляне смогут оспорить господство карфагенян на море. В действительности римляне уже давно осознали, что отсутствие флота является их самым слабым местом в военной стратегии. В 260 году, на четвертый год войны, наконец было принято решение построить 100 квинквирем и 20 трирем. Стимулом послужило то, что за год до этого карфагеняне начали нападать на итальянское побережье, возможно, с баз в Сардинии. Высказывались предположения, будто из-за господства карфагенян на море многие сицилийские прибрежные города не осмеливались солидаризироваться с римлянами.

По всей видимости, римляне взяли за образец карфагенскую квинквирему, застрявшую на мели и захваченную ими в самом начале войны. Команды, набранные из бедных римских граждан и итальянских союзников, тренировались на суше по очень оригинальной методике, описанной Полибием: «Людей рассаживали на скамьях гребцов на суше в том же порядке, в каком они должны сидеть на судах, и приучали откидываться одновременно назад, притягивать к себе руки и наклоняться вперед с вытянутыми руками, начинать и заканчивать эти движения по команде капитана»¹¹. Корабли были построены в поразительно короткий срок, за шестьдесят дней, возможно, благодаря тому, что римляне использовали карфагенский метод сборки по номерам¹².

Флотилия прошла испытания, как только завершилась постройка кораблей, чтобы команды привыкли к морю, прежде чем использовать их в сражениях. Однако новый флотоводец, консул Гней Корнелий Сципион, как и все римские патриции, жаждавший воинской славы, спешил. В 260 году, находясь у Мессаны с передовой флотилией из семнадцати кораблей, он получил известия о том, что граждане Липары, главного города на Эолийских островах, собираются сдать город римлянам. О заговоре узнали карфагеняне и отправили в город свои войска, блокировавшие Сципиона и его корабли в гавани.

Малоопытные римляне запаниковали и сбежали с кораблей на берег, где карфагеняне изловили и незадачливых моряков, и их командующего¹³.

Карьера Сципиона, похоже, не пострадала в отличие от карфагенских коллег, которых подвергли бы суровому наказанию за подобный проступок. После того как его выкупили, карфагеняне распространили историю о том, что он стал жертвой предательства, а не безрассудства, и Сципион во второй раз стал консулом в 254 году. Публично его чествовали, а циники прозвали консула Асиной, «ослицей»¹⁴.

Для карфагенского флотоводца, еще одного Ганнибала, неудача Сципиона ознаменовала неплохое начало собственной кампании. Однако, отправившись с рекогносцировочной эскадрой из пятидесяти кораблей определять местоположение римского флота, он имел несчастье натолкнуться на него, когда римляне шли в сторону Мессаны. Римляне обладали значительным численным превосходством, и карфагеняне потеряли в сражении немало кораблей. Правда, Ганнибалу удалось бежать¹⁵. Победа над импульсивным Сципионом теперь уже не казалась столь триумфальной. Сципиона заменили более компетентным консулом Гаем Дуилием, а флот получил дополнительное время для учений в ожидании его прибытия в Мессану.

Во время учений римляне все больше убеждались в ненадежности наспех построенных кораблей. Полибий описывает одно из приспособлений, позволивших компенсировать конструктивные недостатки судов, — «корvus» или «ворон». Это был abordажный мостик шириной 1,2 и длиной 11 метров с низкими перилами с обеих сторон. Первые 3,6 метра мостика состояли из двух зубьев, разделенных пазом, через который на палубе устанавливался высокий вертикальный столб так, чтобы мостик можно было поднимать под углом к столбу с помощью блоков. Во время сражения мостик опускался и падал на палубу вражеского корабля. Массивный заостренный шип, располагавшийся под мостиком, вонзался в деревянное

покрытие палубы, два корабля накрепко сцеплялись друг с другом, и по мостику римские воины перебирались на борт вражеского судна. Самое главное достоинство этого устройства состояло в том, что оно позволяло преодолеть ущербность римского флота, плохую маневренность, тихоходность и необученность команд.

Прекрасно осознавая, что нанести полное поражение карфагенянам можно только в случае убедительной победы над ними в море, Дуилий поручил командование наземными силами в Сицилии своим помощникам, а сам возглавил флот. Зная также, что теперь римляне обладают секретным оружием — эффективным абордажным средством, он решил начать полномасштабную войну против карфагенян. Римский флот встретился с карфагенянами возле Мил у северного побережья Сицилии. Вот как описал эту встречу Полибий:

«Карфагеняне, преисполненные презрения к неопытности римлян, с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу...

По мере приближения карфагеняне замечали на передних частях всех кораблей поднятые вóроны; сначала они недоумевали и удивлялись никогда не виданным орудиям. Наконец, движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом, карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командой, которые начали сражение; вместе с ними было захвачено и судно начальника. Сам Ганнибал неожиданно для себя и с великой опасностью убежал в челноке. Остальное войско карфагенян продолжало путь, как бы собира-

ясь напасть на врага, но по мере приближения оно узнавало об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялось от боя и спасалось от ударов орудий. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от ударов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно сцеплялись с римскими, пока наконец карфагеняне, уstraшенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв пятьдесят кораблей»^{16*}.

За первую победу в крупном морском сражении Дуилия удостоили триумфа и воздвигли монумент — Ростральную колонну с письменами о его достижениях¹⁷. Согласно Диодору, побитый карфагенский флотоводец избежал наказания, хитроумно отправив после поражения послание начальникам, запросив у них, надо ли ему принимать бой с римлянами. Получив утвердительный ответ, он сообщил затем, что исполнял их указания¹⁸.

Победа при Милах, вовсе не решающая и не окончательная, побудила римлян к тому, чтобы перенести наступательные действия на Сардинию и Корсику. После одной из стычек Ганнибала, незадачливого карфагенского флотоводца, потерпевшего поражение, казнили его же подчиненные. Зонара, ссылаясь на историка Кассия Диона, утверждает, что римляне заманили Ганнибала в открытое море, распространив ложные сообщения о готовящемся вторжении в Африку. Ганнибал начал преследовать римский флот и в тумане угодил в ловушку. Римляне потопили большинство его кораблей, а с уцелевшими судами он укрылся в гавани сардинского города Сульцис (Сульх). Разгневанные карфагенские моряки распяли своего командующего¹⁹.

* Выдержка приводится по изданию: Полибий. Всеобщая история. Том I, книги I—X. — М.: АСТ, 2004. Перевод с древнегреческого Ф.Г. Мищенко (I.23).

Борьба за Сицилию

Война на море складывалась для карфагенян несчастливо, но их наземные силы на Сицилии действовали, на удивление, успешно. Поражение при Акраганте убедило карфагенское высшее командование в том, что следует придерживаться тактики борьбы на истощение, полностью оправдавшей себя в войнах с сиракузцами. Холмистая местность благоприятствовала тактике изматывания противника, а из-за непрекращающегося насилия и нестабильности население острова в основном обитало в укрепленных городах. Действительно, сицилийские войны между карфагенянами и сиракузцами состояли главным образом из осад и молниеносных налетов.

Но такая война не устраивала римлян. Политическая система позволяла консулам-полководцам властвовать лишь один год, и это обстоятельство заставляло их поспешать и побуждало к решительным действиям. Карфагенские полководцы, имевшие в своем распоряжении несколько лет, могли, когда надо, и потянуть со временем. По крайней мере на суше карфагеняне могли влиять на то, как и в каком темпе будет развиваться конфликт.

Римлянам с самого начала пришлось сражаться за каждый укрепленный город и нести тяжелые потери. Конечно, и самые длительные осады заканчивались поражениями. Митистратон* продержался семь месяцев, но все-таки капитулировал. Как это обычно случалось на Сицилии и раньше, у каждой из сторон находились доброжелатели, вследствие чего лояльность городов была переменчивой. Энна, к примеру, за пять лет трижды переходила из одного лагеря в другой. Мало того, жестокое обращение римлян с местным населением играло на руку карфагенянам. Небольшие города, как Камарина или Энна, сдались быстро, но более крупные и стратегически более важные центры, как Панорм и Лилибей, карфагеняне удерживали. Им удалось провести и целый ряд успешных рейдов. В результате

* У Полибия — Миттистрат.

одного из них — на Термы Гимерские в 260 году — погибли 4000 сиракузских воинов, застигнутых врасплох²⁰.

На море же карфагенянам хронически не везло. После неожиданной победы в сражении при Милах римскому флоту сопутствовала удача. Римляне совершили несколько успешных налетов на Мальте и Эолийских островах, одержали еще одну блистательную победу над карфагенянами возле мыса Тиндарис* у северного побережья Сицилии. Снова карфагенский флотоводец оплошал, недооценив численность кораблей, имевшихся у римлян в резерве²¹.

Регул и вторжение в Африку

Отсутствие прогресса на Сицилии и поразительные успехи на море побудили римлян к тому, чтобы в 256 году принять решение обойти остров и высадиться в Северной Африке. Это была рискованная затея, если учесть, что у них на счету был только один морской переход через пролив на Сицилию. Карфаген находился на расстоянии 600 километров от Регия, откуда должны отправляться войска, а это означало, что линии коммуникаций и снабжения будут растянуты до предела. В продолжение всего перехода флот, и в особенности транспорты будут чрезвычайно уязвимы для нападений.

Ни одно из этих соображений не остановило римлян. Они сформировали огромную армаду из 330 кораблей под главенством двух консулов — Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула. Флотилия вначале направилась на Сицилию, чтобы взять на борт отборные римские войска. Полибий сообщает нам, что на каждой квинквиреме помещалось 120 пехотинцев (то есть общая численность войск составляла 140 000 человек). Карфагеняне подготовили еще более значительные силы — 350 кораблей, 150 000 человек, предназначавшихся, возможно, для того, чтобы атаковать римский

* Также Тиндарид у Полибия.

флот, завладеть сицилийским водным пространством и высадить на острове новую армию²².

Два флота сошлись в бою возле мыса Экном у южного побережья Сицилии, и это было крупнейшее морское сражение в истории Древнего мира. Римляне разделили свои корабли на четыре группы, образовав из них треугольник и поставив позади еще одну эскадру. Карфагенский флот выстроился в более традиционном боевом порядке — в прямую линию, направив левый фланг к сицилийскому берегу. Карфагеняне, очевидно, намеревались ударить первыми, развалить боевой строй римлян и вызвать сумятицу. Однако вновь римский ворон свел на нет все преимущества, которые давал карфагенянам многовековой опыт морской державы.

Первым начал отходить карфагенский центр, предоставив римлянам возможность поддержать корабли, испытывавшие трудности в противоборстве с карфагенским левым флангом. Потом попали в окружение пятьдесят карфагенских судов. Некоторые из них, предпринимая отчаянные попытки улизнуть, притворились, будто сели на мель. Итог сражения был плачевен для карфагенян²³. Римляне потопили или захватили 94 корабля противника, потеряв всего лишь 24 судна²⁴.

Разгромленный карфагенский флот перегруппировался, возможно, возле Лилибея, и карфагеняне заняли выжидательную позицию, отправив к римлянам с предложениями перемирия Ганнона, одного из командующих. Согласно версии римского писателя Валерия Максима, римляне вроде бы намеревались арестовать карфагенянина, но тот сказал им: если они это сделают, то докажут, что ничем не лучше карфагенян. Дело кончилось тем, что римляне позволили ему сбежать²⁵.

Карфагеняне оказались в сложном положении. Они понимали, что не смогут преградить римлянам путь в Северную Африку, значительно уступая им в численности кораблей. Поэтому карфагенские командующие решили разделить остатки флота на две части. Гамилькар оставался на Сицилии, а Ганнон возвращался в Карфаген. Тем временем римская фло-

тилия пришла в Северную Африку, высадив войска у города Аспис на полуострове Кап-Бон (возможно, современный город Кебилия). Захватив город, войска стали ждать дальнейших указаний из Рима.

Вскоре поступил приказ: один из консулов, Манлий Вульсон, должен вернуться в Италию, а Регул остается в Африке, имея 40 кораблей, 15 000 пехотинцев и 500 всадников. У римского сената явно были свои расчеты. Карфагеняне же получили передышку, и эвакуация значительной части римского контингента была для них, можно сказать, неожиданным благодеянием. Они отозвали из Сицилии Гамилькара с 5000 пехотинцев и 500 конников и назначили командовать войсками комитет из трех военачальников, в который, помимо Гамилькара, вошли Гасдрубал и Бостар.

К этому времени Регул со своей армией подошел к городу Адису (возможно, современный город Удна) и начал его осаду. У города появилась и карфагенская армия, расположившись лагерем на ближнем холме, что оказалось грубейшим тактическим промахом, поскольку крутизна скрывала действия конницы и слонов. Она же лишала их и возможности совершать молниеносные партизанские вылазки с таким же эффектом, как на Сицилии²⁶.

Римляне были настолько уверены в успехе, что двинулись в наступление на карфагенский лагерь, как только забрезжил рассвет. Передовой отряд карфагеняне оттеснили, но, погнавшись за ним, сами попали в западню. Карфагенское войско беспорядочно бежало, а римляне принялись опустошать их лагерь.

Затем Регул взял город Тунет, располагавшийся всего в нескольких километрах от Карфагена. Главная цитадель теперь переполнилась беженцами, уходившими не только от римлян, но и от нумидийцев. Вскоре разразился голод.

Тогда-то, похоже, и начались мирные переговоры между карфагенянами и римлянами, хотя неясно, кто выступил инициатором. Согласно Полибию, им был Регул, спешивший до-

вести дело до победного конца, прежде чем завершится срок его консульства. Другие авторы, в том числе Диодор и Ливий, в равной мере убеждены в том, что инициаторами были карфагеняне, стремившиеся предотвратить полное разрушение государства. Как бы то ни было, условия, предложенные Регулом, оказались для карфагенян совершенно неприемлемыми. Римский полководец требовал ухода карфагенян из Сицилии и Сардинии, освобождения всех римских пленных, выкупа карфагенских пленников, возмещения всех военных расходов Рима и ежегодной дани. Мало того, Карфаген мог объявлять войну или заключать мир только с согласия Рима, ему разрешалось иметь только один военный корабль, но вменялось в обязанность поставлять Риму пятьдесят трирем в любое время, как только они понадобятся. Жесткий характер требований указывает на то, до какой степени римский патриций был уверен в несомненной победе над карфагенянами. Непредвиденные события, однако, существенно поколебали его самонадеянность²⁷.

Карфагеняне наконец осознали неадекватность своих военачальников. Когда они набирали в материковой Греции наемников, среди них оказался и опытный спартанский стратег Ксантипп, моментально распознавший тактические ошибки карфагенских полководцев. На него обратили внимание в высшем командовании и назначили главным советником, поручив ему обучение войск. Маневры и тренировки проводились за стенами города, спартанец должным образом подготовил армию к боям, с повышением военного искусства возрос и моральный дух солдат, и войска горели желанием сразиться с противником.

Ксантипп расположил свою армию на равнине — 12 000 пехотинцев, 4000 всадников и около сотни слонов. Главную фалангу, состоявшую из граждан, он поставил в центре, кавалерию — справа, а наемников — на флангах. Слоны выстроились в одну линию впереди пехоты. Это был очень разумный боевой порядок. Регул не сумел заключить альянс с нумидий-

цами, которые могли дать ему конников-виртуозов, и римлянам не доставало кавалеристов.

Хотя сплоченное ядро римской пехоты выдержало атаку слонов, карфагенская конница смяла фланги. Битва скоро превратилась в бойню, из которой смогли сбежать на безопасное расстояние лишь около двух тысяч римлян. Уцелели Регул и еще 500 солдат: их взяли в плен. Римский полководец (вопреки сочиненной позже небылице о том, что он был послан в Рим с миссией мира, а после возвращения в Карфаген умер мучительной смертью, когда условия мира были отвергнуты) скорее всего расстался с жизнью в заточении²⁸. Ксантипп не остался в Карфагене, чтобы насладиться плодами победы, справедливо опасаясь завистливой мести карфагенских аристократов, и вернулся в Грецию.

Северную Африку карфагеняне отстояли, но их победа не была решающей и окончательной. Армия Регула была небольшая, Рим все еще располагал многочисленными войсками, а тщеславные сенаторы только и ждали случая, чтобы повести их в бой. Кроме того, Рим господствовал на море и еще раз подтвердил это, разгромив карфагенскую флотилию, попытавшуюся остановить римские корабли, вывозившие остатки войск из Северной Африки. У карфагенян имелось 200 судов, 114 из них были потоплены или захвачены римлянами.

Потом Карфаген вновь получил поддержку извне, но на этот раз ему помогла не мудрость чужеземного стратега-наемника, а стихия. Не вняв советам опытных мореплавателей, в 255 году римские флотоводцы решили продемонстрировать свое морское превосходство и пройти вдоль пунического юго-западного побережья Сицилии. Разразился чудовищный шторм, в результате которого множество римских кораблей было выброшено на скалы. Римский флот практически перестал существовать: из 364 кораблей уцелело только 80. По некоторым оценкам, катастрофа унесла жизни 100 000 римлян и италиков. Хотя римлянам не потребовалось много времени для восстановления флота, они снова понесли тяжелые поте-

ри во время другого жуткого шторма, когда возвращались после рейда в Северную Африку в 253 году. Тогда они лишились 150 кораблей²⁹.

Тупик

Карфагеняне не сумели употребить в свою пользу несчастья римлян. Нумидийцев в Северной Африке удалось приструнить, но ситуация на Сицилии стремительно обострялась³⁰. Ключевой порт Панорм римляне захватили в 254 году, а в 252 году они овладели Термами Гимерскими и Липарой. Положение осложнялось и переходом к римлянам целого ряда малых городов, уловивших, на чьей стороне сила. Акрагант карфагеняне отвоевали, но их командующий, поняв, что не сможет его удержать, решил сровнять город с землей, снести стены и сжечь окрестные угодья, а всех жителей загнать в замок Зевса. Карфагеняне попробовали отвоевать и Панорм, но и эта попытка закончилась уничтожительным разгромом, когда римский командующий Цецилий Метелл заманил их к самым стенам города³¹:

«Когда карфагеняне переправили через реку, протекающую перед городом, слонов и войска, он выслал навстречу им отряды, которые досаждали им до тех пор, пока они не выстроились в полный боевой порядок. Увидев, что все идет по его плану, он поставил легковооруженных солдат у стены и рва, приказав им не жалеть метательных снарядов при приближении слонов, а если их выбьют с позиций, то укрыться во рву и оттуда делать вылазки и поражать нападающих слонов. Приказав низшим условиям подносить метательные снаряды и расставив их у подножия стены, он с манипулами (подразделения легионов численностью 120 человек) занял позицию у ворот напротив левого фланга противника и постоянно отправлял подкрепления стрелкам. Когда войско завязало битву с противником, погонщики слонов, желая продемонстрировать Гасдрубалу свою доблесть и

стяжать славу победы, обрушились на передовые отряды, с легкостью обращая их в бегство и преследуя до самого рва. Когда слоны достигли рва, то им начали наносить раны те, кто находился на стене, и их забросали градом дротиков и копий свежие войска, подтянутые ко рву. Вскоре животные, раненные во многих местах и озверевшие, пришли в смятение и кинулись на своих же воинов, топча и убивая людей и расстраивая ряды. Цецилий, увидев это, бросился вперед на фланг неприятеля, пришедшего в полное расстройство, со свежими и сплоченными войсками, громя врага, убивая одних и заставляя других убегать очертя голову. Он захватил десять слонов с погонщиками, а после сражения изловил и остальных, сбросивших своих погонщиков. Этой победой, по общему признанию, он возродил боевой дух в римской армии, которая теперь снова чувствовала себя способной владеть полем битвы на открытом пространстве»³².

Карфагеняне потеряли от двадцати до тридцати тысяч человек, а Метелл провел захваченных слонов на параде победы в Риме³³.

Карфагеняне приводили самые разные причины своего поражения, ссылаясь, в частности, и на то, что напились кельтские наемники. Как бы то ни было, они совершили ошибку, сразившись с противником на открытой местности, а в битвах такого рода римляне их, безусловно, превосходили. Власти Карфагена это понимали. Гасдрубала, командующего армией, они предали смерти³⁴.

После захвата Панорма римляне нацелились на Лилибей. В 250 году объединенная армия двух консулов и флот из 200 кораблей осадили город. Корабли блокировали гавань, чтобы воспрепятствовать снабжению и подвозу подкреплений. Однако карфагеняне несколько раз прорывали блокаду. Во время первого прорыва пятьдесят кораблей пробились в гавань, доставив провиант, снаряжение и 10 000 наемников. Связь с командующим гарнизоном Лилибея поддерживалась и партизанскими вылазками.

Особенно дерзкими были рейды капитана Ганнибала Родосца, дважды проникавшего в гавань сквозь строй вражеского флота, пользуясь фактором внезапности, попутным ветром и темнотой. Однажды Родосец, преследуемый противником, демонстративно остановился и поднял весла, показывая готовность принять бой, но римляне, ошеломленные его смелостью, не решились вступить в сражение. Отвага Ганнибала вдохновила других капитанов, и они тоже начали совершать рейды в гавань, снабжая город продуктами и материалами и подбадривая жителей. К несчастью, вскоре одна из квадрирем карфагенян нарвалась ночью на заграждение, установленное римлянами именно для этой цели, и попала в руки противника. Римляне использовали этот необычайно быстроходный и маневренный корабль для охоты за карфагенскими моряками, пытавшимися пробиться через кордоны. Им все-таки удалось настигнуть и захватить Ганнибала Родосца во время очередной дерзкой вылазки смельчака. Его корабль римляне тоже приспособили для патрулирования гавани, окончательно заблокировав ее³⁵.

В этот период морское могущество римлян несколько ослабло, и карфагеняне смогли провести по крайней мере одну успешную операцию. В 249 году римский консул Публий Клавдий Пульхр — по описаниям, человек, психически неуравновешенный, высокомерный сноб и пьянчуга, задумал напасть на карфагенский порт Дрепаны. Его экспедиция началась с плохого предзнаменования: священные цыплята, предназначенные для умасливания богов, отказывались от еды, и импульсивный Клавдий приказал выбросить их за борт, заявив, что они, очевидно, хотят пить. Римская флотилия вышла в море ночью и наткнулась на берег. Адгербал, карфагенский флотоводец, командовавший обороной Дрепан, принял смелое решение навязать противнику открытое сражение, а не подвергать город длительной осаде. Клавдий оказался никчемным командиром, римские корабли не были оборудованы вóронами, и карфагеняне смогли наконец с пользой употребить свои

превосходные военно-морские навыки. В битве уцелело только тридцать римских кораблей, в том числе и флагманское судно, на борту которого находился Клавдий. Командующего впоследствии сурово наказали, приговорив к уплате колоссального штрафа. Его халатность стала притчей во языцех. Родная сестра накликала на себя кару: когда ее окружила толпа в Риме, она громогласно пожелала, чтобы брат проиграл еще одно сражение (и помог бы очистить улицы от римских граждан-солдат)³⁶.

Потом случилась новая беда. В жуткий шторм попала флотилия из 120 боевых кораблей и 800 транспортов, доставлявшая грузы для римских войск, осаждавших Лилибей, и почти вся она погибла. Противники отреагировали на бедствие по-разному. В соответствии с практикой, сложившейся во время войн Карфагена на Сицилии, подобные несчастья служили поводом для мирных переговоров, но римляне не желали руководствоваться дипломатическими соображениями. Хотя карфагеняне не обратили в свою пользу невзгоды противника, потеря почти всего флота не охладила пыл римлян, а, наоборот, побудила их к тому, чтобы активизироваться на суше, и они вскоре захватили знаменитую карфагенскую крепость Эрикс. Римляне продолжали снабжать свои войска под Лилибеем наземными путями, и карфагеняне сами оказались в непривычной для них ситуации войны на истощение.

Непрерывные и беспрецедентные по длительности военные действия экономически обескровили Карфаген. Непрерывающиеся сражения на западе Сицилии, потеря Панорма и очевидное доминирование римского флота на море создавали дополнительные финансово-экономические трудности. Невозможно стало собирать прежние налоги с пунических городов, оказавшихся в тяжелейшем положении, а столь важные деловые центры, как Дрепаны и Лилибей, продолжали оставаться в блокаде, несмотря на отчаянные попытки карфагенян отвлечь внимание римлян нападениями на Италию. В то же

время военные расходы римлян оплачивались главным образом Сиракузами, где Гиерон не скупился на чеканку огромного количества серебряных и бронзовых монет³⁷. Военные действия велись в основном на западе Сицилии, а это значит, что они наносили экономике Сиракуз относительно незначительный ущерб.

В годы войны карфагенские монеты чеканились преимущественно в Северной Африке или на Сардинии, возможно, в силу того, что там было легче обеспечить безопасность производства³⁸. На Сицилии для доставки в Карфаген во время римского вторжения в 256–255 годах были выпущены только две серии тяжелых золотых монет, помимо денег из серебра и электрума высокого качества³⁹. Пуническая надпись на монетах *b'rst* (на территории), вероятно, означала, что деньги могли использоваться в пределах карфагенских владений в Северной Африке и за морями⁴⁰. Употребив титанические усилия на финансирование военных операций в Северной Африке, Карфаген истощил свои экономические ресурсы. В монетах из электрума, выпущенных позже, содержалось серебро очень низкого качества, и их вес зачастую был занижен⁴¹. Карфагенские наемники на Сицилии подняли мятеж, когда не получили положенное жалованье. В 247 году Карфаген был вынужден попросить заем в размере 2000 талантов у Птоломея Египетского, в чем ему сразу же отказали⁴².

Гамилькар Барка и конец карфагенской Сицилии

В том же году на Сицилию из Карфагена отправился новый командующий с намерением разрешить тупиковую ситуацию. Гамилькару предназначалось оправдать свое прозвище «Барка» — «молния» или «вспышка». А положение его действительно было незавидное. Карфагеняне удерживали две крепости, вся остальная часть острова принадлежала римлянам и их союзникам. Мало того, ему не хватало войск, и у него

совсем не было денег для набора новых наемников. Как заметил один современный историк, «реально Гамилькар должен был думать не о том, как выиграть войну, а о том, как ее не проиграть»⁴³.

Гамилькар начал с того, что навел порядок в мятежных войсках, казнив вожаков. Первый его налет у Дрепан римляне отбили, и он переориентировался на менее трудные объекты, чтобы добиться успеха, поднять и свой престиж, и моральный дух солдат. Он даже совершил набег с моря на крайнем юге Италии, выбрав место, где не было римских войск. Истинный дар Гамилькара проявлялся не в бою, в чем он тоже поднаторел, а в мастерстве создавать о себе благоприятное общественное мнение. Он имел дело со значительно превосходящими силами противника, и ему ничего не оставалось, как придерживаться тактики внезапных налетов, хотя именно эта тактика его вполне устраивала, поскольку позволяла наращивать символический капитал героя впечатляющими, но стратегически бесполезными рейдами⁴⁴.

Вернувшись из успешной, но бесплодной экспедиции в Италию, Гамилькар овладел высотами Геркты (как считают большинство историков, речь идет о кряже у Монте-Кастеллацио, располагавшемся западнее Панорма, занятого римлянами)⁴⁵. Эти крутые высоты было достаточно легко оборонять, и отсюда открывались доступы и к пресной воде, и к пастбищам, и к морю. Удачный рейд на итальянский материк приободрил воинов, неплохо поживившихся трофейным добром и пленными, и Гамилькар приготовился вести с римлянами затяжную и изнурительную войну по схеме игры в кошки-мышки. Из горного укрытия он совершал молниеносные налеты, расстраивая линии коммуникаций и снабжения и сковывая силы противника. Однако эта стратегия сковывала и войска карфагенян, ограничивая их наступательные возможности. Под командованием Гамилькара карфагеняне не смогли не только завоевать новые территории, но и вернуть утраченные земли. Осознав это, Гамилькар в 244 году покинул

высоты Геркты, замыслив осуществить еще более смелое предприятие — отвоевать Эрикс.

Под покровом ночи Гамилькар привел свою армию в город и перебил весь римский гарнизон. Гражданское население он депортировал в ближайший город Дрепаны, все еще принадлежавший карфагенянам. Станным образом он даже не попытался захватить римский гарнизон, располагавшийся на вершине горы Эрикс. Город, находившийся неподалеку от Дрепан, безусловно, обладал стратегическими преимуществами: с высоты шестисот метров просматривались подходы и с прибрежной равнины, и с моря. Однако эта вроде бы выгодная позиция страдала существенным изъяном: Гамилькар со своим войском оказывался зажатым на горном склоне между римскими контингентами на вершине и в Панорме. Проблему создавало и то, что в его лагерь можно было добраться лишь по единственной узкой и извилистой тропе.

В стратегическом отношении Эрикс был так же бесполезен, как и высоты Геркты. Хотя Гамилькар постоянно трепал нервы римлянам, осадившим Дрепаны, он нес потерь не меньше, чем противник. Как всегда, тактика его действий создавала ему образ доблестного и отважного военачальника, но не приносила видимых результатов. Однажды ему даже пришлось запросить у римлян перемирия, чтобы захоронить погибших воинов. Затем последовала попытка тысячного отряда галльских наемников, уставших от затяжной войны, сдать римлянам и Эрикс, и карфагенян⁴⁶. Недостаток стратегических преимуществ с лихвой восполнялся ассоциациями с теми блаженными временами, когда карфагеняне господствовали на острове, а не цеплялись, как сейчас, за последние охвостья своего бывшего величия. Нет для честолюбивого полководца более благородной цели, чем отвоевание города, так долго принадлежавшего карфагенянам и так много значившего для них! Эрикс всегда оставался для них священным местом, где веками правила богиня Астарта под опекой своего небожителя Мелькарта.

Однако события развивались не по сценарию Гамилькара. В Риме решили, что гордиев узел может разрубить только возрожденный флот. Казна была бедная, и деньги на постройку кораблей пришлось занимать у частных лиц. Вскоре появилась флотилия из 200 квинквирем, сооруженных по образцу судна Ганнибала Родосца. Намеренно желая обострить конфронтацию, римляне усилили блокаду Лилибея и Дрепан, побуждая карфагенян к более агрессивным действиям. За девять месяцев карфагеняне тоже собрали 250 кораблей. Хотя их флотилия и была многочисленнее, корабли все же были построены на скорую руку, некачественно, а команды — плохо подготовлены. Мало того, флотоводец Ганнон имел репутацию неудачника, потерпев поражения от римлян при Акраганте и Экноме⁴⁷. Карфагеняне спланировали доставить в Сицилию припасы для армии и взять на борт солдат, которые станут корабельными десантниками.

В 241 году флотилия направилась к Эгатским островам у западного побережья Сицилии и остановилась там в ожидании попутного ветра, чтобы пойти в Сицилию. Римляне, зная о передвижении карфагенян, напали на них, когда те собирались начать переход. Впервые римскому флоту не потребовались вороны: он во всем превосходил карфагенян — и по мореходным качествам, и в искусстве ведения морского боя. Карфагенские команды — неадекватно подготовленные, не имевшие в достатке корабельных десантников и управлявшие кораблями, перегруженными припасами, — не выдержали натиска. Римляне потопили 50 карфагенских кораблей, захватили 70 судов вместе с командами, а остальные успели ретироваться⁴⁸.

Поражение поколебало решимость карфагенян, и они запросили мира. Условия, предложенные римлянами в 241 году, были жесткими, но вполне предсказуемыми. Карфагенянам предлагалось совсем уйти из Сицилии, освободить всех римских пленных и выкупить собственных пленников. Лилибей, продержавшийся до конца, сдавался римлянам. Карфаген обязывался выплатить Риму за двадцать лет огромную контрибу-

цию — 2200 талантов*. И Карфаген, и Рим обязывались не вмешиваться в дела союзников друг друга, не набирать солдат и не собирать деньги для возведения общественных зданий на землях друг друга. Когда договор представили для ратификации Народному собранию в Риме, требования были еще больше ужесточены. Размер контрибуции был увеличен до 3200 талантов, причем 1000 талантов подлежали незамедлительной оплате, а остальную сумму разрешалось возместить в течение десяти лет. Карфаген должен был также уйти со всех островов, располагающихся между Сицилией и Северной Африкой**, хотя за ним сохранялась Сардиния. Карфагенянам, которым в случае продолжения войны угрожало полное банкротство, ничего не оставалось, как согласиться⁴⁹.

Однако существуют свидетельства, указывающие на то, что Карфаген уже строил свое новое будущее без Сицилии. Нехватка ресурсов для дальнейшей войны с Римом объяснялась отчасти тем, что карфагеняне уже вели еще одну войну — с нумидийцами в Северной Африке, и намного успешнее. Где-то в сороковых годах III века карфагенский полководец Ганном «Великий» завоевал важный нумидийский город Гекатомпилон (современный город Тебесса), находившийся в 260 километрах к юго-западу от Карфагена⁵⁰. Декстер Хойос предположил, что захват Гекатомпила*** являлся частью кампании территориальной экспансии, проводившейся Ганном и включавшей также покорение другого значительного нумидийского города Сикка, находившегося на юго-западе в 160 километрах⁵¹. Свидетельствовало ли это о переменах в политических предпочтениях карфагенской правящей элиты или просто отражало победу тех, кто хотел сосредоточиться на завоеваниях в Африке, над теми, кто стремился удержаться в Сицилии?

* У Полибия: 2200 эвбейских талантов серебра.

** У Полибия: карфагеняне обязывались очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

*** Такие названия дает автор. У Полибия — Гекатонтатил.

Безусловно, происходили серьезные изменения в карфагенском земледелии. В III веке значительно выросло и население на материковой части Карфагена, и сельскохозяйственное производство. Основываясь на археологических данных, Джозеф Грин сделал вывод о том, что это стало результатом переселения пунических земледельцев из Сицилии и Сардинии в Северную Африку. Однако есть все основания полагать, что переустройство сельскохозяйственной территории Карфагена было частью общего процесса колонизации, включавшего и военные действия против нумидийцев, поскольку отдельные представители карфагенской элиты поняли: существуют и другие возможности для обогащения и процветания, помимо содержания западных портов на Сицилии⁵².

Торговля между сицилийскими городами нарушилась. Прежде на рынке доминировали местные вина и сельскохозяйственная продукция. Теперь, когда на острове начали хозяйничать римляне, его заполонили товары из Кампании. Тем не менее археология данного периода подтверждает и наличие значительного количества амфор, ввезенных из Карфагена⁵³. Похоже, карфагеняне активно экспортировали на остров излишки сельскохозяйственных продуктов. Парадоксальный факт: потеря Сицилии создала условия для того, чтобы карфагеняне с меньшей головной болью извлекали выгоды из связей с островом.

Если не считать трехлетней неуклюжей борьбы за Сиракузы во время Ганнибаловой войны, то можно сказать, что Карфаген никогда больше не пытался утверждать свои интересы на Сицилии. Карфагенянам нанесла поражение армия, не пожелавшая руководствоваться прежними правилами противоборства. Губительные сицилийские войны продолжались почти 130 лет, перемежаясь периодами зыбкого мира, позволявшими Карфагену и Сиракузам провести необходимые реорганизации и усовершенствования. Рим, сумевший интегрировать людские и материальные ресурсы завоеванных земель, повел себя совершенно иначе. Римляне обрели такое могущес-

тво, которое позволило им вести военные действия многие десятилетия почти непрерывно и лишить сил одно из самых богатых и стойких государств древнего Средиземноморья.

Более того, уже после первого года войны стало ясно, что римляне не согласятся с любым территориальным разделом Сицилии. На смену сиракузцам, предрасположенным к тому, чтобы сохранить стратегический тупиковый паритет, пришел противник бескомпромиссный, настроенный на экспансию и добивавшийся ничего иного, а лишь полного ухода карфагенян с острова. Карфаген же, несмотря на первоначальное превосходство, особенно на море, оказался неспособным адекватно ответить на вызов.

Письмена Энтеллы

Первая Пуническая война была связана с прошлым в гораздо большей мере, чем думалось греческим и римским историкам, ее описавшим и посчитавшим, что она была первой в череде конфликтов между Карфагеном и Римом. Красноречивые свидетельства на этот счет предоставили уже современным историкам бронзовые таблички, найденные при довольно темных обстоятельствах в начале восьмидесятых годов прошлого столетия⁵⁴. Все они имеют прямое отношение к сицилийскому городу Энтелла, находившемуся в девятнадцати километрах от современного города Корлеоне. Хотя надписи исполнены на греческом языке, имена граждан, перечисленных в них, — итальянского происхождения. В 404 году жители этого города мужского пола были зверски убиты кампанскими наемниками, служившими карфагенянам, захватившим поселение. Граждане Энтеллы, упомянутые в табличках, — их потомки. В табличках указаны декреты, отмечающие заслуги людей, помогавших жителям в тяжелую минуту, и присуждающие им и их детям почетное гражданство города. Декреты, возможно, выпускались в течение тридцати шести дней на завершающем этапе Первой Пунической войны в ознамено-

вание возрождения Энтеллы. Ранее жители Энтеллы солидарно выступили против карфагенян, которые затем напали и овладели городом. Многие его граждане — и мужчины, и женщины — были схвачены и депортированы.

Энтеллянам помогали и соседние города, оказывавшие военную поддержку, предоставлявшие зерно, убежище, а иногда и выкупавшие пленников. В числе частных лиц есть и мамертин, и римский чиновник Тиберий Клавдий из Антима. Примечательно, что, хотя Рим уже становился господствующей державой и на острове, маленький сицилийский город, судя по табличкам, продолжал пользоваться полной независимостью, принимал самостоятельные решения и чествовал друзей (среди которых римский чиновник никак не выделялся). Судя по тексту, перед нами последний эпизод конфликта, полыхавшего на острове в продолжение двух столетий, втянувшего и Энтеллу и вынудившего граждан города пережить обычные жестокие последствия выбора между двумя великими державами. Энтелляне, конечно, не знали, что этот эпизод ознаменует начало многовекового непререкаемого римского мирового господства.

Глава 8

ВОССТАНИЕ НАЕМНИКОВ

Цена мира

Хотя Гамилькар Барка и бесславно закончил войну с римлянами, его репутация несколько не пострадала¹. Проявляя благоразумие, он отправил Гискона, градоначальника Лилибея, договариваться об условиях мира с римским консулом Лутацием, как бы отчуждая себя от факта капитуляции². Говорили, будто его даже разгневала смиренность Совета старейшин в Карфагене³.

А старейшины, возможно, спасли его от еще более тяжелого поражения и сохранили ему репутацию доблестного военачальника. Действия самого Гамилькара, хотя и производили впечатление, не изменили ход войны в пользу Карфагена, и у нас нет никаких оснований полагать, что он мог стать спасителем государства, если бы ему дали побольше времени. Он ловко устранился от признания капитуляции, которую многие карфагеняне считали унижительной, но ему не удастся так же легко игнорировать смуту, начавшуюся в Карфагене.

Карфагенским правителям теперь надо было решать труднейшую проблему — что делать с армией на Сицилии? Разгромное поражение на острове могло послужить оправданием для отказа от финансовых обязательств перед войсками. Однако завершение войны, как это ни парадоксально звучит,

создало для карфагенян новую серьезную угрозу. Армия на Сицилии сохранилась, а одним из условий мира был вывод всех сил с острова. В Северную Африку предстояло вернуть огромную армию наемников и выплатить им причитающееся жалованье.

Карфаген испытывал жесточайший экономический кризис. Финансовые поступления из Сицилии прекратились, на Сардинии царил разруха. Где брать деньги для удовлетворения требований наемников и выплаты репараций Риму? Для историков всегда особый интерес представлял действительный размер задолженности Карфагена наемникам. Согласно древним источникам, недоимка была весьма значительная и, возможно, измерялась суммой в 4368 талантов, или 26 миллионов драхм, — сумма астрономическая, и Карфагену было нелегко ее найти⁴.

Наилучшим вариантом в такой ситуации представлялась постепенная эвакуация войск по частям, дабы избежать необходимости одновременной выплаты жалованья. Доблестный командующий Гамилькар Барка умыл руки, ушел в отставку и покинул остров. Действительно, эвакуация армии небольшими подразделениями поначалу проходила гладко. Все пошло кувырком, когда войска начали концентрироваться в Карфагене и, почувствовав волю, бесчинствовать.

Не желая возмещать разом всю задолженность, карфагенские власти выдавали деньги порциями, побуждая наемников уходить с обозами, имуществом и пожитками в город Сикка, находившийся на приличном расстоянии от Карфагена, где им предлагалось дожидаться окончательного расчета. Они совершили непоправимую ошибку. В Сикке наемники, предоставленные самим себе, произвели собственные подсчеты и существенно увеличили размер задолженности.

На Сицилии военачальники, стремясь поднять моральный дух солдат, пообещали им различные вознаграждения, которые после разгрома стали бессмысленными. Когда из Карфагена прибыли посланники во главе с Ганноном, чтобы договорить-

ся о сокращении недоимки, их встретили враждебно. Не желали наемники учесть и ссылки на финансовые затруднения государства, обязанного выплатить римлянам неимоверную контрибуцию⁵. Власти отошли от первоначального плана разбираться с наемниками, разъединив их на группы, и это дало свои плоды: возникла коммуникационная проблема.

Полибий, наш главный авторитет в описании конфликта, объясняет: карфагенская практика набора наемников разных национальностей была рассчитана на то, чтобы лишить их возможности объединяться для действий, выражающих неповиновение и неуважение к своим (карфагенским) военачальникам⁶. Однако отсутствие языкового взаимопонимания и усложняло ситуацию. Полибий сообщает:

«Таким образом, невозможно было ни собрать их всех вместе, ни придумать относительно их какое-либо средство. Да и как сделать это? Не может же начальник знать языки всех народов; едва ли, можно сказать, не труднее еще обращаться к собранию через нескольких переводчиков и об одном и том же предмете говорить четыре-пять раз. Оставалось одно: обращаться с требованиями и увещаниями к солдатам через начальников, что неустанно пытался тогда делать Ганнон. Но и начальники понимали не все, что говорилось; а иной раз, соглашаясь с главнокомандующим, они передавали толпе совсем не то, одни по ошибке, другие со злым умыслом; следствием этого были вообще непонимание, недоверие и беспорядок»^{7*}.

Тогда-то мятежники, уловив слабость своего нанимателя, и двинулись всей массой к городу Тунет, располагавшемуся поблизости от Карфагена. Здесь они еще больше увеличили размер выплат, добавив стоимость снаряжения, лошадей, фуража, а также компенсации для своих товарищей, убитых в бою.

В непосредственной близости к столице, всего в нескольких километрах от нее возник воинственный лагерь из 20 000 на-

* Полибий. Всеобщая история. Том I, книги I–X (I.67).

емников. Карфагеняне совершили две грубейшие ошибки. Во-первых, им не следовало в одном месте скапливать такую огромную массу недовольных людей, усмирить которых уже не имелось достаточных сил. Во-вторых, надо было удержать при себе жен и детей наемников в качестве заложников, гарантирующих хорошее поведение мужей и отцов и способных направить в соответствующее русло переговоры о деньгах. Несмотря на возросшую неприязнь друг к другу, наемники и карфагеняне все еще были готовы к компромиссу, и явно завышенные требования наемников скорее всего были предназначены для торга⁸.

Желая урегулировать конфликт, карфагенские власти отправляли продукты питания и другие припасы в лагерь наемников, а посланники Совета старейшин пообещали им при возможности выполнить все требования. Стороны пришли к соглашению о том, что Гискон, прибывший из Лилибея и занимавшийся вывозом войск в Северную Африку, будет вести переговоры с мятежниками, поскольку они ему доверяют.

Гискон привез с собой и деньги, начав рассчитываться с наемниками. Возможно, для того чтобы разъединить их, он выдавал деньги каждой этнической группе отдельно⁹. Однако среди бунтовщиков были беглые рабы и римские дезертиры, опасавшиеся возмездия римлян. По римским законам беглых рабов ожидало чудовищное наказание: пытки и распятие на кресте. Многие из них надеялись начать новую жизнь, обосновавшись в пунической Сицилии. Однако изгнание карфагенян с острова положило конец их надеждам¹⁰.

Восстание

Среди этих несчастных людей был и беглый раб из Кампании по имени Спендий. Он-то и подстрекал мятежников не мириться с карфагенянами. Немало и других наемников опасались того, что конфликт разрешится мирно, но по иным причинам. Матос, ливиец, один из главных заводил, боялся,

что когда наемники разойдутся и вернутся в свои родные края, карфагеняне начнут мстить тем, у кого родина — Африка. Он с легкостью убедил большинство ливийцев в лагере в том, что достижение согласия с карфагенянами не в их интересах. Спендий и Матос созывали сходки и, пользуясь тем, что еще не все выплаты произведены, постоянно накаляли обстановку. Полибий рассказывает, как мятежники забрасывали камнями любого, кто осмеливался возразить Спендию или Матосу.

Неудивительно, что убеждение посредством камней действовало. Спендия и Матоса назначили командующими, и они сразу же приказали взять под стражу Гискона и его персонал. Затем вожди захватили денежные средства, привезенные Гисконом, и сами стали выплачивать долги мятежникам, завоевывая себе популярность¹¹. Готовясь к неминуемой войне с Карфагеном, мятежники начали подыскивать союзников. Искать их долго не пришлось.

Для финансирования военных действий карфагеняне обложили своих ливийских подданных непомерными поборами. Крестьян заставляли отдавать Карфагену половину урожаев. В городах всем без каких-либо исключений вдвое повысили налоги, даже беднякам. Карфагенские местные правители отнимали у ливийцев все, что попадалось им на глаза. Естественно, когда мятежники отправили в ливийские города послов, их призывы присоединиться к восстанию встречали благоприятный отклик. Полибий сообщает: энтузиазм ливийцев был настолько велик, что даже женщины жертвовали свои украшения в фонд поддержки войны мятежных наемников. По его оценке, к мятежникам присоединились 70 000 ливийцев, втрое увеличив численность войск Спендия и Матоса¹².

Хотя участие ливийцев придало восстанию этнический оттенок, оно не вылилось в противостояние народностей. Примечательно, например, то, что мятежники даже не пытались втянуть в него рабов, живших в пунической Северной Африке¹³. Армия мятежников состояла из представителей многих национальностей. Помимо ливийцев, в ней были лигуры, ибе-

ры, балеаряне, галлы и, по терминологии Полибия, «эллины-полукровки», к которым обычно относили эллинизированных фракийцев, скифов и других уроженцев региона Черного моря¹⁴. Полибий, возможно, имел в виду кампанцев и других обитателей Великой Греции, ставших беглыми рабами или дезертирами из римской армии.

Судя по монетам, выпущенным мятежниками, их армия была не чем иным, как неорганизованным и недисциплинированным сбродом, и карфагенянам противостояли, в сущности, их собственные сицилийские разложившиеся войска. Деньги, привезенные Гисконом, были не просто поделены между мятежниками, их перечеканили в новые монеты. Вожди бунтовщиков, забив карфагенские знаки собственными мотивами, давали понять, что они ведут войну не из-за корысти, а за освобождение от карфагенского ига. Мятежные войска получают жалованье от своих властей, деньги — тоже свои, серебряные монеты с греческой надписью *LIBUWN* (монета ливийцев)¹⁵. Эта надпись вряд ли предназначалась для того, чтобы выделить какую-то этническую общность. Она скорее всего представлялась вожакам наиболее приемлемой ввиду многонационального состава армии.

С другой стороны, преднамеренное упоминание «ливийцев», возможно, объясняется тем, что наемники-неливийцы замыслили отвоевать и присвоить карфагенские поселения в Северной Африке, подобно тому как это делали каперы из Кампании на Сицилии¹⁶. Мотивы, использовавшиеся на серебряных и бронзовых монетах, можно разделить на две группы. На одних воспроизводились земледельческие сюжеты — колос или плуг, и они явно предназначались для ливийцев. На других наносились традиционные сиракузские, южноитальянские и сицилийско-карфагенские военные изображения, и они, очевидно, адресовались наемникам-неливийцам¹⁷.

Монеты неливийского назначения обычно украшал образ Геракла. На лицевой стороне наносился чаще всего стандартный александрийский портрет героя в головном уборе из льви-

ной шкуры, а на реверсе — крадущийся лев¹⁸. Не случайно, видимо, на этих монетах воспроизводилась иконография последних серий металлических денег, выпущенных карфагенскими военными властями на Сицилии в первом десятилетии IV века. Хотя армии платили монетами, привезенными из Карфагена и украшенными новыми символами города — головой Кору и изображением лошади, — важнейшей эмблемой карфагенской армии на Сицилии оставался образ Геракла — Мелькарта. Когда мятежники начали выпускать собственные монеты, они, естественно, обратились к знакомому образу, который должен был символизировать их воинскую доблесть¹⁹.

Война без пощады

Древние войны отличались необычайной жестокостью, и Первая Пуническая война не была исключением. Несчастья обрушивались прежде всего на граждан сицилийских городов, а не на римлян или карфагенян. Противники стремились завладеть Сицилией, а не уничтожить друг друга. Тем не менее через год после подписания унизительного мира Карфагену навязали войну за выживание, изуверскую даже по стандартам того времени. Конфликт превратился в битву не на жизнь, а на смерть, без малейших проявлений жалости или сострадания. Как написал Полибий, это была *polemos aspondos* — война, которая не могла закончиться миром²⁰.

Из-за недомыслия карфагенские правители позволили финансовой тяжбе перерасти в восстание с целью свергнуть гегемонию Карфагена в Северной Африке. Мятеж показал, к чему может привести самонадеянность властей, построенная на эксплуатации труда и ресурсов других народностей. Средства, привезенные Гисконом для выплаты жалованья наемникам, возможно, составляли последние резервы серебряных монет высокого качества, имевшихся в распоряжении Карфагена²¹. Ливийское восстание лишило карфагенян еще одного

важного источника доходов. Полибий так описал тяжелое положение карфагенян:

«После поражений в стольких морских битвах они не имели ни оружия, ни морского войска, ни оснащенных судов; у них не было запасов и ни малейшей надежды на помощь извне от друзей или союзников. Теперь карфагеняне ясно поняли, сколь велика разница между войной с иноземцами, живущими по другую сторону моря, и внутренними междоусобицами и смутами»^{22*}.

Чрезвычайная ситуация требует и принятия чрезвычайных мер. Карфагенянам ничего не оставалось, кроме как набирать и готовить гражданскую армию. Они смогли наскрести немного денег для новых наемников и привести в боевую готовность несколько уцелевших кораблей. Командовать войсками назначили Ганнона, который, подобно Гамилькару, избежал попреков за неудачи, приведшие к поражению Карфагена в Первой Пунической войне, и даже одержал ряд важных военных побед на африканской территории. Назначив его командующим, карфагеняне совершили очередную ошибку, обошедшуюся им тоже дорого. По мнению Полибия, Ганнон обладал достаточными талантами для того, чтобы разгромить ливийцев и нумидийцев, обычно убегавших, но сражаться с хорошо обученными профессиональными воинами он был явно не способен²³.

Ганнону противостояла опытная, натренированная армия, поднатеревшая в боях на Сицилии. Мятежникам могло не доставать искушенного командующего, поскольку карфагеняне всегда направляли на Сицилию только своих старших офицеров. Однако Матос оказался превосходным военным стратегом. Ганнон, используя фактор внезапности, напал на мятежников, осаждавших Утику, союзника карфагенян. Но вместо того чтобы употребить в свою пользу замешательство противника, он вошел в город, горя желанием отпраздновать победу. Мятежники мобилизовались и атаковали карфагенян, застигнув

* Полибий. Всеобщая история. Том I (I.71).

их врасплох. Они поубивали множество карфагенских солдат, захватили обозы и осадные орудия, привезенные Ганноном из Карфагена.

Такого рода беспечность проявлялась во всей кампании, и не раз случалось, что Ганнон, побеждая, терпел поражение. Матос же очень быстро стал опасным противником. Он разделил свою армию на небольшие мобильные отряды, намереваясь отрезать карфагенян от путей снабжения и союзников. Осадив Утику и Гиппакриты, два крупнейших города региона, мятежники завладели и перешейком полуострова, на котором располагался Карфаген, заблокировав его со стороны материка и фактически тоже подвергнув осаде. Хотя карфагеняне еще не решили избавиться от бестолкового Ганнона, они поставили Гамилькара Барку во главе небольшой армии, состоявшей из 10 000 воинов и 70 слонов: она должна была дать отпор мятежникам²⁴.

Гамилькар начал кампанию неплохо. Он смог преодолеть блокаду мятежников, проникнув из города под покровом ночи и незаметно переправившись через реку Меджерда. Затем ему удалось захватить мост, хотя противник и располагал превосходящими силами. Он добился победы, применив тактику, которую с успехом использовал впоследствии его знаменитый сын Ганнибал. Сымитировав отступление, Гамилькар заставил противника беспорядочно его преследовать, а когда боевой порядок мятежников расстроился, развернул свое войско и нанес им концентрированный и сокрушающий удар²⁵.

Мятежники потеряли убитыми и пленными более 8000 человек. Однако за этим ободряющим успехом чуть было не случилась катастрофа из-за чересчур порывистой натуры Гамилькара. Мятежники, зная, что им не выстоять против карфагенской конницы и слонов в открытом сражении, прибегли к партизанской тактике своего прежнего полководца. Они совершали набеги на армию Гамилькара из предгорий, затрудняя передвижение. Им все-таки удалось окружить карфагенян, когда те расположились лагерем на горном плато. Карфагеня-

нам грозило полное уничтожение, если бы не неожиданный поворот судьбы, который не могла предвидеть ни одна из сторон. Наконец-то дали свой результат дерзкие, блистательные, хотя и бесплодные сицилийские рейды Гамилькара. Во вражеском стане, уже приготовившемся к бою, оказался нумидийский вождь Навара, восторгавшийся карфагенским полководцем²⁶. Он перешел на сторону карфагенян, приведя с собой 2000 нумидийских всадников и обеспечив Гамилькару победу²⁷.

Тогда-то война карфагенян со своими мятежными войсками и превратилась в бесславный обмен злодеяниями. Странным образом бессмысленное человекоубийство спровоцировал акт милосердия. Одержав неожиданную победу, Гамилькар предложил плененным мятежникам, а их было четыре тысячи, примкнуть к его армии. Тех же, кто отказывался принять предложение, он отпускал на волю и разрешал вернуться домой. Его инициатива явно была рассчитана на то, чтобы разрушить хрупкую коалицию наемников и ливийцев*. Если повстанцы поймут, что будут помилованы, то может начаться массовое дезертирство.

Спендий, Матос и другие вожаки повстанцев, сознавая, что их амнистии не удостоят, попытались сделать все для того, чтобы войска сохранили им верность. Увещеваниями и принуждениями они добились, чтобы на общей сходке было решено казнить Гискона и других карфагенских пленников. Дабы устранить любые возможности для примирения с карфагенянами, пленников пытали и умертвили самыми зверскими методами. Им отсекали руки, сломали ноги, их кастрировали. Когда они все еще дышали, их свалили в большую яму и сожгли заживо**. Потом вожаки заявили, что такая мучительная смерть ожидает всех карфагенян, захваченных в плен. Теперь о каких-либо компромиссах не могло быть и речи²⁸.

* Согласно Полибию, предложение Гамилькара распространялось и на ливийцев.

** Как сообщает Полибий, мятежники замучили и умертвили до 700 карфагенян.

Злодейство дало ожидаемый результат. Гамилькар ответил умерщвлением всех своих пленников. Теперь и мятежники не могли надеяться на милосердие карфагенян. Им оставалось только сражаться и стоять насмерть. Конечно, нет никаких причин думать, что к Гамилькару переметнулось бы много мятежников, так как ситуация на войне складывалась в их пользу, а на карфагенян обрушивалась одна беда за другой. Во время шторма затонуло несколько кораблей, доставлявших жизненно необходимые грузы, а из Сардинии, которой карфагеняне владели более трех столетий, поступили печальные известия о восстании против них. Мало того, на Карфаген ополчились пунические союзники: горожане Гиппакрит и Утики, истребив карфагенские гарнизоны, перешли на сторону мятежников.

Усугубляли ситуацию и распри между Гамилькаром и Ганноном: мнения политических соперников не совпадали и относительно военной стратегии. Помощь Карфагену в тяжелую минуту оказали вдруг сиракузцы, бывшие враги. Они согласились обеспечивать его провиантом и предметами первой необходимости²⁹. Полибий усматривает в этом решении Сиракуз обыкновенный политический прагматизм: для Гиерона выход Карфагена из сложившейся системы баланса сил в Центральном Средиземноморье мог поставить под сомнение статус тирана как ключевого стратегического союзника римлян (а заодно и его независимость).

Реакцию римлян понять труднее. В продолжение всего восстания они не проявляли желания употребить в свою пользу трудности Карфагена, которые потенциально могли привести к тому, что он перестал бы считаться региональной державой. Предложение граждан Утики перейти в подчинение Риму они отвергли. Мало того, римляне запретили итальяским купцам торговать с мятежниками, хотя разрешили им поставлять товары Карфагену, а карфагенянам позволили набирать наемников в Италии³⁰. И все это делалось, несмотря на недавнюю напряженность в отношениях между государствами. Рим на-

правил в Северную Африку посольство, чтобы выразить протест карфагенским правителям, арестовавшим около 500 итальянских купцов, доставивших какие-то товары мятежникам. Конфликт разрешился полюбовно, и Рим великодушно освободил карфагенских пленников, захваченных во время сицилийских кампаний. Выдав без выкупа ни много ни мало, а 2743 закаленных в боях воина, римляне совершили нежданное благодеяние и фактически помогли карфагенянам в войне³¹.

Причины такого великодушия, очевидно, кроются в слабости самого Рима. Высказывались суждения, будто после затянувшегося, изнурительного конфликта римляне уже не могли позволить себе развязать очередную войну. Хотя траты в Первой Пунической войне большей частью покрывались сиракузскими и итальянскими союзниками, противоборство, как отмечает Полибий, финансово истощило и Рим, а не только Карфаген³². Римляне наверняка даже не рассматривали возможность подвергнуть Карфаген новому испытанию. Им хватало забот на Сицилии, экономика которой после двух десятилетий почти непрерывных военных столкновений была почти разрушена. Римлянам требовались ресурсы и время для того, чтобы политически утвердиться на острове. Маловероятно также, чтобы Рим устраивала репутация государства, поддерживающего мятежи наемников³³.

Поддержка извне кардинально все изменила. Повстанцы теперь испытывали трудности со снабжением, и им пришлось снять осаду Карфагена. Прежде они использовали средства, собранные ливийцами, и деньги, захваченные у карфагенян. Возможно, когда истощились запасы серебряных и золотых монет, мятежники и начали применять мышьяк для того, чтобы низкопробные медные деньги выглядели как серебро³⁴. После консультаций с войсками карфагеняне назначали главнокомандующим одного Гамилькара. Это позволило повысить эффективность военных действий. Тотальная война не на жизнь, а на смерть продолжалась, плененных мятежников превращали в кровавое месиво слоны Гамилькара.

Час расплаты

Гамилькару все-таки удалось запереть основную часть повстанческой армии на перевале Приона, и голодные наемники, окруженные и лишенные даже возможности сбежать, начали поедать друг друга, чтобы выжить. Они съели пленников, а затем и рабов, но помощи так и не предвиделось. Тогда вожаки, видя, что сражаться с противником бессмысленно, решили вступить в переговоры с Гамилькаром. Карфагенский полководец принял десять посланников, среди которых были Спендий и еще двое заводил. И здесь особенно пригодилась природная сметливость Барки. Предложенные им условия казались даже слишком либеральными. Он попросил дозволения ему самому выбрать среди мятежников для задержания десять человек, а остальные тогда могут уйти в одних туниках. Главарь согласился, и Гамилькар сразу же избрал заложниками этих десяти посланников. Таким образом, Барка, не нарушая законов военного времени, запрещающих задерживать парламентариев противника, смог взять под стражу чуть ли не все высшее командование повстанцев. Обезглавленная армия, около 40 000 человек, затем была полностью истреблена³⁵.

Естественно, после такого разгрома восстание выдохлось. Местные ливийцы, видя, что мятежники терпят поражение, начали толпами уходить к карфагенянам. Гамилькар теперь мог заняться Тунетом, последним бастионом повстанцев. Дабы навести страх на осажденных мятежников, Спендия и других плененных вождей привели к стенам и на глазах их товарищей распяли. Тем временем Матос успел заметить, что излишне самоуверенный и убежденный в победе Ганнибал — второй полководец карфагенян — не обеспечил надежную охрану собственного полевого лагеря. Мятежники внезапно напали на его стоянку, поубивали много карфагенских воинов и взяли в плен самого военачальника. Злосчастного полководца подвергли зверским пыткам и пригвоздили к кресту, на котором прежде висел Спендий. В отместку за гибель своих друзей

Матос приказал предать смерти над трупом Спендия тридцать знатных карфагенян³⁶.

Несчастье повергло в смятение карфагенян, но они не потеряли силы духа и вновь мобилизовались. Тридцать советников отправились к Гамилькару и Ганнону с увещеваниями позабыть о своих разногласиях и объединиться для решающего удара по врагу. Карфагенянам удалось набрать новое войско из граждан, способных держать в руках оружие. Мятежники, испытывавшие острую нехватку и людей и припасов, тоже понимали, что у них остался единственный шанс выжить, победив в решающем сражении. Однако их силы были на исходе, и победу одержали не они, а карфагеняне. Вскоре Карфагену покорились все ливийцы. Некоторое время продолжали упорствовать Утика и Гиппакриты, опасавшиеся мести карфагенян, но и они были вынуждены сдаться и принять условия победителей. Всех мятежников, захваченных в плен живыми, распяли на крестах, кроме Матоса, которого провели по улицам города в триумфальной процессии и публично подвергали истязаниям. Как-никак это была, по словам Полибия, «самая жестокая и исполненная злодеяниями война из всех известных нам в истории»³⁷.

Потеря Сардинии

С подавлением мятежа беды Карфагена не закончились. В 240 году на Сардинии, последнем значительном заморском владении карфагенян, вспыхнул бунт наемников, не менее жестокий, чем восстание в Северной Африке. После того как бунтовщики убили Бостара, военного коменданта и некоторых других карфагенян, из Карфагена на остров было отправлено войско для погашения конфликта. Прибывшее воинство, также наемное, тоже подняло мятеж, распяло своего военачальника и перебило всех карфагенян на Сардинии³⁸.

Положение усугублялось тем, что, по всей видимости, была связь между двумя восстаниями. Полибий упоминает пись-

мо, посланное сардинскими мятежниками повстанцам в Африке и содержащее информацию о неких лицах, ведущих тайные переговоры с карфагенянами³⁹. Полибий полагает, что послание сфабриковано. Однако не исключено, что наемники, отправленные из Карфагена на Сардинию, знали его содержание. В 240 году мятежные наемники на Сардинии предложили передать остров римлянам. Вначале римляне отказались, и местные сардинцы изгнали наемников, не имевших тогда сильных союзников. Укрывшись в Италии, они вновь обратились к римлянам с тем же предложением. На этот раз оно было принято благожелательно.

В 238 году Рим начал готовить экспедицию для оккупации Сардинии. Карфагеняне, естественно, запротестовали, ссылаясь на договор 241 года, признающий суверенные права Карфагена на остров, и пригрозили, что они его отвоеют. Римляне ответили, что они расценивают это как объявление войны. Ослабленный многолетним конфликтом Карфаген отступил. В 237 году римляне захватили и Сардинию, и соседнюю Корсику. Мало того, они заставили Карфаген заплатить контрибуцию в размере 1200 талантов⁴⁰.

Даже Полибий осуждает аннексию Римом Сардинии, что, по его мнению, «противоречило всем нормам справедливости», и называет эту акцию действием, для которого «невозможно найти какой-либо разумный предлог или причину»⁴¹. Примечательно, что эта резкая критика высказана не кем-нибудь, а одним из самых ярых сторонников Рима. Почему же Рим, поначалу отклонивший предложение мятежников, все-таки нарушил договор и захватил Сардинию? Более поздние авторы, подпавшие под влияние римской пропаганды, объясняли это тем, что Рим мстил Карфагену за лишение свободы, а в отдельных случаях и казнь итальянских купцов, наживавшихся на восстании наемников в Северной Африке⁴². Такое обоснование представляется крайне маловероятным ввиду недавнего полюбовного соглашения между двумя державами. Причина скорее всего заключается в агрессивной и стяжательской

политике Рима, и у него, безусловно, имелись свои резоны для того, чтобы ответить положительно на повторное предложение повстанцев на Сардинии⁴³.

В 238 году Карфаген разгромил повстанцев в Северной Африке и мог побороться за Сардинию (для этой цели действительно были подготовлены новые войска под командованием Гамилькара Барки)⁴⁴. Рим аннексировал остров, чтобы упредить Карфаген и не дать ему возродиться в качестве великой державы в Центральном Средиземноморье⁴⁵. Нельзя забывать о том, что на аннексии Сардинии настояло Народное собрание, всегда относившееся к Карфагену недоброжелательно⁴⁶. Вначале наемники перебили всех карфагенян, а затем и их изгнали с острова, и это дало римлянам основание для того, чтобы представить захват Сардинии как оккупацию ничейной или нейтральной территории⁴⁷.

Аннексия Сардинии оказала сейсмическое воздействие на дальнейшие события. В экономическом отношении Сардиния составляла важнейшую часть сферы влияния Карфагена. По мере того как сокращалось присутствие карфагенян в западной части Сицилии, возрастала чеканка карфагенских бронзовых монет на Сардинии⁴⁸. Потеря Сардинии нанесла удар не только экономическому благосостоянию карфагенян, но и их национальному достоинству. Захватив остров и потребовав контрибуцию, Рим грубо напомнил Карфагену, что он утратил статус великой державы Центрального Средиземноморья, признававшийся еще несколько лет назад двусторонним договором, подписанным в 241 году.

Гамилькар Барка

Для самоутверждения и оправдания своей беспомощности карфагенской элите понадобился козел отпущения, на которого она могла бы свалить вину за разгул мятежников. Очевидным кандидатом на эту роль был Гамилькар Барка, давший войскам заведомо неосуществимые обещания и не добивший-

ся на Сицилии реальных стратегических успехов⁴⁹. Однако блистательные дерзкие налеты на римлян и разгром повстанцев сделали его необычайно популярным среди граждан. Хотя Барка и командовал войсками на Сицилии и исполнял поручение вести мирные переговоры, он все-таки не имел никакого отношения к неожиданному решению о капитуляции, его приняли высшие правители. Как отметил римский историк Ливий, Гамилькара раздражало то, что «Сицилию сдали слишком быстро, прежде чем ситуация действительно стала безысходной»⁵⁰. Кроме того, Барка, без сомнения, был самым популярным полководцем в карфагенских войсках, что они продемонстрировали, избрав его, а не Ганнона, командующим в сражениях с повстанцами⁵¹.

Гамилькар Барка к тому же обзавелся полезными связями с богатыми и знатными людьми, влиятельными в гражданском сословии. Его новым зятем, например, стал Гасдрубал⁵². Это незримое подспорье и помогло ему не только избежать судебного разбирательства, но и получить пост военного коменданта всей Ливии, на который его не назначали, а избрали гражданине⁵³. В заморских кампаниях карфагенские военачальники с давних времен обладали широкими полномочиями, теперь такой же властью Гамилькара наделили в Северной Африке. В самом деле получается, что Гамилькар больше выиграл, а не проиграл в результате потрясений, переживаемых государством. Согласно Полибию, «в этот период решающим был голос народа и для карфагенян имело значение лишь мнение большинства»⁵⁴.

Без сомнения, катастрофическое поражение в войне с Римом, потеря Сицилии, кровопролитный мятеж собственных наемников, чуть ли не погубивший государство, а затем и утрата Сардинии не могли не вызвать политических трансформаций в Карфагене. Зыбкий баланс аристократического, олигархического и демократического правления, восхитивший Аристотеля, держался на недолговечном фундаменте успехов и достижений IV столетия⁵⁵. С развалом империи пошатнулась

и стабильность политического статус-кво. Восстание наемников способствовало возвышению роли карфагенских военачальников: они сами избирали главнокомандующего. Однодневное мероприятие кризисного времени теперь стало ревностно оберегаемой привилегией.

Мало того, в массе простых граждан или *s'mm* («мелкоты» или «мелюзги») появились группы тщеславных людей, не желавших больше мириться с политической системой, в которой им отведена столь незначительная роль⁵⁶. Прежде ограниченные возможности для социального продвижения предоставлялись небольшому числу избранных лиц мужского пола, не принадлежащих к сословию граждан; (по всему древнему Средиземноморью женщины не имели избирательных прав, независимо от социального статуса)⁵⁷. К примеру, особенно ценные рабы могли обрести свободу, хотя и продолжали оставаться зависимыми от своего бывшего хозяина в силу ряда формальных обязательств⁵⁸. Как бы то ни было, неизвестны случаи, чтобы кто-либо из *s'mm* пробился в высшие круги карфагенской элиты.

Конечно, это вовсе не означает, что такие люди не имели никакого влияния. Торговцы и ремесленники, например, самые активные и предприимчивые представители *s'mm*, объединялись в могущественные гильдии и корпорации, обладавшие достаточными ресурсами для участия в реализации крупнейших строительных проектов⁵⁹. Самым главным политическим орудием для простых граждан Карфагена, по крайней мере с конца IV века, служило Народное собрание, хотя первоначально его полномочия были ограничены. Проблемы на нем обсуждались только тогда, когда этого хотели суффеты или Совет старейшин или когда не могли прийти к согласию двое высших должностных лиц. Теперь оно уже могло оказывать определенное влияние на решения Совета старейшин и Трибунала ста четырех и даже влиять на ежегодные выборы двух суффетов. Именно вследствие этих перемен Полибий, всегда неистово ненавидевший демократию, считал, что послевоенный Карфа-

ген выказывал все худшие черты сползания в демагогию⁶⁰. Диодор же так написал о возрастающем влиянии Гамилькара Барки в Карфагене: «После Ливийской войны он создал фракцию из самых низменных людей и, опираясь на них и пользуясь военной добычей, скопил огромное богатство. Думая, что успехи дали ему в руки большую власть, он предался демагогии и домогательствам благосклонности народа»⁶¹.

Тактика обретения политической власти, использовавшаяся Гамилькаром, была знакома греко-сицилийским историкам (на которых опирается и Диодор), поскольку она ничем не отличалась от приемов, к которым прибегали тираны на Сицилии. В Сиракузах и Дионисий, и Агафокл, и Гиерон захватили и удерживали политическую власть, опираясь на три института государства: Народное собрание, армию наемников и богатую и влиятельную элиту. Хотя впоследствии Агафокл и Гиерон провозгласили себя царями, первоначально свои посты в качестве *strategos autokrator* (верховных командующих вооруженными силами) они использовали для управления политическими процессами⁶².

Возрастание политического влияния Баркидов (клана Гамилькара) подтвердилось и тем, что Совет старейшин поручил Гамилькару возглавить экспедицию в Южную Испанию⁶³. Южное и юго-восточное побережья Иберийского полуострова не были *terra incognita* для карфагенян. Начиная с IV века карфагенские купцы поставляли в Испанию пунические товары и керамику из Кампании и Афин обычно через город Эбузус на Ибике. Вторым договором, подписанным с Римом в 348 году, признавалось, что Испания входит в зону влияния Карфагена, хотя и не имеется свидетельств какого-либо прямого вмешательства со стороны карфагенян⁶⁴. В этом регионе Карфаген, как и Тир до него, интересовало серебро, что неудивительно ввиду огромных военных расходов⁶⁵.

Другой сферой интереса к Испании, очевидно, была вербовка наемников. На острове Майорка обнаружены фортификации, построенные карфагенянами, и, по мнению археологов,

они служили стоянками для комплектования знаменитых баlearских прашников, наводивших ужас на противников армии Карфагена⁶⁶. Гамилькара Испания привлекала прежде всего богатейшими ресурсами металлов, продовольствия и возможностями неограниченно пополнять армию воинами. Греческий географ Страбон поведал невероятную историю: Баркиды узнали о несметных минеральных богатствах региона, когда увидели, как турдентаны, на земле которых располагались самые богатые рудники, пользуются серебряными кормушками и серебряными винными кувшинами⁶⁷.

Полибий и Ливий, два самых главных знатока этого исторического периода, уверены в том, что в Испании Баркиды хотели нарастить ресурсы для отмщения Риму за недавние унижения. Однако Гамилькаром в равной мере двигала и необходимость восстановить разрушенную экономику Карфагена, а не только ненависть к римлянам. Вдобавок ко всему Карфаген должен был выплатить непомерную контрибуцию Риму. Некачественные монеты, отчеканенные в Карфагене в этот период, свидетельствуют о тяжелом экономическом положении, материальном неблагополучии и лишениях. Вместо серебряных денег выпускались тяжелые бронзовые монеты, и вообще чеканка резко сократилась⁶⁸.

Первая Пуническая война преподавала карфагенянам поучительный урок: для успешного противостояния Риму нужны значительные резервы материальных и людских ресурсов. Испания располагала этими ресурсами в гораздо большей мере, чем Сардиния и пуническая Сицилия⁶⁹. Это, конечно, не означает, что Гамилькар уже замыслил новую войну с Римом. Тем не менее Баркиды твердо настроились на то, что Карфаген больше никогда не потерпит унижительных посягательств Рима на свои владения и достоинство.

Глава 9

БАРКИДСКАЯ ИСПАНИЯ

Рудники

Для Гамилькара, последнего командующего карфагенской армией на Сицилии, экспедиция в Испанию предоставляла возможность не только прославиться как спасители отечества, но и обрести полную свободу действий¹. Хотя его сторонники преобладали и в Совете старейшин, и в Народном собрании, ему могла досаждать политическая клика во главе с давним соперником Ганноном². Ганнон и его сподвижники считали, что для преодоления экономического кризиса надо эффективнее использовать сельскохозяйственные ресурсы Северной Африки³. Греческий историк Аппиан сообщает, что Гамилькар пренебрег наставлениями Совета старейшин, когда в 237 году прибыл в Испанию⁴.

Карфагенская элита реально могла осуществлять надзор за деятельностью военачальников на Сицилии в двух сферах. Во-первых, она могла контролировать снабжение армий, отправку подкреплений и денег. Во-вторых, действия и решения командиров по окончании службы подвергались скрупулезной ревизии, и за допущенные ошибки их сурово наказывали. Гамилькар заблаговременно позаботился о том, чтобы избежать надзора за своими действиями в Испании: он сам и набирал, и платил жалованье войскам. Гамилькар ни разу не возвращал-

ся в Карфаген для отчета, он полностью полагался на сторонников в Совете старейшин и Народном собрании. Испанские богатства позволяли не только выплачивать военные долги, но и обеспечивать поддержку армии, Народного собрания и старейшин. Он мог сколько угодно отсутствовать в Карфагене, политическое влияние ему гарантировали золото и серебро Испании⁵.

Печальным следствием утраты морского могущества стало то, что экспедиционная армия не могла отправиться в Испанию напрямую морем. Ей пришлось идти по суше вдоль побережья до самых Геркулесовых столбов и лишь там перебраться на другую сторону пролива⁶. Да и в самой Испании Гамилькар вряд ли мог рассчитывать на то, что с легкостью преодолее все препятствия. Карфаген поддерживал торговые связи со старыми финикийскими поселениями на Иберийском полуострове, а также с греками в Эмпории*. Однако меньше всего можно было ожидать дружеской встречи с иберийскими и кельтиберийскими племенами, обитавшими в глубине полуострова⁷.

Отсутствие единого политического руководства в Испании облегчало проведение военной кампании, но затрудняло дипломатию, поскольку надо было заключать отдельные договора с различными туземными федерациями и сообществами. Естественно, Гамилькар прежде всего должен был завладеть рудниками Сьерра-Морены, где добывалось золото и серебро⁸.

Сделать это было не так просто. Даже племена, прежде сотрудничавшие с финикийскими поселенцами, оказывали упорное сопротивление карфагенянам. С враждебными кельтиберами Гамилькар обходился так же люто, как с мятежными наемниками. В то же время он демонстрировал и снисхождение. Отпустив на волю захваченных туземцев, Гамилькар при-

* Это древнее греческое поселение на северо-востоке побережья Испании, ниже восточной оконечности Пиренеев, называется по-разному: Эмпории, Эмпоры, Эмпория. У Полибия — Эмпория, у автора — Ampurias.

людно пытал и распял одного из вождей. Совмещая милосердие с жестокостью, он посылал вождям племен сигнал: сотрудничество вознаграждается, а сопротивление наказуемо. Эта тактика дала результат: турдентаны покорились⁹. Гамилькар сразу же приступил к модернизации рудников. В отличие от предшественников тирян, позволявших местным вождям распоряжаться горными разработками, Баркиды завладели целым рядом копей¹⁰.

Для повышения эффективности и наращивания объемов добычи драгоценного металла Гамилькар применил здесь некоторые технические новшества, заимствованные у горняков Восточного Средиземноморья, хотя тяжелый физический труд по-прежнему возлагался на рабов. Продуманной системой туннелей и шахт было изменено течение подземных рек, по новой технологии откачивалась вода из шахт. Процесс добычи металла был чрезвычайно трудоемким. Вначале горная порода, содержащая серебро вперемешку со свинцом, измельчалась в потоках воды. Затем эта масса просеивалась, и процесс измельчения и просеивания повторялся дважды. Потом руда помещалась в печи, где серебро отделялось от камня и свинца. Готовую продукцию затем увозили, обычно по рекам, в города на побережье¹¹. Рудники приносили карфагенянам баснословную прибыль. Хотя и не существует данных, относящихся к периоду освоения Испании Баркидами, подсчитано, что во времена римской колонизации со II века до н. э. и до V века н. э. 40 000 рабов, трудившихся в испанских рудниках, ежедневно приносили 25 000 драхм прибыли¹². О колоссальных масштабах горных операций пунийцев и римлян в этот период свидетельствует хотя бы такой факт: общий вес шлаков, оставшихся главным образом после выплавки серебра и найденных возле Рио-Тинто, оценивается в 6 700 000 тонн¹³.

За четыре года, несмотря на яростное сопротивление местных племен, Гамилькар завладел побережьем Нижней Андалусии, реками Гвадалквивир и Гвадалете и успешно продвигался на восток к побережью напротив острова Ибица. Чтобы

окончательно закрепиться в регионе, он основал городище Акра-Левка («белый город» на греческом языке), располагавшийся неподалеку от современного города Аликанте¹⁴. Зона оккупации Южной Испании последовательно расширялась, и характер взаимоотношений между Баркидами и Карфагеном несколько изменился. Для военных кампаний в Испании требовалось содержание регулярной армии наемников. Один греческий историк подсчитал, что она состояла из 50 000 пехотинцев, 6000 всадников и 200 слонов¹⁵. Теперь, когда рудниками распоряжались карфагеняне, а добыча драгоценного металла значительно возросла, Баркиды могли платить наемникам собственными деньгами, новыми монетами исключительно высокого качества¹⁶.

Новое царство Геракла — Мелькарта

При чеканке первых серебряных монет Баркиды использовали весовой стандарт финикийского шекеля (на Сицилии применялся стандарт аттической драхмы)¹⁷. Однако в иконографии первых выпусков обнаруживается влияние эллинистической традиции. На аверсе изображена голова безбородого мужчины в головной повязке, синкретический портрет Геракла — Мелькарта. Этот образ в точности копирует эмблему, использовавшуюся на монетах, выпущенных Гиероном, теперь царем Сиракуз¹⁸. Эллинистическая традиция имеет продолжение на реверсе, где изображен нос военной галеры с тройным тараном и форштевнем, заканчивающимся птичьей головой, — мотив, обычно украшавший монеты македонского царя Деметрия Полиоркета в первые десятилетия III века. Возможно, здесь присутствует и определенная связь с левантийским миром, так как на монетах, чеканившихся в финикийском городе Арваде в середине IV века, тоже воспроизведены голова Мелькарта на аверсе и военный корабль на реверсе¹⁹.

Эти образы, возможно, были избраны, поскольку понравились наемникам в армии Баркидов или по той простой причи-

не, что чеканщиками были сиракузцы, пользовавшиеся имевшимися готовыми шаблонами²⁰. Однако то повышенное внимание, которое Баркиды уделяли своему имиджу, исключает возможность столь упрощенного подхода к выбору символа для денег²¹. Как мы уже видели, к этому времени синкретизм Мелькарта и Геракла стал отличительной чертой религиозного культа на Сицилии, получил распространение в Карфагене и начал играть все более важную роль во взаимоотношениях между североафриканской метрополией и другими городами пунического сообщества.

Возможно, Гамилькар учел и местные особенности при выборе символа для монет. Мелькарт был небесным покровителем Гадеса, а как главное божество Тира — подтверждал финикийское происхождение и родство города с Карфагеном. Желанием подчеркнуть эту ассоциацию, вероятно, и объясняется то, что бог изображен не в традиционном головном уборе из львиной шкуры, а согласно местной иконографии²². В то время, когда Баркиды нуждались в поддержке финикийских поселений в Испании, это был разумный выбор. Помимо всего прочего, Мелькарт через тождество с Гераклом ассоциировался с Александром Великим и карфагенской армией на Сицилии, которой командовал Гамилькар. Карфагенские военные чеканщики начали изготавливать серебряные тетрадрахмы с портретом Геракла в головном уборе из львиной шкуры в последнем десятилетии IV века, однако вряд ли они делали это из желания скопировать греческие монеты или удовлетворить вкусы наемников в сицилийской армии²³. Поскольку Геракл обычно отождествлялся с Мелькартом, чеканщики новой монеты постарались воспроизвести на аверсе образ божества в соответствии с традиционной финикийской иконографией. В Испании тандем Мелькарта и Геракла служил впечатляющим и надежным символом могущества Баркидов²⁴.

А влияние Гамилькара настолько возросло, что Карфаген мог рассчитывать и на его военную поддержку. Когда в Северной Африке вспыхнул мятеж, он отправил туда зятя Гасдру-

бала с контингентом нумидийской конницы. Баркиды продолжали наращивать свое могущество в Испании и после смерти Гамилькара в начале двадцатых годов III века. Обстоятельства в точности не известны. Существуют разные версии. По одной из них его убили в бою, по другой — он утонул, когда пытался отвлечь противника, преследовавшего его двух сыновей, по третьей — погиб во время панического замешательства, возникшего, когда в ряды карфагенян врезались горящие повозки испанцев²⁵.

Протекторат Баркидов

По традиции его преемника должен был избрать Совет старейшин. Однако со времени восстания наемников этим правилом пренебрегали. Пока в Карфагене раздумывали, армия в Испании провозгласила своим командующим Гасдрубала, зятя Гамилькара. Народное собрание одобрило выбор²⁶. Аппиан сообщает, что конфликт возник, когда после назначения командующим Гасдрубал прибыл в Карфаген и попытался изменить существующий строй и ввести монархию. Совет старейшин пресек попытку путча, Гасдрубал вернулся в Испанию оскорбленный и возмущенный и правил иберийскими доминионами, игнорируя инструкции Совета. Полибий сомневается в достоверности этой истории. Однако и все предыдущие поступки Гасдрубала, рассчитанные на то, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение, и его последующие действия подтверждают: она, похоже, правдива²⁷.

Стиль правления Гасдрубала ничем не отличался от царствования эллинских монархов, пришедших на смену Александру Великому на Востоке. Как и там, в Испании чужеземная элита, опираясь на армию наемников, помыкала значительно более многочисленным местным населением. Она создавала новые поселения, расширяла старые города, формировала рынки и транспортные артерии для того, чтобы укрепить свою

власть над завоеванными территориями. Финансовая система напоминала апартеид: высококачественные монеты чеканились для войск, а низкосортные медные деньги — для местной рыночной торговли²⁸. Подобно эллинским монархам Баркиды строили и свои отношения с вождями племен. Как и Александр, Гасдрубал, желая завоевать расположение туземного населения, взял в жены дочь местного вождя. Диодор утверждает, что иберы провозгласили Гасдрубала *strategos autokrator*, то есть удостоили его титула, аналогичного статусу тиранов и царей Сиракуз. О многом говорит и тот факт, что Гасдрубал возвел новый город на юго-восточном побережье Испании, основав его в 227 году под названием *Qart-Hadasht* (Карфаген)²⁹.

Вот как выглядело это поселение (современная Картахена) по описанию Полибия:

«Карфаген находится посередине морского берега Иберии в заливе, обращенном к юго-западу, имеющем в глубину стадий двад-

цать (3,7 километра)*, а в ширину входа около десяти стадий. Весь залив получает значение гавани, и вот по какой причине: у входа в него лежит остров, по обеим сторонам которого остаются лишь узкие проходы внутрь залива. Так как морская волна задерживается у острова, то во всем заливе господствует затишье, если только не производят волнения юго-западные ветра, врывающиеся обоими проходами внутрь залива; другие ветра не имеют сюда доступа благодаря замыкающему залив матерiku. В глубине залива выдается в виде полуострова возвышенность, на которой и расположен город. С востока и юга он омывается морем, с запада и севера к нему прилегает лагуна, так что свободная полоса земли от озера до моря, соединяющая город с материком, имеет не больше двух стадий в ширину. Что касается самого города, то внутренняя часть его представляет впадину; с южной стороны от моря к городу ведет ровная местность; с прочих сторон город окружают холмы, из коих два имеют вид крутых возвышенностей, остальные три гораздо ниже, но скалисты и недоступны. Самая значительная возвышенность господствует над городом с востока и тянется к морю; на ней находится святилище Асклепия. Противолежащий этому холм на западной стороне похож на него по виду; здесь находится великолепный царский замок, сооруженный, как говорят, Гасдрубалом в то время, когда он домогался царской власти. Три остальные меньшие возвышенности замыкают город с севера. Одна из них обращена на восток и называется холмом Гефеста; следующая за ней носит имя Алет; говорят, что этот человек открыл серебряную руду и за то был удостоен божеских почестей. Третий холм называется холмом Крона. Ради рыбаков лагуна соединена искусственно с морем, а для доставления в город припасов из окрестностей выюнными животными или на повозках жители перекинули мост в том месте, где водораздел пересекается»^{30**}.

Испанский Карфаген был удобно расположен не только для рыболовства и торговли, но и для вывоза драгоценного металла. Хотя и маловероятно, чтобы Гасдрубал замышлял

* Один римский и птоломеевский стадий — 185 метров.

** Полибий. Всеобщая история. Том I (X.10).

стать монархом в эллинском стиле со всеми атрибутами истинного царя, Баркиды приобрели престиж и обладали аурой личной власти, необходимой для того, чтобы влиять на вождей испанских племен и наемников, многие из которых прибыли из земель, где правили харизматичные автократы. Баркиды уже считали испанские территории своей вотчиной, и любое вмешательство извне, в том числе и Карфагена, для них было неприемлемо³¹. Отчуждению способствовала и диспропорция в экономическом благополучии. Испания процветала, поселения преуспевали и разрастались, появилась новая монета стоимостью три шекеля, и после 228 года, когда Баркиды полностью расплатились с Римом, в денежном обращении имелось множество серебра. В Карфагене же содержание серебра в слитке неуклонно понижалось, и главным средством денежных расчетов служили переоцененные бронзовые монеты³².

Римский сенат, получив сообщения, очевидно, от своих встревоженных союзников в Массилии и решив выяснить, чем же занимаются Баркиды в Испании, дважды отправлял посланников в 231 и 226 годах не в Карфаген, а непосредственно в Испанию: в первом случае к Гамилькару, а во втором — к Гасдрубалу³³. Гамилькар заявил, что он всего лишь изыскивает средства для выплаты Риму контрибуции³⁴. Во время второго визита, согласно Полибию, римляне лестью и увещеваниями добились от Гасдрубала подписания соглашения о том, что карфагеняне «не перейдут реку Ибер (в наше время общепризнанно считать, что речь идет о реке Хукар) с оружием в руках»³⁵.

В 221 году снова возникла проблема наследования, когда мстительный слуга, у которого прежнего хозяина убили по приказанию полководца, предал смерти самого Гасдрубала в его дворце в Новом Карфагене³⁶. Но она разрешилась очень быстро. Армия провозгласила командующим Ганнибала, 26-летнего сына Гамилькара, а Народное собрание в Карфагене утвердило назначение.

Ганнибал

Ганнибала с полным основанием можно назвать порождением своей эпохи. Он был поистине дитя армии, уехал из Северной Африки в возрасте девяти лет и все годы, когда формируется личность, провел в военных походах по Испании. Римский историк Ливий так описывал бойцовский нрав молодого полководца:

«Никогда еще душа одного и того же человека не была так равномерно приспособлена к обеим столь разнородным обязанностям — повелению и повиновению... Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; при том он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собой прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения»^{37*}.

Назначение Ганнибала подтвердило то, что властвование в Испании стало семейной прерогативой Баркидов. В своем повествовании Ливий отмечает недовольство этим обстоятельством со стороны некоторых представителей карфагенской элиты. Историк приводит диатрибу, якобы произнесенную в

* Здесь и далее выдержки из сочинения Тита Ливия даются по изданиям: Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. — М.: Наука, 1989–1993; Тит Ливий, История Рима от основания города. — М.: Ладомир, 2002.

Совете старейшин Ганноном, давним недругом Гамилькара. Эти слова скорее всего принадлежат самому Ливию, однако они, похоже, верно отражали настроения карфагенской верхушки:

«Или, быть может, мы боимся, как бы сын Гамилькара не познакомился слишком поздно с соблазном неограниченной власти, с блеском отцовского царства? Боимся, как бы мы не сделали слишком поздно рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю?»^{38*}.

Баркидские монеты этого периода свидетельствуют о том, что Ганнибал всячески рекламировал свое родство с Гамилькаром. Портрет, по всей видимости, Геракла — Мелькарта, изображенный на серии серебряных монет, дополнен деталями, ассоциирующимися с греческим Гераклом, — палицей и лавровым венком³⁹. Мы видим чисто выбритого молодого мужчину, а на обратной стороне — африканского слона. Примерно в это

* Цитата вырвана из контекста и малопонятна. Целесообразно привести ее полностью. Гасдрубал пригласил Ганнибала к себе в Испанию письмом, когда он едва достиг зрелого возраста, и об этом был поставлен вопрос даже в сенате. Баркиды домогались утвердительного его решения, желая, чтобы Ганнибал привык к военному делу и со временем унаследовал отцовское могущество; но Ганнон, глава противного стана, сказал: «Требование Гасдрубала, на мой взгляд, справедливо; однако я полагаю, что исполнять его не следует». Когда же эти странные слова возбудили всеобщее удивление и все устремили свои взоры на него, он продолжал: «Гасдрубал, который некогда сам предоставил отцу Ганнибала наслаждаться цветом его нежного возраста, считает себя вправе требовать той же услуги от его сына. Но нам несколько не подобает посылать нашу молодежь, чтобы она под видом приготовления к военному делу служила похоти военачальников. Или, быть может, мы боимся, как бы сын Гамилькара не познакомился слишком поздно с соблазном неограниченной власти, с блеском отцовского царства? Боимся, как бы мы не сделали слишком поздно рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю? Я требую, чтобы мы удержали этого юношу здесь, чтобы он, подчиняясь законам, повинуюсь должностным лицам, учился жить на равных правах с прочими; в противном случае это небольшое пламя может зажечь огромный пожар».

же время была выпущена серебряная монета в два шекеля с аналогичным изображением мужчины с палицей и лавровым венком. Хотя у этого Мелькарта и имеются сходные черты, мужчина изображен с бородой, и он намного старше. На реверсе тоже начертан африканский слон, но с погонщиком на спине. Эти монеты вроде бы продолжают прежние выпуски денег с символами Мелькарта, однако они явно рассчитаны на то, чтобы ассоциировать Баркидов с божеством⁴⁰. Военный слон всегда служил эмблемой рода Баркидов в данный период.

Эллинские цари и вожди с давних времен старались стереть в портретных изображениях различие между человеческим божком и божественным образом. Зачастую очень трудно понять, человек или бог изображен на монетных портретах Александра Великого и его преемников, претендовавших на божественную протекцию и благосклонность, и это впечатление, похоже, создавалось преднамеренно. Баркиды же придавали еще и особое значение подчеркиванию легитимности владения Ганнибала как сына Гамилькара Барки. Легитимность его владычества в Испании в дальнейшем была подтверждена женитьбой на иберийской женщине из Кастуллона, «могущественного и славного города», тесно связанного с Баркидами⁴¹.

Первые два года владычества Ганнибал занимался тем, что выкорчевывал оппозицию и расширял владения на северо-западе Испании. Вскоре он продемонстрировал и свои полководческие таланты. Ему удалось не только взять приступом несколько важных кельтиберийских бастионов, но и одержать победу в сражении с очень грозным противником*. Весной 220 года, столкнувшись с ним, он симитировал отступление, перебравшись через реку Тага** и расположившись лагерем на левом берегу. Между берегом и траншеями оставалось достаточно пространства для того, чтобы заманить противника в

* Автор не называет «грозного противника». Согласно Ливию, им было войско карпетанов, которое вместе с вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев насчитывало около ста тысяч человек — в открытом поле непобедимое.

** Современная река Тахо.

ловушку. Когда армия противника начала форсировать реку, на нее обрушилась конница Баркидов. Тех, кто смог ее преодолеть, раздавили сорок слонов Ганнибала. После этого армия Ганнибала перешла на другой берег и нанесла *coup de grâce*. Победа была столь назидательной, что теперь вряд ли кто осмелился бы бросить вызов молодому полководцу⁴².

Сагунт

Ганнибал уже владел значительной частью территории к северу от реки Ибер, за исключением города Сагунт, который несколько лет назад, протестуя против продвижения Баркидов на север, вступил в альянс с Римом. Сагунтяне предоставляли римлянам важную информацию об активности Баркидов в Испании, и взаимоотношения между ними, очевидно, были достаточно близкими для того, чтобы пригласить римских посланников и попросить их урегулировать конфликт между сторонниками Рима и приверженцами Баркидов. Неудивительно, что римляне поддерживали своих сторонников, а несколько баркидских приверженцев были казнены. Баркидам дали понять: любое нападение на Сагунт в Риме расценят как провокацию⁴³.

Тем не менее на протяжении нескольких месяцев в 220 году Ганнибал продолжал наращивать силы вокруг города. Сагунтяне забросали Рим настойчивыми мольбами об оказании помощи. Римский сенат после некоторых колебаний все-таки отправил посланников к баркидскому полководцу. Как и прежде, Совет старейшин в Карфагене был проигнорирован, и посольство выехало в Испанию.

Встреча состоялась во дворце Нового Карфагена и значительно отличалась от переговоров, проходивших шесть лет назад, когда римляне, по словам Полибия, «лестили и увещевали» Баркидов. Молодого полководца строго предупредили не делать ничего во вред римскому союзнику Сагунту, поскольку его граждане находятся под дружеским покровитель-

ством римлян, которые не могут поступиться принципами долга и верности (*fides*). Возможно, именно лицемерная ссылка на *fides* и разозлила Ганнибала. Молодой полководец напомнил, что Рим не постеснялся вмешаться во внутренние неурядицы Сагунта и даже допустил изгнание и казнь представителей элиты, настроенных дружественно по отношению к карфагенянам. Затем он устроил взбучку римлянам, сказав им, что карфагеняне, следуя древним традициям, никогда не оставляют в беде жертв несправедливости⁴⁴. Ганнибал даже не стал касаться другого римского требования — не нарушать обещания Гасдрубала не переходить реку Ибер — и распрощался с римскими посланниками, отплывшими с протестами в Карфаген⁴⁵.

Довольно надменное обращение Ганнибала с римскими послами свидетельствует о его возросшей уверенности в надежности положения Баркидов в Испании. Ресурсы, которыми он располагал, значительно превышали возможности его предшественников. Ганнибал владел почти половиной территории Иберийского полуострова, то есть земельным пространством около 230 000 квадратных километров. В наследство ему досталась превосходная армия, имевшая за плечами шестнадцать лет сражений с упорным и свирепым врагом и насчитывавшая ни много ни мало, а 60 000 пехотинцев, 8000 всадников и 200 слонов. Военное могущество дополнялось союзническими договорами с вождями кельтиберийских племен. Крупномасштабные горные разработки гарантировали возмещение военных расходов. Один римский писатель подсчитал, что только на руднике в Бебело, где шахты протянулись в глубь горы на расстояние более полутора римских миль (2,2 километра), добывалось для Ганнибала ежедневно 135 килограммов серебра. Тяжеловесность и чистота серебряных монет, чеканившихся в этот период, служат убедительным доказательством экономического процветания⁴⁶.

Возможно, с учетом этих обстоятельств Ганнибал и решил проявить строптивость и напасть на Сагунт. Город оказал

яростное сопротивление, и осада затянулась. Жители с успехом использовали *falarica* — фаларику, удлиненное метательное копье с метровым шипом, обвязанным паклей, пропитанной воспламеняющейся смолой и серой. Копья поджигались и обрушивались на головы наступавших пунийцев. Сам Ганнибал был ранен копьем в бедро, когда подошел слишком близко к городским стенам. Римляне предприняли еще одну попытку переговорить с Ганнибалом, их послы даже направились к лагерю карфагенян, но он отказался встречаться с ними, сославшись на то, что не может гарантировать им безопасность и, кроме того, слишком занят осадой⁴⁷.

Близится война

Зная, что римское посольство вновь отплывет в Карфаген, Ганнибал отправил туда же своих гонцов с письмом к лидерам партии Баркидов, инструктируя их, чтобы они воспрепятствовали оппонентам в Совете старейшин пойти на уступки римлянам⁴⁸. Действия Ганнибала наводят на мысль о том, что, несмотря на влияние баркидской фракции в Карфагене, он опасался, что на некоторых членов Совета старейшин могут подействовать аргументы римских послов⁴⁹. Один внешний вид низкокачественных монет, все еще чеканившихся в североафриканской метрополии (в сравнении с изумительными серебряными испанскими сериями), лучше всего доказывал, что экономическое чудо, свершенное Баркидами, не затронуло Карфаген⁵⁰.

С другой стороны, начала приносить дивиденды и альтернативная политика развития африканских территорий Карфагена — земледельческая стратегия Ганнона и его сторонников. Археологические исследования на материковых африканских землях Карфагена подтвердили увеличение и занятости в сельском хозяйстве, и объемов производства, а также возрастание экспорта сельскохозяйственной продукции в западную часть Сицилии⁵¹. Процветала тирренская торговля, в Карфа-

гене найдены значительные количества черной керамики из Кампании, относящейся к этому периоду и использовавшейся главным образом в качестве посуды⁵². Безусловно, самые противительные римские сенаторы не могли не заметить напряженность в отношениях между Баркидами и некоторыми членами Совета старейшин в Карфагене и пытались с выгодой для Рима воспользоваться этими разногласиями⁵³. Возможно, Ганнибал задумывался над тем, чтобы вернуть Баркидскую Испанию под власть Карфагена и тем самым обезопасить себя от угрозы стать отвергнутым ренегатом. Однако он скорее всего полагался на дипломатию, которая, как прежде отцу и зятю, могла обеспечить и ему официальное признание карфагенского государства⁵⁴.

В Карфагене римские послы нашли нужного им человека, способного серьезно отнестись к их жалобам и претензиям. Им, естественно, оказался закоренелый противник Баркидов Ганнон, выступивший в Совете старейшин с гневной обличительной речью против Ганнибала. В этом монологе, приведенном Ливием, Ганнон обвиняет Ганнибала не столько в ненависти к Риму, сколько в неумных амбициях:

«Я заранее предостерегал вас, — сказал он, — не посылать к войску отродья Гамилькара. Дух этого человека не находит покоя в могиле, и его беспокойство сообщается сыну; не прекратятся покушения против договоров с римлянами, пока будет в живых хоть один наследник крови и имени Барки. Но вы отправили к войскам юношу, пылающего страстным желанием завладеть царской властью и видящего только одно средство к тому — разжигать одну войну за другой, чтобы постоянно окружать себя оружием и легионами. Вы дали пищу пламени, вы своей рукой запалили тот пожар, в котором вам суждено погибнуть... К Карфагену придвигает Ганнибал теперь свои осадные навесы и башни, стены Карфагена разбивает таранами; развалины Сагунта — да будут лживы мои прорицания! — обрушатся на нас. Войну, начатую с Сагунтом, придется вести с Римом»⁵⁵.

Ганнон закончил свою речь патетическим призывом к тому, чтобы снять блокаду Сагунта, а Ганнибала передать римлянам. Его обращение не вызвало отклика, хранили молчание даже сторонники⁵⁶. Однако это вовсе не означало единодушного одобрения самовластия Баркидов. Даже недруги Баркидов оставались все-таки политическими реалистами. Если бы Совет старейшин прогнал Ганнибала, то это решение подлежало ратификации Народным собранием, твердо поддерживавшим Баркидов.

Вообще трудно представить, как можно было уволить и взять под стражу человека, командовавшего огромной регулярной армией и контролировавшего ресурсы региона, превышавшего размерами все африканские территории Карфагена. Безусловно, эта акция ублажила бы римлян, но испанские земли, с которыми Карфаген связывал свои надежды на лучшее будущее, были бы потеряны навсегда. Местные племена присягнули на верность Баркидам, а не Карфагену. Вряд ли они покорно согласятся признать нового властителя, назначенного Советом старейшин. Осознавая свое бессилие, фракция противников Ганнибала и Баркидов предпочла промолчать⁵⁷. Конечно, отношения Ганнибала с некоторыми представителями карфагенской элиты напоминали брак по расчету. Как верно заметил римский историк Кассий Дион: «Его посылали не домашние магистраты, и позднее он не получал от них никакой помощи. И хотя его усилия не принесли им ни славы, ни благ, они предпочли не выглядеть людьми, покинувшими его в беде, а участвовать в его предприятиях»⁵⁸.

Что касается осады Сагунта, то расчеты Ганнибала, похоже, оправдались. Хотя позже римские историки и пытались скрыть факт замешательства, римский сенат погряз в дебатах и протянул с решением до тех пор, когда принимать его уже было поздно⁵⁹. Осада длилась восьмой месяц, а Рим так и не присылал армию. Граждане Сагунта потеряли всякую надежду на помощь и совершили массовое самоубийство, запалив весь город. Ганнибал разделил военную добычу на три части. Плен-

ников отдали солдатам для продажи в рабство или получения выкупа за освобождение. Доходы от продажи награбленного имущества отсылались в Карфаген. Золото и серебро Ганнибал приберег на будущее⁶⁰.

В Риме сенат разделился на два лагеря: одни требовали объявления войны Карфагену, другие — настаивали на отправке в Карфаген нового посольства. Римляне могли сформировать грозную армию и, кроме того, господствовали на море, но сенаторы знали также и то, что, бросая вызов Ганнибалу, они подвергают свой город серьезной опасности, ведь им противостоит огромная и хорошо обученная армия во главе с энергичным и талантливым командующим. Сенаторы все же решили послать в Карфаген смешанную делегацию: из «ястребов» и «голубей». Задача перед ними ставилась простая: выяснить у карфагенских советников — действовал Ганнибал по своей воле или же напал на Сагунт, получив официальное одобрение. В первом случае Ганнибала надо выдать римлянам для возмездия. Второй случай давал повод для объявления войны. Когда римские послы предстали перед Советом старейшин, они натолкнулись на редкостное единомыслие.

Карфагенские советники избрали на роль трибуна самого даровитого оратора (его имя неизвестно). На прямолинейный вопрос римлян он дал довольно лукавый ответ. Согласно Ливию, фактическую беспомощность старейшин оратор употребил в их пользу. Договор Рима с Гасдрубалом, обязывавший карфагенского полководца не переходить через Ибер, недействителен, поскольку он подписывался без консультаций с Советом⁶¹. Что касается вероломства, то его совершили римляне, нарушив условия договора, заключенного по итогам Первой Пунической войны, аннексией Сардинии. Далее оратор напомнил: Ганнибал не нарушал договоренностей, так как Сагунт не являлся союзником Рима, когда они подписывались. В доказательство он громко зачитал соответствующий раздел соглашения. Закончил свое выступление оратор, задав

римским послам встречный вопрос: пусть они сообщат собранию карфагенских советников, каковы же истинные намерения Рима?

Однако римские послы вовсе не собирались вступать в полемику. Поднялся Фабий, их главный представитель, сдвигая двумя пальцами складку тоги, подавая карфагенянам знак, что им надо принимать окончательное решение, и сказал: «Мы предлагаем вам войну или мир. Выбирайте». Карфагеняне ответили: выбор должны сделать римляне. Фабий, расправив складку тоги, заявил, что тогда будет война, и положил начало самому знаменитому военному противостоянию в истории Древнего мира⁶².

Лишь немногие историки согласны с тезисом Полибия о том, что воинственность Ганнибала проистекала из желания реализовать намерения отца использовать ресурсы Испании для возобновления войны с Римом⁶³. Тем не менее Баркиды действительно могли способствовать обострению отношений между Римом и Карфагеном. Совет старейшин вряд ли располагал достаточными политическими и военными возможностями для того, чтобы отвлечь Ганнибала от конфронтации с Римом. В любом случае интервенция Баркидов в Испании была вызвана экономической нуждой, необходимостью оплатить контрибуцию и возместить потери, понесенные после утраты Сицилии и Сардинии. Экономическая стабильность важна для безопасности не меньше процветания, хотя и оппозиция Риму могла послужить одним из мотивов конфронтации.

Как бы то ни было, испанские владения позволяли Баркидам не только крепить оборону, но и готовиться к нападению на римлян, чтобы восстановить военный престиж карфагенян, о чем они не забывали со времен Гамилькара и поражения в Первой Пунической войне. Потенциальная конфронтация с Римом всегда занимала центральное место в политическом менталитете Баркидов, и это подтверждается как организацией управления испанскими землями, которая нацеливалась на

завоевания, так и характером военной подготовки и военных трофеев. Похоже, возрождение прежней карфагенской империи в Центральном Средиземноморье стало важнейшей стратегической целью после объявления войны⁶⁴.

Римляне, со своей стороны, подружили на корню надежды на сохранение статус-кво, аннексировав Сардинию, и их агрессивная, экспансионистская политика произвела соответствующее впечатление на карфагенян. Представляется сомнительным, чтобы они искренне беспокоились за судьбу жителей Сагунта, если так долго не могли принять решение об оказании им помощи. Возобновление интереса римлян к Южной Испании в 220 году вызывалось, вероятно, не столько желанием защитить союзников, сколько озабоченностью возросшим влиянием в регионе Баркидов⁶⁵. Захват Сагунта предоставил «ястребам» в римском сенате возможность настоять на развязывании войны, в победоносном завершении которой они были абсолютно уверены. Даже сенаторы-оппозиционеры были больше озабочены не тем, как предотвратить войну, а тем, чтобы Риму не приклеили ярлык агрессора⁶⁶. Последнее римское посольство, приезжавшее в Карфаген, преднамеренно выдвинуло такие условия, которые заведомо были неприемлемы для Совета старейшин⁶⁷. Война между двумя державами стала неизбежна⁶⁸.

Глава 10

НАКАЗ ЮПИТЕРА

Армия Ганнибала

События, последовавшие после драматической сцены объявления войны, уже были более прозаическими. Римляне еще не могли пойти в наступление, поскольку войска не были готовы. У Ганнибала, правда, уже созрели планы военной кампании, и его стратегия непременно удивила бы противника. Всю зиму его армия провела в Новом Карфагене, а иберийские контингенты он отправил отдыхать. Значительные силы — 13 850 пехотинцев, 1200 всадников и 870 балеарских пращников — Ганнибал перебросил в Северную Африку для «защиты» Карфагена, а возможно, и для того, чтобы задобрить Совет старейшин. Взамен он получил столько же африканских войск для своей армии в Испании. Оборонять Испанию Ганнибал доверил брату Гасдрубалу, обеспечив его пешими воинами, пращниками и придав ему двадцать одного боевого слона. Они предназначались не только для того, чтобы защитить полуостров от возможного нападения римлян, но и для поддержания лояльности испанских племен, которые могли воспользоваться его длительным отсутствием¹.

Сухопутный маршрут передвижения в Италию гарантировал Ганнибалу преимущество непредсказуемости действий. Естественно, римские военачальники должны были предви-

деть, что он может напасть первым, но им и в голову не могло прийти, что Ганнибал поведет армию в Италию через Альпы. Консулами в 218 году были Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг. План военных действий римлян был чрезвычайно прост. Сципион, имея 22 000 пехотинцев и 2200 всадников, должен отправиться в Испанию и там навязать войну Ганнибалу. Лонгу с армией численностью 27 000 человек и флотилией из 160 квинквирем и 20 более легких судов предстояло вторгнуться в Африку. В римском сенате наверняка рассчитывали на то, что их коллеги в Карфагене, как это случалось в прошлом, при первых признаках реальной угрозы поспешат договариваться о мире. Однако в данном случае нервы у карфагенян оказались железными, а Ганнибал вовсе не собирался сражаться с римлянами в Испании.

Историки давно пытаются разгадать истинные мотивы, заставившие Ганнибала идти в Италию по суше. Путь дальний и тяжелый, опасности могут встретиться на каждом шагу. Надо было преодолеть два самых высоких хребта Европы — Пиренеи и Альпы, пройти по землям, занятым враждебными племенами, которые вряд ли проявят гостеприимство. Уже одних этих трудностей более чем достаточно для того, чтобы поколебать решимость даже самой натренированной профессиональной армии. Однако как только Ганнибал набрал 12 000 испанских рекрутов, упиравшихся и не желавших служить, и достаточное войско слонов, экспедиция на пределе человеческих возможностей стартовала.

Хотя сухопутное странствие и давало Ганнибалу определенные преимущества, это было чрезвычайно рискованное предприятие, вынужденное в силу отсутствия иных альтернатив и напоминавшее пиратский рейд. Карфаген, возможно, и правил морями более трехсот лет, но после сокрушительного поражения в Первой Пунической войне Западное Средиземноморье превратилось в вотчину римлян. На самом Ганнибале отразились произошедшие перемены: он прославился как сухопутный полководец. В начале Второй Пунической

войны флот пунийцев в Испании состоял из тридцати семи квинквирем и трирем. Сципион и Лонг имели в три раза больше кораблей. Кроме того, римляне контролировали многие базы и большую часть побережья, вдоль которого должны были идти любые суда, направлявшиеся из Испании в Италию². Для Ганнибала перебрасывать армию в Италию морем, а не сушей было бы гораздо рискованнее. Ему ничего не оставалось, как вести войска через Испанию и Галлию, по Пиренеям и Альпам.

А какой же армией он располагал? Полибий, описывая войска Ганнибала, презрительно заметил: «Карфагеняне, отстаивая свою свободу, полагались на мужество наемников, а римляне — на свою доблесть и помощь союзников... Италики обычно превосходили финикийцев и африканцев физической силой и личной отвагой»³. В действительности, конечно, армия Ганнибала вовсе не была сбродом неполноценных людей, и сам Полибий признает высочайший профессионализм командования. Старшими военачальниками были представители карфагенской элиты, а также нумидийские и ливийские командиры. При Ганнибале образовался узкий круг главных советников в основном из клана Баркидов, включая его двух братьев Магона и Гасдрубала и племянника Ганнона⁴. Полибий упоминает еще двух помощников, не членов семьи, но тоже пользовавшихся полным доверием полководца: Ганнибала Мономаха и Магона Самнита. Хотя именно Ганнибал прославился как выдающийся полководец, военные успехи ему обеспечивали талантливые соратники, которые сами были блистательными военачальниками⁵.

Набранная в основном из рекрутов и наемников армия Ганнибала мало чем отличалась от обычных военных формирований эллинистического мира. Ядро экспедиционных сил составляли многоопытные войска, сражавшиеся вместе с ним в Испании не один год. Тяжеловооруженная пехота состояла главным образом из ливийцев, выходцев из районов Северной Африки, подвластных Карфагену. Они обладали исключитель-

ной выносливостью и ловкостью и шли в бой, подобно римским легионерам, вооруженные обычно большими овальными или продолговатыми щитами, режущими и колющими мечами и метательными копьями. В пехоте служило и немало уроженцев Испании. Племена Иберийского полуострова предоставили Ганнибалу по меньшей мере 8000 пехотинцев и 2000 всадников. Значительную часть контингента составляли иберийские рекруты из южных районов Испании, покоренных Баркидами за последние двадцать лет. Хотя многие иберийские племена и присягнули на верность Ганнибалу и его предшественнику Гасдрубалу, их преданность была сомнительной. В 218 году вербовщиков Ганнибала, набиравших рекрутов для войны с Римом, захватили и чуть не поколотили оретаны и карпетаны, обозленные чрезмерными требованиями баркидского военачальника⁶.

Иберийские пехотинцы не имели доспехов поверх национальных белых льняных туник с пурпурной каймой, лишь кожаные шапочки защищали их от ударов. Они были вооружены большими овальными щитами, метательными копьями и мечами. Обычно они пускали в ход убийственную фалькату — изогнутый и заточенный с обеих сторон до самого острия меч, позволявший одновременно рассекать и пронзать противника. Кроме иберийцев, в армии Ганнибала оказалось небольшое число их более диких собратьев — кельтиберов в черных плащах и твердокаменных лузитанов, однако им надо было платить, так как они еще не были покорены Баркидами. Конечно, армия Ганнибала не могла обойтись без особого отряда наемников — искусных пращников с Балеарских островов, их насчитывалось не менее тысячи. Всадниками были в основном нумидийцы из двух царств, соседей Карфагена, связанных с ним договорами об альянсе. Нумидийцы славились как превосходные наездники, скакавшие на своих крохотных пони без седел, удила и уздечек. Их конница была лучшей в армии Ганнибала, и от ее действий не раз зависел исход сражений⁷.

Те испанцы и африканцы, которые многие годы сражались под знаменами Баркидов, были беспредельно преданы Ганнибалу и составляли костяк его экспедиционной армии. На них он прежде всего полагался в решающие моменты битв.

В древности армиям требовались вспомогательные войска, создававшие массовость и служившие тем, что мы сегодня называем «пушечным мясом». Для карфагенян этим «пушечным мясом» были кельты, по чьим землям Ганнибал вел армию в Италию. Кельты, воевавшие у Ганнибала, прибыли из племен, обитавших в долине реки По в Цизальпинской Галлии (Северная Италия), и им довелось участвовать в целом ряде важнейших сражений. В битве при Каннах, например, вместе с карфагенянами сражались 16 000 кельтов, а еще 8000 кельтов находились в резерве. По большей части это были наемники, набранные по дипломатическим договорам с их вождями, которые вместе с другими представителями племенной знати формировали конницы. Основная же масса смиренных туземцев сражалась в рядах пехоты, обычно на передовой линии, с длинными мечами, заточенными с обеих сторон и предназначенными для рубки. Эти отряды невольников не были организованными воинскими контингентами, они формировались вокруг харизматичных лидеров, выделявшихся отвагой и бойцовскими качествами. Когда видишь убогое вооружение кельтских воинов, становится понятно, почему они несли самые тяжелые потери. Тела пехотинцев прикрывали только штаны, а в руках они держали длинный дубовый щит, который, как свидетельствуют некоторые источники, был настолько узок, что не защищал от копий, дротиков и ударов мечом⁸.

Хотя Ганнибал прославился искусным применением в бою слонов, впервые этих могучих животных использовал в средиземноморских войнах Александр Македонский, на которого они произвели огромное впечатление во время кампаний в Индии. Его преемникам тоже полюбили эти гиганты, и численность боевых слонов неуклонно возрастала. Селевк I Сирийский мобилизовал 480 слонов — подарок нового союзника

индийского царя Чандрагупты — для битвы при Ипсе в 301 году. Благодаря наводившей благоговейный ужас трехтонной массе этот «танк» древности стал непременным атрибутом эллинских армий. Его ратные способности иллюстрирует терракотовая статуэтка боевого слона с погонщиком и хаудахом* на спине, найденная в Малой Азии и изготовленная, вероятно, в ознаменование победы селевкидского царя Антиоха над галатскими кельтами в 275 году: разъяренное животное душит незадачливого варвара хоботом, пронзает бивнями и топчет ногами. Однако имеются свидетельства, указывающие и на сомнительную эффективность четвероногих «орудий убийства». Римляне, например, никогда не использовали слонов в битвах. Особенно ненадежными в бою были африканские слоны: очень часто они, раненные и запаниковавшие, разворачивались в обратную сторону и нападали на своих же воинов. Для обуздания животных погонщики обычно пользовались металлическими шипами, которые они колотушками вбивали в слоновий загривок⁹.

Карфагеняне впервые столкнулись с боевыми слонами, когда сражались с Пирром на Сицилии. Впоследствии они сами успешно применяли их сначала в Первой Пунической войне, а потом и в военных кампаниях в Северной Африке и в Испании. Для Баркидов, похоже, слоны стали символом их владычества на Иберийском полуострове: их изображение присутствует на многих монетах, чеканившихся при Гасдрубале и Ганнибале. Образ боевого слона сближал воинственный дух клана Баркидов с эллинистической традицией, эмблемой которой с давних времен был этот четвероногий великан. Правда, у Баркидов были другие слоны, не азиатские или африканские саванные исполины, а менее крупные, ныне вымершие, лесные особи, обитавшие у подножия марокканских гор Атлас и в долине горного хребта Риф. Относительно небольшой размер этих животных (до 2,5 метра, тогда как азиатские и

* Сиденье-паланкин.

саванные слоны часто были высотой в плечах более 3 метров) предполагал их несколько иное применение. И сейчас ведутся академические дискуссии по поводу того, как именно Ганнибал использовал слонов в своих военных кампаниях, помимо устрашения противника. Последние исследования подтвердили: вопреки бытовавшим представлениям лесные слоны Ганнибала могли нести на спине хаудахи с лучниками, подобно своим индийским собратьям¹⁰.

Одно из самых главных полководческих качеств Ганнибала заключалось в его способности превратить то, что поначалу выглядело пороком — отсутствие гомогенности в армии, — в преимущество. Он не пытался унифицировать действия войск, а использовал их разнородность для того, чтобы разнообразить тактику проведения операций¹¹. Тактическая гибкость стала отличительной чертой армий Ганнибала. Карфагенский полководец игнорировал общепринятые доктрины и ошеломлял противника новшествами. Хотя карфагенская армия со времен Первой Пунической войны применяла фаланги — плотное прямоугольное построение пехоты шеренгами, излюбленный боевой порядок в эллинистическом мире, — Ганнибал ввел важные усовершенствования. Многие годы требовались для того, чтобы научиться ловко владеть длинными копьями и пиками, и он заменил их на мечи, с которыми быстро осваивался любой воин. Фаланги тяжеловооруженной пехоты, безусловно, устрашали противника на поле боя, но они были громоздкими и неповоротливыми. Ганнибал применял иные модели развертывания войск, например, по схеме полого центра, помещая самые сильные формирования на флангах и создавая таким образом возможности для окружения противника¹². Пожалуй, Вторая Пуническая война впервые продемонстрировала, что тактическая изобретательность полководцев может перевешивать другие общеизвестные показатели военного превосходства, такие как численность войск и вооружения¹³.

Пропаганда

Сравнивая армии карфагенян и римлян, Полибий с удовлетворением отмечал: «Карфагеняне пренебрегали пехотой, хотя определенное внимание уделяли коннице. Дело в том, что их войска были чужеземные и наемные, в то время как римские легионы состояли из соотечественников и граждан»¹⁴. Мы уже обращали внимание на то, как предвзято разделял Полибий римских и карфагенских воинов (первые — стойкие граждане-воители, вторые — слабодушные наемники) и с каким предубеждением он вообще относился к карфагенской армии. Возможно, эта оценка и совпадала с настроениями его времени, а описание состава римской армии соответствовало действительности эпохи, в которую он жил. Однако ситуация в 218 году была иная¹⁵. Ядро армии действительно состояло из римских граждан, но почти половину численности каждого легиона составляли союзнические войска, и в целом ряде сражений преобладала численность союзнических воинов¹⁶. Этими союзниками были обычно латины и италики. Первые имели давние и тесные связи с Римом, поскольку многие из них были потомками поселенцев, отрехшихся от своего гражданства ради лучшего будущего. Латинские государства многое сближало с Римом, в том числе язык, религия, политические институты, и их народы пользовались определенными правами по римским законам¹⁷. Италиков же лишь недавно принудили стать «союзниками» Рима, и их союзничество не было вполне надежным.

Для римлян особенно ценной была поддержка кельтских племен в Цизальпинской Галлии, по чьим землям должна была пройти карфагенская армия¹⁸. Риму эти народы не подчинялись. Полибий сообщает о том, с какими издевательскими насмешками встретили галлы римских послов, приехавших к ним с целью привлечь их на свою сторону после объявления войны Карфагену*. Одну из причин отказа галлов прийти на

* В примечаниях автор дает ссылку и цитирует не Полибия, а Ливия.

помощь римлянам назвали послам туземные вожди: «Мы слышали, что римский народ наших единоплеменников изгоняет из их отечественной земли и из пределов Италии или же заставляет их платить дань и терпеть другие оскорбления»¹⁹.

Другим потенциальным союзником была Македония, соседствовавшая с римлянами на востоке. Ее царем был Филипп V, еще очень молодой человек, взойшедший на трон в 221 году. Он быстро доказал, что обладает всеми качествами, необходимыми для управления буйным и строптивым народом. Способный политик и военный стратег, Филипп втянулся в войну с этолийцами в Центральной Греции. Серия побед принесла ему известность в Греции и лестное прозвище «любимчик эллинов». Однако Филипп хотел обеспечить себя постоянным и надежным выходом в Адриатическое море. Эти его устремления заинтересовали и Рим, и Ганнибала. В то же самое время, когда Ганнибал осадил Сагунт, римляне предприняли первую попытку вторгнуться в земли, традиционно находившиеся в сфере влияния Македонии. Римляне и прежде пытались утвердиться в Иллирии (современные Словения и Хорватия), поддерживая там местного вождя Деметрия Фалерского*. В 219 году римляне рассорились со своим союзником, когда он стал пиратствовать у берегов Далмации и угрожать римскому судоходству. Рим послал флотилию в Иллирию, и Деметрий бежал к своему другому покровителю — Филиппу Македонскому²⁰.

Таким образом, когда Ганнибал готовился отправиться в великий поход, надежных союзников у Рима было совсем немного. Но карфагенский полководец тоже нуждался в поддержке пунического мира, который значительно сократился. Пунические общины в Сицилии и Сардинии надо было как-то

* У автора — Demetrius of Phalerum. Под этим именем известен древнегреческий афинский философ-парипатетик Деметрий Фалерский (Phalerum, Phalereus). Деметрия в Иллирии называют либо фарским тираном, либо Деметрием Фаросским. У Полибия — Деметрий из Фара (современный остров Лесина у побережья Далмации). У Птолемея — Pharia, у Страбона — Pharos.

подвигнуть на то, чтобы они восстали против новых, римских властителей, несмотря на неизбежные печальные последствия возможного поражения. Успешность военной кампании в немалой мере зависела и от благосклонности Совета старейшин. Из Карфагена Ганнибал рассчитывал получать не только деньги и войска, но и официальное одобрение своих действий. Он хотел выступать в роли полномочного представителя карфагенского государства, а не обыкновенного авантюриста. О том, что Совет старейшин не остался в стороне, свидетельствует хотя бы такой факт: в армии Ганнибала присутствовали его агенты. Эти советники — *synedroi* на греческом языке — сопровождали войска Ганнибала в Испании и Италии, и они вместе с Ганнибалом подписывали в 215 году договор с Филиппом²¹.

Одной воинской доблести и тактической смекалки было недостаточно для того, чтобы обеспечить успех военной кампании и привлечь сторонников. Термин «пропаганда», понимаемый как деятельность по формированию и распространению желаемых воззрений и суждений, обычно не применяется в контексте Древнего мира: для такого рода активности просто-напросто не имелось средств коммуникации²². И все же в ретроспективе можно говорить о том, что в годы Второй Пунической войны велась целенаправленная обработка общественного мнения²³. О личности Ганнибала распространялись благосклонные истории, сочинявшиеся людьми, разделявшими его устремления или по крайней мере видевшими в нем серьезного оппонента возраставшему могуществу Рима. Хотя тогда и не было «министерства информации», надзиравшего за литературными и художественными творениями, описаниям Ганнибала и его войны с Римом, исполненным сторонниками полководца, присуще единообразие.

Этот компонент военного противоборства впервые ввел в употребление Александр Великий, которого в походах сопровождали специальные советники, сочинители и интеллектуалы. Хотя часть повествований о военных кампаниях Александра написана после его смерти, известны сочинения, распро-

странявшиеся и во время военных действий. Они прежде всего прославляли божественное благоволение к нему героических предков Геракла и Ахиллеса, чтобы воодушевлять друзей, завлекать потенциальных союзников и деморализовать врага²⁴.

Для Ганнибала особенно важно было заручиться поддержкой греческих городов Великой Греции. После длительного и изнурительного перехода в Италию и неизбежных битв с римлянами ему потребовались бы надежные базы на полуострове, пополнение войск и припасов. Не случайно поэтому среди узкой группы доверенных лиц оказались Сосил из Спарты, его бывший учитель, и сицилийский грек Силен из Калеакта, «жившие с ним столько времени, сколько позволила судьба»²⁵. Полибий, обычно пренебрежительно относившийся к летописцам Ганнибала, похоже, все-таки уважал Силена, чей труд, видимо, использовал в описании кампаний полководца в Испании²⁶. Надо сказать, не только он, но и другие римские авторы прибегали к трудам Силена. Даже знаменитый римский писатель и политик Марк Туллий Цицерон полагался на Силена как на «абсолютно надежный источник информации о жизни и свершениях Ганнибала»²⁷.

Сотрудничество этих двух греков с Ганнибалом представляется вполне естественным: между карфагенянами и греками сложились давние и близкие отношения, особенно в Сицилии. С конца IV века в армиях Карфагена постоянно сражался значительный контингент греческих наемников²⁸. Карфагенская элита воспитывалась на греческой литературе, а Ганнибал владел греческим языком до такой степени, что писал на нем книги²⁹. Поздние историки отмечали знание Ганнибалом греческого языка как одно из его несомненных достоинств. Согласно Кассию Диону, «ему все легко давалось... потому что благодаря природным способностям он обладал глубокими пуническими познаниями, присущими его стране, и, кроме того, в равной мере был сведущ в греческих реалиях, литературе и искусстве»³⁰.

Из сочинений Сосила практически ничего не сохранилось, помимо описания поражения, нанесенного карфагенскому флоту в каком-то морском сражении массилиянами и их римскими союзниками³¹. Но даже в этом небольшом фрагменте обнаруживаются антиримские настроения автора, поскольку, по его версии, победу одержали массилияне. Возможно, приписывая успех тактической гениальности массилийских моряков, Сосил хотел оградить карфагенян от критики³². Отсюда и уничижительная оценка Полибия, назвавшего изложение Сосила «болтовней брадобрея или простолюдина». По-видимому, именно Сосил и Херей вызвали негодование Полибия, написав о том, что римский сенат после падения Сагунта долго совещался, не мог определиться с дальнейшими действиями и даже позволил отцам приходить на совещания с юными сыновьями, которым, правда, запрещалось рассказывать кому-либо о своих впечатлениях³³. В этом эпизоде, поведанном Полибием, Ганнибал явно представлен Сосилом в выгодном свете, так как он привел римских сенаторов в замешательство и некоторые из них сомневаются по поводу правоты позиции Рима в отношении Сагунта.

Нам больше известно о Силене. Он был представителем древней греко-сицилийской литературной традиции, уходящей своими корнями к сиракузским историкам IV века. Помимо сочинения о Ганнибале, Силен написал четырехтомное исследование о своем родном острове, перемежая топографические и энциклопедические познания³⁴. В повествовании о великом походе Ганнибала в Италию и сражениях Силен, похоже, прибег к такому же стилю: краткие описания местностей перемежались с рассказами о событиях. Подобно Тимею, он уделяет значительное внимание героической фигуре Геракла, что, очевидно, отражало желание автора ассоциировать Ганнибала с богом-героем. В данном случае напрашивается прямая аналогия с молосским царем Пирром: по своему характеру походы Ганнибала аналогичны итальянским и сицилийским кампаниям владыки Эпира. Пирр, как и Ганнибал, тоже написал не-

сколько сочинений, и его тоже сопровождали люди, фиксировавшие деяния³⁵. Подобно Александру Великому и Ганнибалу, Пирр, искусно используя мифы, речи, церемонии и иконографию, успешно играл роль спасителя западных эллинов от римлян³⁶. В этом идеологическом сценарии центральное место занимал образ Ахиллеса, поскольку он позволял представить конфликт как продолжение Троянской войны. В Сицилии же Пирр отождествлял себя с Гераклом для того, чтобы мобилизовать сицилийских греков на борьбу против карфагенян³⁷. Таким образом, идеологическое использование образа Геракла имеет давнюю историю, но применительно к проблемам Карфагена оно, возможно, даже играло более существенную роль. Ганнибал мог воспользоваться и атрибутами Геракла-спасителя, содержащимися в греческой традиции, и его синкретическими ассоциациями с Мелькартом в соответствии с альтернативной центрально-средиземноморской традицией.

Новый Геракл

Силен изобразил Геракла — Мелькарта как спутника и гида Ганнибала и его армии в долгом странствии, которое в свое время предпринял бог-герой со стадом Гериона³⁸. На сходство между описанием Силена и сочинением Тимея не мог не обратить внимания Полибий, отругавший первого за предположение, что некий бог или герой помогал Ганнибалу, а второго — за включение в повествование сновидений и суеверной чепухи³⁹. Однако в действительности позиции Силена и Тимея не совпадают. Геракл у Силена, как и на монетах Ганнибала, не греческий колонизатор, а представитель в равной мере древней сицилийской традиции, синкретический образ Геракла — Мелькарта. Ассоциирование Ганнибала с божеством предназначалось для того, чтобы представить карфагенского полководца как спасителя древнего Запада, воплощавшего долгую историю культурного сосуществования и взаимодействия греков, пунийцев и местного населения. Над этим при-

вычным вековым человеческим общежитием теперь нависла серьезная угроза, которую создавал чужак — Рим. Силен перевернул старый тезис Тимея, использовавшего странствия Геракла по Западу для формирования греко-римского культурного и этнического альянса против Карфагена. Он представил Ганнибала поборником единства центрально-средиземноморского мира, существовавшего до Рима и об исчезновении которого можно лишь сожалеть.

В среде западногреческой интеллигенции не все разделяли тезис Тимея. Одним из диссидентов был сицилийский грек — Филин из Акраганта, написавший историю Первой Пунической войны и симпатизировавший карфагенянам. К Филину относились с уважением, к его сочинению обращались поздние историки, в том числе и Полибий⁴⁰. Он считал, и его аргумент впоследствии повторяли другие греческие историки, что стяжательство и алчность подвигнули римлян на оказание помощи мамертинам, послужившее причиной возникновения войны с Карфагеном, а не благородное стремление защитить слабого. На самом деле это мнение могли выразить многие сицилийские греки, скептически относившиеся к намерениям и римлян, и карфагенян. Диодор сообщает: Гиерон, царь Сиракуз, говорил, что своей помощью мамертинам римляне продемонстрировали всему человечеству, как можно «жалостью к тем, кто подвергается опасности, маскировать собственные устремления к выгоде»⁴¹.

Особое внимание Филин уделяет грекам, сражавшимся на стороне карфагенян в Первой Пунической войне, и тем самым он как бы отвергает этническое разделение, которое проповедовал Тимей⁴². Многие западные греки могли испытывать ностальгию по тем временам, когда они состязались с карфагенянами за господство в Центральном Средиземноморье. Теперь уже более полувека Великая Греция находилась под властью римлян. Минули десятилетия после первого конфликта между Карфагеном и Римом, и теперь уже для всех было ясно, что греческая Сицилия не возродится. Сира-

кузы Гиерона процветали и набирали силу, но, оставаясь номинально независимым царством, они превратились в послушного сателлита Рима. После многих лет относительно мягкого римского правления, когда сицилийские города на западе острова были предоставлены самим себе, в 227 году Рим усилил свое господство, назначив двух новых преторов, наделенных особыми полномочиями в отношении Сицилии и Сардинии⁴³.

Язвительная критика Полибием аннексии римлянами Сардинии (как мы уже видели, он назвал этот акт «противоречащим всем нормам справедливости» и не имевшим «никаких разумных причин или поводов») свидетельствует о том, что ее не одобряли те греки, которые усматривали в ней далеко идущие замыслы римлян завладеть всем Центральным Средиземноморьем⁴⁴. Даже в Сиракузах (союзнике римлян) предпринятая Гиеронимом, преемником Гиерона, перестройка отношений с Карфагеном указывала на то, что сицилийские греки утрачивали доверие к римлянам⁴⁵. Изображая Геракла — Мелькарта в роли божественного спутника Ганнибала, Силен давал понять западным грекам: карфагенский полководец предоставляет им последнюю возможность вернуть утраченные свободы⁴⁶.

Сицилийское влияние на пропаганду Ганнибала прослеживается и в ее ярко выраженном эвгемеристическом характере. Именно на этом острове в конце IV века зародилась философия эвгемеризма* — идеи о том, будто боги — это обожествленные реальные люди, а мифология отражает происходившие в глубокой древности реальные события. Ведущую роль в концепции играл Геракл, так как он мог служить и наглядным примером превращения человека в бога, и синкретическим образом Геракла — Мелькарта, помогавшим единению различных народов, обитавших на острове⁴⁷. Идея проницаемости грани между земным и небесным мирами была привлекательна и для пунийцев, и для греков, особенно в контексте

* Основоположник — философ Эвгемер.

поклонения Мелькарту. Эвгемеризм получил широкое распространение в эллинистическом сообществе. Александр Великий и его преемники с энтузиазмом стирали грань между земными и небесными ориентирами, утверждая божественное благословение своего властвования.

Теперь о связи между походом Ганнибала в Италию и тем, что мы назвали бы эвгемеристическим описанием странствия Геракла со стадом Гериона. Явно в духе эвгемеризма представлены десятый подвиг героя и его возвращение в Грецию в двух поздних греческих текстах — оба они (или по крайней мере один из них) проистекают из более ранних греко-сицилийских источников⁴⁸. Наиболее полный вариант одного из текстов мы находим в произведении греческого ритора Дионисия Галикарнасского, писавшего свой труд в последние десятилетия I века. Геракл преобразован им из греческого героя-супермена в «величайшего полководца эпохи»⁴⁹. Дионисий предполагает, что главной целью Геракла было покорение полуострова, однако, судя по тексту, он стремился прежде всего освободить его обитателей от тирании⁵⁰:

«...Предводительствуя большими силами, пройдя всю землю вплоть до Океана, уничтожая всякую тиранию, тягостную и горестную для подданных, или город, оскорбляющий и позорящий близлежащие города, или преобладание людей дикого образа жизни, применявших нечестивые убийства чужестранцев, Геракл учредил законные царства, мудрое управление и для всех приемлемые и человеколюбивые обычаи. Сверх того, он перемешал эллинов и варваров, живших в глубине страны, с прибрежным населением, отношения которых до той поры были недоверчивы и которые были отчуждены друг от друга. Он основал в пустынных землях города и повернул реки для орошения равнин, прорубил тропы в неприступных горах, а также изобрел еще и другое, так что вся земля и все море стали открытыми для всеобщей пользы. Геракл прибыл в Италию не в одиночку и не вслед за стадом коров (ибо местность не лежала на пути переправлявшихся в Аргос из

Иберии и не считалась достойной чести проходу через нее), но для подчинения и властвования над людьми, ведя за собой большое войско и уже прибрав к рукам Иберию»*.

Дионисий затем описывает, как Геракл усмирил варваров-лигуров, пытавшихся заблокировать альпийские перевалы и преградить ему путь в Италию⁵¹.

В Италии Геракл сразился с Каком, которого Дионисий изображает «вождем вполне варварским, предводительствовавшим совершенно дикими людьми... и в силу этого представлявшим немалую трудность для соседей»: «Когда же Как узнал, что Геракл расположился лагерем в соседней долине, он, поразбойничьи изготовившись, совершил внезапный набег, пока войско спало, окружил и угнал все, что сумел захватить из неохраняемой добычи». Потом армия Геракла осадила Кака, его крепости и сам он были уничтожены, а его земли перешли во владение к грекам и аборигенам, правителями которых были соответственно Эвандр и Фавн⁵².

В числе причин успеха итальянской экспедиции Геракла Дионисий называет и такое обстоятельство:

«Ведь он привлек изгнанников из покоренных тогда городов к участию в походе, а после того как воодушевил их на совместное военное предприятие, начал расселять их по завоеванным краям и даровал богатства, отнятые у других. Именно благодаря этому деянию возвеличилось имя и воссияла слава Геракла в Италии, а вовсе не из-за того, что он-де проследовал через страну, в чем не содержалось ничего достойного преклонения»⁵³.

Сразу же обращают на себя внимание очевидные созвучия с итальянской экспедицией Ганнибала. Во-первых, Геракл подчеркнуто изображается в роли защитника и даже спасителя народов, угнетаемых и терроризируемых тираном-соседом, —

* Дионисий Галикарнасский. Римские древности. — М.: Рубежи XXI, 2005.

прямая аналогия с покорением римлянами Великой Греции и остальной Италии. Во-вторых, мы читаем о том, что он «соединяет», то есть объединяет греков и варваров, и этот мотив тоже совпадает с одним из главных устремлений Ганнибала — объединить греков и карфагенян. В-третьих, Геракл преодолевает и широкие реки, и почти неприступные горы так же, как это делает Ганнибал в итальянском походе. И наконец, сражение с Каком, освобождение пленников и расселение их на завоеванных землях. Великодушное обращение Геракла с пленниками и изгнанниками напоминает нам о методах, к которым прибегал Ганнибал, стремясь отвлечь от Рима итальянских союзников (Рим олицетворяет разбойник Как).

Сходства между эвгемеристическим повествованием Дионисия о Геракле и итальянской экспедицией Ганнибала не могли не заметить современники. К сожалению, источники истории, рассказанной им, не известны. Описание Диодора предполагает ее сицилийское происхождение и возможную связь со Второй Пунической войной, когда (как мы уже видели) аналогичные ассоциации между Гераклом и Ганнибалом возникали у сицилийских авторов и карфагенских чеканщиков монет. Однако эти ассоциации должны были воздействовать на умы не только греков. Они предназначались и для других общин Апеннинского полуострова, почитавших мифологического героя. Культ Геркулеса, итальянского Геракла, был особенно популярен в центральных Апеннинах и в Самнии, а самниты всегда враждовали с Римом и могли быть полезными союзниками⁵⁴. Если Ганнибал намеревался воевать с римлянами на территории Италии, то эти общины могли предоставить ему необходимые базы, материальные ресурсы, подкрепления и оказывать другую тыловую поддержку.

Ассоциация Ганнибала с Гераклом — Мелькартом служила удобным аргументом в средиземноморской дипломатии, но еще больше пользы от нее было в повседневной необходимости поддерживать моральную сплоченность в воинстве. Образ Геракла — Мелькарта уже давно стал эмблемой армии Баркидов,

Ганнибал продолжил традицию единения божества с войсками, выпуская в значительных количествах монеты с изображением его головы⁵⁵. Предстояли кровопролитные битвы, а это означало, что будут потери и потребуются пополнения, которые надо приобщать к традициям армии. Двуетельная иконография Геракла — Мелькарта способствовала и сплочению разношерстного воинства Ганнибала, и адаптации новых рекрутов.

Гераклов образ Ганнибала, создававшийся его идеологами, помимо межэтнического единения, исполнял еще одну важную функцию — наделял полководца божественным благоволением. Древнегреческий военный стратег Онасандр, написавший свой трактат о ратном искусстве через триста лет после походов Ганнибала, сделал такой вывод: «Солдаты проявляют больше отваги, когда верят в то, что подвергают себя опасностям по воле богов; они бдительно и настороженно следят за предзнаменованиями, и жертвоприношения, долженствующие принести удачу для всей армии, вдохновляют даже тех, кто малодушничал»⁵⁶. Грегори Дейли писал недавно: «*Espirit de corps** эллинистических армий основывался, очевидно, на мистике их вождей, обладавших, как им казалось, почти сверхъестественными способностями и добивавшихся триумфов по велению богов»⁵⁷. Претензия на поддержку богов характерна для всей войны Ганнибала с Римом, и она, безусловно, совпадала с умонастроениями его кельтских союзников, чьи вожди держали при себе бардов, прославлявших песнями их деяния⁵⁸. На прямую связь между успешным лидерством и благоволением богов указывал в своих сочинениях древнеримский историк Кассий Дион, обнаруживший у Ганнибала способности предсказывать события. Он писал, что полководец мог «делать пророчества, осматривая внутренности»⁵⁹. В критические моменты, когда войска начинали утрачивать веру в свою миссию, Ганнибал, похоже, умел находить свидетельства божественной поддержки, поднимать моральный дух воинов и убеждать их в том, что они идут по стопам Геракла и его армии. Когда более позд-

* Кастовый воинский дух.

ний римский писатель Вегеций неверно представил Сосила военным тактиком при Ганнибале, он ошибался лишь отчасти. Пропагандистские усилия Сосила и других сочинителей, входивших в узкую группу приближенных лиц, сыграли решающую роль в обеспечении первоначальных успехов кампании⁶⁰.

Перед отбытием в поход Ганнибал посетил Гадес, первый финикийский плацдарм на Западе и предполагаемое местонахождение Эрифий, родного острова Гериона. Здесь он дал обет на алтаре Мелькарта⁶¹. Похоже, этот эпизод сотворен Силеном, и не случайно, наверное, из его описания сохранился фрагмент о Геракловом священном источнике, располагавшемся в святилище Мелькарта. Силен явно стремился соединить образы Геракла — Мелькарта и Ганнибала⁶². Сам же Ганнибал не просто демонстрировал свое благочестие. Совершение обряда в святилище для него было первым важнейшим мероприятием в тщательно продуманной программе военной кампании.

Ассоциации с Гераклом, внушаемые Силеном, можно обнаружить и в другом знаменитом рассказе — о предполагаемом сновидении карфагенского полководца. Ниже следует версия в изложении Цицерона, как полагают, наиболее точно воспроизводящая повествование Силена:

«А вот что еще можно прочесть в греческой истории Силена, подробнейшим образом описавшего жизнь Ганнибала (Целий во многом следует этому историку). Ганнибал после взятия Сагунта увидел во сне, что Юпитер вызвал его на совет богов. Когда он явился туда, Юпитер приказал ему идти войной на Италию и дал ему сопровождающим одного бога из числа тех, которые были на совете. После того как войско выступило в поход, сопровождавший бог приказал Ганнибалу не оглядываться назад. Но тот не смог долго удержаться; побуждаемый любопытством, он оглянулся и вот увидел: чудовище, огромное и страшное, окруженное змеями, движется за войском, уничтожая все на своем пути, выворачивая деревья и кусты, опрокидывая дома. Изумленный Ганнибал спросил у бога, что это за чудовище такое? И бог ответил: это идет опусто-

шение Италии. И велел Ганнибалу двигаться дальше, не останавливаясь, и не беспокоиться о том, что делается позади»^{63*}.

Существуют и иные варианты этой истории, адаптированные другими римскими авторами в угоду своим интересам и изображающие Ганнибала в дурном свете, но подлинник принадлежит перу благожелательно настроенного Силена⁶⁴. Дружественная по отношению к Ганнибалу тональность оригинала подтверждается негативной реакцией на него римского писателя Валерия Максима, заявившего: «Пророчество, зловредное для любого человека римских кровей»⁶⁵. Действительно, судя по всему, эта история получила широкую огласку и произвела впечатление. Ведь главная идея сюжета о сновидении заключалась в том, что Ганнибал получил от богов официальную санкцию на войну с Римом, подтвержденную самим Юпитером/Зевсом и назначением к нему в спутники божественного провожатого (им мог быть только Гераклес/Геракл)⁶⁶. Образ чудовища, «опустошающего» Италию, истолковывался по-разному. Вероятнее всего, имелась в виду Гидра, многоголовая змея, которую Геракл убил, совершая второй подвиг. Проблему для него создавало то, что отрубленные головы вырастали снова. Герою помог Иолай, прижигая шеи горячей головешкой.

В истории Силена Ганнибал олицетворяет Геракла, а Рим представляет Гидра, неумирающее чудовище, одолеть которое призван былинный герой. На самом деле один советник Пирра действительно сравнивал Рим с Гидрой, имея в виду необычайные способности города к самовосстановлению и самообновлению. Таким образом, в подлиннике отображались не только божественное благоволение к Ганнибалу и его Геракловы качества, но и звериная сущность Рима, подавляющего соседей⁶⁷. В этом эпизоде Силен, видимо, хотел сказать, что вновь появился великий герой/бог старого Средиземноморского мира, чтобы призвать единомышленников объединить-

* Цицерон. О дивинации. Книга I. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. Перевод с латинского М.И. Рижского.

ся, цивилизовать варваров и побороть римского монстра. Некоторые историки полагают, что Целий подправил Силена, сознательно упустив важную деталь — страшную бурю, о которой сообщается в версиях Ливия и Кассия Диона. По их мнению, Целий тем самым хотел изменить место и время сновидения — перенести это событие с перевалов Альп на более ранний период подготовки к походу после окончательной размолвки с Римом. В таком случае смысл сновидения мог заключаться в том, чтобы вдохновить карфагенское воинство на преодоление предстоявших трудностей и испытаний⁶⁸.

И Полибий, и Ливий признают, что действительно имела место пропагандистская кампания, наделявшая карфагенского полководца божественными ассоциациями. Их сетования на этот счет лишь подтверждают то, насколько успешными были усилия литераторов, окружавших Ганнибала, в распространении идеи о божественном благословении экспедиции. По мере приумножения успехов в покорении диких земель и укрощении их диких народов возрастала и уверенность литераторов Ганнибала в том, что он является наследником Геракла. Полибий осуждает анонимных сочинителей:

«Так, представляя Ганнибала недостижимым полководцем по отваге и предусмотрительности, они в то же время изображают его человеком несомненно бессмысленнейшим. Потом, будучи не в состоянии привести свое повествование к развязке и найти выход из вымыслов, они вводят богов и божеских сыновей в историю действительных событий. То изображая Альпы столь крутыми и труднопроходимыми, что через них нелегко было бы перевалить не только коннице и тяжеловооруженному войску вместе со слонами, но даже и легкой пехоте, то рисуя нам эти страны в виде пустыни, в которой Ганнибал вместе со всем войском должен был заблудиться и погибнуть, если бы путь им не был указан каким-либо божеством или героем, — историки совершают этим названные выше ошибки»^{69*}.

* Полибий. Всеобщая история. Том I (III.47).

У Ливия же римский военачальник перед сражением воодушевляет свое воинство уничижительными словами в адрес карфагенян и их полководца: «Было бы любопытно убедиться на опыте... подлинно ли этот Ганнибал — соперник Геркулеса в его походах, как он это воображает, или же данник и раб римского народа, унаследовавший это звание от отца»⁷⁰. На всем протяжении повествования о войне Ливий делает акцент на нечестивости Ганнибала, что, вероятно, объяснялось тем беспокойством, которое вызывало в Риме отождествление Ганнибала с Гераклом — Мелькартом⁷¹. Угрозу представляла не столько военная мощь карфагенянина, сколько его новая модель территориальных завоеваний и поглощений. Благоволение богов, пропагандировавшееся литераторами Ганнибала, было намного опаснее самомнения.

Ганнибал бросал вызов не только политической гегемонии Рима, но и римской мифологии, на которой зиждилась эта гегемония. Культ Геркулеса предоставлял необходимое мифологическое и историческое обоснование для территориальных приобретений в Италии и завоевания карфагенских владений в Центральном Средиземноморье. Присваивание Ганнибалом образа Геракла ставило под сомнение правомерность римских претензий. Ганнибал вознамерился перехватить у римлян не только военную, но и идеологическую инициативу. Римляне в результате усилий литературных пропагандистов Ганнибала оказались в новой и непривычной роли — агентов тирании, от которой Италию призван освободить карфагенский полководец. Рим превратился в «разбойника Кака». Объединив пунические, греческие и итальянские общины под знаменами Геракла — Мелькарта, Ганнибал мог вытеснить римлян из древнего мира героя/бога. Тимей обосновал «исторические» узы, связывавшие римлян с западными греками против карфагенян. Теперь его схема рушилась. С самого начала выпады Ганнибала против Рима нацеливались на подрыв не только могущества города и господства в Центральном Средиземноморье, но и притязаний на славное прошлое, определившее его превращение в региональную великую державу.

Глава 11

ПО СТОПАМ ГЕРАКЛА

Геракловы подвиги

Ганнибал предвидел трудности, но то, с чем ему довелось столкнуться, превзошло все его ожидания.

Он мог рассчитывать на поддержку кельтских вождей альпийских регионов и долины реки По, отправив к ним своевременно послов с дорогими подарками, однако испанские племена, обитавшие на северо-востоке полуострова, явно не желали дружить¹. Особенно яростное сопротивление армии Ганнибала оказали аборигены, жившие у подножия Пиренеев, где его войско понесло тяжелые потери. Враждебность была столь очевидной, что ему пришлось оставить 10 000 пехотинцев и 1000 всадников для охраны горных проходов и арьергарда. Затем из его армии дезертировали 3000 карпетанов, которых он покорил лишь недавно. Создавая видимость, будто он сам их отпустил, Ганнибал отослал по домам еще 7000 человек, в преданности которых не было никакой уверенности².

После Пиренеев положение его несколько не улучшилось. Галльские племена, населявшие юго-запад Франции, опасаясь порабощения, собрали своих воинов, чтобы сразиться с карфагенской армией³. Конфликта удалось избежать только щедрыми дарами⁴.

Следуя побережьем, армия Ганнибала прошла Галлию и к концу августа 218 года достигла очередного природного барьера, отделявшего ее от Италии, — реки Роны⁶. Это была серьезная преграда. Река была широкая и полноводная, а на другом берегу стояло войско враждебно настроенных вольков. Ганнибал поручил своему племяннику Ганнону с отрядом испанских воинов переправиться через реку в сорока километрах выше по течению и напасть на галлов с тыла. Заняв позиции, он должен был подать сигнал об этом дымом костра.

На следующий день основная армия начала переправляться через реку на небольших судах, лодках и плотах. Часть лошадей пустили вплавь, привязав их поводьями к лодкам, остальных перевозили на судах оседланными и готовыми принять всадников, как только они окажутся на суше. Вольки, когда их атаковало войско Ганнона, панически бежали. Со слонами же возникла проблема. По сообщениям большинства древних авторов, слоны боялись воды и не умели плавать. Полибий рассказывает о том, что несколько слонов Ганнибала, испугавшись, бросились в реку и перешли на другой берег, идя по дну и вдыхая воздух хоботами. Все слоновье стадо карфагеняне переправляли через Рону оригинальным способом. Они соорудили огромные плоты и покрыли их толстым слоем земли, чтобы животные думали, будто идут по суше, а первыми погнали двух самок, за которыми последовали и самцы⁷.

В стиле переправы через Рону можно представить и другие события, происходившие во время долгого похода в Италию. Каждому сюжету присуща общая тема преодоления естественных препятствий и укрощения дикой природы и диких народов. В этом отношении эпоса Ганнибала напоминает череду подвигов Геракла. Прямая ассоциация итальянского похода Ганнибала с одиссеей Геракла может привнести элемент несуразности в его попытки установить добрые взаимоотношения с аборигенами. Карфагенский полководец действительно стремился завязать дружбу с местными племенами, дабы воспользоваться их ресурсами, но для всей его миссии харак-

терен акцент на покорении этих племен. В походе Ганнибала важную роль играли слоны, и на поле битвы они могли показаться грозной и неодолимой силой. Однако во время переправы через Рону и переходов через Альпы эти могучие исполины продемонстрировали и свою слабость. В какой-то степени история со слонами тоже позволяет нам сопоставлять Ганнибала с Гераклом, который вел стадо Гериона тем же путем.

Прежде чем поведать о трудном переходе Ганнибала через Альпы, Полибий делится с читателем географическими познаниями. Менторским тоном греческий историк неодобрительно отзывается об авторах, которые мистифицируют людей пугающе странными названиями. Те же, кто прочтет повествование Полибия, будут в точности знать, где проходил с армией Ганнибал⁸. Вдобавок Полибий развенчивает миф об уникальности предприятия Ганнибала: «Подобным образом рассказы (историков) о пустынности, необычайных трудностях и крутизне дороги обличают их лживость. Ибо они даже не пытались узнать, что кельты, обитавшие по берегам Роны, не раз и не два до появления Ганнибала, а многократно, и не в старину, а совсем недавно переходили Альпы с войсками»⁹. Согласно Полибию, переходы через Альпы были чуть ли не обыденным и даже привычным делом для кельтского сброда. Таким образом, самое прославленное достижение Ганнибала превращалось в заурядное занятие варваров. Ганнибал выглядел уже не новым Гераклом, покоряющим дикие Альпы, а очередным варварским интервентом, посягнувшим на земли римлян.

Полибий считал, что имеет полное право выносить такое суждение о Ганнибале, поскольку, по его же словам, он сам побывал в Альпах, собирал свидетельства, разговаривал с местными жителями и даже прошел часть пути полководца. Однако описание Полибием своего исследовательского путешествия в Альпы лишь доказывает одиозность его мнения. Эти места, известные как Цизальпинская Галлия и Лигурия, ради-

кально изменились к тому времени, когда их посетил Полибий. «Местными жителями», которых допрашивал Полибий, были не кельты, населявшие регион, когда по нему проходил Ганнибал, а римские пришельцы, обосновавшиеся здесь по прошествии многих лет после Второй Пунической войны, когда этот регион уже был окончательно покорен Римом, депортировавшим кельтов. Греческий историк видел усадьбы и поселения римских колонистов. В 218 году ситуация была совершенно иная.

Альпийские кельты всегда доставляли одни неприятности римлянам. Называвшиеся «галлами» в латинских и греческих текстах, они в 387 году нахлынули в Центральную Италию и унизительно оккупировали Рим. Долина реки По, где обитали племена, стоила того, чтобы за нее сражаться. В середине III века это был самый большой и богатый плодородными землями регион за пределами римского господства. Если им завладеть, то можно обеспечить жильем и дешевым пропитанием всю нищету Рима¹⁰. Существовали, конечно, и другие — оборонные и стратегические — соображения, которые могли определять североитальянскую политику Рима. Древние комментаторы, похоже, придерживались единого мнения относительно того, что до тех пор, пока Рим не будет владеть этим регионом, римлянам «нельзя будет господствовать не только в Италии, но даже чувствовать себя в безопасности в Риме»^{11*}.

В 225 году внушительное войско, 50 000 пехотинцев и 20 000 всадников, выставленных двумя галльскими племенами, боев и инсурбов, вновь двинулись по долине реки По и дошли до Этрурии. И лишь после победы над ними римский сенат наконец решил предпринять целенаправленные действия

* Автор цитирует Полибия, у которого этот аргумент выражен иначе. Он писал, что римляне должны были «начать борьбу с кельтами в том убеждении, что нельзя будет не только господствовать в Италии, но даже жить спокойно в родной стране, пока будет угрожать им этот народ». — Полибий. Всеобщая история. Том I (II.13).

по завоеванию этого региона. На галльских территориях были основаны две римские колонии — в Кремоне и Плацентии, а к 220/219 году была построена Фламиниева дорога, соединявшая регион с Римом¹². Теперь Ганнибал угрожал лишить римлян этих завоеваний. К тому же вновь восстали бойи и инсубры, наверняка подговоренные послами Ганнибала. Римские войска, отправленные подавлять восстание, потерпели поражение, не увенчались успехом и попытки вернуть стратегически важную долину реки По¹³.

Хотя римские и греческие авторы предпочитали, по обыкновению, очернять кельтов, обвиняя их в нестойкости, паникерстве и непонимании воинской дисциплины, они все же признавали, что эти люди могут представлять очень грозную силу на поле боя¹⁴. Устрашающий внешний вид, воинственные душераздирающие вопли и свирепые молниеносные атаки могли ошеломить даже дисциплинированные и закаленные в боях римские легионы¹⁵. Прежде угроза кельтов Риму временами ослабевала в силу неспособности поддерживать альянсы между племенами, а более поздние греческие и римские историки дружно обвиняли их в склонности к вероломству. По словам одного автора, «от рождения они отличались непостоянством, трусостью и коварством... И то, что они больше неверны карфагенянам, послужит поучительным уроком для всего остального человечества»¹⁷. Потенциальная опасность для римлян состояла в том, что харизматичный Ганнибал мог объединить кельтские племена. Хотя Ганнибал не доверял кельтам (говорят, будто у него имелось несколько париков и других средств маскировки, оберегавших его от предательства), благодаря альянсам с ними он получал от них и подкрепления, и передовые ударные войска¹⁸.

Когда Ганнибал подходил к Альпам, римский консул Публий Корнелий Сципион высадился с армией возле порта Массилии, готовясь вторгнуться в Испанию Баркидов. Сципион мог появиться там гораздо раньше, если бы его не задержали восставшие бойи и инсубры. Для борьбы с ними

римляне выделили один из легионов, с которыми он должен был идти в Испанию. Сципиону пришлось набирать новый легион, и он из-за этого прибыл в Южную Галлию на три месяца позже¹⁹. Высадившись, Сципион отрядил 300 всадников разведать местонахождение войск Ганнибала. Его разведчики вскоре наткнулись на нумидийскую конницу, исполнявшую аналогичное задание Ганнибала. После ожесточенной схватки, в которой нумидийцы понесли тяжелые потери, римские всадники вернулись в свой лагерь и сообщили местонахождение карфагенской армии. Сципион сразу же начал преследование²⁰.

Ганнибал колебался: то ли сразиться с легионами Сципиона, то ли идти дальше в Италию. Окончательное решение он принял, когда в лагерь карфагенян явились посланники от бойев, предложившие и союзничество, и сопровождение по горным тропам. Когда Сципион прибыл к месту стоянки Ганнибала, там он уже никого не нашел. Однако он не стал догонять карфагенскую армию, а вернулся в Северную Италию, чтобы защитить долину По. Для этого Сципион решил набрать новое войско и оставить значительную часть своих сил под командованием брата Гнея для вторжения на Иберийский полуостров. Как впоследствии оказалось, он поступил разумно, лишив Ганнибала возможности получать подкрепления и материальные ресурсы из Испании²¹.

Ганнибал шел к Альпам в ускоренном темпе, надеясь увеличить дистанцию между своей армией и войском Сципиона. Исходя из топографических и пропагандистских соображений, он наверняка хотел продвигаться дорогой Геракла по реке Дюранс и через Мон-Женевр, но Сципион заблокировал этот путь. Какой маршрут избрал Ганнибал, сказать трудно. Скорее всего он шел на север по реке Роне. Здесь на землях аллоброгов он приобрел ценного союзника, рассудив спор двух братьев, претендовавших на царскую власть. Новый правитель дал ему проводников, теплую одежду, провиант, и Ганнибал отправился к перевалу через Альпы.

Но наступил октябрь, близилась зима, и когда карфагенская армия готовилась начать восхождение по долине Арк, миновав прежде, очевидно, долину реки Изер, она лишилась проводников, вернувшихся домой²². Вопреки утверждениям Полибия Альпы тогда представляли, возможно, самое непреодолимое естественное препятствие в Европе. Один римский историк красочно описал, как весной люди, животные и обозы, скользя, сползали по тающему льду, срываясь в ущелья и пропасти. Зимой условия для перехода в горах были еще труднее. Даже на ровных местах устанавливались шесты, указывавшие предательские провалы, скрывающиеся под снегом²³. Тем временем другие вожди аллаборгов, желая поживиться и сделать запасы к долгой зиме, устроили засады на вершинах, чтобы напасть на карфагенские колонны, идущие вниз.

Но Ганнибал разгадал их замысел. Узнав от лазутчиков, где расположились альпийские туземцы, он с отрядом отборных бойцов ночью занял их позиции, воспользовавшись тем, что они уходят спать в деревню. Когда туземцы все-таки напали на карфагенян, проходивших через теснину, Ганнибал со своим войском обрушился на них с высоты, перебив, как сообщают хронисты, множество варваров и принудив их бежать. Потом он напал на деревню и не только освободил своих людей и вычужных животных, захваченных туземцами накануне, но и завладел складом зерна и другими припасами. Спустя несколько дней к нему пришли галльские вожди, предлагая дружбу, заложников и проводников. Не веря в их искренность, Ганнибал все же принял предложения, хотя и предвидел предательство. Через пару дней галлы действительно напали на проходившие через теснину карфагенские войска. Ганнибал предусмотрительно выдвинул впереди колонны обозы и конницу, а в арьергарде поставил тяжеловооруженную пехоту. Нападение туземцев было отбито, но они продолжали насккивать на карфагенян небольшими отрядами, скатывать на них с круч валуны и забрасывать камнями²⁴.

Наконец после девятидневного марша карфагеняне вышли на вершину перевала. Два дня Ганнибал поджидал отставших и потом собрал все воинство, чтобы показать захватывавшую дух панораму Италии, открывавшуюся с гор, и произнести, как сообщает Ливий, вдохновляющую речь²⁵. Измотанные войска нуждались в воодушевлении. Им предстоял спуск еще более крутой, чем подъем. Тропа была узкая, скользкая и местами почти отвесная, на ней не мог удержаться ни человек, ни животное.

Все-таки наступил момент, когда казалось, что экспедицию придется сворачивать и возвращаться. Перед армией зиял обрыв, превратившийся вследствие недавнего обвала в почти вертикальную стену, уходящую вниз на глубину 300 метров. Ганнибал, осмотрев пропасть, решил обойти ее, но это оказалось не менее трудным делом. Ливий так описал мучения воинов и животных:

«Страшно было смотреть на их усилия; нога даже следа не оставляла на скользком льду и совсем не могла держаться на покатом склоне, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руку или колено, то и эта опора скользила, и он падал вторично. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали копыта даже в нижний слой; тогда они падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязнув в твердом и насквозь заledenевшем снегу, как в капкане»²⁶.

Положение сложилось критическое, и Ганнибал приказал расчистить снег на вершине и разбить лагерь. Он решил, что спуститься вниз можно лишь по скале, предварительно прорубив в ней тропинку со ступенями. Это мероприятие вошло в число самых знаменитых эпизодов в одиссее Ганнибала:

«На следующий день он повел воинов пробивать тропинку в скале — единственном месте, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они валят огромные деревья, которые росли недалеко, и складывают небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. Потом, ломая железными кирками растрескавшуюся от действия огня скалу, они делают в ней зигзагообразную тропу, смягчая плавными поворотами чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только выючные животные, но и слоны»²⁷.

Многие детали этой истории кажутся фантастическими. Разумно спросить, где карфагеняне могли найти столько древесины, не говоря уже о реальности разогреть скалу до нужной температуры. Так или иначе, распространение подобных рассказов служило определенным целям. Легенда о преодолении Ганнибалом отвесной альпийской скалы — превосходный образчик пропаганды. Она гарантировала, что его имя будет навечно связано с горами, которые он покорил. Хотя Полибий и посчитал это достижение заурядным, римляне смогли пройти через Альпы только при императоре Августе (31 год до н. э. — 14 год н. э.)²⁸. Альпийские свершения Ганнибала всегда интересовали и греческих, и римских писателей, предложивших самые разные теории о маршруте передвижения карфагенских войск по кручам Альпийских гор²⁹. И через шестьсот лет горный массив, по которому шел Ганнибал, все еще назывался Пунийскими Альпами³⁰.

Жребий брошен

Великое альпийское испытание подошло к концу, и перед карфагенской армией открылись просторные равнины Северной Италии. Героические деяния и желание ошеломить про-

тивника обошлись дорого. Поход карфагенской армии из Испании в Италию был неординарным предприятием во всех отношениях, в том числе и в плане принесенных человеческих жертв. Ганнибал уходил с Иберийского полуострова, имея 50 000 пехоты и 9000 конницы, а когда он добрался до реки Роны, у него оставалось 38 000 пеших воинов и 8000 всадников. После Альп его армия сократилась до 20 000 пехотинцев и 6000 конников³¹. Даже если первоначальная численность армии Ганнибала и была преувеличена, все равно понесенные им потери поражают не меньше, чем свершения. Конечно, надо учитывать, что в таких военных экспедициях армии теряют воинов не только в боях или из-за голода и болезней либо, как в походе Ганнибала, на горных кручах. Многие рекруты, испугавшись трудностей, лишений и опасностей, просто-напросто ударяются в бег. Как бы то ни было, Ганнибал мог поздравить себя с успешным завершением долгого и тяжелого перехода. Не так уж и сложно набрать новых рекрутов и запастись провиантом. Важнее другое. Эллинистический мир и итальянские города-государства, не воспринимавшие всерьез молодого карфагенского полководца, теперь будут относиться к нему с должным пиететом.

В преддверии битв с римлянами Ганнибал решил пострадать тех, кто может оказать ему противодействие. Полководцу, видимо, показалось, что одними дарами и уговорами нельзя добиться от кельтов ни верности, ни покорности. Им надо преподать урок. Они должны понять цену враждебного отношения к карфагенянам. Когда завяжутся бои, будет поздно заниматься воспитанием северных кельтов. Для показательной кары Ганнибал избрал тавринов, осмелившихся воспротивиться карфагенской армии. Он осадил их главный город, захватил его и перебил жителей — мужчин, женщин и детей. Этой кровавой расправой он предупредил все галльские племена о тяжелых последствиях любого сопротивления карфагенскому полководцу. Но массовое избиение тавринов преследовало и другую цель: этим действием, завершавшим грандиозный пе-

реход через Альпы, Ганнибал утверждал свое право на мантию великого героя глубокой древности, который первым начал укрощать дикие племена этой земли варваров^{32*}.

Вести о том, что Ганнибал перешел через Альпы, встревожили римлян. Они отозвали из Сицилии консула Тиберия Семпрония Лонга, которому поручалось прийти на помощь Публию Корнелию Сципиону, уже продвигавшемуся к реке По, чтобы сразиться с карфагенской армией³³. Перед битвой, которая вскоре состоялась у реки Тицин, притока По, Ганнибал устроил для своего воинства поучительное зрелище, надеясь психологически подготовить его к предстоящему кровопролитию. Он собрал галльских пленников и предложил волю тем из них, кто победит в единоборстве. Предварительно Ганнибал распорядился, чтобы с ними обращались как можно жестче, содержали в оковах и морили голодом. Для усиления привлекательности избавления от мук он приказал выложить великолепные доспехи, оружие и военные плащи, привести породистых скакунов, пообещав подарить все это победителям. Пленники с восторгом приняли предложение Ганнибала, поскольку и победа, и поражение сулили им освобождение от рабства. После завершения поединков больше жалости вызывали оставшиеся в живых узники, которым не выпал жребий участвовать в боях, а не погибшие, которых считали счастливыми. Полибий сообщает:

«Когда этим способом Ганнибал вызвал в душах воинов желательное для него настроение, он выступил вперед и объяснил, с какой целью выведены были пленники. Для того, говорил он, чтобы воины при виде чужих страданий научились, как лучше поступать самим в настоящем положении; ибо и они призваны судьбой к подобному состязанию, и перед ними лежат теперь

* Полибий сообщает: когда таврины не вняли предложениям Ганнибала войти с ним в союз, он обложил войсками их город, через три дня осады взял его и избиением сопротивлявшихся жителей навел такой ужас на соседних варваров, что все они тут же явились к нему и отдавали себя под его покровительство. — Полибий. Всеобщая история. Том I (III.60).

подобные же победные награды. Им предстоит или победить, или умереть, или живыми попасть в руки врагов, но при этом победными наградами будут служить для них не лошади и плащи, но обладание богатствами римлян и величайшее блаженство, какое только мыслимо для людей. Если они и падут в битве, сражаясь до последнего издыхания за лучшие свои стремления, то кончат жизнь, как подобает храбрым бойцам, без всяких страданий; напротив, если в случае поражения они из жажды к жизни предпочтут бежать или каким-нибудь иным способом сохранить себе жизнь, на долю их выпадут всякие беды и страдания. Ибо, говорил он, нет между ними такого безумца или глупца, который мог бы льстить себя надеждой возвратиться на родину бегством, если только они вспомнят длину пути, пройденного от родных мест, множество отделяющих их неприятностей, если они помнят величину рек, через которые переправлялись. Потому он убеждал воинов отказаться всецело от подобной мечты и настроить себя по отношению к своей доле совершенно так, как они были только что настроены видом чужих бедствий. Ведь все они благословляли одинаково судьбу победителя и павшего в бою противника его; те же чувства, говорил он, должны они испытывать и относительно себя самих: все должны идти на борьбу, с тем чтобы победить или, если победа будет невозможна, умереть. О том, чтобы жить после поражения, они не должны и думать. Если таковы будут намерения их и помыслы, за ними наверняка последуют и победа, и спасение. Никогда еще, продолжал вождь, люди, принявшие такое решение добровольно или по необходимости, не обманывались в своих надеждах одолеть врага. Пускай неприятели, как теперь римляне, питают противоположную надежду, именно, что большинство их найдет свое спасение в бегстве благодаря близости родины; зато несокрушима должна быть отвага людей, лишенных такой надежды»^{34*}.

Позже, уже перед самой битвой, Ганнибал снова собрал воинов и пообещал в случае победы земли, деньги, освобожд-

* Полибий. Всеобщая история. Том I (III.63).

дение от повинностей и карфагенское гражданство союзникам. В подтверждение верности своим словам он схватил одной рукой ягненка, а другой камень, обратившись с просьбой к Баал-Хаммону и прочим богам убить его, если он нарушит обещание, так же, как он предаст смерти это животное. Затем он камнем разможил голову ягненка³⁵.

Битва закончилась полным разгромом римлян. Ганнибал для усиления своего превосходства в численности и искусности кавалерии отозвал из рейда нумидийского вождя Магарбала и его 500 конников. Сципион, уверовав в способности метателей дротиков устрашать карфагенскую кавалерию, выдвинул их вперед, а свою конницу держал в резерве. Однако римским всадникам скоро пришлось вступить в бой, когда метатели дротиков отступили за их спины. Затем часть нумидийских конников обошла с фланга римскую кавалерию и обрушилась на пехотинцев, запаниковавших и бросившихся бежать. За ними вскоре последовали и римские всадники. Положение римлян стало еще плачевнее, когда тяжелое ранение получил Сципион. Ливий сообщает, что от верной гибели его спас 17-летний сын Публий, впервые участвовавший в сражении, хотя историк не исключает и менее романтический вариант спасения консула лигурийским рабом^{36*}.

Сципион, страдая от боли и не полагаясь более на свое малоопытное войско, приказал армии уйти из этого района. Римлянам удалось на какое-то время сдержать наступление карфагенян, разрушив понтонную переправу через реку, но Ганнибал быстро нашел другое подходящее место для сооружения нового моста. Консул, расстроенный дезертирством большого контингента галльских воинов и предательством италийского начальника гарнизона города Кластидия, решил отступить еще дальше, за реку Требия. Здесь он разбил лагерь

* Ливий пишет по этому поводу иначе: «Целий приписывает рабу лигурийского происхождения подвиг спасения консула. Что касается меня, то мне было бы приятнее, если бы участие его сына оказалось достоверным; в пользу этого мнения и большинство источников, и народная молва». — Тит Ливий. История Рима от основания города (XXI.46.10).

на возвышенности восточного берега и стал ждать подкреплений³⁷.

В середине декабря 218 года прибыл со свежими войсками Семпроний Лонг. Зная, что срок его полномочий истекает, а вместе с ними исчезнут и возможности прославиться, Лонг жаждал поскорее сразиться с карфагенской армией в открытом поле. Воодушевляло консула и то, что его войска смогли одолеть противника в нескольких стычках. В действительности же Ганнибал просто отходил к Требии, сохраняя силы для решающего сражения в подходящее время и в подходящем месте. Его тактические расчеты оправдались. Лонг, вдохновившись малозначительными успехами, настаивал на том, чтобы ввязаться в битву. Сципион отговаривал его, убеждал: за зиму войска лучше подготовятся к боям, а отсрочка даст вероломным галлам время для оценки последствий союзничества с Ганнибалом. Лонга не так-то легко было переубедить, а Ганнибал делал все для того, чтобы подтолкнуть римлян к атаке.

Потрафив самолюбию Лонга, Ганнибал теперь мог заманить его и в западню. Он сам выбрал место для засады на крутом склоне речного берега, поросшем кустарниками и деревьями, куда и направил тысячу всадников и столько же пехотинцев под командованием своего брата Магона. На рассвете следующего дня Ганнибал поручил нумидийской коннице перейти на другой берег реки, напасть на лагерь римлян, забросать их дротиками и отступить. В полном соответствии с ожиданиями Ганнибала Лонг приказал своим войскам преследовать уходивших обратно нумидийских конников, а затем послал вперед и основные силы. Хотя римляне переходили реку, соблюдая боевой порядок, они насквозь промокли, замерзли и к тому же были голодны, потому что их подняли до завтрака. Карфагенские же воины были заблаговременно подготовлены к битве, накормлены и грелись у костров в ожидании команд. С обеих сторон в сражении сошлись рати примерно по 40 000 человек. Численность тяжеловооруженной пехоты в центре была примерно равной, но кавалерия Ганнибала,

во всем превосходившая римскую конницу, быстро обнажила фланги римской пехоты для атак. Тогда сравнительно небольшой отряд Магона ударил по римской пехоте и с тыла. Около 10 000 римских воинов смогли уйти в ближайший город Плацентию, но многие погибли у реки или в реке³⁸.

Лонг успешно бежал и потом убеждал сограждан в том, что римляне потерпели поражение из-за плохой погоды. Однако мало кто поверил в его легенду³⁹. Тем временем Ганнибал пытался переманить италийские города на свою сторону. Он намеренно демонстрировал разное обращение с римскими и италийскими пленниками. Если к первым полководец относился подчеркнуто жестко и содержал их на голодном пайке, то ко вторым выказывал свое расположение и даже отпускал домой. Ганнибал обычно напутствовал их такими словами: «Он пришел воевать не против них, а за них; поэтому им следует, если они хотят поступить разумно, примкнуть к нему, ибо он явился прежде всего для восстановления свободы италийцев и для возвращения различным племенам их городов и земель, отнятых римлянами»⁴⁰.

Суровая зима 218/217 года дала римлянам небольшую передышку. Как сообщает Полибий, из-за холодов Ганнибал потерял много людей и лошадей, и у него погибли все слоны, кроме одного⁴¹. Перезимовав в Болонье, карфагеняне двинулись на юг, перейдя через Апеннины в Этрурию. Четыре дня и три ночи они шли по таким топям, что нельзя было остановиться и разбить лагерь. Сам Ганнибал передвигался на уцелевшем слоне, и во время этого тяжелейшего перехода у него развилась офтальмия, из-за которой он в конце концов ослеп на один глаз⁴².

Осознав наконец, что им угрожает серьезная опасность, римляне призвали к оружию более 100 000 воинов. Для отражения возможных нападений карфагенян на свою новую центральносредиземноморскую империю они направили два легиона оборонять Сицилию и один легион для защиты Сардинии. Два легиона должны были оберегать Рим. Четыре

легиона, которыми теперь командовали новые консулы Гай Фламиний Непот и Гней Сервилий Гемин, получили пополнения, возместившие потери, понесенные в боях с Ганнибалом.

Фламиний был человеком импульсивным, высокомерным и самонадеянным. Ганнибал не преминул воспользоваться этими свойствами его натуры и спровоцировать на опрометчивые действия. Сначала он организовал опустошительные набеги на богатую сельскохозяйственную область Кьянти, в которой тогда находилась армия Фламиния, а потом заманил римлян на перевал Боргетто, где возле Тразименского озера их ожидала засада. Ранним утром 21 июня 217 года стоял густой туман, и римляне обнаружили, что попали в западню, когда уже было поздно обойти ее. Возникла несусветная сумятица, в которой погибло более 15 000 римских воинов, включая самого Фламиния. Многие пытались найти спасение в озере и тонули под тяжестью доспехов. Выжили 6000 человек: они добровольно сдались в плен, когда поняли безнадежность своего положения⁴³. Ганнибал поступил с пленниками таким же образом, как и после битвы при Требии: отпустил италиков домой без выкупа, сказав, что он пришел воевать против римлян, а не италиков. Карфагенский полководец повелел сверх того раздать превосходные римские доспехи и вооружения своим ливийским пехотинцам⁴⁴. Вскоре почти всю конницу потерял другой консул — Гемин при аналогичном внезапном нападении Ганнибала⁴⁵.

Согласно Ливию, Рим встревожили вести не только о поражениях, но и о странных знамениях, замеченных в Центральной Италии. Особенно пугали сообщения о крови, появившейся в священном источнике Геркулеса в Цере (очевидное следствие успеха ассоциации Ганнибала с мифологическим героем)⁴⁶. Традиционная реакция римлян — ублажение богов приношениями и молебствиями, в данном случае молебствием в храме Геркулеса — указывает на то, что они искренне надеялись привлечь его на свою сторону⁴⁷. Сугубо земная битва приобретала характер борьбы за благоволение богов.

Ганнибал, желая дать возможность восстановить физические силы своему измученному воинству, решил перебраться на благодатное побережье Адриатики. Согласно Полибию, карфагеняне добыли столько всякого добра, что с большим трудом довели и донесли трофеи до места назначения. Впервые за два года Ганнибал смог отправить вестников в Карфаген, чтобы сообщить Совету старейшин о победах. В Карфагене вестям обрадовались и пообещали оказывать поддержку его действиям и в Италии, и в Испании⁴⁸. В Риме же рассказы уцелевших воинов о самом ужасном поражении вызвали горечь и уныние. Толпы людей собрались на Форуме и у сената, печально ожидая подтверждения магистратов. Один из преторов наконец поднялся на трибуну ораторов и просто объявил: «*Pugna magna victi sumus*» — «Проиграно большое сражение»⁴⁹. Один консул убит, другого вернуть невозможно, и народ, отказавшись от республики, назначил диктатора, мирского самодержца, что позволялось делать только во времена тяжелейших кризисов. На этот пост люди избрали многоопытного Квинта Фабия Максима, побывавшего и цензором, и дважды консулом, а начальником конницы — Марка Минуция Феликса⁵⁰.

Отступничество римских богов

Фабий понимал ошибки своих предшественников и с самого начала придерживался совершенно иной тактики в противоборстве с Ганнибалом. Набрав два новых легиона и взяв под свое командование два легиона Гемина, он пошел в Апулию, сознательно избегая открытых сражений, которые навязывал ему карфагенский полководец. Плутарх так описал его тактику:

«Он двинулся против Ганнибала, но не для того, чтобы дать ему решающее сражение, а чтобы исподволь истощить его и сломить, противопоставив силе время, скудости — изобилие, ма-

лочисленности — многолюдность. Поэтому он неизменно разбивал лагерь на высотах, вне досягаемости для вражеской конницы, не двигался, пока оставался на месте неприятель, а когда тот пускался в путь, шел в обход через горы, то и дело показываясь на расстоянии достаточно далеко, чтобы не вступать в бой вопреки своему намерению, но достаточно близком, чтобы самым своим промедлением держать противника в постоянном страхе перед битвой»^{51*}.

Ганнибал, в свою очередь, постоянно провоцировал Фабия на битву, дразнил, разоряя и опустошая богатые области Беневенто и Кампания. Римляне сохраняли хладнокровие, но не спускали с него глаз, шли по пятам за карфагенской армией, эпизодически терзали ее налетами⁵².

Однако поведение Фабия не нравилось ни войскам, ни римлянам⁵³. Многие годы спустя римляне по достоинству оценят здравомыслие своего *cunctator* («медлителя», как называли его), но во времена успешных наступательных военных действий такая тактика считалась «не римской»⁵⁴. Ганнибал подливал масла в огонь, демонстративно щадя усадьбу римского полководца и сжигая все вокруг нее: этим он как бы подтверждал слухи о том, что Фабий ведет с ними тайные переговоры⁵⁵. Тем не менее тактика Фабия начала давать свои плоды. Осенью 217 года Ганнибал все-таки допустил ошибку:

«Чтобы подальше оторваться от Фабия и выйти на равнину, где было много корма для коней, он приказал проводникам сразу после обеда вести войско к Казину. Не разобрав как следует из-за его чужеземного выговора слово «Казин», проводники направились к границам Кампании, к городу Казилину, разделенному посредине рекой, которую римляне называют Волтурн. Эта местность со всех сторон окружена горами: к морю сбегает долина, в которой после разлива речек остаются болота с высокими песча-

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. — М.: Наука, 1994. Т. 1. Фабий Максим. Перевод С. П. Маркиша.

ными дюнами по краям, тянущиеся до самого морского берега, заливаемого бурными волнами и лишенного гаваней. Пока Ганнибал спускался в долину, Фабий, прекрасно знавший все дороги в тех краях, обошел его, поставил в теснине заслон из четырех тысяч тяжеловооруженных пехотинцев, остальное войско выгодно разместил на высотах, а сам с наиболее подвижными и легковооруженными воинами ударил в тыл карфагенянам и привел в смятение весь их строй; противник потерял убитыми около восьмисот человек. Тут Ганнибал, поняв свою ошибку и видя опасность, которой подвергается, распыл проводников и стал думать, как бы ему отступить, но должен был отказаться от мысли силой потеснить противника, державшего в своих руках перевал. Войско считало свое положение безвыходным, поскольку кольцо окружения замкнулось, и уже совершенно пало духом...»^{56*}.

Ганнибал обвинил проводников, но Фабий только благодаря своему упорству смог воспользоваться его ошибкой. Карфагенскому полководцу все-таки удалось исправить промах. Зная, что на перевале римляне подготовили для него западню, он прибегнул к хитрости. Дождавшись наступления ночи, Ганнибал приказал отобрать две тысячи коров из захваченных стад, привязать к рогам факелы, пучки соломы или хвороста, зажечь их и погнать обезумевших животных вверх по склону туда, где засели римляне. В темноте римские войска, подумав, что окружены, отошли, и армия Ганнибала беспрепятственно миновала перевал⁵⁷.

Этот инцидент породил еще больше презрительных насмешек в адрес несчастного Фабия, хотя то, как удачно карфагенянин выскользнул из ловушки, свидетельствовало скорее о находчивости Ганнибала, а не о порочности тактики римского полководца. В Риме теперь сформировалось мнение, что нанести поражение Ганнибалу можно только в том случае, если наделить равными полномочиями более воинственного Муниция Феликса. Несмотря на оппозицию Фабия и его сторон-

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фабий Максим.

ников, сенат принял такое решение, и римские войска были поделены между двумя командующими⁵⁸. Феликс не преминул сразу же посвятить алтарь Геркулесу, дабы заручиться поддержкой легендарного героя. В контексте войны с Ганнибалом этот акт преследовал две цели: Феликс подкреплял правомочность притязаний римлян на причастность к Геракловой легенде и утверждал свои права на то, чтобы также считаться прямым потомком Геракла⁵⁹. Борьбу за наследие Геракла можно было теперь наблюдать не только в противостоянии двух держав, но и в конкуренции полководцев.

На самом деле Фабий был первым римским полководцем, понявшим важность противодействия карфагенской пропаганде. Он повелел римским жрецам узнать в Сивиллиных книгах, сборнике прорицаний оракулов, как римляне могут восстановить благоволение богов, и децемвиры дали ему три совета. Во-первых, необходимо публично обновить обеты Марсу, богу войны. Во-вторых, Фабию следует посвятить один храм богине Венере Эрицинской, а другой — божьему атрибуту людей *Mens* — «самообладанию» или «решимости»*. И наконец, надо пообещать «священную весну», если война пойдет удачно и сохранится государство, — древний обычай дарения Юпитеру всего весеннего приплода свиней, овец, коз и коров⁶⁰.

Нельзя не заметить связь нового храма Венеры Эрицинской, построенного на Капитолии в 215 году, с троянским царем Энеем, изображавшимся в римской мифологии сыном Венеры и признававшимся в тот период предком Ромула и Рема. Считалось, что Эней женился на дочери Латина, властелина Лация, и после его смерти правил латинами и троянскими переселенцами. Ко времени Второй Пунической войны эта легенда стала главным аргументом в легализации господства римлян в Италии, поскольку она устанавливала корни этого доминиро-

* Так у автора: «“Composure” or “Resolution”». В русском переводе труда Ливия это латинское слово дается в значении «ум». В значении «ум», «разум», «благоразумие» оно трактуется и в латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого. В данном случае, видимо, речь идет о сооружении храма Разуму, Уму.

вания на основе общепринятой трактовки мифов прошлого⁶¹. Для римлян в 217 году был важен не столько культ Венеры, сколько культ Венеры Эрицинской. Он появился сравнительно недавно, после отвоевания у карфагенян сицилийского Эрикса в 248 году⁶². Хотя внешнюю часть города вскоре отвоевал Гамилькар Барка, отец Ганнибала, римляне отбили несколько приступов и удержали цитадель со святилищем⁶³. Культ Венеры Эрицинской служил важным идеологическим средством, символизировавшим борьбу против карфагенян, прежде всего Баркидов; особую значимость он приобрел для отпора нашествия армий Ганнибала⁶⁴.

В то же время Эрикс с давних пор был священным пристанищем для пунической богини Астарты и греческой Афродиты⁶⁵. Назначение Венеры божественной покровительницей города вместо Афродиты/Астарты отражало стремление не только «романизировать» культ, но и интегрировать Сицилию в мифологию основания Рима, связанную с Энеем. Благоприятствовало этому процессу то, что местные элимцы тоже претендовали на троянское происхождение, а их город Сегеста (как мы уже видели) в свое время взывал к Риму о помощи на основании их общей генеалогической истории. Многозначный культ Венеры Эрицинской римляне могли использовать и для консолидации борьбы против карфагенян, и для инкорпорирования спорного острова Сицилия в римское видение истории. Эрикс и его богиня вызвали такое же идеологическое соперничество между государствами, как и триумвират Геркулеса — Геракла — Мелькарта⁶⁶.

Плутарх, биограф Фабия, изобразил деятельность диктатора — полководца на этом фронте как проистекавшую не из суеверия, а из чисто прагматических побуждений: «Итак, устремив помышления к богам, Фабий внушил веру в будущее, сам же всецело полагался на себя одного в твердой надежде, что бог дарует успех лишь доблести и благоразумию»⁶⁷. Однако нет никаких сомнений в том, что обострение религиозных чувств вызывалось возросшей озабоченностью римлян тем,

что боги от них отвернулись⁶⁸. Все выглядело так, будто Ганнибал применил против римлян их же самое испытанное психологическое оружие — *evocatio*, ритуал, посредством которого они переманивали на свою сторону богов неприятеля.

Позднее Ливий так описывал психологический ущерб, нанесенный Ганнибалом римлянам:

«Война все тянулась; победы чередовались поражениями — менялось не столько положение дел, сколько души людей. Богобоязненность овладела городом, но молились главным образом чужеземным богам, будто врут то ли боги, то ли люди стали другими. От римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично: даже на Форуме и в Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю. Умы людей оказались в плену у жрецов и прорицателей, число которых увеличивалось оттого, что толпы селян, обнищавших, запуганных, забросивших свои поля из-за долгой войны, были согнаны бедствиями в город, а легкая нажива на людских заблуждениях стала как будто дозволенным ремеслом»^{69*}.

Когда сенат попытался принять меры и изгнать с Форума шарлатанов, чуть было не поднялся бунт⁷⁰.

Горестным положением можно объяснить и ту готовность, с которой римляне согласились исполнить третий совет жрецов и принять обет «священной весны»⁷¹. Не случайно его предписали децемвиры. Это был один из древнейших, массовых и истинно национальных ритуалов в римской религии.

Битва при Каннах

В следующем, 216 году римляне, намереваясь нанести поражение Ганнибалу, подготовили армию численностью 87 000 воинов, тогда как у карфагенян было не более 50 000⁷². Однако эффективность этой внушительной рати подорвало избра-

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXV.1.6–8).

ние двух консулов — Гая Теренция Варрона и Луция Эмилия Павла, имевших совершенно разные мнения в отношении того, как надо воевать с Ганнибалом. Если Павел предпочитал следовать тактике Фабия, блокировать войска Ганнибала и морить их голодом, то Варрон настаивал на открытом сражении. Мало того, консулы командовали войсками поочередно⁷³.

В конце июля римляне, преследуя карфагенян, подошли к апулийскому городку Канны и расположились лагерем в шестнадцати километрах от него. 1 августа Ганнибал после серии стычек форсировал реку Ауфид, разбил лагерь и предложил римлянам битву. Павел, командовавший в этот день войском, отказался принять вызов, к большому неудовольствию коллеги⁷⁴. Назавтра войсками командовал Гай Теренций. Римляне сразу же покинули главную стоянку на северном берегу, перешли на другой берег и выстроились в боевой порядок, лицом к югу. Консулы предыдущего года Сервилий Гемин и Атилий Регул (заменивший погибшего Фламиния) командовали тяжелой пехотой в центре, Павел возглавил правый фланг, где встали два легиона пехоты и конница. Варрон предводительствовал левым флангом, у него было 20 000 пехотинцев и немного кавалерии.

Ганнибал внимательно изучил боевое построение римлян. Он значительно уступал в численности тяжелой пехоты и потому особое внимание обратил на центр римского построения, где пехота стояла тесно сомкнутыми рядами, затруднявшими маневрирование. Ганнибал тогда решил выстроить свои войска в совершенно ином боевом порядке, в тактическом отношении нестандартном, но удачном. В центр он поставил кельтских и испанских пехотинцев, расположив их в разбивку, а по краям каждой линии — элитных тяжеловооруженных ливийских солдат. Сознательно ослабленным центром Ганнибал командовал сам вместе с братом Магоном. На правом и левом флангах он выстроил кавалерию под началом племянника Ганнона и Гасдрубала⁷⁵.

Римлянам солнце слепило глаза, и вдобавок в их же сторону ветер нес тучи пыли. Когда битва началась, они, как и рассчитывал Ганнибал, потеснили испанцев и кельтов и вырвались вперед, заполнив вакуум в карфагенском центре:

«Тесня и преследуя побежавших в страхе врагов, римляне разорвали середину строя, ворвались в расположение неприятеля и, наконец, не встречая сопротивления, дошли до африканцев, которые были поставлены на отведенных назад флангах того самого выступа в середине строя, где были испанцы и галлы. Когда их потеснили, вражеская линия сначала выровнялась, а затем, прогибаясь, образовала посередине мешок, по краям которого и оказались африканцы. Когда римляне неосторожно туда бросились, африканцы двинулись с обеих сторон, окружая римлян, и заперли их с тыла. Теперь римляне, выигравшие без всякой пользы для себя первый бой, бросив испанцев и галлов, которых сильно побили с тыла, начали новое сражение с африканцами. Оно

было неравным не только потому, что окруженные сражались с окружившими, но и потому, что усталые бились со свежим и бодрым врагом»^{76*}.

Карфагенская конница на правом фланге, смяв левый фланг римлян, атаковала с тыла их правый фланг, фактически окружив римскую пехоту. Неизбежно началось массовое смертоубийство.

Павел, тяжело раненный камнем из пращи, пытался воодушевить войска, но все его усилия вселить в них самообладание были тщетны. Вскоре он и сам ослаб, его кавалеристы спешились и отбивались от наседавших карфагенян на земле. У него была возможность спастись на коне, предложенном одним кавалеристом, но он не захотел покидать поле боя и погиб.

При Каннах римляне потерпели самое тяжелое поражение. По оценке историков, они потеряли 70 000 человек убитыми, и 10 000 римлян были взяты в плен⁷⁷. Ливий дает нам жуткое описание последствий сражения:

«На следующий день, чуть рассвело, карфагеняне вышли на поле боя собрать добычу; даже врагу жутко было смотреть на груды трупов; по всему полю лежали римляне — тысячи пехотинцев и конников, — как кого с кем соединил случай, или бой, или бегство. Из груды тел порой поднимались окровавленные солдаты, очнувшиеся от боли, в ранах, стянутых утренним холодом, — таких пунийцы приканчивали. У некоторых, еще живых, были подрублены бедра или поджилки, — обнажив шею, они просили выпустить из них остаток крови; некоторые лежали, засунув голову в разрытую землю: они, видимо, сами делали ямы и, засыпав лицо вырытой при этом землей, задыхались. Взгляды всех привлекал один нумидиец, вытащенный еще живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался»^{78**}.

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXII.47).

** Тит Ливий. История Рима от основания города (XXII.51).

Погибли двадцать девять старших римских военачальников и восемьдесят сановников сенаторского ранга. Варрону, виновнику бедствия, удалось спастись⁷⁹.

Для Ганнибала теперь была открыта прямая дорога в Рим. Согласно Ливию, Магарбал, командовавший нумидийскими конниками, настаивал на том, чтобы взять город, пока есть такая возможность:

«Пойми, — говорил он Ганнибалу, — что это сражение значит: через пять дней ты будешь пировать на Капитолии. Следуй дальше, я с конницей поскачу вперед, пусть римляне узнают, что ты пришел, раньше, чем услышат, что ты идешь». Ганнибалу эта мысль показалась излишне заманчивой, но и чересчур великой, чтобы он сразу смог ее охватить умом. Он ответил, что хвалит рвение Магарбала, но чтобы взвесить все, нужно время. «Да, конечно, — сказал Магарбал, — не все дают боги одному человеку: побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой не умеешь»^{80*}.

По Ливию, однодневное промедление спасло Рим от разрушения. В действительности же карфагенские войска были измотаны, а Рим все еще находился на расстоянии 400 километров, и, кроме того, он был обнесен мощными фортификациями, перестроенными в 378 году. Городская крепостная стена, возведенная из известкового туфа, протянулась на семь километров, и ее перемежали оборонительные башни. К ней примыкали земляные укрепления, скаты и рвы. Город защищали два легиона, корабельные пехотинцы, другие войска и отряды, сформированные жителями. Для взятия Рима потребовалась бы длительная осада и мощные штурмовые орудия⁸¹. Собственно говоря, Ганнибал и не собирался брать город. Он, похоже, планировал продолжать тактику отчуждения от Рима италийских и латинских союзников, рассчитывая на то, что изолированный, истощенный и деморализованный город сдастся и запросит мира⁸².

* Там же.

Ганнибал исходил из того, что Карфаген будет диктовать условия мира, подобно тому как это делал Рим после Первой Пунической войны. В этих целях он отобрал римских пленников и отправил их в Рим для переговоров о выкупе 8000 римских граждан, удерживаемых карфагенянами. Но прежде чем уйти, они должны были поклясться, что вернутся после завершения своей миссии⁸³. Выкуп пленников был общепринятой нормой в войнах того времени, с этого обычно начинались мирные переговоры. Ответ римлян привел Ганнибала в недоумение: сенат отказался видеть римских плененных соотечественников и даже принял постановление, запрещавшее кому-либо выкупать их. Рим заявил о намерении сражаться до конца. Ганнибалу ничего не оставалось, кроме как избавиться от пленных, поскольку они обременяли войска, и без того испытывавшие нехватку ресурсов. Некоторых казнили, но большинство узников были проданы в рабство⁸⁴.

На каких условиях Ганнибал хотел заключить мир с Римом? Согласно Ливию, он, обращаясь к римским пленникам, заявлял, что не стремится разрушить Рим, и говорил с ними по-доброму: «Его война с римлянами не война на уничтожение — это спор о достоинстве и власти. Предшественники его уступили римской доблести, а он старается превзойти римлян и удачливостью, и доблестью»⁸⁵. Возможно, Ливий дал наиболее точную оценку намерений Ганнибала после битвы при Каннах. С точки зрения военных и пропагандистских целей его кампания была чрезвычайно успешной. Он уже реально угрожал покончить с римскими притязаниями на военное превосходство и исторические права владеть Апеннинском полуостровом, составлявшим идеологическую основу территориальной экспансии Рима. Такого успеха, наверное, не ожидали и самые оптимистичные советники полководца. Действительно, можно предположить, что на данном этапе Ганнибал вовсе не замышлял уничтожать Рим, а хотел всего лишь превратить его в заурядное центральноитальянское государство,

освободить итальяйские города и вернуть Карфагену Сардинию и пуническую Сицилию.

Однако сразу же после величайшего военного триумфа Ганнибал допустил серьезный стратегический просчет, уверовав в то, что Рим можно принудить к мирным переговорам. Гибридное воспитание под руководством Сосила и других греческих учителей подготовило его к премудростям эллинского стиля государственного управления, но их наставления теперь были очень далеки от грубых политических реалий современной ему действительности. Через два столетия триумф римского ожесточенного упрямства станет бесспорным фактом, на основе которого греческие интеллектуалы будут выстраивать концепции, объясняющие, почему и каким образом Рим подмял под себя весь мир. В последние десятилетия III века до н. э. средиземноморские государства лишь только начинали наталкиваться на твердокаменность римлян. Для Рима Апеннинского полуостров был больше чем объект для завоевания территорий, которыми можно торговать или обмениваться в зависимости от политических обстоятельств. Трудно представить, чтобы Рим пошел на компромиссы с врагом или отказался от завоеванных земель. Римские сенаторы, с которыми пришлось иметь дело Ганнибалу, воспитывались на историях о неукротимых предках, отвергавших какие-либо переговоры с противником, даже в самых бедственных ситуациях. Поучительный пример такого рода показал в 280 году Аппий Клавдий Цек, не пожелавший договариваться с победоносным Пирром. Для общества, в котором самоидентификация элиты тесно связана с *mos majorum*, обычаями предков, совершенно немыслимо было даже обмолвиться о возможности отречения от земель, завоеванных кровью прародителей.

За время многолетнего противостояния Карфаген неоднократно загонял Рим в угол. Но каждый раз окончательная победа ускользала от него по одной очевидной причине: его враг просто-напросто не желал согласиться с поражением. Завоевание Баркидами Иберийского полуострова подготови-

ло столкновение Ганнибала с Римом. Двадцатилетняя почти непрерывающаяся война с решительным и искусным противником превратила Ганнибала в блистательного полководца и закалила карфагенскую армию. Он теперь хорошо знал и сильные, и слабые стороны армии противника, но по-прежнему не понимал негибаемого упрямства римлян. Экспансия в Испании помогла утишить боль от прежних поражений и возместить территориальные потери, но она не могла научить карфагенских полководцев воевать с Римом. Если бы Ганнибал приобрел такой опыт, то он вряд ли выпустил бы из рук раненого римского льва.

Глава 12

ДОРОГА НИКУДА

Война на три фронта

Ливий рассказывает, будто Ганнибал, когда его спросили, кого он считает величайшим полководцем всех времен, поставил только Александра Македонского выше Пирра, царя Эпирского¹. Он объяснил свой выбор тем, что Пирр был не только превосходным военным тактиком, но и обладал «таким даром располагать к себе людей, что племена Италии предпочли власть иноземного царя верховенству римского народа, столь давнему в этой стране»².

Действительно, Ганнибал, добиваясь расположения греков Южной Италии, уподоблялся Пирру. Греческая Южная Италия предоставляла ему определенные стратегические выгоды: в силу ее относительной близости к Северной Африке упрощалось решение проблем материального обеспечения и отправки подкреплений. Кроме того, она была особенно притягательна для человека, возвращенного на эллинских культурных традициях и обреченного жить в «варварском» ближнем зарубежье греческого мира. Однако если бы Ганнибал повнимательнее изучил историю итальянской эпопеи Пирра, то, возможно, знал бы, как быстро возникли осложнения в отношениях между городами Великой Греции и пришельцем, как улетучилось дружелюбие, проявленное к нему по прибытии в

Южную Италию. Но и Пирр не был первым эллинским вождем, испытавшим такую перемену настроений коренных жителей. В 334 году граждане Тарента призвали Александра, царя Эпирского, дядю Александра Великого, защитить их от посягательств местных италийских племен, и вскоре стало ясно, что для автономии города от него исходит больше угрозы, чем от тех, кого они боялись. От эпирского порабощения Тарент спасла только преждевременная смерть царя.

Города Южной Италии поначалу видели в Пирре и заступника в борьбе с Римом, но их ожидания не оправдались. После двух блистательных побед над римскими войсками Пирр, не удовлетворившись ролью наемного dobroхота, решил тайно договориться с римлянами о таком разделе Италии, при котором он станет правителем Великой Греции. Римляне, понимая стратегическую значимость региона и, возможно, предполагая, что угрозы, создаваемые этим выдающимся, но переменчивым полководцем, рано или поздно исчезнут, отклонили его предложения. Да и города не были в восторге от покровителя. Как верно заметил Питер Грин, им требовался «профессиональный полководец, ответственно исполняющий свою миссию, а они получили такого же амбициозного конкистадора, каким был Александр Эпирский, но еще более опасного, поскольку в военной силе ему не было равных»³. Повидав эллинских «спасителей», выдававших себя за новых Гераклов, города Великой Греции не спешили встать под знамена Ганнибала.

К концу 216 года у Ганнибала все же появились возможности для усиления своего влияния в Южной Италии. Капуя, богатейший город Кампании, долгое время считался ключевым союзником Рима, его жители пользовались правами римского гражданства и имели своих магистратов. Многие представители элиты были связаны с семьями римских сенаторов родственными узами, которые возникают в результате браков, и значительное число молодых людей служили в римской армии⁴. Теперь, когда Ганнибал уверенно пошел на север, часть

правлящей элиты сочла необходимым переметнуться на сторону карфагенян. Этому способствовало несколько обстоятельств. Известия о поражении римлян при Каннах, без сомнения, усилили тревогу за безопасность города и прилегающих плодородных земель. Оказали свое влияние и сообщения итальянских пленников, отпущенных Ганнибалом для распространения информации о триумфе карфагенян и их великодушном обращении с италиками. Конечно, капуанцы были недовольны бременем обязательств, которые налагались на них союзничеством с Римом, в особенности необходимостью отряжать воинов для римской армии, платить подати и терпеть присутствие в городе римских военных должностных лиц. И наконец, и это, возможно, была самая главная мотивация, элита рассчитывала на восстановление и прежнего господства в Кампании, и владения землями, уступленными Риму⁵.

Разрыв произошел, когда делегация Капуи выразила в Риме недовольство отправкой в армию на Сицилии трехсот молодых людей, отпрысков из знатных семей. Римский консул Варрон отнесся к их претензиям пренебрежительно и, кроме того, предупредил, что теперь они должны сами позаботиться о себе, поскольку у Рима нет ни людей, ни средств для их защиты. Членам делегации, симпатизировавшим Карфагену, не стоило большого труда убедить коллег обратиться к Ганнибалу, и вскоре было достигнуто соглашение о передаче города карфагенянам. В ответ Ганнибал обещал разрешить им сохранить прежнее правительство и законы. Более того, он не заставит капуанцев нести воинскую службу, если они сами этого не пожелают⁶.

Капуанцы вернулись домой, и начался бунт. Все римляне — и чиновники, и простые граждане — были схвачены и заточены в бани, где они задохнулись от нестерпимой жары⁷. Ганнибалу капуанцы сделали нежданный и дорогой подарок: теперь он мог рассчитывать на то, что их примеру последуют другие города. Возможно, по этой причине карфагенский полководец и проявил особое великодушие к своим новым союзникам.

Согласно Ливию, Ганнибал, с триумфом войдя в Капую и обращаясь к сенату, торжественно пообещал: город станет столицей всей Италии, и даже Рим будет ему подвластен⁸. По всей видимости, на сторону Ганнибала пожелали перейти большинство граждан города и сенаторов. Нам трудно сказать, что именно легло в основу нового альянса. По Ливию, только экстравагантные посулы Ганнибала могли побудить капуанцев на измену римлянам. Они должны были осознавать, какими могут быть последствия предательства.

Тем не менее альянс с Ганнибалом устраивал далеко не всех капуанцев. После пиршества, устроенного в честь полководца, он чуть не стал жертвой покушения, задуманного сыном Пакувия Калавия, одного из именитых граждан и главного организатора восстания. Отцу лишь в самый последний момент удалось предотвратить убийство⁹. Другого диссидента — Деция Магия, выступавшего против пакта и ссылавшегося на печальный прецедент Пирра, — арестовали и в оковах привели к Ганнибалу. Когда полководец потребовал от него объяснений, зловерный Магий отказался приводить какие-либо доводы в свою защиту, заявив, что по условиям договора он имеет право на свободу от постороннего диктата. Магия везли на корабль, отплывавший в Карфаген, с обмотанной головой, чтобы он не призывал сограждан к неповиновению¹⁰.

У Ганнибала появился сильный союзник в Южной Италии, но в этом альянсе заключался и серьезный изъян. Капуанцев привлекала возможность избавиться от владычества римлян. Однако для них не менее важно было сохранить политическую независимость и восстановить традиционную гегемонию в Кампании. Стремление капуанцев к первенству в регионе подтверждается чеканкой монет, на которых город представлен как главная и независимая держава¹¹. Капуанцы охотно согласились признать Ганнибала союзником в борьбе против всевластия римлян, но на своих условиях, считая, что альянс должен служить их региональным интересам. Ради союза с ними

Ганнибал должен был отказаться от обещаний освободить италиков. Публично и по своей воле посулив теперь капуанцам региональную гегемонию, он фактически лишил себя поддержки других городов Кампании. Их опасения только усилились последующими событиями — когда капуанцы захватили соседний город Кумы, а Ганнибал передал им Казилин. Хотя некоторые малые союзники капуанцев присоединились к восстанию против римлян, большинство городов Кампании — такие как Нола, Неаполь, Путеолы и Кумы — не пожелали делать этого. Как отметил Майкл Фронда, «давно сложившиеся между городами отношения взаимозависимости и соперничества продолжали подспудно существовать в условиях относительного римского господства и вновь обнаружили себя, как только Ганнибал устранил механизмы римского владения, подавлявшие эти отношения»¹². Как это уже случилось и прежде, упования на иноземного полководца вступили в противоречие с суровыми реалиями политической действительности Южной Италии.

Некоторые города были захвачены силой, другим, в том числе и Ноле, удалось отбиться от нападений карфагенян. Ливий объясняет, что войска Ганнибала расслабились и утратили дисциплину, вкусив хорошую жизнь в Капуе¹³. Однако проблема заключалась не только в расхлябанности солдат. Ганнибал, желая обаять капуанцев, освободил их от обязательств поставлять рекрутов, создав себе трудности с пополнением войск, а новобранцы, приходившие в армию, естественно, не обладали той боеспособностью, которой отличались отборные африканские, испанские и кельтские контингенты¹⁴. Положение Ганнибала еще больше осложнилось, когда брат Гасдрубал, отозванный им из Испании в Италию, в 216 году потерпел поражение у реки Ибер от римской армии, которой командовали братья Гней и Публий Сципионы. Ганнибалу теперь ничего не оставалось, кроме как просить Совет старейшин отправить ему подкрепления, для чего он и отрядил в Карфаген брата Магона.

Представ перед Советом старейшин, Магон театрально высыпал на пол золотые кольца, снятые с трупов многих тысяч римских всадников, погибших в битве при Каннах. Затем он пространно рассказал о свершениях брата за два года, закончив речь призывом послать Ганнибалу свежие войска, припасы и деньги. Его речь произвела требуемый эффект: подавляющее большинство карфагенских сенаторов восторженно восприняли сообщение о ратных достижениях полководца. Один из сторонников Баркидов не мог отказать себе в удовольствии высмеять закоренелого оппонента Ганнона. Ерничая, он попросил «римского сенатора в Совете старейшин Карфагена» прокомментировать выступление посланника Ганнибала¹⁵. Однако не так-то легко было сбить с толку матерого политического златоуста. Со сдержанной иронией он выразил сомнения в отношении значимости якобы великих побед Ганнибала:

«Чему же мы радуемся сейчас? “Я истребил вражеское войско; пришлите мне солдат”. А чего другого ты бы просил, потерпев поражение? “Я взял два вражеских лагеря, обильных провиантом и всякой добычей. Дайте хлеба и денег”. Чего бы ты требовал, если бы взят и разграблен был твой лагерь? И чтобы не мне одному удивляться, я, ответив уже Гимилькону (стороннику Баркидов), имею полное право спрашивать в свой черед. Так пусть Гимилькон или Магон мне ответят: если битва при Каннах почти целиком уничтожила господство римлян и если известно, что от них готова отпасть вся Италия, то, во-первых, отпал ли к нам хоть один латинский город и, во-вторых, нашелся ли в тридцати пяти трибах хоть один человек, который перебежал бы к Ганнибалу? На оба вопроса Магон ответил отрицательно. Ганнон вновь заговорил: “Врагов остается еще очень много, но хотел бы я знать, как они настроены, на что надеются?”»^{16*}.

Ганнон, продолжая инквизиторскую речь, спросил: разве римляне готовы к тому, чтобы договариваться о мире? Оратор,

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXIII.12.13–17).

явно удовлетворенный негативным ответом Магона, указал на очевидное обстоятельство: война еще далека от победоносного завершения. Несмотря на убедительность аргументов Ганнона, Совет старейшин проголосовал за то, чтобы послать Ганнибалу 4000 нумидийцев и 40 слонов, а также 500 талантов серебра¹⁷.

Тем временем благоприятная ситуация складывалась на Сицилии. В Сиракузах после смерти союзника римлян Гиерона на престол в 215 году вззошел его юный внук Гиероним¹⁸. Под влиянием советников, доброжелательно настроенных к Карфагену, он подал Ганнибалу сигналы о готовности завязать дружеские отношения, и полководец незамедлительно отправил к нему двух послов сиракузского происхождения — братьев Гиппократ и Эпикида¹⁹. Хотя вскоре Гиеронима убили, а попытка совершить переворот в Сиракузах была подавлена, Гиппократ и Эпикид были избраны преторами²⁰. Воспользовавшись замешательством сицилийских городов, которые никак не могли решить, кому отдать предпочтение — римлянам или карфагенянам, они пытались настроить армию и граждан Сиракуз против Рима²¹.

Римская армия вторглась в Сиракузы и заняла позиции у стен города. Римский военачальник Марцелл потребовал выдать братьев, вернуть бежавших политиков, поддерживавших Рим, и восстановить прежний режим, солидарный с Римом. Сиракузцы отвергли ультиматум, и после безуспешной попытки зимой 213 года взять город приступом началась осада, длившаяся более года²².

В том же 213 году против Рима восстали несколько сицилийских городов. По всей видимости, на бунт их вдохновило прибытие на остров 30-тысячной пунийской армии²³. На Сардинии аналогичное восстание в поддержку Ганнибала было моментально подавлено²⁴.

В Испании братьям Сципионам сопутствовал успех²⁵. Они не дали Гасдрубалу уйти с полуострова на помощь Ганнибалу, разгромив его армию в 216 году у реки Ибер²⁶. И хотя он по-

лучил подкрепления, доставленные Магоном (первоначально они предназначались для Италии), все последующие три года карфагеняне терпели одно поражение за другим²⁷. К 212 году Сципионы сковали в Испании три карфагенские армии²⁸.

Неожиданно карфагенян поддержал Филипп Македонский. Весной 215 года в Бруттии высадилось его посольство, направившееся в Кампанию для заключения договора с Ганнибалом. Полибий утверждает, что воспроизводит подлинный документ, копия которого якобы попала в руки римлянам, когда они захватили судно с македонскими и карфагенскими сановниками, возвращавшимися обратно. По условиям договора стороны обязывались защищать друг друга от нападения врагов, при этом македонцы брали на себя обязательство помогать карфагенянам в войне с Римом до победного конца²⁹. В то же время из договора явствует: Ганнибал постарался ограничить вмешательство Филиппа в конфликт, дабы не пустить македонцев в Италию. После победы условия мирного договора Карфагена с Римом будут распространяться и на Македонию, а Филипп получит римские владения в Иллирии.

Текст договора, переведенный с пунического на греческий язык, очевидно, клерками Ганнибала, составлен в соответствии с дипломатическими канонами, существовавшими на Ближнем Востоке целое тысячелетие, и это указывает на непреходящее левантийское влияние на ведение государственных дел. К договору приложен список карфагенских богов, выступавших в роли свидетелей соглашения и сгруппированных в три (предположительно иерархические) небесные триады. Об идентичности божеств, транслитерированных в греческий канон, было немало споров, теперь же общепризнано, что верхнюю строчку списка занимают Баал-Хаммон, Тиннит и Решеф³⁰. Во втором ряду расположились Астарт, Мелькарт и Эшмун, а в третьем — Баал-Цафон, Хадад и Баал-Малаки³¹. Этот набор божеств интересен тем, что он состоит из покровителей Карфагена, а не Баркидов³². Когда дело дошло до переговоров, Филиппу, царю одного из самых могущественных эллинисти-

ческих государств, авторитета Ганнибала, великого полководца, оказалось недостаточно³³. Он заключал альянс Македонии с Карфагеном, этим объясняется присутствие карфагенских сановников Магона, Миркана и Бармокара, которые были членами либо Трибунала ста четырех, либо специальной комиссии, назначенной этим органом, а также других неназванных советников³⁴.

Подписание договора с Филиппом стало еще одним свидетельством возраставшего почтительного отношения к государственным учреждениям Карфагена, ограничивавшего автономность действий Ганнибала. Огромные финансовые средства, которые полководец получал из Северной Африки, выделялись постановлениями Совета старейшин. Это подтверждается не только сообщениями Ливия — о предоставлении денег Магону, например, — но и значительным количеством высококачественных монет из электрума и серебра, выпущенных в этот период и предназначенных в основном для Италии. Карфаген же обходился деньгами из низкокачественного электрума и бронзы³⁵. Примечательно, что Ганнибал вплоть до последних лет пребывания в Италии не занимался чеканкой монет, полагаясь, очевидно, на добычу трофеев, обещания выдавать жалование после победы и получение денег из Карфагена³⁶. Все ресурсы Карфаген направлял на нужды войны.

У ворот Рима

Война экономически истощала и Рим. После серии девальваций в 217 году и экстренного выпуска золотых монет все-таки пришлось реорганизовать денежную систему. Но и эта чрезвычайная мера не спасла серебряный динарий — основную монету в новой денежной системе — от последующих девальваций. Не могли покрыть возросшие военные расходы ни удвоение податей, ни огромные займы у Гиерона, царя Сиракуз, ни учреждение государственного банка. В 215 году власти вынуждены были прибегнуть к займам с премией за риски и

организовать частные синдикаты для сбора налогов. В 214 и 210 годах были изданы эдикты, вводившие прогрессивное налогообложение самых богатых граждан, вызванное необходимостью оснащать флот³⁷.

Катастрофические поражения в 217–216 годах заставили римлян заняться реформированием армии. Для возмещения потерь в войска начали набирать и тех, кто ранее считался негодным для воинской службы. В новых легионах появились рабы и преступники, существенно понизились требования к обязательной экипировке и имущественный ценз, чтобы в армию шли молодые люди из бедных семей. Предположительно в этот период численность римской армии возросла до 100 000 пехотинцев и 7500 всадников (примерно столько же воинов насчитывалось в войсках союзников). Не менее важную роль в укреплении армии сыграл переход на принцип относительной непрерывности высшего командования. Фабий Максим, неоднократно ставивший Ганнибала в затруднительное положение, будет в третий раз избран консулом в 215 году, в четвертый раз — в 214-м и в пятый раз — в 209-м. Другие ветераны-командующие также будут по два-три раза избираться консулами в период между 215 и 209 годами³⁸.

Тем не менее городом овладели панические настроения, вызывавшиеся близостью карфагенской армии, стоявшей в Южной Италии. Страхи усугублялись зловещими знаменами, появлявшимися в самых разных местах. В 216 году было решено послать сенатора (и будущего историка) Квинта Фабия Пиктора в знаменитое святилище Дельфы, чтобы узнать, какими молитвами и жертвоприношениями можно умиловить гнев богов. Оракул указал Фабия Пиктору, какие приношения и каким божествам надо сделать, и особенно рекомендовал после победы часть военной добычи посвятить дельфийскому Аполлону³⁹. Сенат поступил мудро, проконсультировавшись у оракула. Он публично подтвердил культурную причастность Рима к греческому миру, что было немаловажно ввиду попыток Карфагена порушить эти связи и угрозы Ганнибала городам

Великой Греции. Этим актом римляне как бы удостоверяли свою общность с греками. В то же время они совершили религиозный обряд, исключительно самочинный. Руководствуясь Книгами судеб, они принесли богам жуткие жертвы: закопали живыми на Бычьем рынке галла с его соплеменницей и грека с гречанкой. Даже Ливий назвал этот ритуал «совершенно чуждым римскому духу»⁴⁰. Конечно, человеческие жертвоприношения в Риме не были полнейшим анахронизмом: нечто подобное случилось совсем недавно, в 228 году, когда городу угрожали галлы⁴¹. И на этот раз они явно были спровоцированы паникой, вызванной успехами Ганнибала.

Значительную часть 213 года Ганнибал провел в благодатных условиях Апулии и Кампании. Вскоре пришли тревожные вести об осаде римлянами Сиракуз. Город был превосходно защищен инженерными изобретениями Архимеда, однако к весне 212 года римский командующий Марцелл смог не только усмирить мятежные сицилийские города, но и проломить внешнюю фортификационную стену Сиракуз⁴². Летом римляне разгромили сицилийско-пуническое войско, которое затем добила чума, унесшая жизнь и командующего Гиппократа⁴³. Постыдно провалилась и попытка карфагенян переломить ситуацию в свою пользу отправкой флотилии в помощь своим сторонникам⁴⁴, а Эпикид, поняв безысходность положения, бежал. После сумбурных переговоров римляне все-таки овладели Сиракузами, воспользовавшись отчасти предательством наемников⁴⁵.

Имущество граждан, занимавших сторону римлян, осталось в целости и сохранности, но город был разграблен, многие сиракузцы были убиты, в том числе и Архимед, несмотря на указания Марцелла пощадить великого ученого*. Крах восстания и сдача римлянам Сиракуз означали, что карфагеняне теперь навсегда лишились Сицилии. Это было и серьезное экономическое потрясение. Карфаген вложил в кампанию

* Согласно Ливию, во время разграбления города Архимед чертил фигуры на песке, и один солдат, не знавший, кто это, убил его.

значительные финансовые средства, в том числе и два специальных выпуска монет⁴⁷.

Для Ганнибала потеря Сиракуз была лишь одним из досадных событий: особенно его тревожило то, что римляне захватили целый ряд городов в Апулии. Однако, как это уже случалось и прежде, именно тогда, когда казалось, что итальянская кампания расстраивается, фортуна вдруг улыбнулась карфагенскому полководцу. Ему сдался Тарент, наиболее значительный город Великой Греции*. Оба самых главных источника информации о Второй Пунической войне дают столь подробное описание этого происшествия, что среди историков сформировалось практически единодушное мнение: и Полибий, и Ливий основывались на хрониках Силена⁴⁸.

Ганнибал давно замыслил овладеть Тарентом, но хотя за его стенами и были сторонники карфагенян, они не обладали достаточными силами и поддержкой в городе. К 212 году настроения горожан круто переменялись, многие возненавидели римлян после того, как они казнили тарентинцев-заложников, пытавшихся совершить побег. Ганнибал тогда стоял лагерем недалеко от города. Однажды вечером к сторожевым постам карфагенян подошла группа юношей-тарентинцев. Когда их вожаков, Филемена и Никона, привели к Ганнибалу, они объяснили, что хотели бы помочь ему захватить город. Ганнибал обещал поддержать их и посоветовал вернуться обратно со стадом коров, будто бы угнанных из его лагеря, дабы не вызвать подозрения у стражей. Во время второй тайной встречи заговорщики получили заверения в том, что после взятия города тарентинцы сохранят все свои права и имущество.

Заговор был успешно реализован. Несколько раз Филемен по ночам уходил из города якобы на охоту. Он слыл заядлым охотником и, делясь со стражами добычей, вошел к ним в доверие настолько, что они открывали ему ворота по свистку.

* В изложении Ливия Ганнибал овладел Тарентом до завершения осады и взятия римлянами Сиракуз. По некоторым источникам, это произошло в январе 212 года.

Для захвата города был избран вечер, когда командующий римским гарнизоном принимал гостей. Элитный отряд карфагенян численностью 10 000 человек в один бросок преодолел расстояние трехдневного марша. Ганнибал выслал вперед нумидийских конников, которым предписывалось опустошать деревни и создавать видимость обычного грабительского рейда. Часть заговорщиков приняла участие в званом ужине у командующего гарнизоном и постаралась сделать так, чтобы пиршество затянулось до глубокой ночи. Другие конспираторы собрались возле главных ворот и, когда Ганнибал подал условный сигнал, напали на стражников, убили их ипустили карфагенян. Тем временем карфагеняне ворвались и во вторые ворота, пока стражники восторгались очередным трофеем Филемена — огромным диким кабаном, которого тащили на носилках двое юношей. Распорядившись щадить горожан, Ганнибал послал свои войска занимать улицы и дома, принадлежавшие римлянам. На рассвете он собрал всех граждан на рыночной площади, пообещав им, что никто из них не пострадает⁴⁹.

Взятие Тарента могло означать, что карфагенянам наконец сопутствует удача⁵⁰, если бы не две серьезные проблемы. Во-первых, основная часть римского гарнизона вместе с командующим укрылась в крепости, которая располагалась в практически недоступном месте — на краю перешейка у моря, а от города ее отделяли высокие скалы, стена и ров. Они могли находиться там сколько угодно долго, несмотря на то, что город уже захвачен карфагенянами⁵¹. Во-вторых, Капую осадили четыре римских легиона, получивших от сената приказание оставаться там до тех пор, пока она не капитулирует⁵². Весной 211 года Ганнибал, видя, что не может прорвать блокаду, решил: у него остался только один способ отвлечь противника от Капуи — идти на Рим⁵³.

Дабы запугать латинские города и доказать, что Рим не способен защитить их, Ганнибал разорял и опустошал области, по которым шел, продвигаясь на север⁵⁴. С той же целью он высылал вперед нумидийских конников, терроризировавших

беженцев, устремившихся в город⁵⁵. Охваченные страхом граждане приняли за супостатов даже нумидийских дезертиров, мобилизованных римлянами в свои войска⁵⁶. Ливий так описывал панику, поднявшуюся в городе: «Женский плач слышался не только из домов; женщины высыпали на улицы, бегали из храма в храм, обметали распущенными волосами алтари и, стоя на коленях, воздевая руки к небу, молили богов вырвать город из вражеских рук, избавить от насилия матерей-римлянок и маленьких детей»^{57*}. Римские сенаторы не расходились по домам, чтобы в случае необходимости принять экстренные меры, по всему городу были развернуты войска⁵⁸.

Паника достигла своего апогея, когда Ганнибал — впервые за семь лет пребывания в Италии — подошел к стенам Рима у Коллинских ворот в сопровождении 2000 нумидийских конников⁵⁹. Если верить утверждениям Полибия и Ливия, то дальнейшие действия Ганнибала могут вызывать лишь недоумение. Полибий утверждает (неубедительно), будто Ганнибал не решился идти на штурм города, когда увидел легион боеспособных новых рекрутов⁶⁰. По версии Ливия, его напугал жуткий ливень с градом, продолжавшийся несколько дней: полководец посчитал его за неблагоприятное предзнаменование. Ганнибала смутили и некоторые другие обстоятельства, не менее странные. Ему якобы показалось, что римлян нисколько не встревожило появление карфагенской армии, если они отправили часть войск в Испанию. Мало того, они даже продали с аукциона землю, на которой разбило лагерь его воинство. И на нее нашлись покупатели, столь велика была их уверенность в победе. Согласно Ливию, Ганнибал в отместку повелел глашатаю объявить о продаже с аукциона лавок менял, располагавшихся вокруг римского Форума⁶¹.

Однако эти сообщения скорее всего отражают преднамеренное нежелание понять истинные мотивы поведения Ганнибала. С точки зрения военной стратегии его марш-бросок на Рим можно считать успешным: римляне отозвали от Капуи

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXVI.9).

для защиты города войско численностью 15 000 человек во главе с Квинтом Фульвием Флакком⁶². Одно это было немалым достижением, даже если ни Ганнибал, ни римские командующие не считали, что штурм непременно состоится (Ганнибал, например, оставил в Бруттии основную часть тяжелой пехоты и снаряжения). Гораздо важнее был пропагандистский эффект появления Ганнибала под стенами Рима. Примечательное отображение именно этого обстоятельства сохранилось в историческом повествовании Силена, верного спутника и хрониста Ганнибала. Он дает совершенно иное толкование значимости его пришествия к воротам Рима, существенно отличающееся от версий других писателей.

Согласно Силену, знаменитый Палатинский холм назван именем Паланты, дочери Гиперборея, вождя гипербореев, мифического северного народа. Легенда гласит, что именно на этом холме произошла романтическая встреча Паланты с Гераклом⁶³. По другой легенде, также приписываемой Силену, Латин, первый царь и родоначальник латинов, появился на свет в результате той же любовной связи⁶⁴. В накаленной обстановке войны с Римом этот эпизод, безусловно, имел немаловажное пропагандистское значение. Версия ранней истории Рима, предложенная Силеном, противоречила общепринятой римской концепции, по которой матерью Латина признавалась жена Фавна, местного царя⁶⁵. У Силена в роли гипербореев метафорически представлены галлы — варварский народ, покоренный Гераклом во время похода через Альпы. Теперь Ганнибал преодолел тот же горный массив с армией, в которой насчитывалось немало галлов. Казалось, будто «история» повторилась в новом варианте: Геракл и гипербореи возвратились на Палатинский холм, чтобы заявить свои законные права на эти земли⁶⁶. Неотъемлемой частью Гераклова наследия являются и латины, потомки легендарного героя и гиперборейской девы. Таким образом, модификацию Силеном предыстории Рима и описание им разгромного характера Ганнибаловой войны можно считать частью общего замысла, имевшего целью

отторгнуть латинов от Рима. Не случайно Ганнибал, подходя к Риму, первую остановку сделал у храма Геркулеса возле Коллинских ворот⁶⁷. Он хотел продемонстрировать всем, что явился новый Геракл с божественным мандатом на освобождение народа от ига наследников Кака⁶⁸.

В 209–208 годах Фабий Максим решил перенести храм Геркулеса в более безопасное место — на Капитолий, и это не может не указывать на то, что визит Ганнибала к Риму был своего рода пропагандистской акцией⁶⁹. И все же, несмотря на определенный идеологический эффект, его маневр не достиг главной стратегической цели. В 211 году деморализованный городской сенат сдал Капую римской армии и дорого заплатил за предательство. Желая преподнести на примере города поучительный урок, римляне отловили вожakov фракции, симпатизировавшей карфагенянам, подвергли их бичеванию, а затем казнили. Всех остальных граждан продали в рабство. Сама Капуя не была полностью разрушена, но превращена в заурядный сельский городишко, управлявшийся римскими чиновниками, и от ее былого величия ничего не осталось⁷⁰. Название Капуи впоследствии ассоциировалось в сознании римлян чаще всего с опасностями, которые порождаются зазнайством и тщеславием⁷¹.

Утрата Капуи отразилась на положении Ганнибала во всем регионе: к римлянам отошел целый ряд городов, удерживавшихся карфагенянами. Он пока еще добивался военных успехов, особенно впечатляющей была победа над римской армией в битве при Гердонее в 210 году, в которой римляне потеряли полководца — проконсула Гнея Фульвия Центумала, многих старших военачальников и тысячи солдат⁷². Однако к 209 году римляне овладели Тарентом, и военная пожива, добытая при захвате города, была столь существенной, что помогла Риму избежать финансового краха⁷³.

Римляне повели наступление и на идеологическом фронте. Победоносный полководец Фабий Максим водрузил огромную статую Геракла, захваченную в Таренте, рядом с собствен-

ным бронзовым скульптурным изображением в виде всадника на Капитолии⁷⁴. Этим актом он не только утверждал родство Фабиев с легендарным героем, но и завлекал Геракла на сторону римлян.

Другой представитель клана Фабиев — Фабий Пиктор, ездивший к оракулу в Дельфы в 216 году, — стал первым римским хронистом, написавшим историю Рима — знаменитые «Анналы», к сожалению, до нас не дошедшие. Следуя литературным обычаям своего времени, он писал опус на греческом языке. Ясно, что Пиктор читал труды западногреческих историков, таких как Тимей и Филин, и придерживался теории происхождения римлян от троянцев. Тем не менее его сочинение, судя по всему, радикально отличалось от трудов греческих предшественников. Это была исключительно «римская история»⁷⁵. Он особенно подчеркивал, что пользовался римскими документальными источниками и попытался дать объяснение архаическим обычаям Рима⁷⁶. О стремлении автора опираться на римскую культурную традицию говорит и построение повествования в форме анналов, общепринятом официальном стиле отображения результатов выборов, религиозных церемоний и других формальных процедур⁷⁷. Несмотря на римскую подоплеку сочинения, Пиктор, оставаясь эллинофилом, адресовал его и римлянам, и грекам⁷⁸. Он хотел напомнить обитателям материковой Греции и Великой Греции: у Рима тоже выдающееся прошлое, а не слабая репродукция истории эллинского мира⁷⁹.

Утверждением равнозначности культур Рима и Греции Фабий Пиктор решал лишь одну из поставленных перед собой идеологических задач. Он сочинял свой труд в тяжелые времена войны с Ганнибалом, завершив его, вероятно, около 210 года⁸⁰. Таким образом, первая история Рима была написана в тяжелейший военный период, когда римлянам приходилось отражать наступление не только на государственность, но и на коллективную идентичность. Мощная карфагенская пропаганда подвергла сомнению правомерность сложившихся

взаимоотношений с божествами, союзниками и средиземноморским сообществом. В контексте Ганнибаловой войны, видимо, следует рассматривать и недовольство Полибия излишней проримской предубежденностью Фабия Пиктора⁸¹. А Пиктор в тяжелое кризисное время всего лишь пытался показать римлянам и их союзникам, какими преуспевающими римляне когда-то были⁸².

Рассказав о прибытии Энея и троянцев в Италию, Пиктор затем описывает их первое поселение Альба Лонга, основание Рима чуть севернее этих мест и излагает традиционные легенды наподобие истории о похищении сабинянок⁸³. Эти былины подтверждали и глубокую древность Рима, и его давние исторические связи с другими городами Лация, ключевыми союзниками в войне с Ганнибалом. Культурные узы римлян с южными греками удостоверяются ссылками на Эвандера, вождя аркадских греков, первыми поселившихся на месте будущего Рима⁸⁴. Примечательно, что Пиктору приписывается и детальное отображение деятельности Геркулеса в Италии и на месте зарождения города⁸⁵. Эти рассказы в контексте притязаний Ганнибала на мантию Геракла представляют собой не что иное, как попытку переместить древнюю легенду в историю о сотворении Рима.

Третий Сципион в Испании

После гибели Публия и Гнея Сципионов в 211 году у карфагенян могли возродиться надежды на военные успехи в Испании⁸⁶. Однако римские войска не потеряли боеспособности, сплотившись вокруг Луция Марка Септимия, избрав его полководцем. Капитуляция Капуи позволила перебросить часть армии, осаждавшей город, в Испанию, и для испанского контингента также назначили нового командующего. Избрание его было нелегким. Консулы предложили свою кандидатуру на утверждение Народному собранию, но их кандидата отвергли на том основании, что он прежде не занимал старшей се-

наторской должности. В то же время могущественный клан Корнелиев устроил все таким образом, чтобы не появился соперник у 25-летнего Публия Корнелия Сципиона, сына и племянника погибших полководцев. Хотя это и напоминало кумовство, назначение молодого Сципиона оказалось удачным во всех отношениях. Во-первых, нового командующего, наследника прославленных военачальников, с восторгом приняли войска в Испании. Во-вторых, Сципион уже в этом возрасте проявил себя исключительно одаренным и деятельным человеком⁸⁷.

Сципион был представителем младшего поколения римских сенаторов, приобретших жизненный и военный опыт в противоборстве с сильным противником, искушенным в стратегии и тактике ведения и боевых действий, и пропаганды. Сципион смог заимствовать и даже усовершенствовать многие методы, с успехом применявшиеся Ганнибалом, — военные и идеологические. Он своевременно понял, что противостоять широко распространенному верованию, будто к Ганнибалу благоволят боги, можно в том случае, если самому принять образ былинного героя, наделенного божественной благосклонностью. Тогда-то и появились истории о божественном зачатии Сципиона и его контактах с богами:

«Люди верят в то, что Сципион — сын Юпитера, ибо перед зачатием в постели его матери находился змей, и змея ползала по нему, когда он был младенцем, не причиняя ему никакого вреда. Когда он возвращался на Капитолий, собаки (в храме) никогда на него не лаяли. Он никогда не начинал никакого дела без того, чтобы прежде посидеть в святилище Юпитера, словно получая от бога наставления»⁸⁹.

Нетрудно заметить: подобные истории, которые можно найти у многих древних авторов, предназначались для того, чтобы создавать ассоциации и с Александром Великим, и, в особенности, с Гераклом/Геркулесом (тоже сыном Зевса/Юпи-

тера). Такие легенды, безусловно, служили действенным противовесом идеологической кампании, выставившей в том же свете карфагенского полководца⁹⁰.

Согласно другой легенде, когда старший брат Луций готовился к избранию эдилом, Сципион добился того, чтобы эдилами избрали и брата, и его самого, предсказав заранее результат, поскольку он якобы дважды привиделся ему во сне. Этот сюжет дал повод Полибию написать: «Люди теперь верят в то, что он общается с богами не только в реальности, днем, но и когда спит»⁹¹. Пример превращения Сципиона в полубога доказывает: не только карфагеняне, но и римляне связывали политические и военные успехи с благоволением богов. Хотя просвещенные историки вроде Ливия или Полибия скептически относились к таким ассоциациям, занося их в разряд рассказов и суеверий, сам Сципион деятельно культивировал мифотворчество⁹². Ливий, называя байки о божественном происхождении Сципиона не более чем молвой, отмечает, что римский полководец внушал веру, будто исполняет наставления богов, с самого начала политической деятельности:

«Сципион никогда не рассеивал веры в эти чудеса. Напротив, он укреплял ее, используя испытанный способ: не отрицая и не подтверждая такие дивные события. Множество подобных рассказов — и правдивых, и вымышленных — породило чрезмерное восхищение этим юношей. Разделяя его, граждане и вручили незрелому юнцу такое трудное дело и такую большую власть»^{93*}.

То, как искусно Сципион манипулировал образом полубога, иллюстрируют события, связанные с осадой Нового Карфагена в 209 году. Узнав, что на расстоянии десятидневного марша нет ни одной карфагенской армии, Сципион решил взять город штурмом. Это был дерзкий, но и разумный замысел: в случае успеха он бы лишил карфагенских командующих

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXVI.19).

стратегической базы и ослабил позиции Баркидов в Испании. Поставив флотилию напротив Нового Карфагена, Сципион создал у защитников города впечатление, будто собирается напасть с восточной, береговой стороны, построив там земляные укрепления. В действительности он запланировал штурмовать город с запада, узнав от местных рыбаков о том, что лагуна, примыкавшая к городу с этой стороны, мелководная, а во время отлива ближе к вечеру вода вообще уходит из нее по узкому каналу в море⁹⁴. Войскам же Сципион сообщил совершенно иную историю: будто Нептун, римский бог морей, явился к нему во сне и пообещал помочь захватить город. На следующий день Сципион вначале предпринял атаку с востока, чтобы отвлечь внимание защитников города, а затем отправил 500 воинов через обмелевшую лагуну с лестницами. Десантники поднялись по неохраняемым западным стенам, практически не встретив никакого сопротивления. После того как римские войска оказались в городе, Новый Карфаген вскоре капитулировал⁹⁵.

Участие Нептуна в штурме Нового Карфагена — лишь один из примеров использования мифотворчества в качестве стратегического и тактического оружия. Полибий специально отмечает, как мастерски Сципион «вселял в своих людей оптимизм и готовность пойти навстречу опасностям, внушая им веру в то, что все его действия благословлены богами»⁹⁶. Сципион оказался сильным оппонентом Ганнибала не только на поле битвы, но и в идеологической борьбе за мантию героя — полубога.

Подражая Ганнибалу, Сципион проявил милосердное отношение к жителям Нового Карфагена, позволив многим из них разойтись по домам. Поощаил он и карфагенских солдат, пообещав впоследствии отпустить их на волю, если они согласятся послужить на его военных кораблях и в трудовых командах. Испанским заложникам Сципион тоже посулил свободу, если их племена станут союзниками римлян⁹⁷. Взятием Нового Карфагена он существенно упрочил финансово-

материальную обеспеченность римской армии в Испании, добыв 600 талантов серебра, великое множество военного снаряжения и завладев действующим монетным двором, на котором римляне сразу же начали чеканить деньги⁹⁸.

Нарастив силы и обретя надежную базу в Испании, Сципион теперь мог вызвать на битву любую из трех карфагенских армий, дислоцированных на полуострове. Массовое дезертирство к римлянам вынудило Гасдрубала, брата Ганнибала, первым навязать Сципиону решающее сражение. Две армии встретились весной 208 года при Бекуле на северо-западе современной испанской провинции Хаэн. Сципион смелыми и решительными действиями вскоре одержал верх над войском Гасдрубала, и карфагенянину ничего не оставалось, кроме как реализовать свой резервный план — отойти с остатками армии на север и идти дальше на соединение с братом в Италии⁹⁹.

Но после победы произошло событие, приведшее Сципиона в замешательство: несколько испанских вождей провозгласили его царем¹⁰⁰. Этот титул наверняка прогневал бы римлян, для которых царские атрибуты были в равной мере и ненавистными, и угрожающими. Сципион ответил как истинный дипломат: «Он повелел всем хранить молчание, а вождям сказал, что для него дороже всего титул, присвоенный солдатами, — титул “императора”»*. «Наименование царь, — сказал он, — где-то и звучит громко и величественно, но оно неприемлемо для слуха римлянина. Если царское разумение вы считаете самым благородным качеством человеческой натуры, то вы можете приписывать его мне в ваших мыслях, но не надо произносить это слово»¹⁰¹.

Несмотря на провозглашение Сципиона царем испанскими вождями (пусть даже в мыслях), карфагеняне не собирались сдаваться и готовились дать отпор. Пока армия Гасдрубала Гискона удерживала последний плацдарм — низовья реки Гва-

* Первоначальное смысловое значение латинского слова *imperator* — повелитель, властелин, полководец.

далквивир и Гадес, — Магон отправился на Балеарские острова набирать новые войска. Гасдрубал Барка тем временем продвигался на север с остатками армии, пополняя ее галльскими наемниками. Дождавшись весны, он перешел через Альпы в Италию, избрав наиболее легкий маршрут через Дюранс и перевал Мон-Женевр¹⁰².

После ухода Гасдрубала в Италию положение карфагенян в Испании стало почти безнадежным. Вспомогательную армию, посланную из Северной Африки, римляне разгромили. Весной 206 года Магон, брат Ганнибала, возвратился с Балеарских островов, присоединился к Гасдрубалу Гискону, удерживавшему низовья долины Гвадалквивир и Гадес, и решил навязать Сципиону открытое сражение при Илипе. Хотя карфагенская армия имела численное превосходство (60 000 против 50 000), Сципион доказал, что он такой же дерзкий и находчивый полководец, как и Ганнибал. Он расположил свои отборные легионы не в центре, а на флангах, а в центр поставил менее надежных испанцев. Применив ту же тактику, которой воспользовался Ганнибал при Каннах, Сципион отправил в наступление передовое боевое построение и приказал легионерам на флангах занять центр. Когда испанские федераты на флангах противника были оттеснены, он усилил натиск на карфагенский центр и после ожесточенной, кровопролитной схватки смял его¹⁰³.

Потерпев сокрушительное поражение при Илипе, карфагеняне быстро утратили боеспособность, а многие старшие военачальники укрылись в последнем бастионе — Гадесе¹⁰⁴. Даже болезнь Сципиона, мятеж в войсках и восстание против римлян могущественного племени илергетов не изменили ход событий в пользу карфагенян. К концу 206 года Магон, которому пришлось подавлять бунт прежде лояльного Гадеса, покинул Иберийский полуостров, перебравшись к брату в Италию, а Гадес сдался римлянам. Навсегда исчезла когда-то процветающая Баркидская Испания, просуществовав всего лишь чуть более тридцати лет¹⁰⁵.

Битва за Италию и богов

Если в Испании римлянам в 207 году сопутствовали успехи, то в Италии людей пугали зловещие знамения. В Вейи видели каменные ливни, в Минтурнах в храм Юпитера ударила молния, в Капуе волк пробрался в город и загрыз одного из стражей. Самое ужасное событие произошло в Фрузиноне: там родился гермафродит размерами с четырехлетнего ребенка. Децемвиры, вызванные из Этрурии, заявили, что младенца-чудовище надо убрать с территории Италии без контакта с землей. Несчастного младенца поместили в сундук, вывезли в море и выбросили за борт. Жрецы Рима повелели также, чтобы по улицам города прошли три группы по девять девственниц в каждой, распевая гимн, написанный по этому случаю тарентинским поэтом Ливием Андроником. Выбор был сделан мудрый. Андроник написал первую римскую пьесу, поставленную в 240 году в ознаменование победы в Первой Пунической войне. И он сам, и его произведение были символами триумфа римлян над Карфагеном. Тарентинец, писавший на греческом языке, олицетворял и связи Рима с западногреческим миром, подвергшиеся серьезным испытаниям, а в отдельных случаях и полностью нарушенные войной Ганнибала. Римлянам для восстановления нормальных взаимоотношений с богами надо было перехватить у карфагенян и пропагандистскую инициативу.

Вслед за неприятными событиями в Фрузиноне молния поразила храм Юноны Царицы на Авентинском холме в Риме. Умилостивили разгневанную богиню лоханью из чистого золота, изготовленной на средства римских матрон, отдавших часть своего приданого, и торжественными жертвоприношениями¹⁰⁶. Неприязнь Юноны к римлянам (и благоволение к карфагенянам) станет популярной темой в более поздней римской литературе¹⁰⁷, но это было первое публичное признание враждебных чувств богини по отношению к Риму. Современные свидетельства указывают на то, что Ганнибал,

по крайней мере отчасти, виновен в возникновении этой традиции. Хотя более поздние римские писатели и будут отождествлять Юнону и Тиннит, в тот период в Центральной Италии было принято ассоциировать Уни, этрусскую Юнону, с пунической богиней Астартой (таблички Пирги)¹⁰⁸. По меньшей мере дважды Ганнибал совершал ритуалы у озера вулканического происхождения Аверн в Кампании, считавшегося «воротами» в подземный мир и посвященного Аверну, богу смерти и супругу богини Юноны Авернской¹⁰⁹. Хотя Ганнибал скорее всего у озера Аверн чествовал Астарту (или ее консорта Мелькарта), римляне могли расценить его действия как попытку завлечь Юнону на сторону карфагенян. Ритуалы, совершенные в храме Юноны Царицы, подтверждают успешность пропагандистского наступления Ганнибала в сфере религии.

Военная ситуация для римлян складывалась не менее тревожная: летом 208 года погибли оба римских консула — Тит Квинт Криспин и Марк Клавдий Марцелл¹¹⁰. Кольцо с печатью Марцелла попало в руки к Ганнибалу, и он попытался воспользоваться им для того, чтобы отвоевать город Салапию, разослав письма с уведомлением о прибытии (уже мертвого) римского полководца. Криспин же успел все-таки перед смертью предупредить соседние города о гибели консула, и когда Ганнибал появился возле Салапии, ему не позволили войти в город, несмотря на то что он пустил вперед римских перебежчиков¹¹¹. Римлянам теперь надо было во что бы то ни стало не допустить воссоединения войск Ганнибала и Гасдрубала. Блокировать Ганнибала на юге поручалось новому консулу Гаю Клавдию Нерону, а на север отправился его напарник Марк Ливий Салинатор. В начале лета 207 года Гасдрубал успешно преодолел Альпы и вышел к долине реки По с вполне боеспособной армией¹¹². Для Рима на севере создалась реальная угроза. Она усугублялась еще и тем, что латины, проявлявшие прежде лояльность, начали выражать откровенное недовольство чрезмерными притязаниями римлян. В 208 году двенад-

цать из тридцати римских колоний в Лации отказались предоставлять и субсидии, и войска.

Потеряв впустую время на безуспешную осаду римской колонии Плацентия, Гасдрубал решил пополнить запасы, набрать побольше галльских воинов и пойти на юг вдоль Адриатического побережья. Тем временем в Бруттии Ганнибал подготавливался к походу на север. Хотя ему и удавалось продвигаться вперед навстречу брату, карфагеняне несли тяжелые потери при стычках с римлянами. И вскоре произошла настоящая трагедия. Письмо, посланное Ганнибалом брату с указанием места встречи двух армий, попало в руки к римлянам, когда они поймали его гонцов, по ошибке ехавших в Тарент, уже принадлежавший Риму. Проинформировав сенат, консул Клавдий Нерон тайно отправился на север с внушительным контингентом войск, оставив часть армии для сдерживания Ганнибала возле апулийского города Канузий. Совершив несколько форсированных марш-бросков, Нерон быстро дошел до лагеря консула Салинатора возле поселения Сена Галлика в Умбрии, неподалеку от которого стоял лагерь и Гасдрубал. Хотя римляне и пытались скрыть свое передвижение, Гасдрубал понял, что попался на крючок, и решил отойти. Однако от него сбежали проводники, и римляне настигли заблудившуюся карфагенскую армию, когда она отыскивала место для перехода через реку Метавр. Гасдрубалу, загнанному в угол, пришлось ввязаться в битву. Карфагеняне сражались мужественно, но все-таки их ряды были смяты, и Гасдрубал, видя, что все потеряно, ринулся на легионеров и был убит¹¹³. Ганнибал узнал о поражении, когда перед его войском римляне выставили отрубленную голову брата. Понимая, что шансов на победу у него нет, Ганнибал собрал армию и отступил в Бруттий¹¹⁴. Там он и оставался в продолжение нескольких лет, ведя образ жизни малозначительного эллинского князька наедине с загубленными грезами о завоевании Италии¹¹⁵.

Горестей Ганнибалу добавило и возвращение из Испании победоносного Сципиона. Его встречали с почестями. Однако,

несмотря на красочное описание побед перед сенатом в храме Беллоны и впечатляющие трофеи — 6500 килограммов серебра, — Сципиона не удостоили триумфа на том основании, что он никогда не занимал высокого поста в магистратуре. Тем не менее его популярность была настолько грандиозной, что его без проблем избрали консулом на 205 год.

Сципион теперь требовал перенести сражения на территорию Северной Африки, поскольку окончательно добить карфагенян можно лишь в том случае, если нанести им поражение на родине¹¹⁶. Его оппоненты, в том числе и Фабий Максим, предлагали вначале выдворить из Италии Ганнибала. После долгих дебатов было принято компромиссное решение. Сципиона назначили командовать в Сицилии с прицелом на высадку в Северной Африке, если сенат сочтет это нужным. Другой консул — Публий Лициний Красс должен был оставаться в Италии и продолжать оказывать давление на Ганнибала¹¹⁷. Такой расклад заданий явно нацеливался на поддержку плана Сципиона, и его оппоненты в сенате пытались помешать военным приготовлениям, отказавшись дать ему право набирать войска. Тем не менее многие римляне добровольно выражали желание сражаться под его знаменами, а некоторые итальяйские города начали поставлять лес для строительства кораблей, зерно и снаряжение. Сципион мог спокойно уехать на Сицилию и готовить армию к сражениям в Северной Африке¹¹⁸.

Магон, брат Ганнибала, потерпевший поражение в Испании, высадился весной 205 года в Лигурии, имея 12 000 пехотинцев и 2000 конников. К лету, получив подкрепления из Карфагена и пополнив войска галлами и лигурийцами, он уже был готов к походу на юг. Но римляне, научившиеся бороться с подобными угрозами, просто-напросто перекрыли Апеннины с обеих сторон, заперев Магона на два года в Северной Италии¹¹⁹. Ганнибал ничем ему помочь не мог, сам был заблокирован в Бруттии и с моря, и с суши¹²⁰. Летом 205 года римляне захватили восемьдесят карфагенских транспортных судов, шедших в Бруттий, бессмысленно было ожидать помощь и от

«союзника» Филиппа Македонского¹²¹: римляне, заключив договора с его врагами в Греции и Малой Азии, заставили Филиппа больше тревожиться о собственной безопасности¹²². В том же 205 году ему пришлось спешно договариваться о мире с Римом и его союзниками и отречься от альянса с Карфагеном¹²³.

Римский сенат теперь ясно понял, что зыбкий альянс карфагенян, италиков и греков, выпестованный Ганнибалом, вот-вот рухнет. Для ускорения этого процесса римляне провели две блистательные идеологические акции, акцентировавшие внимание на культурных связях между Римом, Италией и Грецией. Сенат принял решение исполнить обещание, данное десять лет назад, и поделиться военной поживой с оракулом в Дельфах. В Грецию отправились два посланника с дорогими дарами: золотым венцом весом 90 килограммов и серебряными изделиями, добытыми в результате победы над Гасдрубалом¹²⁴. Примерно в это же время высокопоставленная делегация выехала на восток к Атталу, царю Пергама, за уникальной религиозной реликвией — священным камнем богини земли Кибелы (римляне называли ее Магна Матера, «великая мать»^{*}). Ранее в том же 205 году очередное знамение заставило римлян обратиться к Сивиллиным книгам и получить полезное пророчество: они разгромят Ганнибала, если Магну Матеру привезут в Рим¹²⁵. Некоторых это предсказание озадачило: ведь Ганнибал уже не представлял никакой угрозы¹²⁶.

В действительности тревога еще долго не покидала римлян и после победы над Ганнибалом на полях сражений. Самый долговременный урон он причинил им не в битвах при Требии, Тразименском озере или Каннах, а экспроприацией мифологического наследия (особенно Геракла), служившего главным доказательством культурной и политической общности Рима с греческим миром и правомерности притязаний на лидерство в Центральном и Западном Средиземноморье. Обе миссии — и в Дельфы, и в особенности за богиней Магной Матерой —

^{*} Великая мать богов.

означали: в Риме начался долгий процесс избавления от сомнений и тревог, которые Ганнибал и его советники внедрили в коллективное сознание римской элиты. Родиной Магны Матеры считалась гора Ида возле Трои, и, согласно более позднему мифу, именно на ней нашли приют Эней и его спутники в начале путешествия в Рим¹²⁷. Визит в Пергам за священным камнем был первым публичным подтверждением причастности римского наследия к эллинистическому миру и стремления восстановить исторические и культурные связи, которые разрушил Ганнибал.

Глава 13

ПОСЛЕДНЯЯ ЭРА ГЕРОЕВ

Поменялись ролями

К 204 году Сципион, продлив срок проконсульского командования, уже был готов начать войну в Северной Африке. В Сицилии он занимался только тем, что обучал и тренировал экспедиционную армию в преддверии вторжения на африканский континент. Однако у него нашлось время для того, чтобы в 205 году вернуться в Италию и отвоевать у Ганнибала калабрийский город Локры. Он также совершил поездку в Северную Африку и навестил Сифака, владыку могущественного массилийского нумидийского царства в его столице Сиге*. Понимая, что им потребуется помощь в Северной Африке, римляне обхаживали этого хитрого самодержца с 213 года. Но Сифак, хотя и поддерживал дружественные отношения с Римом, рассудил: для него пока выгоднее сохранять альянс с Карфагеном, находившимся ближе и способным оказывать на его царство более непосредственное и существенное воздействие. Теперь, когда подошло время для вторжения, Сципион решил предпринять еще одну попытку оторвать царя от карфагенян. По случайности его давний оппонент в Испании Гасдрубал Гискон тоже оказался в Сиге, зайдя в гавань на пути в Карфаген. Си-

* В тексте — Siga. У Ливия столица царства Сифака — Цирта. — Тит Ливий. История Рима от основания города (XXX.12.3).

фак, польщенный визитом столь именитых представителей двух великих держав, устроил все так, чтобы римский полководец и его карфагенский противник вместе отобедали у царя и вместе возлежали на одном ложе*. Согласно хроникам, римлянин так поразил Гасдрубала, что карфагенянин уезжал в большой тревоге за будущее своей родины¹.

Сципион заблуждался так же, как прежде его отец и дядя, решив, покидая Сигу, будто ему удалось заручиться поддержкой царя Сифака в предстоящей войне на территории Северной Африки**. Гасдрубал Гискон, зная, что нумидийского царя могут соблазнить посулы римлян, предложил ему в жены свою сестру Софонисбу. Там где бессильна дипломатия, нередко помогают обыкновенные человеческие слабости. Старый царь влюбился, возжелав юную, очаровательную и умную девушку. Массесияне подписали новый договор об альянсе с Карфагеном, и Гасдрубал уговорил царя сообщить об этом Сципиону в Сицилии².

Несмотря на разочарование, доставленное ему Сифаком, Сципион обладал несомненным превосходством. У карфагенян в Северной Африке не было регулярной армии, Ганнибал томился в Бруттии, и экспедиционная армия численностью 35 000 человек, мобилизованная Сципионом, представляла грозную силу. Ее костяк составляли два легиона закаленных в боях ветеранов, последние десять лет сражавшихся в сицилийском изгнании в наказание за бегство с поля битвы при Каннах. Это воинство особенно горело желанием сразиться с карфагенянами, чтобы искупить свои грехи. Весной 204 года экспедиционная армия отправилась из Лилибея в Северную Африку: ее доставляли 400 транспортов в сопровождении 20 боевых кораблей. Однако из-за неблагоприятных погодных условий Сципиону пришлось высаживать войска возле горо-

* Эта встреча произошла после изгнания карфагенян из Испании, то есть в 206 году, и Сципион приезжал к Сифаку из Нового Карфагена, туда же и вернулся.

** Согласно Ливию, Сципион заключил союз с царем Сифаком. — Тит Ливий. История Рима от основания города. XXVIII.18.12, XXIX.23.3–6.

да Утика севернее Карфагена, а не у Малого Сирта на юге, откуда можно было бы захватить плодородные земли региона Кап-Бон³.

Карфагеняне хотя наверняка и предвидели вторжение, не были готовы к нему. Спешно формируя армию и поджидая нумидийское воинство Сифака, они отрядили две конницы для сдерживания интервентов. Оба отряда всадников были разгромлены. Карфагенян спасло завершение военной кампании. Сципион, предприняв несколько безуспешных попыток взять превосходно укрепленную Утику и видя, что карфагенская армия полностью сформирована, отошел и встал лагерем на зимовку⁴.

Справедливо полагая, что без нумидийской конницы карфагенская армия будет значительно слабее, Сципион еще раз попытался склонить царя Сифака на свою сторону. Сифак, обеспокоенный угрозами, которым подвергает война его царство, на этот раз пожелал выступить в роли посредника и помирить противников (предложив им добровольно уйти с территорий друг друга). Но Сципион, стремившийся к славе и уверенный в победе, лишь делал вид, будто заинтересован в мирном урегулировании, и тайно посылал своих людей на разведку в лагеря карфагенян и нумидийцев. Вызав обустройство стоянки и расположение войск, он решил предпринять внезапное нападение на позиции Гасдрубала и Сифака. Однажды ночью Сципион приказал поджечь лагери карфагенян и нумидийцев, сделанные из сухого дерева, тростника и листвы, и, воспользовавшись пожаром и паникой, разгромил их лагеря. В этой бойне и огне погибла основная часть армии, в которой было 50 000 пехотинцев и 13 000 всадников. Через несколько месяцев, в 203 году, карфагеняне потерпели очередное сокрушительное поражение в открытом сражении на равнине южнее Утики. Совету старейшин Карфагена ничего не оставалось, кроме как отозвать Ганнибала из Италии⁵.

Карфагеняне тянули время в ожидании прибытия своего полководца. Они отправили к Сципиону в Тунет делегацию из тридцати человек для переговоров об условиях мира. Распростершись ниц перед ним по левантийскому обычаю, послы сначала повинились, а потом возложили ответственность за деяния Карфагена на клан Баркидов и их сторонников. Сципион в ответ предложил целый ряд условий. Карфагеняне должны передать всех пленных, перебежчиков и беженцев, вывести войска из Италии, Галлии и Испании, уйти со всех островов между Италией и Африкой; им также надлежало сдать римлянам весь флот за исключением двадцати судов, обеспечить римскую армию пшеницей и ячменем и выплатить контрибуцию в размере 5000 талантов серебра. Это были, без сомнения, жесткие требования, но прежде Сципион вообще был настроен на то, чтобы не вести никаких мирных переговоров и разрушить Карфаген. Возможно, после неудачных попыток взять Утику он понял: осада Карфагена потребует еще больше времени, человеческих жертв и материальных ресурсов. Длительная осада, кроме того, не устраивала Сципиона еще по одной причине: его могли заменить другим магистратом и лишит возможности вкушать плоды победы⁶.

Совет старейшин Карфагена согласился с условиями, и летом 203 года в Рим выехала делегация заключать договор с сенатом. Послы, видимо, следуя одобренной общей стратегии, вновь обвинили Баркидов во всех грехах: «Виноват в этой войне один Ганнибал; карфагенское правительство ни при чем; он перешел не только Альпы, но даже Ибер без приказа Совета; он самовольно начал войну с римлянами и еще до того с сагунтинцами; а Совет и народ карфагенский до сего дня не нарушили договор с Римом»^{7*}. Обелив Совет старейшин, послы затем сказали: не Карфаген, а Ганнибал нарушил условия договора 241 года. Назначение их риторики прояснилось, когда они стали доказывать, что следует признавать правомочность именно этого договора: он позволял карфагенянам

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXX.22.1–3).

по-прежнему владеть Балеарскими островами и, возможно, Южной Испанией. Добившись того, что римляне приостановили наступление, эмиссары теперь хотели выторговать и лучшие условия заключения мира с Римом. Если это у них не получится, то, затягивая дискуссии, они выиграют больше времени для Ганнибала и Магона.

Но римские сенаторы не были столь наивны, чтобы не разгадать тактику карфагенян (кроме того, послы были слишком молоды и вряд ли помнили статьи договора 241 года). Тем не менее сенат — возможно, из-за неприязни к удачливому Сципиону — ратифицировал новый договор, поставив, правда, условие: он вступит в силу после полного и окончательного вывода войск Ганнибала и Магона из Италии⁸.

Ганнибал гневно отреагировал на приказание покинуть Италию. В Совете старейшин давно вошло в привычку находить козла отпущения, и Ганнибал доказал, что тоже умеет это делать. Ливий писал:

«Рассказывают, что когда послы объявили ему, с чем пришли, он выслушал их, скрежеща зубами, стеная и едва удерживаясь от слез: “Уже без хитростей, уже открыто отзывают меня те, кто давно уже силился меня отсюда убрать, отказывая в деньгах и солдатах. Победил Ганнибала не римский народ, столько раз мной битый и обращенный в бегство, а карфагенский сенат* своей злобной завистью. Сципион не так будет превозносить себя и радоваться моему бесславному уходу, как Ганнон, который не смог ничего со мной сделать, кроме как, погубив Карфаген, только бы погрести под его развалинами мой дом”»^{9**}.

В Совете старейшин прибавилось противников Ганнибала. Среди оппонентов Баркидов были и такие, кто поддерживал полководца, пока он преуспевал, завоевывал трофеи и новые территории. Когда с карфагенских фронтов начали поступать

* У Тита Ливия Совет старейшин Карфагена назван сенатом.

** Тит Ливий. История Рима от основания города (XXX.20.1–4).

плохие вести, эйфория кончилась и наступила пора разочарований и праведного гнева. К 203 году многие из тех, кому понравилось купаться в лучах его славы, переметнулись в стан Ганнона и его сторонников.

Ганнибал тем не менее подчинился приказу вернуться в Карфаген. Его брату Магону не довелось увидеть родину. Он успел погрузить войско на суда и уйти из Лигурии, но умер от ран, когда флотилия шла мимо Сардинии и римляне захватили немало его кораблей¹⁰. Ганнибал высадился в Северной Африке с армией, состоявшей из 15–20 тысяч ветеранов. Он оставил в Италии часть войск для охраны городов, все еще преданных ему, а остальных отпустил на волю.

Римляне принялись искоренять любые позитивные напоминания о Ганнибале и благоволении к нему богов. Получила широкое распространение история о том, как Ганнибал предал смерти итальянских воинов, отказавшихся ехать в Африку и укрывшихся в храме Юноны на мысе Лациний¹¹. История, безусловно, апокрифичная и специально изобретенная для диффамации полководца. Не случаен и выбор места происшествия. В этом храме, располагавшемся в десяти километрах от последней базы в Кротоне, Ганнибал, желая увековечить свое итальянское наследие, поставил бронзовую табличку с перечнем на латинском и греческом языках всех свершений на полуострове*. Полибий, посетивший святилище, отметил достоверность начертанных сведений о численности войск и животных. Однако он намекает и на то, что другая информация, содержащаяся в тексте, которую хронист, правда, не цитирует, может быть сомнительной¹².

У Ганнибала и его советников, томившихся в Бруттии, видимо, имелись и другие причины для того, чтобы избрать

* Ливий не связывает перечень свершений Ганнибала только лишь с Италией. Согласно его тексту, Ганнибал поставил и посвятил Юноне алтарь с большой надписью на греческом и пуническом языках, перечислявшей его подвиги (Ливий, XXVIII.46.16). Полибий же подтверждает достоверность сведений о численности войск и слонов, оставленных Ганнибалом брату Гасдрубалу в Иберии (Полибий, III, 33).

святилище Юноны для увековечивания памяти о военной кампании в Италии¹³. Помимо всего прочего, это место славилось необъяснимыми сверхъестественными явлениями: к примеру, зола и пепел в алтаре оставались неподвижными при любом ветре¹⁴. К тому же окрестности здесь были необычайно живописными: за изгородами темнел густой лес, а на лугах паслись коровы, быки и телята, посвященные богине. Настолько уединенным и безмятежным было это место, что стаду не требовался пастух, животные сами шли к стойлам в конце дня. Продажа скота приносила большой доход, часть которого использовали для оплаты изготовления колонны из чистого золота, подаренной Юноне.

Согласно легенде, приписываемой Целию, но, по мнению большинства историков, принадлежащей перу Силена, Ганнибал задумал унести золотую колонну, но прежде решил просверлить в ней дыру, дабы убедиться — полая она или нет. Юнона привиделась ему во сне и предупредила: у него ослепнет и второй глаз, если он украдет колонну. Проснувшись, Ганнибал внял предупреждению и повелел сделать из золотой стружки статуэтку телушки и поместить ее на вершину колонны¹⁵.

Как и в других легендах, описывающих контакты Ганнибала с богами, и в этой истории трудно отделить первоначальный смысл от последующих недружественных интерпретаций римских и греческих историков¹⁶. Однако и эта, и другие легенды, вероятнее всего, предназначались для того, чтобы отенить чувство долга у Ганнибала и преданность богам — в данном случае Юноне/Гере, богине, уже известной своим враждебным отношением к римлянам. Карфагенский полководец, поняв, что может совершить святотатство, не только воздержался предпринимать опрометчивые действия, но и попытался возместить моральный ущерб, нанесенный богине¹⁷. Лишь только в более поздние времена римские историки превратили легенду в притчу, утверждающую нечестивость Ганнибала. Во всяком случае, святилище на мысе Лациний привлекло внимание Ганнибала не только связями с богиней

Юноной. Согласно одной легенде, храм построил не кто-нибудь, а сам Геракл¹⁸.

Историки давно обратили внимание на сходство предания о золотой колонне Ганнибала с рассказом греческого философа Эвгемера, чьи идеи легли в основу ассоциирования полководца с Гераклом — Мелькартом, о золотой колонне, найденной им на острове в Индийском океане. На ней якобы была начертана вся древнейшая история мира, включая происхождение человечества от самых ранних греческих богов¹⁹. Эпизод с золотой телушкой, эту последнюю эвгемеристическую попытку карфагенского полководца обратиться к греческому миру, можно считать таким же свидетельством наследия Ганнибала, как и детальное описание на бронзовой табличке войск и военных кампаний. Но нельзя забывать, что Силен писал историю Ганнибала после краха экспедиции, и у него получился скорбный панегирик последнему великому заступнику синкретичного царствия Геракла — Мелькарта.

Еще долго и после отбытия Ганнибала римляне настороженно относились и к святилищу, и к богине. Когда цензор Квинт Фульвий Флакк в 174 или 173 году снял черепицу с крыши святилища для храма Фортуны, строившегося в Риме, сенат воспротивился откровенному пренебрежению благочестием. Ему устроили взбучку и спросили: «Не думал ли ты, что оскверняешь храм, самый священный в крае, над которым не посмели надругаться ни Пирр, ни Ганнибал, когда сдирал черепицу с крыши и чуть не погубил его?» Совершив искупительный обряд, римляне возвратили черепицу в храм, но плитку пришлось сложить во дворе, так как никто из каменщиков не смог укрепить ее на крыше^{20*}.

Распространение истории о массовом убийстве италиков в святилище Юноны на мысе Лациний, возможно, имело целью очернить финал 15-летней героической эпопеи карфагенского

* Речь идет об осквернении святилища Юноны Лацинийской в Брутии, с крыши которого по указанию цензора Флакка были сняты мраморные плиты для строившегося в Риме храма Всаднической Фортуны (Ливий, XLII.3.1–11).

полководца. Но если даже обвинения лживы, то нет никаких сомнений в том, что, отбыв из Италии, он бросил на произвол судьбы своих итальянских союзников. Множество тайников с монетами, захороненными владельцами до лучших времен и найденными в Бруттии археологами, свидетельствуют о трагическом положении, в котором оказались итальянские соратники Ганнибала²¹.

Видимо, не испытывая доверия к Совету старейшин, Ганнибал не пошел в Карфаген, а расположился лагерем в Гадрумете, в ста двадцати километрах к югу от метрополии. Он появился вовремя: к весне 202 года перемирие с римлянами нарушилось. Карфагеняне разграбили и реквизировали несколько римских грузовых судов, прибывших к берегу штормом, а римским послам, приехавшим за репарациями, был оказан откровенно недружественный прием. Совет старейшин явно приободрила близость воинства Ганнибала. Толпа чуть не избила римских послов. От расправы их спасло вмешательство лидеров антибаркидской фракции Гасдрубала Гедя и Ганнона. Экстремисты в Совете старейшин организовали нападение на корабль послов, судну удалось уйти, хотя и не обошлось без кровопролития²².

Преднамеренно провокационные действия карфагенян вынудили Сципиона возобновить войну. Вначале он позвал нумидийского царя Масиниссу с его войском, а затем начал нападать и опустошать города в густонаселенной и плодородной долине реки Меджерда, продавая их жителей в рабство. Разбойничья тактика принесла свои плоды: представители Совета старейшин попросили Ганнибала как можно скорее навязать сражение Сципиону²².

Ганнибал направился на северо-запад, возможно, для того, чтобы отрезать войско Масиниссы, прежде чем сразиться с армией Сципиона. В октябре 202 года он сблизился с римлянами у Замы, располагавшейся к юго-западу от Карфагена на расстоянии пятидневного марша. Сципион, демонстрируя уверенность в победе, разрешил захваченным карфагенским ла-

зутчикам осмотреть лагерь, вернуться обратно и доложить информацию своему полководцу. Этот на первый взгляд самоуверенный и беззаботный жест вовсе не был таковым. Вскоре Сципион перевел свой лагерь в другое место. Пока армии готовились к сражению, Ганнибал послал гонца к Сципиону с просьбой о личной встрече. Карфагенянин, убедившись на опыте, что военная победа над римлянами маловероятна, попытался договориться о более мягких условиях мира. Сципион, абсолютно убежденный в победе на поле боя, отказался мириться и предложил готовиться к битве²⁴.

Наутро армии сошлись в последнем и решающем сражении. Хотя Ганнибал и обладал численным превосходством (50 000 против 29 000), шесть тысяч нумидийских конников Масиниссы обеспечивали римлянам преимущество на поле боя. Тактика битвы, избранная Ганнибалом, отражала его ограниченные возможности, нехватку кавалерии и неопытность пехоты. В отличие от Италии, где он мог воспользоваться преимуществами кавалерии для окружения противника с флангов, здесь ему пришлось выстраивать боевой порядок в три линии: впереди — остатки наемнической армии брата Магона, во втором ряду — ливийские новобранцы и граждане Карфагена, в резерве — тяжеловооруженные ветераны Ганнибала. Его замысел был прост: он нанесет массированный удар по центру боевого порядка противника, построившегося также в три линии и поставившего наиболее опытных легионеров позади. Безусловно, план сражения не отличался оригинальностью, но это был, пожалуй, наилучший вариант с учетом реальных ресурсов, имевшихся у Ганнибала.

Несогласованность в действиях карфагенской армии проявилась с самого начала битвы. Ганнибал должен был оставаться со своими ветеранами в третьей линии, и основная ответственность за успех сражения легла на командиров передовых рядов.

Для прорыва первой линии римлян Ганнибал подготовил войско из восьмидесяти слонов. Но Сципион предусматри-

тельно выстроил войска так, чтобы в рядах образовались широкие проходы для слоновьего воинства. Когда битва началась и слоны пошли в атаку, большинство животных, не поддавшихся панике и не отступивших назад, римлянам удалось загнать в эти коридоры. Тем временем конники Масиниссы и римские всадники обрушились на кавалерию Ганнибала, вытеснив ее с поля сражения.

Пехота с обеих сторон билась с равным ожесточением и несла в равной мере тяжелые потери, пока первая и вторая линии карфагенян не начали отходить. Сципион перестроил свои войска в одну линию и завязал бой с двадцатитысячной армией ветеранов Ганнибала. Силы противников были равными, и они не уступали друг другу, но вскоре вернулась римская кавалерия и напала на карфагенян с тыла. В этом сражении Ганнибал потерял множество прославленных ветеранов, погибших на поле боя или оказавшихся в плену^{25*}. Римляне нанесли тяжелейшее поражение и Ганнибалу, которому все-таки удалось бежать, и Карфагену. Этой битвой фактически закончилась вторая грандиозная война между Римом и Карфагеном²⁶.

После войны

Сбежав вначале на свою базу в Гадрумете, Ганнибал затем отправился в Карфаген на совещание Совета старейшин. Его ответ старейшинам был резок и прямолинеен: война проиграна, надо просить мира. Совет незамедлительно отправил к римлянам десять послов, в числе которых были Гасдрубал Гед и Ганнон, на корабле, украшенном оливковыми ветвями (традиционный символ миролюбия) и кадуцеем на носу. Сципион, встретивший корабль, когда его флотилия шла в Карфаген, повелел послам следовать за ним в Тунет, где располагался его

* Согласно Ливию, в этот день было убито больше двадцати тысяч карфагенян и их союзников, почти столько же было взято в плен (Ливий, XXX. 35.3).

лагерь. Условия мира, предложенные им, теперь были еще жестче. В дополнение к прежним требованиям Карфагену запрещалось вести войны за пределами Африки, и даже на этом континенте карфагеняне вначале должны были получить позволение в Риме. Размер контрибуции составлял 10 000 талантов (26 000 килограммов) серебра, которые надлежало выплатить на протяжении пятидесяти лет, — в десять раз больше, чем по условиям договора 241 года. Мало того, Карфаген обязывался передать римлянам всех боевых слонов, а его флот сокращался до десяти военных кораблей²⁷.

В Карфагене весь Совет старейшин согласился с требованиями римлян, кроме одного человека. Некий Гискон выступил против подписания договора, но Ганнибал, разозленный непониманием остроты ситуации, стащил его с трибуны. Однако и в совете уже была другая обстановка: полководца заставили извиниться за свое поведение. На исходе 202 года карфагенские посланники во главе с Гасдрубалом Гедом съездили в Рим, где заявили сенату о согласии с условиями мирного договора, а после их возвращения в Северную Африку договор был ратифицирован и Советом старейшин. Карфагенский флот горел на глазах жителей города, латинских и римских перебежчиков казнили. После этого Сципион, погрузив на корабли и свою армию, и 4000 пленных, освобожденных карфагенянами, отплыл в Рим, где ему устроили пышный триумф. С того времени его будут называть не иначе как Сципионом Африканским²⁸.

Согласно некоторым римским источникам, Ганнибал продолжал командовать остатками своей армии, заставляя солдат выращивать маслины²⁹. К 196 году ему наскучила такая жизнь, и он решил заняться политической деятельностью, став карфагенским суфетом. Ганнибал быстро доказал, что может быть не только великим полководцем, но и способным государственным деятелем.

Разоблачая злоупотребления и коррупцию, давно ставшую отличительным признаком политической жизни Карфагена,

Ганнибал приобрел репутацию заступника простых граждан. Он предложил принять новый закон, предусматривавший ежегодное переизбрание членов Трибунала ста четырех и запрещающий им занимать этот пост повторно. Таким популистским законопроектом Ганнибал вряд ли мог снискать любовь Совета старейшин.

Неприязнь к нему сановников еще больше возросла, когда он объявил ревизию доходов, которую сам же и проводил. В результате расследований Ганнибал вроде бы обнаружил, что значительные государственные средства утрачены из-за нечистоплотности чиновников. Народному собранию он сказал, что если бы правильно взимались налоги на собственность и портовые пошлины, то денег хватило бы для выплаты контрибуции Риму без введения дополнительного налогообложения. Конечно, такие акции добавляли ему популярности в народе, но и озлобляли коррумпированное чиновничество³⁰.

Популизм Ганнибала мало чем отличался от политической стратегии Гамилькара и Гасдрубала, создававшей им популярность сорок лет назад. Обращаясь в основном к Народному собранию и ограничивая власть элиты, он использовал те же испытанные приемы Баркидской демагогии. Предполагается, что Ганнибал был и инициатором грандиозной строительной программы, предусматривавшей создание новых жилых кварталов и благоустройство города³¹. Тревожило ли Совет старейшин то, что все эти популистские начинания нацелены на достижение авторитарной власти? Возможно, именно вследствие таких опасений старейшины и послали в Рим сообщения о тайных переговорах Ганнибала с Антиохом, царем Селевкидской империи. Антиох, чье царство протянулось от юго-восточной Малой Азии (Турция) на западе до Бактрии (современный Афганистан) на востоке, конфликтовал с римлянами по поводу Греции и греческих городов на западе Малой Азии³². Когда в 195 году в Карфаген прибыли римские послы для расследования обвинений, Ганнибалу пришлось покинуть город и совершить дальнейшее путешествие через Тир и Антиохию

в Эфес ко двору Антиоха. По иронии судьбы обвинения в связях с Антиохом заставили Ганнибала искать и приют у царя³³.

При дворе Антиоха Ганнибал задумал дерзкий план возвращения в Карфаген и последующего нападения на Италию³⁴. Затея с предварительной организацией восстания Баркидов в Северной Африке провалилась³⁵. Карфагеняне, обеспокоенные гневной реакцией своих новых хозяев, незамедлительно информировали римский сенат о махинациях Ганнибала. Бывший полководец недооценил поддержку, которой теперь пользовался Ганнон в Карфагене, и он впустую предпринимал попытки вернуть утраченные позиции. Отвергнутый собственным народом, победитель римлян в великой битве при Каннах был вынужден убажывать Антиоха. На самом деле Антиох и его советники наверняка испытывали серьезные сомнения в отношении замыслов Ганнибала. Согласно Ливию, его план всегда был один и тот же. Войну надо вести в Италии. Италия-де сама предоставит провиант и солдат чужеземному врагу. С римлянами, если им позволить пользоваться ресурсами Италии в войне за ее пределами, не совладает ни один царь и ни один народ³⁶. Когда война Рима с Антиохом все-таки случилась, стратегические советы Ганнибала оставались такими же донкихотскими и были вежливо отклонены³⁷.

Ганнибалу все же удалось повоевать. Антиох, надеясь, что пунические корни сыграют свою роль в финикийских городах Леванта, отрядил туда карфагенянина снаряжать военные корабли³⁸. Селевкидская флотилия приняла бой с римлянами у побережья Памфилии в Малой Азии. Левый фланг, которым командовал Ганнибал, стойко выдерживал атаки более искусного и опытного противника. Тем не менее селевкидские корабли отступили, и римляне заблокировали их в гавани Сиде. Можно представить, с какой горечью Ганнибал смотрел на карфагенские корабли в составе римского флота³⁹.

После поражения селевкидов при Магнесии в Малой Азии в 189 году Ганнибал провел остаток жизни, мыкаясь по дворам

эллинистического Востока. Хотя в точности и неизвестен маршрут его передвижения, согласно некоторым свидетельствам, он побывал на Крите и даже в Армении, где якобы помог построить новый город⁴⁰. Последним его пристанищем была Вифиния, царство на северо-западе Малой Азии. По рассказам, Ганнибал продолжал заниматься городским строительством, выстроил новую столицу и, кроме того, разработал уникальную тактику ведения морского боя, предложив забрасывать палубы вражеских кораблей горшками со змеями. Несмотря на дружбу с царем Вифинии Прусием, Ганнибал создавал для него дипломатические проблемы. Когда в 183 году Вифинию посетил римский полководец Тит Квинт Фламиний, он отругал царя, узнав, что у него находится Ганнибал. Прусий, испугавшись нежелательных последствий гостеприимства, оказываемого врагу римлян в то время, когда возрастает их влияние в регионе, решил выдать им своего гостя. Когда солдаты царя заблокировали все выходы из убежища на берегу, Ганнибал, убедившись, что побег невозможен, принял яд, который он всегда носил с собой, избежав таким образом унижений плена. Умирая, Ганнибал, как сообщает Ливий, проклинал римлян за их мстительность, бесчестность и несправедливость⁴¹. Так закончилась жизнь великого сына Карфагена.

Последние герои

На первый взгляд может показаться, что свои последние годы Ганнибал провел в бегах от мстительных римлян. В действительности его судьба в значительной мере зависела от отношения к нему сограждан. Устав от его эгоистичных попыток подорвать политическую систему во времена реального кризиса, большинство членов Совета старейшин искренне стремились избавиться от него. Политические промахи и заблуждения Ганнибала объясняются прежде всего тем, что за пределами Баркидской системы социальных связей и взаимоотношений, ос-

тавленной в наследство предшественниками, он был чужаком для карфагенской элиты в отличие от Гамилькара и Гасдрубала, выросших в ее среде. Ганнибал, наделенный кипучей энергией и в то же время не терпящий возражений, стал одним из военных героев, абсолютно непригодных для политической деятельности.

В Риме вести о смерти Ганнибала были восприняты поразному. Согласно Плутарху, некоторые одобряли поведение Фламиния, поскольку для них живой Ганнибал был «всепожирающим пламенем, нуждавшимся лишь в постоянном источнике для возгорания»: «Даже когда он уже не был в расцвете сил, угроза для римлян заключалась не в его руках или теле, а в способностях и многоопытности, сопряженных с чувствами горечи и вражды»⁴². Другие же считали поведение Фламиния жестоким: он довел Ганнибала до убийства в то время, когда карфагенин уже больше походил на птицу без хвостового оперения, неспособную летать и заслуживавшую того, чтобы ей позволили дожить последние годы спокойно и смиренно⁴³. К их числу относился и Сципион Африканский. Коекто посчитал это свидетельством уважительного отношения римлянина к своему извечному противнику⁴⁴. Но Сципион был слишком практичным человеком, чтобы предаваться эмоциям. Герой римлян лучше всех знал реальную политическую ситуацию в Карфагене и понимал: Ганнибал уже не мог восстать против могущественного Рима.

Тем не менее надо признать, что в определенной мере были правы и те и другие. Конечно, Ганнибал уже не представлял угрозы Риму из Карфагена, но его имя при дворах эллинистических царей будоражило желания потягаться силами с римлянами. И сам Ганнибал хорошо понимал это. Он сотворил по крайней мере один антиримский трактат в виде обращения к народу Родоса, описав в нем злодеяния, совершенные в Малой Азии римским полководцем Гнеем Манлием Вульсоном. Сочинение явно имело целью настроить родосцев против Рима⁴⁵. Можно привести и другие примеры символизации имени Ган-

нибала. Примерно в этот же период распространялось подложное послание, якобы написанное полководцем после битвы при Каннах. В нем «Ганнибал» провозглашал победу и предсказывал, что восстание греков положит конец римскому господству в Восточном Средиземноморье⁴⁶. У многих римлян само имя Ганнибала, живущего при дворе врага или служившего притягательным символом ратного противостояния Риму, вызывало желание его смерти.

В непростом положении оказался и человек, разгромивший Ганнибала и превратившийся в его заступника. Жажда мщения отразилась и на судьбе Сципиона. После блистательных побед в Северной Африке он натолкнулся на откровенно неприязненное отношение политического истеблишмента. Хотя некоторых его соратников и избрали на высокие посты, сам он немногого достиг за время второго консульства в 194 году из-за противодействия оппонентов в сенате. Как и Ганнибалу, ему не удалось перевести военные успехи на полях сражений в политические дивиденды.

Неприятности для Сципиона начались, когда его и брата Луция, успешно воевавших с Антиохом, отозвали в Рим. Политические противники во главе с Марком Порцием Катонем провели в сенате законопроект, устанавливавший, что консулы могут быть командующими только один год, а затем попытались возбудить судебное преследование против друзей и сторонников Сципиона и его брата. От них потребовали отчитаться за 500 талантов серебра, переданных Антиохом в исполнение одного из условий перемирия. Сципион Африканский демонстративно разорвал бухгалтерские книги кампании на виду у всего сената. Катон и его сторонники продолжали настаивать, и чем упорнее Сципион отказывался дать объяснения, тем больше навлекал на себя подозрений. В конце концов, в 184 году Сципиона Африканского обвинили в получении взятки от Антиоха. Видя, что противники одержали верх, Сципион удалился в свою усадьбу Литерн в Кампании, а Катон, добившись поставленной политической цели, прекратил су-

дебное преследование⁴⁷. Через год великий полководец умер, сломленный и духовно, и физически.

Нет ничего удивительного в том, что этих двух великих полководцев постигла одинаково горькая участь. Во многом были сходны их жизненные пути, устремления и политические системы, ради которых они воевали. Сципион, принесший римлянам победу над карфагенянами, вскоре стал опасен для режима, основанного на фикции равенства всех членов сената⁴⁸. Выход Ганнибала на политическую сцену Карфагена тоже создал проблемы. Из-за популистских реформ и пренебрежительного отношения к Совету старейшин его заподозрили в том, что он стремится к автократии. Столкнувшись с героическими личностями, способными затмить институты, которые призваны оберегать, римские сенаторы и карфагенские старейшины поспешили избавиться от них. Так закончилась эра последних былинных героев.

Глава 14

ГИБЕЛЬ КАРФАГЕНА

Реванш побежденных

К восьмидесятым годам II века карфагеняне уже могли ощутить блага, которые дает жизнь без войн и имперских амбиций. Избавившись от военных тягот и обязательств, которые налагает статус великой державы, Карфаген продемонстрировал необычайную способность к экономическому возрождению — этот феномен обычно называют «реваншем побежденных». Согласно Ливию, уже через десять лет после войны Карфаген предложил Риму выплатить всю контрибуцию, на сорок лет раньше срока, но римляне не согласились¹. Каким образом свершилось это экономическое чудо? Причин несколько.

Во-первых, потеря Сицилии и Сардинии заставила карфагенян активнее заселять и осваивать материковые земли Северной Африки². Военная кампания Сципиона не нанесла существенного ущерба сельскохозяйственной структуре, и земельные угодья не подверглись такому же опустошению, как некоторые регионы Италии. Даже тактика выжженной земли, примененная Сципионом в долине реки Меджерда, имела ограниченный характер и предназначалась в основном для того, чтобы навязать Ганнибалу открытое сражение. Уже через год после окончания войны карфагеняне могли поставить

400 000 бушелей зерна Риму и римской армии в Македонии³. В 191 году они подарили Риму 500 000 бушелей пшеницы и 500 000 бушелей ячменя для войны с Антиохом⁴. Через двадцать лет Карфаген отправил римской армии, сражавшейся в Македонии, 1 миллион бушелей зерна и 500 тысяч бушелей ячменя^{5*}.

Приносила доходы и торговля с Италией. Она начала активизироваться еще в период между Первой и Второй Пуническими войнами, но объемы товарообмена особенно возросли в первые десятилетия II века. Множество керамики и столовой посуды поступало в Карфаген из Кампании и других областей Центральной Италии⁶. Археологические данные подтверждают: сельскохозяйственная экономика Карфагена позволяла не только обеспечивать провиантом римскую армию, но и предоставлять привлекательный рынок купцам Центральной Италии. Имеются свидетельства о том, что карфагеняне перевозили вина из Кампании в Испанию, хотя потребление итальянских вин в Карфагене сократилось, возможно, вследствие увеличения собственного винного производства⁷.

В то время как Карфаген, пользуясь благами мира, перестраивал экономику, Рим большую часть первой половины II века вел изнурительные войны в Греции и Малой Азии, периодически прибегая к финансовой и материальной помощи союзников. О серьезных экономических невзгодах говорит хотя бы то, что в этот период Рим в больших объемах выпускал бронзовые монеты для выплаты жалованья армии, очень мало чеканил серебряных денег и не выпустил ни одной золотой серии⁸. Экономические затруднения вынуждали и Карфаген вместо серебряных чеканить бронзовые монеты, но это вряд ли можно считать признаком реальной экономической нужды⁹. Карфагеняне традиционно платили наемникам серебром, золотом или монетами из электрума, а бронзовые деньги исполь-

* Один бушель — 36,3 литра.

зовались на внутреннем рынке. Чеканка исключительно бронзовых монет, возможно, отражает то обстоятельство, что у карфагенян уже не было необходимости защищать заморские владения и содержать регулярную армию.

Археология дает нам еще одно свидетельство возрождения экономического благосостояния Карфагена. В этот период в городе были осуществлены масштабные строительные и реконструкционные проекты. К их числу относится прежде всего сооружение нового портового комплекса. Самое подробное и наглядное описание этого порта мы находим у Аппиана, который, видимо, заимствовал его у Полибия:

«Гавани Карфагена были соединены друг с другом; общий вход же в них из открытого моря был шириной 21 метр и запирался железными цепями. Первая гавань предоставлялась торговым судам, и в ней было сосредоточено множество такелажа. Во второй гавани (круглой) посредине находился остров, и этот остров и гавань были усеяны огромными причалами, располагавшимися на некотором расстоянии друг от друга. Эти набережные были заполнены верфями, способными вместить 220 судов. Там же находились склады для такелажа и оснастки. Перед каждым доком стояли ионические колонны, придававшие гавани и острову вид непрерывной галереи. На острове же был построен дом для флотоводца, откуда трубач подавал сигналы, глашатай сообщал приказания, а командующий наблюдал за всем, что происходило вокруг. Остров располагался у входа в гавань и много возвышался над водой, так что флотоводец мог хорошо обозревать море, а те, кто подходил с моря, не могли ясно видеть, что происходит в гавани. Даже прибывавшие купцы не могли увидеть доки, потому что их окружали двойные стены, а для торговых судов имелись отдельные ворота, через которые они проходили из первой гавани в город, не пересекаясь с верфями»^{10*}.

* Аппиан Александрийский. Римская история. — М.: Наука, 1998; Аппиан. Римская история. — СПб.: Алетейя, 2004 (VIII.96).

Археологи с удивлением отметили поразительную точность описания гаваней, расходились лишь данные о количестве стоянок для военных кораблей: в действительности их было около 170, а не 220. Столько судов удавалось принять благодаря оригинальному и изобретательному использованию имеющейся территории. На острове помещалось тридцать крытых сухих доков, располагавшихся веерообразно и разделенных шестиугольным открытым пространством со сторожевой башней на дальней южной окраине. С северной стороны сюда можно было пройти по узкому мостику. На сушу с кораблей опускались деревянные трапы. По периферии острова можно было принять еще около 140 судов¹¹. Маловероятно, чтобы весь флот постоянно находился в гавани, за исключением зимнего времени, когда считалось рискованным выходить в море. Доки на острове использовались в основном для ремонта и оснащения судов¹².

Пространство торговой гавани тоже было ограниченным, всего лишь около семи гектаров полезной площади, включая

причалы. Его удалось несколько увеличить сооружением платформы, выдвинутой в виде неправильной трапеции в море у входа в канал, ведущий в новый внутренний портовый комплекс, где загружались, выгружались и складировались товары¹³.

Строительство новых гаваней стоило карфагенянам немалых усилий и вложений. По некоторым оценкам, из прибрежной болотистой низины было вынуто 235 000 кубических метров грунта. Около 10 000 кубических метров грунта надо было переместить на остров, располагавшийся посередине круглого водоема, для формирования наклона, необходимого эллингам. Несмотря на очевидные скоростные темпы работ, все строения, как свидетельствует археология, отличались надежностью и долговечностью. Даже пристани торговой гавани возводились на огромных тесаных блоках песчаника с применением кессонов для укладки нижних рядов¹⁴.

Общий план гаваней с платформой, защищающей порт от морской стихии, подтверждает вывод Полибия о том, что карфагеняне хотели скрыть его от посторонних глаз. Действительно, со стороны моря можно было увидеть лишь мощные стены и внешнюю гавань. Однако внутренние доки со стоянками для 170 судов были построены в нарушение договора, заключенного в 201 году и ограничивавшего флот Карфагена десятью кораблями. Трудно поверить в то, что римский сенат, отправлявший в город послов для посредничества в урегулировании разногласий с Нумидией, не знал о существовании нового портового комплекса. Помимо описания Полибия, не имеется иных свидетельств, которые подтверждали бы, что круглая гавань, по крайней мере в первое время, предназначалась исключительно для военных кораблей, а не торговых судов. Сооружение новых гаваней доказывает, вероятно, не игнорирование Карфагеном условий мирного договора или милитаристские устремления, а желание Рима разрешить карфагенянам нарастить торговый флот для снабжения продовольствием римских армий в Греции и Малой Азии. Гавани строились так, чтобы быть малозаметными, но не невидимыми.

Функционирование круглой гавани можно считать свидетельством того, что Рим больше не воспринимал Карфаген как серьезную военную угрозу.

Тем не менее сенат продолжал относиться к Карфагену враждебно, несмотря на содействие, которое он оказывал Риму. Особенно досаждал карфагенянам нумидийский царь Масинисса, пытавшийся обратить в свою пользу взаимную неприязнь недавних противников, возможно, из зависти к преуспевающим соседям. Прежде подневольные Карфагену нумидийцы, воодушевленные печальными для него итогами Второй Пунической войны, стали вести себя самоуверенно и даже дерзко по отношению к своему североафриканскому соседу, утратившему военную мощь. В III–II веках упрочились связи между высшими эшелонами карфагенской и нумидийской элиты, в основном за счет межэтнических браков. В Карфагене даже сформировалась пронумидийская фракция, возглавлявшаяся неким Гасдрубалом¹⁵. В Нумидии возросла популярность карфагенских богов, таких как Баал-Хаммон и Тиннит¹⁶, и археология свидетельствует о значительном пуническом влиянии на материальную культуру нумидийской элиты. В целом ряде мавзолеев, включая и Башню Хруба (Сумадю-Хруб), построенную, возможно, для самого Масиниссы, обнаруживается эклектическое смешение стилей, присущее пунической архитектуре¹⁷.

Самым ярким примером влияния пунической культуры на нумидийскую элиту может служить трехуровневый погребальный монумент, возведенный для нумидийского вождя Атбана на стыке III и II веков в городе Тугга (на территории современного Туниса) и сохранившийся до наших времен¹⁸. Как и в мавзолее Сабрата, в мемориале Тугга архитектурная целостность сочетается с необычайным разнообразием художественных стилей и элементов: здесь мы видим и эолийские капители, украшенные цветами лотоса, и ионические колонны с декоративными каннелюрами, и египетскую лепнину. Влияние пунического мира отражено и в двуязычной надписи,

исполненной на ливийском и пунийском языках. В ней сообщается о том, что хотя заказчик и строители — нумидийцы, архитектор — карфагенянин¹⁹.

Культурная ассимиляция дополнялась более тесными и активными экономическими связями. Об интенсивности экономического взаимодействия свидетельствует хотя бы такой факт: нумидийское царство чеканило тяжелые бронзовые монеты, внешне схожие с карфагенскими деньгами, и это означает, что они предназначались для использования в обоих государствах²⁰. Масинисса, как предполагают некоторые авторы, совершил и аграрную революцию, ориентируясь на достижения Карфагена в этой отрасли²¹. Он намеревался составить Карфагену конкуренцию в снабжении зерном и другими продуктами сельского хозяйства своего римского союзника.

Теперь же Масинисса рассчитал, что римляне не будут возражать, если он завладеет значительной частью сельскохозяйственных и коммерческих рынков Северной Африки. Каждый раз, когда возникали конфликты, Карфаген и Нумидия направляли в Рим послов для отстаивания своих интересов. Для карфагенян эти миссии обычно были безуспешными, поскольку римский сенат предпочитал поддержать претензии своего лояльного союзника, а не государства, к которому испытывал недоверие. Нумидийцы, естественно, старались при любой возможности подогревать подозрения Рима по отношению к Карфагену. В 170 году Гулусса, один из сыновей Масиниссы, находившийся в Риме в составе нумидийского посольства, согласно Ливию, предупредил сенат, чтобы римляне остерегались предательства карфагенян. Они-де замыслили подготовить большой флот «якобы для римлян и против македонцев, но когда флот будет готов и оснащен, карфагеняне сами решат, кого считать врагом, а кого — союзником»²².

Это предостережение согласовывалось не только с озабоченностью Рима своей безопасностью, но и с уже сформировавшимся негативным восприятием карфагенян как бесчестных прохвостов, укоренившимся в сознании римлян после Второй

Пунической войны (и подкрепленным, очевидно, необычайно возросшей коммерческой активностью Карфагена). Интересную иллюстрацию такого стереотипного мнения мы находим в греческой пьесе, осовремененной для римской сцены умбрийским драматургом Плавтом в 194 году²³. «Пуниец» был типичным дешевым спектаклем, исполненным в жанре так называемой римской новой комедии. Действие происходит в греческом городе Калидоне, но основные действующие лица (четверо) не греки, а карфагеняне. Хотя пьеса и является адаптацией более раннего греческого произведения «Карфагенянин», сомнительно, чтобы Плавт перерабатывал его без учета последних политических событий²⁴. Мало того, он вставил в свою пьесу некоторые актуальные диалоги из первоисточника²⁵.

Язвительная тональность пьесы отражена уже оскорбительным и уничижительным заголовком — *The Little Carthaginian* («Маленький карфагенянин»)*. Все ее содержание сосредоточено в основном на мытарствах Ганнона, карфагенского купца, приехавшего в Грецию на поиски дочерей, украденных и проданных в сексуальное рабство. С первого момента появления на сцене он подвергается ксенофобскому высмеиванию. Уже в прологе мы узнаем о его распущенности, лживости и склонности к махинациям — все эти качества, по мнению Плавта, присущи типичному карфагенянину. Автор сообщает:

Прибывши в город, тотчас он распутниц всех
Отыщет, где бы какая ни жила из них,
Даст денег и, наняв, начнет расспрашивать,
Откуда кто, из пленных ли, похищена ль,
Какого рода, кто ее родители:
Хитро он, ловко ищет дочерей своих.
Все знает языки, но притворяется
Незнающим: пуниец уж доподлинно!^{26**}

* В русском переводе название пьесы — «Пуниец».

** Здесь и далее выдержки из пьесы даются по изданиям: Плавт Тит Макций. Комедии в 2-х томах. Том I. — М.: Искусство, 1987; Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. — М.: Терра, 1997. Перевод с латинского А. Артюшкова.

Помимо явных пороков, в пьесе содержатся и намеки на потенциальные нравственные червоточины: инцест, извращенность, святотатство²⁷. Ганнон порицается и за диковинные одеяния: для римлянина отсутствие плаща, туника без пояса служат признаком женоподобия, как и серьги в ушах его спутников²⁸.

Главный курьез пьесы заключается в том, что Ганнон в разговорах с Агорастоклом и его продувным рабом Мильфионом притворяется, будто владеет только пунийским языком. Раб, в свою очередь, создает видимость, будто в совершенстве знает пунийский язык, берет на себя роль переводчика и произносит откровенную несуразицу, потешая аудиторию. Спектакль не дает ясного представления о том, говорит или нет на пунийском языке Ганнон; основная идея сюжета — показать странность и непонятность этого языка²⁹. Мало того, Ганнон, в действительности богатый и знатный человек, изображен коробейником, продающим нелепый набор товаров — ремни, африканских мышей, орехи, лопаты, меха, — что, по замыслу автора, должно подтверждать торгашество карфагенян. Мильфион даже советует Агорастоклу остерегаться карфагенянина.

Хотя честность намерений Ганнона в дальнейшем и становится для всех очевидной, участники фарса продолжают измываться над ним и высмеивать. В одной из самых оскорбительных сцен воин Антаменид принимает его за клиента собственных дочерей, когда карфагенянин обнимает их, и осыпает его ругательствами:

Что за парочки такие? Что за обнимания?
Как слуга трактирный, это кто там в длинной тунике?
Верить ли глазам? Подружка ль? Антерастилида ли?
Да, она! Давно заметил: здесь не ставят в грош меня.
И не стыдно ль обниматься посредине улицы
Девушке с носильщиком! Да я его сейчас отдам
Палачу на растерзанье! Эти длиннополые —
Что и говорить! — до женщин их порода падкая.

Глава 14. Гибель Карфагена

Однако подойти, пожалуй, следует
К любовнице вот этой африканской. Эй
Ты, баба! Говорю тебе! Не стыдно ли?³⁰

Вместо того чтобы успокоить воина подтверждением отцовства, Ганнон еще больше заводит его, заявляя, будто он на самом деле ищет партнершу. Солдат взрывается очередной расистской тирадой:

Ах ты, затычка! Прочь пошел! Проваливай!
Тебе ль, полумужчине, быть любовником
И трогать то, что любит человек-самец?
Ободранная рыба! Зебра! Длинный хвост!
Ведро помоев! Шкура! Чесноком протух
И луком, точно римские гребцы, насквозь!³¹

Джордж Франко заметил по поводу этого эпизода: «Плавт хотел рассмешить аудиторию, и эти ремарки были написаны, по-видимому, в угоду расистскому элементу в римском обществе. Ветеранам войны с Ганнибалом, должно быть, нравилось глумление над карфагенянами. Грубые высказывания воина свидетельствуют о том, что радость, которую карфагенянин испытывал, найдя дочерей, не помешала римлянам по-прежнему над ним насмехаться»³².

Однако в пьесе обнаруживается еще один мотив, трудно-различимый, но крайне важный. Хотя главный герой и предстает извращенцем и обманщиком, Плавт наделяет его *pietas*, благочестием, выражающимся в чувстве долга перед богами и семьей. Благочестие всегда считалось исключительно римской добродетелью. Плавт совершает неординарный поступок, приписывая его карфагенянину, даже в комическом контексте. Благочестие Ганнона дополняется еще одним качеством (на первый взгляд довольно странным) — превосходным знанием римских законов, благодаря чему он смог вызволить дочерей из плена сводника. И в том и в другом случаях Плавт стремился довести до аудитории фундаментальную идею: успеха мож-

но добиться только благочестием и соблюдением римских законов, а не пунийским ловкачеством и плутовством. Спектакль «Пуниец» пропагандировал не только предубеждения против карфагенян, но и верховенство римских добродетелей и институтов³³. Хотя в основу пьесы и был положен греческий первоисточник, ее идеи были подлинно римские и вполне современные.

Проблема Карфагена

Хотя карфагеняне наверняка ничего не знали о пьесе Плавта, их должно было обеспокоить то, что в римском сенате активизировались милитаристы. Внешняя политика Рима становилась более агрессивной, как всегда со ссылками на оправданность «справедливых войн». В предыдущем десятилетии римский сенат, побуждаемый недоверием к Персею, царю Македонии, объявил ему войну. Началась Третья Македонская война (171–168) стандартно. Несколько малых государств, опекаемых Римом, пожаловались на царя, а обмен дипломатическими миссиями между Римом и Македонией лишь обострил двусторонние отношения. Наконец Эвмен, царь Пергама, самый могущественный региональный соперник Персея, убедил римлян в том, что их опасения по поводу потенциальной агрессии македонцев оправданны. Предлоги для войны были преимущественно надуманные, среди них — предполагаемое убийство ключевых союзников Рима. На просьбы Персея о диалоге и разъяснениях римляне отвечали уклончиво или отказами, занимаясь в то же время мобилизацией войск. На перемирие, предложенное римским полководцем Филиппом, юный македонский царь охотно согласился, наивно поверив в его чистосердечность. Филипп же просто-напросто выигрывал время для переброски основных контингентов на Балканы. Одни сенаторы были недовольны криводушием, вроде бы несвойственным римлянам, другие, сговорившись, преднамеренно удерживали македонских послов в Риме, оттягивая их

отъезд домой. Один историк назвал этот эпизод «самым постыдным примером дипломатического двуличия Рима»³⁴.

Поражение Персея под Пидной в 168 году привело не только к краху македонской монархии, но и побудило римский сенат к тому, чтобы ужесточить свое отношение к Карфагену³⁵. По мнению многих древних авторов, именно тогда произошел перелом и в отношениях Рима с другими средиземноморскими государствами. Диодор, возможно, заимствуя эту оценку у Полибия, написал: «Еще недавно римляне, поставив цель стать мировой державой, добивались этого воинской доблестью, а затем распространяли свое влияние, проявляя великодушие к завоеванным народам... Но, покорив почти все обитаемые земли, они утверждали свое господство, прибегая к террору и разрушая замечательные города»³⁶.

Хотя процесс становления мировой державы был, конечно, намного сложнее, можно не сомневаться в том, что после победы над Македонией в римском сенате возросло число сторонников концепции отстаивания национальных интересов войнами. Диодор отмечает и другую особенность внешней политики Рима, которая на первый взгляд противоречит его предыдущему утверждению: «Римляне взяли за правило прибегать только к тем войнам, которые им кажутся справедливыми, и не принимать непродуманных и поспешных решений»³⁷. Диодор, вероятно, имел в виду, что римский сенат не желал обвинений в развязывании несправедливой войны. Поэтому, наверное, мы и наблюдаем в отношениях Рима с Карфагеном длительный и болезненный процесс подталкивания карфагенян к тому, чтобы дать римлянам удовлетворительный повод для военных действий.

Благоприятные в этом отношении для Рима условия сформировались в 162 году, когда Масинисса захватил плодородные прибрежные земли Малого Сирта, которыми веками владели карфагеняне, и возник конфликт. В действительности нумидийский царь хотел завладеть богатыми торговыми факториями, но они были надежно защищены и ему не достались.

Военную акцию довершило посредничество Рима. Карфаген обязали отказаться от каких-либо притязаний на захваченные Масиниссой территории и, кроме того, выплатить нумидийцам 500 талантов серебра: этой суммой оценивались доходы, полученные Карфагеном в Малом Сирте с начала конфликта³⁸. Даже Полибия возмутила несправедливость такого решения. По его словам, претензии карфагенян на земли Малого Сирта были обоснованными, что признавалось и Масиниссой, объяснявшим вначале вторжение необходимостью преследовать бежавшего военачальника³⁹.

Описание этого эпизода Ливием не столь полно, как у Полибия, но в нем содержится информация о том, как конфликтующие стороны обосновывали римлянам свои претензии. Карфагеняне ссылались на то, что границы их владений установил Сципион Африканский после завершения Второй Пунической войны и эта территория была в них включена⁴⁰. Нумидийцы оспорили утверждение, будто договор 201 года определял собственника этих земель, и выдвинули в свое оправдание исторический аргумент. Они доказывали:

«Если уж судить по праву да по справедливости, то во всей Африке не сыскать и одного поля, что было бы собственной карфагенской землей. Они ведь пришли издалека и выпросили кусок земли, только чтобы построить город; определяли же размер участка так: разрезали шкуру одного быка на ремни и сколько теми ремнями можно было окружить, столько им земли и дали. И все, кроме Бурсы, первого их поселения, взято не по праву, а силой. Что ж до земли, о которой спор, не могут карфагеняне доказать, ни что принадлежала она им всегда — то есть с тех пор, как захватили они ее во владение, — ни даже сколько-нибудь долгое время. По обстоятельствам отходила эта земля то к ним, то к царю нумидийцев, и овладевал ею всякий раз тот, кто мог осилить другого оружием»^{41*}.

* Тит Ливий. История Рима от основания города. XXXIV (62.11–13).

Нумидийцы отчасти были правы: Сципион в 201 году нечетко определил границы земель. Но их исторический аргумент фактически подтверждал права Карфагена на владение торговыми факториями, поскольку, защищая эмпории*, он оказался «сильнее оружием»⁴². Когда римский сенат поддерживал сомнительные притязания Нумидии, уже стало зловеще ясно, как будут развиваться дальнейшие события. Через десять лет, Масинисса, применив такую же агрессивную тактику, захватил плодородную область Туска, принадлежавшую Карфагену. Снова карфагеняне пожаловались на царя в римский сенат, но посольство, отправленное из Рима, лишь усугубило их проблемы, так как оно возглавлялось человеком, ненавидевшим карфагенское государство⁴³.

Марк Порций Катон уже достиг возраста 81 года, но не утратил ни политической искушенности, ни упорства, благодаря которому поднялся на вершину римской политической системы — консульства. Он вел аскетический образ жизни, прославился исключительной нравственностью и преследованиями сенаторов, неспособных подняться до таких же нравственных высот. Катон и был главным гонителем Сципиона Африканского⁴⁴. Неприязнь к Карфагену, возможно, возникла во время Второй Пунической войны: ему довелось участвовать в боевых действиях под Капуей, в осаде Тарента и в битве при Метавре в 207 году.

Прибыв в Карфаген в 152 году, римское посольство, возглавлявшееся Катонем, решило оставить область Туска во владении нумидийцев. Возможно, этому способствовало и то, что он увидел в городе. Согласно Плутарху, «город не выглядел бедным и смиренным, каким его хотели видеть римляне»: «Он блистал богатством, был переполнен бодрыми и физически крепкими воинами, всякого рода оружием, военным снаряжением и в немалой степени воодушевлен всем этим»^{45**}. Более

* Название торговых факторий и поселений.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. — М.: Наука, 1994. Т. 1. Аристид и Марк Катон. Перевод. С.П. Маркиша.

того, сельская местность в изобилии обеспечивала питанием разросшееся население города⁴⁶. Римские послы обнаружили и огромные запасы лесоматериалов, вселившие в них опасения, что они, возможно, предназначены для строительства военных кораблей⁴⁷.

Возвратившись в Рим, Катон начал настраивать соответствующим образом сенаторов. Хотя знаменитый афоризм «*delenda est Carthago*» и был выдуман позже, он действительно заканчивал все свои выступления в сенате призывами к тому, что Карфаген должен быть разрушен⁴⁸. Его главный аргумент заключался в том, что Карфаген не только возродил прежнюю мощь, но и учел и исправил ошибки прошлого⁴⁹. В страстном желании убедить сенаторов Катон не постеснялся прибегнуть к театральным эффектам. Стоя у трибуны, он развернул полы туники и высыпал на пол груды крупных и сочных африканских фиг. Затем Катон сообщил сенату, что сорвал ягоды в Карфагене всего лишь три дня назад, намекая одновременно на благосостояние города и его близость к Риму⁵⁰. Этим театральным жестом он, очевидно, хотел внушить сановникам еще одну ценную мысль: мы-де завладеем несметными дарами природы, если разрушим Карфаген⁵¹.

Не поддержала воинственные призывы Катона группа сенаторов во главе со Сципионом Назикой, зятем Сципиона Африканского. Они исходили из того, что Рим, сокрушив Карфаген, разрушит и политическое равновесие у себя дома. Если исчезнет угроза, исходящая от главного врага Рима, то простые граждане будут игнорировать сенат и, опьяненные алчностью и вольностью, втянут Рим в безрассудные и опасные авантюры⁵². Диодор так изложил аргументы Сципиона:

«О могуществе Рима надо судить не по слабосилию других государств, а по тому, насколько он сильнее самых сильных из них. Более того, пока существует Карфаген, опасения, которые он вызывает у нас, заставляют римлян жить в согласии и управлять нашими подданными по справедливости, сохраняя свое доброе

имя, — это наилучший способ упрочения и расширения империи. Но как только исчезнет жупел города-соперника, у нас, и это должно быть для всех очевидно, начнется гражданская война, а союзники возненавидят верховную власть из-за алчности и беззакония римских магистратов»⁵³.

Несмотря на прозорливость суждений Сципиона, нам следует критически отнестись к тому, насколько точно они воспроизведены. Историк писал свое сочинение по прошествии целого столетия и уже знал, что за разрушением Карфагена действительно последуют политические распри и гражданская война в Римской республике. Ливий, например, считал, что Сципион Назика выступал против войны, ссылаясь на недостаточность оснований (а не из-за нежелания разрушать Карфаген)⁵⁴. Хотя многие сенаторы, видимо, и разделяли опасения Катона по поводу возрождения карфагенского могущества, среди них были такие, кто понимал: для войны нужен адекватный предлог⁵⁵. Не желая подвергаться обвинениям в попрании столь обожаемой римлянами добродетели, как праведность, сенат решил подождать, пока не появится такой повод.

Агония

На исходе пятидесятих годов II века карфагеняне все больше убеждались в том, что договор с Римом накладывает на них одни обязательства, не предоставляя никаких гарантий безопасности. Вследствие возрастающей неудовлетворенности таким положением в городе появилась демократическая фракция, состоявшая, как можно догадаться, из последователей демагогической клики Баркидов. Согласно греческому писателю Аппиану, эта партия, возглавлявшаяся Гамилькараром Самнитом и Карфалоном, доказывала: раз Рим не оказывает никакой помощи, то Карфаген должен уметь сам защищать себя⁵⁶. В той малопривлекательной ситуации, когда сельскохозяйственную основу благосостояния карфагенян подрывали посягательства

нумидийцев, воззвания демократов не могли не обрести широкую популярность.

Придя к власти, Гамилькар и Карфалон стали проводить жесткую политику в отношениях с Нумидией и выдворили из Карфагена всех политиков, друживших с Масиниссой. Нумидийский царь послал в Карфаген двух сыновей с требованием вернуть изгнанников. Но их тоже прогнали из города, и после того как Гамилькар Самнит напал на царевичей из засады, между Карфагеном и Нумидией началась настоящая война. Произошло сражение, в котором победу не одержала ни одна из сторон. Потом карфагеняне под командованием Гасдрубала позволили противнику себя окружить, замученные голодом сдались и были предательски перебиты нумидийцами. Уцелели и смогли сбежать в Карфаген только Гасдрубал и еще несколько человек. В результате Масинисса снова отобрал у Карфагена часть земель⁵⁷.

Карфагеняне не только потерпели поражение в битве с далеко не самым сильным противником, но и, напав на союзника Рима, нарушили условия договора от 201 года. Тем самым они наконец дали своим врагам в римском сенате повод для того, чтобы убедить менее задиристых коллег в обоснованности войны с Карфагеном⁵⁸. Конфликты в Македонии и Греции разрешились, восстания испанских племен были успешно подавлены, и теперь Рим мог обрушить на Карфаген все свои силы, которые были не только превосходящими, но и фактически непобедимыми.

Иногда утверждается, будто в римском сенате могли возрасти опасения по поводу возрождения Карфагена, поскольку в 151 году город внес последний взнос в счет оплаты контрибуции по итогам Второй Пунической войны. С такой же долей вероятности можно высказать и другое предположение: для некоторых сенаторов погашение долга могло означать не только утрату прибыльного и постоянного источника доходов, но и возможность занять его вновь⁵⁹. Завоевания сказочно обогатили Рим, на них нажились все классы⁶⁰. У Плутарха можно

найти рассказ о пышном пиршестве, устроенном одним молодым и богатым римлянином, на котором гостям был подан медовый торт, оформленный в виде города. Хозяин объявил, что это Карфаген, и предложил его «расхитить»⁶¹. История, безусловно, апокрифичная. Но она примечательна тем, что в ней заключена важная посылка: вне зависимости от того, насколько реальной или вымышленной была угроза Карфагена, его сельскохозяйственные и коммерческие ресурсы были соблазнительны для римлян⁶².

В 150 году римляне уже подготовили армию для отправки в Северную Африку. Когда вести об этом дошли до Карфагена, в городе поднялась тревога. Покинутые североафриканскими союзниками, в том числе и Утикой, карфагеняне попытались умиловить римлян, вернув во власть партию Ганнона, арестовав и приговорив к смертной казни Гасдрубала, полководца, руководившего нумидийской кампанией. Когда карфагенские послы прибыли в Рим для переговоров, римская армия уже отплыла на Сицилию. В сенате их встретили холодно, а после того как они рассказали об аресте и смертном приговоре Гасдрубала, им задали вопрос: почему не сделали это раньше? На просьбу объяснить, как можно искупить вину, они получили не менее высокомерный ответ: «Вам надо во всем угождать римлянам»⁶³.

Катон, несмотря на преклонный возраст, не переставал нагнетать военную истерию. В одной из речей, выдержки из которой сохранились, он заявлял: «Карфагеняне — наши враги, ибо человек, затевающий что-то против меня и готовый пойти на меня войной, когда ему вздумается, уже мой враг, если даже и не предпринимает военных действий»⁶⁴. Позднее Катон выступил еще жестче: «Кто эти люди, попирающие договора? Карфагеняне. Кто эти люди, воюющие с наибольшей жестокостью? Карфагеняне. Кто эти люди, изуродовавшие Италию? Карфагеняне. Кто эти люди, молящие теперь о прощении? Карфагеняне»⁶⁵. Катон нанес двойной удар: воззвал к национальным чувствам, напомнив о разорении Италии⁶⁶, и

возбудил этническую неприязнь, обыграв укоренившийся стереотип о ненадежности карфагенян. Он привычно противопоставил пунийское вероломство римской *fides*, главной добродетели, которой римляне гордились до такой степени, что возвели храм Верности⁶⁷. Катон составил досье (утеряно и является предметом непрекращающейся полемики историков), представив в нем шесть примеров непорядочности карфагенян, то есть нарушений ими договоренностей с римлянами⁶⁸. Надо думать, доказательство вероломства карфагенян использовалось не только для оправдания войны, но и для прикрытия собственного дипломатического двурушничества.

Пока римляне измывались над карфагенскими послами, армия получила указания приступить к операции. После того как карфагеняне передали Риму заложниками 300 детей из знатных семей, исполняя волю Рима и проявляя послушание⁶⁹, в Северную Африку отбыли войска — 80 000 пехотинцев и 4000 всадников. Командовали ими консулы 149 года Луций Марк Цензорин и Марк Манилий. Когда армия расположилась лагерем в Утике, римляне наконец соизволили ознакомить карфагенян с условиями, на которых можно избежать войны.

Послов доставили в римский лагерь и после сигнала, поданного трубачами, провели сквозь строй легионов, стоявших на вытяжку и в полном вооружении. Перед ними на высоких креслах и в сановных позах восседали консулы. Мольбы послов о прощении Цензорин грубо отверг и потребовал, чтобы карфагеняне незамедлительно сдали римлянам все оружие и осадные механизмы. Карфагеняне повиновались, и вскоре в римский лагерь потянулись обозы. В общей сложности римляне получили доспехов и вооружений, достаточных для снаряжения 20 000 воинов, и 2000 мощных катапульт. После того как римляне полностью разоружили карфагенян, они повели, чтобы к ним явилась депутация из тридцати знатных граждан, которым и будут изложены условия мира. Карфагенянам будет позволено жить вольно и по своим законам и даже на собственной земле, но на расстоянии не ближе шестнадцати

километров от побережья⁷⁰. Однако право на волю они получают только при одном условии: они должны полностью разрушить свой город. Послы оторопели — ведь римляне требовали не переселения, а уничтожения города. Серж Лансель написал:

«Такой ультиматум был равнозначен смертному приговору. В истории древности не было прецедента, чтобы государство выживало после уничтожения того, что составляет его духовную основу. Не перемещение населения, а разрушение храмов, кладбищ, депортация культов наносят смертельный удар. Но и переселение людей, в материально-физическом, не религиозном смысле, могло означать исчезновение того, что давало средства для существования и *raison d'être** карфагенянам, гражданам приморского государства, чье могущество и благосостояние обеспечивались торговыми связями, осуществлявшимися через порты»⁷¹.

Отвечали послы обиженно, прося о милосердии и пощаде. Один из них, некий Баннон, попытался воззвать к совести и благоразумию римлян. Согласно описанию Аппиана, карфагенянин заявлял, что римляне, пообещав свободу и автономию городу, разрушением Карфагена опорочат свое доброе имя и поступятся добродетелями, которыми гордятся. Баннон говорил: римляне, уничтожив Карфаген, город, возведенный по благоволению богов, совершат чудовищный акт святотатства. Мало того, стерев с лица земли город, уже уступивший им, отдавший им оружие и детей и исполнивший все требования, римляне лишь докажут свое вероломство⁷².

Римский консул Цензорин ответил карфагенянам хитрой риторикой. Он заявил, что их приверженность к морю принесла им одни несчастья и беды. По его логике, даже Сардинию римляне захватили по этой причине. Карфагеняне будут чувствовать себя в большей безопасности и довольстве, если займутся исключительно сельским хозяйством. Консул объяснил и мотивы римского решения. Если карфагеняне останутся

* Смысл жизни, существования (фр.).

в городе, то он будет напоминать им о славном прошлом и побуждать к возрождению. «Лучшее средство излечения от дурных привычек — забвение, — поучал римлянин. — Добиться этого невозможно, если любимый предмет у вас все время перед глазами». В ответ на обвинения в святотатстве Цензорин провозгласил: хотя Карфаген и будет разрушен, храмы и могилы сохранятся. А дальше он добавил, парируя обвинения в том, что Рим нарушает собственные обещания: «Мы предлагаем вам самим выбрать место для поселения, и когда вы его выберете, будете жить там согласно своим законам. Об этом мы говорили вам и прежде: карфагеняне будут жить по своим законам, если будут повиноваться нашим постановлениям. Карфагеном мы считаем вас, а не земли, на которых вы живете»⁷³.

Послам теперь надо было довести до сведения соотечественников эти неприятные известия. Но вначале они попросили римлян поставить флот на виду у всего города, чтобы граждане осознали всю тяжесть своего положения.

Но граждане взбунтовались. Разгневанная толпа убила старейшин, призывавших согласиться с требованиями Рима, и злосчастных итальянских купцов, попавших под горячую руку. В городе начались приготовления к войне. Рабов отпустили на волю, чтобы они вступили в армию; восстановили на посту командующего Гасдрубала, осужденного на смертную казнь за войну с Масиниссой. После безуспешной попытки выиграть время 30-дневным перемирием, от которого консул отказался, карфагеняне, отправив в Рим новое посольство, активизировали военные приготовления. Все имеющиеся общественные здания, включая храмы, были превращены в мастерские, в которых посменно работали и мужчины, и женщины. Как свидетельствует Аппиан, каждый день в Карфагене изготовлялось 100 щитов, 300 мечей, 1000 метательных снарядов, 500 стрел и дротиков, а женщины отрезали свои волосы для катапулт⁷⁴. Появились серебряные монеты — впервые после последней войны с Римом, — выпущенные предположительно для выплаты жалованья войскам⁷⁵.

Благодаря интенсивным раскопкам, ведущимся с семидесятих годов минувшего столетия, мы располагаем большим объемом информации о том, каким был Карфаген в последние годы своего существования. Наибольший интерес вызвало открытие французских археологов, обнаруживших целый городской квартал на южном склоне холма Бирса, служившего цитаделью, административным и религиозным центром. Они назвали его «Кварталом Ганнибала» по имени прославленного полководца, занимавшего высший государственный пост приблизительно в то же время, когда застраивался этот район. Квартал на удивление хорошо сохранился, стены местами и сейчас достигают высоты почти три метра, и позволяет нам зрительно представить среду обитания примерно 700 000 жителей города перед его разрушением. Неизвестно, для кого строились эти дома, хотя археологи предполагают, исходя из однотипности зданий, что они, вероятно, предназначались для государственных служащих.

Несмотря на немощные дороги и примитивный дренаж, «Квартал Ганнибала» своими многоэтажными домами, единообразно расставленными на прямоугольных улицах, внешне походил на другие города Средиземноморья. Многие дома, конечно, были небольшие, но имели общую планировку, присущую греческому миру: комнаты располагались вокруг центрального двора, служившего главным источником света для всего здания⁷⁶.

Множество цистерн для сбора и хранения дождевой воды дает наглядное представление о жизни человека, лишенного естественных источников пресной воды. Видимо, в этих цистернах накапливалось достаточно воды не только для питья и других хозяйственных нужд, но и для купания и омовений, о чем свидетельствует наличие ванных комнат, облицованных водонепроницаемой штукатуркой и оснащенных стоками. Сохранился лишь один образец такой комнаты: отдельно стоящая сидячая терракотовая ванна (с подлокотниками), в которую вода поступала, вероятно, из цистерн во дворе⁷⁷.

Можно предположить, что из-за каменных ступеней и лестниц по улицам не разъезжали повозки, но здесь явно процветали ремесла и торговля. В одной из руин пол был усеян обломками кораллов, обсидиана и сердолика: здесь, очевидно, находилась мастерская ювелира. На другой улице археологи нашли двор мельника: по нему все еще были разбросаны детали зерновой мельницы⁷⁸.

Когда римские консулы приступили к осаде, им было оказано поразительно упорное и длительное сопротивление. Хотя описание Аппианом фортификаций Карфагена, располагавшегося на перешейке, может показаться нафантазированным — огромные стены с башнями, казармами для 20 000 воинов и стойлами для 300 слонов и 4000 лошадей, — археологи действительно обнаружили тройное построение обороны, состоявшее из рвов, валов и стен⁷⁹*. Эту оборону римляне пытались безуспешно преодолеть всю оставшуюся часть 149 года. Не помогли и тяжелейшие тараны, примененные при штурме южной части внешних стен: штурм карфагеняне отбили. Осада продолжалась и весь 148 год. Карфагеняне, несмотря на безлюдность пунических городов Северной Африки, стойко выдер-

* Тем не менее описание Аппианом фортификаций Карфагена представляет интерес, поскольку отчасти объясняет необычайную длительность противостояния: «Карфаген был расположен в самой внутренней части очень большого залива и был очень похож в некотором роде на полуостров. От материка его отделял перешеек шириной в 25 стадиев. Часть города, обращенная к морю, была окружена простой стеной, так как была построена на отвесных скалах; та же часть, которая была обращена к югу в сторону материка, была окружена тройной стеной. Из этих стен каждая была высотой до 30 локтей (15 метров), не считая зубцов и башен, которые отстояли друг от друга на расстоянии 2 плетров (400 метров), каждая в 4 яруса; ширина стены была 30 футов (8,5 метра); каждая стена делилась по высоте на 2 яруса, и в ней, бывшей полый и разделенной на камеры, внизу обычно стояли 300 слонов и находились склады пищи для них. Над ними же были лошадиные стойла для 4 тысяч коней и хранилища сена и овса, а также казармы для людей, примерно для 20 тысяч пеших воинов и 4 тысяч всадников. Столь значительные приготовления на случай войны были у них раньше сделаны для размещения в одних только стенах (Аппиан. Римская история. VIII.95).

живали атаки. Гасдрубал досаждал римлянам на материке, нарушая их линии коммуникаций и снабжения. Пока у Карфагена не было серьезных оснований для паники⁸⁰.

В 147 году новый консул Луций Калпурний Пизон решил применить иную тактику — покорить последние города, все еще помогавшие карфагенянам, и полностью изолировать Карфаген. Второй командующий Луций Гостилий Манцин предпринял штурм, как ему казалось, на самом слабом участке карфагенской обороны. Ему удалось проломить брешь в стене, но карфагеняне чуть не полонили его вместе с отрядом. Их спас Сципион Эмилиан, приемный внук Сципиона Африканского, только что прибывший в Африку с подкреплениями и заданием возглавить кампанию⁸¹.

Назначение командующим Сципиона Эмилиана, еще не достигшего установленного возраста, явно было вызвано неудовлетворенностью Рима ходом военной кампании. Однако он уже был избран и консулом на 147 год. Видимо, в нем проявились задатки способного полководца. Наверняка сказались и заслуги рода Сципионов в войнах с Карфагеном⁸². Сам Эмилиан успел повоевать в Африке в качестве легата (военного трибуна), и этот опыт теперь мог пригодиться на посту командующего⁸³. Даже Катон, недруг Сципионов, одобрил его назначение⁸⁴.

Сципион вначале предпринял несколько вылазок, чтобы выявить самые уязвимые места в карфагенской обороне, а затем атаковал Мегару, предместье города. В результате этого нападения или по другой причине Гасдрубал, все еще пребывавший в сельской местности, решил вернуться с армией в город. Теперь все карфагенские войска сосредоточились в городе, и Сципиону оставалось только надежно его заблокировать. Для этого он обустроил на перешейке укрепленный лагерь со сторожевой башней и начал возводить дамбу, чтобы перекрыть гавань и запереть город со стороны моря.

Карфагеняне скептически отнеслись к затее Сципиона, но, видя, как быстро строится дамба, решили тайно прорыть новый

вход на другой стороне гавани. Когда канал был готов, они на рассвете отправили флотилию из наскоро собранных кораблей и напали на позиции римлян⁸⁵. Римляне, застигнутые врасплох, поначалу растерялись, но карфагеняне не смогли воспользоваться их замешательством. Через три дня в старой гавани произошло сражение между флотилиями, в котором первоначально успех сопутствовал небольшим и юрким карфагенским судам. Но когда они возвращались обратно, чтобы на следующий день возобновить битву, часть кораблей застряла в новом проходе в гавань, преградив путь другим судам, на которые римляне, конечно же, напали и потопили несколько кораблей, прежде чем флотилия успела скрыться⁸⁶.

Сразу же после завершения строительства дамбы стало ясно, что она имела двойное назначение: не только блокировала гавань, но и позволяла доставлять войска и осадные орудия к фортификациям. Римляне стремились прежде всего захватить внешнюю платформу, заменявшую карфагенянам внутреннюю гавань. Карфагеняне предприняли дерзкую вылазку: обнаженные, с факелами в руках, они, пренебрегая стрелами и дротиками, добрались до первых римских осадных орудий и сожгли их. На следующий день Сципион построил новые орудия и поставил их на высоких насыпях. Отсюда римляне забросали карфагенян факелами и сосудами с горящей смолой, вынудив их уйти с платформы. Завладев этим важнейшим плацдармом, Сципион теперь уже не сомневался в том, что Карфаген рано или поздно капитулирует. Оставив часть армии у стен города, он отправился ликвидировать последние очаги сопротивления в близлежащих поселениях⁸⁷.

В самом Карфагене сложилась катастрофическая ситуация. Ни продукты, ни какие-либо иные средства первой необходимости не поступали в город ни с материка, ни с моря. Жилая площадь многих домов «Квартала Ганнибала» явно была разделена на меньшие помещения, что может свидетельствовать о перенаселенности города из-за наплыва беженцев из пред-

местий и сельских районов. У карфагенян не осталось никаких надежд на выживание. Карфагенская элита столетиями удерживала власть в своих руках, теперь знати пришлось уступить ее одному особенно амбициозному человеку.

Гасдрубал уже доказал, что способен на политические махинации, организовав травлю своего главного соперника, военного начальника города. Беднягу забили до смерти скамейками в Народном собрании наверняка сподвижники Гасдрубала, когда он обвинил командующего гарнизоном безо всяких оснований в измене⁸⁸. Его автократические устремления проявились сразу же, как только он вернулся с армией в город⁸⁹. Все старейшины, не пожелавшие ему повиноваться, были казнены, а сам он облачился в наряд верховного командующего, разъезжал в полном вооружении, пурпурной мантии и в сопровождении десяти мечников. Подобно сиракузским тиранам, Гасдрубал утверждал свою власть популистскими жестами и жестокостью. В городе не хватало продовольствия, население голодало, а новоиспеченный диктатор щедро кормил свое войско, устраивал пиры и банкеты⁹⁰. Мало того, он на виду римлян, стоявших у стен города, зверски пытал пленников, озлобляя противника и не оставляя карфагенянам никаких шансов на проявление милосердия к ним. Таким варварским способом Гасдрубал поднимал моральный дух: и солдатам, и гражданам ничего не оставалось, кроме как держаться до конца и сохранять верность полководцу⁹¹.

Но тирания Гасдрубала продолжалась недолго. К весне 146 года Сципион, завладев важными плацдармами и подчинив Африку, был готов нанести последний и завершающий удар. Так получилось, что свидетелем кровавой кончины Карфагена стал главный хронист Второй Пунической войны Полибий. Историк служил в Ахейском союзе, и римляне, заподозрившие его в симпатиях к Македонии, увезли заложником в Италию в начале шестидесятых годов II века. В Риме он сблизился со Сципионом Эмилианом и сопровождал его в кампаниях в Испании, Галлии и Африке (поэтому историк и оказался в

Карфагене в 146 году)⁹². Согласно Полибию, Сципион, видя, как горит Карфаген, плакал:

«Размышляя над неминуемостью падений городов, народов, империй и просто человека, над судьбой Трои, когда-то великого города, над судьбой Ассирийской, Мидийской и впоследствии великой Персидской империи и недавней великолепной империи Македонии, он вдруг произнес слова поэта (Гомера):

День придет, — и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копьеносца Приама*.

Полибий спросил попросту (Полибий был его наставником), что он имеет в виду, произнося эти слова, и он без колебаний и совершенно искренне назвал свою страну, чья судьба его тоже тревожит, когда он задумывается над общностью судеб человечества. И Полибий записал все так, как слышал⁹³.

Мы не можем знать, действительно ли Полибий записал слова Сципиона в точности так, как их услышал. Каким бы ни был источник этого сюжета, Сципион проливал слезы, горюя не по поводу несчастий, которым подверг Карфаген, а переживая за судьбу своего города, Рима. Расправившись с главным соперником, Рим превратился в единственную мировую державу, но и обрек себя на то, чтобы со временем тоже испытать бедствия разрушения.

Примечательный факт: в 146 году жертвой Рима стал еще один древнейший город. Римская армия Луция Муммия захватила, разграбила и почти полностью уничтожила Коринф, подавляя восстание Ахейского союза⁹⁴. Трагическая участь Коринфа доказывает лицемерие Рима, оправдывавшего варварское разрушение Карфагена опасениями, появившимися в связи с возрождением его могущества. Нет сомнений и в том,

* Гомер. Илиада. — М.: Художественная литература, 1978. Перевод В. Вересаева. Песнь шестая.

что желание погубить Карфаген вызывалось не только надуманной военной угрозой. Рим неплохо поживился на разрушении и грабеже двух богатейших городов древнего Средиземноморья. И в Карфагене, и в Коринфе интервенты разворовали все ценности, а уникальные произведения искусства вывезли в Рим. Сципион Эмилиан, желая найти хоть какое-то оправдание разбою, пригласил представителей греко-сицилийских городов приехать в Карфаген и заявить свои права на шедевры, украденные у них ранее карфагенянами⁹⁵. Как бы то ни было, распродажа рабов и присвоение карфагенских земель позволили и существенно пополнить государственную казну, и обогатиться самим римлянам⁹⁶.

Демонстративно и высокомерно изничтожив эти два города, Рим недвусмысленно предупреждал все остальные государства: любое сопротивление ему наказуемо, и никакие прошлые свидетельства величия ничего не значат в этом новом мироустройстве. Как написал Николас Перселл: «Устройство, переустройство, украшательство всегда были присущи деятельности правителей города. Столь же эффективным средством стало и разрушение... Уничтожением Карфагена и Коринфа в 146 году римляне умышленно сделали всем символическое предупреждение способом, выходившим за рамки военных традиций»⁹⁷. Участь, постигшая прежде Капую, была лишь прологом к полномасштабной средиземноморской драме⁹⁸. Разрушением Карфагена и Коринфа Рим создал кровавый прецедент наказания другого государства за непослушание и силового утверждения мирового господства.

Власть над прошлым

Римляне получили то, что хотели. Начав с малого — потребовав от карфагенян в заложники детей, — они затем в буквальном смысле стерли с лица земли суверенное государство, погубив его многовековую историю, культуру и традиции. Этические обоснования в данном случае совершенно неумест-

ны, особенно на фоне параллельного уничтожения Коринфа и притязаний на Средиземное море как *mare nostrum* — «наше море»⁹⁹. Свой новый статус мировой державы Рим утверждал не только могуществом, но и незаурядным умением всегда находить оправдание своим действиям, невзирая на реальные факты. Покончив с Карфагеном, римляне стали в определенном смысле творцами истории¹⁰⁰. В зарождении римской историографии основополагающую роль уже сыграли Ганнибаловы войны. У Фабия Пиктора появились последователи, не менее страстно желавшие документировать славное прошлое Рима.

Пиктор писал на греческом языке. Катон сочинял свой эпохальный труд *Origines** на латыни. В произведении, состоящем из семи книг, излагается история римлян до 149 года (в этом году автор умер)¹⁰¹. Подобно Пиктору, Катон стремился отразить особую роль в становлении великой римской державы сугубо римских добродетелей — мужества и благочестия. Однако он подчеркивает также, что своими успехами римляне обязаны не отдельным блистательным полководцам и государственным деятелям, а всему гражданскому сообществу¹⁰². Хронологически (и географически) произведение Катона построено неравномерно. В двух книгах он рассказывает о происхождении народов Италии, возможно, с намерением оттенить их культурную и историческую общность и легитимность лидерства Рима¹⁰³. Первые столетия существования Рима сжато описаны автором в одной книге, в то же время отдельная книга посвящена Первой и Второй Пуническим войнам. Две полновесные книги посвящены и очень короткому историческому периоду с начала шестидесятых годов II столетия до 149 года¹⁰⁴. Неравномерность исторического материала, возможно, объясняется нехваткой источников информации, но она также свидетельствует о намерении автора написать нечто вроде манифеста на потребу дня. Сочинение, возможно, предназначалось и для того, чтобы объяснить (или оправдать) причастность

* «Начала», или «Древнейшая история».

Катона и сената к уничтожению главного врага. Именно в этом труде Катон изложил шесть (предполагаемых) нарушений Карфагеном обязательств перед Римом¹⁰⁵. Позиция Карфагена, естественно, полностью проигнорирована.

Трагедия Карфагена интересовала и литераторов. Стремление придавать определенную смысловую направленность или переписывать историю прошлого обнаруживается в сочинениях не только хронистов, но и нового поколения римских эпических поэтов. Эти авторы бессознательно ориентировались на греков, но акцентировали внимание на сугубо римской тематике, пытаясь создать собственную «национальную литературную культуру»¹⁰⁶. Первыми писателями такого рода были не римляне, а италийцы с юга полуострова, где сохранялось влияние эллинистической культуры. Они появились в Риме во время или сразу же после завершения Второй Пунической войны и установили тесные связи с видными римскими сенаторами¹⁰⁷. Понятно, что войны с Карфагеном заняли первостепенное место в их сочинениях. Первую эпическую поэму на латинском языке о конфликте с Карфагеном написал в конце III века Гней Невий, кампанец и ветеран Первой Пунической войны. Она так и называлась — «Пуническая война»¹⁰⁸. Ему наследовал один из величайших римских поэтов Квинт Энний, калабриец, сражавшийся с карфагенянами во Второй Пунической войне. В своем эпическом шедевре «Анналы» он отобразил всю историю Рима¹⁰⁹.

И Невий, и Энний писали сочинения под влиянием древних мифов¹¹⁰. Перед нами не история римско-карфагенских отношений, а эпическое повествование о борьбе двух городов за мировое лидерство, на которую они были обречены с самого начала. В эпической поэме Невия, как, надо полагать, и у Энния (от его поэмы сохранились лишь фрагменты), царица и основательница города Дидона (Элисса в произведениях греко-эллинистических писателей) представлена современной Энея. Замысел очевиден: поддержать фиктивную синхронность основания Карфагена и Рима, впервые провозгла-

шенную Тимеем¹¹¹. Согласно Невию и Эннию, пунические войны развязали не люди, они возникли по велению богов. Покровительницей Рима была Венера, мать Энея, а карфагенян в той же роли оберегала Юнона¹¹². Римляне удостоились победы только после умиротворения Юноны.

В прихотливости богов не было ничего нового: еще в «Илиаде», эпической поэме Гомера, с которого явно брали пример и Невий, и Энний, Гера, греческая Юнона, испытывала лютую ненависть к троянцам (среди которых был и Эней), а Афродита, греческая Венера, поддерживала Трои¹¹³. Перенос давней мифологической вражды на более современную рознь между Римом и Карфагеном, безусловно, отражал борьбу конфликтующих сторон во Второй Пунической войне за благорасположение богов. Венера была признана прародительницей римлян именно в этот период (сооружением храма Венеры Эрицинской на Капитолии), а вскоре римляне поверили и во враждебность Юноны, совершив обряды, рекомендованные жрецами, дабы ее умиловить¹¹⁴. *Bellum Poenicum** Невий написал, когда Ганнибал все еще находился в Италии, в ответ на религиозную пропаганду карфагенского полководца и его свиты¹¹⁵.

Энний заканчивал «Анналы» в семидесятых годах II столетия, когда отношения Рима с Карфагеном в очередной раз испортились¹¹⁶. Хотя он взялся описать всю историю Рима, в его произведении, как и у Катона, явно присутствовало более заинтересованное и предубежденное отношение к недавним событиям, прежде всего ко Второй Пунической войне¹¹⁷. Судя по сохранившимся фрагментам, он осуждает карфагенян, называя их «надменными нечестивцами» и обвиняя в том, что они приносят детей в жертву богам¹¹⁸. Подобно Невию, Энний изображает борьбу Карфагена и Рима в контексте божьего волеизъявления, предсказывая победу римлян по желанию Юпитера¹¹⁹. И в *Bellum Poenicum*, и в «Анналах» Пунические войны представлены как предначертанная богами борьба за

* «Пуническая война».

господство, в которой выжить уготовано только одному государству.

Нам трудно судить о том, какое влияние эти идеи оказали на решение римлян до основания разрушить Карфаген. Однако известно, что последняя акция Сципиона Эмилиана перед штурмом имела прямое отношение к миру богов. Прежде чем отправить войска в атаку, Сципион совершил торжественный ритуал *evocatio**, призывая богов Карфагена покинуть город и обрести пристанище в Риме¹²⁰. Эта церемония была полезна по целому ряду причин. Во-первых, римляне оберегали себя от обвинений в святотатстве, поскольку они громили нечестивый город. Одновременно это был и заключительный акт в длительной борьбе за благоволение богов. Ритуал совершался, когда победа была уже близка, и Сципион не сомневался в том, что боги ему симпатизируют. Божественное благословение, пожалованное римлянам, подтверждалось присутствием легионов у стен города, предвкушавших победу. Карфагенские боги перешли на сторону римлян, и римляне могли быть уверены в том, что господство Рима в Центральном и Западном Средиземноморье теперь санкционировано высшими силами.

* Призыв, зазывание, заклинание (лат.).

Глава 15

ПУНИЧЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Призрак Карфагена

Глядя на то, как горит цитадель Бирса, Сципион приказал снести стены и скрыть валы. Потом, следуя военному обычаю того времени, он отпустил солдат грабить город. Поживой награждались легионеры, проявившие исключительную отвагу на поле боя. Сципион лично распределял золото, серебро, религиозные и другие трофеи. Оружие, осадные машины, военные корабли были сожжены в качестве жертвоприношений Марсу и Минерве. Жителей города римляне отправили на рынки работорговли, за исключением некоторых особо знатных граждан вроде Гасдрубала. Сановников провели по улицам Рима во время триумфа Сципиона и затем позволили им поселиться в различных городах Италии¹.

Удалось избежать гибели и рабства и тем немногим карфагенянам, оказавшимся за рубежом. В их числе был философ, тоже Гасдрубал, обосновавшийся в Афинах для более углубленной научной деятельности. Приехав в Грецию, он благоразумно стал называть себя Клитомахом, а в 129 году возглавил престижную Афинскую академию. Клитомах написал 400 трактатов, принесших ему известность и в Риме. Помимо философских трудов, он сочинил знаменитое послание согражданам, убеждая их в том, что во времена бедствий надо находить

утешение в философии (странный совет людям, гибнущим от рук римских мародеров и увозимым в рабство)².

После разграбления города римскими легионами сенат отправил в Карфаген комиссию в составе десяти человек: им поручалось принять меры для того, чтобы город всегда оставался необитаемым. Сципион обязывался снести до основания последние руины, и накладывалось страшное проклятие на любого человека, посмеявшегося сейчас или в будущем поселиться на Бирсе или в Мегаре. Города, все еще сохранявшие верность Карфагену, ожидало полное уничтожение, союзникам Рима выделялись карфагенские земли. Для тех же, кто пожелал занять нейтралитет, назначался правитель, которого ежегодно присылали из Рима³.

Когда в Риме узнали о победе, улицы заполнились толпами ликующих людей. Согласно Аппиану, радость римлян можно было понять, поскольку «ни в какой другой войне противник не угрожал им у самых ворот города и не наводил такого ужаса своим упорством, искусностью, отвагой и вероломством»⁴. Хотя большинству описаний Пунических войн присуща гиперболизация, данная эмоциональная оценка, возможно, верно отражала настроения римлян. Окончание войн, угрожавших лишить их божественного благоволения и подвергших смертельной опасности у ворот города, действительно могло принести им величайшее облегчение⁵. Необычайная религиозная и литературная активность римлян в годы войны уже свидетельствует о том огромном значении, которое имели победы и поражения на поле боя и для самооценки, и для видения своего места в мире.

Для одних историков Вторая Пуническая война подтвердила предопределенность римского господства, для других она обозначила начало разложения и упадка. Как считал Полибий, чьи взгляды разделяли многие римские сенаторы (и интеллектуальное сообщество эллинистического мира), всем великим державам уготован неминуемый крах⁶. Пока что более или менее разумно организованное государственное устройство

Рима предотвращало сползание к гибели, но и ему не избежать участи Карфагена. Согласно политической философии Полибия, причины будущего фиаско надо искать не в появлении альтернатив, а в латентных внутренних конфликтах и иррациональности. К упадку, поражению и гибели Карфаген привели демагогия Баркидов и возросшее влияние популистских политиков. Даже Ганнибал, восхищавший Полибия в роли командующего, был подвержен иррациональности и импульсивности, которыми отмечены последние годы существования Карфагена⁷. Разрушив Карфаген, римляне начали реализовывать теорию, предрекшую неизбежную гибель собственного города.

Прозорливость политической философии, предсказавшей падение Рима, подтвердилась уже в последние десятилетия II — начале I века, когда Римскую республику поразил политический кризис и вспыхнула кровавая гражданская война. Призрак Карфагена теперь уже не только зловеще напоминал об аналогичной участи Рима, но и служил источником распрей в сенате. В действительности междоусобицу в римском сенате Карфаген породил еще до разрушения города. Римский командующий Гостилий Манцин, раздосадованный недостаточным вниманием к его заслугам в сравнении с почестями, оказанными Сципиону Эмилиану, заказал картину, изображавшую Карфаген и штурм, которым он предводительствовал, водрузив ее на римском Форуме. Мало того, он, стоя рядом с произведением, зазывал зевак и с жаром рассказывал о своих героических деяниях, способствовавших взятию города⁸.

Но не только славу не могли поделить римские военачальники и сановники. Вокруг плодородных североафриканских земель, ставших римскими владениями, тоже разгорелись споры. Особенно острые разногласия в сенате вызвала земельная реформа, предусматривавшая в том числе и освоение заморских колоний. Она была необходима прежде всего ветеранам войны, обеспечившим победу и оказавшимся в рядах римской бедноты. В 123 году сенатор Гай Семпроний Гракх и его сто-

ронники добились одобрения законопроекта, регулирующего заселение бывших карфагенских территорий и предлагавшего, кроме того, создание колонии на месте разрушенного Карфагена под названием Юнония. Против этого плана выступили консерваторы во главе со Сципионом Эмилианом. Гракх выиграл дебаты, приведя старый аргумент Сципиона Назики: падение Карфагена неизбежно породит в Риме демагогов и тиранов (явный намек на Сципиона Эмилиана). Заслуженный полководец в ответ обвинил реформистов в алчности: они-де хотят нажиться на завоеваниях Рима на Востоке⁹. Как бы то ни было, обе стороны продемонстрировали: в Риме — разлад, а причина тому — завоевания.

Реформаторы на какое-то время восторжествовали, но вскоре их постигло разочарование: оппоненты настроили общественное мнение против проекта, распространив слухи, будто межевые столбики, отмечавшие границы новой колонии, выдрали волки (вещуны посчитали это недобрым предзнаменованием). Естественно, от реализации проекта пришлось отказаться¹⁰. Но на этом конфликт между реформаторами и консерваторами не закончился. В 121 году консул Луций Опиций устроил путч, во время которого были убиты и Гракх, и три тысячи его сторонников. С поразительным цинизмом и бесстыдством Опиций распорядился построить на Капитолии храм, посвященный Конкордии (богине Согласия)¹¹. Многие восприняли его как мемориал, увековечивший кровавую свару, поразившую Рим. Не случайно кто-то написал на здании: «Безумие раздора соорудило храм Согласия»^{12*}.

После гибели Гракха разногласия между сторонниками заселения карфагенских земель и противниками воссоздания нового Карфагена (даже римского) не прекратились. В 81 году римский полководец Помпей, желая продемонстрировать свой консерватизм, обновил проклятие, наложенное на Кар-

* Перевод по тексту автора. «Злой глас Раздора храм воздвиг Согласию» — в русском издании «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (перевод С. П. Маркиша).

фаген¹³. Но в 64 году группа сенаторов снова попыталась провести реформу, предложив продать территорию Карфагена для пополнения бюджета. Однако консерваторы не согласились, сославшись на то, что пренебречь проклятием означало бы совершить святотатство, а возрожденный Карфаген в будущем вновь станет угрожать Риму¹⁴.

Хотя позиции Гая Гракха и Сципиона Эмилиана были диаметрально противоположны, они подтверждали один и тот же диагноз: разрушение Карфагена катализировало процесс моральной деградации, подпитываемый алчностью и амбициями правящих классов Рима¹⁵. Действительно, у римлян настолько притупилось чувство собственного достоинства, что на это обратил внимание историк Саллюстий. В укор римским вздорящим полководцам он напомнил о самоотверженном поступке братьев-карфагенян Филенов, согласившихся быть заживо похороненными, чтобы отстоять и свою честь, и восточные границы государства¹⁶. И через столетие после гибели развалины Карфагена символизировали не могущество Рима, а раздоры и конфликты, подрывавшие его жизнеспособность. Это наконец понял и взялся разрешить болезненную проблему самопровозглашенный спаситель Римской республики.

Римская добродетель, карфагенская порочность

В 31 году, после того как все серьезные претенденты на власть либо умерли, либо были нейтрализованы иными средствами, бразды правления твердо взял в свои руки Октавиан, приемный сын Юлия Цезаря,* будущий Август и первый римский император. Август обладал проницательным политическим чутьем, неумейной энергией, властолюбием, но и здравомыслием, достаточным для того, чтобы учесть ошибки приемного отца. Какие-либо подозрения в жажде царской власти (аналогичные слухи стали причиной убийства Юлия Цезаря)

* Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании.

новый режим опровергал, акцентируя внимание общественности на неустанной деятельности Августа по восстановлению былого величия, престижа и стабильности Римской республики. Хотя методы его правления были откровенно авторитарными, Август предпочитал говорить о себе как о «первом среди равных» в возрожденном и окрепшем государстве. Режим Августа стремился доказать, что Рим может вновь обрести величие только путем возрождения традиционных римских добродетелей, таких как *fides* (верность)* и *pietas* (благочестие, чувство долга перед богами, государством и семьей)¹⁷. Эти мотивы стали постоянно присутствовать в творениях художников и писателей, поддерживавших цели и свершения нового режима¹⁸.

Желание доказывать римское величие добродетелями — верностью и чувством долга — проявлялось еще в Пунических войнах, в военных и дипломатических заморских кампаниях. Первый храм Верности в Риме возвел Авл Атилий Калатин, первый римский диктатор, использовавший войска в заморских военных действиях (в 249 году на Сицилии)¹⁹. Возможно, добродетель честности приобрела особое значение вследствие возросшего понимания того, что этот моральный принцип первым приносится в жертву в «реальной политике», которую теперь должен проводить Рим. Для многих, особенно на греческом Востоке, циничное обхождение с Карфагеном стало наглядным свидетельством углубляющегося диссонанса между словами и делами во внешней политике Рима.

Полибий, прежде чем завершить свою «Историю», излагает мнения (предполагаемые) о разрушении Карфагена, выраженные греками, — одобрительные и неодобрительные. Хотя Полибий таким образом ловко уходит от изложения собственной позиции, подробное описание реакции греков на катастрофу указывает на то, что ему по крайней мере небезразлична эта проблема²⁰. Историк особо выделяет ту точку зрения, ко-

* Здесь имеется в виду верность данному слову, обязательству, договоренностям, то есть честность.

торая обвиняет римлян в пренебрежении высокими моральными принципами, провозглашенными прежде:

«Другие говорили, что римляне были цивилизованными людьми, и их особенным достоинством, которым они гордились, было то, что они вели войны попросту и благородно, не устраивая ночных набегов и засад, противясь обману и мошенничеству и считая легитимными только прямые и открытые нападения. Однако в данном случае они прибегли к обману и мошенничеству, вносили предложения одно за другим, держа остальные в тайне, пока не лишили город каких-либо надежд на помощь союзников. Это, говорили они, больше похоже на интриги деспота, а не на поступки принципиального государства, каким был Рим, и следовало бы по праву охарактеризовать как нечто, очень напоминающее не порядочность и вероломство»²¹.

Такое осуждение не могло не задеть римлян. Не случайно вскоре появились апокрифичные сказания, утверждающие приверженность Рима первой добродетели — честности и вплетенные в летопись города. Одна из таких былин имеет непосредственное отношение к Карфагену. В двадцатых годах II века получила широкое распространение история о римском полководце Регуле, позорно захваченном во время Первой Пунической войны и вернувшемся в Рим с мирными предложениями карфагенян, которые он призывал сенат отвергнуть. Потом он, исполняя свое обещание, возвратился в Карфаген, где ему отплатили пытками и казнью²². Контакты Регула с карфагенянами излагаются и в другом варианте. Греко-сицилийский историк Диодор рассказывает о том, как жена Регула, озлобленная длительным тюремным заключением супруга, уморила голодом одного карфагенянина, заперев его в крошечной комнате без еды и питья. Его товарищ спасся только благодаря тому, что домашние рабы, обеспокоенные безумным поведением хозяйки, подняли тревогу. Магистраты, расследовавшие преступление, хотели предать суду всю семью²³. Как

бы то ни было, сказание о самопожертвовании Регула вошло в канон истории Рима²⁴.

Не случайно при Августе легенда о Регуле дополнилась новыми благолепными штрихами. В одной из од поэт Гораций в равной мере воспел и бескомпромиссное подчинение императором британцев и парфян, и самоотверженный призыв Регула к Риму отвергнуть примирение с карфагенянами, несмотря на ужасные последствия для него самого:

Жены стыдливой он поцелуй отверг
И малых деток, ибо лишился прав;
И мужественно взор суровый
В землю вперил, укрепить желая,
Душой нетвердых, членов сената: сам
Им дал совет, не данный дотоль нигде,
Затем — изгнанник беспримерный
Быстро прошел меж друзей печальных.
А что готовил варвар-палач ему,
Он знал, конечно. Все же раздвинул так
Друзей, что вокруг него стояли,
Всех, что пытались уход замедлить...^{25*}

Сказание о Регуле — лишь один из примеров отображения Пунических войн в сугубо моралистическом тоне, с акцентом на карфагенской угрозе традиционным римским добродетелям. Писатели, признававшие многие установки режима Августа, хотя и не считавшие себя его твердолобыми верноподданными, отвергали смутность и сомнения прошлого столетия, предпочитая определенность побед и нравственной чистоты. В сущности, они исходили из того, что нет никакой надобности в существовании Карфагена в качестве контрастного фона для подчеркивания величия и добродетельности римлян.

* Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. — М.: Художественная литература, 1970.

Гораций. Оды. Собрание сочинений. — СПб.: Биографический институт. Студия биографика, 1993. Перевод Н.С. Гинцбурга. Книга третья (3.5.40–50).

К разряду таких писателей следует отнести Ливия²⁶. В принципе нет ничего оригинального в его главной исторической концепции — сопоставлении жизнеспособного раннего Рима с тем, каким он стал в эпоху упадка²⁷. В исследовании легко обнаруживается знакомый акцент на тлетворном влиянии роскоши на склад характера римлян²⁸. Ливия отличает от Полибия и других предшественников то, что он рассматривает упадок Рима после разрушения Карфагена как явление временное и преодолимое. Согласно Ливию, Рим уже пережил три исторических цикла с пиками и падениями. Правление Августа означает начало четвертого цикла и возможность для Рима вновь стать великим. По программе Ливия, Август посредством в том числе и непопулярных мер должен остановить процесс упадка и вознести Рим до новых высот, возродив животворные добродетели *fides* и *pietas*²⁹.

В повествовании Ливия Карфаген играет более значительную роль, нежели просто главного соперника Рима в борьбе за мировое господство³⁰. Помимо воспроизведения тезиса Полибия о том, что падение Карфагена вызвано чрезмерным влиянием несведущих граждан на власть, Ливий представляет североафриканский город в качестве исключительного морального антипода Риму. Если Полибий считает, что Карфаген потерял величие, то, по мнению Ливия, нравственно неполноценный Карфаген никогда его и не имел. На протяжении всего повествования о Пунических войнах Ливий постоянно противопоставляет карфагенской порочности римскую добродетельность.

Хотя у Полибия тоже встречаются унизительные замечания о нравах карфагенян, нападки Ливия обычно более едкие и язвительные. В знаменитом описании личности великого карфагенского полководца Ганнибала историк, воздав вначале хвалу его физическим данным и военной искушенности, сводит на нет благоприятное первоначальное впечатление уничижительными оценками нравственных качеств: «Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и

ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское коварство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святынь»^{31*}. Согласно Ливию, пороками Ганнибал затмевал даже соотечественников. На протяжении всего повествования Ливий заостряет внимание на вероломстве карфагенского полководца. Чего стоит лишь один эпизод о том, как Ганнибал повелевает заковать в кандалы римских воинов, которым была обещана свобода его же нумидийским начальником конницы. Этот поступок историк язвительно называет актом проявления «истинно пунийского благородства»^{32**}. Хотя и не он изобрел ставшее ходовым римское выражение «пунийская верность», саркастически именующее коварство и вероломство, именно благодаря Ливию этот эпитет прочно укрепился в менталитете римлян. Он даже позволил себе вложить это выражение в уста самого Ганнибала, придумав его признание, будто у римского сената нет никаких оснований для того, чтобы доверять мирным переговорам с карфагенянами^{33***}.

Нельзя забывать о том, что обвинения в непорядочности, вероломстве и алчности проистекают из общего замысла Ливия оправдать агрессию Рима и доказать римскую добродетельность. Вопреки его утверждениям римляне были не менее вероломны, чем карфагеняне во время Второй Пунической войны, и Ливий обвинениями Ганнибала просто отвлекает внимание от бесчестности римлян. Ливий упорно изображает осаду и взятие карфагенянами города Сагунта (послужило

* Тит Ливий. История Рима от основания города (XXI.4.9).

** У автора — *reverence*. В русском переводе труда Ливия — «пунийская честность». — Тит Ливий. История Рима от основания города (XXII.6.12).

*** Ганнибал сказал Сципиону во время переговоров, состоявшихся по его просьбе перед сражением при Заме: «Не отрицаю: мы только что не вполне искренне просили о мире, не вполне честно ждали его, потому нет у вас веры в пунийскую честность». — Тит Ливий. История Рима от основания города (XXX.30.27).

поводом для развязывания Второй Пунической войны) как пример вероломства Ганнибала и его соотечественников. В то же время он не находит ничего плохого в том, что римский сенат не помог своему закадычному союзнику³⁴.

Таким же образом можно расценить и обвинения карфагенян в нечестивости. Утверждения Ливия о святотатстве карфагенян не имеют никакого отношения к реальной практике карфагенских религиозных верований и ритуалов, а отражают скорее его желание поддержать римские притязания на божественное благоволение, осуществлению которых воспрепятствовали военные успехи Ганнибала и его пропаганда. Ливий попытался разрешить эту деликатную проблему, объяснив первоначальные победы Ганнибала его временным благочестием и неспособностью римлян адекватно почитать своих богов. Заявив в самом начале описания войны о несправедности миссии Ганнибала, Ливий дал понять, что любые успехи карфагенян будут иметь временный характер. Естественно, поражение Карфагена Ливий объяснил не чем иным, как божественной карой³⁵. Согласно догме Ливия, печальная участь Карфагена подтверждает превосходство добродетелей римлян, благоволение к ним богов и потенциал для обретения нового величия.

Новый Геракл и новый Карфаген

Хотя идеи Ливия и не были запрограммированы государством, они совпадали с установками режима Августа. Пятнадцатилетнее пребывание Ганнибала на полуострове оставило глубокий след в коллективном сознании римлян, и искоренить это наследие было нелегко. Неудобные напоминания о его победах и ассоциациях с божествами можно было найти по всей Италии, и спустя два столетия никто из римлян не отважился повторить его эпохальный переход через Альпы по стопам Геракла. Биограф I века Корнелий Непот, происходивший из Цизальпинской Галлии (север полуострова), сообщал,

что великая горная цепь и тогда все еще называлась Греческими и Пунийскими Альпами, поскольку Геракл и Ганнибал прошли по их перевалам³⁶. Понимая, что неспособность покорить эти горы бросает тень на Рим, император Август решил попытаться взять под свою опеку Гераклов путь, а заодно и наследие легендарного героя.

Одержав победу в гражданской войне, в 29 году Август прибыл в Рим, чтобы отпраздновать тройной триумф с 13 по 15 августа. Эти даты избраны не случайно: 12 августа устраивалось празднество Геркулеса у алтаря *Ara Maxima* (Великого алтаря). Новый спаситель Рима явно хотел примазаться к славе великого предшественника³⁷. Этот спектакль был первым в череде мероприятий по присвоению Геракловой традиции. В 13 году появилась новая дорога — Юлия Августа. Названная именем императора, она проходила по маршруту Гераклова пути от Плацентии на севере Италии через Альпы в Трансальпийскую Галлию. В конце дороги, у Ла-Тюрби, в нескольких километрах от современного Монако, был возведен величественный монумент, состоящий из ротонды с двадцатью четырьмя колоннами и статуи Августа на троне, в ознаменование покорения Альп императором. В надписи перечислялись все племена, укрощенные Августом и его двумя приемными сыновьями Друзом и Тиберием³⁸.

Через несколько лет, в период между 8 и 2 годами, были обновлены 1600 километров Гераклова пути от Гадеса до Пиренеев. Этот участок дороги был также назван в честь Августа³⁹. Шел ли этой же дорогой и Ганнибал? О том могли и не упоминать. Поэтическое отображение альпийской кампании Августа предполагало, что ассоциация с ним запала в сознание современников⁴⁰. Воздавая хвалу свершениям Друза и Тиберия в Альпах, Гораций искусно вплетает в текст поэмы упоминания о Ганнибале и поражении карфагенян при Метавре, которое нанес им Нерон Друз, предок приемных сыновей императора*.

* В битве при Метавре римляне нанесли поражение Гасдрубалу, брату Ганнибала.

В последних строках экскурса Ганнибал оплакивает крушение грез о завоеваниях, а юный римлянин торжествует⁴¹. Гораций дает понять, что экспроприация Августом Гераклова пути завершает окончательное поражение карфагенян и битву за богов и власть над прошлым.

Но и трансформация Гераклова пути покажется событием малозначительным в сравнении с другим предприятием, затеянным императором Августом, — восстановлением Карфагена. Другие самопровозглашенные спасители Римской республики занимались постройкой и декорированием храма Конкордии в Риме, однако для Августа это было бы сомнительным деянием. Хотя ему действительно придется реконструировать храм, в двадцатых годах I века он еще не завоевал репутации *pater patriae*, «отца страны». Для большинства граждан он был не гарантом согласия, а палачом, беспощадно отомстившим убийце приемного отца кровавой расправой над политическими оппонентами. Если Август и возьмется построить монумент Согласию, то это произойдет за пределами Рима, где меньше риска быть обвиненным в лицемерии и больше консенсуса. Разве можно найти лучшее место для воспламенения духа примирения, чем разрушенная цитадель бывшего заклятого врага римлян?

В действительности не Августу, а его приемному отцу впервые пришла в голову идея восстановить Карфаген. Аппиан сообщает, что в 44 году во время битв с соотечественниками в Северной Африке Юлию Цезарю привиделось во сне, как плачет вся его армия. Пробудившись, он незамедлительно выпустил меморандум о необходимости заселить Карфаген⁴². Сон толковался по-разному современными исследователями. Наиболее вероятной версией считается такое объяснение: армией были погибшие карфагеняне, поэтому восстановлением города Цезарь проявит *clementia*, милосердие, чем будет всю жизнь гордиться. Альтернативный вариант: армия символизировала римских ветеранов войны, тем самым подтверждая желательность заселения города в соответствии с популярной

идеей земельной реформы Гракха⁴³. Возможно, двоякое смысловое предназначение сна было преднамеренным: милосердие Цезаря адресовалось и погубленным карфагенянам, и собственным ветеранам. Хотя основание новой колонии и было поручено одному из помощников Юлия Цезаря — Стацилию Тавру, не имеется данных о каких-либо серьезных начинаниях⁴⁴. Так или иначе, замысел восстановить Карфаген — город самого злостного врага Рима — доказывал и уверенность в своих силах режима Юлия Цезаря, и дух согласия, привнесенный Римом в Средиземноморье⁴⁵.

Позорное убийство Цезаря в том же году помешало реализации североафриканского проекта, но в 29 году Август уже был готов к тому, чтобы заняться им всерьез. Судя по наброскам, город замышлялся грандиозный. Планировка улиц отличалась необычайной правильностью и точностью. Каждый квартал имел размеры 120 на 480 римских футов (35,5 на 142 метра), составляя в точности одну сотую стандартного римского земельного надела⁴⁶. Административный и религиозный центр создавался на вершине Бирсы, бывшей цитадели старого пунического города. Вершину холма украшали великолепные монументальные здания, базилика, храмы и форум. Новый город должен был символизировать не только могущество Рима, но и единство прежде враждовавших народов⁴⁷. Карфаген возрождался как *Colonia Iulia Concordia Carthago*, Карфагенская колония Юлия и Согласия — административная столица римской провинции Проконсульской Африки⁴⁸. Хотя и другие римские колонии были названы в ознаменование согласия, возрожденного кланом Юлиев, Карфаген, должно быть, вызывал особый душевный отклик в сердцах римлян⁴⁹.

Парадоксально, но восстановление Карфагена потребовало более основательного разрушения древнего пунического города, чем совершенного Сципионом в предыдущем столетии. Для возведения монументальных зданий была срезана вся макушка холма и сооружена огромная платформа, на которой строилась центральная часть города. Свыше 100 000 кубичес-

ких метров руин и породы были снесены на склоны Бирсы. На склонах холма римляне возвели подпорные стены и террасы, на которых впоследствии планировалось строить жилые кварталы. Новый римский Карфаген стал наглядным свидетельством стремления режима императора Августа к согласию и примирению. Под новым городом навсегда были погребены последние напоминания о грозном противнике.

Дидона и Эней

Примерно в то же самое время, когда строился новый Карфаген, римский поэт Вергилий Марон писал свой шедевр, эпическую поэму «Энеида». Хотя его и нельзя назвать работным приверженцем режима Августа⁵⁰, в произведении можно найти немало деталей, созвучных пропаганде деяний императора. Человеку, пережившему кошмары войны, свойственно надеяться на то, что при умном диктаторе наступит новый золотой век, а именно это, собственно, и было обещано громкогласно режимом Августа⁵¹. В «Энеиде» пересказывается знакомая история о нелегком путешествии Энея из Трои в Италию, где ему уготовано стать прародителем римлян. Но уже в начале поэмы мы понимаем, что Карфаген будет играть в этой истории более значительную роль, чем та, которую отводила ему традиция:

Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить^{52*}.

* Здесь и далее отрывки из поэмы в переводе С. Ошерова приводятся по изданию: Вергилий, Микрон Публий. Буколики; Георгики; Энеида. — М.: Художественная литература, 1971. Библиотека всемирной литературы. Т. 6, серия 1. Литература античного мира.

Пунические войны автора не особенно заинтересовали, но поэма тем не менее напоминает сиквел (или приквел) к известному повествованию о конфликте Энния⁵³. Как и в произведениях Невия и Энния, в «Энеиде» вражда между Карфагеном и Римом предопределена богами, и у каждой из сторон имеется небесный заступник: Юнона покровительствует карфагенянам, а Венера, мать Энея, — троянцам. Однако «Энеида» существенно отличается от предыдущих римских поэтических эпосов. Вергилий дает новое и драматичное представление о предыстории этой вражды: роковой любви Энея и Дидоны, основателей римской и карфагенской рас. Хотя нечто вроде встречи между ними упоминается и в эпической поэме Невия, тему любовной связи впервые осветил Вергилий.

В первой книге «Энеиды» троянские беженцы покидают свое порушенное отечество, и их корабли попадают в жуткий шторм, устроенный зловредной богиней Юноной. Уцелевшие троянцы оказываются на берегу Северной Африки, где им помогают другие беженцы с Востока — карфагеняне. Венера, опасаясь, что карфагеняне могут причинить зло сыну, посылает Купидона к Дидоне с заданием влюбить в Энея царицу, которая после убийства мужа отвергала всех претендентов на ее сердце. Юнона, желая помешать Энею и троянцам исполнить свое предназначение в Италии, предлагает Венере поженить ее сына с карфагенской царицей:

Ведомо мне уж давно, что наших стен ты страшишься,
Что опасенья тебе Карфаген внушает высокий.
Где же предел? Куда приведут нас распри такие?
Вечный не лучше ли мир заключить, скрепив его браком?⁵⁴

Венера соглашается, дабы обеспечить безопасность сыну, хотя и знает о пророчестве Юпитера, что Эней непременно прибудет в Италию и станет основателем римского народа. Во время охоты буря умышленно отделяет Энея и Дидону от остальной группы, и они предаются любви в пещере.

Конечно, аудитории Вергилия уже известно: несмотря на любовь основателей двух наций, кровавый конфликт неизбежно вспыхнет между карфагенянами и римлянами. Поэтому он заставляет нас задуматься: а что, если бы Эней и троянцы остались в Карфагене и основали здесь свою родину? Вергилий даже наряжает будущего основателя Рима в накидку, пылавшую пурпуром тирским, вышитую золотым узором, и поручает ему направлять строительство города, который превратится в злейшего врага Рима⁵⁵. Поэт не исключает и того, что основание Рима вообще могло не состояться, если бы его герой задержался в Северной Африке:

Медлит, забыв об иных городах, судьбой ему данных, —
Все, что скажу я, ему отнеси ты с ветром проворным:
Мать, за сына моля, не это нам обещала
И не за тем два раза его спасала от греков, —
Но чтоб Италией он, вековую державу зачавшей,
Правил средь грома боев и от крови Тевкра высокой
Род произвел и весь мир своим подчинил бы законам.
Если ж его самого не прельщает подвигов слава,
Если трудами хвалу он снискать не желает, —
Вправе ли сына лишит он твердынь грядущего Рима?
Что он задумал? Зачем средь враждебного племени медлит?
Разве о внуках своих, о Лавиния пашнях не помнит?⁵⁶

Читатель, конечно, знает: Эней недолго пробудет в Карфагене. Его судьба уже предопределена. Противостоять ей не только невозможно, это означало бы поступиться добродетелью *pietas*, на которой будет зиждиться склад характера римлянина.

Наконец Юпитер посылает Меркурия, вестника богов, чтобы он уговорил Энея покинуть Карфаген. Осознавая неминуемость судьбы и долг перед богами и будущей родиной, Эней приказывает троянцам отправляться в Италию. После того как Эней тайно отплывает, Вергилий огорошивает аудиторию причитаниями покинутой царицы. Готовясь совершить самоубийство, убитая горем Дидона в то же время произносит

проклятия, предвещающие неизбежность возмездия карфагенян:

Вы же, тирийцы, и род, и потомков его ненавидеть
Вечно должны: моему приношеньем праху да будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!
О, приди же, восстань из праха нашего мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских*
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не знают⁵⁷.

В этом плаче-заклинании выражена древнейшая подоплека исторической вражды между Карфагеном и Римом. Даже в конце поэмы у богини Юноны, хотя она и признает зарождение нового народа на основе слияния троянцев и латинов, подчеркнуто сохраняется чувство злой обиды за карфагенян⁵⁸.

Поэма Вергилия не только объясняет истоки непреходящей розни между Карфагеном и Римом, обнаруживая их в глубокой древности, но и предваряет возрождение города карфагенян Августом, предпринятое в том числе и ради примирения с прошлым. На самом деле описание восторгов Энея, впервые увидевшего Карфаген, явно рассчитано на то, чтобы взволновать аудиторию Августа:

И взирал с высоты на растущую рядом твердыню.
Смотрит Эней, изумлен: на месте хижин — громады;
Смотрит: стремится народ из ворот по дорогам мощеным.
Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Города строят оплот и катят камни руками
Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят,
Дно углубляют в порту, а там основания театра
Прочные быстро кладут иль из скал высекают огромных
Множество мощных колонн — украшеньё будущей сцены⁵⁹.

* У автора — поселенцев троянских.

Растрогать римлян должно было не описание строящегося Карфагена (или тогда просто пунического города), а то, что в нем создавались типично *римские* институты⁶⁰.

Если город, в строительстве которого поучаствовал и Эней, мог показаться аудитории Вергилия *римским*, то поведение его героя явно не было таковым. Хотя отъезд Энея из Карфагена и оправдывается ссылками на предназначение, скрытый характер бегства от любимой женщины вряд ли мог понравиться римлянам, поскольку он свидетельствовал о вероломстве человека, а это качество всегда приписывалось карфагенянам. Действительно, римлян должна была смутить малоприятная сцена, в которой покинутая пунийка укоряет основателя римской нации в тех выражениях, которые обычно адресуются карфагенянам:

«Как ты надеяться мог, нечестивый, свое вероломство
Скрыть от нас и отплыть от нашей земли незаметно?
Что ж, ни любовь, ни пожатие рук, что союз наш скрепило,
Ни жестокая смерть, что Дидону ждет, — не удержат
Здесь тебя? Снаряжаешь ты флот и под зимней звездой
В море выйти спешишь, не страшась ураганов и вихрей?»⁶¹

В страстной, пронизанной страданиями и горечью отповеди, из которой ясно, что красавица пунийка готова наложить на себя руки, она обвиняет троянца в бесчестье и клятвопреступлении. По контрасту Дидона у Вергилия ничем не напоминает двуличную восточную царицу в ранних греческих и римских сочинениях. Хотя Венера первоначально и опасается, что карфагенская царица может насолить сыну, Дидона демонстрирует все те качества, которые (по мнению римлян) несвойственны пунийцам: благочестие, добропорядочность, верность. В Дидоне Вергилия нет и намек на плутовство и криводушие, которыми наделяет Элиссу Тимей. Легендарные эпизоды о краже золота у Пигмалиона и плутовском приобретении земли для будущего царства упоминаются не для иллюстрации

пунического коварства, а скорее для того, чтобы оттенить находчивость и смысленность царицы⁶³.

Характер взаимоотношений между Дидоной и Энеем в «Энеиде» указывает на невозможность примирения между Карфагеном и Римом. Жестокосердное и коварное отвержение Дидоны Энеем ради исполнения предназначенной судьбой миссии предваряет жестокость имперских амбиций Рима — амбиций, тоже predetermined богам. Подобно тому как Эней губит Дидону ради исполнения долга, и Рим сокрушит Карфаген во имя империи. Но Эней со временем будет сожалеть о жестоком обращении с карфагенской царицей (когда встретит ее в загробном мире). Таким же образом в «Энеиде» выражается скорбь о необходимом, но достойном сожаления разрушении Карфагена и предугадывается неизбежность его восстановления Августом в качестве города Римской империи. Подрывая вековые стереотипы (и наделяя римскими качествами в большей мере Дидону, а не Энея), Вергилий акцентирует внимание и на неприемлемости этих стереотипов для нового мироустройства Августа, и на возможности превращения карфагенян в хороших римлян. Он предсказывает нам одновременно неизбежность и будущей вражды, и будущего примирения. Подобно новому городу Августа, «Энеида» стала памятником древнему Карфагену как символу войн и разрушений, к которым ведут раздоры, и неизбежности мира.

Триумф Северной Африки

Если возрождение Карфагена подтверждало стремление режима Августа вернуть в Рим дух согласия и гармонии, то комплекс общественных зданий, возведенный в Лептис-Магне тоже на исходе I века, можно назвать свидетельством неуклонного сближения Рима со своими североафриканскими подданными. Ганнибал, богатый гражданин и бывший главный магистрат Лептис-Магны, построивший эти здания на свои

средства, позаботился и о том, чтобы оставить потомкам памятные письма. Длинная посвятельная надпись, начертанная на тридцать одном каменном блоке, — двуязычная. Она исполнена на латыни и пуническом языке, все еще преобладавшем на ливийском побережье. Даже в самом имени мецената отражен синкретизм пунической и римской культур. Первая часть имени Ганнибал — традиционно пуническая, вторая — Тапапиус (Тапапий) — явно трансформирована на римский лад, а третья — Руфус (Руф) — заимствована у римлян.

Показательно, что текст, в котором воздаются почести римскому императору Августу, тщательно нанесен на двух языках без какой-либо транслитерации. Ганнибал Тапапий Руф гордо называет себя жрецом культа Августа. И эта надпись — не аномалия. Она является одним из ранних эпиграфических свидетельств участия североафриканской элиты в политической, экономической и культурной жизни Римской империи при сохранении приверженности к пуническому наследию⁶⁴. Мало того, Ганнибал представляется «любимцем Конкордии». Этот эпитет используется не только в угоду имперской риторике римских владык. Он отражает и преданность пунической традиции. Титул «любимца Конкордии» веками присваивали себе представители североафриканской знати.

Для элиты, продолжавшей господствовать в пунических городах Центрального и Западного Средиземноморья, приверженность этническим традициям и принадлежность к Римской империи вовсе не были несовместимыми⁶⁵. В Северной Африке и на Сардинии все социальные группы населения пользовались пуническим и неопуническим языками вплоть до IV века нашей эры. По крайней мере до II века нашей эры не теряли своей значимости традиционные божества Астарта, Хаммон и Тиннит, а главные магистраты все еще назывались суффетами⁶⁶.

Сохранялся и культ тофетов, хотя в жертву богам приносились не дети, а ягнята. Некоторые исследователи усматривают в приверженности пуническим традициям молчаливое

сопротивление римскому владычеству. Однако на примере Ганнибала Тапапия Руфа и других обращенных пунийцев можно сделать вывод о том, что для них древние традиции служили средством самоутверждения в Римской империи⁶⁷. Действительно, на протяжении I и II веков нашей эры обитатели городов Северной Африки демонстрировали наибольшую мобильность и социальную активность. Амбициозные североафриканские семьи селились в Италии, покупая на средства, приобретенные торговлей и земледелием, солидные поместья, а их сыновья добивались высокого общественного положения, вплоть до сенаторского звания. Более того, такие города, как Лептис-Магна, удостаивались от римских императоров особого статуса колоний, а их обитатели — римского гражданства⁶⁸.

Несмотря на политическую и культурную интеграцию Северной Африки в Римскую империю, легенда о противлении Ганнибала Риму продолжала оказывать влияние на умы и чувства просвещенных римлян. Римский сенатор Силий Италик, современник императора Домициана (81–96 годы нашей эры), написал необычайно пространную эпическую поэму о пунических войнах «Пуника», в которой особый акцент сделал на ненависти бога/героя Геркулеса к Ганнибалу, появившейся, очевидно, после того как карфагенский полководец напал на Сагунт, нарушив договоренности с Римом⁶⁹. Другой римский поэт Стаций придумал историю о статуэтке Геркулеса, которой владеет его друг. Прежде она принадлежала Ганнибалу, и Стаций пользуется случаем, чтобы представить мифического героя не в роли божественного спутника полководца, а в качестве негодующего заложника, вынужденного сопровождать Ганнибала в облике статуэтke. Геркулес вовсе не благоволит Ганнибалу, а презирает Карфаген за оскорбительное поругание Италии⁷⁰.

Стаций тем не менее осознает, что времена переменились. Опасаясь, по-видимому, что его Ганнибала современники могут ассоциировать с представителями североафриканской элиты, пользующимися влиянием в Риме, поэт напоминает

другу Септимию Северу, родившемуся в Ливии, о его римской принадлежности:

Ни речь твоя не пуническая, ни одеяние;
Ты не чужестранец, ты итальянец, итальянец!⁷¹

Ни поэт, ни его друг, конечно, не знали, что внук и тезка Септимия — Луций Септимий Север в 193 году нашей эры станет первым африканским императором в Риме. Наиболее просвещенным подданным наверняка было известно о том, что он взошел на трон, совершив грандиозный тысячекилометровый переход от Дуная до Рима⁷². Когда Септимий Север перезахоронил останки Ганнибала в мавзолей из чудесного белого мрамора, стало ясно, с кого брал пример римский император⁷³.

Карфаген неизменно пробуждал интерес и у последующих поколений древнеримских писателей и историков. Они привычно создавали впечатление, будто и от римского теперь города исходит такая же угроза, как и от его пунического предшественника⁷⁴. Мифологизация Ганнибала приобрела такие масштабы, что Флавия, племянника Константина, первого христианского императора Рима в IV веке нашей эры называли Ганнибалианом⁷⁵.

Нам трудно сравнивать степень влияния на Рим Карфагена и Греции. Легко прослеживается воздействие греческого искусства, науки и литературы на римскую культуру, и просвещенные римляне всегда с готовностью признавали это. Карфаген не удостоился такой чести. И объясняется это не отсутствием оригинальных творений, а хотя бы отчасти тем, что греки успешно присвоили многие достижения, ставшие результатом многовекового культурного сосуществования и взаимообмена. К маргинализации культурного наследия Карфагена греки причастны в такой же мере, в какой римляне повинны в его разрушении.

Тем не менее Карфаген сыграл важную роль в развитии Римской империи. После расправы над соперником Рим при-

обрел обширную экономическую и политическую инфраструктуру, уже действовавшую в Центральном и Западном Средиземноморье. На Сардинии и Сицилии, в Северной Африке и в Испании римлянам достались в наследство не дикие и безжизненные пространства, а обустроенная и отлаженная государственная система, функционировавшая как единый политический, экономический и социально-культурный организм.

Не столь значительную, но также немаловажную роль Карфаген сыграл в становлении национального характера римлян. Они превратили Карфаген в исчадие зла и наглядный антипод, оттеняющий исключительно «римские» добродетели верности, благочестия и чувства долга. Потребность в этом образе всегда возникает, когда надо найти доказательства собственного величия.

Примечания

Пролог

1. Racob 1984, 238.
2. Ibid., 8–10; 1989, 238.
3. Hurst & Stager 1978 — о торговой гавани Карфагена.
4. Hurst 1994, 33–52 — о военной гавани Карфагена.
5. Docter et al. 2006, 66–67 — об уборке мусора и отходов в Карфагене.
6. Lancel 1988, 85–86; 1995, 426. В этих захоронениях могли быть и останки убитых во время штурма города.
7. Немецкий археолог Фридрих Ракоб обнаружил руины храма, сгоревшего при пожаре (возможно, обиталище карфагенского божества Решефа, ассоциировавшегося греками с Аполлоном) во время раскопок вблизи гаваней (Rakob 1995, 420 ff, 432 ff.).
8. Rakob 1984, 3 ff.
9. Описание гибели Карфагена основано главным образом на версии греческого историка Аппиана (8.19.127–131), который пользовался сведениями очевидца Полибия, до нас не дошедшими.

Предисловие

1. Silius Italicus *Pun.* 2.395–456.
2. Starks 1999, 257–260; Prandi 1979. Хотя некоторые историки полагают, что сюжеты на щите иллюстрируют вероломство и карфагенян, и римлян — Ганнибал разрывает договор с Римом, а Эней предательски покидает свою возлюбленную Дидону, отплывая в Италию, где его потомкам предстоит основать

Рим, — в действительности здесь оттеняется приверженность римлян принципам *fides* — верности. О вооружении Ганнибала см. Vessey 1975, Campus 2003a.

3. Huss 1985, 53–55; Dubuisson 1983; Isaac 2004, 325–335.
4. Pliny *NH* 18.22.
5. Тимей Тавроменийский, о нем см. далее.
6. Sallust *Hist.* 1.9; Velleius Paterculus 2.1; Orosius 4.23, 5.8.
7. R.Miles 2003.
8. Velleius Paterculus 2.19.4; Plutarch *Mar.* 40.4.
9. Franko 1994, 154.
10. Brecht 1951.
11. Schmidt 1953, 604–609.
12. О несостоятельности эпитета: W.McGurn, *Perfidious Albion: The Abandonment of Hong Kong* (Washington DC, 1991).
13. *The Jeffersonian Encyclopaedia* 1900, 305; Schmidt 1953, 611 п. 35.
14. Bernal 1987, 350–352.
15. Schmidt 1953, 610–611; Bernal 1987, 352–355.
16. Lancel 1995, 441–444.
17. Анализ содержания «Саламбо»: Green 1982.
18. Saint-Beuve 1971, 437.
19. Cullingford 1996, 225–227, 234; Lennon 2004, 84–85.
20. Byron, *Don Juan*, 8.23.3–7.
21. См., например, сборник стихов Хини Шеймаса «Север», опубликованный в 1975 году (Cullinford 1996, 228–230), Brian Friel, *Translations* (1980), Frank McGuinness, *Carthaginians* 1988 (Van Weyenberg 2003).
22. См., например: Emanuel Omoh Esiemokhai, *Iraq the New Carthage: International Law and Diplomacy in the Iraq Crisis* (Ife-Ife, 2003; Ричард Гуин: «Внешняя политика железного кулака: заняв жесткую позицию в отношении Ирака, Буш дал понять, что Рим нашего времени не потерпит, чтобы ему перечили новые строптивые Карфагены» (Richard Gwyn, *Toronto Star*, 18 September 2002). Даже литературные опусы вроде пьесы Алана Уилкинза «Карфаген должен быть разрушен» вызвали у критиков ассоциации с Ираком Alan Wilkins, *Carthage Must be Destroyed* ([London, 2007]).

23. Schurmann 1998.
24. В этом отношении показательна книга тунисского журналиста Мезри Хаддада «Карфаген не будет разрушен», в которой он обличает предвзятость французской прессы: Mezri Haddad, *Non Delenda Carthago: Carthage ne sera pas détruite* (Monaco, 2002).
25. Карфагеняне не пассивные жертвы агрессии римлян: Eckstein 2006, 158–176.
26. Rakob 1995, 420ff., 432 ff.
27. Спрятанные тексты — Plutarch *Mor.* 942C; Krings 1991, 654–656. Недавно при раскопках был найден карфагенский «сейф», и в нем содержались ритуальные сосуды и не было даже следов каких-либо текстов (Docter et al. 2006, 67–75). Пунические хроники — Servius *Aen.* 1.343, 1.738. Утверждения римлян об использовании пунических текстов — Sallust *Jug.* 17.7. О современных толкованиях официальной истории Карфагена: Huss 1985, 505. Одна пуническая надпись (*CIS* i. 5510) интерпретируется как описание завершения карфагенской военной кампании против греко-сицилийского города Акраганта зимой 406 года. Более подробно об этой надписи: Schmitz 1994.
28. Pliny, *NH* 18.22. Известны также два независимых перевода трактата на греческий язык (Devillers & Krings 1994, 492).
29. Devillers & Krings 1994, 490.
30. Neurgon 1976.
31. Им также написана история войны Пирра, царя Эпира, с римлянами. О Тимее Тавроменийском: Vattuone 1991.
32. Pearson 1975, 172–178.
33. Pearson 1987, 157–163, 238, 245–250.
34. Diodorus 13.43.6.
35. Ibid., 11.1.4.
36. Ibid., 12.26a–b.
37. Ibid., 20.14.1–7, 13.86.3, 20.65.1.
38. Ibid., 13.3.4.
39. Ibid., 13.57.4–5, 13.86.2–3.
40. Ibid., 13.90.1–6.
41. Hoyos 2003, 212–222; Lancel 1999, 25–28.

42. Livy (21.38.3). Ливий читал труд Цинция Алимента, побывавшего в плену Ганнибала во время Второй Пунической войны.
43. Об «Истории» Полибия: Champion 2004; Walbank 1957–79.
44. Walbank 1985, 262–279.
45. Ibid., 272. Полибий в том числе обвинял Тимея в пренебрежительном отношении к другим историкам.
46. Walbank 1957–79, I; 63–130; 1985, 77–98; Scuderi 2002, 277–284.
47. Plutarch *Pomp.* 11.3–4.
48. Harden 1939, 12. О других археологических свидетельствах сожжения города см. Docter et al. 2006, 75–76.
49. Lancel 1995, 199–204.
50. Huss 1985, 481–483.
51. Lipiński, 1988b, 169–174.
52. Ibid.
53. Dubuisson 1983; Starks 1999, 259–260.
54. Bernal 1987, 352, 355.
55. Подобно другим памятникам пунической культуры, мавзолеем пострадал от землетрясений и различных строительных проектов. Археологам все же удалось воспроизвести его первоначальный облик. Проблема, с которой сталкивается исследователь пунической архитектуры, заключается, как и в сфере литературы, в недостатке материальных свидетельств. Виной тому — более поздняя римская городская застройка и умышленные разрушения. Немногочисленные образцы архитектуры, пережившие и древний, и более современный вандализм, обычно обнаруживаются в Северной Африке на восточных и западных окраинах карфагенской территории. О непрекращающихся дискуссиях по поводу происхождения Лептис-Магны, Эа* и Сабраты см. Longerstay 1995, 828–833. Мавзолей в Сабрате не был единственным сооружением такого рода. Аналогичные строения найдены при раскопках в той же Сабрате в ста метрах от первого монумента и возле Орана на западе Алжира.
56. Di Vita 1976.

* Финикийское название современного города Триполи.

57. Например, эолийские капители с волютами, спиральными завитками, напоминавшими рога барана, между которыми располагалась пальмовая ветвь. Они уже давно не использовались греками, но с IV века были популярны у пунийцев (Lancel 1995, 311).
58. Одеяния = Maes 1989. Язык — Thuillier 1982; Lancel 1995, 275–276. Литература — Cornelius Nepos *Hann.* 23.13.2; Dio 13.54.3. Философия = Diogenes Laertius *Herillus* 7.1.37.3.165; Iamblichus *Pythagorean Life* 27, 36.
59. О влиянии культур Ближнего Востока на архаическую Грецию: Burkert 1992.

Глава 1

Финикийцы открывают Запад

1. Grayson 1991, 193–223. (Tr. in Melville et al. 2006, 288–289.)
2. Ассирийский царь Тиглатпаласар I (правил в 1114–1076 гг.) вторгся в Финикию, собрав богатую дань с владык городов-государств (Moscatti 1968, 10).
3. Kuhrt 1995, 483–487.
4. Ibid., 473–478 — об ассирийских анналах и их историографических источниках. Liverani 1979, 297–317 и Reade 1979 — об идеологии и пропаганде в искусстве Ассирии. Kuhrt 1985, 501–523 — об ассирийской имперской идеологии. Oded 1979 — о массовых депортациях, применявшихся ассирийскими монархами.
5. Имеются документальные свидетельства, относящиеся к XV веку до нашей эры и сообщающие о том, что египетский фараон Тутмос III, обеспокоенный нехваткой больших деревьев, вторгся в Финикию и организовал завоз лесоматериалов в Египет (Марсое 2000, 15).
6. Aubet 2001, 6–13; Huss 1985, 5ff; Gubel 2006, 86–87. Возможно, греки считали финикийцами народы, обитавшие не только у левантийского побережья, но и на севере Сирии (Röllig 1992, 93). О современной дискуссии по поводу разграничения заморского предпринимательства на финикийское северно-

- сирийское и южнофиникийское см. Fletcher 2004; 2006, 187–192; Peckham 1998. Я полагаю, что города севера Сирии участвовали в заморской торговле так же, как и левантийские государства, и включаю их в сферу торговой деятельности Финикии.
7. Aubet 2001, 144–158; Moscati 1968, 27–29. По мнению некоторых специалистов, диалект, на котором говорили в северных городах Библе и Арваде, отличался от тирско-сидонского наречия, доминировавшего в южном прибрежном регионе (Krahmalkov 2001, 7–9).
 8. Liverani 1990.
 9. Horden & Purcell 2000, 10–11. Harris (2005), 15 — подвергает сомнению распространенность названия на Ближнем Востоке.
 10. Ezekiel 27:4.
 11. Frankenstein 1979, 264.
 12. Kochavi 1992, 8–13.
 13. Aubet 2001, 105–114; Frankenstein 1979, 264–268.
 14. Isaiah 23:8; Ezekiel 26:16. Aubet 2001, 145–147.
 15. Kochavi 1992, 13–15.
 16. О финикийской материальной культуре см. Markoe 2000, 143–166.
 17. Заклинания, относящиеся к VII веку, были исполнены на финикийском языке (Clifford 1990, 58).
 18. Aubet 2001, 6–9.
 19. Moscati 1968, 83–84; Markoe 2000, 163–164.
 20. Aubet 2001, 39–43.
 21. 2 Samuel, 5:10–11.
 22. Josephus *JA* 8.50–60.
 23. *Ibid.*, 8.58–60.
 24. *Ibid.*, 8.76–83.
 25. Josephus (*ibid.*, 8.57) упоминает зерно, масло и вина.
 26. Frankenstein 1979, 268.
 27. Aubet 2001, 43–46.
 28. Handy 1994, 3.
 29. L'Heureux 1979, 69–79; Handy 1994, 65–102.
 30. Clifford 1990, 59–61. Богиня также была известна под именем Раббат (*RBT*), «госпожа» или «мать» (Krahmalkov 2000, 441).

31. В Ветхом Завете тирский царь получает строгий выговор за то, что свой ум ставит наравне с умом Божьим (Ezekiel 28:1–10).
32. Josephus *JA* 8.144–146 цитирует Менандра Эфесского.
33. Aubet 2001, 150–158; Lipiński 1970. Проститутки в храме Астарты также священнодействовали со своими клиентами.
34. Clifford 1990, 61.
35. Ibid., 57.
36. Herodotus 2.44.
37. Nonnus *Dion.* 40.429–468.
38. Ibid., 40.469–534. Другие греческие авторы также ссылаются на тирский миф о том, что храм был построен во время основания города 2300 лет назад (Herodotus 2.44).
39. Herodotus 2.44. Об изумрудной колонне упоминает и Плиний (Pliny *NH* 37.75). Согласно свидетельствам, полученным и в Тире, и в тирских колониях по всему Средиземноморью, две колонны в храме символизировали масличное дерево и вечный огонь, которые присутствуют и в рассказе Нонна об основании города. В храме Мелькарта в тирской колонии Гадес (Кадис), безусловно, были и священный огонь, и золотая олива. Иногда утверждается, будто изумрудной колонной был маяк (Katzenstein 1973, 87). Однако, по другим свидетельствам, обе колонны находились внутри храмового комплекса.
40. В другом греческом мифе божеству приписывается и изобретение пурпурного красителя — самого популярного и доходного товара в тирском экспорте. Однажды Мелькарт прогуливался по морскому берегу, усыпанному раковинами, со своей возлюбленной нимфой Тиро, и его собака схватила зубами один из моллюсков. Бог, увидев, что зубы пса стали багряно-красными, собрал раковины и окрасил в такой же цвет хитон нимфы. По другой версии, собаку привели к былинному царю Тира Фениксу, повелевшему начать производство пурпурного красителя и использовать его в качестве символа своей власти. Позднее тиряне, всегда отличавшиеся предприимчивостью, разрекламировали миф, изобразив иглянку и собаку с багряными зубами на монетах (Aubet 2001, 6–9).
41. Cross 1972a, 36–42.

42. Хирам и позже Итобаал называли себя также «царями Сидона» (*CIS* 56).
43. Gras, Rouillard & Teixidor 1991, 136.
44. Aubet 2001, 166–175.
45. *Ibid.*, 123–126. Информация основана главным образом на данных Книги пророка Иезекииля, написанной в более поздний период VI века, когда Тир уже «не правил морями». Как полагают исследователи, отдельные части текста относятся к более раннему документу, датирующемуся IX и VIII веками (*Ezekiel* 27:9–25, см. Aubet 2001, 121–122).
46. Aubet 2001, 50–51.
47. Markoe 1992. Boardman (2004, 154–155) полагает, что парфюмерные мастерские на Родосе скорее всего были греческие. При этом он не принимает во внимание явно левантийскую форму флаконов.
48. Shaw & Shaw 2000; Boardman 1980, 57ff. Значительное количество левантийской керамики, обнаруженной здесь, свидетельствует об активной торговле Коммоса с Финикией.
49. Coldstream 2003, 358–366. Röling 1992, 95 — о финикийцах и других уроженцах Ближнего Востока в Афинах и на Крите, бежавших от ассирийского царя Саргона II. Burkett 1992, 21–24 — о том, что ремесленники, возможно, прибыли вместе с купцами. О различных аспектах влияния Ближнего Востока в архаическом Средиземноморье см. сборник Riva & Vella (eds) 2006.
50. Медные слитки и керамика экспортировались из Кипра в города левантийского побережья начиная с XIV–XIII веков. Киприоты числятся среди жителей торговых кварталов Угарита этого периода (Kochavi 1992, 10–13).
51. Aubet 2001, 147. В одной надписи сообщается о тирском правителе «Карфагена» на Кипре (*CIS* 56). Однако она не проясняет, был ли этим «Карфагеном» Китион или какое-то иное еще не обнаруженное поселение.
52. Josephus *JA* 8.146. Кипрская надпись, относящаяся к началу IX века, была истолкована одним переводчиком как посвященная тирскому командующему, чьи войска опустошили остров (*KAI* 30, II, 1–3). Однако еще более ранняя надпись,

- относящаяся к XII веку и сообщающая о том, что опустошил Кипр бог Баал, тоже интерпретируется как историческое свидетельство разрушительного вторжения на остров финикийцев (Cross 1980, 2–3).
53. Karageorghis 1998.
54. Aubet 2001, 155.
55. Frankenstein 1979, 269.
56. Postgate 1974.
57. Postgate 1969; 1979, 200–214.
58. Kuhrt 1995, 518–519.
59. Russell 1991.
60. Postgate 1979, 218; Aubet 2001, 90–92; Frankenstein 1979, 272–273.
61. Frankenstein 1979, 286.
62. Aubet 2001, 90–92.
63. Frankenstein 1979, 273.
64. Недавно при раскопках в порту Уэльва на юго-западе Испании обнаружены, как предполагают археологи, свидетельства коммерческой деятельности финикийцев в IX веке (Gonzales de Canales, Serrano & Llompart 2006). Эту точку зрения разделяют Gubel 2006, 87; Fletcher 2006, 191. Подвергают сомнению гипотезу о доколониальной торговой активности финикийцев в Центральном и Западном Средиземноморье Aubet 2001, 200–211; Van Dommelen 1998, 71–75.
65. Giardino 1992; Van Dommelen 1998, 75–76.
66. Van Dommelen 1998, 76–80.
67. Stos-Gale & Gale 1992, 317–337.
68. Fletcher (2004 & 2006) — его идея о том, что начало сотрудничества и интеграции с местным населением положили сидонские купцы, на смену которым пришли тирские колонисты, интересна, но пока не доказана.
69. Ridgway 1992, 120.
70. D'Oriano & Oggiano 2005. Поселение, очевидно, было покинуто людьми в конце VI века.
71. Rendeli 2005, 92–97; Ridgway 2004, 16–19. Историки давно и ожесточенно спорят по поводу характера взаимодействия эвбейских греков и финикийцев в колонизации и торговых опе-

- рациях в Средиземноморье. Некоторые эпизоды дискуссии: Snodgrass 1994; Papadopoulos 1997; S. Morris 1998; Ridgway 1994; 2000, 183–185; 2004, 22–28; Boardman 2005.
72. Tandy 1997, 66–70.
73. Niemeyer 1990.
74. Nijboer 2005.
75. Markoe 1992, 62–73. Серебро пользовалось огромной популярностью на Ближнем Востоке и в Этрурии, но в Греции в VII веке на него практически не было спроса. В главных греческих святилищах использовалась в основном бронза. В Этрурии в этот период было изготовлено множество серебряных изделий с ближневосточными орнаментами и мотивами и с применением особой техники — гранулирования и филиграни, что предполагает обитание в Центральной Италии финикийских мастеров. Восточный стиль стал неотъемлемой частью этрусского искусства (*ibid.*, 78).
76. Malkin 2002.
77. Snodgrass 1971, 304–313; Chadwick 1976, 188–193.
78. Popham, Sackett & Themelis (eds.) 1979. На многих артефактах обнаруживается влияние египетского искусства. В то же время не существует подтверждений контактов греков с Египтом до VII века, не найдены и эвбейские стоянки на долгом пути до Леванта.
79. Niemeyer 1984, 19.
80. Coldstream 1982; Hudson 1992, 138–139.
81. Coldstream 1988. В Тире найдено значительное количество эвбейской керамики IX века (Bikai 1978).
82. Strøm 1992, 48–9, 57–60. В Греции особенно популярны были бронзовые котлы (кратеры), декорированные крылатыми сиренами и бычьими головами и первоначально завезенные из северной части Сирии (Muscarella 1992, 40–43). По мнению других специалистов, это были приношения левантйских гостей. Предполагается, что котлы доставлены по суше, а не морем (Röllig 1992, 97–102).
83. Некоторые исследователи пытаются доказать, что Аль-Мина была эвбейским поселением (например, Boardman 2002 & 2005). Действительно, здесь найдено много образцов греческой

керамики, однако еще больше обнаружено левантийских артефактов, хотя они не удостоились такого же внимания, как греческие изделия, поскольку археологи увлеклись возможностью засвидетельствовать основание одной из первых эллинистических колоний на Ближнем Востоке. Кроме того, спектр найденных образцов греческой керамики слишком мал для того, чтобы подтверждать жизнедеятельность греческой колонии. В основном это были сосуды для питья, а это указывает на то, что в Аль-Мине торговали предметами роскоши, а не первой необходимости (Tandy 1997, 65). Не исключено также, что по крайней мере часть кружек, якобы завезенных из материковой Греции, была изготовлена на Кипре, где господствовали финикийцы, но преобладал греческий стиль. Анализ глины показал, что их сделали скорее всего на востоке Кипра. Этим обстоятельством можно объяснить и поразительную разницу в качестве между подлинно эвбейскими скифосами — глубокими чашами для питья с двумя ручками и низкими основаниями — и образцами, найденными в Аль-Мине. Еще не доказано и то, что скифосы такого типа в данный период изготавливались в материковой Греции. То есть с уверенностью можно говорить о ближневосточной имитации греческой керамики (Kearsley 1989) и возрастающем влиянии независимого финикийского Кипра. Porham & Lemos (1992, 154–155) не согласны с датировкой «эвбейских скифосов» Аль-Мины, предложенной Кирзли, и датируют появление эвбейских греков в Аль-Мине 800 годом. Snodgrass (1994, 4–5) считает, что значительная часть так называемых эвбейских скифосов Аль-Мины изготовлена позже середины VIII века. Первые свидетельства греческих поселений в Леванте (Телль-Сукас и Рас-эль-Басит) относятся к VI веку, но и они малоубедительны (Waldbaum 1997). Кроме того, в Аль-Мине отсутствуют типичные признаки архитектуры, присущие эвбейским грекам: деревянные несущие стены, черепичные крыши, апсидная планировка (Luke 2003, 23–24). Не обнаружены и свидетельства греческих погребальных обрядов или греческого языка. Найден лишь один черепок с греческой надписью (коряво исполненной). Исследователи, изучавшие ее, объяс-

нили корявость стиля тем, что автор писал негреческие имена и фразы незнакомыми ему буквами. Анализ глины подтвердил, что сосуд не был сделан в Аль-Мине (*ibid.*, 12, 24). Nodos (2006, 25–88) убедительно доказывает, что проблему Аль-Мины можно понять только в контексте северной части Сирии и не следует рассматривать Восточное Средиземноморье как биполярный мир, разделенный между греками и финикийцами.

84. S.Morris & Papadopoulos, 1998.

85. Корске 1992, 103–113. Burkert (1992) всесторонне исследует взаимопроникновение ближневосточной и греческой культур. О влиянии Ближнего Востока на греческое искусство см. S. Morris 1992. Ближневосточные традиции оказывали особое влияние на греческую религию в архаический период. Хотя ряд главных греческих божеств относится к микенскому периоду, некоторые посвятельные ритуалы пришли из Ближнего Востока. К их числу можно отнести гепатоскопию — угадывание знамений при рассматривании печени жертвенных животных, очищение посредством жертвоприношения крови, экстатическое пророчество, исходящее непосредственно из уст жреца или жрицы, успокоение душ умерших дарами и иными приношениями или магическими заклинаниями нанести вред другому человеку (Burkert 1992, 46–82). Можно привести и другие примеры: обычай устраивать пиршества в святилищах, использование алтарей для сжигания жертвоприношений и даже сооружение храмов для богов или размещения их изображений в виде культовых статуй (Strøm 1992, 55–56; Burkert 1992, 19–21). Согласно Корске (Корске 1992, 110–112), греки переняли в Леванте саму идею создания храмов, а не только их архитектурный/литургический облик. Они также заимствовали обычай помещать жертвоприношения в основание религиозных сооружений, популярный у ассирийцев (Burkert 1992, 53–55). Влияние Ближнего Востока распространялось и на другие сферы жизни. Некоторые города-государства Греции переняли у финикийцев политическую систему. Государственное устройство Спарты, например, явно копировало режимы финикийских городов (Drews 1979).

86. Coldstream 1982, 269–272; Isserlin 1991; Einarson 1967.

87. Греческие обозначения букв *alpha*, *beta*, *gamma*, *delta* и других имеют семитское происхождение (Burkert 1992, 28–29).
88. Принято считать, что греческий алфавит возник в начале VIII века. Однако некоторые исследователи полагают, что это произошло еще раньше — в XIV веке (Bernal 1990). В сборнике Baurain, Bonnet & Krngs (eds.) 1991, 277–371, представлена серия исследований о происхождении алфавита в Греции. Греческие буквы появились в Афинах, на островах Наксос и Пифекуса к середине VIII века (Burkert 1992). Однако, по мнению других исследователей, греческий алфавит возник в XI веке на основе протоханаанейского письма, из которого произошел и финикийский язык (Naveh 1980). До настоящего времени не имеется свидетельств греческой письменности до VIII века. Поэтому греки решили, что их алфавит произошел из финикийской письменности, назвав его *Phoinikeia gram-mata* (финикийское письмо).
89. Burkert 1992, 33–40; Lancel 1995, 351–353.
90. Hudson 1992, 134–135. О системе мер и весов см. Lydus *Liber de Mensibus* 1.9.
91. Lloyd 1975, 54.
92. Об этом писали и Фукидид (1.13), и Диодор (14.42.1–3), и Плиний («Естественная история», 7.207). Однако, согласно Клименту Александрийскому («Строматы», 1.16.76), именно финикийцы изобрели трирему, а Плиний Старший («Естественная история», 7.208), ссылаясь на Аристотеля, утверждает, что карфагеняне придумали квадрирему. Ллойд, безусловно, прав, когда говорит о непродуктивности отыскивать в христианской полемике эмпирические факты, но перебарщивает, называя «исторически бессодержательными» утверждения Климента об изобретении триремы финикийцами (Lloyd 1975, 49–51; 1980, 197). Некоторые утверждения Климента, безусловно, верны.
93. Тогда самосский тиран Поликрат отправил сорок трирем в составе военно-морской экспедиции персов в Египет (Геродот, 3.44). Утверждения Ллойда (Lloyd 1975, 52–54), будто имеются свидетельства о том, что трирему создали коринфяне в VII веке, основаны на фрагментарных сведениях, написанных

во времена правления римского императора Августа, и отчасти отражают попытки уже современных исследователей объяснить, почему греки воспользовались новой технологией раньше финикийцев. Фукидид не утверждал, что трирему изобрели коринфяне. Историк писал лишь о том, что они первыми из греков построили одну трирему до того, как ее конструктор, некий Аминокл, перебрался на Самос, где собрал еще четыре корабля (1.13).

94. Вопреки суждениям Ллойда (Lloyd 1975, 55–57). Ллойд (Lloyd 1980, 196–197) подвергает сомнению причастность финикийцев к деятельности верфей *Prænsfr* в Мемфисе в этот период. О поставках лесоматериалов финикийцами в Египет см. Basch 1969, 231ff.
95. Basch 1977, 1–8; 1980, 199.
96. Финикийские и греческие суда существенно различались. Согласно Геродоту (8.118–119), финикийские триремы имели сплошную палубу. Плутарх («Фемистокл», 14.2) также отмечает несходство более легких и низких греческих судов с кораблями «варваров», отличавшимися приподнятыми кормой и палубой. Финикийские триремы имели также несколько иную конструкцию кормы, щиты на планширях и иную форму тарана (Lloyd 1975, 48).
97. Plato *Phaed.* 109B.
98. Abulafia 2005, 64–69. О роли судоходства в обмене людьми, техническими достижениями и идеями в древнем и средневековом Средиземноморье: Horden & Purcell 2000, а также Harris 2005.
99. Homer *Iliad* 23.740–745, 6.286–296.
100. Homer *Odyssey* 15.415–416. Capomacchia 1991.
101. Homer *Odyssey* 15.498–615, 14.287–300.
102. Winter 1995.
103. Van Dommelen 1998, 80–81, 111.
104. Trump 1992, 198–203; Bonzani 1992, 210–220. Социальные трансформации прежде всего отразились в дизайне и функциональном предназначении нураг. Классические нураги, обычно состоявшие из одной укрепленной башни, символи-

- зировавшей статус и богатство владельца, превратились в более сложные и замысловатые сооружения. Появились дополнительные башни, соединенные стенами, то есть нураги становились военными крепостями. Вокруг них возникали деревни, и в результате формировались сложные и социально многослойные общины (Ugas 1992, 220–230)
105. Rendeli 2005 — о первоначально значительной численности эвбейских греков в Сульцисе (Сульхе).
106. Giardino 1992, 304.
107. González de Canales, Serrano & Llompart 2006.
108. Lipiński 2004, 234–247. Среди историков нет единого мнения о действительном предназначении «норского камня». Pechham (1972) полагает, что стела повествует о Милкатоне, чей корабль (или корабли), отнесенный штормом от Испании, благополучно пристал к берегу Сардинии. Cross (1972b) дает другую интерпретацию: на стеле описана военная экспедиция на Сардинию и в «Таршиш», островное поселение, которое Милкатон со своим войском захватил, прежде чем примириться с аборигенами острова. Кросс также перевел слово *Pmy* (*-yton*) как Пигмалион, то есть употребил имя царя Тира IX века. Якобы именно он санкционировал экспедицию Милкатона, а не бог Пуммай. Кросс же (Cross 1987) приводит другую, очень фрагментарную надпись, найденную в Норе, в качестве свидетельства пребывания финикийцев на Сардинии в XI веке, но его аргументация малоубедительна.
109. Diodorus 5.35.4–5.
110. Frankenstein 1979, 288.
111. Niemeyer 1990, 471–472.
112. Nijboer & Van de Plicht 2006. Финикийская керамика, относящаяся к данному периоду, найдена при раскопках в порту Уэльва.
113. Aubet 2001, 281–283.
114. Strabo 3.5.5.
115. Diodorus 5.20.3.
116. Aubet 2001, 186–191.
117. Herodotus 4.152; Aubet 2001, 279–280 — эквивалент в руде.

118. Aubet 2006, 96–105; Van Dommelen 2006, 124–126.
119. Aubet 2006, 106.
120. В некоторых ближневосточных государствах, как, например, в Угарите на севере Сирии, главы купеческих гильдий и некоторые члены гильдий получали жалованье в царских дворцах. Взамен купцы иногда брали на себя роль царских послов (Rochavi 1992, 13–14).
121. Aubet 2001, 116–119.
122. Strabo 3.5.5; Philostratus Apollon. 5.4.
123. Strabo 3.5.7. Сообщая о роднике, Страбон цитирует Полибия. Примечательно, что и Нонн пользуется метафорой родников в мифе об основании Тира.
124. Aubet 2006, 106.
125. В III веке нашей эры святилище посетил философ Аполлоний Тианский. Его заинтересовали надписи, и он попросил жрецов объяснить их значение. Сделать это они не смогли. Тогда Аполлоний дал им свое толкование: «Эти колонны соединяют Землю и Небеса, и Он (Создатель) даровал их дому Судеб, дабы никогда не было вражды между стихиями, а они хранили любовь друг к другу» (Philostratus Apollon. 5.4–5).
126. Justin 44.5.2.
127. Silicus Italicus (Pun. 3.14–44). Силий Италик в своей напыщенной и раздутой поэме, написанной для римской аудитории во II веке нашей эры, дает тем не менее полезное описание храма Мелькарта в Гадесе. Ворота святилища, на которых, согласно Италику, были запечатлены подвиги Геракла, скорее всего появились позднее или возникли в незаурядном воображении автора. О других упоминаниях ритуалов в святилище: Diodorus 5.20.2.
128. Явно имея в виду обряд *egersis*, воскрешения Мелькарта, Филострат написал о том, что только обитатели Гадеса «празднуют смерть» (Apollon. 5.4).
129. Pausanias 10.4.6.
130. Aubet 2001, 273–279.
131. Aubet 2001, 55–57.
132. Moscati 1968, 19–21; Aubet 2001, 57–59.
133. Aubet 2001, 57.

Глава 2 *Новый город*

1. Justin (18.4) называет изгнанников «принцами», и это может означать, что они могли входить в элитное сообщество тирских «князей-купцов».
2. Baurain 1988, 21–22; Scheid & Svenbro 1985, 329, 338.
3. Scheid & Svenbro 1985, 334–338.
4. Bunnens 1968, 124–125 — параллель с Днем благодарения в США.
5. Scheid & Svenbro 1985, 329, 338.
6. Krahmalkov 1981.
7. О проблеме совмещения литературных и археологических свидетельств: Bunnens 1979, 299–320.
8. Новые данные радиоуглеродного анализа могут сдвинуть датирование ближе к 800 году (Docter et al. 2006, 39).
9. Barr 1974 и Edwards 1991 убедительно доказывают, что Филона из Библа вряд ли можно считать авторитетным и надежным источником для исследования раннего периода истории финикийского мира.
10. Philistus Fr. 47, FGH, IIIB: 564; Appian 8.1.1 (где Азорос стал Зоросом); Lancel 1995, 20–23.
11. Huss 1985, 405–406.
12. Aubet 2001, 227; Bordreuil & Ferjaoui 1988.
13. Пунический язык впитал различные финикийские диалекты. В некоторых религиозных ритуалах явно обнаруживается ливийский элемент: к примеру, использование красной охры в погребальных обрядах (Benichou-Safar 1982, 265–266; Lancel 1995, 53; Docter et al. 2006, 35).
14. К сожалению, как и в случае с другими общественными зданиями, в пуническом Карфагене не найдено материальных свидетельств создания храмов для этих божеств. Однако были обнаружены менее значительные храмы как в самом Карфагене, так и в других важных религиозных центрах пунического Запада. Храм Мелькарта — *CIS i. 4894, 5575*. Астарты — консорт Мелькарта — *CIS i. 250, 2785, 4839, 4850, 5657*. Храм

- Эшмуна, находившийся на вершине холма Бирса, был самым популярным святилищем Карфагена.
15. Diodorus 20.14.2; Polybius 31.12; Arrian *Anabasis* 2.24.5; Quintus Curtius Rufus 4.2.10; Aubet 2001, 157. Некоторые исследователи утверждают, будто потенциальные связи с Кипром, проявляющиеся в мифе об основании города, могут свидетельствовать о значительной численности киприотов в его первоначальном населении (Kourou 2002, 102–105). Однако материальные свидетельства причастности Кипра к становлению Карфагена не указывают на то, что присутствие киприотов было более значительным в сравнении с другими регионами греческого мира (ibid., 90–92; Bisi 1988, 31).
 16. Niemeyer 1990, 487.
 17. Bunnens (1979) предполагает, что Карфаген создавался не как колония, а как торговая фактория по подобию других финикийских поселений на Западе, и лишь позднее карфагеняне превратили ее в масштабный колониальный центр. Безусловно, по мере возрастания могущества города могли меняться и представления о его назначении. Однако в основе успеха лежал первоначальный замысел создать колониальную державу.
 18. Kourou 2002, 92–97.
 19. Niemeyer & Docter 1993; Vegas 1999; Kourou 2002, 92–96.
 20. Docter 2000b.
 21. Briese & Docter 1992; Kourou 2002, 101–102. Бордман (Boardman 2006, 199), предполагая, что Карфаген вначале был «multi-national comptoir»*, преувеличивает раннее влияние эвбейских греков.
 22. Niemeyer & Docter 1993, 213–214.
 23. Van Zeist, Bottema & Van de Veen 2001.
 24. Van Wijngaarden-Bakker 2007, 846–848.
 25. Bechtold 2008, 75–76; Fentress & Docter 2008, 2–3.
 26. Docter et al. 2006, 39–43.
 27. Ibid., 39–45.
 28. О том, что в Карфагене, возможно, находилось еще более древнее кладбище, датируемое VIII веком: Docter et al. 2003, 46–48; 2006, 43–45.

* Многонациональная торговая контора (лавка).

29. Lancel 1995, 51–55.
30. Benichou-Safar 1982, 262, 272–285; Tore 1995; Debergh 1973, 241–242; Gsell 1924, 457–458.
31. Fantar 1979, 12–13; Dussaud 1935, 270; Gsell 1924, 457.
32. Virolleaud 1931, 355; Dussaud 1935, 269; Dies Cusi 1995, 413–414.
33. Aubet 2001, 219; Lancel 1995, 45; Docter et al. 2006, 39–40.
34. Lancel 1995, 60–76. Сильное левантийское влияние подтверждается также тем, что в Карфагене было налажено массовое изготовление декорированных страусиных яиц, которые экспортировались по всему западному финикийскому миру и нередко использовались в погребальном убранстве. Их популярность объяснялась верой финикийцев в «космическое яйцо», из которого при разделении образовались земля и небеса. Карфагеняне, находясь в Африке, могли гарантировать бесперебойные поставки таких яиц (Ribichini 1995, 338).
35. Van Dommelen 1998, 81–84; 2006, 127–130. Видимо, именно этим обстоятельством можно объяснить то, что в финикийских захоронениях на Сицилии обнаруживаются металлические болванки, использовавшиеся в погребальном убранстве (Fletcher 2006, 179–180).
36. Fentress & Docter 2008, 3. В Карфагене археологи нашли множество нурагийских амфор, в которых перевозились продукты и другое сырье. В финикийском поселении Сант-Имбения найдены руины склада металлообрабатывающей мастерской и 20 килограммов медных слитков.
37. Ibid.
38. Одна из гробниц состояла из погребальной камеры, в которой находился каменный саркофаг, установленный в нише, вырубленной в стене. Каменные плиты образовывали крышу камеры. Передняя часть камеры закрывалась каменной стеной. Самые богатые гробницы украшались белой штукатуркой изнутри, а потолок покрывался деревянными панелями. Однако большинство карфагенян хоронили своих умерших в более скромных могилах — прямоугольных ямах, обставленных каменными плитами (Lancel 1995, 46–51).
39. Herodotus 7.165–166; Diodorus 13.43.5, 14.34.5.

40. Aubet 2001, 229; Huss 1985, 496–497.
41. Sznycer 1978, 567–570.
42. Lancel 1995, 210–211. В храме Баал-Цафона действовали пять ценовых категорий: для взрослых животных, телят, взрослых баранов, ягнят и птиц. Бедноте разрешалось ограничиваться менее дорогими приношениями: пирожными, маслами, молоком, мукой.
43. Целый ряд надписей, обнаруженных в Карфагене, содержат упоминания титулов «воскрешающий божественного супруга Астарты» или «пробуждающий мертвого бога запахом Астронои»* (в зависимости от перевода) (*CIS* i. 227, 260–262, 377; i. 5510). Большинство исследователей считают, что имеются в виду жрецы Мелькарта (Lipiński 1970, 30–58; Krahmalkov 2000, 308–309; Lancel 1995, 204–207).
44. Lancel 1995, 199–204. В надписях она также называется *Rabbat* («госпожа» или «мать») или *Rabbatenû* («наша госпожа»).
45. Le Glay 1996, 440; Lancel 1995, 194–199. Совсем немного найдено образцов иконографии Баал-Хаммона. На фрагменте стелы, датирующейся V веком и найденной в прибрежном поселении в 160 километрах от Карфагена, изображен бородатый бог в коническом головном уборе и длинной мантии. В одной руке он держит копье, а другой, видимо, дает благословение.
46. «Исход», 22:29. Принесение в жертву сыновей — Вторая книга царей**, 16:3, 21:6. О традиции молк в трактовке Ветхого Завета: Heider, 1985. Об отвержении иудеями чужеземной традиции: Второзаконие, 12:31, 18:10; Книга Пророка Иеремии, 7:31, 19:5, 32:35; Книга Пророка Иезекииля, 20:31.
- О других ссылках в Ветхом Завете на жертвоприношение сыновей и дочерей: Aubet, 2001, 246–248.
47. Eusebius *Evang. Praep.* 1.10.44. Эта информация, очевидно, заимствована у Санхуниафона, финикийского мудреца и пи-

* *Astronoë* — Астарта.

** Вторая книга Царей — в еврейской Библии (Танахе), а также в католическом и протестантском канонах. В православии — Четвертая книга Царств.

- сателя, жившего в Берите (современный Бейрут) около 1000 года.
48. Gianto 1987. В Аммане (Иордания) найдены руины храма с человеческими костями. Некоторые археологи считают, что здесь совершались жертвоприношения.
 49. Более подробно о жертвоприношении детей в Карфагене и пуническом мире: Shelby Brown 1991; Benichou-Safar 2004; Stager 1982, Stager & Wolff 1984. Среди античных источников можно отметить фрагмент из пьесы афинского драматурга V века Софокла «Андромеда», где упоминаются «чужеземцы», совершающие человеческие жертвоприношения богу Крону. Исследователи сделали вывод, что речь идет о пуническом мире, поскольку Крон считается греческим эквивалентом Баал-Хаммона, главного божества Карфагена. Однако первым сообщил в IV веке о принесении в жертву детей в Карфагене Платон (Plato *Minos* 315B-C). О человеческих жертвоприношениях как общепринятой карфагенской традиции писал и влиятельный греческий философ Теофраст (ок. 371–287) (Fr. 13.22–26; Porphyry *On Abstinence* 2.27.2). Греко-сицилийский историк Диодор (Diodorus 13.86.3) утверждал, что карфагенский командующий принес в жертву Крону ребенка, дабы привлечь на свою сторону бога во время осады города. Более поздние римские авторы писали, что варварство карфагенян поразило даже жестоких персов (Justin 19.1.10).
 50. Diodorus 20.14.4–7.
 51. Cleitarchus *Scolia* 377A. Аналогичное замечание у Платона (Plato *Minos* 315B-C).
 52. Plutarch *Mor.* 171C-D.
 53. Святилище, найденное Пьером Синта и идентифицированное им как первое сооружение тофета, скорее всего следовало бы считать остатками поврежденных урн (Grass, Rouillard & Teixidor 1995, 273).
 54. Lancel 1995, 249–250.
 55. Aubet 2001, 251–252; Lancel 1995, 248–249.
 56. *CIS* i. 5507.
 57. Aubet 2001, 247.

58. Ряд надписей карфагенского тофета содержат формулировку «постановлением народа Карфагена» (Aubet 2001, 254).
59. Van Dommelen 1998, 116.
60. Van Dommelen 2006, 122–123 — о различных моделях поселений в дальнем Западном и Центральном Средиземноморье.
61. Археологи находят убедительные доказательства того, что карфагеняне активно использовали Мальту и Гоцо для поддержания торговли с Грецией и Левантом в конце VI века (Sagona 2002, 25–53).
62. Huss 1985, 57–74.
63. Bunnens (1979) в особенности акцентирует внимание на империализме Карфагена и представляет карфагенян империалистами-колонизаторами, а не торговцами.
64. Schulten 1922. Уже в наше время Браун (Braun 2004, 302) выдвинул предположение, что Карфаген разрушил Тартесс около 500 года и завладел его торговлей.
65. Justin 44.5.1–3. Это не единственное свидетельство конфликтов между коренными испанцами и Гадесом. Макробий, римский автор V века нашей эры, повествует о нападении на город некоего царя Ферона (Sat. 1.20.12). См. также Витрувия (Vitruvius 10.1–3). Он утверждает, что карфагеняне впервые применили таран при осаде этого города. Хотя Витрувий не указывает дату, из его текста следует, что данное событие произошло до осады Византия Филиппом Македонским в 340–339 годах до нашей эры, во время которой полководец тоже использовал это орудие. Эпизод упоминается и в другом трактате, написанном в более ранний период (Athenaeus 4.9.3; Krings 1998, 229–260; Barcelo 1988, 1–22, 38–42).
66. Justin 18.7.1–2.
67. Ibid., 19.1.1–6; Pausanias 10.17.9.
68. Van Dommelen 1998, 123–124; Tonchetti 1995, 728–729.
69. В этот период происходили и существенные социальные и политические перемены в жизни нурагийцев (Webster 1996, 179–194).
70. Bechtold 2008, 75; Fentress & Docter 2008, 104.
71. Van Dommelen 2002, 130–137; 1998, 124–125.
72. Barcelo 1988, 46–47.

73. Южная Испания в то время — Wagner 1989, 150–151. Ибица — Gómez Bellard 1990, 178–183. Вероятно, первая карфагенская колония была основана в Эбузусе в 654 году. Однако многие исследователи полагают, что это было второстепенное поселение финикийцев, перебравшихся из Испании, превратившееся в карфагенскую вотчину лишь в последние десятилетия VI века, когда возникли затруднения на торговом пути между Иберией и Тиром. О перемене свидетельствуют погребальные камеры, вырубленные в скале, стелы и статуэтки.
74. Whittaker 1978.
75. Ibid., 59.
76. О фруктах, зерне и овощах — Hurst & Stager 1978, 338–340. Анализы древесины, использовавшейся в жертвенных кострах, показали, что начиная с IV века карфагеняне выращивали миндаль, груши, абрикосы и сливу (Stager 1982). Мясо и рыба в диете карфагенян — Van Wijngaarden-Bakker 2007, 841, 848. На кости собак приходится лишь около трех процентов останков домашних животных, но их, по-видимому, тоже нередко забивали на еду.
77. Betchold 2008, 40–43; Morel 2004, 14; Lancel 1995, 257–302.
78. Об исследовании материковой части Карфагена — Greene 1983.
79. Diodorus 20.8.3–4. Через полтора столетия такую же картину изобилия наблюдала другая армия интервентов (Appian 8.18.117).
80. Керкуан обычно изображается как аномалия (Van Dommelen 1998, 122). Однако отсутствие материальных признаков других крупных пунических поселений на Кап-Бон объясняется, возможно, недостаточной изученностью этого региона.
81. Более подробно о Керкуане: Fantar 1984. Краткое описание: Lancel 1995, 280–288.
82. Здесь поклонялись и женским божествам, в том числе Астарте, Тиннит (матери Циды) и Деметре.
83. Mezzolani 1999.
84. О местном ливийском населении Северной Африки железного века: Nodos 2006, 158–199.

85. Huss 1985, 70–74. В одном греческом тексте, относящемся к III–II векам, так представлена сфера влияния карфагенян в Северной Африке: «Столько городов или торговых факторий, сколько описано в Ливии от Сирта подле Гесперид до Геркулесовых столбов в Ливии, и принадлежало карфагенянам» (Pseudo-Scylax 111).
86. Именно здесь карфагеняне высадили огромное количество оливковых деревьев. Изобильными урожаями олив этот регион славится и сегодня.
87. Bechtold 2008, 47–48, 75.
88. Greene 1986, 109–116; Fentress & Docter 2008, 105.
89. Fantar 1984.
90. Pliny *NH* 18.22. Fantar 1998, 118. Насчитано 66 ссылок греческих и римских авторов на труд Магона (Devillers & Krings 1994, 490–492). Селекция и откорм крупного рогатого скота — Columella *Agr.* 6.1.3; Varro *Agr.* 2.5.18. Фруктовые деревья = Pliny *NH* 17.63–64, 131. Плиний Старший полагает, что Магон был не только экспертом сельского хозяйства, но и владел военным искусством. Эта информация навела некоторых историков на мысль о том, что именно он был тем человеком, который, согласно греческому источнику, «превратил карфагенян из тирян в ливийцев» (Pliny *NH* 18.22). О датировке труда Магона: Fantar 1998, 114–115; Lancel 1995, 257–259).
91. Hurst & Stager 1978, 338–340.
92. О начале виноделия в пунической Северной Африке: Greene 2000.
93. Lancel 1995, 269–279.
94. Пифей (Питей) предположительно миновал Геркулесовы столбы, обогнул атлантическое побережье Франции, прошел Ла-Манш, дойдя до Скандинавии, Балтики, устья реки Дон* и даже до Оркнейских островов. Подробно о путешествии: Dion 1977, 175–222. Однако не имеется подтверждений гипотезе Диона (175–176) о том, что экспедицию якобы санкционировал Александр Великий. На Диона, похоже, оказала вли-

* Имеется в виду река Дон в Шотландии, впадающая в Северное море у города Абердин.

- ание эллинистическая концепция Арриана (*Arrian Anabasis* 5.26.1–6), считавшего, что после завоевания Азии Александр намеревался отправиться на Запад.
95. Pliny *NH* 2.169 — об экспедициях, санкционированных карфагенским государством.
96. Bello Jiménez 2005, 17–34.
97. Festus Rufus Avienus 114–129, 380–389, 404–415. О достоверности сведений Авиена: Picard & Picard 1961, 236–237. Плиний Старший в «Естественной истории» (2.169) также упоминает о странствии Гимилькона для «исследования побережья Европы».
98. Picard & Picard (1961, 239): этими чудовищами скорее всего были киты, хотя образ морских чудищ всегда использовался греками и римлянами при описании северных земель и служил символом диких, далеких и чуждых мест.
99. Herodotus 3.115; Diodorus 5.21.30; Strabo 2.5.15, 3.2.9, 3.5.11, 6.2.5; Pliny *NH* 4.119, 7.197, 34.156–158.
100. Hanno 1; Blomqvist 1979, 5. Историки расходятся в определении времени путешествия Ганнона, датируя его либо первой половиной V века (Demerliac & Meirat 1983, 9), либо первой половиной VI века (Lacroix 1998, 345). О манускрипте, датировавшем «Перикл» X веком нашей эры: Lacroix 1998, 343.
101. Hanno 1–8. О попытках проследить весь маршрут экспедиции Ганнона: Demerliac & Meirat 1983; Lacroix 1998.
102. Hanno 9–12. По мнению других исследователей, карфагеняне увидели эти горы возле Монровии, столицы Либерии.
103. Hanno 13–14.
104. Lacroix 1998, 375–380.
105. Pliny *NH* 6.200.
106. Hanno 15–18. Как считают некоторые историки, Ганнон все-таки проплыл вокруг Африки (Lacroix 1998, 380–384). Эта гипотеза основана на утверждении Плиния, будто Ганнон успешно дошел из Гадеса до Аравии, обогнув Африку (*NH* 2.169). Согласно всем другим источникам, Ганнон действительно вернулся из-за нехватки пресной воды, нестерпимой жары и огненных рек, стекающих в море (Arrian *Indike* 43.11–12; Pomponius Mela 3.89).

107. Bello Jiménez 2005, 56–67, 82–86. Demerliac & Meirat (1983, 64–67) приводят более реалистичные данные о численности людей на борту — около 5000 человек.
108. J. Taylor 1982; Bello Jiménez 2005, 85–86. Предположение, будто экспедиция имела целью нарушить арабскую торговую монополию, наладив поставки золота из рудников южноафриканского региона Зимбабве/Трансвааль через Гибралтарский пролив, представляется надуманным (Lacroix 1998, 276–342).
109. Demerliac & Meirat 1983, 49–55.
110. Demerliac & Meirat 1983.
111. Ibid., 46–55. Возможная схема торговых операций в Северной Атлантике. Не исключено, что карфагеняне стремились найти источники постоянных поставок янтаря и меди на Балтике и в Скандинавии.
112. О недостаточности археологических свидетельств: Bello Jiménez 2005, 104–105.
113. Lancel (1995, 102–109) полагает, что описания ранних экспедиций вдоль нынешнего марокканского побережья основаны на действительных исторических событиях, а более поздние повествования о путешествиях в западную субсахарскую Африку являются литературным вымыслом.
114. Desanges 1978, 85: «On ne peut au Périple arracher son revêtement grec, sans en estomper les détours jusqu'à l'inanité» (перевод Лансея, 1995, 108).
115. Lonis 1978, 147–150; Blomqvist 1979, 11. Доводы Лансея (Lancel 1995, 106) против тезиса Лониса представляются в большей мере суждением, а не опровержением.
116. Bello Jiménez 2005, 71–81. Канарские острова упоминает нумидийский царь Юба II (25 до н. э. — 25 н. э.). Его географические познания основаны главным образом на пунических источниках (Pliny *NH* 6.37).
117. Herodotus 4.42; Demerliac & Meirat 1983, 30–37. Геродот (4.43) упоминает более позднюю и безуспешную попытку обогнуть морем всю Африку, предпринятую персом Сатаспом. Плиний («Естественная история», 5.8) также указывает, что главной целью экспедиции было обойти вокруг африканско-

- го материка. Об этом же писал Помпоний Мела (Pomponius Mela 3.93).
118. Herodotus 4.196.
119. Греки и римляне называли всех черных африканцев эфиопами.
120. Pseudo-Scylax 112.
121. Такова точка зрения Ланселя (1995, 108), хотя он сомневается в реальности последних этапов экспедиции.
122. Zimmerman Munn 2003.
123. Aristotele *Pol.* 6.3.5.
124. Van Dommelen 1998, 115; Campus 2006.
125. Van Dommelen 1998, 124.
126. К примеру, в Мотии, древней финикийской колонии на Сицилии, тофет был значительно расширен, обнесен стеной и дополнен святилищем.
127. Это прежде всего отмечено на Сардинии, где количество аттической керамики возросло вчетверо на протяжении V столетия (Tronchetti 1992, 364–377).
128. Bondi 1995b, 352.
129. Huss 1985, 498–499. Другие исследователи усматривают в этом признак аристократической привилегированности. Vognardreuil & Ferjaoui (1988, 137–142) анализируют надпись, найденную в Тире и содержащую упоминание «сына Карфагена», и письма, обнаруженные в Карфагене с упоминаниями «сынов Тира». По мнению исследователей, эти формулировки отражают скорее всего происхождение индивида, а не правовой статус. Некоторые чужеземцы удаивались определенных прав на основе принадлежности к гражданству пунического или финикийского города-государства.
130. Peserico 1999. Разнообразием особенно отличались амфоры. О погребальном финикийском убранстве на Сардинии: Fletcher 2006, 175–185.
131. Moscati 1986, 61–71. На стелах в некоторых западных финикийских городах, таких как Мотия и Таррос, обнаруживаются явные стилистические параллели с Карфагеном. Им присущи простые дизайны мотивов, изображенных символически, а не репрезентативно, к примеру, бетили (священные камни), алта-

- ри или контуры бутылей. В архитектурном отношении в этих городах также заметно сильное египетское влияние и использование циппусов, вотивных памятников, исполненных в виде тронов (ibid., 74–77). Графика стел в Сульцисе (Сульхе) и Монте-Сираи иная: они декорированы мотивами, изображенными в реалистическом стиле. Однако трудно сказать, Карфаген оказал влияние на сардинские и сицилийские города или наоборот. Налицо стилистические связи между Мотией и Тарросом: в частности, очевидна популярность мотива женской фигуры, прижимающей к груди религиозный знак или артефакт. Такие изображения не обнаружены в Карфагене (Moscati 1986, 78–79). Эпиграфические свидетельства указывают на то, что между финикийцами на севере Сардинии и финикийским городом Китионом на Кипре поддерживались тесные связи. В древнейшей финикийской надписи, найденной в Западном Средиземноморье, упоминается, что Китион был метрополией для сардинского города Нора (Krahmalkov 2001, 5).
132. Cicero *Scaur.* 42. Примечательны упоминания этнических групп, образовавшихся при смешении финикийских и пунических пришельцев с местным населением в Африке, Испании и на Сардинии. О культурной гибридации в пуническом мире: Van Dommelen 2006.
 133. Van Dommelen 2006, 134.
 134. Van Dommelen 1998, 153.
 135. Эту идею сформулировал Ричард Уайт в исследовании взаимодействия и сосуществования западных поселенцев и аборигенов в регионе Великих озер Северной Америки в конце XVIII — начале XIX века (White, 1991). Аналогичную модель использовал историк античности Ирад Малкин в исследовании архаического Средиземноморья (Malkin 2002, 151–153; 2005, 238–239).
 136. Некоторые исследователи считают Цида богом-основателем Сидона (Bernardini 2005, 131).
 137. Barreca 1969.
 138. О вотивной надписи: Fantar 1969.
 139. В этом отношении Антас не был уникальным местом в пуническом мире. В Тас-Силге, святилище богини Астарты

- на Мальте, тоже отражен симбиоз с местным женским божеством.
140. Утверждается, будто одна особенно известная статуэтка, обычно ассоциируемая с Цидом, на самом деле изображает Баал-Хаммона. Однако существует достаточно изображений Цида в облике божества воителя-охотника (Amadasi Guzzo 1969, 99).
141. Barreca 1979, 140.
142. De Angelis 2003, 116–118.
143. Thucydides 6.2.6.
144. Ibid. 6.2.2–6.
145. De Angelis 2003, 122–124.
146. Thucydides 6.2.6; Falsone 1995, 674.
147. Несмотря на расширение сети торговых факторий и создание новых поселений, Карфаген не стремился к тому, чтобы не допустить греков в Южную Испанию. Торговые фактории, если их покидали карфагеняне, быстро занимали фокейские греки с эгейского побережья Малой Азии, основавшие колонию в Эмпории, теперь носящей название Коста-Брава, на северо-востоке Испании (Dominguez 2002, 72–74).
148. Isserlin & Du Plat Taylor 1974, 50–68; De Angelis 2003, 118–120.
149. De Angelis 2003, 110–111. Даже менее развитые туземные общины по мере роста благосостояния испытывали на себе влияние греческой культуры. В этот период в Монте-Ято появился еще один храм с греческими атрибутами. В VI веке особенно разросся город Сегеста на западе острова, где местная знать завладела институтами власти и управляла финансами. Тесные торговые и культурные связи сегетской элиты с эллинистическим миром подтверждаются значительным количеством найденной греческой керамики (включая 2300 черепков с греческими письменами). В других туземных поселениях влияние греческой культуры менее заметно. В Монте-Полиццо, где обитало в лучшие времена до тысячи человек, тоже обнаружены признаки греческого влияния в архитектуре и керамике, но не столь очевидные и многочисленные (Morris et al. 2001, 2002, 2003); De Angelis 2003, 107–110). Степень и

характер приобщения туземного населения к финикийской или греческой культуре варьируются довольно значительно (Hodos 2006, 89–157).

150. Pausanias 10.11.3–4. Диодор (5.9) ничего не пишет о совместном войске финикийцев и элимцев, но сообщает о том, что колонисты из Книдоса сами вовлеклись в конфликт между сегестянами и селинунтцами. Krings (1998, 1–32) находит в обоих текстах детали, которые подвергают сомнению версию о том, что данный эпизод послужил причиной напряженных отношений между финикийцами/пунийцами и греками. Однако они в любом случае не опровергают сообщение Павсания о совместных действиях финикийцев и элимцев.
151. De Angelis 2003, 128–145.
152. Rocco 1970, 27–33.
153. Об археологических свидетельствах торговли карфагенян с этрусками: Macintosh-Turfa 1975. Несмотря на недостаточность археологического материала, можно утверждать, что уже в VII веке Карфаген поставлял в Этрурию предметы роскоши. В свою очередь, этруски экспортировали в Карфаген в значительных количествах буккеры — черную керамику. Карфаген ввозил этрусскую бронзовую утварь и посуду вплоть до III века. Практически отсутствуют свидетельства, которые подтверждали бы академические предположения о посредничестве греков в торговле между этрусками и карфагенянами. Важно отметить, что Этрурия не была политически едина. Карфаген поддерживал дипломатические отношения по крайней мере с двумя большими царствами — Тарквинией и Цере. О тирренской торговле в архаический период: Gras 1985.
154. Macintosh-Turfa 1975, 176–177.
155. Возможно, это была «визитная карточка» или бирка к партии товара (Lancel 1995, 86–86; Macintosh-Turfa 1975, 177).
156. Neurgon 1966; Ferron 1972. По мнению некоторых исследователей, письма на третьей табличке исполнены не на пуническом, а на кипрском финикийском языке, и архитектурный декор храма напоминает стиль финикийского Кипра. Возможно, речь идет о выделении в уже действующем этруском храме особого места для общины финикийских торговцев,

- переселившихся с Кипра (Gibson 1982, 152–153; Verzár 1980). Об академической дискуссии по поводу табличек: Amadasi Guzzo 1995, 670–673. С учетом тесных связей между Карфагеном и финикийским Кипром и политического альянса Карфагена с этрусскими царствами в данный период можно предположить, что это были пунийские купцы либо те и другие.
157. Aristotle (*Pol.* 3.5.10–11) упоминает «соглашения о завозе товаров, обязательства не наносить вреда друг другу и писанные статьи об альянсе» между карфагенянами и этрусками.
158. Aristotle *Rhet.* 1.12.18.
159. Herodotus 1.165–167. Krings (1998, 159–160) резонно не считает события вокруг Алалии частью более масштабного средиземноморского конфликта между карфагенянами и греками.
160. Palmer 1997, 23–24. Предполагается, что этот договор также способствовал закупкам римлянами зерна в пуническом секторе Сицилии, когда Рим испытывал острую нехватку продовольствия в V веке.
161. О Риме в VI веке: Cornell 1995, 198–214.
162. Мы благодарны Полибию, отыскавшему бронзовые таблички, содержащие описание договора и двух последующих соглашений с Карфагеном, в казначействе эдилов в Риме (3.22.3). Полибий даже посетовал на трудности в понимании архаического латинского языка (3.22–23). Об исследовании договоров между Карфагеном и Римом: Serrati 2006.
163. Polybius 3.22.
164. Cornell 1995, 215–241.

Глава 3

Геракл — Мелькарт

1. Dion 1977, 3–82; Malkin 1998, 156–257.
2. Malkin 1998, 156–177; 2002.
3. Особенно по отношению к их вождям. Но подобные случаи неизвестны в южных городах Кротон и Локры (Jourdain-Annequin 1989, 280–281).

4. Jourdain-Annequin 1989, 311. Согласно одному преданию, кельты произошли от Геркулеса, переспавшего с дочерью царя Галисии, которая затем родила сына, называвшегося и Галатом, и Кельтусом, и Кельтом. Известна также история о том, что Геракл оставил после себя немало детей в Испании и Галлии, ставших потом царями. Геракл был настолько популярен и в Италии, что один греческий историк раннего Рима написал: «Во многих местах Италии особые отгороженные территории посвящены этому богу (Гераклу) и алтари воздвигнуты ему, и трудно найти в Италии город или поселение у дороги, где бы ему не поклонялись» (Dionysius 1.40.6).
5. Jourdain-Annequin 1992, 35; Malkin 1994, 207.
6. Fabre 1981, 274–295.
7. Malkin 2005, 238–239; 2002, 157–158.
8. Jourdain-Annequin 1989, 273–274.
9. Безусловно, история о Герионе имела хождение в Греции в VIII–VII веках. Геракл и Герион фигурируют в произведении греческого поэта VII века Гесиода (*Theogony* 279.979), и в VII веке легенда получила такую известность, что ее использовали при росписи ваз художники на острове Самос. Герион изображается и в керамике, и в литературных текстах в самых разных ужасающих видах. Стесихор описывал его как крылатое чудовище с шестью руками и шестью ногами (Stesichorus, *Geryoneis* Fr.S87). Аполлодору (Apollodorus, 2.107) он представлялся существом, состоявшим из трех тел, соединенных животами и разделявшихся в стороны и книзу.
10. Malkin 1994, 210.
11. О Геракловом пути: Кнарр 1986. Феномен Геракла-героя на Западе: Fabre 1981, 274–295; Jourdain-Annequin 1989, 221–300.
12. Dionysius 1.35.2–3; Diodorus 4.22.6, 23.1; Pausanias 3.16.4–5. О связи между поэмой Стесихора и пребыванием Геракла на Сицилии: Malkin 1994, 206–211. В странствии Геракла по Сицилии отражены трудности, с которыми столкнулись греки на острове. Некоторые исследователи полагают, что в историях о сицилийском походе Геракла заключены воспоминания бронзового века, когда микенским поселенцам приходилось сра-

- жаться с аборигенами (Jourdain-Annequin 1989, 282–297). Многие туземные вожди, с которыми сражался Геракл, могли быть местными богами. О других ассоциациях странствия Геракла с бронзовым веком: Martin 1979. Автор предполагает, что путешествие Геракла по Центральной и Южной Италии, возможно, отражает маршрут миграции сикулов на остров Сицилия.
13. Herodotus 5.43; Diodorus 4.23.2–3; Pausanias 4.36.3.
14. Malkin 1994, 207–208.
15. Herodotus 5.42.
16. Malkin 1994, 192–203; Krings 1998, 189–195.
17. Herodotus 5.43–46; Diodorus 4.23; Pausanias 3.16.4–5; Krings 1998, 161–215.
18. Malkin 1994, 212. Krings (1998, 202–204) подвергает сомнению какую-либо связь между двумя экспедициями.
19. Krings 1998, 93–160.
20. Malkin 1994, 181–187.
21. Ibid., 186–187. В данном случае реальность соответствовала легенде (Diodorus 4.17.4–5; Pliny *NH* 5.35). На киренских монетах V века Геракл изображен с гесперидской девой. Некоторые исследователи считают, что сад Гесперид находился западнее, у гор Мавритании. Утверждается также, что Геракл основал город Гекатомпилон, который впоследствии захватили карфагеняне (Diodorus 4.18.1–4).
22. Asheri 1988, 755.
23. De Angelis (2003, 135–136) полагает, что этим святилищем мог быть храм Аполлона. О связях с греческим Селинунтом свидетельствует и скульптурное изваяние в Мотии, изображающее двух львов, повергающих быка. Некоторые исследователи предположили, что оно украшало ворота фортификаций. По стилю скульптурная группа имеет сходство с метопом знаменитого храма «Е» в Селинунте, на котором изображены богиня Артемида и Актеон. Не исключено, что скульптура и метоп были созданы одними и теми же мастерами.
24. Moscati 1986, 57–58. Терракотовые статуэтки пользовались такой популярностью, что их вскоре начали изготавливать на Сардинии и в Северной Африке.

25. Acquaro 1988, 17; Moscati 1986, 51 — о саркофагах, найденных в Канните близ Солунта и изготовленных, как полагают специалисты, здесь же в VI или V веках. В Канните найдено также изваяние богини со сфинксами. Оно датируется VI веком и тоже исполнено в греческом стиле.
26. Moscati 1986, 72.
27. Об отношении пунийцев к изображению наготы: Maes 1989, 22. В точности известно, что статуя найдена в пуническом городе. О дискуссии по поводу эфеба в Мотии: Lancel 1995, 323–325.
28. Herodotus 2.44.
29. Ibid. Хотя и не имеется археологических свидетельств пребывания финикийцев в храме Геракла на Фасосе, греческие авторы подтверждают финикийский прецедент культа героя-полубога на острове. Согласно более позднему греческому писателю Павсанию, фасийцы говорили ему о том, что и они сами, и Геракл произошли из Финикии: «Фасийцы, финикийцы по происхождению, приплывшие из Тира и вообще из Финикии... возвели в Олимпии Гераклу пьедестал и изваяние из бронзы. Высота изображения десять локтей, в правой руке он держит палицу, а в левой — лук. Они сказали мне, что поклонялись тому же Гераклу как тиряне, но впоследствии, соединившись с греками, стали поклоняться Гераклу как сыну Амфитриона» (5.25.12). Однако не только Геракл мог претендовать на ближневосточные корни. Согласно тому же Павсанию (1.14.6–7), поклонению Афродите положили начало ассирийцы, пафияне Кипра и финикийцы. Павсаний прекрасно понимал тесные связи между греческими и финикийскими верованиями (7.23.7–8).
30. Pausanias 7.5.5–8. Безусловно, существовала двойственность образа Геракла — Мелькарта. Греческий писатель III века нашей эры Филострат («Аполлоний», 2.33.2), повествуя о Геракле, потерявшем золотой меч в Индии, делает вывод, будто бы данное обстоятельство «указывает на то, что египетский, а не фиванский Геракл дошел до Гадейры* и стал исследователем земли».

* Гадес, современный Кадис.

31. Jourdain-Annequin 1989, 133–145; Karageorghis 1998, 65–159, *contra* Yon 1986, 147–149. Карагеоргис предполагает, что в этот период на Кипре Геракла отождествляли с финикийскими богами-воителями Решефом и Эшмуном (а он в греческом мире ассоциировался с Асклепием, богом врачевания) и египетским Бесом. Симбиоз Геракла и Мелькарта, видимо, и заставил некоторых поздних греческих писателей опровергать утверждения Геродота о тирском происхождении культа Геракла и объяснять их предубеждениями, порожденными вследствие слишком длительного общения с варварами, к которым они относили всех людей, не считавшихся греками. Наглядный пример такой отповеди Геродоту дает нам Плутарх: Plutarch *De Herodoti malignitate*, 13–14. Он обвиняет Геродота в «philobarbarism», в любви к варварам и ненависти к грекам.
32. Malkin 2005, 246–247.
33. KAI 47. Amadasi Guzzo 2005b, 47–48.
34. Malkin 2005, 245.
35. Amadasi Guzzo 2005b, 50.
36. Pausanias 10.17.2.
37. Bonnet 2005, 23–25; Bernardini 2005, 130–133.
38. CIS i. 256; Bonnet 2005, 25.
39. Grottanelli 1973.
40. Amadasi Guzzo 2005b, 49–50. Гуццо связывает эпитет не с Тиром, а со скалистым выступом, на котором располагался храм. Однако это вовсе не исключает и возможного намека в нем на тирскую наследственность божества.
41. Bonnet 1986, 210–212.
42. Lipiński 1989, 67–70. Bernardini 2005, 125–126 — о том, что этим Карфагеном был Таррос или другой пунический город на Сардинии — Неаполис (Неаполь). Однако более убедителен вариант североафриканской метрополии.
43. Bonnet 1988, 399–415.
44. Bonnet 1986, 214–215.
45. M. Miles 1998/9, 1–2, 21–25.
46. Bonnet 1988, 272; Krings 1998, 200.
47. Moscati 1986, 101–105; Galinsky 1969, 70–73.

48. О связи Мелькарта с Астартой: Giangiulio 1983. В римском культе Венеры Эрицины долгое время сохранялись пунические атрибуты, в частности, священная проституция и совершение жертвоприношений на алтарях на открытом воздухе в огороженных святилищах (Aelian *On Animals* 10.50; Galinsky 1969, 70–73). У святилища в Эриксе имелся двойник – такое же горное уединенное место, посвященное Астарте, в Сикке, карфагенском городе в Нумидии, где совершались аналогичные обряды и поощрялась священная проституция (Valerius Maximus 2.6.15; Solinus 27.8). Каждый год богиня отправлялась с голубями в Сикку и возвращалась, проведя там девять дней, в Эрикс (Aelian *On animals* 4.2; Schilling 1954, 234–239). Похожее совмещение Геракла с Мелькартом можно обнаружить в произведении греческого географа VI века Гекатея Милетского. Он писал, что Геракл, вернувшись со стадом Гериона, убил Солунта, царя одноименного пунического города на Сицилии, а помогла ему получить обратно украденных коров дева Мотия (Hecataeus of Miletus Frs. 71–72, *FGH*, I: 18–19; Malkin 1994, 210–211). В V–IV веках Солунт, основанный, согласно греческому историку Фукидиду (6.2–6), финикийцами, чеканил монеты с изображением Геракла (Bonnet 1988, 272–273).
49. Herodotus 4.8. Некоторые более поздние греческие писатели сообщали, что склеп Гериона можно было увидеть в Гадесе, а другие авторы утверждали, будто у склепа росли два дерева, с которых капала кровь (Philostratus *Apollon*. 5.4). Страбон (3.5.10), ссылаясь на греческого философа-стоика Посидония, тоже упоминает дерево в Гадесе, из которого «если подрубить корень, начинает сочиться красная жидкость» (Pausanias 1.35.7). Другим транзитным пунктом на пути Геракла была Абдера на восточном побережье Андалусии, тоже основанная не греками, а финикийцами (Apollodorus 2.5.10).
50. О слиянии образов Мелькарта и Геракла и раннем синкретизме героя с ближневосточными богами-героями Гильгамешем и Сандоном: Fabre 1981, 274–276. Высказывались предположения о связи между святилищем Венеры Фрутис в латинском городе Лавинии и святилищем в Эриксе (Solinus

- 2.14; Strabo 5.3.5). В двух манускриптах, излагающих труд Солина, упоминается не «Фрутис», а «Эрицина» из Эрикса. Некоторые исследователи посчитали это ошибкой при переписывании. В то же время нельзя не учитывать очевидного факта: в отличие от Афродиты/Астарты в Эриксе имя «Фру-тис» не было столь же известно (Galinsky 1969, 115–118). Еще один пример культурного синкретизма, присущего архаической Сицилии, мы находим в саге о свершениях Дориея. Эврилеон, единственный человек, уцелевший в злосчастной экспедиции, нашел прибежище в городе Геракле Минийской. Можно подумать, что город называли именем греческого героя. В действительности пунийцы называли Миною *Makara*, что означает «город Мелькарта» (Malkin 1994, 215–216; 2005, 252–253).
51. Hellanicus of Lesbos Fr. 111, *FGH*, I: 134; Hecataeus of Miletus Frs. 76–77, *FGH*, I: 19; Pearson 1975, 188.
 52. Надо сказать, более поздние описания пребывания Геракла в Риме в основном отмечают дружеский характер его отношений с местным населением (Fabre 1981, 287). К числу диссидентов можно отнести Плутарха, который указывает, что Геракл убил Фавна.
 53. Dionysius 1.40.1. Среди историков нет единого мнения относительно происхождения сюжета о Каке. Общепринято считать, что он проистекает из греческой мифологии, в частности, из легенды о том, как Гермес выкрал коров у Аполлона, пересказанной Гомером и использованной афинским драматургом Софоклом в «Следопытах». Его связывают также с историей о краже Сизифом коней Диомеда, когда Геракл гнал их к Эврисфею, царю Микен, после свершения восьмого подвига (Apollodorus 2.5.8). Дана Саттон (Dana Sutton 1977) полагает, что наиболее вероятным источником сюжета, вошедшего в канон римской мифологии, являются пьесы о сатирах начала I века до н. э. Однако хорошо известно, что Дионисий активно использовал сочинения писателей западногреческой эллинистической эры. Очевидно, один из них и был автором легенды.
 54. Broadley 2005, 138–140.

55. Ibid., 141–143. О греческих корнях италийского, этрусского и латинского Геркулеса — Геркле: Bayet 1926.
56. В других регионах Центральной Италии Геракл ассоциировался с самыми разными божествами (Bradley 2005, 132).
57. Самое раннее изображение Кака на этруском зеркале датируется IV веком до н. э.
58. Ritter 1995, 18–23; Bonnet 1988, 296–302. Связь храма Святого Омобона с Этрурией подтверждает пластина из слоновой кости, на которой начертано этруское имя Araz Silqietanas Spurianas, найденная археологами в святилище (Forsythe 2005, 90). Об археологических свидетельствах храмов и святилищ архаического Рима: Smith 1996, 158–165.
59. Forsythe 2005, 90–91.
60. Jourdain-Annequin 1989, 635–636. Идентификация фигуры богини тоже вызывает споры. Выдвигаются несколько вариантов: например, Юнона-Гера (Coarelli 1988, 301–328), Афина-Минерва (Colonna 1987). Некоторые исследователи утверждают, что, возможно, скульптуры Геракла и Афины украшали крышу храма по желанию одного из римских царей, который по примеру авторитарных правителей материковой Греции стремился продемонстрировать, что его владычество санкционировано богами. Они приводят в пример статую в Афинах, изображающую тирана Писистрата в виде Геракла, которого представляет на Олимпе Афина, покровительница города, свидетельствуя тем самым, что он пользуется божественной благосклонностью. Аналогичную роль играли статуи и в этруском южном городе Вейи. Более поздние римские писатели Марциал (14.178) и Плиний («Естественная история», 35.157) сообщают, что Вулке, скульптору из Вейи, была заказана статуя Геркулеса последним римским царем Тарквинием Гордым (Cornell 1995, 148; Bradley 2005, 130; Ritter 1995, 21). В этом отношении особый интерес представляют находки в святилище Пирги, где, помимо знаменитых табличек, археологи обнаружили подземелье, в котором могло находиться погребение Мелькарта до того, как он был воскрешен церемонией эгерсис. Надпись, найденная ими, посвящена Уни и Тину

- (Тинии), главным этрусским божествам. Уни ассоциировалась с Астартой, консортом Мелькарта, и, похоже, перед нами еще один случай синкретизма — Мелькарта и Тина (Тинии) (Casquero 2002, 89–90).
62. Holloway 1994, 166–167.
63. Van Berchem 1967, 1959–60. Можно отметить и другие сходства: абсолютное верховенство божества в его храме, длинные мантии и лавровые венцы на непокрытых головах жрецов (хотя аналогичные детали присущи и греческим святилищам). Предполагается, что Потии, одна из аристократических семей, управлявшая культом, были в действительности кастой жрецов в ближневосточной традиции (Van Berchem 1967, 311–315). Bonnet (1988, 278–304) сомневается в связи между Мелькартом и Римом. Однако ее аргументы не могут опровергнуть заимствование некоторых ритуалов и элементов иконографии божества в архаическом городе.
64. Torelli 1989, 49–51.
65. Casquero 2002, 86–91.
66. Février 1965.
67. Casquero 2002, 69.
68. Значительное восточногреческое влияние подтверждают надписи, найденные в порту Грависки этрусского города Тарквиния, в храме VI века, посвященном греческим богиням Афродите, Гере и Деметре, — особенно Самоса, Милет и Эфеса (Torelli 1989, 48–49; Smith 1996, 146–147). Отсутствие финикийской керамики в контексте архаического Рима подрывает гипотезу об активной жизнедеятельности финикийских купцов в этом городе (Casquero 2002, 101–102). Однако и находка большого количества греческой керамики VIII века под святилищем Омобона тоже еще ничего не доказывает: финикийцы обычно перевозили греческие товары (Cornell 1995, 68–69).
69. Эта модель внедрения культа Мелькарта и Астарты в Италию предпочтительнее концепции Бонне (Bonnet 1986, 29), считающей, что культ привезли в Этрурию карфагеняне. О более широкой трактовке проблемы: Smith 1996, 159–162.

Глава 4

Сицилийские войны

1. Об Ибике: Gómez Bellard 1990. О Сардинии: Van Dommelen 1998, 125–129. О возрастающих потребностях Карфагена в заморских землях и источниках пропитания: Ameling 1993, 250 ff.
2. Van Dommelen 1998, 125–129; 2002, 130–133.
3. Mastino, Spanu & Zucca 2005, 103–104; Bechtold 2008, 51–56, 76.
4. Pseudo-Aristotle *Mirab. Ausc.* 100. Примечательно, что колосья обычно изображались и на пунических монетах, чеканившихся на Сардинии.
5. Barnett & Mendleson (eds.) 1987, 41–46 — о погребальных предметах в Тарросе.
6. Barreca 1987, 24–26.
7. Van Dommelen 1998, 127.
8. Bernardini 1993, 173–177.
9. Garbini 1983, 158–160.
10. Van Dommelen 1998, 127–128. Ван Доммелен, возможно, прав, оспаривая утверждения Барреки (Barreca 1986, 88–89) о карфагенской оборонительной системе по всему острову, но, в свою очередь, не уделяет достаточного внимания фортификационному характеру многих поселений.
11. Gharbi 2004.
12. Bonzani 1992, 215–216.
13. Herodotus 7.165; Brizzi 1995, 308.
14. Polyaeus 1.27.2.
15. Herodotus 7.167.
16. Diodorus 11.24.4.
17. Ibid., 11.26.1–3.
18. Ibid., 11.25.1–5.
19. Asheri 1988, 776–778.
20. Aristotle *Pol.* 2.8.1–2. Хотя точная дата возникновения института суфкетов остается неясной, Крахмалков (1976, 153–157) обратил внимание на важное историческое обстоятельство: до V века в пунических эпиграфических источниках нет упоминаний этих должностей. Хотя и в Тире институт суфкетов

- отмечен в V веке (Sznycer 1978, 571), не имеется свидетельств, которые указывали бы на то, что он зародился в Леванте.
21. Aristotle *Pol.* 2.8.5–6, 2.8.8–9.
22. Суффеты упоминаются в надписях, найденных в Тарросе и датирующихся III веком. Указание предков сановников может свидетельствовать о том, что институт суффетов как политическая организация существовал и прежде в Тарросе (Barreca 1987, 26). Суффеты в I веке действовали в таких карфагенских (финикийских) колониях, как Эрикс, Бития, Сульдис (Сульх), Мальта, Гадес и, возможно, Карали (Каль-яри). Народные собрания функционировали в Лептис-Магне, на Мальте, в Битии и Ольбии. В этих колониях, очевидно, существовал и аппарат должностных лиц менее высокого уровня, утверждавшихся в Карфагене и занимавшихся, например, сбором податей. Вначале предполагалось, что в надписи, найденной в Тарросе (*CIS* i. 154) и датируемой III веком, упоминается карфагенский сановник. Теперь принято считать, что это имя местного чиновника, контролировавшего торговлю и рынок.
23. Aristotle *Pol.* 2.8.4, 2.8.8.
24. Herodotus 7.167.
25. Предполагается, что одним из двух святилищ в Гимере был храм Ники, приносящей победу в сражениях. Третье обстоятельство, побудившее Карфаген к тому, чтобы отказаться от практики человеческих жертвоприношений, как считают исследователи, фиктивное.
26. Карфаген сознательно не использовал и другие возможности для интервенции в Сицилию. Карфагеняне отвергли даже призывы прийти на помощь элимскому городу Сегеста в конфликте с греками и своему союзнику Селинунту (Diodorus 12.82.7). Возможно, они опасались, что станут жертвой афинян (Aristophanes *Knights* 1302–1304; Plutarch *Per.* 20.4).
27. Lancel 1995, 140–141.
28. Ibid., 134–142.
29. Hall 1989.
30. Herodotus 7.163–164.
31. Krings 1998, 276–284.

32. Однако имеются свидетельства прежних дружественных отношений греков и финикийцев на Кипре (Snodgrass 1988, 19–20). О финикийских правителях Китиона: Yon 1992.
33. Pindar, *Pythi. Ode* 1.71–75. О Диноменидах в Гимере: Krings 1998, 261–265.
34. Herodotus 7.166; Diodorus 11.1.5, 11.20.1.
35. Aristotle *Pol.* 7.2.10; Plato *Laws* 1.637D–E.
36. Aristotle *Poet.* 1459a 24–28; Krings 1998, 284–288.
37. Isaak 2004, 283–298.
38. Aristotle *Pol.* 2.8.1.
39. Ibid. Аристотель в «Политике» (5.6.2) упоминает неудавшийся переворот, предпринятый Ганноном и положивший конец политическому господству Магонидов в Карфагене.
40. Plato *Laws* 2.674B–C. Многочисленные свидетельства подтверждают, что карфагеняне изготавливали, продавали и употребляли вина (Lancel 1995, 274–276).
41. Morel 1980 & 1983.
42. Athenaeus 1.27e–1.28a (Fr. 63, *PCG*).
43. Bechtold 2007, 65–67.
44. В Фивах некто с карфагенским именем Ноба (возможно, Анноба) удостоился статуса проксена, почетного гражданина, дававшегося чужестранцам за особые заслуги перед городом. Среди жителей Афин около 330 года упоминаются два карфагенянина, а в инвентарных описях храмов Аполлона и Артемиды на острове Делос указаны и дары пунийцев (Manganaro 2000, 258).
45. Об Антиохе: Luraghi 2002; О Филисте: Bearzot 2002.
46. Diodorus 13.43.4–5.
47. Преемникам Гелона недоставало ни харизмы, ни жестокости, и сиракузцы их свергли. Демократическая форма правления тоже не преуспела в достижении социального единства, которое подрывалось насилием и массовыми депортациями, присущими режиму Гелона (Lomas 2006, 102).
48. Whittaker 1978, 66–67.
49. В Карфаген завозилось значительное количество товаров из Италии и Греции (Bechtold 2007, 54–58, 65–67). О политичес-

- кой независимости пунических городов на Сицилии в этот период: Bondi 1999, 39–42.
50. Di Stefano et al. 1998, 88.
51. Diodorus 13.81.5.
52. Whittaker 1978, 81–82.
53. Diodorus 13.43.5.
54. Ibid. 13.43.6–7.
55. Ibid. 13.44.1–6.
56. Это была грозная сила. Тем не менее данные о численности войск — 200 000 пеших и 4000 конных воинов — представляются преувеличенными (Diodorus 13.54.5).
57. Ibid. 13.54.6–13.59.3.
58. Ibid. 13.59.4–13.62.6.
59. Jenkins 1971, 29–33. О наемниках в карфагенской армии: Brizzi 1995, 308–311; Ameling 1993, 212–215.
60. Ameling 1993, 265–266; Visonà 1998, 4.
61. Mildenberg 1989, 7–8; Visonà 1998, 5.
62. О войсках и снабжении: Fariselli 1999, 59–61. О чеканке монет: Jenkins 1974, 23–26. Где бы ни чеканились монеты, это делалось по распоряжению Карфагена (Manfredi 1999, 70).
63. Diodorus 13.63.4–5.
64. Ibid. 13.80.1.
65. Meritt 1940.
66. Diodorus 13.80.1–5.
67. Ibid. 13.80.5–7.
68. Ibid. 13.85.1–13.86.3. Гимилькар, как сообщают хронисты, принес в жертву богу немало быков и коров, утопив их в море.
69. Ibid. 13.86.4–13.89.4.
70. Ibid. 13.86.90.1–5.
71. Schmitz 1994, 11–13.
72. Diodorus 14.7.1.
73. Ibid. 13.91.1–13.96.4.
74. Ibid. 14.41.1–14.43.4.
75. Ibid. 14.45.2–14.46.5.
76. Ibid. 14.47.5–7.
77. Ibid. 14.52.1–2.

78. Ibid. 14.53.1–5.
79. Ibid. 14.48.1–14.53.4.
80. Ibid. 14.54.2–4.
81. Ibid. 14.54.5–14.63.4.
82. Ibid. 14.71.1–4, 14.63.1–2, 14.70.4–6.
83. Ibid. 14.71.3–4.
84. Ibid. 14.71.1.
85. Ibid. 14.75.2–3. Согласно Диодору (Тимею), решение Дионисия мотивировалось не только алчностью, но и опасениями, что граждане восстанут и свергнут его, если не будет карфагенской угрозы.
86. Ibid. 14.72.1–14.75.3.
87. Ibid. 14.76.3–4; Justin 19.3.1–11. Согласно Юстину (19.3.12), Гимилькон заперся в доме и покончил с собой.
88. Justin 21.4.1.
89. Aristotle *Pol.* 2.11.3; Bondi 1995a, 296–297.
90. Возможно, суфеты уже избирались и ранее (Sznycer 1978, 567–570). Префект по общественным работам — *KAI* 62.4 k36. Сбор налогов — *CISi*. 5547.4/5. Администраторы — *KAI* 119.2/3; Aristotle *Pol.* 2.11.3–6; Bondi 1995a, 296.
91. Aristotle *Pol.* 2.11.3–70; Huss 1985, 456–461; Bondi 1995a, 296.
92. Diodorus 14.95.1–14.96.4.
93. Ibid. 15.15.1–2.
94. Ibid. 15.15.3–15.16.3.
95. Ibid. 15.17.5. Выдвигались и дополнительные требования: Селинунт и Акрагант возвращались в сферу влияния Карфагена, а Дионисий должен был выплатить Карфагену 1000 талантов репараций.
96. Ibid. 15.24.1–3. В городе поднялась такая паника, что люди высказывали из домов с оружием, думая, что Карфаген подвергся нападению.
97. Ibid. 15.74.2–3.
98. Justin 21.4.1–7.
99. Ibid. 21.4.8ff.
100. Whittaker 1978, 62; Diodorus 13.81.1; Polybius 1.15.10, 1.17.1, 3.24.8, 3.24.12.

101. Во второй половине IV века свои монеты чеканили Панорм, Солунт, Термы Гимерские и Эрикс (Jenkins 1971, 53–75).
102. Diodorus 14.16.4; Strabo 6.2.15; Schimtz 1994, 11. Возможно, Алеса (Галеса) была основана как база для экспедиционных сил. О Термах Гимерских: Diodorus 13.79.8. Население города состояло из пунийцев, а также греков Сицилии и Южной Италии (ibid. 19.2.2).
103. О пуническом Лилибее: Di Stefano 1993.
104. Tusa 1984, 36–37, 49–55, 69–71.
105. Ibid., 35.
106. Caruso 2003; Tusa 1984, 24–35; Moscati 1986, 101–105.
107. Tusa 1984, 21–23; Purpura 1981.
108. Jenkins 1977, 8–33.
109. Diodorus 13.59.3; Moscati 1986, 123–129; Tusa 1984, 36–37.
110. Moscati 1986, 127.
111. Ibid., 47.
112. Ibid., 127. Несмотря на очевидное пуническое влияние, в использовании святилища Малафоры в IV веке проявлялась и приверженность местному культу, который почитался и греками, и пунийцами.
113. Acquaro 1988, 38–39.
114. Moscati 1986, 130–155; Acquaro 1988, 41–43.
115. Morris et al. 2001–2004.
116. Lysias *Olympiacus* 33.3; Plutarch *Tim.* 1.1–2.
117. Cornelius Nepos *Tim.* 3.1.
118. Археологи пришли к этому выводу, обнаружив там большое количество военных монет из Карфагена и грузовых амфор. О Монте-Адраноне: Fiorentini 1995.
119. Археологи нашли здесь в том числе карфагенские бронзовые монеты, игральные кости, винные амфоры и греческую керамику (Morris et al. 2001–2002).
120. Anello 1986, 170–172.
121. Fariselli 1999, 62–65. Некоторые исследователи усмотрели в этом свидетельство существования некоего «экономического протектората», защищать который должны были наемные войска. Однако, судя по большому количеству амфор, завезенных из Северной Африки, в отличие от старых пунических

- городов, где их в основном изготавливали на месте, эти новые поселения, похоже, не были частью процветающей местной экономической системы (Bechtold 2007, 54–58).
122. Whittaker 1978, 60, 88–90.
 123. Bechtold 2007, 65–67; 2008, 56–74, 76.
 124. Bechtold 2007, 54–58.
 125. Bechtold 2008, 57–58.
 126. Docter et al. 2006, 54.
 127. Chelbi 1992, 18–20.
 128. Bechtold 2008, 49–50.
 129. В пунической Сицилии найдены многочисленные образцы сардинских продуктовых амфор в форме «кулей» и «торпед», датирующихся V–IV веками (Mastino, Spanu & Zucca 2005, 103–104). Это соответствует сообщениям Диодора о том, что карфагенская армия снабжалась сардинским зерном (Diodorus 14.77.6; Fariselli 1999, 59–63).
 130. Crawford 1985, 104.
 131. Diodorus 16.65.1–9.
 132. Ibid. 16.66.5–6, 16.67.1–16.68.8.
 133. Ibid. 16.69.3–6, 16.70.4–6, 16.72.2–16.73.3.
 134. Ibid. 16.73.3, 16.77.4, 20.10.6.
 135. Ibid. 16.79.5–16.81.4; Plutarch *Tim.* 27.2–28.6.
 136. Diodorus 16.82.3.
 137. В таких городах, как Мессана, Дионисий поселил немало наемников из Кампании и Южной Италии (Lomas 2006, 112–114).
 138. Mildenberg 1989, 6–12.
 139. Visonà 1998, 6–7.

Глава 5

Карфаген, Александр Великий и Агафокл

1. Arrian *Anabasis* 2.16.7–2.24.5; Plutarch *Alex.* 24.3–4; Quintus Curtius Rufus 4.2.2–4.4.19.
2. Arrian *Anabasis* 2.24.6.
3. Quintus Curtius Rufus 4.3.19; Arrian *Anabasis* 2.24.5. Этот визит, возможно, совпал с ритуалом эгерсис, совершавшимся в феврале — марте. Тиране отправили женщин и детей в Карфаген,

- как только началась осада (Diodorus 17.41.1, 17.46.4; Quintus Curtius Rufus 4.3.20).
4. Justin 21.6.
 5. Isaac 2004, 283–303.
 6. Diodorus 13.108.3–5.
 7. Diodorus 17.2. Arrian (*Anabasis* 2.16.4–7) также утверждает, что это был не «Геракл-аргивянин», сын Алкмены, а «Геракл-тиряннин»*.
 8. Diodorus 11.1.4.
 9. Ibid. 11.24.1.
 10. Ibid. 11.23.2, 11.26.5.
 11. Ibid. 20.13.1–3. Потому и Ганнибала, карфагенского полководца, возглавившего экспедицию в 410 году, называли «по натуре... ненавистником всех греков» (ibid. 13.43.6).
 12. Plutarch *Tim.* 18.7.
 13. Diodorus 13.57, 14.48–53, 14.63.1–3, 14.70.4, 14.73.5, 14.74.4; Athenaeus 12.541A–B.
 14. О греческих наемниках, сражавшихся на стороне карфагенян: Diodorus 20.38.6, 20.39.5. О греках, живших в Карфагене: ibid. 14.77.4–5. Во время сицилийских войн Карфаген периодически выступал в поддержку греко-сицилийских диссидентов, стремившихся изменить режим в Сиракузах (Plutarch *Tim.* 2.1–2; Diodorus 16.67.1–3). Это означало также, что Карфаген стал прибежищем для сицилийских греков, изгнанных из своих городов. Полибий (7.2.3–4) упоминает двух братьев Эпиккида и Гиппократы, офицеров карфагенской армии, выросших в североафриканской метрополии, поскольку их дед был вынужден бежать из Сиракуз, когда его обвинили в убийстве одного из сыновей Агафокла. О греках в Карфагене в III веке: Galvagno 2006.
 15. Diodorus 5.3.1–3; Pearson 1975, 186–187.
 16. Diodorus 14.77.4–5.
 17. К примеру, посвящение в Карфагене «госпоже Амме (Деметре), госпоже-хозяйке загробного мира» (KAI 83): Krahmalkov 2000, 177; Moscati 1986, 73.

* Аргивянами называли жителей города Аргоса. Под этим названием, как и под определением ахейане, подразумевались греки.

18. Jenkins & Lewis 1963, Group III.
19. Moscati 1986, 47–48.
20. Van Dommelen 1988, 151–156.
21. Обычно под божеством изображался цветок лотоса, традиционный финикийский символ жизни и возрождения (Bonnet 1986, 182–186).
22. Например, на ритуальной бритве, найденной в Утике, изображен Геракл, борющийся с огромным быком. В этом мотиве отражено влияние монет, чеканившихся в греко-сицилийских городах Селинунт и Солунт (ibid. 195). Также были найдены парфюмерные флаконы с изображением Геракла и один флакон с изображением Геракла и Ахиллеса.
23. Lancel 1995, 207.
24. Athenaeus 392d.
25. Bonnet 1986, 220–222.
26. Green 1990, 187.
27. Diodorus 19.2.1–19.9.7 — о ранней жизнедеятельности и вхождении во власть Агафокла.
28. Ibid. 17.23.2–3; Zambon 2006 — об ассоциациях между Агафоклом и Александром.
29. Zambon 2006, 82–83.
30. Plautus *Mostellaria* 775–777.
31. Hoyos 1994, 255–256.
32. Isocrates *Nicocles* 24.
33. До III века полководцы обычно выдвигались из политической элиты и становились суффетами (Drews 1979, 55). О Народном собрании — Aristotle *Pol.* 2.8.9; Diodorus 25.8.
34. Diodorus 20.10.2–4.
35. Pearson 1987, 41.
36. Justin 22.2.
37. Diodorus 19.71.6–7.
38. Ibid. 19.72.1–2.
39. Justin 22.3; Diodorus 19.72.2.
40. Diodorus 19.106.1–4.
41. Ibid. 19.106.5–19.110.5.
42. Ibid. 19.106.5, 20.3.1–3.
43. Ibid. 20.3.3.

44. Ibid. 20.4.1–8.
45. Ibid. 20.5.1–20.7.5.
46. Ibid.
47. Justin 22.5.
48. Diodorus 20.8.1–7, 20.9.2–5.
49. Ibid. 20.10.1–2.
50. Ibid. 20.10.5–20.13.2.
51. Ibid. 20.14.1–7; Lactantius *Div. Inst.* 1.21.
52. *CIS* i. 3914.
53. Diodorus 20.31.1–2.
54. Ibid. 20.29.2–20.30.2, 20.33.1–2.
55. Zambon 2006, 82–83.
56. Diodorus 20.33.2–8.
57. Ibid. 20.33.2–20.34.7.
58. Ibid. 20.40.1–20.42.5.
59. Ibid. 20.44.1–6.
60. Ibid. 20.54.1–20.55.5.
61. Ibid. 20.59.1–20.61.4.
62. Ibid. 20.64.1–20.69.3.
63. Justin 22.8.
64. Diodorus 20.69.3–5.
65. Mildenberg 1989, 10–12; Visonà 1998, 7.
66. Visonà 1992, 15; 1998, 9–11.
67. Jenkins 1978, 5–19. Какое-то время монеты чеканились в двух вариантах, пока не остался только один — *mhsbm*.
68. Существенной эту перемену считают многие исследователи. По мнению Манфреди (Manfredi 1999, 72), она «стала результатом нормализации положения пунической администрации на Сицилии, когда отпала необходимость в специальных мерах по укреплению ее легитимности».
69. Jenkins & Lewis 1963, Groups IV–VII. Mildenberg 1989, 10, — эти монеты чеканились с конца IV века.
70. Zambon 2006, 80–82, — о монетах Агафокла, отражавших его новый статус; Diodorus 20.54.1.
71. Diodorus 21.16.4 — полагает, что Агафокл заразился от снадобья, занесенного пером, которым чистил зубы.

72. Ibid. 21.16.5. Считается, что Агафокл понес Божью кару за то, что захватил священные подношения богу огня Гефесту (ibid. 20.101.1–3).
73. Plutarch *Pyrrh.* 14.5.

Глава 6

Карфаген и Рим

1. Eckstein 2006, 131–138.
2. Ibid., 138–147.
3. Harris 1979.
4. Eckstein 2006, 177, 118–180.
5. Dench 2003, 307; Lomas 2004, 207–213.
6. Eckstein 2006, 245–257.
7. Cornell 1995, 293–326, 345–368; Harris 1979, 58–67; Crawford 1993, 31–42; Lomas 2004, 201–206.
8. Livy 7.38.2.
9. Polybius 3.24; Livy 7.27.2; Diodorus 16.69.1.
10. Palmer 1997, 15–45.
11. Varro *Lat.* 5.145–159.
12. Palmer 1997, 73–79.
13. Ibid., 118–119.
14. Varro *Lat.* 5.146–147.
15. Palmer 1997, 115.
16. Di Mario 2005.
17. Bechtold 2007.
18. Diodorus 15.24.1.
19. О культурных связях Сицилии и Лация: Galinsky 1969, 63–140.
20. Diodorus 15.24.1.
21. Plutarch *Pyrrh.* 13.2–6.
22. Franke 1989, 456–461; Plutarch *Pyrrh.* 2.1–13.1.
23. Plutarch *Pyrrh.* 15.1–17.5.
24. Justin 18.2.1–3; Valerius Maximus 3.7.10.
25. Plutarch *Pyrrh.* 18.1–21.10.
26. Ibid. 22.1–6.

27. Polybius 3.25.1–5.
28. Plutarch *Pyrrh.* 22.4–6.
29. Ibid. 22.1–23.6.
30. Diodorus 22.7.5. Нойос (1998, 14) утверждает, что в этой акции римляне не участвовали. Однако более убедительными представляются доводы Хусса (Huss 1985, 212), поскольку римляне вряд ли допустили бы, чтобы подобная военная операция на итальянской территории проводилась без их участия.
31. Plutarch *Pyrrh.* 24.1.
32. Ibid. 25.1–26.1.
33. Zonaras 8.6; Plutarch *Pyrrh.* 34.2–4.
34. Diodorus 22.3; Dionysius 20.4–5.
35. Livy *Epitome* 14; Zonaras 8.8; Lazenby 1996, 34–35; Нойос 1998, 15–16. Согласно христианскому автору Орозию (Orosius 4.3.1–2), все-таки произошло сражение флотилий карфагенян и римлян, но его описание больше похоже на вымысел. С другой стороны, возможно, он прав, утверждая, что римляне отправили в Карфаген посольство с жалобами.
36. Harris 1979, 183–184.
37. Lancel 1995, 365. Нойос 1998, 20–21 — о возможных кознях из Кампании.
38. Bechtold 2007.
39. Livy *Epitome* 14; 21.10.8, Dio Fr. 43.1; Нойос 1998, 15–16; Lazenby 1996, 38–39.
40. Hellanicus of Lesbos Frs. 31, 83, *FGH*, I: 115, 129 (Dionysius 1.72.13). Gruen 1992, 17–18, подвергает сомнению гипотезу о том, что подобные идеи исходят от Гелланика Лесбосского. О согласии с этой гипотезой: Solmsen 1986; Malkin 1998, 199–202. В теории о том, что отдельные негреческие народы обязаны своим существованием греческим легендарным героям, в сущности, не было ничего нового. Сказания о том, что этрусками и латинами правили сыновья Одиссея, начали распространяться в греческих литературных кругах по крайней мере с середины VI века, а возможно, и раньше. Этрускам импонировала идея происхождения от легендарного гомеровского странника (Malkin 1998 & 2002). Подобный этногенез был очень удобен: он подчеркивал «грекость» одних людей и чуже-

родность других. Скоро эти идеи будут широко применять в Италии одни негреческие этносы, утверждая свое превосходство над другими негреческими этносами (Dench 2002, 300).

41. Cornell 1995, 63–68. Сага об Энее, позднее еще более приукрашенная, проистекает из *греческого* гомеровского эпоса. Впервые упоминает о троянском царевиче, отправившемся на Запад, греческий автор VI века, греко-сицилийский писатель Стесихор (Gruen 1992, 13–14). История об Энее на Западе уже была известна в VI веке в Этрурии, о чем свидетельствуют изображения на привезенной греческой керамике и на местных изделиях (Galinsky 1969, 105). Gruen (1992, 21–26) тем не менее убедительно доказывает, что эпицентром интереса к Энею был Лаций.
42. Gruen 1990, 33; 1992, 31.
43. Gruen 1992, 15–16. Греко-сицилийский писатель Каллий (Callias /Fr. 5A Dionysius 1.72.5/) утверждал, что Рим основали братья-близнецы Ромул и Рем, третий безымянный брат, отпрыск Латина (царя латинов) и Рома (женщина из Трои, прибывшая в Италию с Энеем, но не имевшая к нему никакого отношения). Алким, тоже историк из Сиракуз, предложил иную версию истории, в которой Ром, сын Ромула и внук Энея, основал город (Vattuone 2002, 220). Настолько возрастала значимость Рима, что к IV столетию целый ряд греческих писателей, представителей школ и Аристотеля и Платона, приписывали Риму эллинистическое происхождение (Dionysius 1.72.3–5; Plutarch *Cam.* 22.2). Vattuone (2002, 220) объясняет настойчивость, с которой многие сиракузские авторы IV–III веков стремились присвоить Риму латинскую и/или троянскую, а не греческую наследственность, тем, что из-за его альянса с Карфагеном в нем видели врага западных греков. Однако отношение греков к троянцам уже было несколько иное. Тимей, положительно относившийся и к Риму, утверждал, что он был основан троянцами.
44. Притягательность греческих этнографических теорий заключалась не только в самих идеях, но и в научных риторических формулировках. Bickerman 1952a; Momigliano 1975, 14–15; Cornell 1995, 60–63.

45. Strabo 5.3.5.
46. Ovid *Fasti* 2.237.
47. Греческий аркадский царь Эвандр был вписан в мифологическое прошлое Рима именно в этот период (Bayer 1926; Cornell 1995, 68–69).
48. Fabre 1981, 287.
49. Franke 1989, 463–466.
50. Pausanias 1.12.1; Gruen 1990, 12.
51. Zonaras 8.9; Gruen 1990, 12–13; Galinsky 1969, 173.
52. Momigliano 1977, 53–58; Walbank 2002, 172–177. О влиянии Тимея на формирование восприятия Карфагена римлянами: Feeney 2007, 52–57.
53. Dionysius 1.74.1. О синкретизме у Тимея: Feeney 2007, 43–52.
54. Согласно Тимею, празднество Октябрьского коня в Риме — ритуальное жертвоприношение лошади — происходит из завоевания греками Трои (Polybius 12.4b. 1–12.4 с. 1). Он утверждает также, что *Penates**, священные реликвии, якобы привезенные Энеем из Трои, хранились в латинском городе Лавинии (Dionysius 1.67.3–4). Об исследовательской методике Тимея: Festus Rufus Avienus 190 L. Полибий скептически относился к претензиям Тимея на достоверность своих сообщений, основанных на посещении городов и беседах с их обитателями (Polybius 12.4d. 1–2).
55. Vattuone 2002, 221–222. Pearson 1987, 255–259 — о малости сохранившихся сведений Тимея о Пирре.
56. Diodorus 4.21.6–7, 4.22.1–2; Pearson 1975, 188–192.
57. Ritter 1995, 27–29. Эмблема высоко ценилась римскими победоносными полководцами, в том числе и одним из членов семейства Фабиев. Гай Фабий и второй консул Квинт Огульний претендовали и на родство с Ромулом и Ремом. Фабии предполагали, что произошли от пастухов, оберегавших Рема (Ovid *Fasti* 2.361, 2.375). Фабию волчица с братьями-близнецами напоминала об одном из самых славных моментов в его жизни: тридцать лет назад он предал суду несколько ненавист-

* Пенаты — боги-хранители домашнего очага, а затем и всего Римского государства и народа. Дома обычно хранились два пената из дерева, глины или камня.

- ных ростовщиков. Они были оштрафованы, и часть денег пошла на изготовление скульптурной группы, изображающей младенцев Ромула и Рема, сосущих волчицу (Livy 10.23).
58. Polybius 1.10.1–2; Zonaras 8.6, 8.8; Diodorus 22.13.5–7; Lazenby 1996, 35–37.
 59. Polybius 1.10.7–9.
 60. Eckstein 1987, 76–77.
 61. Polybius 1.10.3–1.11.4; Lazenby 1996, 37–41.
 62. Polybius 1.11.4–5; Diodorus 23.1.3–4; Zonaras 8.8–9; Lazenby 1996, 43–46.
 63. Diodorus 23.1.2; Polybius 1.11.7.
 64. Diodorus 23.1.4.
 65. Zonaras 8.9; Frontinus *Strat.* 1.4.11; Lazenby 1996, 49.
 66. Polybius 1.11.9, 1.20.15.
 67. Lazenby 1996, 49–51.
 68. Polybius 1.16; Diodorus 23.4; Lazenby 1996, 52–53.
 69. Zonaras 8.8.2–3.
 70. Об алчности римлян во время Первой Пунической войны: Polybius 1.11.12; Florus 1.18.
 71. Hoyos 1998, 51–57.
 72. Harris 1979, 9–53. Rich (1993, 38–68) рекомендует не преувеличивать роль фактора воинственности римлян в конфликтах этого периода. Eckstein (2006, 181–243) тоже подвергает сомнению предположение, будто в военном и дипломатическом отношении римляне проявляли больше агрессивности.
 73. Eckstein 1987, 92.
 74. Хотя и римский историк Ливий (*Epitome* 14; 21.10.8), и Сервий, исследователь Вергилия (*Aen.* 4.628), упоминают договор, Полибий (3.26) отрицает его существование. О том, что не было договора в 306 году: Lazenby 1996, 33; Eckstein 1987, 77–78. О доводах в подтверждение договора Филина: Huss 1985, 204–206; Lancel 1995, 362; Barceló 1988, 140–141; Serrati 2006, 120–129.
 75. Lazenby 1996, 33.
 76. Eckstein 1987, 93–101.
 77. Hoyos 1998, 4–32.
 78. Polybius 1.5.1, 39.8.4; Walbank 2002, 172–173.

Глава 7
Первая Пуническая война

1. Polybius 1.20.12.
2. Casson 1971, 100–122.
3. Morrison & Coates 1986, 259–260.
4. Goldsworthy 2000, 101–102.
5. Frost 1989, 127–135; Lancel 1995, 131–133.
6. Moscati 1986, 95–96.
7. Polybius 1.20.6–14.
8. Ibid. 1.17.4–1.19.15; Diodorus 23.7.1–23.9.1; Zonaras 8.10.
9. Diodorus 23.9.2.
10. Polybius 1.20.1–2.
11. Ibid. 1.21.2.
12. Ibid. 1.20.10–1.21.2; Lazenby 1996, 63–66.
13. Polybius 1.21.3–1.21.9.
14. Pliny *NH* 8.169; Lazenby 1996, 66–67.
15. Polybius 1.21.8–11.
16. Ibid. 1.23.3–10; Zonaras 8.11; Lazenby 1996, 70–72; Goldsworthy 2000, 106–109.
17. *Corpus Inscriptionum Latinarum* 12.2.25.
18. Diodorus 23.10.1; Dio 11.18; Zonaras 8.11; Valerius Maximus 7.3.
19. Zonaras 8.12. По другой версии, командующего забили камнями до смерти (Orosius 4.4.4). Полибий же (1.24.5–7) просто сообщает о том, что Ганнибала наказали за потерю кораблей и блокирование в гавани.
20. Polybius 1.24.3–4; Diodorus 23.9.4; Goldsworthy 2000, 82–84; Lazenby 1996, 74–76.
21. Polybius 1.25.4. Согласно некоторым источникам, римляне ввели в заблуждение карфагенского флотоводца Гамилькара: разделили флотилию (Zonaras 8.12) либо припрятали часть кораблей (Polyaenus 8.20). Lazenby 1996, 78–79.
22. Polybius 1.26.1–9. О расхождении в оценке сил Карфагена: Goldsworthy 2000, 110–111; Lazenby 1996, 81–84.
23. Frontinus *Strat.* 2.13.10. Lazenby (1996, 96) сомневается в том, что у мыса Эконом действительно произошло сражение.

24. Polybius 1.26.10–1.28.14; Goldsworthy 2000, 109–115; Lazenby 1996, 81–96.
25. Zonaras 8.12; Valerius Maximus 6.6.2.
26. Polybius 1.29.1–1.30.8; Zonaras 8.12; Goldsworthy 2000, 84–86; Lazenby 1996, 97–100.
27. Polybius 1.30.9–1.31.8; Diodorus 23.11–12; Zonaras 8.13; Livy *Epitome* 18; Orosius 4.9.1; Eutropius 2.21.4; Lazenby 1996, 100–102.
28. Polybius 1.36.2–4 — в противовес историям об убийстве Пергула карфагенянами (Diodorus 23.16; Zonaras 8.13; Valerius Maximus 9.6; Silius Italicus *Pun.* 6.682; Appian 8.1.4); Lazenby 1996, 106.
29. Polybius 1.32.1–1.39.6; Diodorus 23.14.1–23.19; Zonaras 8.14; Appian 8.1.3; Orosius 4.9.3–8; Eutropius 2.21.4–2.22.3; Lazenby 1996, 102–112; Goldsworthy 2000, 88–92.
30. Об усмирении нумидийцев: Orosius 4.9.9.
31. Карфагеняне послали в город лазутчиков, но Метелл их разоблачил, собрав всех граждан и приказав им схватить за руки тех, кого они знают (Zonaras 8.14). Однако надо отметить, что у Зонары такую же тактику применил Муммий при взятии Коринфа в 146 году.
32. Polybius 1.40.6–16.
33. Polybius 1.39.7–1.40.16; Diodorus 23.21; Zonaras 8.14; Eutropius 2.24; Orosius 4.9.15. Данные о числе слонов различны: от 10 (Polybius 1.40.15) до 142 (Pliny *NH* 8.16). Согласно некоторым сообщениям, Метелл предложил захваченным погонщикам волю, если они согласятся управлять животными и дальше, и переправил слонов в Италию на огромных плотах (Diodorus 23.21). Описание триумфа в Риме дают и Зонара, и Плиний, и Фронтин (Zonaras 8.14; Pliny *NH* 8.16; Frontinus *Strat.* 1.7.1). После торжественного шествия слонов убили. Lazenby 1996, 112–122; Goldsworthy 2000, 92–94.
34. Zonaras 8.14.
35. Polybius 1.41–47; Diodorus 24.1.
36. Polybius 1.49.1–1.54.8; Diodorus 24.3–4; Orosius 4.10.3; Eutropius 2.26.1; Livy *Epitome* 19; Suetonius *Tib.* 2.3; Aulus Gell-

- ius 10.6. Римский поэт Невий писал о Клавдии Пульхере как о человеке «гордо и презрительно сдававшем легионы» (Naevius Fr. 42). Lazenby 1996, 132–141; Goldsworthy 2000, 119–122.
37. Crawford 1985, 106–107.
38. Visoná 1998, 11–12.
39. Jenkins & Lewis 1963; Groups VIII & IX; Baldus 1982; 1988, 171–176.
40. Baldus 1988, 178–182; Manfredi 1999, 72.
41. Jenkins & Lewis 1963, Group X; Baldus 1988, 176–179; Crawford 1985, 136; Visoná 1998, 14.
42. Appian 5.1.1.
43. Hoyos 2003, 11.
44. Язвительная оценка полководческих способностей Гамилькара: Seibert 1993, 95–106.
45. Hoyos 2001b.
46. Polybius 1.56.1–1.58.6; Diodorus 24.5.1 24.9.2; Zonaras 8.16; Lazenby 1996, 143–150.
47. Goldsworthy 2000, 124.
48. Polybius 1.59–1.61; Diodorus 24.11.1–2; Lazenby 1996, 150–156; Goldsworthy 2000, 122–127.
49. Polybius 1.62.1–1.63.3; Lazenby 1996, 158.
50. Diodorus 24.10.2; Polybius 1.73.1, 1.74.7.
51. Hoyos 2007, 16–19.
52. Greene 1986. Hoyos (2007, 23–24) подвергает сомнению то, что Ганнон сосредоточился исключительно на экспансии в Африке.
53. Bechtold 2007.
54. Раскопки проводились нелегально, и таблички были проданы частному коллекционеру. По крайней мере одна из них (VII) оказалась поддельной. Современная библиография, касающаяся табличек Энтеллы, достаточно велика и продолжает нарастать. Самый подробный анализ дает Лумис (Loomis 1994). Аргументы Хойоса (Hoyos 1998, 23–32) в обоснование возможной датировки табличек началом IV века представляются малоубедительными.

Глава 8

Восстание наемников

1. Polybius 1.62.3–6.
2. Ibid., 1.66.1; Diodorus 24.13.
3. Polybius 3.9.6–7; Livy 21.1.5.
4. Polybius 1.66.12; Appian 5.2.2–3. Я привожу данные Хойоса (2007, 27–31), а не Лорето (1995, 48–49, 64–67), который, не основываясь на каких-либо исторических свидетельствах, утверждает, что долги не превышали двухмесячного жалования.
5. Polybius 1.66.1–1.67.12. О событиях в Сикке: Hoyos 2007, 40–50. Хойос (Hoyos 2007, 46–47), возможно, прав, утверждая (в пике Лорето — Loreto 1995, 57–61), что Ганнон не собирался передислоцировать войска для военной кампании в Африке.
6. Polybius 1.67.4.
7. Ibid. 1.67.8–11.
8. Hoyos (2007, 53–60) считает справедливыми многие претензии наемников, хотя и раздутыми.
9. Polybius 1.68.1–1.69.3. Hoyos (2007, 26) подвергает сомнению сообщение Аппиана (Appian 5.2.3) о том, что карфагеняне убили 3000 ливийских перебежчиков, переданных им римлянами (*contra* Loreto 1995, 89).
10. Asquaro 1989, 137–138.
11. Polybius 1.69.4–1.70.6.
12. Ibid. 1.70.8–9, 1.72.1–5. По мнению Хойоса (Hoyos 2007 93–94), именно такой была численность войска наемников на пике конфликта. О предыдущих мятежах ливийцев и альянсах с врагами карфагенян: Hoyos 2007, xiii, п. 2. Лорето (Loreto 1995, 87–113) преувеличивает роль недовольства ливийцев в возникновении конфликта и преуменьшает роль наемников в восстании. Манфреди (Manfredi 2003, 378–404) утверждает, что в середине III века карфагеняне активно проводили политику пунизации ливийской глубинки. Однако процесс культурной ассимиляции посредством самых различных методов, в том числе и службой в войсках, очевидно, был гораздо более длительным.

13. Hoyos 2007, 85–85.
14. Polybius 1.67.7. Об этническом составе войска наемников: Hoyos 2007, 6–10.
15. Carradice & La Niece 1988; Asquago 1989. О различных толкованиях инициалов *М*, *А* и *Ζ* на монетах: Hoyos 2007, 141–142. Наиболее правдоподобна теория, трактующая их начальными буквами имен вождей восстания — Матоса, Автарита и Зарзы. Версия Манганаро (Manganaro 1992, 93–99), утверждающая, что монеты отчеканены в более поздний период и воспроизводят сицилийскую чеканку 214–211 годов, абсолютно неверна.
16. Не существует никаких исторических свидетельств, которые подтверждали бы гипотезу Лорето (Loreto 1995, 112) о том, что Матос намеревался создать ливийское монархическое государство.
17. Carradice & La Niece 1988, 51. Головы Зевса и Афины (в коринфском шлеме) изображались на сиракузских монетах. Бык обыкновенно служил эмблемой для городов Кампании. Образ льва был популярен в пунической Сицилии. Манфредо (Manfredi 1999, 74) усматривает в монетах средство этнического самоопределения в войске наемников.
18. Carradice & La Niece 1988, 37.
19. Не существует исторических доказательств утверждения Лорето (Loreto 1995, 87–113), будто это было преимущественно ливийское восстание, в котором наемники участвовали на платной основе.
20. Polybius 1.65.6.
21. Carradice & La Niece 1988, 49–50.
22. Polybius 1.71.6–8.
23. Ibid. 1.74.6–7.
24. Ibid. 1.73.1–1.75.2.
25. Подробно о сражении: Hoyos 2007, 115–124.
26. О нумидийском вожде Нараве*: Hoyos 2007, 146–150.
27. Polybius 1.75.1–1.78.9.
28. Ibid. 1.78.10–1.80.13.

* В тексте — Навара.

29. Ibid. 1.81.1–1.82.10.
30. Ibid. 1.83.1–11.
31. Ibid. 1.83.6–8, 3.28.3–4; Appian 5.2.3, 8.12.86; Zonaras 8.18; Hoyos 1998, 123–126. Утверждение Аппиана о том, что римляне тоже послали посредников в Северную Африку, скорее всего достоверное (Hoyos 2007, 129). Однако не имеется свидетельств, подтверждающих мнение Хойоса (Hoyos 1998, 125), будто римляне согласились снизить размер или отсрочить выплату контрибуции Карфагеном.
32. Crawford 1985, 41–43, 106–109; Polybius 1.58.7–1.59.1.
33. Hoyos 1998, 126.
34. Об этих монетах: Carradice & La Niece 1998, 41–45.
35. Polybius 1.84.1–1.85.7. Реконструкция событий: Hoyos 2007, 197–218.
36. Polybius 1.86.1–6.
37. Ibid. 1.87.1–1.88.7.
38. Ibid. 1.79.1–7; Hoyos 2007, 154–159.
39. Polybius 1.79.9–10. И африканские, и сардинские повстанцы изображали на монетах три колоса, которых не было на карфагенских деньгах (Visonà 1992, 125–126; Carradice & La Niece 1988, 38–39). Это обстоятельство может указывать на то, что между ними были контакты.
40. Polybius 1.88.8–12, 3.10.3–5.
41. Ibid. 3.28.1–2; Champion 2004, 119–120.
42. Zonaras 8.18; Appian 6.1.4, 8.1.5. Другие, более поздние, римские историки будут утверждать, что Сардиния была уступлена Риму (Livy 21.40.5, 22.54.11). О недостаточности свидетельств новых столкновений между Римом и Карфагеном в начале тридцатых годов III века: Hoyos 1998, 134–135.
43. Harris 1979, 192–193; Huss 1985, 266–267 *contra* Hoyos 1998, 142, усматривающего в этом желание обеспечить защиту Сицилии и, возможно, Италии.
44. Polybius 1.88.9.
45. Hoyos 1998, 142.
46. Ibid., 135.
47. Lancel 1999, 23.

48. Visonà 1998, 11.
49. Hoyos 1994, 264.
50. Livy 21.1.
51. Polybius 1.82.12.
52. Cornelius Nepos *Ham.* 3.2.
53. Appian 6.1.4. Между исследователями возникли разногласия по поводу даты судебного преследования Гамилькара Барки. Loreto (1995, 205–210) и Lancel (1999, 28) согласны с Аппианом, сообщившим, что Гамилькара пытались привлечь к суду в 237 году. Seibert (1993, 13–14) и Hoyos (2007, 20–21) полагают, что это случилось в 241 году, когда популярность и политическое положение Гамилькара были на самом низком уровне.
54. Polybius 6.51.6–8.
55. Aristotle *Pol.* 2.11.1–2.
56. Huss 1985, 496–497.
57. Лишь около десяти процентов обнаруженных археологами votivных памятников поставлено женщинами. Поразительно то, что женщины-просительницы представлены именами отцов или мужей (Amadasi Guzzo 1988, 144–147). Элитные семьи зачастую совершали совместные жертвоприношения.
58. Huss 1985, 497–498. На некоторых надписях имена сопровождалась указанием «принадлежит такому-то» (š) (Amadasi Guzzo 1988, 143–144).
59. В одной надписи перечислены гильдии грузчиков и упаковщиков, плавильщиков золота, кузнецов, стеклодувов и даже изготовителей сандалий, принимавших участие в строительстве новой улицы.
60. Champion 2004, 173–234.
61. Diodorus 25.8.
62. Zambon 2006, 78–85.
63. Polybius 2.1.5; Diodorus 25.8.
64. Polybius 3.24.
65. Wagner 1989, 152. Предполагается, что несколько укреплений в Восточной Андалусии, датирующихся V–III веками, могли использоваться карфагенянами для охраны рудников.
66. Guerrero Ayuso 1989, 101–105.

67. Strabo 3.2.14.
68. Jenkins 1987, 215–216; Visonà 1998, 14–16.
69. Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 33–38.

Глава 9

Баркидская Испания

1. По мнению некоторых исследователей, Баркидская Испания существовала как независимая монархия, но это очень вольное допущение (Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 38ff).
2. О политическом господстве Баркидов в этот период: Hoyos 1994, 259–264.
3. Lancel 1999, 29–30.
4. Appian 7.2, 6.5; Zonaras 8.17.
5. Appian 7.2, 6.5; Hoyos 1994, 270–272.
6. Polybius 2.1.6 *contra* Diodorus (25.10.1), утверждающего, что армия отправилась из Карфагена.
7. Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 28–29; Barcelo 1988, 37. Безусловно, отношения сложились напряженные. Во время Второй Пунической войны командующий в Гадесе реквизирует все ценности храма и города и обложил жителей военным налогом. Городской совет в отместку вел тайные переговоры о передаче Гадеса римлянам. Магон, главнокомандующий карфагенян, казнил изменников.
8. Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 33.
9. Diodorus 25.10.1–2.
10. Lancel 1999, 36.
11. Diodorus 5.35–38; Healy 1978, 68.
12. Polybius 34.9.8–11; Strabo 3.2.10; Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 33–34.
13. González de Canales, Serrano & Llompart 2006.
14. Diodorus 25.10.3; Lancel 1999, 36–37.
15. Diodorus 25.12.
16. Villaronga 1973, 95–107.
17. Ibid., 98–101. Теперь принято датировать выпуск карфагенских серебряных драхм, найденных в Испании, гораздо более

- ранним временем — до Баркидской экспедиции (Villaronga 1992).
18. Villaronga 1973, 124–125. О монетах Гиерона II: Lehmler 2005, 60–96.
19. В этот период корабли также изображались на монетах Тира и Сидона (Villaronga 1973, 57).
20. Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 48.
21. Villaronga 1973, 61.
22. Ibid., 49–50; Chávez Tristán & Ceballos 1992, 173–175.
23. Эту эмблему, конечно, избрали потому, что тетрадрахма Александра/Геракла была тогда самой распространенной серебряной монетой в эллинистическом мире и, следовательно, наиболее привлекательной для наемников на службе у Карфагена. Подсчитано, что этот образ в Средиземноморье и на Востоке 51 раз воспроизводился на монетах разных выпусков в последней четверти III века (Price 1991, 72–78). Возможно, подействовал пример Агафокла, который тоже изображал Геракла на своих монетах. Подобно тому как «портрет» Геракла на некоторых монетах Александра воспроизводил идеализированное обличье великого царя, его образ использовался в тех же целях и на монетах Агафокла (Dahmen 2007).
24. Piccaluga 1974, 111–22.
25. Polybius 2.1.7–8; Diodorus 25.10.3–4; Cornelius Nepos *Ham.* 22.4.2; Appian 6.1.5; Zonaras 8.19.
26. Livy 21.2.4.
27. Polybius 3.8.1–4; Cornelius Nepos *Ham.* 22.3.3. Hoyos (1994, 247–259; 1998, 150–152) утверждает, что Баркиды пользовались политической поддержкой в Карфагене и якобы «с 237 года карфагенская республика де-факто была военной монархией». Я согласен с мнением Шварте (1983) и Хусса (1985), которые считают, что в Карфагене конфликтовали противники и сторонники Баркидов.
28. Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 48–49. Crawford 1985, 87 — об отсутствии реальной финансовой структуры в Баркидской Испании.
29. Diodorus 25.12.
30. Polybius 10.10.

31. Об амбициозных замыслах Баркидов в Испании: Barcelo 1988, 145–151; Schwarte 1983, 37–74.
32. Visonà 1998, 15–16; Jenkins 1987, 215–216.
33. Rich 1996, 20; Errington 1970, 37–41 — с его тезисом о возможном вмешательстве Массилии совершенно не согласен Хойос (Hoyos 1998, 171). Массилияне имели колонию на северо-востоке Испании.
34. Dio Fr. 48. Errington (1970, 32–34), Hoyos (1998, 147–149) — оба считают эту историю вымыслом, хотя и не выдвигают убедительных аргументов.
35. Polybius 2.13.7, 3.27.10; Lancel 1999, 40–41. Hoyos (1998, 169–170) полагает, что Гасдрубал пригрозил воспользоваться вторжением галлов в Северную Италию. Эта гипотеза отвергается Ричем (Rich 1996, 21–23).
36. Polybius 2.36.1; Livy 21.2.6.
37. Livy 21.3.3–8.
38. Ibid. 21.3.5. См. также: ibid. 21.4.2.
39. Villaronga (1973, 121) утверждает, что эти монеты (III) были выпущены во время командования Гамилькара или Гасдрубала. Однако Волк (Volk 2006) недавно выдвинул обоснованную гипотезу, предполагающую, что эта серия по времени отстоит не очень далеко от более поздней серии XI, которую исследователи связывают со Второй Пунической войной. Поскольку датирование XI серии не вызывает сомнений, то, очевидно, и III серия была выпущена гораздо позже, чем предполагает Вилларонга.
40. Среди исследователей ведутся споры по поводу предположений о вероятном изображении Баркидов на этих монетах (Robinson 1953, 42–43; Villaronga 1973, 45–47).
41. Livy 24.41.7.
42. Polybius 3.13.5–3.14.10; Livy 21.5.1–17.
43. Polybius 3.30.1–2; Harris 1979, 201–202.
44. Polybius 3.15.7.
45. Ibid. 3.15. Livy (21.6) ничего не пишет о поездке послов, а просто сообщает о том, что сенат принял решение отправить послов, но посольство не успело выехать из-за нахлынувших событий. Rich (1996, 10–12) — о том, что римский ультиматум

- был предъявлен и отвергнут до того, как Ганнибал перешел Ибер.
46. Pliny *NH* 33.96–97; Blásquez Martínez & García-Gelabert Pérez 1991, 33–34; Villaronga 1973, 97–101.
47. Polybius 3.17.1–11; Livy 21.6–9. Выдвигались предположения о том, что в упоминаниях римских посольств Полибием (до осады) и Ливием (во время осады Сагунта) в действительности речь идет об одной и той же миссии (Lancel 1999, 50).
48. Livy 21.9.4.
49. Rich 1996, 13 — об оппозиции Баркидам в Карфагене.
50. Visonà 1998.
51. Greene 1986, 118–151; Bechtold 2007, 65.
52. Morel 1982; Chelbi 1992; Bechtold 2007, 53–54. Черная керамика была столь популярной, что ее начали имитировать и в Карфагене.
53. К их числу относился и первый римский историк Фабий Пиктор, принимавший самое активное участие в дебатах (Polybius 3.8.1–3.9.5).
54. Schwarte 1983, 64–74.
55. Livy 21.10.2–13.
56. Ibid. 21.11.1.
57. Seibert (1993, 58–60) предполагает, что Совет старейшин в Карфагене выступил в поддержку Ганнибала, преодолев определенные разногласия.
58. Dio 13.54.11.
59. Zonaras 8.22.2–3; Polybius 3.20.1–5. Rich (1996, 29–30) склонен объяснять промедление техническими и стратегическими причинами, а не разногласиями в римском сенате. Ноуос (1998, 226–232) считает его результатом оппозиционного противодействия.
60. Livy 21.11.3–21.15.2.
61. Довод советника, вероятно, был резонный, поскольку Гасдрубал давал римлянам единоличное согласие, обусловленное ходом кампании и впоследствии не выполненное (Bickerman 1952b). О позиции Полибия по отношению к поведению карфагенян: Serrati 2006, 130–134.
62. Livy 21.16.1–21.18.14; Polybius 3.20–21, 3.33.1–4.

63. Polybius 3.9.1–6, 3.12.7. Имеются в виду: Bagnall 1999, 124; Dorey & Dudley 1971.
64. Goldsworthy 2000, 148.
65. Huss 1985, 288–293.
66. Harris 1979, 200–205; Hoyos 1998, 264 — о том, что после захвата карфагенянами Сагунта «римляне уже предвкушали неминуемую и непременно прибыльную войну».
67. Rich 1996, 31–32.
68. Ibid. 14–18.

Глава 10

Наказ Юпитера

1. Livy 21.21.10–13; Polybius 3.33.5–16.
2. Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 52–53.
3. Polybius 6.52.3–4.
4. Daly 2002, 128.
5. Polybius 9.22.1–4, 9.24.5–9.25.6.
6. Livy 21.11.13.
7. Об этническом составе армии: Daly 2002, 84–112; Lazenby 1978, 14–16; Lancel 1999, 60–61.
8. О кельтских воинах: Rawlings 1996, 86–88.
9. Об использовании слонов в кампаниях Ганнибала: Rance 2009; Charles & Rhodan 2007. В целом об использовании слонов греками и римлянами: Scullard 1974.
10. Lancel 1999, 62–64; Rance 2009, 106–107.
11. Daly 2002, 83.
12. Brizzi 1995, 312–315. Более подробно о составе армии Ганнибала: Goldsworthy 2000, 32–36.
13. Sabin 1996.
14. Polybius 6.52.10–11.
15. Даже в середине II века, когда Полибий набирался опыта в римской армии, отношения между италиками и римлянами все еще были враждебными, что не могло не привести к гражданской войне.
16. В битве при Требии участвовали 20 000 союзнических воинов и 16 000 римских граждан.

17. Lazenby 1996, 11–12.
18. Lazenby 1978, 31–32.
19. Livy 21.20.6.
20. Polybius 3.16–19.
21. Polybius 3.20.8, 7.9.1; Walbank 1957–79, I: 334–335, II: 44–45.
22. О трудностях применения монолитной современной модели «пропаганды» к древней греческой и римской реальности: P. Taylor 1995, 25–48.
23. Повествования Сосила и Силена о кампаниях Ганнибала, написанные, вероятно, после ухода карфагенского полководца из Италии, без сомнения, основаны на более ранних текстах. См.: Diodorus 26.4; Cornelius Nepos *Ham.* 23.13.3; Walbank 1985, 129–130.
24. Spencer 2002, 7–9.
25. Cornelius Nepos *Ham.* 23.13.3. О происхождении Силена: Spada 2002, 238. И другие греческие историки, конечно, понимали, что Ганнибал обладал всеми необходимыми качествами для суперзвезды исторического боевика, хотя до нас дошло совсем немного имен. Мы можем назвать, например, Евмаха Неаполитанского, которого упоминает Афеней (Athenaeus 13.576). Хойос (Нойос 2001а), безусловно, прав, утверждая, что не существует свидетельств, которые указывали бы на прокарфагенскую направленность папирусного фрагмента P.Rylands III.491, имеющего отношение к условиям мирного договора, навязанных карфагенянам в 203 году, и последующего срыва перемирия. В то же время невозможно доказать предположение Хойоса о том, что его автором был римский историк Фабий Пиктор.
26. Walbank 1957–1979, I: 316.
27. Cicero *Div.* 1.24.48.
28. Brizzi 1995, 309.
29. Cornelius Nepos *Ham.* 23.13.3. К числу этих произведений относят и трактат, адресованный жителям острова Родос, о подчинении Малой Азии римским полководцем Гнеем Манлием Вульсоном. Известно поддельное обращение Ганнибала к афинянам, написанное на греческом языке. Один этот факт говорит о том, что среди современников карфагенский полководец слыл образованным человеком (Brizzi 1991).

30. Dio 13.54.3.
31. Sosylus, Pap. Wurzburg, *FGH*, IIB: 903–906. Хотя среди историков нет единого мнения относительно места сражения, большинство склоняется к мнению о том, что оно произошло у побережья Испании (Krings 1998, 217–260).
32. Krings 1998, 226. Недавно было высказано осторожное предположение о том, что автором небольшого фрагмента об использовании Ганнибалом слонов, приписываемого Диодору Сицилийскому, возможно, является Сосил (Rance 2009, 108–110).
33. Polybius 3.20.1–5.
34. Spada 2002, 239–240. В сохранившихся отрывках описывается сад Гиерона, царя Сиракуз, объясняются названия растений на острове и происхождение названия города Паличе. Walbank (1968–1969, 487–497), возможно, переоценивает значимость этих описаний, но, видимо, прав, утверждая, что у названия *Sicilia* не общепринятая история (*contra* La Bua 1966, 277–279).
35. Cicero *Letters to Friends*. 9.25.1; Franke 1989, 456, n. 1.
36. Campus 2005.
37. Pausanias 12.3.4.
38. Picard 1983–1984; Rawlings 2005, 164–171; Knapp 1986, 118–119.
39. Polybius 12.28, 3.48.
40. Polybius 14.1; Walbank 1957–1979, I: 63–130; Scuderi 2002, 277–284; Hoyos 1998, 42–43, 55–56, 82–83, 95–98, 100–104. Полибий нравился дидактический стиль Филина, очень похожий на его собственную манеру изложения (Walbank 1985, 77–98). La Bua (1966) выдвинул недоказуемую гипотезу о том, что Филин был главным источником повествования Полибия о Первой Пунической войне, а хроника Диодора от смерти Агафокла до Первой Пунической войны якобы заимствована у Филина через более позднего греческого историка Силена. Высказывалось и предположение о том, что на Филина подействовало суровое обхождение с его городом римлян, когда он был захвачен ими в 261 году, и будто бы он сопровождал карфагенскую армию в кампаниях (Galvagno 2006, 254–256;

- Scuderi 2002, 275–277). Доказывается также, будто отображение Полибием осады Лилибея основано на описании очевидца Филина (Lazenby 1996, 2).
41. Diodorus 23.1.4.
42. Walbank 1985, 90.
43. Broughton 1951–1956, I: 229; Badian 1958, 36–43; Hoyos 1998, 122.
44. Polybius 3.28.1–2, 3.15.9–11.
45. Ibid. 7.4.1–2; Livy 24.6.4–8.
46. В последующих договорах Ганнибала с некоторыми греческими городами в Италии тоже признавались их политические свободы (Hoyos 1998, 268).
47. De Angelis & Garstad 2006, 213–225; Malkin 2005.
48. Диодор активно пользовался трудами греко-сицилийских авторов, таких как Тимей и, возможно, Силен (La Bua 1966, 249–252, 277–279; Vattoune 2002, 217–222; Pearson 1987, 11–12, 24–25).
49. Dionysius 1.41.1.
50. Fox 1993, 144–145; Rawlings 2005, 169–170.
51. Dionysius 1.41.1–2.
52. Ibid. 1.42.2–3.
53. Ibid. 1.42.4.
54. Двенадцать найденных пока надписей исполнены на осканском языке, на котором изъяснялись в этих областях. Guy Bradley (2005) считает, что многие факторы, способствовавшие популярности Геркулеса в Центральной Италии, такие как самнитская драчливость и местные религиозные «верования», сформировались под более поздним римским влиянием на туземные племена.
55. Villaronga 1973, Series XI.
56. Onasander 10.26, в переводе Daly 2002, 137.
57. Daly 2002, 135.
58. Athenaeus 6.245c-d. О способности Ганнибала влиять на кельтских воинов: Rawlings 1996, 88–89. О том, какую роль играли Мелькарт, Геракл, Геркулес и, возможно, галльские и ливийские божества в единении этнически разношерстной армии Ганнибала: Brizzi 1984a, 150.

59. Dio 13.54.4.
60. Vegetius *Pref.* 3. Daly (2002, 88), видимо, прав, утверждая, что не существует свидетельств, которые бы указывали на то, что Сосил исполнял и какие-то военные функции при Ганнибале.
61. Livy 21.21.9.
62. Согласно более позднему греческому географу Страбону (2.145), полагавшемуся на информацию Полибия, уровень воды в источнике поднимался и опускался в соответствии с морскими приливами и отливами. Полибий пытался найти научное объяснение этому феномену, выдвинув идею воздушного потока из-под земли, которую никто всерьез не принял. Силен предложил свою теорию, но Страбон ничего не сообщает об этом, а лишь называет Силена дилетантом, неспособным понимать такие сложные проблемы. Однако источник ассоциировался с Гераклом — Мелькартом, именно это обстоятельство вызвало интерес Силена, и, очевидно, в его теории была определенная связь с героем-богом (Briquel 2004). Лишь позже в поэме Силия Италика «Пуника» мы узнаем детали визита Ганнибала. Возможно, Силий, не обладая особым поэтическим даром, описал храм таким, каким он выглядел в его дни, через 250 лет после посещения святилища Ганнибалом. Тем не менее поражает то, как сохранились семитские атрибуты культа. Силий описывает, что дерево, из которого был построен храм, нисколько не попортилось, что в храм не позволялось входить ни женщинам, ни свиньям. Там служили бритоголовые и босые жрецы в длиннополых мантиях и с повязками на голове. Они обязывались приносить обет безбрачия. В храме постоянно поддерживался огонь на алтаре и не было ни статуй, ни изображений божеств.
63. Cicero *Div.* 1.49 (Coelius Fr. 11).
64. Сон Ганнибала интриговал древних греческих и римских писателей не меньше, чем современных историков. Сохранились три другие версии истории: Ливия (Livy 21.22.5–9), Силия Италика (Silius Italicus *Pun.* 3.163–213), Диона (Dio 13.56.9) — его вариант переписал Зонара (Zonaras 8.22). Эти версии придают сну более зловещий оттенок. Современные комментаторы обращают внимание на различия версий в кон-

- тексте той роли, которую сон играет в римской историографии. Левин (Levene 1993, 45–46) отмечает, что у Цицерона сон побуждает Ганнибала к вторжению в Италию, а у Ливия карфагенский полководец уже принял решение, и это может свидетельствовать о том, что его экспедиция богами одобрена, но не предписана. По мнению Пеллинга (Pelling 1997, 202–204), описание сна Ливием указывает на неопределенность и двойственность отношения богов к Ганнибалу и его миссии. «Ему не надо больше задавать вопросов. Пусть во мраке пребывает судьба», — сообщается читателю, который уже хорошо знает, что уготовано Ганнибалу. Штюблер (Stübler 1941, 95–96) усматривает в радости Ганнибала по поводу того, что ему было сказано, проявление безрассудства. См. также: Cipriani 1984.
65. Valerius Maximus, 1.7, ext. I.
66. О божественном санкционировании похода Ганнибала и воодушевлении его войска: Seibert 1993, 186–187. О божественном провожатом: Briquel (2004) против предположения Фулона (Foulon 2003), будто гидом Ганнибала был Меркурий Алет.
67. Rawlings 2005, 158–161.
68. D'Arco 2002, 160–161.
69. Polybius 3.47.7–9.
70. Livy 21.41.7.
71. По поводу обвинений Ганнибала в нечестивости: Fuceschì 1990.

Глава 11

По стопам Геракла

1. Polybius 3.34.3–6.
2. Ibid. 3.35; Livy 21.23.4–6.
3. Livy 21.24.2.
4. Ibid. 21.24.5.
5. Археологические свидетельства разрушения местного оппидума (укрепленного поселения на вершине холма) в этой местности вполне можно ассоциировать с походом карфаге-

нян (Barrauol 1976, 683). Seibert (1993, 110) тоже считает, что карфагеняне оставляли гарнизоны на пути следования. Morel (1986, 43) в то же время полагает, что амфоры и другие артефакты, найденные археологами, могут свидетельствовать в большей мере о присутствии купцов в регионе. Lancel (1999, 66) отмечает, что укомплектование гарнизонов войсками значительно уменьшило бы численность армии Ганнибала.

6. Я руководствовался блестящим исследованием Ланселя в описании маршрута продвижения Ганнибала в Италию. О научных и псевдонаучных обсуждениях этой проблемы: Lancel 1999, 57–80.
7. Polybius 3.42–43; 3.45–46; Livy 21.26.6–21.28.12.
8. Polybius 3.36.
9. Ibid. 3.48.
10. Полибий утверждает, что новое поколение галльских вождей, не имевших горького опыта столкновений с римлянами, спровоцировало конфликт в 225 году. См.: Vishnia 1996, 17–18.
11. Polybius 2.13.6. См. также: Florus 1.19.2.
12. См.: Vishnia 1996, 13–25.
13. Действительно, только после завершения Второй Пунической войны Рим смог частично восстановить контроль над этим регионом. Подробно о завоевании римлянами Цизальпинской Галлии и Лигурии: Toynbee 1965, 252–285.
14. О греко-римских стереотипах в отношении кельтов и других племен: Rawlings 1996, 84–85.
15. Rawlings 1996, 86–87 — о воинственности кельтов.
16. Polybius 2.19, 2.21. См.: Rawlings 1996, 82.
17. Dio 14.6b.
18. Polybius 25.16. О маскировке Ганнибала: *ibid.* 3.78; Zonaras 8.24; Livy 22.1.
19. Polybius 3.40.1–3.41.5; Livy 21.25.1–21.26.5.
20. Polybius 3.44.1–3.45.4; Livy 21.29.
21. Polybius 3.49.1–4; Livy 21.32.1–5.
22. Polybius 3.49.5–3.50.2; Livy 21.31.1–12.
23. Ammianus Marcellinus 15.10.4–6.
24. Polybius 3.50.3–3.53.8; Livy 21.32.6–21.35.3.

25. Livy 21.35.8–9.
26. Ibid. 21.36.7–8. Polybius (3.54.4–3.55.4) тоже описывает страшные мучения людей и животных на обледеневших склонах.
27. Livy 21.37.2–3. Polybius (3.55.6–9) излагает такую же историю, хотя менее впечатляющую.
28. Ammianus Marcellinus 15.10.2.
29. И здесь я руководствуюсь предположениями Ланселя относительно маршрута перехода Ганнибала через Альпы.
30. Ammianus Marcellinus 15.10.9–10.
31. Polybius 3.56.3–4; Livy 21.38.2–5.
32. Polybius 3.60.8–10; Livy 21.38.4.
33. Polybius 3.56.5–6; Livy 21.39.3.
34. Polybius 3.63; См. также: Livy 21.42.
35. Livy 21.43–44.
36. Ibid. 21.46.10; Polybius 3.65.1–8.
37. Polybius 3.66, 3.67.3; Livy 21.48.10.
38. Подробнее о тактике Ганнибала в битве при Требии: Goldsworthy 2000, 173–181.
39. Polybius 3.68.11–3.75.3; Livy 21.52.1–21.56.8.
40. Polybius 3.77.4. О других попытках Ганнибала побудить италиков к уходу от римлян: David 1996, 55–60.
41. Polybius 3.74.11. Описание Ливием (Livy 21.57–59) этой зимней кампании Ганнибала путаное и невразумительное (Lancel 1999, 89; Goldsworthy 2000, 181).
42. Polybius 3.79; Livy 22.2.
43. Livy 22.4–6; Polybius 3.82.9–3.84.15. Goldsworthy 2000, 181–190.
44. Polybius 3.85.3–4; Livy 22.7.
45. Polybius 3.86.1–5; Livy 22.8.1–2.
46. Livy 22.1.10.
47. Ibid. 21.62. Римляне тогда взывали и к Ювенте, небесному consortу Геркулеса, а повторно в 207 году (Livy 36.36.5–6). См. также: Rawlings 2005, 162.
48. Polybius 3.86.8–3.87.5; Livy 22.9.1–6.
49. Livy 22.7.6–14 (цитата = 22.7.9); Polybius 3.85.7–10.
50. Polybius 3.87.6–9; Livy 22.8.6–7.
51. Plutarch *Fab.* 5.1–2.

52. Polybius 3.88.1–3.92.7; Livy 22.11.1–22.13.11. Plutarch *Fab.* 5.3.
53. Polybius 3.90.6; Livy 22.14.
54. Livy 30.26.9.
55. Ibid. 22.23.2–8.
56. Plutarch *Fab.* 6.
57. Polybius 3.92.8–3.94.6; Livy 22.15.11–22.18.4.
58. Polybius 3.101.1–3.105.3; Livy 22.23.1–22.27.11.
59. *ILLRP* 118; Rawlings 2005, 161.
60. Livy 22.9.7–11.
61. Gruen 1992, 22–29; Galinsky 1969, 160–163.
62. Polybius 1.55.6.
63. Polybius 1.58.2, 1.58.7–8; Diodorus 24.8.
64. Schilling 1954, 243.
65. Ibid., 235–239.
66. В контексте использования римлянами троянского «наследия», очевидно, надо рассматривать и предписание жрецов построить храм, посвященный *Mens*, качеству, ассоциировавшемуся с трезвым расчетом и самообладанием и приписывавшемуся греческими авторами Энею. Постройкой этого храма Фабий, вероятно, хотел убедить римскую общественность в том, что его терпеливая и лишенная эффектов тактика коренится в древней римской традиции.
67. Plutarch *Fab.* 5.1.
68. Особое значение придавалось Юноне, consortу Юпитера, которая обычно ассоциировалась с пуническими богинями Астартой и Тиннит. Ей римляне преподносили дары, призывая проявить благосклонность к их городу и другим городам в Лации во времена тяжелых поражений 218–217 годов. См.: Livy 21.62.9, 22.1.
69. Ibid. 25.1.6–9.
70. Ibid. 25.1.10–11.
71. Ibid. 22.10.2–6.
72. Ibid. 22.36.1–5; Polybius 3.107.9–15.
73. Livy 22.38.6–22.41.3.
74. Polybius 3.110.1–3.112.9; Livy 22.41.1–22.45.4.
75. Livy 22.45.5–22.46.7; Polybius 3.113.1–3.114.8.

76. Livy 22.47.
77. Ibid. 22.47.1–22.49.18; Polybius 3.115.1–3.117.12. Детальное описание битвы: Daly 2002; Lancel 1999, 103–108; Goldsworthy 2000, 198–214.
78. Livy 22.51.5–9.
79. Ibid. 22.49.16–17. О бегстве Варрона: Polybius 3.116.13; Livy 22.49.14.
80. Livy 22.51.1–4.
81. Lancel 1999, 96–97; Lazenby 1978, 85–86. Lazenby (1996, 41) также указывает на то, что римской армии потребовалось бы гораздо больше времени, а не пять дней, о которых говорил Магарбал, для того чтобы дойти до Рима.
82. Lazenby 1978, 41–46.
83. Livy 22.58.1–9.
84. Polybius 6.58.1–13; Livy 22.59.1–22.61.10.
85. Livy 22.58.3.

Глава 12

Дорога никуда

1. Livy 35.14.5–8.
2. Ibid. 35.14.9.
3. P.Green 1986, 231.
4. Livy 23.4.8.
5. Livy 23.6.1–3. Эрскин (Erskine 1993) подвергает сомнению обещание Ганнибала дать свободу италикам. Он предполагает, что это скорее всего выдумка греков, то есть Полибия. О мотивах перехода капуанцев на сторону Ганнибала: Fronda 2007.
6. Livy 23.7.1–2.
7. Ibid. 23.7.3.
8. Ibid. 23.10.1–2.
9. Ibid. 23.8.1–23.9.13.
10. Ibid. 23.7.4–12, 23.10.3–10.
11. Crawford 1985, 62–64.
12. Об отношениях Капуи с Ганнибалом: Fronda 2007. Цитата = Fronda 2007, 104–105.

13. Livy 23.18.10–16.
14. Goldsworthy 2000, 222–226.
15. Livy 23.11.7–23.12.7.
16. Ibid. 23.12.13–17.
17. Ibid. 23.13.1–8.
18. Ibid. 24.4.1–9.
19. Polybius 7.2; Livy 24.5.7–8, 24.6.2–3.
20. Livy 24.21.1–24.27.5.
21. Ibid. 24.29.1–24.32.9.
22. Ibid. 24.33.1–24.34.16. Подробнее о событиях, приведших к осаде: Eckstein 1987, 135–155.
23. Livy 24.35.3–24.39.13.
24. Сардиния = Livy 23.32.7–12, 23.34.10–17, 23.40.1–23.41.7.
25. Ibid. 23.26.1–3.
26. Ibid. 23.27.9–23.29.17.
27. Ibid. 23.49.5–14, 24.41.1–24.42.11.
28. Ibid. 25.32.1–5. О кампании Сципиона в Испании в 218–211 годах: Eckstein 1987, 188–207.
29. Polybius 7.9; Bickerman 1944 (repr. 1985, 257–272).
30. Barré 1983, 38–64 — *contra* Huss (1986, 228–230), который полагает, что в верхнем ряду Зевс отождествлялся с Баал-Шаменом, а Гера с Астартой, поскольку ассоциирование Баал-Хаммона и Тиннит с жертвоприношением детей было неприемлемо для «либералов» в Карфагене. В его интерпретации Тиннит отождествлялась с Артемидой, а Баал-Хаммон — с Кроном. Я не вижу оснований для того, чтобы не поместить в верхнюю строчку Баал-Хаммона и Тиннит, так как в этот период они были самыми значительными богами Карфагена, и у нас не имеется никаких свидетельств существования там фракции «либералов».
31. Barré 1983, 64–86. Специалисты расходятся во мнениях относительно того, соответствует ли в тексте договора Иолай пуническому богу Циду, а не Эшмуну.
32. Ibid. 12–14, 100–101; Huss 1986, 238.
33. *Contra* Bickerman 1985, 391–394.
34. Lancel 1999, 117.

35. Visonà 1998, 16–19.
36. Crawford 1985, 62.
37. Lancel 1999, 122–123.
38. Тиберий Семпроний Гракх был консулом в 215 и 213 годах, Марк Клавдий Марцелл — в 214, 210 и 208 годах, а Квинт Фульвий Флакк — в 212 и 209 годах. Все они занимали в этот период и проконсульские посты, то есть за ними сохранялось военное командование (Goldsworthy 2000, 226–228).
39. Livy 22.57.5–6, 23.11.1–6.
40. Ibid. 22.57.6.
41. Bellen 1985, 13–23.
42. Polybius 8.37; Livy 25.23.8–25.24.7; Plutarch *Marc.* 19.1.
43. Livy 25.26.1–15.
44. Ibid. 25.27.1–13.
45. Ibid. 25.28.1–25.30.12. Об осаде Сиракуз: Lancel 1999, 124–127; Goldsworthy 2000, 260–268.
46. Eckstein 1987, 177–183.
47. Crawford 1985, 109–110; Visonà 1998, 19.
48. Walbank 1957–1979, II: 100–101. Предполагается, что Полибий читал Силена, а Ливий заимствовал информацию у Целия Антипатра, читавшего подлинник (Lancel 1999, 128).
49. Polybius 8.24.1–8.34.13; Livy 25.7.10–25.11.20.
50. Вскоре сдались карфагенянам два важных итальянских города Метапонт и Фурии (Livy 25.15.6–7), и римская армия потерпела два сокрушительных поражения: от луканских племен, перешедших на сторону Ганнибала, и под Гердонией в Апулии (ibid. 25.15.20–25.16.24, 25.21.1–10).
51. Polybius 8.34.12; Livy 25.15.4–5.
52. Livy 26.1.2–4, 26.4.1–10.
53. Ibid. 26.5.1–26.7.10; Polybius 9.3.1–9.4.5.
54. Livy 26.9.1–13; Polybius 9.4.6–9.5.3.
55. Polybius 9.6.1–2.
56. Livy 26.10.5–8.
57. Ibid. 26.9.7–8. Аналогичное описание у Полибия: Polybius 9.6.3.
58. Livy 26.10.1–2.

59. Ibid. 26.10.3.
60. Polybius 9.6.6–9.7.1.
61. Livy 26.11.1–7.
62. Ibid. 26.9.10.
63. Solinus 1.14–15.
64. Dionysius 1.43; Briquel 2000, 126.
65. Мнения в данном случае тоже расходятся: одни считают отцом местного царя, другие — Геракла.
66. Briquel 2000, 126–127. Разграбили Рим только галлы в 387 году под предводительством Бренна. Несколько ранее галльская армия Белловеса первой после Геракла перешла Альпы для нападения на Италию.
67. Livy 26.10.3.
68. Истории Ливия с акцентом на вмешательство богов в поддержку Рима, возможно, были реакцией на карфагенскую пропаганду.
69. Pliny *NH* 34.40.
70. Livy 26.12.1–26.16.13.
71. См. о Капве в речи Цицерона: *On the Agrarian Law* (2.76–97).
72. Livy 27.1.3–15.
73. Ibid. 26.38.1–26.39.23, 27.12.1–27.16.9.
74. Plutarch *Fab.* 22.6.
75. Frier 1979, 268–279. О структуре сочинения: *ibid.*, 255–284.
76. Ibid., 266–267.
77. Ibid., 284.
78. С этим утверждением не согласен Грюэн (Gruen 1992, 231). Он считает, что «Анналы» адресовались исключительно римской сенаторской аудитории. Историк обосновывает свое мнение тем, что не существует свидетельств, которые указывали бы на то, что сочинение читалось в Греции, а в сохранившихся фрагментах нет ничего такого, что указывало бы на его греческую направленность. Слишком смелое заявление при столь ограниченном документальном материале. Я полагаю, что «Анналы» предназначались и для греческой аудитории, главным образом для той, которая обитала в Италии и на Сицилии.
79. Frier 1979, 281; Badian 1958, 3.

80. Frier 1979, 236–246.
81. Polybius 1.14.1–3. О жизнедеятельности Фабия Пиктора: Frier 1979, 233–236.
82. Frier 1979, 284; Badian 1958, 6.
83. Gruen 1992, 32–33.
84. Fabius Pictor Fr. I.
85. Об этом свидетельствует краткое описание сочинений Пиктора и других эллинистических историков, найденное на стене гимнасия в Тавромении, родном городе Тимея (Manganaro 1974; Frier 1979, 230–231).
86. Livy 25.32.1–25.36.16.
87. Ibid. 26.17.1–26.19.9; Scullard 1970, 31.
88. Я в большей мере, чем Уолбанк (Walbank 1957–1979, II: 135–136), убежден в том, что сам Сципион потворствовал распространению этих историй. Трудно сказать, верил ли он в эти небылицы.
89. *De Vir. Illust.* 49. Зачатие — Aulus Gellius 6.1.6; Livy 26.19.7–8; Dio 16.57.39; Valerius Maximus 1.2.1. Посещение святилища — Livy 26.19.5. Об ассоциировании Сципиона с Александром Великим: Tise 2002, 45–64.
90. Этой идеи слегка касается Уолбанк (Walbank 1957–1979, II: 55). О сопоставлении римлянами Сципиона с Геркулесом см. Энния у Лактанция (*Lactantius Div. Inst.* 1.18), Цицерона (*Cicero Rep.* Fr. 3), Горация (*Horace Ode* 4.8.15). Полное рассмотрение проблемы: Walbank 1957–1979, II: 54–58.
91. Polybius 10.5.5.
92. Scullard 1970, 164–165.
93. Livy 26.19.8–9.
94. Детальное рассмотрение этого феномена: Scullard 1970, 55–57. О том, что отлив создавался ветром: Walbank 1957–1979, II: 65–66.
95. Livy 26.42.2–26.46.10; Polybius 10.8.1–10.15.11; Goldsworthy 2000, 271–277; Lazenby 1978, 134–140.
96. Polybius 10.2.12–13.
97. Ibid. 10.17.6–10.18.5. Об отношениях Сципиона с вождями местных испанских племен: Eckstein 1987, 212–220.
98. Livy 26.47.1–10; Polybius 10.19.1–2.

99. Livy 27.17.1–27.19.1; Polybius 10.34.1–10.39.9; Goldsworthy 2000, 277–279.
100. Livy 27.19.3; Polybius 10.40.2.5.
101. Livy 27.19.4–5. См. также: Polybius 10.40.4–5.
102. Livy 27.19.1, 27.20.3–8.
103. Ibid. 28.12.13–28.15.16; Goldsworthy 2000, 279–285.
104. Polybius 11.20.1–11.24.11; Livy 28.16.10–13.
105. Livy 28.19.11–28.37.10; Polybius 11.25.1–11.33.7.
106. Livy 27.37.1–15.
107. О превращении Юноны во врага римлян в раннем римском эпосе: Feeney 1991, 116–117.
108. О надписи Пирги: Dumézil 1970, 680–682.
109. Huss 1985, 235–236.
110. Livy 27.26.7–27.27.14, 27.33.6–7.
111. Ibid. 27.28.1–13.
112. Ibid. 27.39.1–9; Polybius 11.2.1.
113. Livy 27.39.10–27.49.4; Polybius 11.1.1–11.2.2; Goldsworthy 2000, 238–243.
114. Livy 27.51.11–13.
115. Хотя он и продолжал чеканить деньги для армии в Италии, теперь у него появилась нужда (уже не было надежд на военные трофеи) в выпуске монет и для населения — обычно с изображением скачущего коня и головы Тиннит (Crawford 1985, 66–67).
116. Livy 28.38.1–11.
117. Ibid. 28.40.1–28.45.11.
118. Ibid. 28.45.13–28.46.1, 29.1.1–14.
119. Ibid. 28.46.7–13.
120. Polybius 15.1.10–11.
121. Livy 28.46.14.
122. Ibid. 28.5.1–28.8.14; Goldsworthy 2000, 253–260.
123. Livy 29.12.8–16.
124. Ibid. 28.45.12.
125. Ibid. 29.10.4–29.11.8, 29.14.5–14; Ovid *Fasti* 4.247–348.
126. Gruen 1990, 6–7.
127. Ibid. 17–19.

Глава 13
Последняя эра героев

1. Livy 28.17.10–28.18.12; Appian 7.9.55.
2. Livy 29.23.2–29.24.2.
3. Ibid. 29.24.10–29.27.15.
4. Ibid. 29.28.1–29.29.3, 29.34.1–29.35.15.
5. Ibid. 30.3.1–30.12.4.
6. Ibid. 30.16.1–15; Eckstein 1987, 246–249.
7. Livy 30.22.2–3.
8. Polybius 15.1–4; Livy 30.22.1–30.23.8.
9. Livy 30.20.1–4.
10. Ibid. 30.19.
11. Ibid. 30.20.5–9; Appian 7.9.59.
12. Polybius 3.33; Livy 28.46.16. Толкование Ливием деяний Ганнибала в святилище на мысе Лациний: Jaeger 2006.
13. Campus 2003b.
14. Livy 24.3.3–7, 28.46.16.
15. Cicero *Div.* 1.24.48. Цицерон ссылается на Целия Антипатра, который воспользовался информацией Силена.
16. О том, как избирательно использовал Ливий информацию Целия и других авторов для того, чтобы выдержать определенную моральную направленность своего сочинения: Levene 1993, 68; Jaeger 2006, 408–409.
17. Уордл в комментариях к Цицерону: Cicero, *Div. I* (2006), 229.
18. Servius *Aen.* 3.552.
19. Brizzi 1983, 246–251; Lancel 1999, 155–156.
20. Livy 42.3.4.
21. Crawford 1985, 66.
22. Livy 30.24.5–30.25.8, 30.29.1. Папирусный фрагмент из Египта (P. Rylands III 491), датирующийся до 130 года, дает совершенно иное представление о дипломатической сваре. В нем не упоминаются ни захват римских грузовых судов, ни нападение на послов. Возникают подозрения о возможной гиперболлизации происшествий и даже их измышлении Полибием и другими авторами, друзьями римлян (Hoffman 1942). Eckstein (1987, 253–254) тем не менее утверждает, что в целом

Полибий описал события скорее всего достоверно, хотя, возможно, и приукрасил сюжеты для того, чтобы представить в позитивном свете Сципиона. См. предположение Хойоса (Hoyos 2001a) о возможной причастности к папирусному фрагменту римского историка Фабия Пиктора.

23. Livy 30.29.1–4.
24. Ibid. 30.29.5–30.31.9.
25. Lazenby 1978, 221–227.
26. Livy 30.32.4–30.35.3.
27. Ibid. 30.35.4–30.37.6.
28. Ibid. 30.37.7–11, 30.42.11–30.43.9.
29. Cornelius Nepos *Hann.* 7.1–4; Aurelius Victor *De Caes.* 37.3.
30. Livy 33.46.1–33.47.5.
31. Lancel 1995, 404.
32. Livy 33.45.6–8. О войнах Рима с Антиохом: Grainger 2002; Errington 1971, 156–183.
33. Livy 33.48.9–33.49.8.
34. Ibid. 34.60.4–6. План нападения на Италию, очевидно, предназначался для того, чтобы вовлечь Антиоха в реализацию намерений Ганнибала развязать новую большую войну против Рима. См.: Grainger 2002, 143–145.
35. Grainger 2002, 143–145.
36. Livy 34.60.3–4.
37. Ibid. 36.7. Нереальность исполнения планов нападения на Италию навела некоторых исследователей на мысль о том, что они были сфабрикованы (Lancel 1999, 200; Grainger 2002, 223–224).
38. Grainger 2002, 270.
39. Livy 37.8.3, 37.23.7–37.24.13.
40. О Крите: Cornelius Nepos *Hann.* 9.1; Justin 32.4.3–5. Об Армении: Strabo 11.14.6; Plutarch *Luc.* 31.4–5.
41. Livy 39.51.
42. Plutarch *Flam.* 21.5.
43. Ibid. 21.1.
44. De Beer 1969, 291.
45. Cornelius Nepos *Hann.* 13.2. О злодеяниях римлян, особенно в отношении галатов, см.: Polybius 21.38; Livy 38.24.

46. Brizzi 1984b, 87–102; Momigliano 1977, 41.
47. О проблемах Сципиона: Scullard 1970, 219–224.
48. Levick 1982, 57–58 — о неравенстве в римском сенате.

Глава 14

Гибель Карфагена

1. Livy 36.4.8.
2. Greene 1986, 109–116.
3. Livy 31.19.2.
4. Ibid. 36.4.5–9.
5. Ibid. 43.6.11.
6. Morel 1982, 1986; Lancel 1995, 406–408; Bechtold 2007, 53–54.
7. Bechtold 2007, 53–54, 66–67; Lancel 1995, 408–409. Это представление о процветании Карфагена на основе земледелия и торговли подтверждает и Аппиан (Appian 8.10.67).
8. Crawford 1985, 72.
9. Visonà 1998, 20–22; Crawford 1985, 136–138. По мнению Крофорда, два последних выпуска монет из чистого серебра свидетельствовали об экономическом возрождении Карфагена, а Визона считает, что деньги понадобились в связи с началом Третьей Пунической войны.
10. Appian 8.14.96.
11. Подробно о гаванях: Hurst 1994, 15–51.
12. Lancel 1995, 181–182.
13. Ibid., 180.
14. Hurst & Stager 1978, 341–342.
15. Appian 8.10.68.
16. О святилище в Эль-Хофре см.: Berthier & Charlier 1952–1955, II.
17. Rakob 1979, 132–166. Исследователи относят к числу этих памятников Медрасен, мавзолеей царской массильской династии возле Батны, и погребальный монумент массесилян в их столице Сиге*.

* Массилы, мазезилы, массилийцы — жители Восточной Нумидии, массесиляне — западные нумидийцы.

18. Почти разрушенный монумент реставрировал британский консул в Тунисе, желая завладеть двуязычной ливийско-пунической надписью (Lancel 1995, 307).
19. Ibid. 307–309.
20. Alexandropoulos 1992, 143–147, Visonà 1998, 22; Crawford 1985, 140.
21. Polybius 36.16.7–8; Appian 8.16.106.
22. Livy 43.3.5–7.
23. Leigh 2004, 28–37.
24. Arnott 1996, 284–287.
25. Franko 1996, 439–440, 442, 444. Многие последующие замечания почерпнуты из этого исследования.
26. Plautus *Poen.* 104–133.
27. Franko 1996, 429–430.
28. Plautus *Poen.* 975–981, 1008, 1121.
29. Gratwick 1971; Adams 2003, 204–205.
30. Plautus *Poen.* 1297–1306 (в переводе Никсона — Nixon, pp. 131–133).
31. Plautus *Poen.* 1312–1314 (в переводе Никсона — Nixon, p. 133).
32. Franko 1996, 445.
33. Clark 2007, 96–97. О некоторых предубеждениях Плавта: Leigh 2004, 23–56.
34. Errington 1971, 202–212 (цитата = 210). Harris 1979, 227–233.
35. Errington 1971, 260–262.
36. Diodorus 32.4.4–5.
37. Ibid. 32.5.
38. Polybius 31.21; Livy 34.62. Я согласен с Ланселем (Lancel 1995, 411) в том, что предпочтительнее описание и датирование этого эпизода Полибием.
39. Polybius 31.21.7–8.
40. Livy 34.62.9–10.
41. Ibid. 34.62.11–14.
42. Lancel 1999, 178 — о неясности терминологии.
43. Appian 8.10.68–69.
44. О травле Сципиона Катом см.: Scullard 1970, 186–189, 210–224.

45. Plutarch *Cat. Maj.* 26.2.
46. Appian 8.10.69.
47. Livy *Epitome* 47.15.
48. Pliny *NH* 15.74–75; Thürlemann-Rappers 1974; Little 1934.
49. Plutarch *Cat. Maj.* 26.2–3.
50. Ibid. 27.1.
51. Baronowski 1995, 27–28; Lancel 1995, 277–278. См. также комментарий Плиния (Pliny *NH* 15.76) о том, как Карфаген «разрушили при помощи фрукта».
52. Plutarch *Cat. Maj.* 26.2.
53. Diodorus 34/35.33.5.
54. Livy *Epitome* 48. О позиции Сципиона Назики см.: Vogel-Weidemann 1989, 83–84.
55. Polybius 36.2; Appian 8.10.69.
56. Appian 8.10.68.
57. Ibid. 8.10.70–73.
58. Baronowski 1995, 20–21; Diodorus 32.1; Livy *Epitome* 48; Zonaras 9.26.1–2.
59. Adcock 1946, 120.
60. Harris 1979, 54–104.
61. Plutarch *Mor.* 200.11.
62. Baronowski 1995, 28–29. О взаимосвязи нападения на Карфаген и возрастания могущества Нумидии, а также о Масиниссе: Adcock 1946, 119; Vogel-Weidemann 1989, 85.
63. Appian 8.11.74.
64. *Oratorum Romanorum Fragmenta* 78–79.
65. *Rhetorica ad Herennium* 4.14.20; Quintilian *Or. Ed.* 9.3.31; Baronowski 1995, 24–25, п. 22, — анализ содержания.
66. Cornell (1996) о недооценке Брантом (Brunt 1971, 269–277) ущерба, нанесенного войной Южной Италии.
67. Scheid & Svenbro 1985, 334–338; Cicero *Nat. Gods* 2.61. О возможном влиянии идей Тимея на Катона см.: Astin 1978, 228–229.
68. Aulus Gellius 10.1.10.
69. Appian 8.11.76.
70. Ibid. 8.11.78–8.12.81.
71. Lancel 1995, 413.

72. Appian 8.12.81–85.
73. Ibid. 8.12.86–89.
74. Ibid. 8.13.90–93.
75. Visonà 1998, 22.
76. Lancel 1995, 156–172.
77. Mezzolani 1999, 108–116.
78. Lancel 1995, 158–159.
79. Ibid. 415–419.
80. Appian 8.13.94–8.16.110.
81. О Сципионе Эмилиане: Astin 1967, 12–61.
82. Ibid., 62–69.
83. Appian 8.16.110–8.18.117.
84. Polybius 36.8.7; Livy *Epitome* 49; Diodorus 32.9a; Plutarch *Cat. Maj.* 27.6.
85. Appian 8.18.117–121.
86. Ibid. 8.18.122–123.
87. Ibid. 8.18.124–126.
88. Polybius 38.7.1–38.8.10.
89. Ibid. 38.8.13.
90. Ibid. 38.8.7, 38.8.11–12.
91. Appian 8.18.118.
92. Краткое жизнеописание Полибия: Champion 2004, 15–18.
93. Appian 8.19.132. Цитата Сципиона: Homer *Iliad* 6.448–449.
94. Harris 1979, 240–244, считает, что дипломатический инцидент спровоцирован римским сенатом. Errington (1971, 236–240) указывает на неопытность и запальчивость нового руководства Ахейского союза.
95. Eutropius 4.12.2; Diodorus 13.90; Cicero *Verr. Or.* 2.2.86–87, 2.4.72–83; Valerius Maximus 5.1.6.
96. Хотя на протяжении двадцати лет после разрушения Карфагена римляне, очевидно, и не проводили крупномасштабные работы по освоению приобретенных земель, исследователи отмечают, что почти сразу же они начали землемерное обследование (Wightman 1980, 34–36).
97. Purcell 1995, 133.
98. Параллели с Капуей проводили поздние писатели, в частности, Цицерон и Ливий (Cicero *Agr.* 2.87; Livy 26.34.9).

99. Purcell 1995, 134–135. О последующих попытках римлян найти оправдания разрушению Карфагена: *ibid.* 145–146.
100. *Ibid.*, 143.
101. Катон во многом следовал историографии Фабия Пиктора, мифам об Энее и троянском происхождении римлян (Gruen 1992, 33–34).
102. Astin 1978, 217.
103. *Ibid.*, 227–231. Несмотря на презрительное отношение к некоторым аспектам греческой культуры, Катон, похоже, руководствовался моделью Тимея за одним исключением. Если сицилийский грек рассматривал Италию и Рим в контексте всего Центрального Средиземноморья, то Катон подчеркивал главенство Рима в Италии.
104. Astin 1978, 213–216.
105. Aulus Gellius 10.1.10.
106. Feeney 1991, 99.
107. Goldberg 1995, 52.
108. Gruen 1990, 92–106; Goldberg 1995, 32–36.
109. О Невии и Эннии: Gruen 1990, 106–122; Goldberg 1995, 114–122; Jocelyn 1972, 991–999.
110. В произведении Невия миф настолько переплетен с последними событиями, что возникло предположение, будто изображение битвы гигантов с богами-героями является описанием фриза на храме Зевса в Акраганте на Сицилии (Fraenkel 1954, 14–16; Feeney 1991, 118).
111. Wigodsky 1972, 29–34 — о роли Дидоны в эпосе Невия. Легенда о Риме как вековечном городе подкрепляется исторической концепцией трансформации Ромула, основателя Рима, во внука Энея (Goldberg 1995, 95–96).
112. Feeney 1991, 109–110.
113. Энний подтверждает такое разделение предпочтений свидетельствами Сервия (*Servius Aen.* 1.281 — Feeney 1991, 126–127), а Невий лишь его предполагает (*ibid.*, 116–117). Безусловно, сыграло свою роль возросшее политическое и военное вмешательство Рима в Греции и на эллинистическом Востоке в конце III — начале II века. Римская сенаторская элита стремилась выгодно использовать и свои успехи, и отношения с эллинис-

- тическим миром (Gruen 1990, 121–123; Goldberg 1995, 56–57).
114. Feeney 1991, 109–110.
115. Goldberg 1995, 162, п. 5. Feeney (1991, 110 п. 58) также полагает, что Невий писал произведение после завершения Второй Пунической войны.
116. Jocelyn 1972, 997–999.
117. Ibid., 1006. Энний из уважения к Невию очень мало написал о Первой Пунической войне, хотя, по-видимому, был невысокого мнения о его литературных талантах (ibid., 1013–1014).
118. Aulus Gellius 6.12.7 (E. Warmington 1935, 270: 98–99); Paulus 439.7 (E. Warmington 1935, 282: 104–105); Festus Rufus Avienus 324.15 (E. Warmington 1935, 237: 84–85). Позже авторы признают одиозность оценок Энния, особенно в преуменьшении несчастий самих римлян (Cicero *Pomp.* 25).
119. Servius *Aen.* 1.20. О Невии и пророчестве: Feeney 1991, 111–113.
120. Macrobius *Sat.* 3.7–9.

Глава 15

Пуническая верность

1. Appian 8.20.134; Orosius 4.23.5–7; Florus 4.12. Другие авторы утверждают, что Сципион полностью уничтожил город (Velleius Paterculus 1.12; Eutropius 4.12; *De Vir. Illustr.* 58; Zonaras 9.26–30). Однако археологи подтверждают, что город частично сохранился после разрушения (Lancel 1995, 428–430). О Гасдрубале, ставшем Клитомахом, см.: Eutropius 4.14.2; Zonaras 9.30; Orosius 4.23.7. Общее рассмотрение проблемы: Ridley 1986, 140–141.
2. Geus 1994, 150–153; Krings 1991, 665–666; Diogenes Laertius *Clitomachus*.
3. Appian 8.20.133. О свидетельствах проклятия, наложенного на место, где располагался город: Cicero *Agr.* 1.2.5; Plutarch *C. Gracch.* 11; Appian *CW* 1.24; Tertullian *De Pallio* I. О распахивании территории и посыпке солью: Justinian *Dig.* 7.4.21; Stevens

- 1988, 39–40; Purcell 1995, 140–141. Обследование и землеустройство прежней карфагенской территории — Wightman 1980, 34–36.
4. Appian 8.20.134.
 5. Bellen 1985.
 6. Polybius 6.9, 6.57; Champion 2004, 94–98. Walbank (2002, 206–208) отмечает положение Полибия о неминуемом упадке Рима, но, на мой взгляд, преуменьшает значимость этого тезиса в его общей исторической концепции. Упоминание Катонам смешанного государственного устройства Карфагена, возможно, указывает на то, что он тоже занимал такую позицию (Servius Aen. 4.682). По крайней мере эти взгляды позже разделялись в философских кругах стоиков (Champion 2004, 96–97).
 7. Polybius 6.51–52; Champion 2004, 117–121; Eckstein 1989.
 8. Pliny NH 35.23.
 9. Lintott 1972.
 10. Appian CW 1.3.24; Plutarch C.Gracch. 11; Orosius 5.12; Livy Epitome 60. В 111 году был принят аграрный закон, касавшийся и земель в Северной Африке, но запрещавший заселение территории бывшего Карфагена.
 11. Appian CW 1.26.
 12. Plutarch C.Gracch. 17; Clark 2007, 133–134. Это здание долго будет символизировать зыбкость политического единства в Риме. Храм служил удобным идеологическим подспорьем для талантливых политических деятелей вроде Марка Цицерона. В 63 году в роли консула он использовал храм в качестве платформы для судебного преследования тех, кто участвовал в неудавшейся попытке государственного переворота. Цицерон, дистанцируясь от кровавых событий, предшествовавших сооружению храма, акцентировал внимание на том, что его усилия по упрочению согласия в Риме не привели к кровопролитию, — явный намек на путч Оппимия. См.: Clark 2007, 172–176; Cicero Cat. 3.21; Sallust Cat. 9.2. Цицерон также использовал храм и как трибуну для язвительных обвинений Марка Антония в лицемерных заявлениях о согласии после убийства Цезаря (Cicero Phil. 3.31, 5.20).

13. Tertullian *De Pallio*. I.
14. Cicero *Agr.* 1.5. Цинизм манипулирования проклятием подтверждается тем, что Цицерон в других случаях отвергал угрозу религиозной кары (*Agr.* 2.51). Harrison (1984, 96–101) считает, что если даже традиция проклятия действительно существовала, то ее последствия были бы минимальными, как показали решения римского сената в отношении Карфагена. Возрожденный Карфаген — угроза Риму — Cicero *Agr.* 2.33.90.
15. См. в особенности мнение историка Саллюстия (Gaius Sallustianus), *Cat.* 10.1–3, *Jug.* 41.2; Lintott 1972.
16. Wiedemann 1993, 54–56; Sallust *Jug.* 79.1. Более поздний христианский автор Орозий (Orosius 4.23) назвал Карфаген «точильным камнем», необходимым для придания остроты римскому величию.
17. Piccaluga 1981; Freyburger 1986 — о *fides* во времена Августа.
18. Имеется обильная литература о пропаганде и литературной культуре во времена Августа. См.: Kennedy 1992; White 1991; Galinsky 1996, а также сборники статей Woodman & West (eds.) 1984; A. Powell (ed.) 1992.
19. Clark 2007, 59. Атилий также посвятил храм Надежде (*Spes*).
20. Champion 2004, 163–166, 196 — *contra* Walbank (1985, 168–173), который в выстраивании мнений усматривает свидетельство проримской настроенности Полибия.
21. Polybius 36.9.9–11.
22. Livy *Epitome* 18; Eutropius 2.25; Florus 1.18.23–26; Orosius 4.10.1; Dio 11.26; Zonaras 8.15. Главным показателем вымышленности этой истории является то, что она не упоминается Полибием.
23. Diodorus 24.12; Clark 2007, 61–62.
24. Эта история впервые появилась в сочинении римского историка Семпрония Тудитана, писавшего в последние десятилетия II века.
25. Horace *Ode* 3.5.41–52. О пунической угрозе традиционным римским добродетелям см. также у Овидия: Ovid *Fasti* 6.241–246.

26. Ливий, начавший около 29 года писать историю Рима от основания до его собственной эпохи, конечно, не был раболепным поклонником Августа. Однако он признавал, что самопровозглашенный реставратор Римской республики действительно способен вытянуть Рим из нравственного болота, в котором он потонул. О сложном отношении Ливия к Августу: Mineo 2006, 112–117, 134–135.
27. G.Miles 1995, 76–94.
28. Ibid., 78–79.
29. Mineo 2006, 293–335, 102–111. В действительности Ливий связывает начало упадка с тем временем, когда Марцелл наводнил Рим богатствами, награбленными в Сиракузах в 212 году.
30. Борьба за мировое господство — Livy 29.17.6.
31. Ibid. 21.4.9.
32. Ibid. 22.6.11–12.
33. Ibid. 30.30.27. Выражение *fides Punica*, «пуническая верность», впервые появилось в сохранившихся латинских текстах у Саллюстия (Sallust *Jug.* 108.3). Однако, как мы уже видели, пуническое вероломство давно стало общеупотребительным клише в ранней греческой и латинской литературе.
34. Livy 21.6.3–4, 21.19; Mineo 2006, 275.
35. Levene 1993, 43–47. Пример благочестия Ганнибала: Livy 21.21.9. Неблагочестивое нападение Ганнибала на Сагунт: *ibid.* 21.40.11. Поражение Карфагена как божественное возмездие: *ibid.* 30.31.5, 30.42.20–21.
36. Cornelius Nepos *Hann.* 3.4.
37. Gransden 1976, 16. Не случайно в 29 году Август избрал консулом Потития Валерия Мессалу, предположительно послужившего прообразом Потития, главного жреца алтаря Ага Махима (Великого алтаря), которого упоминает Вергилий в изложении эпизода с разбойником-великаном Каком (*Aen.* 8.269, 281). Galinsky 1966, 22 — о том, что спасителем, упоминающимся в «Энеиде», мог быть в равной мере и Геркулес, и Август. Об использовании Вергилием эпизода с Геркулесом и Каком для иллюстрации чудовищности гражданской войны: Morgan 1998, 175–185; Lyne 1987, 28–35.

38. Pliny *NH* 3.136–137.
39. Knapp 1986, 121–122.
40. Horace *Ode* 4.4. Эта ассоциация отчасти возникает в связи с увлечением молодого Августа образом Александра Великого. Он заимствовал не только иконографию Александра, особенно в ранних портретах. Август распорядился забальзамировать тело македонского царя и поместил его изображение на кольцо с печаткой (Suetonius *Aug.* 18.1.50; Zanker 1988, 145).
41. Horace *Ode* 4.4.
42. Appian 8.20.136.
43. Карфагеняне — Harrison 1984, 99. Ветераны — Wightman 1980, 36. О милосердии Цезаря: Clark 2007, 84–85. Храм *Clementia Caesaris*, Милосердию Цезаря, был построен в Риме в 45 году (Galinsky 1996, 82,84).
44. Wightman (1980, 37–38), возможно, преувеличивает успехи в реализации проекта колонии Цезаря.
45. Именно так последующие римские комментаторы расценивали инициативу. См.: Dio 43.50.4–5.
46. Wightman 1980, 38–39.
47. Gros 1990.
48. Rakob 2000.
49. Гадрумет в Африке называли «Concordia Iulia», а Апамею в Вифинии — «Colonia Iulia Concordia» (Clark 2007, 251).
50. Хотя позднеантичный литературный критик Сервий и написал, что «Вергилий имитировал Гомера и восхвалял Августа» (Servius *Aen.* I, проем), отношение Вергилия к режиму, при котором ему довелось жить, было более сложным. Критика представлений о Вергилии как пропагандисте Августа: Thomas 2001, 25–54.
51. Morgan 1998, 181–182.
52. Vergil *Aen.* 1.12–19.
53. Feeney 1991, 131. Пунические войны в «Энеиде» реально не отражены, но косвенные напоминания о них присутствуют. К примеру, перед Энеем в преисподней проходит вереница будущих римских героев — Катон, Сципионы, Фабий Медлитель и Марцелл (Vergil *Aen.* 6.841–859).
54. Vergil *Aen.* 4.96–99.

55. Ibid. 4.259–263.
56. Ibid. 4.230–236. Тевкр, легендарный лучник, сражался бок о бок со своим сводным братом Аяксом в Троянской войне. Асканий, сын Энея, был первым царем Альбы Лонги, поселения — предшественника Рима. Авзония — регион в Южной Италии.
57. Ibid. 4.622–629.
58. Ibid. 12.826–828; Feeney 1991, 146–149.
59. Vergil *Aen.* 1.421–429.
60. Feeney 1991, 101–102; Harrison 1984, 96 — об ошибочности мнений, усматривающих в этом эпизоде описание строительства поселения Августа.
61. Vergil *Aen.* 4.305–310.
62. Starks 1999, 274–276.
63. Ibid. 267–271.
64. KAI 120; Adams 2003, 222; Birley 1988, 9–10. Это обстоятельство отражено и на монетах, чеканившихся в этих городах (Adams 2003, 207–209). Об аналогичной тенденции в нумидийском городе Тугге: Rives 1995.
65. О сильном пуническом влиянии в регионе вокруг Гадеса в I–II веках нашей эры: Fear 1996, 225–250. О Сардинии: Van Dommelen 1998, 174–177. Африка — Millar 1968.
66. О пунийском языке: Jongeling & Kerr, 2005; Adams 2003, 209–230. О суффетах: Lancel 1995, 430–431; Van Dommelen 1998, 174; Birley 1988, 16. Религиозная преемственность — Lancel 1995, 432–436.
67. Van Dommelen 1998. Недавно высказано предположение о том, что Помпоний Мела, автор сочинения *De Chorographia**, географического труда, написанного в первой половине I века, возможно, был испано-пунического происхождения, и его произведение предназначалось для людей, все еще приверженных пунической культуре, и выражало протест против преобладающих греко-римских представлений о строении мира (Batty 2000).
68. О Лептис-Магне: Birley 1988, 8–22.

* «О хорографии» (Описание местностей).

69. Silius Italicus *Pun.* 2.149–270, 4.4.72, 11.136ff., 2.475, 9.287–301; Rawlings 2005, 153–155.
70. Statius *Silv.* 4.6. См. также Martial *Epigr.* 9.43 о Ганнибале и статуэтке.
71. Statius *Silv.* 4.5.45–46.
72. Birley 1988, 89–107.
73. Tzetzes *Chil.* 1.798–805; Birley 1988, 142.
74. R.Miles 2003.
75. «Ганнибалиан 2»: Jones, Martindale & Morris 1971, 407.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bibliography

Abbreviations

- AJP* *American Journal of Philology*
ANRW *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*
AWE *Ancient West and East*
BaBesch *Bulletin antieke Beschaving*
BASOR *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*
CP *Classical Philology*
CQ *Classical Quarterly*
G&R *Greece and Rome*
JHS *Journal of Hellenic Studies*
JRS *Journal of Roman Studies*
MAAR *Memoirs of the American Academy in Rome*
MDAI(R) *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*
 Römische Abteilung
OJA *Oxford Journal of Archaeology*
RSA *Rivista storica dell'antichità*

Ancient texts

- Aelian, *On the Characteristics of Animals*, ed. & tr. A. Scholfield. 3 vols. Cambridge, Mass., 1958–9
- Ammianus Marcellinus, *History*, ed. & tr. J. Rolfe. 3 vols. Cambridge, Mass., 1935–9
- Apollodorus, *The Library*, ed. & tr. J. Frazier. 2 vols. Cambridge, Mass., 1913
- Appian, *Roman History [inc. Civil Wars]*, ed. & tr. H. White. 4 vols. Cambridge, Mass., 1912–13
- Aristophanes, *Acharnians, Knights*, ed. & tr. B. Bickley Rogers. Cambridge, Mass., 1930
- Aristotle, *The Art of Rhetoric*, ed. & tr. J. Freese. Cambridge, Mass., 1947
- *Poetics*, ed. & tr. S. Halliwell. Cambridge, Mass., 1995
- *Politics*, ed. & tr. H. Rackham. Cambridge, Mass., 1932
- Arrian, *The Anabasis of Alexander*, ed. & tr. P. Brunt. 2 vols. Cambridge, Mass., 1976–83
- *Indike*, ed. & French tr. P. Chantraine. Paris, 1927
- Athenaeus, *The Deipnosophists [The Learned Banqueters]*, ed. & tr. S. Olson & C. Gulick. 7 vols. Cambridge, Mass., 1927–41
- Aulus Gellius, *Attic Nights*, ed. & tr. J. Rolfe. 3 vols. Cambridge, Mass., 1961–8
- Aurelius Victor, *De Caesaribus [On the Caesars]*, tr. H. Bird. Liverpool, 1994
- Cicero, *On the Agarian Law against Rullus*, in *Pro Quinctio [etc.]*, ed. & tr. J. Freese. Cambridge, Mass., 1930

Библиография

- *On Behalf of Scaurus*, in *Pro Milone [etc.]*, ed. & tr. N. Watts. Cambridge, Mass., 1992
- *On Catiline*, in *In Catinilam [etc.]*, ed. & tr. L. Lord. Cambridge, Mass., 1937
- *On Divination Book I*, ed. & tr. D. Wardle. Oxford, 2006
- *Letters to Friends*, ed. & tr. D. Shackleton Bailey. 3 vols. Cambridge, Mass., 2001
- *M. Tulli Ciceronis de imperio Cn. Pompei ad Quirites oratio [etc.] [On the Command of Gnaeus Pompey]*, ed. C. Macdonald. London, 1966
- *On the Nature of the Gods*, in *De Natura Deorum [etc.]*, ed. & tr. H. Rackham. Cambridge, Mass., 1933
- *Philippics*, ed. & tr. W. Kerr. Cambridge, Mass., 1969
- *The Republic, Laws*, in *De Re Publica [etc.]*, ed. & tr. C. Keyes. Cambridge, Mass., 1994
- *The Verrine Orations*, ed. & tr. L. Greenwood. 2 vols. Cambridge, Mass., 1928–35
- CIS = *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars Prima Inscriptiones Phoenicias Continens*. Paris, 1881
- Cleitarchus, *Scholia Platonica*, ed. W. Greene. Chicago, 1981
- Clement of Alexandria, *Stromateis [Miscellanies]*, ed. O. Stählin. 2 vols. Leipzig, 1906–9
- Columella, *On Agriculture*, ed. & tr. E. Forster & E. Heffner. 3 vols. Cambridge, Mass., 1941–55
- Cornelius Nepos, *Hamilcar, Hannibal, Timoleon*, in *Lives of Eminent Commanders*, ed. & tr. J. Rolfe. London, 1929
- Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin, 1863–
- Corpus Iuris Civilis*, vol. 1, ed. T. Mommsen & P. Krueger. Berlin, 1954; ed. & tr. A. Watson. 4 vols. Rev. edn. Philadelphia, 2009
- De Viris Illustribus [Deeds of Famous Men]*, ed. & tr. W. Sherwin. Norman, Okla., 1973
- Dio Cassius, *Roman History*, ed. & tr. E. Cary. 9 vols. Cambridge, Mass., 1917–27
- Diodorus Siculus, *The Library of History*, ed. & tr. C. Oldfather et al. 12 vols. Cambridge, Mass., 1960–67

- Diogenes Laertius, *Clitomachus, Herillus*, in *Lives of the Eminent Philosophers*, ed. & tr. H. Hicks. 2 vols. Cambridge, Mass., 1925
- Dionysius of Halicarnassus, *The Roman Antiquities*, ed. & tr. E. Cary. 7 vols. Cambridge, Mass., 1948–50
- Epitome of the Philippic History of Pompeius Tragus*, ed. & tr. J. Yardley & R. Develin. Atlanta, Ga., 1994
- Eusebius of Caesarea, *Evangelica Praeparatio [Preparation for the Gospel]*, ed. H. Gifford. Oxford, 1903
- Eutropius ('Eutrope'), *Abrégé d'histoire romaine [An Abridged History of Rome]*, ed. & French tr. J. Hellegouarch. Paris, 1999
- Fabius Pictor, *Fragments*, in H. Beck (ed.), *Die frühen römischen Historiker. Band I: Von Fabius Pictor bis Cn. Gellius*. Darmstadt, 2001. 55–136
- Festus Rufus Avienus, *Ora Maritima or Description of the Seacoast*, ed. & tr. J. Murphy. Chicago, 1999
- FGH = E Jacoby et al. (eds.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Leiden/Berlin, 1923–
- Florus, *Epitome of Roman History*, ed. & tr. E. Forster. Cambridge, Mass., 1984
- Frontinus, *Stratagems, Aqueducts*, ed. & tr. C. Bennett. Cambridge, Mass., 1925
- Hanno the Carthaginian, *Periplus or Circumnavigation [of Africa]*, ed. & tr. A. Oikonomides & M. Miller. Chicago, 1995
- Herodotus, *The Persian Wars*, ed. & tr. A. Godley. 4 vols. Cambridge, Mass., 1920–25
- Hesiod, *Theogony*, ed. & tr. G. Most. Cambridge, Mass., 2007
- Homer, *Iliad*, ed. & tr. A. Murray & W. Wyatt. 2 vols. Cambridge, Mass., 1999
- *Odyssey*, ed. & tr. A. Murray. 2 vols. Cambridge, Mass., 1984
- Horace, *The Complete Odes and Epodes*, tr. D. West. Oxford, 2000
- Iamblichus, *On the Pythagorean Life*, tr. G. Clark. Liverpool, 1989
- ILLRP = *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae*, ed. H. Degraasi. 2 vols. Florence, 1957–63
- Isocrates, *To Nicocles*, ed. & tr. S. Usher. Warminster, 1990
- Josephus, *Jewish Antiquities*, ed. & tr. H. Thackeray et al. 13 vols. Cambridge, Mass., 1930–65

Библиография

- Justin, *Apologies*, ed. A. Blunt. Cambridge, 1911
- Justinian, *Digest*, ed. T. Mommsen, tr. A. Watson. Philadelphia, 1985
- KAI = H. Donner & W. Röllig (eds.), *Kanaanäische und aramäische Inschriften*, 3rd edn, 3 vols. Wiesbaden, 1964
- Lactantius, *Divine Institutes*, ed. & tr. A. Bowen & P. Garnsey. Liverpool, 2003
- Livy, *History of Rome [inc. Epitome]*, ed. & tr. B. Foster et al. 14 vols. Cambridge, Mass., 1961–7
- Lydus, Ioannes Laurentius (John Lydus), *Liber de Mensibus [On the Months]*, ed. R. Wuensch. Leipzig, 1898
- Lysias, *Olympiacus*, ed. & tr. W. Lamb. Cambridge, Mass., 2000
- Macrobius, *The Saturnalia*, ed. & tr. P. Davies. New York, 1969
- Martial, *Epigrams*, ed. & tr. D. Shackleton Bailey. 3 vols. Cambridge, Mass., 1993
- Naevius, *Belli Punici Carminis Quae Supersunt [The Punic War]*, ed. W. Strzelecki. Leipzig, 1964
- Nonnus, *Dionysiaca*, ed. & tr. W. Rouse. 3 vols. Cambridge, Mass., 1940
- Onasander, *The General*, ed. & tr. Illinois Greek Club. Cambridge, Mass., 1923
- Oratorum Romanorum Fragmenta Liberae Rei Publicae*, ed. H. Malcovati. Paravia, 1955
- Orosius ('Paul Orose'), *Histoires contre les païens [History against the Pagans]*, ed. & French tr. M.-P. Arnaud-Lindet. 3 vols. Paris, 1990–91
- Ovid, *Fasti [The Festivals]*, ed. & tr. J. Frazer. Cambridge, Mass., 1931
- Pausanias, *Description of Greece*, ed. & tr. W. Jones & R. Wycherley. 5 vols. Cambridge, Mass., 1918–35
- PCG = *Poetae Comici Graeci*, ed. M. Kassel & C. Austin. Berlin, 1983–
- Philostratus, *The Life of Apollonius of Tyana*, ed. & tr. C. Jones. 2 vols. Cambridge, Mass., 2005
- Pindar, *Nemean Odes, Isthmian Odes, Fragments*, ed. & tr. W. Race. Cambridge, Mass., 1997

- *Olympian Odes, Pythian Odes*, ed. & tr. W. Race. Cambridge, Mass., 1997
- Plato, *Euthyphro, Apology, Crito, Phaedo, Phaedrus*, ed. & tr. H. North Fowler. Cambridge, Mass., 1914
- *Laws*, ed. & tr. R. Bury. 2 vols. Cambridge, Mass., 4th repr. 1967–8
- *Minos*, in *Charmides [etc.]*, ed. & tr. W. Lamb. Cambridge, Mass., 1927
- Plautus, *Mostellaria [The Haunted House]*, in *The Merchant [etc.]*, ed. & tr. P. Nixon. Cambridge, Mass., 1924
- *Poenulus* in *The Little Carthaginian [etc.]*, ed. & tr. P. Nixon. Cambridge, Mass., 1932
- Pliny, *Natural History*, ed. & tr. H. Rackham, W. Jones & D. Eichholz. 10 vols. Cambridge, Mass., 1962–7
- Plutarch, *De Herodoti malignitate [On the Malice of Herodotus]*, ed. W. Goodwin. Boston, 1878
- *Moralia*, ed. & tr. E. Babitt et al. 15 vols. Cambridge, Mass., 1927–69
- *Parallel Lives*, ed. & tr. B. Perrin. II vols. (*Camillus, Cato Major, Lucullus, Themistocles* — vol. 2. *Fabius Maximus, Pericles* — vol. 3. *Marcellus, Pompey* — vol. 5. *Timoleon* — vol. 6. *Alexander* — vol. 7. *Marius, Pyrrhus* — vol. 9. *Gaius Gracchus, Flaminius* — vol. 10.) Cambridge, Mass., 1914–26
- Polyaenus, *Stratagems of War*, in E. Woelfflin (ed.), *Polyaeni Strategematon Libri Octo*. Leipzig, 1887; tr. P. Krentz & E. Wheeler. Chicago, 1994
- Polybius, *The Histories*, ed. & tr. W. Paton. 6 vols. Cambridge, Mass., 1922–7
- Pomponius Mela, *De Chorographia [Description of the World]*, tr. F. Romer. Ann Arbor, 1998
- Porphry, *On Abstinence from Killing Animals*, ed. J. Bouffartigue, M. Patillon & A.-P. Segonds. 3 vols. Paris, 1979–95; tr. G. Clark. Ithaca, NY, 2000
- Pseudo-Aristotle, *Mirabiles Auscultationes*, in A. Westermann (ed.), *Paradoxographoi. Scriptures rerum Mirabilium Graeci*. Amsterdam, 1963

Библиография

- Pseudo-Scylax, *Periplus*, in J. Hudson & J. Gail (eds.), *Geographi Graeci Minores*. Paris, 1831
- Quintilian, *The Orator's Education*, ed. & tr. D. Russell. 5 vols. Cambridge, Mass., 2001
- Quintus Curtius Rufus, *History of Alexander the Great*, ed. & tr. J. Rolfe. 2 vols. Cambridge, Mass., 1946
- Rhetorica ad Herennium*, in (formerly attrib. Cicero) *Ad C. Herennium [etc.]*, ed. & tr. H. Caplan. Cambridge, Mass., 1954
- Sallust, *War with Catiline, War with Jugurtha, Selections from the Histories*, ed. & tr. J. Rolfe. Cambridge, Mass., 1931
- Sempronius Tuditanus, *Historicorum Romanorum Reliquiae*, ed. H. Peter. Leipzig, 1906, 1914. 143–7
- Servius, *Commentary on Book Four of Virgil's Aeneid*, ed. & tr. C. McDonough, R. Prior & M. Stansbury, Wauconda, Ill., 2004
- Silenus, in K. Müller (ed.), *Fragmenta Historicorum Graecorum*, vol. 3. Paris, 1849. 100–101
- Silius Italicus, *Punica*, ed. & tr. J. Duff. 2 vols. Cambridge, Mass., 1934
- Solinus, *Collectanea Rerum Memorabilium*, ed. T. Mommsen. Berlin, 1864
- Statius, *Silvae*, ed. & tr. D. Shackleton Bailey. Cambridge, Mass., 2003
- Stesichorus, *Geryoneis*, in *Greek Lyric*, vol. 3, ed. & tr. D. Campbell. Cambridge, Mass., 1991
- Strabo, *Geography*, ed. & tr. H. Jones. 8 vols. Cambridge, Mass., 1917–67
- Suetonius, *Augustus, Tiberius*, in Suetonius, *Lives of the Caesars*, vol. I, ed. & tr. J. Rolfe. Cambridge, Mass., 1914
- Tertullian, *De Pallio*, in *Opera*, pt 4, ed. V. Bulhart & P. Borleffs. Vienna, 1957
- Theophrastus, in *Theophrastus of Eresus: Sources for his Life, Writings, Thought and Influence*, ed. W. Fortenbaugh et al. 2 vols. Leiden, 1992
- Thucydides, *History of the Peloponnesian War*, ed. & tr. C. Smith. 4 vols. Cambridge, Mass., 1919–23

- Tzetzes, *Chiliades*, ed. T. Pressel. Tübingen, 1851
- Valerius Maximus ('Valère Maxime'), *Faits et dits mémorables [Memorable Deeds and Sayings]*, ed. & French tr. R. Combès. 2 vols. Paris, 1995–7
- Varro, *On Agriculture*, ed. & tr. W. Hooper & H. Ash. Cambridge, Mass., 1934
- *On the Latin Language*, ed. & tr. R. Kent. Cambridge, Mass., 1938
- Vegetius, *Preface in Vegetius: Epitome of Military Science*, tr. N. Milner. 2nd edn. Liverpool, 1996
- Velleius Paterculus, *Compendium of Roman History*, ed. & tr. F. Shipley. Cambridge, Mass., 1924
- Vergil, *Aeneid*, ed. & tr. H. Rushton Fairclough. 2 vols. Cambridge, Mass., 1916–18
- Vitruvius, *On Architecture*, ed. & tr. F. Granger. 2 vols. Cambridge, Mass., 1931–4
- Zonaras, *Epitome of History*, ed. L. Dindorf. Leipzig, 1868–75; tr. T. Banchich & E. Lane. London, 2009

Modern studies

- Abulafia, D. 2005 'Mediterraneans', in Harris (ed.) 2005, 64–93
- Acquare, E. 1983–4 'Su i "ritratti barcidi" delle monete puniche', *Ritratti storici dell'antichità*, 13–14: 83–6
- 1984 *Arte e cultura punica in Sardegna*. Sassari
- 1988 *Gli insediamenti fenici e punici in Italia*. Rome
- 1989 'Les émissions du "soulèvement libyen": types, ethnies et rôles politiques', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 137–44
- Acquaro, E., Manfredi, L., & Cutroni Tusa, A. 1991 *Le monete puniche in Italia*. Rome
- Acquaro, E., et al. (eds.) 1969 *Ricerche puniche ad Antas*. Rome
- 1991 *Atti del II Congresso internazionale di studi fenici e punici: Roma, 9–14 novembre 1997*. Rome
- Adams, J. 2003 *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge

Библиография

- Adcock, F. 1946 'Delenda est Carthago', *Cambridge Historical Journal*, 8: 117–28
- Africa, W. 1970 'The One-Eyed Man against Rome: An Exercise in Euhemerism', *Historia*, 19: 528–38
- Alexandropoulos, J. 1992 'Contributions à la définition des domaines monétaires numides et maurétaniens', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 133–48
- Amadasi Guzzo, M. 1969 'Note sul dio Sid', in Acquaro et al. (eds.) 1969, 95–104
- 1988 'Dédicaces de femmes à Carthage', in Lipiński (ed.) 1988, 143–9
- 1991 "'The Shadow Line". Reflexions sur l'introduction de l'alphabet en Grèce', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 293–311
- 1993 'Divinità fenicie a Tas-Silg, Malta, I dati epigrafici', *Journal of Mediterranean Studies*, 3: 205–14
- 1995 'Mondes Étrusque et Italique', in Krings (ed.) 1995, 663–73
- 2005a 'Cultes et épithètes de Milqart', *Transeuphratène*, 30: 9–18
- 2005b 'Melqart nelle iscrizioni fenicie d'occidente', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 45–52
- Ameling, W. 1993 *Karthago. Studien zu Militär, Staat und Gesellschaft*. Munich
- Anello, P. 1986 'Il trattato del 405/4 a.C. e la formazione della "eparchia" punica di Sicilia', *Kokalos*, 32: 115–79
- Arnott, W. 1996 *Alexis: The Fragments: A Commentary*. Cambridge
- Asheri, D. 1988 'Carthaginians and Greeks', in Boardman et al. (eds.) 1988 *The Cambridge Ancient History*, vol. 4: *Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.* Cambridge. 738–80
- Astin, A. 1967 *Scipio Aemilianus*. Oxford
- 1978 *Caio the Censor*. Oxford
- Aubet, M. 2001 *The Phoenicians and the West: Politics, Colonies and Trade*. 2nd edn, tr. M. Turton. Cambridge
- 2002a 'Notes on the Economy of the Phoenician Settlements in Southern Spain', in Bierling & Gitin 2002, 79–98

- 2002b 'The Phoenician Impact on Tartessos: Spheres of Interaction', in Bierling & Gitin 2002, 225–40
- 2006 'On the Organization of the Phoenician Colonial System in Iberia', in Riva & Velia 2006, 94–109
- Badián, E. 1958 *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford
- Bagnali, N. 1999 *The Punic Wars: Rome, Carthage and the Struggle for the Mediterranean*. London
- Baldus, H. 1982 'Unerkannte Reflexe der römischen Nordafrika-Expedition von 256/5 v. Chr. in der karthagischen Münzprägung', *Chiron*, 12: 163 ff.
- 1988 'Zwei Deutungsvorschläge zur punischen Goldprägung im mittleren 3. Jh. v. Chr.', *Chiron*, 18: 181–8
- Balmuth, M., & Tykot, R. (eds.) 1998 *Sardinian and Aegean Chronology: Towards the Resolution of Relative and Absolute Dating in the Mediterranean*. Oxford
- Barceló, P. 1988 *Karthago und die Iberische Halbinsel vor den Barkiden*. Bonn
- 1991 'Mercenarios hispanos en los ejércitos cartagineses en Sicilia', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 21–6
- Barnett, R., & Méndleson, C. (eds.) 1987 *Tharros: A Catalogue of Material in the British Museum from Phoenician and other Tombs at Tharros, Sardinia*. London
- Baronowski, D. 1995 'Polybius on the Causes of the Third Punic War', *CP*, 90, 1: 16–31
- Barr, J. 1974 'Philo of Bylos and his "Phoenician History"', *Bulletin of the John Rylands University Library*, 57: 17–68
- Barré, M. 1983 *The God List in the Treaty between Hannibal and Philip V of Macedonia: A Study in Light of the Ancient Near Eastern Treaty Tradition*. Baltimore
- Barreca, F. 1969 'Lo scavi del tempio', in Acquaro et al. (eds.) 1969, 9–46
- 1979 *La Sardegna fenicia e punica*. Sassari
- 1985 'Il giuramento di Annibale. Considerazioni storico-religiose', in G. Sotgiu (ed.) 1985 *Studi in onore di Giovanni Lilliu per il suo settantesimo compleanno*. Cagliari. 72–81

- 1986 *La civiltà fenicia-punica in Sardegna*. Sassari
- 1987 'The City and the Site of Tharros', in Barnett & Mendleson (eds.) 1987. 25–6
- Barruol, G. 1976 'La résistance des substrats préromains en Gaule méridionale', in *Editura academiei Române Les Belles Lettres*. Bucharest. 389–405
- Bartoloni, P., et al. (eds.) 1983 *Atti del I Congresso internazionale di studi fenici e punici: Roma, 5–10 novembre 1979*. 3 vols. Rome
- Basch, L. 1969 'Phoenician Oared Ships', *Mariner's Mirror*, 55: 139–62, 227–45
- 1977 'Trières grecques, phéniciennes et égyptiennes', *JHS*, 97: 1–10
- 1980 'Outriggers and Galleys', *Mariner's Mirror*, 66, 4: 359–66
- Basiez, M. R., & Briquel Chatonnet, F. 1991 'De l'oral à l'écrit: le bilinguisme des Phéniciens en Grèce', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 371–386
- Batty, R. 2000 'Mela's Phoenician Geography', *JRS*, 90: 70–94
- Baurain, C. 1988 'Le Rôle de Chypre dans la fondation de Carthage', in Lipiński (ed.) 1988, 15–28
- Baurain, C, Bonnet, C, & Krings, V. (eds.) 1991 *Phoinikeia Grammata: Lire et écrire en Méditerranée*. Leuven
- Bayet, J. 1926 *Les origines de l'Hercule romain*. Paris
- Bearzot, C. 2002 'Filisto di Siracusa', in Vattuone (ed.) 2002, 91–136
- Bechtold, B. 2007 'Nuovi dati basati sulla distribuzione di ceramiche campane e nordafricane/cartaginesi', *BaBesch*, 82, 1: 51–76
- 2008 *Observations on the Amphora Repertoire of Middle Punic Carthage*. Ghent
- Bellen, H. 1985 *Metus Gallicus, metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republik*. Mainz
- Bello Jiménez, V. 2005 *Allende las columnas: la presencia cartaginesa en el Atlántico entre los siglos VI y III a.C.* Las Palmas
- Benichou-Safar, H. 1982 *Les tombes puniques de Carthage: topographie, structures, inscriptions et rites funéraires*. Paris

- 2004 *Le tophet de Salammbô à Carthage: essai de reconstitution*. Rome Bernal, M. 1987 *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*, vol. 1. Piscataway
- 1990 *Cadmean Letters: The Transmission of the Alphabet to the Aegean and Further West before 1400 B.C.* Grand Rapids
- Bernardini, P. 1993 'La Sardegna e i fenici. Appunti sulla colonizzazione', *Rivista di studi fenici*, 21: 29–81
- 2005 'Melqart di Sardò', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 125–43
- Bernardini, P., & Zucca, R. (eds.) 2005 *Il Mediterraneo di Herakles. Studi e ricerche*. Rome
- Berthier, A., & Chartier, R. 1952–5 *Le Sanctuaire punique d'El Hofra à Constantine*. 2 vols. Paris
- Bickerman, E. 1944 'An Oath of Hannibal', *Transactions of the American Philological Association*, 75: 87–102; repr. in Bickerman 1985, 257–72
- 1952a 'Origines gentium', *CP*, 47: 65–81, 375–97
- 1952b 'Hannibal's Covenant', *AJP*, 73: 1–23
- 1985 *Religions and Politics in the Hellenistic and Roman Periods*. Como
- Bierling, M., & Gitin, S. (eds.) 2002 *The Phoenicians in Spain: An Archaeological Review of the Eighth-Sixth Centuries B.C.E.* Winona Lake
- Bikai, P. 1978 *The Pottery of Tyre*. Warminster
- Birley, A. 1988 *Septimius Severus: The African Emperor*. 2nd edn. London
- Bisi, A. M. 1988 'Chypre et les premiers temps de Carthage', in Lipiński (ed.) 1988, 29–42
- 1991 'Les plus anciens objets inscrits en phénicien et en araméen retrouvés en Grèce: le typologie et leur rôle', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 277–82
- Blázquez Martínez, J. 1976 'Consideraciones historicas en torno a los supuestos retratos bárquidas en las monedas cartaginesas', *Numismatica*, 26: 138–43

- Blázquez Martínez, J., & García-Gelabert Pérez, G. 1991 'Los Bàrquidas en la Península Iberica', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 27–50
- Bloch, R. 1975 'Hannibal et les dieux de Rome', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 119: 14–25
- 1983 'L'alliance étrusco-punique de Pyrgi et la politique religieuse de la république romaine à l'égard de l'Etrurie et de Carthage', in Bartoloni et al. (eds.) 1983, 2: 397–400
- Blomqvist, J. 1979 *The Date and Origin of the Greek Version of Hanno's Periplus*. Lund
- Boardman, J. 1980, *The Greeks Overseas*. 3rd edn. London
- 2002 'Al Mina: The Study of a Site', *AWE*, 1, 2: 315–33
- 2004 'Copies of Pottery: By and For Whom?', in Lomas (ed.) 2004, 149–62
- 2005 'Al Mina: Notes and Queries', *AWE*, 4, 2: 278–91
- 2006 'Early Euboean Settlements in the Carthage Area', *OJA*, 25, 2: 195–200
- Bondì, S. F. 1995a 'Les Institutions, l'organisation politique et administrative', in Krings (ed.) 1995, 290–302
- 1995b 'La Société', in Krings (ed.) 1995, 345–53
- 1999 'Carthage, Italy and the Vth Century Problem', in Pisano (ed.) 1999, 39–48
- Bonnet, C. 1986 'Le culte de Melqart à Carthage. Un cas de conservatisme religieux', in Bonnet, Lipiński & Marchetti (eds.) 1986, 209–22
- 1988 *Melqart: cultes et mythes de l'Héracles tyrien en Méditerranée*. Leuven
- 2005 'Melqart in occidente: percorsi di appropriazione e di culturazione', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 17–28
- Bonnet, C, Lipiński, E., & Marchetti, P. (eds.) 1986 *Religio Phoenicia*. Namur
- Bonzani, R. M. 1992 'Territorial Boundaries, Buffer Zones and Sociopolitical Complexity: A Case Study of the Nuraghi on Sardinia', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 210–20
- Bordreuil, P., & Ferjaoui, A. 1988 'A propos des "fils de Tyr" et des "fils de Carthage"', in Lipiński (ed.) 1988, 137–42

- Bradley, G. 2005 'The Cult of Hercules in Central Italy', in Rawlings & Bowden (eds.) 2005, 129–51
- Braun, T. 2004 'Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean', in Lomas (ed.) 2004, 287–347
- Brecht, B. 1951 Letter eventually published in *Offener Brief an die deutschen Künstler und Schriftsteller*. Frankfurt, 1997
- Breglia Pulci Doria, L. 2005 'La Sardegna arcaica e la presenza greca: nuove riflessioni sulla tradizione letteraria', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 61–86
- Briese, C, & Docter, R. 1992 'Der phönizische Skyphos: Adaption einer griechischen Trinkschale', *Madridrer Mitteilungen*, 33: 25–69
- Briquel, D. 2000 'La propagande d'Hannibal au début de la deuxième guerre punique: remarques sur les fragments de Silènos de Kalèaktè', in *Actas del IV Congreso Internacional de Estudios Fenicios y Púnicos, Cádiz, 2 al 6 de octubre de 1995*, vol. 1. Cadiz. 123–7
- 2003 'Hannibal sur les pas d'Herakles: le voyage mythologique et son utilisation dans l'histoire', in H. Duchene (ed.) 2003 *Voyageurs et antiquité classique*. Dijon. 51–60
- 2004 'Sur un fragment de Silènos de Kalèaktè (le songe d'Hannibal, F Gr Hist 175, F 8). Á propos d'un article récent', *Ktêma*, 29: 145–57
- Brixhe, C. 1991 'De la phonologie à l'écriture: quelques aspects de l'adaptation de l'alphabet cananéen au grec', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 313–56
- Brizzi, G. 1983 'Ancora su Annibale e l'Ellenismo: la fondazione di Artaxata l'iscrizione di Era Lacinia', in Bartoloni et al. (eds.) 1983, 1: 243–51
- 1984a *Annibale, strategia e immagine*. Perugia. 1984
- 1984b *Studi di storia annibalica*. Faenza
- 1991 'Gli studi annibalici', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 59–65
- 1995 'L'Armée et la guerre', in Krings (ed.) 1995, 303–15
- 2000 *Annibale*. Rome
- Broughton, T. 1951–6 *The Magistrates of the Roman Republic*. 2 vols. New York

- Brunt, P. 1971 *Italian Manpower 225 BC-AD 14*. Oxford
- Bunnens, G. 1979 *L'expansion phénicienne en Méditerranée*. Brussels
- 1986 'Aspects religieux de l'expansion phénicienne', in Bonnet, Lipiński & Marchetti (eds.) 1986, 119–25
- Burkert, W. 1992 *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*, tr. M. Pinder & W. Burkert. Cambridge, Mass.
- Byron, George Gordon, Lord 1988 *Don Juan*, ed. T. Steffan. London
- Camps, G. 1979 'Les Numides et la civilisation punique', *Antiquités Africaines*, 14: 43–53
- Campus, A. 2001 'Considerazioni su Melqart, Annibale e la Sardegna', *La Parola del passato: rivista di studi antichi*, 56: 419–435
- 2003a 'Silio Italico, Punica, II, 391–456: Lo scudo di Annibale', in *Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti Classe di scienze morali storiche e filologiche*. Rome
- 2003 b 'Annibale ed Hera Lacinia', *La Parola del passato: rivista di studi antichi*, 58: 292–308
- 2005 'Herakles, Alessandro, Annibale', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 200–221
- 2006 'Circolazione di modelli e di artigiani in età punica', *Africa Romana*, 16, 1: 185–96
- Capomacchia, A. 1991 'L'avidità dei Fenici', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 266–9
- 1995 'Le anfore di Hannibal', in *Actes du troisième congrès international des études phéniciennes et puniques, Tunis 11–16 Novembre 1991*. Tunis. 249–53
- 2000 'Hannibal e il prodigio', in *Actas del IV Congreso Internacional de Estudios Fenicios y Púnicos, Cádiz, 2 al 6 de octubre de 1995*, vol. 2. Cadiz. 569–71
- Carradice, I. A., & La Niece, S. 1988 'The Libyan War and Coinage: A New Hoard and the Evidence of Metal Analysis', *Numismatic Chronicle*, 148: 33–51
- Caruso, E. 2003 'Lilibeo-Marsala: le fortificazioni puniche e medievali', in *Atti di Quartet Giornate Internazionale di Studi sull'area Elima*. Pisa. 173–226

- Casquero, M. 2002 'El exótico culto a Hércules en el Ara Máxima', in *La Revista de Estudios Latinos*, 2: 65–106
- Casson, L. 1971 *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton
- Chadwick, J. 1976 *The Mycenaean World*. Cambridge
- Champion, C. 2004 *Cultural Politics in Polybius' Histories*. Berkeley
- Charles, M., & Rhodan, P. 2007 'Magister Elephantorum: A Reappraisal of Hannibal's Use of Elephants', *Classical World*, 100, 4: 363–89
- Chávez Tristan, F., & Ceballos, M. 1992 'L'influence phénico punique sur l'iconographie des frappes locales de la Péninsule Ibérique', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 167–94
- Chelbi, F. 1992. *Céramique à vernis noir de Carthage*. Tunis
- Cipriani, G. 1984 *L'epifania di Annibale. Saggio introduttivo a Livio Annales, XXI*. Bari
- 1986 'Plutarco, Annibale e lo statuto del comandante guercio e fraudolento', in *Annali della facoltà di lettere e filosofia*, 29: 19–38
- Clark, A. 2007 *Divine Qualities: Cult and Community in Republican Rome*. Oxford
- Clifford, R. 1990 'Phoenician Religion', *BASOR*, 279: 55–64
- Coarelli, F. 1988 *Il foro Boario dalle origini alla fine della Repubblica*. Rome
- Coldstream, J. 1982 'Greeks and Phoenicians in the Aegean', in Niemeyer (ed.) 1982, 261–72
- 2003 *Geometric Greece*, 2nd edn. London
- Coldstream, J., & Bikai, P. 1988 'Early Greek Pottery in Tyre and Cyprus: Some Preliminary Comparisons', *Report of the Department of Antiquities of Cyprus*, 1988/2: 35–44
- Colonna, G. 1987 'Etruria e Lazio nell'età dei Tarquinia, in M. Cristofani (ed.) 1987 *Etruria e Lazio Arcaico*. Rome. 55–66
- 1989–90 'Le iscrizioni votive etniche', *Scienze dell'antichità*, 3–4: 875–903
- Cornell, T. 1995 *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars, c. 1000–264 BC*. London

Библиография

- 1996 'Hannibal's Legacy: The Effects of the Hannibalic War on Italy', in Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 97–117
- Cornell, T., Rankov, B., & Sabin, P. (eds.) 1996 *The Second Punic War: A Reappraisal*. London
- Crawford, M. 1985 *Coinage and Money under the Roman Republic: Italy and the Mediterranean Economy*. London
- 1993 *The Roman Republic*. 2nd edn. Cambridge, Mass.
- Cristofani, M. 1979 'Recent Advances in Etruscan Epigraphy and Language', in D. Ridgway & F. Ridgway (eds.) 1979 *Italy before the Romans*. London. 373–412
- Cross, E 1972a 'The Stele Dedicated to Melcarth by Ben-Hadad', *BASOR*, 205: 36–42
- 1972b 'An Interpretation of the Nora Stone', *BASOR*, 208: 13–19
- 1980 'Newly Found Inscriptions in Old Canaanite and Early Phoenician Scripts', *BASOR*, 238: 1–20
- 1987 'The Oldest Phoenician Inscription from Sardinia: The Fragmentary Stele from Nora', in D. Golomb (ed.) 1987 *Semitic and Egyptian Studies Presented to Thomas O. Lambdin*. Winona Lake. 65–74
- Cullingford, E. 1996 'British Romans and Irish Carthaginians: Anti-colonial Metaphor in Heaney, Friel, and McGuinness', *Proceedings of the Modern Languages Association of America*, 111, 2: 222–39
- Cutroni Tusa, A. 1993 *La circolazione in Sicilia*. Naples
- D'Arco, I. 2002 'Il sogno premonitore de Annibale e il pericolo dell'Alpi', *Quaderni di storia*, 55: 147–62
- Dahmen, K. 2007 *The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins*. London
- Daly, G. 2002 *Cannae: The Experience of Battle in the Second Punic War*. London
- David, J. 1996 *The Roman Conquest of Italy*. Oxford
- De Angelis, E 2003 *Megara Hyblaia and Selinous: The Development of Two Greek City-States in Archaic Sicily*. Oxford
- De Angelis, F., & Garstad, B. 2006 'Euhemerus in Context', *Classical Antiquity*, 25: 211–42

- De Beer, G. 1969 *Hannibal: The Struggle for Power in the Mediterranean*. London
- Debergh, J. 1973, 'La libation à caractère funéraire à carthage: état de la question et direction de la recherche', *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 51: 241–2
- Demerliac, J.-G., & Meirat, J. 1983 *Hannon et l'Empire Punique*. Paris
- Dench, E. 2003 'Beyond Greeks and Barbarians: Italy and Sicily in the Hellenistic Age', in A. Erskine (ed.) 2003 *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford. 294–309
- Desanges, J. 1978 *Recherches sur l'activité des Méditerranéens aux confins de l'Afrique*. Rome
- Devijver, H., & Lipiński, E. (eds.) 1989 *Punic Wars*, Leuven
- Devillers, O., & Krings, V. 1994 'Autour de l'agronome Magon', *Africa Romana*, 11: 489–516
- Di Mario, F. 2005 *Ardea, il deposito votivo di Casarinaccio*. Rome
- Di Stefano, C. 1982–3 'I Cartaginesi in Sicilia all'epoca dei due Dionisi. Lilibeo', *Kokalos*, 28–9: 156–65
- 1993 *Lilibeo punica*. Marsala
- Di Stefano, C., et al. 1998 *Palermo punica*. Palermo
- Di Vita, A. 1969 'Le date di fondazione di Leptis e di Sabratha sulla base dell'indagine archeologica e l'eparchia cartaginese d'Africa', in J. Bibauw (ed.) 1969 *Hommages à Marcel Renard*, vol. 3. Brussels. 196–202
- 1976: 'Il mausoleo punico-ellenistico B di Sabratha', *MDAI(R)*, 83, 1: 273–85
- Diana, B. 1987 Annibale e il passaggio degli Appennini', *Aevum*, 61: 108–12
- Dies Cusi, E. 1995 'Architecture funéraire', in Krings (ed.) 1995, 411–25
- Dion, R. 1962 'La voie héracléenne et l'itinéraire transalpin d'Hannibal', in *Mélanges à A. Grenier*. Brussels. 527–43
- 1977 *Aspects politiques de la géographie antique*. Paris
- Docter, R. 2000a 'East Greek Fine Wares and Transport Amphorae of the 8th–5th Century B.C. from Carthage and Toscanos', in

- P. Cabrera Bonet & M. Santos Retolaza (eds.) 2000 *Ceràmiques jonies d'època arcaica: centres de producció i comercialització al Mediterrani occidental. Actes de la Taula Rodona celebrada a Empúries, els dies 26 al 28 de maig de 1999*. Barcelona. 63–88
- 2000b 'Carthage and the Tyrrhenian in the 8th and 7th Centuries B.C. Central Italian Transport Amphorae and Fine Wares Found under the Decumanus Maximus', in M. Aubet & M. Barthélémy (eds.) 2000 *Actas del IV Congreso Internacional de Estudios Venidos y Púnicos, Cádiz, 2 al 6 de octubre de 1995*, vol. 1. Cadiz. 329–38
- Docter, R. et al. 2003 'Carthage Bir Massouda: Preliminary Report on the First Bilateral Excavations of Ghent University and the Institut National du Patrimoine (2002–2003)', *BaBesch*, 78: 43–70
- 2006 'Carthage Bir Massouda: Second Preliminary Report on the Bilateral Excavations of Ghent University and the Institut National du Patrimoine (2003–2004)', *BaBesch*, 81: 37–89
- Domínguez, A. 2002 'Greeks in Iberia: Colonialism without Colonization', in Lyons & Papadopoulos (eds.) 2002, 65–95
- Dorey, T., & Dudley, D. 1971 *Rome against Carthage*. London
- D'Oriano, R., & Oggiano, I. 2005 'Iolao ecista di Olbia: le evidenze archeologiche tra VIII e VI secolo a.C.', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 169–98
- Drews, R. 1979 'Phoenicians, Carthage and the Spartan Eunomia', *AJP*, 100: 45–58
- Dubuisson, M. 1983 'L'image du carthaginois dans la littérature latine', in E. Gubel, E. Lipiński & B. Servais-Soyez (eds.) 1983 *Redt Tyrus = Sauvons Tyr. Histoire Phénicienne = Fenicische Geschiedenis*. Leuven. 159–67
- Dumézil, G. 1970 *Archaic Roman Religion*. Chicago
- Dussaud, R. 1935 'La notion d'âme chez les israélites et les phéniciens', *Syria*, 16: 267–77
- Eckstein, A. M. 1987 *Senate and General: Individual Decision-Making and Roman Foreign Relations 264–194 B.C.* Berkeley
- 1989 'Hannibal at New Carthage: Polybius 3.15 and the Power of Irrationality', *CP*, 84: 1–15

- 2006 *Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome*. Berkeley
- Einarson, B. 1967 'Notes on the Development of the Greek Alphabet', CP, 62, 1: 1–24
- Edwards, M. 1991 'Philo or Sanchuniathon? A Phoenician Cosmogony', CQ, 41, 1: 213–20
- Errington, R. 1970 'Rome and Spain before the Second Punic War', Latomus, 29, 1: 25–57
- 1971 *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. London
- Erskine, A. 1993 'Hannibal and the Freedom of the Italians', Hermes, 121: 58–62
- Fabre, P. 1981 *Les Grecs et la connaissance de l'Occident*. Lille
- Falsone, G. 1995 'Sicile', in Krings (ed.) 1995, 674–97
- Fantar, M. 1969 'Les Inscriptiones', in Acquaro et al. (eds.) 1969, 47–93
- 1979 *Eschatologie phénicienne punique*. Tunis
- 1984 'A Gammarth avant la conquête romaine', *Histoire et archéologie de L'Afrique du Nord (Actes 1 Colloque I International Perpignan 1981)*. Paris. 3–19
- 1998 'De l'agriculture à Carthage', *Africa Romana*, 12: 113–21
- Fariselli, A. 1999 'The Impact of Military Preparations on the Economy of the Carthaginian State', in Pisano (ed.) 1999, 59–68
- Fear, A. 1996 *Rome and Baetica: Urbanization in Southern Spain c. 50 BC-AD 150*. Oxford
- Feeney, D. 1991 *The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford
- 2007 *Caesar's Calendar: Ancient Time and the Beginnings of History*. Berkeley
- Fentress, E., & Docter, R. 2008 'North Africa: Rural Settlement and Agricultural Production', in P. Van Dommelen & C. Gómez Bellard (eds.) 2008 *Rural Landscapes of the Punic World*. London, 101–28
- Ferron, J. J. 1966 'Les relations de Carthage avec l'Etrurie', Latomus, 25: 689–709
- 1972 'Un traité d'alliance entre Caere et Carthage contemporain des derniers temps de la royauté étrusque à Rome ou l'événement

- commémoré par la quasi-bilingue de Pyrgi', *ANRW*, 1, 1: 189–216
- Février, J. 1965 'L'inscription punique de Pyrgi', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 109: 9–18
- Fiorentini, G. 1995 *Monte Adranone*. Rome
- Fletcher, R. 2004 'Sidonians, Tyrians and Greeks in the Mediterranean: The Evidence from Egyptianising Amulets', *AWE*, 3, 1: 51–77
- 2006 'The Cultural Biography of a Phoenician Mushroom-Lipped Jug', *OJA*, 25, 2: 173–94
- Foley, J. 1900 *The Jeffersonian Cyclopedia*. London
- Forni, G. 1992 'Riflessioni sulla presenza di Annibale nell'Italia meridionale e sulle conseguenze', in Marangio (ed.) 1992, 9–23
- Forsythe, G. 2005 *A Critical History of Early Rome from Prehistory to the First Punic War*. Berkeley
- Foulon, E. 2003 'Mercure Aletes apparent en songe a Hannibal', in P. Defosse (ed.) 2003 *Hommages à C. Deroux*, vol. 4. Brussels. 366–77
- Fox, M. 1993 'History and Rhetoric in Dionysius of Halicarnassus', *JRS*, 83: 31–47
- Fraenkel, E. 1954 'The Giants in the Poem of Naevius', *JRS*, 44: 14–17
- Franke, P. 1989 'Pyrrhus', in Walbank et al. (eds.) 1989, 456–85
- Frankenstein, S. 1979 'The Phoenicians in the Far West: A Function of Neo-Assyrian Imperialism', in Larsen (ed.) 1979, 263–94
- Franko, G. 1994 'The Use of *Poenus* and *Carthaginiensis* in Early Latin Literature', *CP*, 89: 153–8
- 1996 'The Characterization of Hanno in Plautus' *Poenulus*', *AJP*, 117, 3: 42.5–52
- Freyburger, G. 1986 *Fides. Etude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustéenne*. Paris
- Frier, B. 1979 *Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origins of the Annalistic Tradition*. Rome
- Fronza, M. 2007 'Hegemony and Rivalry: The Revolt of Capua Revisited', *Phoenix*, 61: 83–108

- Frost, H. 1989 'The Prefabricated Punic Warship', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 127–35
- Fucecchi, M. 1990 'Empietà e titanismo nella rappresentazione siliana di Annibale', *Orpheus*, 11: 21
- Galinsky, K. 1966 'The Hercules-Cacus episode in *Aeneid* VIII', *AJP*, 87: 18–51
- 1969 *Aeneas, Sicily, and Rome*. Princeton
- 1996 *Augustan Culture*. Princeton
- Galvagno, E. 2006 'Sicelioti in Africa nel III secolo a.C.', *Africa Romana*, 16, 4: 249–58
- Garbini, G. 1983 'Iscrizioni funerarie puniche in Sardegna', *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli*, 42: 463–6
- 1999 'The Phoenicians and Others', in Pisano (ed.) 1999, 9–14
- Garnand, B. 2001 'From Infant Sacrifice to the ABC's: Ancient Phoenicians and Modern Identities', *Stanford Journal of Archaeology*, 1: <http://www.stanford.edu/dept/archaeology/journal/newdraft/garnand/index.html>
- Geus, R. 1994 *Prosopographie der literarisch Bezeugten Karthager*. Leuven
- Gharbi, M. 2004 'Frontières et échanges en Sardaigne à l'époque punique', *Africa Romana*, 15, 1: 791–804
- Giangiulio, M. 1983 'Greci e non-Greci in Sicilia alla luce dei culti e delle leggende di Eracle', in *Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone (24–30 o mai 1981)*. Pisa. 785–845
- Gianto, A. 1987 'Some Notes on the Mulk Inscription from Nebi Yunisc (RES 367)', *Biblica*, 68: 397–401
- Giardino, C. 1992 'Nuragic Sardinia and the Mediterranean: Metallurgy and Maritime Traffic', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 304–16
- Gibson, J. 1982 *Textbook of Syrian Semitic Inscriptions III. Phoenician Inscriptions*. Oxford
- Goldberg, S. 1995 *Epic in Republican Rome*. Oxford
- Goldsworthy, A. 2000 *The Punic Wars*. London
- Gómez Bellard, C. 1990 *La colonización fenicia de la Isla de Ibiza*. Madrid

Библиография

- González de Canales, F., Serrano, L., & Llompарт, J. 2006 'The Pre-Colonial Phoenician Emporium of Huelva ca. 900–770 BC, *Ba-Besch*, 81: 13–29
- Grainger, J. 2002 *The Roman War of Antiochus the Great*. Leiden
- Gransden, K. 1976 *Aeneid VIII*. Cambridge
- Gras, M. 1985, *Trafics tyrrhéniens archaïques*. Rome
- Gras, M., Rouillard, P., & Teixidor, P. 1991 'The Phoenicians and Death', *Berytus*, 39: 127–76
- 1995 *L'Univers phénicien*, 2nd edn. Paris
- Gratwick, A. 1971 'Hanno's Punie Speech in the *Poenulus* of Plautus', *Hermes*, 99: 25–45
- Grayson, A. 1991 *Assyrian Rulers of the Early 1st Millennium BC*, vol 1. Toronto
- Green, A. 1982 *Flaubert and the Historical Novel: 'Salammbô' Reassessed*. Cambridge
- Green, P. 1990 *Alexander to Actium: The Hellenistic Age*. London
- Greene, J. 1983 'Carthage Survey', in *British Archaeological Reports, International Series*, 155: 130–38
- 1986 'The Carthaginian Countryside: Archaeological Reconnaissance in the Hinterland of Ancient Carthage'. Unpublished PhD dissertation, University of Chicago
- 2000 'The Beginnings of Grape Cultivation and Wine Production in Phoenician/Punic North Africa', in P. McGovern, S. Fleming & S. Katz (eds.) 2000 *The Origins and Ancient History of Wine*. London. 311–22
- Gros, P. 1990 'Le premier urbanisme de la colonia Julia Carthago: mythes et réalités d'une fondation césaro-augustéenne', *Collection de l'Ecole française de Rome*, 134: 547–73
- 1992 'Colline de Byrsa: les vestiges romains', in *Pour sauver Carthage. Exploration et conservation de la cité punique, romaine et byzantine*. Paris. 99–103
- Grottanelli, C. 1973 'Melqart e Sid fra. Egitto, Libia e Sardegna', *Rivista di studi fenici*, 1: 153–64
- Gruen, E. 1984 *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. 2 vols. Berkeley

- 1990 *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Leiden
- 1992 *Culture and National Identity in Republican Rome*. Ithaca, NY
- Gsell, S. 1924 *Histoire ancienne de l'Afrique du nord*. Paris
- Gubel, E. 2006 'Notes on the Phoenician Component of the Orientalizing Horizon', in Riva & Velia 2006, 85–93
- Guerrero Ayuso, V. 1989 'Majorque et les guerres puniques: données archéologiques', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 99–114
- Hackens, T., & Moucharte, G. (eds.) 1992 *Numismatique et histoire économique phéniciennes et puniques*. Louvain
- Hall, E. 1989 *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford
- Handy, L. 1994 *Among the Host of Heaven: The Syrian-Phoenician Pantheon as Bureaucracy*. Winona Lake
- Harden, D. 1939 'The Topography of Punic Carthage', *G&R*, 9, 25: 1–12
- Harris, W. 1979 *War and Imperialism in Republican Rome: 327–70 B.C.* Oxford
- 2005 'The Mediterranean and Ancient History', in Harris (ed.) 2005, 1–42
- Harris, W. (ed.) 2005 *Rethinking the Mediterranean*. Oxford
- Harrison, E. 1984 'The *Aeneid* and Carthage', in Woodman & West (eds.) 1984, 95–116
- Healy, J. 1978 *Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World*. London
- Heider, G. 1985 *The Cult of Molek: A Reassessment*. Sheffield
- Herrmann, W. 1979 *Die Historien des Coelius Antipater*. Meisenheim am Gian
- Heurgon, J. 1966 'The Inscriptions of Pyrgi' *JRS*, 56: 1–15
- 1976 'L'agronome carthaginois Magon et ses traducteurs en latin et en grec', *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 441–56
- Hodos, T. 2006 *Local Responses to Colonization in the Iron Age Mediterranean*. London
- Hoffmann, W. 1942 *Livius und der Zweite Punische Krieg*. Berlin

Библиография

- Holloway, R. 1994 *The Archaeology of Early Rome and Latium*. London
- Horden, P., & Purcell, N. 2000 *The Corrupting Sea: A History of Mediterranean History*. Oxford
- Hoyos, B. D. 1994 'Barcid "proconsuls" and Punic politics, 237–218 B.C.', *Rheinisches Museum für Philologie*, 137: 246–74
- 1998 *Unplanned Wars: The Origins of the First and Second Punic Wars*. Berlin
- 2001a 'Polybius and the Papyrus: The Persuasiveness of P. Rylands III 491', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 134: 71–9
- 2001b 'Identifying Hamilcar Barca's Heights of Heircte', *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 50: 490–95
- 2001c 'Generals and Annalists: Geographie and Chronological Obscurities in the Scipios' Campaigns in Spain, 218–211 B.C.', *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte*, 83: 68–92
- 2003 *Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean 247–183 BC*. London
- 2006 'Crossing the Durance with Hannibal and Livy: The Route to the Pass', *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte*, 88: 408–65
- 2007 *Truceless War: Carthage's Eight for Survival, 241–237 BC*. Leiden
- Hudson, M. 1992 'Did the Phoenicians Introduce the Idea of Interest to Greece and Italy — and if so, When?', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 128–43
- Hurst, H. 1994 *Excavations at Carthage: The British Mission*, vol. 2, pt 1: *The Circular Harbour, North Side: The Site and Finds Other than Pottery*. Oxford
- Hurst, H., & Roskams, S. 1984 *Excavations at Carthage: The British Mission*, vol. 1, pt 1: *The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbô: The Site and Finds Other than Pottery*. London
- Hurst, H., & Stager, L. 1978 'A Metropolitan Landscape: The Late Punic Port of Carthage', *World Archaeology*, 9: 334–46
- Huss, W. 1985 *Geschichte der Karthager*. Munich
- 1986, 'Hannibal und die Religion' in Bonnet, Lipiński & Marchetti (eds.) 1986, 223–30

- Isaac, B. 2004 *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton
- Isserlin, B. S. J. 1991 'The Transfer of the Alphabet to the Greeks: The State of Documentation', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 283–91
- Isserlin, B. S. J., & Du Plat Taylor, J. 1974 *Motya: A Phoenician and Carthaginian City in Sicily*. Leiden
- Jaeger, M. 2006 'Livy, Hannibal's Monument, and the Temple of Juno at Croton', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 136: 389–414
- Jenkins, G. 1971–8 'Coins of Punic Sicily'. Parts 1–4 in *Swiss Numismatic Review*, 50: 25–78 (1971); 53: 23–41 (1974); 56: 5–65 (1977); 57: 5–68 (1978)
- 1987 'Some Coins of Hannibal's Time', in *Studi per Laura Breglia, Bollettino di numismatica*, 4: 215–34
- Jenkins, G., & Lewis, R. 1963 *Carthaginian Gold and Electrum Coins*. London
- Jocelyn, H. 1972 'The Poems of Quintus Ennius', *ANRW*, 1, 2: 987–1026
- Jones, A., Martindale, J., & Morris, J. 1971 *The Prosopography of the Later Roman Empire*, vol 1. Cambridge
- Jongeling, K., & Kerr, R. (eds.) 2005 *Late Punic Epigraphy*. Grand Rapids
- Jourdain-Annequin, C. 1989 *Héraclès aux portes du soir: mythe et histoire*. Besançon
- 1992. *Héraclès-Melqart à Amrith. Recherches iconographiques: contributions à l'étude d'un syncrétisme*. Paris
- 1999 'L'image de la montagne ou la géographie à l'épreuve du mythe et de l'histoire: l'exemple de la traversée des Alpes par Hannibal', *Dialogues d'Histoire Ancienne*, 25: 101–27
- Karageorghis, V. 1998: *Greek Gods and Heroes in Ancient Cyprus*. Athens
- Katzenstein, H. 1973 *The History of Tyre: From the Beginning of the Second Millennium B.C.E. until the Fall of the Neo-Babylonian Empire in 538 B. C.E.* Jerusalem

Библиография

- Kearsley, R. 1989 *The Pendent Semi-Circle Skyphos*. London
- Kennedy, D. 1992 "Augustan" and "Anti-Augustan": Reflections on Terms of Reference', in A. Powell (ed.) 1992, 26–57
- Knapp, R. 1986 "La Via Heraclea" en el occidente, mitho, arqueología, propaganda, historia', *Emérita*, 54: 103–22
- Kochavi, M. 1992 'Some Connections between the Aegean and the Levant in the Second Millennium BC: A View from the East', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 7–15
- Kopcke, G. 1992 'What Role for Phoenicians?', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 103–113
- Kopeke, G., & Tokumaru, I. (eds.) 1992 *Greece between East and West: 10th-8th Centuries BC*. Mainz
- Kourou, N. 2002 'Phéniciens, Chypriotes, Eubéens et la fondation de Carthage', *Cahier du Centre d'études Chypriotes*, 32: 89–114
- Krahmalkov, C. 1976 'Notes on the Rule of the Softim in Carthage', *Rivista di studi fenici*, 4: 171–7
- 1981 'The Foundation Date of Carthage, 814 B.C., the Douimes Pendant Inscription', *Journal of Semitic Studies*, 26: 177–91
- 2000 *Phoenician-Punic Dictionary*. Leuven
- 2001 *A Phoenician-Punic Grammar*. Leiden
- Krings, V. 1991 'Les Lettres grecques à Carthage', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 649–68
- 1998 *Carthage et les Grecs c. 580–480 av. J.-C.* Leiden
- Krings, V. (ed.) 1995 *La Civilisation phénicienne et punique: manuel de recherché*. Leiden
- Kuhrt, A. 1995 *The Ancient Near East c. 3000–330 BC*. 2 vols. London
- La Bua, V. 1966 *Filino, Polibio, Sileno, Diodoro: il problema delle fonti, dalla morte di Agatocle alla guerra mercenaria in Africa*. Palermo
- 1992 'Il Salento e i Messapi di fronte al conflitto tra Annibale e Roma', in Marangio (ed.) 1992, 43–69
- Lacroix, W. 1998 *Africa in Antiquity: A Linguistic and Toponymie Analysis of Ptolemy's Map of Africa*. Saarbrücken

- Lancel, S. 1988 'Les Fouilles de la mission archéologique française à Carthage et le problème de Byrsa', in Lipiński (ed.) 1988, 61–89
- 1995 *Carthage: A History*, tr. Antonia Nevill. Oxford
- 1999 *Hannibal*, tr. Antonia Nevill. Oxford
- Larsen, M. T. (ed.) 1979 *Power and Propaganda: A Symposium on Ancient Empires*. Copenhagen
- Lazenby, J. F. 1978 *Hannibal's War*. Warminster
- 1996 *The First Punic War: A Military History*. London
- Le Bonniec, H. 1969 'Aspects religieux de la guerre à Rome', in J. Brisson (ed.) 1969 *Problèmes de la guerre à Rome*. Paris. 102–15
- Le Glay, M. 1966 *Saturn africain*. Paris
- Lefkowitz, M. R. 1996 'Introduction: Ancient History, Modern Myths', in Lefkowitz & MacLean Rogers (eds.) 1996, 3–23
- Lefkowitz, M. R., & MacLean Rogers, G. (eds.) 1996 *Black Athena Revisited*. Chapel Hill
- Lehmle, C. 2005 *Syrakus unter Agathokles und Hieron II. Die Verbindung von Kultur und Macht in einer hellenistischen Metropole*. Frankfurt
- Leigh, M. 2004 *Comedy and the Rise of Rome*. Oxford
- Lennon, J. 2004 *Irish Orientalism: A Literary and Intellectual History*. Syracuse, NY
- Levene, D. 1993 *Religion in Livy*. Leiden
- Levick, B. 1978 'Concordia at Rome', in R. A. G. Carson & C. M. Kraay (eds.) 1978 *Scripta Nummaria Romana: Essays Presented to Humphrey Sutherland*. London. 217–233
- 1982 'Morals, Politics and the Fall of the Roman Republic', *G&R*, 29: 53–62
- Lewis, S. (ed.) 2006 *Ancient Tyranny*. Edinburgh
- L'Heureux, C. 1979 *Rank Among the Canaanite Gods: El, Ba'al and the Repha'im*. Missoula
- Lintott, A. 1972 'Imperial Expansion and Moral Decline in Rome', *Historia*, 21: 626–38
- Lipiński, E. 1970 'La fête de l'ensevelissement et de la résurrection de Melqart', in A. Finet (ed.) 1970 *Actes de la XVIIe Rencontre assyriologique internationale*. Ham-sur-Heure. 30–58

Библиография

- 1988a 'Sacrifices d'enfants à Carthage et dans le monde seditious oriental', in Lipiński (ed.) 1988, 151–62
- 1988b 'Stèles carthagoises du Musée National de Cracovie', in Lipiński (ed.) 1988, 162–82
- 1989 'Carthaginois en Sardaigne à l'époque de la première guerre', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 67–73
- 2001 'Gorillas', in K. Geus & K. Zimmermann (eds.) 2001 *Punica-Libya-Ptolemaica: Festschrift für Werner Huss*. Leuven. 87–98
- 2004 *Itineraria Phoenicia*. Leuven
- Lipiński, E. (ed.) 1988 *Carthago*. Leuven
- Little, C. 1934 'The Authenticity and Form of Cato's Saying "Carthago Delenda Est"', *Classical Journal*, 29: 429–35
- Liverani, M. 1979 'The Ideology of the Assyrian Empire', in Larsen (ed.) 1979, 297–317
- 1990 *Prestige and Interest: International Relations in the Near East ca. 1600–1100 B.C.* Padua
- Lloyd, A. 1975 'Were Necho's Triremes Phoenician?', *JHS*, 95: 45–61
- 1980 'M. Basch on Triremes: Some Observations', *JHS*, 100: 195–198
- Lomas, K. 2004 'Italy in the Roman Republic, 338–31 BC in H. Flower (ed.) *The Cambridge Companion to the Roman Republic*. Cambridge. 199–224
- 2006 'Tyrants and the Polis: Migration, Identity and Urban Development in Greek Sicily', in Lewis (ed.) 2006, 95–118
- Lomas, K. (ed.) 2004 *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honour of Brian Shefton*. Leiden
- Longerstay, M. 1995 'Libye', in Krings (ed.) 1995, 828–44
- Lonis, R. 1978 'Les conditions de la navigation sur la côte atlantique de l'Afrique dans l'Antiquité: le problème de retour', in *Afrique noire et monde méditerranéen*. Dakar. 147–70
- Loomis, W. 1994 'Entella Tablets VI (254–241 B.C.) and VII (20th cent. A.D.?)', *Harvard Studies in Classical Philology*, 96: 127–60
- Loreto, L. 1995 *La grande insurrezione libica contro Cartagine del 241–237 A.C. Una storia politica e militare*. Paris

- Luke, J. 2003 *Ports of Trade: Al Mina and Geometrie Greek Pottery in the Levant*. Oxford
- Luraghi, N. 2002 'Antioco di Siracusa', in Vattuone (ed.) 2002, 55–89
- Lyne, R. 1987 *Further Voices in Vergil's Aeneid*. Oxford
- Lyons, C., & Papadopoulos, J. (eds.) 2002 *The Archaeology of Colonialism*. Los Angeles
- Macintosh-Turfa, J. 1975 *Etruscan-Punic Relations*. Ann Arbor
- 1977 'Evidence for Etruscan-Punic Relations', *American Journal of Archaeology*, 81: 368–74
- Maes, A. 1989 'L'habillement masculine à Carthage à l'époque des guerres puniques', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 15–24
- Malkin, I. 1994 *Myth and Territory in the Spartan Mediterranean*. Cambridge
- 1998 *The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley
- 2002 'A Colonial Middle Ground: Greek, Etruscan, and Local Elites in the Bay of Naples', in Lyons & Papadopoulos (eds.) 2002, 151–81
- 2005 'Herakles and Melqart: Greeks and Phoenicians in the Middle Ground', in E. Gruen (ed.) 2005 *Cultural Borrowings and Ethnic Appropriations in Antiquity*. Stuttgart. 238–58
- Manfredi, L. 1999 'Carthaginian Policy through Coins', in Pisano (ed.) 1999, 69–78
- 2003 *La politica amministrativa di Cartagine in Africa*. Rome
- Manganaro, G. 1974 'Una biblioteca storica nel Ginnasio di Tauromenion e il P. Oxy 1241', *Parola del passato*, 29: 389–409
- 1992 'Per la cronologia delle emissioni a leggenda Libuvwn', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 93–106
- 2000 'Fenici, Cartaginesi, Numidi tra i Greci. IV-I secolo', *Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche*, 29: 255–68
- Marangio, C. (ed.) 1992 *L'età annibalica e la Puglia romana*. Mesagne
- Markoe, G. 1992 'In Pursuit of Metal: Phoenicians and Greeks in Italy', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 61–84

- 1996 'The Emergence of Orientalizing in Greek Art: Some Observations on the Interchange between Greeks and Phoenicians in the Eighth and Seventh Centuries BC, *BASOR*, 301: 47–67
- 2000 *Phoenicians*. Berkeley
- Martin, R. 1979 'Introduction à l'étude du culte d'Héraclès en Sicile', *Recherches sur les cultes grecs et l'Occident*, vol. 1. Naples. 11–17
- Mastino, A., Zucca, R., & Spanu, P. 2005 *Mare sardum: merci, mercati e scambi marittimi della Sardegna antica*. Rome
- Medas, S. 1999 'Les équipages des flottes militaires de Carthage', in Pisano (ed.) 1999, 79–106
- Meister, K. 1971 'Annibale in Sileno', *Maia*, 22: 3–9
- Melville, S., et al. 2006 'Neo-Assyrian and Syro-Palestinian Texts I', in M. Chavalas (ed.) 2006 *Historical Sources in Translation: The Near East*. Oxford. 280–330
- Meritt, B. 1940 'Athens and Carthage', in *Athenian Studies Presented to William Scott Ferguson*. Cambridge, Mass.
- Mezzolani, A. 1999 'L'espace privé chez les Puniques: remarques sur les salles d'eau', in Pisano (ed.) 1999, 107–24
- Mildenberg, L. 1989 'Punic Coinage on the Eve of the First War against Rome: A Reconsideration', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 5–14
- Miles, G. 1995 *Livy: Reconstructing Early Rome*. Ithaca, NY
- Miles, M. 1998/9 'Interior Staircases in Western Greek Temples', *MAAR*, 43–4: 1–26
- Miles, R. 2003 'Rivalling Rome: Carthage', in C. Edwards & G. Woolf (eds.) 2003 *Rome the Cosmopolis*. Cambridge. 123–46
- Millar, F. 1968 'Local cultures in the Roman Empire: Libyan, Punic, and Latin in North Africa', *JRS*, 58: 126–34
- Mineo, B. 2006 *Tite-Live et l'histoire de Rome*. Paris
- Moeller, W. 1975 'Once More the One-Eyed Man against Rome', *Historia*, 24: 402–8
- Momigliano, A. 1975 *Alien Wisdom: The Limits of Hellenization*. Cambridge
- 1977 'Athens in the Third Century B.C. and the Discovery of Rome in the Histories of Timaeus of Tauromenium', in A. Momi-

- gliano, *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford. 37–66
- Morel, J.-P. 1980 'Les vases à vernis noir et à figures rouges d'Afrique avant la deuxième guerre punique et le problème des exportations de Grande-Grèce', *Antiquities africaines*, 15: 29–90
- 1982 'La céramique à vernis noir de Byrsa: nouvelles données et éléments de comparaison' in *Actes du colloque sur la céramique antique*. Carthage. 43–61
- 1983 'Les importations des céramiques grecques et italiennes dans le monde punique', in Bartoloni et al. (eds.) 1983, 3: 731–40
- 1986 'La céramique à vernis noir de Carthage, sa diffusion, son influence', *Cahiers des études anciennes*, 18: 25–68
- 2004 'Les amphores importées à Carthage punique', in E. Sanmarti Grego et al. (eds.) 2004 *La circulació d'àmfores al Mediterrani occidental durant la Protohistòria (segles VIII-III aC): aspectes quantitativs i anàlisi de continguts*. Barcelona. 11–24
- Morgan, L. 1998 'Assimilation and Civil War: Hercules and Cacus (*Aen.* 8.185–267)', in H.-P. Stahl (ed.) 1998 *Vergil's Aeneid: Augustan Epic and Political Context*. London. 175–97
- Morris, I., et al. 2001 'Stanford University Excavations on the Acropolis of Monte Polizzo, Sicily, I: Preliminary Report on the 2000 Season', *MAAR*, 46: 253–71
- 2002 'Stanford University Excavations on the Acropolis of Monte Polizzo, Sicily, II: Preliminary Report on the 2001 Season', *MAAR*, 47: 153–98
- 2003 'Stanford University Excavations on the Acropolis of Monte Polizzo, Sicily, III: Preliminary Report on the 2002 Season', *MAAR*, 48: 243–315
- 2004 'Stanford University Excavations on the Acropolis of Monte Polizzo, Sicily, IV: Preliminary Report on the 2003 Season', *MAAR*, 49: 197–279
- Morris, S. 1998 'Bearing Greek Gifts: Euboean Pottery on Sardinia', in Balmuth & Tykot (eds.) 1998, 361–2
- Morris, S., & Papadopoulos, J. 1998, 'Phoenicians and the Corinthian Pottery Industry', in R. Rolle, K. Schmidt & R. Docter (eds.) 1998

- Archäologische Studien in Kontaktzonen der antiken Welt*. Göttingen. 251–63
- Morrison, J., & Coates, J. 1986 *The Athenian Trireme: The History and Reconstruction of an Ancient Greek Warship*. Cambridge
- Moscatti, S. 1968 *The World of the Phoenicians*, tr. Alastair Hamilton. London
- 1986 *Italia Punica*. Milan
- Muscarella, O. W. 1992 'Greek and Oriental Cauldron Attachments: A Review', in Kopcke & Tokumaru (eds.) 1992, 16–45
- Musti, D. 1991 'Modi e fasi della rappresentazione dei fenici nelle fonti letterarie greche', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 161–8
- Naveh, J. 1980 'The Greek Alphabet: New Evidence', in *Biblical Archaeologist*, 43, 1: 22–5
- Niemeyer, H. G. 1984 'Die Phönizier und die Mittelmeerwelt im Zeitalter Homers', *Jahrbuch Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz*, 31: 3–94
- 1990 'The Phoenicians in the Mediterranean: A Non-Greek Model for Expansion and Settlement in Antiquity', in J.-P. Descoeudres (ed.) 1990 *Greek Colonists and Native Populations: Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology Held in Honour of Emeritus Professor A. D. Trendall*. Oxford. 469–89
- 2002 'The Phoenician Settlement at Toscanos: Urbanization and Function', in Bierling & Gitin (eds.) 2002, 31–48
- Niemeyer, H. G. (ed.) 1982 *Phönizier im Westen: Die Beiträge des Internationalen Symposiums über 'Die phönizische Expansion im westlichen Mittelmeerraum' in Köln vom 24. bis 27. April 1979*. Mainz
- Niemeyer, H. G., & Docter, R. F. 1993 'Die Grabung unter dem Decumanus Maximus von Karthago', *MDAI(R)*, 100: 201–44
- Niemeyer, H. G., et al. (eds.) 2007 *Karthago. Die Ergebnisse der Hamburger Grabung unter dem Decumanus Maximus*, vol 2. Mainz
- Nijboer, A. J. 2005 'The Iron Age in the Mediterranean: A Chronological Mess or "Trade Before the Flag", Part II', *AWE*, 4, 2: 255–77
- Nijboer, A. J., & Van de Plicht, J. 2006 'An Interpretation of the Radiocarbon Determinations of the Oldest Indigenous-Phoenician

- Stratum Thus Far Excavated at Huelva, Tartessos (South-West Spain)', *BaBesch*, 81: 31–6
- Oded, B. 1979 *Mass Deportations and Deportees in the Neo-Assyrian Empire*. Wiesbaden
- O'Gorman, E. 2004 'Cato the Elder and the Destruction of Carthage', *Helios*, 31: 97–122
- Ottoson, M. 1980 *Temples and Cult Places in Palestine*. Uppsala
- Paladino, I. 1991 'Marcii e Atilii tra fides romana e fraus punica', in Acquaro et al. (eds.) 1991, 179–85
- Palmer, R. 1997 *Rome and Carthage at Peace*. Stuttgart
- Paoletti, O., & Perna, L. 2002 'Etruria e Sardegna centro-settentrionale tra l'età del Bronzo Finale e l'arcaismo', in *Atti del XXI Convegno di Studi Etruschi ed Italici. Sassari-Alghero-Oristano-Torralba, 13–17 ottobre 1998*. Pisa and Rome
- Papadopoulos, J. 1997 'Phantom Euboians', *Journal of Mediterranean Archaeology*, 10: 191–219
- Pearson, L. 1975 'Myth and archaeologia in Italy and Sicily — Timaeus and his Predecessors', *Yale Classical Studies*, 24: 171–95
- 1984 'Ephorus and Timaeus in Diodorus: Laqueur's Thesis Rejected', in *Historia*, 33: 1–20
- 1987 *The Greek Historians of the West: Timaeus and his Predecessors*. Atlanta
- Peckham, B. 1972 'The Nora Inscription', *Orientalia*, 41: 457–68
- 1998 'Phoenicians in Sardinia: Tyrians or Sidonians?', in Balmuth & Tykot (eds.) 1998, 347–54
- Pelling, C. 1997 'Tragical Dreamer: Some Dreams in the Roman Historians', *G&R*, 44: 197–213
- Peserico, A. 1999 'Pottery Production and Circulation in the Phoenician and Punic Mediterranean: A study on Open Forms', in Pisano (ed.) 1999, 125–35
- Picard, G. 1963 'La religion d'Hannibal', *Revue de l'histoire des religions*, 162: 123–4
- 1983–4 'Hannibal hegemon hellénistique', *RSA*, 13–14: 75–81
- Picard, G., & Picard, C. 1961 *Daily Life in Carthage*. London
- 1964 'Hercule et Melqart', in M. Renard & R. Schilling (eds.) 1964 *Hommages à J. Bayet*. Brussels. 569–78

- Piccaluga, G. 1974 'Heracles, Melqart, Hercules e la penisola iberica', in *Minutai. Saggi di storia delle religioni*. Rome. 111–31
- 1981 'Fides nella religione romana di età imperiale', *ANRW*, 17, 2: 703–35
- 1983a 'Urbs Trunca: passato mitico ed espansionismo contro la Capua del "dopo Hannibal"', *RSA*, 13: 103–25
- 1983b 'Fondare Roma, domare Cartagine: un mito delle origini', in Bartoloni et al. (eds.) 1983, 2: 409–24
- Pisano, G. 'Remarks on Trade in Luxury Goods in the Western Mediterranean', in Pisano (ed.) 1999, 15–30
- Pisano, G. (ed.) 1999 *Phoenicians and Carthaginians in the Western Mediterranean*. Rome
- Pomeroy, A. 1989 'Hannibal at Nuceria', *Historia*, 38: 163–76
- Popham, M., & Lemos, I. 1992 'Review of Kearsley: The Pendent Semi-Circle Skyphos', *Gnomon*, 64: 152–5
- Popham, M., Sackett, L., & Themelis, P. (eds.) 1979 *Lefkandi*. London
- Postgate, J. 1969 *Neo-Assyrian Royal Grants and Decrees*. Rome
- 1974 *Taxation and Conscription in the Assyrian Empire*. Rome
- 1979 'The Economic Structure of the Assyrian Empire', in Larsen (ed.) 1979, 193–221
- Powell, A. (ed.) 1992 *Roman Poetry and Propaganda in the Age of Augustus*. Bristol
- Powell, B. 1991 'The Origins of the Alphabetic Literacy Among the Greeks', in Baurain, Bonnet & Krings (eds.) 1991, 357–70
- Prandi, L. 1979 'La "Fides punica" e il pregiudizio anticartaginese', *Contributi dell'istituto di storia antica*, 6: 90–97
- Price, M. 1991 *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus: A British Museum Catalogue*. London
- Purcell, N. 1995 'On the Sacking of Carthage and Corinth', in D. Innes, H. Hine & C. Pelling (eds.) 1995 *Ethics and Rhetoric: Classical Essays for Donald Russell on his Seventy-Fifth Birthday*. Oxford. 133–48
- Purpura, G. 1981 'Un graffito di nave in un cunicolo delle fortificazioni puniche di Lilibeo', *Sicilia Archeologica Trapani*, 13, 44: 39–42

- Rakob, F. 1979 'Numidische Königsarchitektur in Nordafrika', in *Die Numider: Reiter und Könige nördlich der Sahara*. Cologne. 119–71
- 1984 'Deutsche Ausgrabungen in Karthago. Die punischen Befunde', *MDAI(R)*, 91: 1–22
- 1989 'Karthago: Die frühe Siedlung. Neue forschungen', *MDAI(R)*, 96: 155–94
- 1995 'Forschungen im Stadtzentrum von Karthago. Zweiter Vorbericht', *MDAI(R)*, 102: 413–61
- 2000 'The Making of Augustan Carthage', in E. Fentress (ed.) 2000 *Romanization and the City: Creation, Transformations, and failures: Proceedings of a Conference Held at the American Academy in Rome to Celebrate the 50th Anniversary of the Excavations at Cosa, 14–16 May, 1998*. Portsmouth, RI. 72–82
- Rance, P., 2009 'Hannibal, Elephants and Turrets in *Suda* 438 [Polybius FR.162 B] — an Unidentified Fragment of Diodorus', *CQ*, 59, 1: 91–111
- Rankov, B. 1996 'The Second Punic War at Sea', in Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 49–58
- Rawlings, L. 1996 'Celts, Spaniards and Samnites: Warriors in a Soldier's War', in Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 81–95
- 2005 'Hannibal and Hercules', in Rawlings & Bowden (eds.) 2005, 153–84
- 2007 'Army and Battle during the Conquest of Italy (350–264 BC)', in P. Erdkamp (ed.) 2007 *A Companion to the Roman Army*. Oxford. 45–62
- Rawlings, L., & Bowden, H. (eds.) 2005 *Herakles and Hercules: Exploring a Graeco-Roman Divinity*. Swansea
- Reade, J. 1979 'Ideology and Propaganda in Assyrian Art', in Larsen (ed.) 1979, 329–43
- Rendeli, M. 2005 'La Sardegna e gli Eubei', in Bernardini & Zucca (eds.) 2005, 91–124
- Ribichini, S. 1983 'Mito e storia: l'immagine dei Fenici nelle fonti classiche', in Bartoloni et al. (eds.) 1983, 2: 443–8
- 1985 *Poenus Advena: gli dei fenici e l'interpretazione classica*. Rome

Библиография

- 1995 'Les Mentalités', in Krings (ed.) 1995, 334–44
- Rich, J. 1993 'Fear, Greed, and Glory: The Causes of Roman War-Making in the Middle Republic', in J. Rich & G. Shipley (eds.) 1993 *War and Society in the Roman World*. London. 46–67
- 1996 'The Origins of the Second Punic War', in Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 1–37
- Ridgway, D. 1992 *The First Western Greeks*. Cambridge
- 1994 'Phoenicians and Greeks in the West: A View from Pithekoussai', in Tsitsikhladze & De Angelis (eds.) 1994, 35–46
- 1998 'L'Eubea e l'Occidente: nuovi spunti sulle rotte dei metalli', in M. Bats & B. d'Agostino (eds.) 1998 *Euboica: L'Eubea e la presenza Euboica in Chalcidice e in Occidente*. Naples. 311–22
- 2000 'The First Western Greeks Revisited', in D. Ridgway et al. (eds.) 2000 *Ancient Italy in its Mediterranean Setting: Studies in Honour of Ellen Macnamara*. London. 179–91
- 2004, 'Euboeans and Others along the Tyrrhenian Seaboard in the 8th Century B.C.', in Lomas (ed.) 2004, 15–33
- Ridley, R. 1986 'To be Taken with a Pinch of Salt: The Destruction of Carthage', *CP*, 81: 140–46
- Ritter, S. 1995 *Hercules in der römischen Kunst von den Anfängen bis Augustus*. Heidelberg
- Riva, C. & Velia, N. (eds.) 2006 *Debating Orientalization: Multidisciplinary Approaches to Processes of Change in the Ancient Mediterranean*. London
- Rives, J. 1995 *Religion and Authority in Roman Carthage from Augustus to Constantine*. Oxford
- Robinson, E. 1956 'Punic Coins of Spain and their Bearing on the Roman Republican Series', in R. A. G. Carson & C. H. V. Sutherland (eds.) 1956 *Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly*. Oxford
- 1964 'Carthaginian and Other South Italian Coinages of the Second Punic War', *Numismatic Chronicle*, 7, 4: 37–64
- Rocco, B. 1970 'Morto sotto le mura di Mozia', *Sicilia Archaeologica*, 3: 27–33

- Röllig, W. 1982 'Die Phönizier des Mutterlandes zur Zeit der Kolonisierung', in Niemeyer (ed.) 1982, 15–30
- 1992 'Asia Minor as a Bridge between East and West: The Role of the Phoenicians and Aramaeans in the Transfer of Culture', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 93–102
- Russell, J. 1991 *Sennacherib's Palace without Rival at Nineveh*. Chicago
- Sabin, P. 1996 'The Mechanics of Battle in the Second Punic War', in Cornell, Rankov & Sabin (eds.) 1996, 59–79
- Sagona, C. 2002 *The Archaeology of Punic Malta*. Leuven
- Sainte-Beuve, C.-A., 1971 'Articles de Sainte-Beuve sur Salammbô', in Gustave Flaubert, *Salammbô, Œuvres complètes de Gustave Flaubert*, vol. 2. Paris
- Scheid, J., & Svenbro, J. 1985 'Byrsa, la ruse d'Elissa et la fondation de Carthage', *Annales (économies, sociétés, civilisations)*, 328–42
- Schilling, R. 1954 *La religion romaine de Venus, depuis les origines jusqu'au temps d'Auguste*. Paris
- Schmidt, H. 1953 'The Idea and Slogan of "Perfidious Albion"', *Journal of the History of Ideas*, 14, 4: 604–16
- Schmitz, P. 1994 'The Name "Agrigentum" in a Punic Inscription (CIS i.5510.10)', *Journal of Near Eastern Studies*, 53, 1: 1–13
- 1995 'The Phoenician Text from the Etruscan Sanctuary at Pyrgi', *Journal of the American Oriental Society*, 115, 4: 559–75
- Schulten, A. 1922 *Tartessos. Ein Beitrag zur ältesten Geschichte des Westens*. Hamburg
- Schurmann, F. 1998 'Delenda est Iraq — Why U.S. is on Warpath against Saddam'. <http://www.pacificnews.org/jinn/stories/4.04/980216-iraq.html>
- Schwarte, K.-H. 1983 *Der Ausbruch des Zweiten Punischen Krieges. Rechtsfrage und Überlieferung*. Weisbaden
- Scuderi, R. 2002 'Filino di Agrigento', in Vattuone (ed.) 2002, 275–99
- Scullard, H. 1970 *Scipio Africanus: Soldier and Politician*. London
- 1974 *The Elephant in the Greek and Roman World*. London
- Seibert, J. 1993 *Hannibal*. Darmstadt

- Serrati, J. 2006 'Neptune's Altars: The Treaties between Rome and Carthage (509–226 B.C.)', *CQ*, 56, 1: 113–34
- Shaw J., & Shaw, M. (eds.) 2000 *Kommos*. Princeton
- Shelby Brown, S. 1991 *Late Carthaginian Child Sacrifice and Sacrificial Monuments in their Mediterranean Context*. Sheffield
- Smith, C. 1996 *Early Rome and Latium: Economy and Society c. 1000 to 500 BC*. Oxford
- Snodgrass, A. M. 1971 *The Dark Age of Greece*. Edinburgh
- 1988 *Cyprus and Early Greek History*. Nicosia
- 1994 'The Nature and Standing of the Early Western Colonies', in Tsetskhladze & De Angelis (eds.) 1994, 1–10
- Snowden, F. M., Jr, 1996 'Bernal's "Blacks" and the Afrocentrists', in Lefkowitz & MacLean Rogers (eds.) 1996, 112–28
- Solmsen, E 1986 Aeneas Founded Rome with Odysseus', *Harvard Studies in Classical Philology*, 90: 93–110
- Spada, S. 2002 'La storiografia occidentale di età ellenistica', in Vattuone (ed.) 2002, 233–73
- Spencer, D. 2002 *The Roman Alexander: Reading a Cultural Myth*. Exeter
- Stager, L. 1982 'Carthage: A View from the Tophet', in Niemeyer (ed.) 1982, 155–66
- Stager, L., & Wolff, S. 1984 'Child Sacrifice at Carthage: Religious Rite or Population Control?', *Biblical Archaeology Review*, 10: 30–51
- Stamplodis, N., & Kotsonas, A. 2006 'Phoenicians in Crete', in S. Deger-Jalkotzy & I. Lemos (eds.) 2006 *Ancient Greece from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh. 337–60
- Starks, J. 1999 'Fides Aeneia: The Transference of Punic Stereotypes in the *Aeneid*', *Classical Journal*, 94: 255–83
- Stevens, S. 1988 'A Legend of the Destruction of Carthage', *CP*, 83, 1: 39–40
- Stos-Gale, Z. A., & Gale, N. H. 1992 'New Light on the Provenience of the Copper Oxhide Ingots Found on Sardinia', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 317–46
- Stram, I. 1992 'Evidence from the Sanctuaries', in Kopeke & Tokumaru (eds.) 1992, 46–60

- Stübler, G. 1941 *Die Religiosität des Livius*. Stuttgart & Berlin
- Sumner, G. 1972 'Rome, Spain and the Outbreak of the Second Punic War', *Latomus*, 31, 2: 469–80
- Sutton, D. 1977 'The Greek Origins of the Cacus Myth', *CQ*, 27, 2: 391–3
- Sutton, J. 2007 'West African Metals and the Ancient Mediterranean', *OJA*, 2, 2: 181–8
- Szyrmer, M. 1978 'Carthage et la civilisation punique', in C. Nicolet 1978 *Rome et la conquête du Monde Méditerranéen 264–27 avant J.-C.*, vol. 2, Paris. 545–93
- Tandy, D. 1997 *Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley
- Taylor, J. 1982 'A Nigerian Tin Trade in Antiquity?', *OJA*, 1: 317–24
- Taylor, P. 1995 *Munitions of the Mind: War Propaganda from the Ancient World to the Nuclear Age*. Manchester
- Thomas, R. 2001 *Virgil and the Augustan Reception*. Cambridge
- Thuillier, J.-P. 1982 'Timbres amphoriques puniques écrits en lettres grecques', in *Actes: Colloque sur la Céramique Antique. Carthage 23–24 Juin 1980*. Tunis
- Thürlemann-Rappers, S. 1974 'Ceterum censeo Carthaginem esse delendam', *Gymnasium*, 81: 465–75
- Tise, B. 2002 *Imperialismo romano e imitatio Alexandri: due studi di storia politica*. Lecce
- Tore, G. 1995 'L'art, sarcophages, reliefs, stèles', in Krings (ed.) 1995, 471–93
- Torelli, M. 1989 'Archaic Rome between Latium and Etruria', in Walbank et al. (eds.) 1989, 30–51
- Toynbee, A. 1965 *Hannibal's Legacy: The Hannibalic War's Effects on Roman Life*. 2 vols. Oxford
- Tronchetti, C. 1992 'Osservazioni sulla ceramica attica di Sardegna', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 364–77
- 1995 'Sardaigne', in Krings (ed.) 1995, 712–42
- Trump, D. 1991a 'The Nuraghi of Sardinia, Territory and Power: The Evidence from the Commune of Mara, Sassari', in E. Herring, R. Whitehouse & J. Wilkins (eds.) 1991 *The Archaeology of Pow-*

- er: Papers from the Fourth Conference of Italian Archaeology*. London. 43–77
- 1991b 'Nuraghi as Social History: A Case Study from Bonu Ighinu, Mara (SS)', in B. S. Frizell (ed.) 1991 *Arte e Architettura Nuragica: Nuragic Architecture in its Military, Territorial and Socio-Economic Context*. Stockholm. 163–8
- 1992 'Militarism in Nuragic Sardinia', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 198–203
- Tsetskhladze, G. R., & De Angelis, F. (eds.) 1994 *The Archaeology of Greek Colonisation*. Oxford
- Tusa, V. 1982/1983 'I Cartaginesi nella Sicilia occidentale', *Kokalos*, 28–9: 131–46
- 1984 *Lilibeo testimonianze archeologiche dal IV sec. a.C. al Vsec. d.C.* Palermo
- Twyman, B. 1987 'Polybius and the Annalists on the Outbreak and Early Years of the Second Punic War', *Athenaeum*, 65: 67–80
- Tykot, R., & Andrews, T (eds.) 1992 *Sardinia in the Mediterranean: A Footprint in the Sea*. Sheffield
- Ugas, G. 1992. 'Considerazioni sullo sviluppo dell'architettura e della società nuragica', in Tykot & Andrews (eds.) 1992, 221–34
- Van Berchem, D. 1959–60 'Hercule Melqart à l'Ara Maxima', *Rendiconti della Pontifica academia Romana di archeologia*, 32: 61–8
- 1967 'Sanctuaires d'Hercule-Melqart: contribution à l'étude de l'expansion phénicienne en Méditerranée', *Syria*, 44: 73–109, 307–38
- Van Dommelen, P. 1998 *In Colonial Grounds: A Comparative Study of Colonialism and Rural Settlement in First Millennium BC West Central Sardinia*. Leiden
- 2002 'Ambiguous Matters: Colonialism and Local Identities in Punic Sardinia', in Lyons & Papadopoulos (eds.) 2002, 121–47
- 2006 'Colonial Matters. Material Culture and Postcolonial Theory in Colonial Situations', in C. Y. Tilley et al. (eds.) 2006 *Handbook of Material Culture*. London. 267–308
- Van Weyenberg, A. 2003 'Ireland's Carthaginians and Tragic Heroines', *Xchanges*, 2, 2: *Confrontation, Conflict, and Negotiations*

- of *National Space*. <http://infohost.nmt.edu/~xchanges/xchanges/2.2/weyenberg.html>
- Van Wijngaarden-Bakker, L. 2007 'The Animal Remains from Carthage, Campaign 1993', in Niemeyer et al. (eds.) 2007, 841–9
- Van Zeist, W., Bottema, S., and Van der Veen, M. 2001. *Diet and Vegetation at Ancient Carthage: The Archaeobotanical Evidence*. Groningen
- Vattuone, R. 1991 *Sapienza d'Occidente: il pensiero storico di Timeo di Tauromenio*. Bologna
- 2002 'Timeo di Tauromenio', in Vattuone (ed.) 2002, 77–132
- Vattuone, R. (ed.) 2002 *Storici greci d'Occidente*. Bologna
- Vegas, M. 1999 'Eine archaische Keramikfüllung aus einem Haus am Kardo XIII in Karthago', *MDAI(R)*, 106: 395–435
- Verzár, M. 1980 'Pyrgi e l'Afrodite di Cipro', *Mélanges de l'école française. Antiquité*, 92: 35–86
- Vessey, D. 1975 'Silius Italicus: The Shield of Hannibal', *AJP*, 96: 391–405
- Villaronga L. 1973 *Las Monedas Hispano-Cartaginesas*. Barcelona
- 1992 'Les monnaies hispano-carthaginoises du système attique', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 149–52
- Virolleaud, C. 1931 'The Gods of Phoenicia', *Antiquity*, 20: 404–15
- Vishnia, R. 1996 *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome 241–167 BC*. London
- Visonà, P. 1988 'Passing the Salt: On the Destruction of Carthage Again', *CP*, 83, 1:41–2
- 1992 'Carthaginian Bronze Coinage in Sardinia', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 121–132
- 1998 'Carthaginian Coinage in Perspective', *American journal of Numismatics*, 10: 1–27
- Vogel-Weidemann, U. 1989 '*Carthago delenda est*: aitia and prophasis', *Acta classica*, 32: 79–96
- Volk, T. 2006 'The "Mazzarrón" hoard (ICGH 2325) revisited', *Nu-misma*, 250: 205–28
- Wagner, C. G. 1989 'The Carthaginians in Ancient Spain: From Administrative Trade to Territorial Annexation', in Devijver & Lipiński (eds.) 1989, 145–56

Библиография

- Walbank, F. W 1957–79 *A Historical Commentary on Polybius*. 3 vols. Oxford
- 1968–9 'The Historians of Greek Sicily', *Kokalos*, 14–15: 476–98
- 1972 *Polybius*. Berkeley
- 1985 *Selected Papers: Studies in Greek and Roman History and Historiography*. Cambridge
- 2002 *Polybius, Rome, and the Hellenistic World: Essays and Reflections*. Cambridge
- Walbank, F. W, et al. (eds.) 1989 *The Cambridge Ancient History*, vol. 7, pt 2: *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge
- Waldbaum, J. 1997 'Greeks in the East or Greeks and the East?: Problems in the Definition and Recognition of Presence', *BASOR*, 305: 1–17
- Warmington, B. 1960 *Carthage*. London
- Warmington, E. 1935 *Remains of Old Latin*. London
- Webster, G. 1996 *A Prehistory of Sardinia 2300–500 BC*. Sheffield
- White, R. 1991 *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*. Cambridge
- Whittaker, C. R. 1978 'Carthaginian Imperialism in the Fifth and Fourth Centuries', in P. D. A. Garnsey & C. R. Whittaker (eds.) 1978 *Imperialism in the Ancient World*. Cambridge. 59–90
- Wiedemann, T. 1993. 'Sallust's Jugurtha: Concord, Discord, and the Digressions', *G&R*, 40, 1: 48–57
- Wightman, E. 1980 'The Plan of Roman Carthage: Practicalities and Politics', in J. Pedley (ed.) 1980 *New Light on Ancient Carthage*. Ann Arbor. 29–46
- Wigodsky, M. 1972 *Vergil and Early Latin Poetry*. Wiesbaden
- Winter, I. 1979 'North Syria as a Bronzeworking Centre in the First Millenium BC: Luxury Commodities at Home and Abroad', in J. Curtis (ed.) 1979 *Bronzeworking Centres of Western Asia, c. 1000–539 B.C.* London. 193–226
- 1995 'Homer's Phoenicians: History, Ethnography, or Literary Trope? [A Perspective on Early Orientalism]', in J. B. Carter & S.

- P. Morris (eds.) 1995 *The Ages of Homer: A Tribute to Emily Townsend Vermeule*. Austin. 247–72
- Woodman, A., & West, D. (eds.) 1984 *Poetry and Politics in the Age of Augustus*. Cambridge
- Wouterghem van, F. 1992. 'Il culto di Ercole tra i popoli osco-sabellici', in C. Bonnet & C. Jourdain-Annequin (eds.) 1992 *Héraclès: d'une rive à l'autre de la Méditerranée: bilan et perspectives: actes de la Table Ronde de Rome, Academia Belgica – Ecole française de Rome, 15–16 septembre 1989*. Brussels. 319–51
- Yon, M. 1986 'Cultes phéniciens à Chypre: l'interprétation chypriote', in Bonnet, Lipiński & Marchetti (eds.) 1986, 127–52
- 1992 'Le royaume de Kition', in Hackens & Moucharte (eds.) 1992, 243–60
- Zambon, E. 2006 'From Agathocles to Hieron II: The Birth and Development of Basileia in Hellenistic Sicily', in Lewis (ed.) 2006, 77–94
- Zanker, P. 1988 *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor
- Zecchini, G. 2003 'Annibale prima e dopo il Trasimeno. Alcune osservazioni', *RSA*, 33: 91–8
- Zimmerman Munn, M. L. 2003 'Corinthian Trade with the Punic West in the Classical Period', in C. Williams & N. Bookidis (eds.) 2003 *Corinth: The Centenary, 1896–1996*. Princeton. 195–217

Аббревиатуры

- AJP* — *American Journal of Philology* — Американский журнал филологии.
- ANRW* — *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* — Взлет и падение римского мира.
- AWE* — *Ancient West and East* — Древний Запад и Восток.
- BaBesch* — *Bulletin antieke Beschaving* — Ежегодник классической археологии.
- BASOR* — *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* — Бюллетень американской школы восточных исследований.

Библиография

CP — *Classical Philology* — Классическая филология.

CQ — *Classical Quarterly* — Классический ежеквартальный журнал.

G&R — *Greece and Rome* — Греция и Рим.

JHS — *Journal of Hellenic Studies* — Журнал эллинистических исследований.

JRS — *Journal of Roman Studies* — Журнал римских исследований.

MAAR — *Memoirs of the American Academy in Rome* — Записки Американской академии в Риме.

MDAI (R) — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Römische Abteilung* — Известия римского отделения Германского института археологии.

OJA — *Oxford Journal of Archaeology* — Оксфордский журнал археологии.

RSA — *Rivista storica dell'antichità* — Журнал античной истории.

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Научно-популярное издание

16+

**Майлз Ричард
Карфаген должен быть разрушен**

Ответственный редактор Н.И. Никитенко
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 23.04.14. Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 36. Тираж 2 000 экз. Заказ 3193

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция «NEOCLASSIC»
представляет новую серию —
«ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА».**

Лучшие книги XX века в удобном формате!

В серии вышли:

- Э. Бёрджесс «Заводной апельсин»*
Э.М. Ремарк «Три товарища»
О. Хаксли «О дивный новый мир»
У. Голдинг «Повелитель мух»
Дж. Оруэлл «1984»
К. Маккалоу «Поющие в терновнике»
Г. Гессе «Игра в бисер»
Г.Г. Маркес «Полковнику никто не пишет»
Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!»
Ж.П. Сартр «Тошнота»
А. Камю «Чума»
С. Моэм «Театр»
Г. Уэллс «Война миров»
Дж. Оруэлл «Скотный двор. Эссе»
Х. Кортасар «Игра в классики»
К. Воннегут «Бойня №5»
Э.М. Ремарк «Жизнь взаимы»
Э. Хемингуэй «Старик и море.
Зеленые холмы Африки»
И. Шоу «Ночной портье»
Г.Г. Маркес «Осень патриарха»
Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»
Борхес Хорхе Луис «Алеф»
Артур Хейли «ОТЕЛЬ»
Эрих Мария Ремарк «Триумфальная арка»
Эрнест Хемингуэй «Фиеста»
Дж.Р.Р. Толкин «Хоббит»
Сидни Шелдон «Если наступит завтра»
Г.Г. Маркес «Хроника объявленной смерти»

КАРЛОС РУИС САФОН

**самый популярный испаноязычный
автор последних лет**

ЦИКЛ «КЛАДБИЩЕ ЗАБЫТЫХ КНИГ»

Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением. Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

ИГРА АНГЕЛА

В «Игре ангела» спрятано несколько игр, в том числе и игра с читателем, ведь читая ее, он не заметит, как сам станет автором и персонажем. Берегитесь — вы ступили на зыбкую почву... и не жалуйтесь, будто вас не предупредили. До встречи — по ту сторону бытия...

Карлос Руис Сафон

ТЕНЬ ВЕТРА

Живая, стремительная, восхитительная проза — настоящее культурное пиршество!

«Publishers Weekly»

УЗНИК НЕБА

В этой истории есть все: доброта и жестокость, жертвенность и холодный цинизм, любовь и ненависть, фантазия и реальность, но главное — в ней есть душа.

«New York Journal of Books»

Карфаген...

Наследник цивилизации финикийских мореплавателей,
основавших множество колоний.

Богатейший город на западном средиземноморском
побережье Африки, обладающий могучим флотом
и боеспособной армией.

Торговая держава, господствовавшая в регионе задолго
до прихода римлян.

И все же «Карфаген должен быть разрушен»!
Почему не покорен, не завоеван, а именно стерт с лица
земли?

По каким причинам существование Карфагена сделалось
столь невыносимым для его главного конкурента — молодой
Римской республики?

На эти и другие вопросы отвечает в своей увлекательной
книге историк и археолог Ричард Майлз.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-084413-5

9 785170 844135